

А. А. КАСАТОВ

СЕЙЗИНА

ПРАВО, ВЛАСТЬ И ОБЩЕСТВО
В АНГЛО-НОРМАНДСКОМ
КОРОЛЕВСТВЕ XI—XIII ВЕКОВ

Санкт-Петербург
«Наука»
2019

УДК 94(100)“653”
ББК 63.3(0)4
К28

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ ИНСТИТУТ ИСТОРИИ

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ СЕРИИ
«БИБЛИОТЕКА ВСЕМИРНОЙ ИСТОРИИ»

*А. И. Алексеев, Д. Д. Беляев, Д. М. Бондаренко, П. О. Ермаченко,
А. А. Исэров, А. Ю. Карачинский (ученый секретарь),
Н. Н. Крадин, Т. В. Куц, А. А. Немировский, П. С. Стефанович,
П. Ю. Уваров (председатель), А. К. Шагинян,
В. В. Шинкин (заместитель председателя)*

Рецензенты:

доктор исторических наук *М. В. Винокурова*
кандидат исторических наук *Н. Б. Срединская*
кандидат исторических наук *О. В. Ауров*

Касатов А. А. Сейзина: право, власть и общество в англо-нормандском королевстве X—XIII веков. — СПб.: Наука, 2019. — 463 с.

ISBN 978-5-02-040533-2

1066 г. стал новой вехой в истории Британских островов. Закончился длившийся более полутысячи лет англосаксонский период. На английском престоле в ходе Нормандского завоевания утвердилась новая династия, имевшая французские корни. Ее родоначальником стал герцог Нормандии Вильгельм Завоеватель. Поменялось почти все: персональный состав знати, язык, архитектура, быт, но крайней мере, в среде все той же аристократии, известные изменения затронули военную сферу и, разумеется, сферу права. В том числе завоеватели принесли новые способы утверждения имущественных прав. Центральным институтом имущественного права, как и фокусом настоящего исследования стала т. н. сейзина — символическая процедура передачи владельческих прав, обладание имуществом в силу таковой процедуры, противозаконное удержание чужого имущества. Автор монографии, А. А. Касатов (Санкт-Петербургский институт истории РАН), предложил его многомерную картину, показав, как сейзина была включена в контекст социальной и политической истории Англии XI—XIII веков.

Издание осуществлено при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований по проекту № 19-19-00037, не подлежит продаже.

© Касатов А. А., 2019
© Издательство «Наука», серия «Библиотека всемирной истории» (разработка, оформление), 2016 (год основания), 2019
© Палей П., оформление, 2019

ISBN 978-5-02-040533-2

ПРЕДИСЛОВИЕ

Как выразился немецкий философ Г. Лихтенберг, «введение для того, кто читает, предисловие для того, кто перелистывает». Позволим читателю самому решать, стоит ли «Введение» к этой книге потраченного времени на его прочтение. Автор считал нужным предварить «Введение», как и саму работу, посвященную правовым и связанными с ними социальным и политическим вопросам, предисловием, чтобы лучше представить контекст эпохи — XI—XIII вв., — когда, по преимуществу, и происходят описанные в настоящей книге события.

6 июня 1944 г. был открыт второй фронт, начавшийся с высадки в Нормандии союзников. Операция, получившая кодовое название «Оверлорд», однако, не была первым опытом подобного рода. Почти за тысячу лет до нее, но только из Нормандии в Британию, состоялась другая экспедиция, ставшая частью до толе невиданного предприятия, вошедшего в историю как Нормандское завоевание (The Norman conquest). Вокруг этой полной драматизма истории вращается если не вся, то известная доля настоящего исследования. Нормандии предстояло сыграть совершенно исключительную роль в истории не только Франции, но и находящейся через Ла-Манш (Английский канал) Англии. По сути, то, что теперь известно всем как Великобритания, — продукт исключительного по своей непредсказуемости стечения обстоятельств, но и политической воли тех, кто у истоков этой самой Великобритании стоял.

Нормандия, как, наверное, известно, получила свое название как раз от норманнов — суровых северных путешественников, воинов, купцов, искавших не только добычи, но и земли. В 911 г. между королем западных франков Карлом III Простоватым из династии Каролингов и предводителем норманнов

Роллоном в 911 г. (Рольф Пешеход, по этнической принадлежности, вероятно, норвежец) в местечке Сен-Клэр-сюр-Эпт был заключен договор. Территория по нижнему течению Сены оставлялась норманнам, а сами они, без сомнения, сформировали местную элиту. Несмотря на крещение, сам Роллон и многие норманны оставались язычниками по духу, а сочетание христианской и языческой традиции браков было делом, в общем-то, привычным. Возможно, именно поэтому отец будущего покорителя туманного Альбиона Роберт II Великолепный (он же Дьявол) добился признания своего незаконнорожденного сына Вильгельма (вошедшего в историю как Завоеватель, но изначально носившего прозвище Бастард) своим преемником. Увы, отцу не было суждено вернуться из Палестины. Он умер в Никее.

Правление Вильгельма тоже нельзя назвать безоблачным. По сути, будущий покоритель Британии с детства находился в сети интриг, мятежей и заговоров, что чем-то напоминает детство Ивана Грозного. Впрочем, Вильгельм оставил после себя если не процветающее, то, по крайней мере, упорядоченное королевство. Трудное детство сильно повлияло на его характер. По сообщению хронистов, например Вильгельма из Пуатье или Вильгельма Жюмьежского, ярых апологетов Вильгельма, он не умел читать (документы от его имени содержат лишь начертания креста да печати), был человеком подозрительным и скрытным, ему претили раздоры, также он отличался деспотичностью в любой области жизни. Незаконнорожденность и связанные с ней насмешки привели к тому, что Вильгельм ненавидел сексуальную распущенность.

28 сентября 1066 г. Вильгельм, державший флаг, освященный самим римским папой Александром II, на корабле «Мора», высадился в бухте Певенси в графстве Сассекс. Судя по легенде, Вильгельму то ли кем-то из приближенных, то ли неким монахом была предсказана победа, после чего предсказатель утонул. Герцог иронично заметил, что себе-то свое будущее он предсказать и не смог. Сам же Вильгельм, спускаясь с трапа, оступился и упал. Нормандцы растерялись. «Чему вы удивляетесь? — сказал герцог. — Я обнял эту землю моими руками и клянусь Божьим величием, что она будет наша!» Легендар-

ность, а точнее некий общий, возможно, античный источник (история Брута) этого сюжета видна при сравнении с историей Харальда Норвежского (Хардрады), который в аналогичной ситуации произнес «король обнимает землю, которой вскоре будет владеть». Вот только, если Харальд сложил свою последнюю вису и голову в битве у Стемфорд Бриджа (25 сентября 1066 г.), завершив «эпоху викингов» в истории Европы, Вильгельм был куда как более успешен.

Правда, впереди будущего короля ждала нелегкая прогулка, хотя поначалу англосаксонская знать, в т. ч. церковная (например, архиепископ Кентерберийский Стиганд, чья легитимность вызывала вопросы), признала его королем, а Лондон открыл ворота. Но идиллии не получилось. В 1069—1070 гг. на Севере, в т. ч. в области т. н. «Датского права» (территория, заселенная с IX в. потомками скандинавских поселенцев-викингов) вспыхнуло мощное, но разрозненное, восстание англосаксов. Его следствием стал не только геноцид коренного населения восставших территорий, впрочем, это слово, разумеется, еще не знали, но и кардинальная смена всей социальной оснастки англосаксонского общества. Отныне и впредь оно было инкорпорировано в лоно латинской и, как следствие, римско-католической Европы. Но, и это стоит подчеркнуть, Англия являла *urbī et orbī* синтез скандинавских и континентальных традиций. В этом факте, без сомнения, коренится специфика всего последующего развития страны.

Имел ли Вильгельм права на английский престол? Наряду с ковром (иногда некорректно называемым гобеленом) из Байё, отразившим предшествующие высадке и последующие события, это еще один растиражированный, но вместе с тем и мифологизированный сюжет английской истории. Дело тут, как обычно водится, в дошедших источниках. Они же, по большей части, имеют пронормандскую направленность, так что на объективность здесь рассчитывать не приходится. Знаменитая история о клятве последнего короля англосаксов Гарольда Годвинсона (справедливости ради его тоже следовало бы именовать Харальдом, и только традиции XIX в. можно приписать такую двойственность), кстати, изображенная все на том же ковре из Байё, скорее всего, выдумка.

Неизвестно достоверно, завещал ли последний король из династии Альфреда Великого, Эдуард, прозванный, Исповедником, трон Вильгельму. Так себе дела представляют оба упомянутых выше Вильгельма. С точки зрения же родственных связей Вильгельм имел определенные основания претендовать на престол. Надо учесть и то обстоятельство, что в первой половине XI в. то и дело находились претенденты на трон, как среди иноземцев, так и своей местной элиты. С 1016 г. в Англии утверждается скандинавская династия Кнута Великого, в 1050-е гг., пусть и без явных популзновений к узурпации власти, вспыхивает мятеж эрла Уэссекса Годвине и его сыновей против действующего монарха. Знать была недовольна засильем нормандцев при дворе и в церкви. Можно сказать, что желающих (как имевших хотя бы призрачные права на престол, так и нет) сесть в кресло потомков Кердика, основателя Уэссекского дома, было достаточно. Все решила, как выразился Й. Уолкер, «случайная стрела». 14 октября в битве при Гастингсе стрела была не в пользу Гарольда. Битва стала одной из самых кровавых на территории Англии, а судьба страны была решена лишь глубоко ночью. Отныне на престоле утвердилась т. н. «нормандская» династия.

Ей предстояло править менее ста лет, когда внук Генриха I, младшего сына Вильгельма Завоевателя, тоже Генрих, в 1154 г. занял английский престол. Его отец Жоффруа V, граф Анжу, носил в гербе цветок желтого дрока, что, собственно, и дало название новой династии — Плантагенеты. Более того, эта династия стала одной из могущественнейших в Европе, сконцентрировав в своих руках колоссальные владения и ресурсы (Анжу, Аквитания, Пуату, Нормандия и, наконец, Англия).

В настоящей книге нет одного героя, она не о королях или династиях. Для этого времени именно о них, пожалуй, нам известно лучше всего. Более или менее мы еще осведомлены о знати: принцы крови, герцоги, графы — но куда как меньше нам известно о людях более простого звания. От них нередко дошли лишь имена да прозвища, которые еще как-то позволяют их идентифицировать среди многих других, таких же представителей «безмолвствующего большинства». Впрочем, в этом отношении Англия может считаться некоторым исклю-

чением. И опять же причиной такого положения дел является неугомонная фигура Вильгельма. Именно по его приказу была составлена знаменитая всеобщая перепись Англии — явление небывалое для того времени, вошедшая в историю как «Книга Страшного суда». В ней не только зафиксированы тысячи людей, включая и весьма невысокого статуса (впрочем, и от них не дошли даже имена), но и собрана детальная информация об их имуществе, его ценности, сведения о подчиненных им людях и т. д. «Книга Страшного суда», с судьбой которой, пусть и в общих чертах, читатель познакомится во «Введении», является до сих пор одним из главных и наиболее подробных свидетельств жизни англо-нормандского общества второй половины XI в.

В 1106 г. судьба династии Вильгельма находилась на перепутье. С одной стороны, свои претензии на престол предъявлял старший сын Вильгельма — герцог Нормандии Роберт Короткие Штаны (Куртгёз, прозванный за свой небольшой рост). С другой — его младший брат Генрих Боклер (или Боклерк), т. е. «добрый писарь», получивший свое прозвище за редкую для того времени и для покорителей Англии, в частности, образованность. Какова была бы судьба Англии в случае победы Роберта, сказать сложно. Почти наверняка, англо-нормандский альянс продолжил бы свое существование. Более того, поначалу Генрих I даже не пользовался серьезной поддержкой английской (а по сути остававшейся нормандской) знати. Но именно благодаря такому сложному стечению обстоятельств, которые вынудили Генриха I идти на уступки и договариваться с разными социальными слоями, в Англии начинается качественно новый период ее истории. Если Генриха I не без веских оснований называли «львом правосудия», то не менее справедливо было бы назвать его основоположником британской конституционной монархии.

Период правления Генриха I является одним из наиболее продолжительных и стабильных в истории Англии (почти тридцать лет), так что, если верить хронисту, по стране можно было проехать с мешком золота, ничего не опасаясь. Но, увы, его единственный законнорожденный сын Вильгельм к несчастью для будущего монархии утонул в 1120 г. во время зна-

менитого кораблекрушения «Белого корабля» (Blanche-Nef). Не оставив законных потомков мужского пола, Генрих I обрек страну на гражданскую войну между дочерью Матильдой и своим племянником графом Стефаном Блуаским. В стране воцарилась анархия почти на долгие двадцать лет (1135—1154).

Прекратить ее и занять ничуть не менее видное место в истории Британских островов, чем его дед, выпало на долю Генриха II. Именно с него берет начало оригинальная система права, получившая название «общего» (т. н. англосаксонская правовая семья, куда кроме Великобритании входят США, Канада и ряд других бывших колоний Великобритании). Оно было общим не только для всей страны, о чем заботились регулярные судебные комиссии, совершавшие четыре раза в год объезды по всей стране, но и для всех свободных. Иными словами, перед лицом королевских судов любое лицо, не являвшееся лично зависимым, пользовалось одинаковыми правами и привилегиями, одинаковой процедурой судопроизводства, включая и знаменитый суд присяжных. Другое дело, что все судопроизводство было платным, поэтому степень справедливости зачастую измерялась толщиной кошелька истца.

С Генриха II берет начало разделение судов (первоначально кочевавших с королем по стране, практика, на отмену которой будут настаивать бароны в 1215 г.) на Суд королевской скамьи (по делам уголовным или особо важным) ок. 1178 г. и на Суд общих тяжб (по гражданским делам между подданными в конце XII в.). Существовало еще казначейство и суд Палаты шахматной доски. Впрочем, все суды, так или иначе, выросли, по сути, из собрания *Curia Regis*, т. е. собрания светских и духовных магнатов вкупе со служащими при особе монарха. С начала XIII в. утверждается практика их местоположения в Вестминстере. При Генрихе II формируется система приказов, т. н. *breves* (то есть «краткий», письменные предписания с требованием рассмотреть дело в суде), составляющая одну из характерных и оригинальных черт английского общего права. При нем же создается первый обобщающий свод раннего английского общего права, известный как «Глэнвилла» (ок. 1187—1189). Стоит сказать, что тот же Генрих II в чем-то стоял у истоков будущего соединенного королевства Великобритании и Се-

верной Ирландии, начав систематическое покорение Ирландии (1170-е гг.).

В отечественной историографии ни фигуре Генриха I, ни фигуре Генриха II особого внимания не уделяли, впрочем, как и многим другим английским королям высокого Средневековья. После короткого правления Ричарда Львиное сердце, который в Англии и не появлялся, а свою громкую славу приобрел как участник Третьего крестового похода, на троне оказался его брат Иоанн Безземельный. Ему, наверное, в оценке и современников, и историков не очень повезло, хотя в последнее время итоги правления и сама фигура короля подверглись ревизии. Но факт остается фактом: утрата Нормандии в 1204 г. и издание одного из основополагающих конституционных документов Великобритании — Великая хартия вольностей (*Magna Carta Libertatum*) в долине реки Раннимед в 1215 г. стали, наверное, основными вехами правления этого короля. Несмотря на последние многочисленные издания Хартии и крайне противоречивую трактовку этого документа, его традиционно считают источником британских свобод. И чем дальше шел исторический процесс, тем более Хартия воспринималась как грамота свобод для всего английского народа.

Поскольку настоящее исследование посвящено в немалой мере правовым вопросам, то XIII в. можно считать в чем-то итоговым для развития английского общего права. В 1260-е гг. появился первый, если не считать более раннюю «Глэнвиллу», всеобъемлющий его компендиум — трактат, приписываемый судье Суда королевской скамьи Генри де Брактону (Брэттону). Это вовсе не значит, что развитие общего права прекратилось, но фундаментальные основы были заложены уже тогда. Дальше шло их углубление под действием уже статутного права. В 1265 г. в ходе очередной гражданской войны в Англии впервые был создан тот парламент, который, меняясь, дожил до наших дней.

Как некогда его предок умиротворил страну после гражданской войны середины XII в., так и теперь в той же роли выступил сын Генриха III (1216—1272) и внук короля Иоанна Эдуард I. Его эпоха венчает и XIII в., и настоящее исследование. С его именем связано окончательное утверждение в Уэльсе и

весьма успешные действия против Шотландии. Его же современники называли «английский Юстиниан» за активную законодательную деятельность. В 1297 г., когда Эдуард I подтвердил Хартию по итогам короткого политического конфликта, парламент окончательно утвердил за собой право вотиловать налоги.

Династия Плантагенетов вступала в XIV в. уверенно, но именно в нем, поначалу неудачном в правление Эдуарда II (1307—1327), а потом после череды громких побед в самом длительном конфликте Средневековья — Столетней войне — она сошла со сцены, когда после свержения Ричарда II в 1399 г. на английском престоле утвердилась пусть и родственная, но новая династия Ланкастеров.

* * *

В заключении автор, как того требует долг и традиция, не может не вспомнить с благодарностью своих учителей и коллег, без постоянной помощи и поддержки которых он не состоялся бы как исследователь, а настоящая книга не была бы представлена на суд читателей. Выражаю искреннюю признательность преподавателям кафедры истории средних веков исторического факультета СПбГУ и особенно Людмиле Петровне Сергеевой, которая на протяжении всех лет учебы поддерживала мой интерес именно к этому периоду английской истории. Настоящая книга, как бывает нередко, представляет собой развитие идей, изложенных в кандидатской диссертации. Без постоянного и терпеливого наставничества в качестве моего научного руководителя в аспирантуре, сотрудника СПбИИ РАН, Владимира Ивановича Мажуги вряд ли появился бы тот фундамент, на котором построено здание всей книги. Более того, В. И. Мажуга не оставлял меня своим вниманием и при работе над собственным монографией. Автор многим обязан сотрудникам Отдела всеобщей истории СПбИИ РАН. Их неподдельный интерес к зачастую трудным для восприятия текстам, их внимание и дружеские советы, без сомнения, значительно улучшили работу. Выражаю глубокую признательность моим рецензентам:

М. В. Винокуровой, Н. Б. Срединской и О. В. Аурову, — которые взяли на себя труд прочитать уже завершённую работу, что потребовало от них, несомненно, большой самоотдачи. Их ценные замечания и поддержка, безусловно, способствовали приведению работы в её современный вид. Не называя никого поименно, как известно, *sapienti sat*, выражаю глубокую признательность моим однокурсникам и друзьям-историкам, общение с которыми наряду с поддержкой старших коллег по цеху стимулировало меня продолжить работу и довести её до логического завершения — монографии. С теплотой вспоминаю участие, проявленное сотрудниками Института истории европейского права общества Макса Планка, в котором мне довелось стажироваться в 2005—2006 гг. Их дружеские советы, несомненно, внесли свой вклад в настоящее исследование. В заключении хочу поблагодарить коллектив издательства «Наука» и отдельно И. Е. Петросян, участием и профессионализмом которых «собрания пестрых глав» превратились в настоящую книгу. Все недочёты и огрехи, которые читатель найдет в ней, остаются, разумеется, на совести автора.

ВВЕДЕНИЕ

28 сентября 1066 г. герцог Нормандии Вильгельм и предводительствуемое им войско, собранное из разных уголков лоскутного королевства Капетингов, высадилось в Певенси (граф. Сассекс).¹ Итог этой беспрецедентной морской операции хорошо известен. Вильгельм, вошедший в историю как Завоеватель, одержал победу в день св. папы Каликста (14 октября) и 25 декабря 1066 г. был помазан и коронован в Вестминстерском аббатстве архиепископом Эдредом Йоркским (?—1069). Как гласит традиция, король поклялся на Священном Писании соблюдать англосаксонские законы и править достойно, подобно тому, как правил его предшественник и дальний родственник Эдуард Исповедник (1042—1066).²

Но оказалась ли возможной идилия? Если верить современнику, Вильгельму (Гийому)³ из Пуатье (1020—1090), неприятности не заставили себя ждать уже во время коронации.⁴ Нормандцы, находившиеся вне стен Вестминстера, восприняли возгласы одобрения (т. н. аккламации) в честь Вильгельма от имени собравшихся в соборе как знаки мятежа и подожгли город.⁵ Правда, написавший об этом хронист был весьма пристрастен, а сомнения в достоверности им изложенного события еще более возрастают при сравнении с другими близкими к ним источниками, этот факт не отразившими.⁶ Хронист XII в. Ордерик Виталий (1075—ок. 1142) донес до нас рассказ о событиях коронации 25 декабря 1066 г., но известно, что он пользовался трудом все того же Вильгельма из Пуатье. Последний описывает произошедшее следующим образом: *qui in armis et equis dispositi fuerunt ... ignotae (sc. linguae. — A. K.) nimio strepitu accepto, prope civitati imprudentia flammam iniecerunt*: Ордерик:

armati milites, qui extrinsecus erant pro suorum tuitione ... et ignotae linguae strepitum audierunt ... flammam aedibus imprudenter injecerunt. Несмотря на разночтения, пассажи обоих трудов стилистически близки.⁷

Несколько позже, в 1069—1071 гг., вспыхнуло повсеместное, хотя и разрозненное сопротивление завоевателям, кульминационным пунктом которого стало так называемое Северное восстание и последовавшее за ним печально известное «опустошение Севера» (Harrying of the North, зима—весна 1070 г.), так что еще много лет спустя территория к северу от р. Хамбер представляла собой пустыню и во всеобщей переписи Англии (т. н. «Книга Страшного суда»,⁸ *англ.* Domesday Book, далее DB) эти земли значатся как «пустошь» (*vasta, waste*). Еще через пять лет Вильгельм столкнулся с проблемой, которая станет известного рода дамокловым мечом всех последующих монархов. Речь идет о мятеже новой смешанной англо-нормандской аристократии 1075 г. (в нем участвовал последний крупный представитель англосаксонской знати эрл Нортумбрии Вальтеоф (до 1050—1076), поплатившийся за это головой). В 1080 г. англосаксы восстали вновь в Дареме, но «Север был обескровлен после резни 1069 г. и не мог подняться еще раз».⁹ Участь королевства Альфреда Великого (849—899/900) из рода Кердика и его потомков была решена — на английском престоле утвердилась иноземная (нормандская) династия. Однако процесс взаимной ассимиляции англосаксов и нормандцев растянулся по меньшей мере еще на столетие.¹⁰

В течение каких-то двадцати лет, прошедших со времени битвы при Гастингсе¹¹ до составления «Книги Страшного суда» и смерти Вильгельма, за многочисленной чередой походов, битв, мятежей, казней и политических интриг подспудно шел процесс интеграции Англии, до того находившейся в зоне скандинавского влияния, в лоно континентальной латинской Европы.¹² Утверждение иноязычной политической элиты шло параллельно с процессом уничтожения или вытеснения на второстепенные, а то и третьестепенные роли представителей англосаксонской аристократии (эрлы) и военно-служилой знати (тэны).¹³ Одним из главных последствий завоевания стало понижение правового статуса основной массы англосаксонских

крестьян, в переписи названных вилланами или бордариями, который был разнообразен до завоевания, хотя повседневная жизнь рядовых англосаксов вряд ли сильно изменилась с приходом нормандцев.¹⁴ Неудивительно, что завоевание сопровождалось невиданным дотоле переходом земельных владений и иного имущества в руки новой знати, приведя к существенной переписи всего англосаксонского общества.

В нашу задачу не входит рассматривать все аспекты завоевания и уж тем более углубляться в историографию вопроса.¹⁵ В реферативном обзоре З. Ю. Метлицкой кратко, но емко показано состояние дел в его изучении. Мы позволим себе отослать читателя к этому обзору, но добавим к нему несколько штрихов.

Среди основных вопросов, которые волнуют историка, занимающегося историей нормандского периода, определяющими являлись и являются три: традиционная политическая и военная история как ключ к пониманию причин «катастрофы» 1066 г.; проблема преемственности и разрыва (проблема континуитета/дисконтинуитета),¹⁶ где ключевым остается вопрос о «введении» феодализма в Англии и, наконец, иногда выходящая за рамки научной этики полемика, как бы сказал отечественный историк, «норманистов» и «антинорманистов», т. е. полемика о роли нормандского фактора для последующей истории Англии в целом. В последнем случае решение вопроса не предвидится, несмотря на столетия, отделяющие нас от тех событий. Что же касается двух первых, то здесь история изучения и осмысления нормандского завоевания охватывает собой несколько столетий и прошла несколько этапов.

Если оставить в стороне средневековую традицию и политические дебаты периода гражданской войны (революции) середины XVII в. в Англии, к наиболее значимым вехам в истории изучения этого события можно отнести вигскую доктрину XVIII—XIX вв. Ее представителями в политической истории стал Э. Фримен, а в социальной — Ф. Сибом, которые пытались доказать, что современное устройство Великобритании есть не что иное, как следствие процесса постепенного возвращения и восстановления исконных свобод англосаксов, погрязших нормандцами (идея «нормандского ига»), вплоть до

Славной революции 1688 г.¹⁷ При этом Э. Фримен мыслил явно категориями своего времени, когда пытался представить саму борьбу как борьбу национального «английского» начала с национальным же «норманнским». На неправомерность употребления слова «национальный» для того времени ему было тотчас же указано. В настоящий момент историки отказываются от априорных схем и все более склоняются к анализу конкретных событий и явлений того времени, приходя к выводу, что общества по обе стороны Ла-Манша были, в общем-то, весьма схожи, так что Вильгельм переиграл Гарольда во многом случайно.¹⁸

На рубеже XIX—XX вв. в английской историографии возобладавало критическое направление. Одним из главных вопросов, поставленных в его рамках, стала проблема английского феодализма и в целом проблема преемственности/разрыва между англо-нормандским и ушедшим англосаксонским обществом. Впервые сформулированная, по сути, Дж. Раундом более ста лет назад, она остается дискуссионной и по сей день.¹⁹ Именно Дж. Раунд первым попытался обосновать исключительную «импортированность» феодализма в Англии, введение единой образной системы феодалов и установления системы служб — в первую очередь, разумеется, военных.

В западной и отечественной (школа аграрников) историографии было много сделано для изучения процесса формирования нового англо-нормандского общества. Причем даже исследователи, работавшие в рамках одной парадигмы, придерживались разных точек зрения. Так, по мнению М. А. Барга, норманцам приходилось лишь удивляться несоответствию выражения общественных отношений, вполне феодальных, в нормах права, которые соответствовали эпохе «доклассовой государственности». Нечто подобное мы находим и в работах А. Я. Гуревича. Напротив, М. Н. Соколова и современный исследователь А. Г. Глебов скорее склоняются к мысли о многоукладности англосаксонского общества, только шедшего по пути феодализации.²⁰ Выдающийся английский исследователь сэра Ф. Стентон был последователем Дж. Раунда, говоря о радикальных изменениях и рождении «манориального» общества. Особое место в этой связи заняла и дискуссия о верховенстве ко-

роны в деле формирования нового владельческого ландшафта, о чем мы скажем в своем месте и чему, в известной мере, будет посвящено настоящее исследование.

Важное место в историографии нормандского завоевания занимает проблема степени политической стабильности нового образования. Существование Британской империи заставляло и на англо-нормандское общество переносить имперское видение прошлого. Не случайно две работы, которые, впрочем, разделяет более полувека, были названы: первая — «Анжуйская империя», вторая — «Нормандская империя», хотя сама Британская империя к тому времени уже перестала существовать. Дж. Ле Патурель неоднократно подчеркивал единство двух частей нового образования, эффективность управления ими.²¹ И много позже появлялись работы, также рассматривавшие державу Плантагенетов как империю.²² Впрочем, У. Уоррен считает, что был рожден миф об англо-нормандской эффективности.²³

Можно смело утверждать, что новая власть заимствовала или даже усилила элементы политической культуры предшествующих правителей: судебные собрания сотен и графств, систему королевских приказов-*breve*, поземельный налог, т. н. «датские деньги», взимавшийся на постоянной основе вплоть до 1162 г., систему *фирда*, т. е., условно говоря, ополчения, где в основе принципов военной службы лежали англосаксонские же традиции. Немаловажен был факт, пусть и постулируемой, преемственности в сохранении англосаксонских законов, равно как появление частных компиляций, включавших в себя и старые англосаксонские установления. Произвол (а он, несомненно, имел место) королевской власти перемежался ее нестабильностью, порождая стремление разных общественных сил (включая и самих королей-реформаторов в лице Генриха I (1100—1135), Генриха II (1154—1189) или Эдуарда I (1272—1307) движимых разными, впрочем, интересами, придать этой власти более «цивилизованные» формы. И не этой ли смене циклов обязана Англия ранними формами парламентаризма?

Что касается термина «феодализм», то исследователи и здесь хотят отойти от сложившихся схем. Именно поэтому, как совершенно справедливо заметил Дж. Бредбери, вместо стремления использовать термин «феодализм» для описания новых

реалий, надо бы задаться другим вопросом: как изменилось само общество после завоевания?²⁴ Соглашаясь с Дж. Бредбери, нам показалось оправданным, раз уж в документах нередко можно встретить слова «феод», «оммаж» и прочие атрибуты, традиционно ассоциирующиеся с феодализмом, не отказываться от самого понятия «феодальный», а следовать за более ограниченной, но потому менее размытой и определенной традицией англо-американской, равно как и французской историографии, разделив понятия «феодальный» и «сеньориальный». В последнем случае речь идет о военной элите, присваивающей определенную долю прибавочного продукта непосредственных производителей и им противостоящей.²⁵ Напротив, «феодальный» есть лишь то, что определяет отношения в рамках господствующего класса (класса-сословия по определению В. П. Илюшечкина), обусловленные службой за пожалование.²⁶

Нашими предшественниками было много сделано для уяснения соотношения крупного и мелкого землевладения, форм рентных отношений, роста товарности английского поместья, правового статуса зависимых категорий населения и процесса их освобождения (коммутация вилланских повинностей).²⁷ Интерес же к политической истории неизбежно приводил к анализу состава господствующего класса, его веса в обществе, правового статуса, отношений с королевской властью. Факты нормандского завоевания описаны чуть ли не поминутно, основные источники, как нарративные, так и документальные об этих и последующих событиях давно уже введены в оборот.²⁸ С конца 70-х гг. прошлого столетия регулярно проводятся конференции историков — специалистов по англо-нормандскому периоду (The Battle Conference on Anglo-Norman Studies), по итогам которых ежегодно выходит сборник (The Anglo-Norman Studies).²⁹ При этом спектр тем конференций широк: от традиционной политической истории до истории архитектуры и быта. Этот факт сам по себе свидетельствует о стабильном интересе к англо-нормандскому периоду английской истории. Стоит отметить также, что, вопреки поистине революционной роли, которую сыграли в истории Англии XI—XIII вв., нельзя сказать, что в отечественной историографии им уделяется то внимание, которого они заслуживают, хотя ситуация мало-помалу

выправляется.³⁰ В свете сказанного мы смеем надеяться, что настоящее исследование будет небесполезным для отечественного читателя.

Природа имущественных отношений в рассматриваемый период, формы, в которых они отливались в праве и сознании людей той эпохи, пути их изменений, их обусловленность процессами, происходящими в обществе, уже давно стали предметом исследований. Но парадокс состоит в том, что на фоне такого интереса к имущественным отношениям и глубины их проработки постоянно появляются новые исследования — в том числе и монографического характера. Здесь, если ограничиваться только англоязычной историографией, можно назвать имена сэра Дж. Холта, Дж. Хадсона, Дж. Гарнета, С. Рейнольдс. Главные направления исследований имущественных отношений в раннее Средневековье французскими историками рассматривает в своей монографии И. С. Филиппов, предлагая не только собственные конкретно исторические наблюдения, но и подход к анализу имущественных отношений в целом.³¹ В недавней монографии О. В. Аурова, далеко выходящей за хронологические и географические рамки, обозначенные в названии работы, анализ целого ряда сюжетов оказался весьма полезен и для настоящего исследования.³²

В 1994 г. Дж. Хадсон опубликовал монографию «Землевладение, право и сюзеренитет в Англо-нормандской Англии» (*Land, Law and Lordship in Anglo-Norman England*).³³ По сути, его работа посвящена становлению института, который сам Дж. Хадсон в своей специальной и явно программной статье определил как «собственность» (*property*). Более того, вынес это определение в заглавие работы.³⁴ Дж. Хадсон, и здесь он не одинок, подразумевает под «собственностью» защищенность и неприкосновенность имущества, с одной стороны, четкие правила наследования, даже вопреки воле вышестоящего сеньора, — с другой.³⁵ Иными словами, главным является юридическое прочтение института «собственность», не исключенного, однако, из системы иерархически организованного, феодального по своей природе, землевладения, в чем он следует за концепцией англо-нормандского общества как общества манориального (сэр Ф. Стентон, С. Ф. Ч. Милсом).³⁶ Вместе с тем Дж. Хадсон

уделяет особое внимание монастырскому землевладению и месту королевской власти в регулировании отношений между монастырями и их держателями. Он призывает обращать внимание на эти отношения, которые способствовали кристаллизации «собственности».³⁷

В целом, исследователи спорят не о том, что собственность есть вообще, а о том, когда эта защищенность и неприкосновенность утвердились. Если Дж. Хадсон настаивает на известной самостоятельности землевладельцев в Англии сразу после завоевания, то Дж. Гарнет, напротив, прямо говорит о том, что корона стала претендовать на верховенство над всей землей и рассматривать права всех землевладельцев как вытекающие из королевских пожалований.³⁸ Р. Палмер датирует завершение процесса первой третью XIII в.³⁹ Французский исследователь Ф. Жойон де Лонгрэ, разделяя мнение о короне как верховном собственнике в стране — собственнике в римском понимании этого слова (*dominus*), когда остальные в той или иной мере держатели, — относит начало этого процесса только к XV в.⁴⁰

Следует отметить работу С. Рейнольдс «Фьефы и вассалы: новая интерпретация средневековых источников», впечатляющую по охвату материала, стран и хронологии. Не вдаваясь в детали вызванной этим исследованием полемики, отметим: важным представляется ее наблюдение о том, что в Англии «большая часть прав принадлежала тем, кто непосредственно владел имуществом (*tenants in demesne*), даже большая, чем королю или высшестоящему сеньору». И, продолжая, исследовательница утверждает: «В Англии XII—XIII вв. феодал мало чем отличался от французского аллода того же времени. Сильная административная власть привела к тому, что все феодалы в Англии были до некоторой степени условными держаниями. Но эта же власть обеспечила и гарантию всякому свободному держанию от посягательства любого третьего лица — кроме власти в лице королевской администрации».⁴¹ Несколько раньше С. Рейнольдс призналась, что «не нашла ни одного подтверждения тому, что именно король был собственником всей земли». В XIII в., будь то знатный человек или простой свободный, никто не считал, что держит землю от

короля или что именно королевскому дару он обязан тем, чем владеет.⁴²

Если превращение феода в безусловную собственность в Англии происходит только после гражданских войн (революции) XVII в. (акты Парламента 1646 и 1656 гг. об отмене рыцарского держания, а также статут 1660 г. Карла II Стюарта (1660—1685), то уже в период «классического» феодализма субинфеодация, являющаяся главной формой распространения системы феодов вширь, «все более превращается в сделку купли-продажи ... фьеф становится собственностью безусловной ... свободной от повинностей по отношению к сеньору».⁴³

Так можно ли применять к имущественным отношениям англо-нормандской Англии такие определения как «собственность»? Действительно, в центре настоящего исследования лежат институты, которые можно, если не пользоваться словом «собственность» *stricto sensu*, под эту категорию и подвести, но было решено не выносить его в заглавие. Тем не менее раз уж западные коллеги настаивают на возможности «видеть» «собственность», категорию, наиболее богатую в познавательном смысле и наиболее мистифицированную в историографическом, — по выражению И. С. Филиппова, — в англо-нормандском обществе, было бы неверным, во-первых, обойти вопрос об институте «собственности» полностью и, во-вторых, с учетом первого, не высказать некоторых соображений о правомочности такого видения.⁴⁴

* * *

Лингвистический анализ является одним из приемов в дальнейшем исследовании, а потому стоит начать с тех слов, которые по-русски переводятся как «собственность» и которые отражают представления именно европейских народов о ней. Латинское слово «*proprietas*» (*фр.* *propriété*, *исп.* *propiedad*, *ит.* *proprietà*, *англ.* *property*) восходит к латинскому же прилагательному «*proprius*», т. е. «принадлежащий исключительно одному, свойственный только одному» — первоначально в значении «свойство» (*Eigentümlichkeit*). В свою очередь, *proprius*

восходит к *pro-p(a)trios, аналогичный греческому *προπάτορες*, в значении «имущество, доставшееся от предков, наследство» (*avitus*).⁴⁵ Слова германского происхождения: *ownership* (*староангл.* *āgen*), *Eigentum* (от *нем.* *eigen*), однокоренные в датском, норвежском и шведском, — восходят к общему корню *aigana и, в конечном итоге, реконструируемому индоевропейскому *aik- в значении «быть господином, обладать».⁴⁶ Здесь элемент господства и, как следствие, юридической принадлежности имущества лицу; лучше отражает понимание собственности как некой связи лица и имущества.⁴⁷ В славянских языках синонимом к слову «собственность» является слово «власть» (*пол.* *Własność*, *чеш.* *Majetek*, *укр.* *власність*), что, возможно, надо связывать с сохранением представлений, отраженных в языке, свойственных тому архаическому этапу в развитии общества, когда власть и имущественные права еще не были разделены. Одним словом, обращение с понятием «собственность» требует исторического подхода, от анализа конкретных явлений прошлого к их абстрактному выражению.

В обыденном сознании собственность она собственность и есть — любое право или даже вещь. Е. А. Суханов заметил, что в ходе подготовки закона «О собственности» 1989 г. «всенародное признание» получило представление о собственности как эквиваленте имущества.⁴⁸ Это представление вряд ли можно признать научным.

Длительное время «собственность» понималась как право, причем право высшее по отношению к любому другому лицу. Такое мнение можно признать все еще сильным и сегодня, раз соответствующие определения входят, в той или иной форме, в кодексы гражданского права, причем для кодексов XVIII—XIX вв. такое мнение сформировалось под влиянием опыта — как позднего Средневековья, так и эпохи Просвещения. Первым, кто попытался дать определение собственности, которое и было заимствовано последующими поколениями, стали постгlossаторы, в частности Бартоло де Сассоферрато (1314—1357): «Собственность — это право на материальные объекты, которыми можно распоряжаться совершенным образом в том, что не запрещается законом».⁴⁹ Но это определение касалось не *proprietas*, как можно было бы ожидать с учетом современной тер-

минологии, а *dominium* — термин, который в современное законодательство так и не попал.⁵⁰ Гражданский кодекс Франции 1804 г. (Кодекс Наполеона) дает следующее определение: «Собственность есть право пользоваться и распоряжаться вещами наиболее абсолютным образом, если только пользование не является таким, которое запрещено законами или регламентами».

Гражданский кодекс РФ содержит не определение «собственность», а лишь перечисление правомочий собственника: «Собственнику принадлежат права владения, пользования и распоряжения своим имуществом».⁵¹ Против такого определения были высказаны возражения на том основании, что отдельного права владения не существует.⁵² По интересному замечанию А. В. Зайкова, так называемая классическая триада (собственность есть владение, пользование и распоряжение) нашла себе место в Полном своде законов Российской империи (а потом и в Гражданском кодексе РФ), где слово «владение» как элемент «собственности» было введено для того, чтобы как-то приспособить французские реалии к русскому понятийному аппарату.⁵³ Напротив, французский законодатель, не включив владение как элемент собственности, оказался ближе к подлинной римской традиции, противопоставлявшей *proprietas* и *possessio*.⁵⁴ Отметим попутно, что даже в этих кодексах нет речи и об абсолютном господстве лица над вещью. В них ограничителем прав собственника, по сути, является само государство.⁵⁵

Если рассуждать о собственности с точки зрения марксистской парадигмы, то там собственность понималась или в общем смысле как категория политэкономии, или в более узком как свободная частная собственность, которую только «...капитализм, как наиболее развитая форма товарного производства превращает ... во всеобщую форму правовых отношений в процессе производства, распределения, потребления и обмена».⁵⁶ Свободная же частная собственность выступает в рамках этой школы как юридическое выражение экономической категории «товар». И постольку, поскольку земля, главное средство производства в докапиталистическом обществе (речь идет, разумеется, об обществах аграрных), превратилась в товар, т. е. объект свободного отчуждения, потребления, распределения и обмена,

у исследователя есть основания говорить о появлении феномена частной собственности.⁵⁷ Не удивительно, что много внимания, в первую очередь, разумеется, в отечественной историографии, в этой связи уделялось франкскому аллоду, который, как полагали, на позднем этапе эволюции превращается в товар и, как следствие, юридически становится частной собственностью, распоряжение которой свободно от воли коллектива. Однако, по мнению А. Я. Гуревича, специально уделившему внимание этому вопросу, высказываемое суждение ошибочно.⁵⁸ Применительно к южной Франции его в некоторых случаях следует признать вообще неприменимым.⁵⁹

Как показывают относительно недавние исследования, вопрос о природе собственности все еще актуален, а последний раз проблемы собственности обсуждались в отечественной научной мысли в конце 70-х гг.⁶⁰ Так, С. М. Каштанов даст развернутую характеристику той полемике, которая велась в 60—70-е гг., одновременно с тем анализируя категорию «собственность» (а заодно владение и пользование) с позиций политической экономии. По его мнению, наиболее признанным считается понимание собственности как отношения между людьми, а не отношения людей к вещам. И. С. Филиппов также указывает на два возможных прочтения («полюса прочтения», как он выразился) категории «собственность»: право на вещь (близкое многим западным исследователям и лишенное социальной определенности) или, в духе «школы» марксистской социологии, отношение между людьми по поводу вещей, т. е. «отношение, меняющееся от одного общества к другому».⁶¹ Ссылаясь на работу В. П. Шкрядова, он отмечает: «...метод (К. Маркса. — А. К.) предполагает трактовку отношений собственности ... как итоговой (а не исходной!) категории научного анализа».⁶² Следовательно, невозможно изучать отношения собственности без изучения всей совокупности общественных отношений. Этому вопросу и посвящены две главы (5 и 6) монографии И. С. Филиппова. Еще раньше А. Я. Гуревич отметил, что «отношения собственности выражают сущность производственных отношений, поэтому-то вопрос о характере собственности ... встает перед историком одним из первых».⁶³ Хотя, наверное, первым должен был бы встать вопрос о приро-

де производственных отношений. Однако А. Я. Гуревич осторожно высказывался о собственности, переводя этот вопрос, скорее, в область ментального: отношение индивида к имуществу и, шире, — богатству, успеху.⁶⁴ Единственно, против чего он занял определенную позицию — понимание собственности периода раннего Средневековья как собственности частной, как товара.⁶⁵

Хрестоматийно высказывание К. Маркса о том, что «на известной ступени своего развития материальные производительные силы общества приходят в противоречие с существующими производственными отношениями, или — что является только *юридическим выражением* последних — с отношениями собственности, внутри которых они до сих пор развивались», т. е. он рассматривает собственность именно как внешнее выражение производственных отношений, но выражение «*юридическое*».⁶⁶ Иными словами, в этом месте К. Маркс делает акцент на правовой составляющей категории «собственность». Однако такой подход внутренне противоречив.

Если рассматривать собственность как юридическое выражение всей совокупности производственных отношений данного общества, то возникает вопрос, чем же собственность отличается от владения или держания?⁶⁷ По замечанию Е. А. Суханова, институт владения есть как раз юридическое выражение экономического содержания собственности, но отличное от *права* собственности.⁶⁸ На его месте И. С. Филиппов развел бы руками, поскольку деление собственности на юридическую и экономическую составляющие противоречит любой теории, которая хоть мало-мальски претендует на логичность.⁶⁹ Нам представляется, что в построениях Е. А. Суханова есть рациональное зерно, так как владение есть юридическое выражение экономической категории «производственные отношения», коим является и право собственности (по К. Марксу).⁷⁰ И здесь задача состоит в том, чтобы определиться, различаются ли владение и собственность в силу разной формы производственных отношений, которые они призваны выразить юридически, или же эта разница скорее формально-юридическая, выработанная для удобства повседневного хозяйственного оборота. Думается, что, если оставить за скобками вопрос о праве собственни-

ка уничтожить свое имущество, провести границу между владением и собственностью в сфере гражданского оборота будет крайне сложно, на что указал все тот же И. С. Филиппов. В части же хозяйствования оба субъекта мало отличаются друг от друга. То, что делает владелец для организации производства, аналогично тому, что сделал бы на его месте и собственник. Возможные ограничения же будут как раз формально-юридическими.

Е. А. Суханов отмечает, что собственность как экономическая категория предполагает полное хозяйственное господство субъекта над вещью, возможность устранить от ее использования любое третье лицо.⁷¹ Правильнее было бы сказать, что «собственность» как *юридическая* категория в духе описанных выше кодексов и есть то основание, которое позволяет устранить любое третье лицо. С экономической же точки зрения собственник вообще может не иметь полного (если слово «полное» здесь уместно) хозяйственного господства над вещью (современный капиталистический арендатор *de facto* вполне хозяйственно самостоятелен, а лендлорд является лишь номинальным (титульным) собственником). В условиях же иерархического условного землевладения Средних веков и докапиталистических форм экономических отношений, предполагающих не отчуждение от средств производства, а, напротив, апроприацию с ними, нет и не может быть полного отчуждения кого бы то ни было от условий производства. Сеньор имеет полное право косвенно участвовать в присвоении условий производства (его право на землю как землю пожалованную, но и как условие его службы вышестоящему сеньору), что не свидетельствует о возможности устранить и своего вассала до тех пор, пока тот исполняет полагающиеся службы.⁷² При этом материализация производственных отношений выступала для феодала в форме ренты, и неважно, какое место сам феодал занимает в феодальной иерархии.⁷³

Мнение Ю. Н. Каняшина разделял бы и С. М. Каштанов, для которого помещик является тоже собственником, как и вотчинник, но ограниченным. Однако это ограничение носит не экономический, а формально юридический характер. Экономическое же содержание собственности у помещика выража-

ется в праве не прикладывать личный труд и не создавать дополнительных потребительных стоимостей. В целом, отличие собственности от владения и пользования у автора сводится только к двум, вполне традиционным и для юристов, но плохо реализуемым в реальной жизни пунктам: право не сохранять предмет и право разрушить, уничтожить его. Но эти различия, увы, не экономического, а юридического свойства, а также вопроса отношения к богатству вообще.

Нам представляется, что все изложенные выше суждения о собственности следует рассматривать в тесной взаимосвязи трех аспектов: экономическом, юридическом и политическом. При этом надо сразу оговориться, что автор в дальнейшем не будет злоупотреблять словом *собственность*, поскольку видит свою задачу не столько в том, чтобы дать ответ на вопрос, а была ли собственность в англо-нормандском обществе (уже и так понятно, что при трактовке собственности как *юридического* выражения производственных отношений, а они есть в любом обществе, надо дать положительный ответ), не столько в том, чтобы найти универсальное понятие для описания юридического выражения экономических отношений той эпохи, а именно в том, чтобы, пользуясь языком источников самой эпохи, описать все многообразие этих отношений. Но не окажется ли так, что в англо-нормандском обществе имущественные отношения были более свободными, менее скованными путами иерархически организованного землевладения и, в конечном итоге, более приближенными к тем, что восторжествуют в Англии много столетий спустя и могут быть определены как буржуазные, капиталистические отношения собственности?

* * *

Парадоксальность ситуации в Англии состоит в противоречии между частноправовым принципом (мой дом — моя крепость), развитыми формами капитализма, культом частной собственности (адептом и протагонистом был еще Дж. Локк (1632—1704)) и их правовой оболочкой.⁷⁴ В Англии, строго говоря, до сих пор принято говорить не о собственности, но о си-

стеме держаний, где разные лица имеют некую совокупность прав в отношении имущества, где максимальным их выражением является «фригольд», т. е. права на недвижимость и все, к ней относящееся (an estate in fee simple absolute in possession) или, как сказано в одной из работ, «сейзина на фригольд».⁷⁵

В специальном исследовании об институте владения в английском праве автор высказался прямо: «...концепция владения лишь немногим по важности уступает институту контракта, на протяжении всей истории английского права *действенной* была именно концепция владения, а не собственности».⁷⁶ Более того, «в Англии нет понятия „абсолютная собственность (ownership)“, только земли, входящие в домен короны, могут быть так определены, но любое частное лицо выступает держателем от короны непосредственно или же опосредованно».⁷⁷ Даже те исследователи, которые считают возможным говорить об институте «собственности» в английском праве, признают, что полнота распоряжения имуществом применима только к движимой (персональной) собственности. Вопрос же о наличии «абсолютной» собственности остается открытым.⁷⁸ Но можно ли тогда говорить о собственности применительно к реалиям XIII в.?

Если вспомнить наблюдения Дж. Хадсона, нельзя не согласиться с ним в том, что «собственность» в духе буржуазных континентальных кодексов «пробивала» себе дорогу в Англии рассматриваемого периода. Так, юридические трактаты свидетельствуют о том, что согласие сеньора, а то и участие родственников при отчуждении имущества вообще не требовалось, что контрастирует с континентальной практикой того же периода.⁷⁹ Товарно-денежные отношения в Англии рассматриваемого периода, равно как и потребности королевской власти приобретают такое значение, что все чаще и чаще даже привычные феодальные службы заменяются денежными выплатами. На протяжении ста лет — с середины XII в. до середины XIII в. — щитовые деньги (scutagium), которые были призваны заменить феодальное ополчение наемниками, не только являлись обычным побором, заставляя феодалов эти деньги изыскивать, но имели тенденцию к росту.⁸⁰ Там же, где появляются деньги, появляется возможность дробить феодалы до бесконечно-

сти. По выражению М. А. Барга, с них снимается «...внешний обруч, которым в известной мере обеспечивалась его (вотчинного землевладения. — А. К.) целостность».

Можно поставить вопрос иначе. Кто извлекал ренту, т. е. реализовывал свое право собственности? С экономической точки зрения те, кто извлекает максимальную долю ренты, могут рассматриваться как собственники с большим основанием, что согласуется и с мнением К. Маркса о феодальной ренте, как «единственном прибавочном труде или ... продукте, какой непосредственный производитель, владеющий условиями труда ... должен доставить собственнику .., то есть собственнику земли».⁸¹

Известно, что в Англии соотношение долей ренты между сеньорами и вассалами уже довольно рано изменилось в пользу последних, так что «субинфеодация, купля—продажа, вели к тому, что вышестоящие сеньоры частично теряли ренту, они фактически теряли свое право собственности».⁸² Приведенное мнение Е. В. Гутновой представляется нам не совсем корректным в том, что она ставит знак равенства между рентой, которую теряли феодалы, и правом собственности. Теряли они как раз экономическое содержание отношений, определяемых той же Е. В. Гутновой как «право собственности», материализованное в ренте. Но коль скоро экономические отношения складываются независимо от воли людей, то выражение для своего понимания людьми они могут получить только в языке, в частности языке права. В этом внешнем выражении (прямо происходящем из разных экономических оснований) отношений собственности в период Средневековья и состояло отличие от той формы, что будет присуща этим отношениям при капитализме.⁸³ Хотя применительно к Англии, как мы уже отметили, это утверждение некорректно. Поэтому-то средневековое право, и английское в том числе, разделяло сейзину (доминий, владение и т. д.) на землю, остававшуюся за вассалом, и сейзину на службы, обладателем которой был сеньор. Естественно, что говорить в этом случае о праве собственности в *современном юридическом* смысле — некорректно. И все же.

Как показал Е. А. Косминский на примере мелкого свободного крестьянства, отношения между ним и вышестоящими

сеньорами были столь запутанными, а выкуп рент (по сути разрывавший манориальные и экономические связи) столь распространен, что они превращались в собственников и юридически, «насколько вообще возможно говорить о собственности в условиях господства феодального права».⁸⁴ Очевидно, руководствуясь теми же соображениями, М. А. Барг полагал, что в Англии подлинные права принадлежали не сеньорам, а вассалам, которые получали львиную долю ренты. Его перераспределение в пользу вышестоящих лордов если и шло, то опосредованно, через систему типичных феодальных служб. Но ценность этих служб была далеко не однозначной, так как, например, такой важный источник дохода, как опска, в конце концов стал предметом регулирования королевским законодательством, ограничивавшим произвол опекунунов.⁸⁵

М. А. Барг утверждал, что «феодальная собственность в Англии выражалась лишь в праве владения».⁸⁶ Современный исследователь института владения А. В. Коновалов также полагает, что «право собственности исторически выражалось в Англии понятием владения (seisin), что соответствовало безусловному праву собственности и связывалось с посажением феодала на землю».⁸⁷ Нам представляется такая формулировка неудачной хотя бы потому, что естественно возникающий вопрос о соотношении собственности и владения здесь затухает. Не ясно из этого высказывания связь собственности, владения (ссайзины) и факта «посажения» феодала на землю. В последнем случае о «безусловном праве» речь вообще идти не может, поскольку оно обеспечено и ограничено тем, кто феодала «испоместил».

С точки зрения типичной оппозиции сеньор—вассал, которую мы бы определили, как политическое измерение феодального общества, поскольку власть и собственность в этом обществе были слабо расчленены, подобно слабой расчлененности частного и публичного, нам представляется плодотворным и целесообразным подход И. С. Филиппова. Он справедливо отметил, что «отношения собственника с государством-сувереном не опосредовано отношениями ни с какими другими частными лицами, тогда как отношения владельца с государством предполагает наличие ... другого частного лица, являющегося

собственником».⁸⁸ Иными словами, абсолютный характер твоей власти получает закрепление на том уровне (наличие титула собственности, т. е. правоустанавливающего документа), где отношения отдельных индивидуумов отходят на второй план. Разумеется, говорить о наличии «государства» в Англии не приходится. Тем не менее можно отметить парадокс — яркую публично-правовую окраску системы землевладения в этой стране: «Последовательность проведения принципа землевладения сверху донизу, сама его всеобщность, превратилась в свою противоположность — этот принцип был основательно и очень рано подорван. Именно поэтому ... лен здесь (т. е. в Англии) быстрее, чем где бы то ни было, приблизился к частновладельческому принципу».⁸⁹ В конечном итоге все это породило свободу распоряжения имуществом его непосредственным обладателем.⁹⁰

Английские короли сохранили, а то и укрепили традиционную систему местного самоуправления (собрания сотен и графств). Завоевание, а потом и судебно-политические реформы Генриха II (1154—1189) второй половины XII в. привели к тому, что была проведена известная грань между «свободными» и «зависимыми» при сохранении, разумеется, вариаций. Судебная система и взаимоотношение власти и общества в Англо-нормандском королевстве складывались таким образом, что в конечном итоге отдельные индивиды — акторы гражданского оборота — получали определенные гарантии стабильности своих имущественных прав, а общество — правила «игры» с властью. Важность личной защищенности и гарантий неприкосновенности личности и имущества как условия становления более свободных рыночных отношений видна при сравнении с теми обществами, где господство чиновничьего сословия (например, Китай) не позволило сформироваться обществу, покоящемуся на частноправовых принципах.⁹¹

Надо отметить и то обстоятельство, что феодальная лестница в Англии оказалась довольно короткой. Иными словами, король имел достаточно ресурсов для того, чтобы контролировать отношения между вассалами своих вассалов.⁹² Как следствие, в Англии воля феодального сеньора неуклонно замещалась ведущей ролью «абстрактных прав» наследования и распоряже-

ния имуществом, гарантированных королевской властью, чем английский феодализм явно отличался от своего континентального собрата.⁹³ «Верховным лордом всех свободных являлся, по сути, только король», так что вассалы могли всегда апеллировать лично к нему или к судебной-административной системе в лице шерифов и разъездных судей, которые являлись своеобразной «реинкарнацией» фигуры короля.⁹⁴

При персональности власти в эпоху Средневековья многое зависело от фигуры монарха. В Англии периоды относительно эффективных королей-администраторов сменялись смутами и треволнениями, как это произошло при Стефане (1135—1154), Иоанне Безземельном (1199—1216) или Генрихе III (1216—1272). Благодаря такому стечению обстоятельств в Англии планомерно формировался эффективный аппарат управления, который мог действовать даже в отсутствие монарха, что и показало правление Ричарда I Львиное Сердце (1189—1199). Король и аппарату было суждено выступать арбитром и выполнять функции, которые теперь выполняет государство в лице всех своих институтов. В Англии это было тем более естественно, что с точки зрения представлений о королевском достоинстве, король — это не просто помазанник, но в известной мере вождь, представитель всего народа.⁹⁵ К этому стоит прибавить, что в Англии существовали налоги в масштабах всей страны, так что сеньоры скорее превращались в налогоплательщиков (точнее, ответственных за сбор налогов), нежели в носителей феодального сюзеренитета.

Из приведенного, пусть и краткого, историографического обзора может сложиться впечатление, что в Англо-нормандском королевстве главным направлением эволюции в сфере имущественных и — шире — социальных отношений было развитие частнособственнического начала, гарантом которого в известной мере выступал король и возглавляемые им институты. Но был ли термин, которым можно охватить все разнообразие имущественных отношений, о которых по преимуществу и пойдет речь в дальнейшем изложении, в обществе того периода? Ведь термин «собственность» не может адекватно описать многообразие отношений прошлого как раз в силу указанной в своем месте амбивалентности!

Смеем утверждать, что в английском праве такой, если и не универсальный, то обобщающий многие стороны имущественного права термин существовал и существует до сих пор, пусть преимущественно и в научной литературе. Институт, известный как *сейзина*, и будет той своеобразной призмой, через которую нам предстоит посмотреть на эволюцию англо-нормандского земельного права и — шире — англо-нормандского общества и попытаться выяснить, насколько оправданно мнение историков об особом пути Англии именно как страны более свободных имущественных отношений, страны «собственников» при всей многозначности, если не сказать размытости, этого термина.

* * *

Что же такое сейзина? Ответ на этот вопрос и должно дать настоящее исследование, но уже заранее можно утверждать, что изучаемый феномен многомерен, так что его содержание раскрывается через набор характеристик, в то время как все предшествующие исследователи сейзины приписывали ей какую-то одну из возможных. Выделим предварительно четыре варианта определения сейзины, каждый из которых по-своему справедлив. Во-первых, существительное «сейзина» это лишь удобный способ описать процедуру передачи утверждения имущественных прав. В ранних документах (VII—X вв.) встречаются почти исключительно глагольные формы, указывающие на действие: *sacire, saisir, saisir*. Существительное «сейзина» (*англ. seisin, нем. Saisina, фр. saisine*) — явление сравнительно позднее. Поскольку в тот период все процедуры такого рода были публичными и сопровождались передачей символов, что мы и покажем ниже, сейзина — это публичная символическая процедура передачи имущественных прав, для удобства описания которой в дальнейшем будет использоваться существительное «сейзина».

Напротив, усилия наших предшественников (здесь автор отнюдь не новатор) были по преимуществу направлены на изучение позднего этапа эволюции сейзины. Тогда этим словом стали, во-вторых, обозначать комплекс отношений, а для опи-

сания передачи прав в историографии использовали словосочетания *livery of seisin* или *Übertragung der Saisina* (т. е. «высвобождение» или «передача» сейзины). Однако «комплекс отношений» представляется слишком размытым определением. В рамках существующей историографической традиции сейзина — это, в-третьих, или владение (мы пока оставляем за скобками содержание слова «владение»), или, в-четвертых, покаяющееся на праве видимое пользование имуществом, имеющее юридическую защиту.

Не отрицая тот факт, что сейзина некогда была процедурой передачи прав, из наших предшественников, наверно, только Ф. Виссман собрал актовый материал, отразивший историю сейзины-акта. Впрочем, и Ф. Виссмана в большей мере интересовало соотношение сейзины и письменного документа, а не эволюция акта сейзины как такового.⁹⁶

И все же изначально сейзина — это публичная символическая процедура оформления имущественных прав, в каковом качестве и будет в дальнейшем представлять для нас главный интерес. При этом речь идет, как правило, об оформлении прав на землю — главное богатство того общества. Более того, и это надо подчеркнуть сразу, нас занимает сейзина в той сфере отношений, которую выше мы определили как «феодалную», поскольку именно сейзина на фригольд⁹⁷ и стала главным институтом английского общего права (*Common law*, *jus commune*), под которым следует понимать совокупность решений королевских судов, оформившихся позже в доктрину прецедента — общее для всей страны и всех лично свободных. Все же зависимые крестьяне, даже получив к XV в. личную свободу, так и не обрели полноту прав на имущество. Копигольд, держание по копии, по выдаваемой бывшему виллану выписке из протокола в знак заключенного с сеньором договора (сам протокол хранился в манориальной курии, хотя порой это мог быть просто устный договор), так никогда и не стал полноценным институтом английского общего права. В конечном итоге все это открыло путь к безудержной экспроприации крестьянства и его уничтожению как класса.⁹⁸

Утверждение сейзины как центрального института англонормандского имущественного (земельного) права необходимо

объяснять социально-правовыми и политическими процессами. Иными словами, несмотря на сформулированную выше задачу путем анализа института сейзины выяснить, насколько он способствовал развитию более свободных форм имущественных отношений в этом регионе, мы далеки от того, чтобы видеть в сейзине одновременно и ключ к объяснению складывания имущественных отношений в Англо-нормандском королевстве в том виде, как они сформировались к концу изучаемого периода. Сейзина являлась *следствием* сложных экономических, социальных и политических процессов, так что сами они *не могут* быть сейзиной *объяснены*. Вместе с тем, и это следует подчеркнуть, сейзина вводила все разнообразие отношений (и далеко не только имущественных) в некое правовое и ментальное поле, способствовала *закреплению* социального компромисса. В этом акте нашел отражение комплекс представлений современников о природе имущественных отношений, об особенностях символического мышления участников имущественных сделок. Более того, изучение конкретных форм функционирования института сейзины позволяет воочию увидеть, как конкретно проходил процесс синтеза нормандских и англосаксонских социальных структур, пусть даже речь идет только об отдельных эпизодах. Сейзина стала тем фокусом, в котором сошлось многообразие имущественных отношений в англо-нормандской Англии, а между тем, смеем утверждать, до сих пор так и не появилось комплексного исследования этого феномена не только в отечественной, что и понятно, но даже в зарубежной историографии.

Акт сейзины во всем многообразии его проявления остался за скобками, более того, нашлись исследователи, вообще отрицавшие за ним какое бы то ни было значение. Ниже мы сосредоточимся на изучении терминов, которыми современники описывали окружающую их социально-экономическую действительность, как-то: феодал, вдовья доля, аренда, владение, залог и т. п., но при этом, во-первых, они будут рассмотрены в той мере, в какой были сопряжены (или не сопряжены) с *актом* сейзины, во-вторых, мы попытаемся охватить, по возможности, все разнообразие отношений, не претендуя на их исчерпывающий анализ. Не последнее место в исследовании займет связь сейзины с эволюцией структур власти (включая и симво-

лы власти) и тех социальных процессов (в частности, распыление землевладения, складывание феодальной иерархии и т. д.), которые акт сейзины призван был оформить. Наконец, будет рассмотрен поздний этап эволюции сейзины, тот, который в большей мере освещен в историографии, когда сейзина оказалась в центре внимания в связи с тем охватившим всю Европу процессом, который известен как рецепция римского права. Но и здесь есть некоторые лакуны и вопросы, требующие своего разрешения. Для начала, однако, надо совершить небольшой историографический экскурс.

* * *

Историки и юристы, привыкшие мыслить категориями феодального континентального права, всегда стремились сопоставить сейзину и инвеституру — хорошо знакомый им институт. Они были вполне единодушны в том, что «сейзина приобретается посредством инвеституры». Причины, по которой существовала еще одна процедура, имевшая другое название, как и сам факт ее существования, их занимали мало.⁹⁹ По мнению все тех же исследователей, терминология источников X—XII вв. становится более четкой, так что «инвеститура означает символический ввод во владение, а сейзина означает владение».¹⁰⁰ Как полагал Ф. Питу, «символической инвеституры, по мнению выдающегося английского судьи Брактона (ок. 1200—ок. 1268), было недостаточно, владелец должен был передать полную сейзину».¹⁰¹ Того же мнения придерживался и А. Хейслер, автор специального исследования о немецком варианте инвеституры — *Gewere*. Впрочем, он отмечал, что первичным был как раз акт ввода во владение (инвеститура), который потом, вполне объяснимо, превратился во владение-*gewere* (тождественное инвеституре).¹⁰² С немецким исследователем можно согласиться в том, что первичной была процедура ввода во владение.

Не так давно Дж. Гарнет вновь обратился к практике землеустройства в Англии после нормандского завоевания и заметил, что оба слова употребляются в одном и том же смысле, все дело в разном происхождении. Сейзина слово франкское. Более того,

до тех пор, пока инвеститура не была тесно связана с церковными реалиями (до эпохи борьбы за инвеституру), оба слова обозначали одно и то же — акт передачи имущественных прав.¹⁰³ В то же время наличие двух, несомненно, родственных по своим юридическим последствиям и формам процедур ставит вопрос об их генезисе. Дж. Гарнстом не был замечен и другой, куда более важный факт — абсолютное преобладание самого слова «сейзина» в Англии.

Акт сейзины как исторически первую форму этого института рассматривал такой выдающийся исследователь, как Ф. У. Мэйтланд, а сейзину, понимаемую как владение, другой видный английский судья и ученый Ф. Поллок.¹⁰⁴ Первый сформулировал, но не дал ответ на вопрос, почему слово «сейзина» получило такое широкое распространение в Англии. Напротив, хорошо известная медиевистам инвеститура так никогда и не стала термином общего права.¹⁰⁵ Английский исследователь только заметил, что «сейзина происходит из того времени, когда ... захват был средством приобретения владения. Иное слово, кроме сейзины, неизвестно».¹⁰⁶ Но в этом случае не понятно, как же получилось, что одно понятие обозначало и захват, и акт ввода во владение. Заслуживает внимания замечание Ф. У. Мэйтланда о том, что слово сейзина связано с глаголом «сидеть». Несмотря на то что это понятие пришло вместе с завоевателями, оно соответствовало местным реалиям, поскольку в Англосаксонской хронике под 1085 г. все, кто приносил клятву Вильгельму Завоевателю за свои владения, названы *alle tha landsittende men*, а приносили клятву те, кто владел на праве сейзины.¹⁰⁷ Однако для такого обобщения у нас нет веских оснований, если не считать частоту глагольных форм (*seisitus* etc.) в DB.

Весьма скептически к самой процедуре отнесся американский исследователь С. Торн, по мнению которого «именно актом *donatio*, а вовсе не актом сейзины, осуществлялась передача прав».¹⁰⁸ Более того, «сдва ли присяжные знали о символическом акте, за которым происходила ... смена владельцев».¹⁰⁹ Судей интересовал только сам факт такой смены. С. Торн не одинок в своих суждениях. Дж. Тернер отмечал, что еще до завоевания символических процедур было явно недостаточно для передачи прав, если за ними не следовала фактическая

смена владельцев имущества (a real change of seisin), причем исследователя не смущает тот факт, что само слово «сейзина» появляется только после завоевания.¹¹⁰ О фактической смене владельцев (traditio cognatalis) говорит и автор специального исследования о передаче владельческих прав в германском праве Д. Йосвиг.¹¹¹ По его мнению, если имущество не было передано фактически, то одаренный должен был считаться с интересами наследников дарителя.¹¹²

Сейзина, как уже было отмечено, представляла собой процедуру символическую. Изучение же потестарной (и правовой в том числе) символики остается актуальной задачей.¹¹³ Мы не будем останавливаться на том, как осмысляется символика и вообще символическая сфера философами, социологами, этнографами, которые, к слову сказать, в основном этой темой и занимались. Очевидно, что любая знаковая система социально обусловлена и обществом (или его частью) востребована, а ее задача в конечном итоге состоит в обеспечении единства коллектива (общества или отдельной группы). По выражению В. Тернера, символы способствуют плотной коммуникации, служат трансляции эмоций и объединяют участников в некой психологической (моральной) общности, притом что символический характер можно приписать любому предмету, и, как следствие, язык символов, равно как и их список, подвижен. Если согласиться с тем, что ритуал относится к сфере сакрального, а потому отрицает голый утилитаризм, он сам по своей природе воспроизводит некий привычный (или идеальный) порядок, «матрицу поведения», выступая гарантом сохранения социального.¹¹⁴ Иными словами, символы акта сейзины, направленного на урегулирование имущественных и в конечном итоге социальных отношений (не будем забывать о судебных спорах, часто предшествовавших самому акту), вполне могли служить созданию атмосферы именно такой общности. Выбор же символа мог быть до известной степени случайным, а сам он наполнялся конкретным содержанием в зависимости от конкретных же обстоятельств. Не лишено смысла высказывание Г. Козьиоля о том, что «символы ... были менее понятны самим участникам, чем ученым, которые их изучают».¹¹⁵ Сказанное вовсе не означает, что они не заслуживают изучения.

В свое время А. Я. Гуревичем было высказано мнение о перспективности анализа именно сакральных представлений, примет, заклинаний для объяснения ритуалов у варваров.¹¹⁶ Действительно, не отрицая прагматизм акта передачи владельческих прав, не будем забывать о следующем. Само по себе имущество (особенно в раннее Средневековье) представляло собой «продолжение» человека, что хорошо видно на примере эволюции института «одаля» (ōþala***-, nhd — Odal, idg. *ātos, *atta. (отец) — наследственное имущество, но и родина, отчизна (Heimat)), обстоятельно изученной тем же А. Я. Гуревичем.¹¹⁷ Иными словами, отчуждение имущества было как бы отчуждением части своей силы, своего «я», как об этом свидетельствует изучение института дара у архаичных народов. Например, использование дверного засова или кола изгороди могло быть истолковано как введение нового лица в сакральное пространство (митгард, срединный мир, мир людей скандинавской мифологии).

Впрочем, не отрицая за сейзиной и некоторых сакральных привязок (при имеющемся состоянии источников об этом можно говорить лишь гипотетически), вряд ли ее можно отнести к сфере ритуала. Поэтому правильнее будет вести речь об акте или процедуре передачи владельческих прав. Как мы увидим ниже, при известном постоянстве связанных с этой процедурой представлений, а то и некоторых конкретных действий сейзина осуществляется в довольно свободной форме, ее символика разнообразна, нет четкой привязки ни к времени, ни к месту, ни к кругу действующих лиц.

Как заметил еще Э. Майер, сфера применения популярных в эпоху Средневековья символов: палка, рукавица, нож и т. п. — была весьма широка: символы посланника, залога (vadium, wadiatio), ввода во владение и т. д.¹¹⁸ Причем отчуждение недвижимости является фактом поздней истории. Первоначально облачали человека и передавали ему оружие (в первую очередь, копье, которое в более поздних источниках выступает в новой ипостаси — оружие судебного поединка и символ владельческих прав), тем самым признавая его полноправие. Напомним, в частности, что еще Тацит сравнивал вручение копья у германцев с вручением тоги у римлян. Получатель оной становился полноправным гражданином. По мысли Э. Майера,

это оружие могло рассматриваться как предмет залога. Позже предметы, представлявшие наиболее наглядно уже имущество недвижимое, превращались в символы.¹¹⁹ Иными словами, облачая человека правами на имущество, его как бы превращали в потенциального должника, который может им рассчитаться, такой человек становится в известной мере зависимым.¹²⁰ Это имущество могло рассматриваться как потенциальный залог, нский гарант правильного поведения получателя в будущем. О символике акта сейзины и потестарной символике как таковой пойдет речь в последней главе исследования.

Если сейзине как акту и не уделяли пристального внимания, то поздние формы сейзины, когда она уже воспринималась как некоторое отношение лица к имуществу, изучены неплохо. Достаточно сказать, что в трудах двух выдающихся английских юристов, сэра Эдварда Кока (E. Coke) (1552—1634) и сэра Уильяма Блэкстоуна (W. Blackstone) (1723—1780), можно найти обстоятельные суждения о сейзине. Если суммировать их наблюдения, то можно сказать, что они различали два вида сейзины: «фактическую» и «юридическую». «Юридическая сейзина» определяется Э. Коком как право на имущество, когда человек не получил его еще фактически. Ссылаясь на Брактона, Э. Кок говорит о том, что «юридическая» сейзина — это права на фригольд, а «сейзина фактическая» — это реальное обладание фригольдом.¹²¹ Э. Кок подчеркивает необходимость обретения фактической сейзины путем вступления во владение (*livery of seisin*),¹²² но осуществляться оно должно в соответствии с определенной процедурой: через кольцо и дверной косяк или через палку и посох (цитата из Брактона).¹²³ Для У. Блэкстоуна необходимость фактической передачи имущества, без чего, например, кредитор не приобретет сейзину на заложенное имущество, имела не меньшее значение.¹²⁴ Однако на символических процедурах он специально не останавливается. Думается, что несомненные успехи науки и рационализация жизни в эпоху Просвещения, не говоря уже о широчайшем распространении письменного документа, привели к тому, что судьи все меньше обращают внимание на такого рода процедуры.

Вслед за У. Блэкстоном исследователи особое внимание уделяли структуре имущественных отношений в целом, ме-

сту в них сейзины, роли судебного процесса, влиянию римского права. Пожалуй, последний сюжет был главным камнем преткновения, поскольку речь шла о правомерности отождествления сейзины и римского владения-*possessio* (ни Э. Кок, ни У. Блэкстоун особых трудностей не испытывали, следуя за доктриной Брактона). Если до середины XIX в. (В. Альбрехт, а позже И. Гундерман) господствовало представление о сейзине как праве (*Recht am Grundbesitz*), то позже сначала А. Хейслер, а потом Ф. Поллок, Ф. У. Мэйтланд и ряд других английских историков права (У. Холдсворт, У. Баклэнд) отождествили сейзину с владением (*Besitz, possession*).¹²⁵ Ф. У. Мэйтланд и его последователи ставили знак равенства между сейзиной и римской *possessio*, которую они понимали в духе романистики XIX в. как нечто, противопоставленное собственности и связанное с фактическим господством лица над вещью.

Нельзя не указать на две статьи французских исследователей, специально посвященных феномену сейзины на французском материале. Отметим лишь, что сейзина их интересовала по преимуществу в своей поздней форме. Так, Х. Климрат стоял ближе к школе немецких историков права, полагая, что в древности сейзина обозначала «все права на имущество, которые только были возможны».¹²⁶ В то же время и он признает наличие сейзины фактической, простого держания, и юридической, как права требовать вещь через суд, причем к таковым относится любое лицо, имеющее фактическую связь с имуществом (поклажеполучатель, арендатор). Скажем сразу, что при таком понимании французскую сейзину надо явно отличать от английской, в то время как автор утверждает прямо противоположное.¹²⁷ При этом он совершенно не уделяет внимание акту сейзины, а потому его построениям не хватает четкости.

М. Тьерселен, видя в сейзине уже аналог владения — фактическую связь с вещью — и, тем самым, сближаясь с А. Хейслером, отделяет ее от собственности как юридического права на нее. Он отмечает важность символических процедур, но совершают их, по его мнению, сплошь и рядом сеньор или судьи (в случае с ротюрье), а в некоторых кутюмах участие сеньора просто обязательно. Важно отметить, что исследователь видит в держателях феодалов подлинных собственников, хотя уже

в XIII в. подлинными собственниками все чаще являются ротуры. Еще позже, в XVI в., с развитием юридической науки акт ввода во владение не нужен вообще, а собственность приобрела публичный и абсолютный характер. Что автор понимает под «собственностью» остается за скобками.¹²⁸ В конце концов М. Тьерселен утверждает, что французская сейзина ничем не отличается от доктрины владения и владельческой защиты в *Code civil*.¹²⁹

Удар по концепции сейзины-владения был нанесен в 20-е гг. прошлого века Ф. Жойоном де Лонгрэ в его фундаментальном исследовании, посвященном эволюции сейзины в XII—XIV вв. Правда, он обошел почти полным молчанием раннюю историю сейзины, отметив лишь, что «корни ее темны, а когда она появляется в источниках, то означает семейную собственность».¹³⁰ Сейзину в развитой форме Ф. Жойон де Лонгрэ мыслил как «манифестацию права, его внешнее проявление (*l'apparence*)», когда о сейзине можно говорить только при наличии неких правовых оснований, а выражением права является эксплуатация имущества.¹³¹

Ф. Жойон де Лонгрэ отверг традицию отождествления сейзины с владением, поскольку владение для него было лишь фактической властью лица над имуществом, так что «во всей теории владения доминирует идея (власть) факта (*pourvoir de fait*), владение — это волевое, физическое подчинение объекта владельцу».¹³² Напротив, сейзина «нагружена» неким правовым основанием, она невозможна без него.¹³³ Признавая сейзину как покоящееся на праве обладание и пользование имуществом, Ф. Жойон де Лонгрэ объяснял такой феномен, как признание сейзины на одну и ту же вещь за разными лицами.¹³⁴

После работы Ф. Жойона де Лонгрэ к этой теме обращались мало. Так М. Блок упомянул ее лишь вскользь, отметив, что сейзина есть лишь видимое пользование, а приоритет в споре о сейзине принадлежит тому, кто пользуется дольше других.¹³⁵ Еще ранее на это указывал Х. Климрат.¹³⁶ С выводами Ф. Жойона де Лонгрэ согласился бельгийский ученый Р. ван Кэнсгем. Он приводит ряд примеров, доказывающих, что сейзина уже в первой половине XII в. мыслилась не как право, но как определенное отношение между лицом и вещью, как зримое и ви-

димос пользование имуществом.¹³⁷ Правда, в одной из поздних работ Ф. Жойон де Лонгрэ, критикуя уже построение Р. ван Кэнегема, говорил о том, что в рамках английской судебной системы произошло четкое отделение сейзины (владения) от собственности, когда иски о сейзине рассматривались как предварительные по отношению к искам о собственности, в которых исход дела и решался окончательно. Иными словами, автор отрицал то, на чем так систематически настаивал в ранней работе. На эту непоследовательность указал Р. В. Тернер.¹³⁸

Можно упомянуть еще статью в «*Lexicon des Mittelalters*», интересную с точки зрения взгляда современной немецкой историографии на сейзину, а также исследование по английскому праву Дж. Бэкера. «Сейзина, — пишет автор статьи, — это в последнюю очередь владение. Это высшая форма права пользования. Кто-то мог иметь сейзину более высокого порядка, чем другой».¹³⁹ По мнению же Дж. Бэкера, «сейзина это фактическое обладание, понятие, первоначально ассоциировавшееся с актом оммажа, который означал признание лордом нового „человка“». Сейзина это ... то, что имеет защиту *in rem*».¹⁴⁰ Тот же Дж. Бэкер отметил вслед за С. Милсомом, что глагол *saisire* первоначально был переходным (*saisire aliquem*) со значением «принять держателя», но в современном языке сохранилась только возвратная форма (*to be seised of*), однако ни тот, ни другой не предложили объяснения отмеченному феномену.¹⁴¹ Наши наблюдения не позволяют утверждать, что акт сейзины жестко связан с актом наделения феодалом. В нашем распоряжении не так много примеров того, чтобы акт оммажа и акт сейзины упоминался в одном и том же документе.¹⁴² Пожалуй, самым последним исследованием о сейзине является статья Э. Крето, вышедшая в авторитетном французском журнале, но посвященная, однако, исключительно историографическому сюжету — доктрине наследственной сейзины в трудах французских юристов XIX в.¹⁴³

Как мы видим, при всем многообразии взглядов сейчас все еще обладало понимание сейзины как определенной формы пользования, имеющей правовое основание и подлежащей защите в судах. Но история акта сейзины все еще не написана, да и последующая история сейзины еще требует уточнений.

* * *

Хотя источниковедческое введение никогда не помешает, было решено остановиться на источниках кратко. Авторы исследований о сейзине и родственных ей институтах опирались преимущественно на работы ученых юристов, законодательные памятники или же судебные протоколы.¹⁴⁴ В настоящем исследовании традиционный список источников дополнен актовым материалом, но и его можно рассматривать как юридический, поскольку в период Средневековья процесс документирования был призван в конечном итоге помочь в возможном будущем судебном споре и «оживить» память собравшихся наряду с показаниями свидетелей.¹⁴⁵ В целом ряде случаев документ прямо представляет собой соглашение по итогам нередко фиктивного судебного спора (т. н. *finalis concordia*). Коль скоро сейзина представляла собой процедуру оформления прав на имущество, она могла попадать на страницы источников в двух случаях: в разнообразных грамотах, оформлявших отчуждение имущества, и в протоколах судебных споров, причем количество документов, что и понятно, увеличивается после завоевания.¹⁴⁶ В последнем случае указание на имевший место акт сейзины должно было убедить собравшихся в обоснованности требований.¹⁴⁷ В общем и целом, наши источники подтверждают справедливость такого мнения. Однако следует сделать ту принципиальную оговорку, что в силу специфики имевшегося в распоряжении исследователя материала, большая часть документов приходится все же на XII в., если не сказать больше — на его первые три четверти. Для XIII в. привлеченный актовый материал более спорадичен и здесь автор опирался, как и его предшественники, на судебные протоколы и юридические трактаты.

К самым ранним и, пожалуй, наиболее важным источникам для реконструкции сейзины в первые десятилетия после завоевания следует отнести такой выдающийся памятник, как *Domesday Book* (DB).

На Рождество 1085 г., сообщает нам автор варианта Е Англосаксонской хроники (составлен в Питерборо ок. 1121—1154 гг.), король собрал в Глостере своих «уитанов» — представителей духовной и светской знати.¹⁴⁸ После длительных раз-

мышлений (дословно, «обстоятельных речей») король решил отправить по всей Англии комиссии с тем, чтобы осуществить перепись нового королевства и узнать ценность того имущества, которым располагал он сам и его подданные. Хрестоматийно описание автором хроники этого расследования: «Мне стыдно сообщать об этом, но король, по всей видимости, совершенно не видел стыда в том, чтобы делать это, а именно — переписать все имущество вплоть до овец, коров и свиней».¹⁴⁹ Опись, получившая наименование «Книга Страшного суда» (поскольку сведения для нее собирались под присягой, как на Страшном суде, и само предприятие Вильгельма воспринималось никак не меньше, чем Страшный суд), не имела аналогов в Европе того времени. Очевидно, составление такой масштабной описи в короткий срок (работа, пусть и частично, была завершена уже в 1087 г.) стало возможным, с одной стороны, в силу развитой системы местной администрации, которая оказалась способной организовать необходимое расследование, а с другой — вследствие наличия каких-то предварительных записей.¹⁵⁰ Сказались та решительность и политическая воля, которая вообще отличала нормандцев в целом и личность Вильгельма Завоевателя, в частности.

Первым издателям описи, А. Фарли и Г. Эллису, потребовался куда как более длительный срок — тридцать лет (1783—1816) — для подготовки издания источника, до сих пор остающегося главным свидетельством о жизни английского общества второй половины XI в. В 70-е гг. прошлого столетия было осуществлено новое издание, представляющее собой факсимильное воспроизведение оригинального текста, но каждому графству посвятили отдельный том с параллельным английским переводом. При всей важности вопроса о формах создания этой описи, который вызывал жаркую полемику и был, как можно думать, решен не так давно, нас более занимает вопрос о причинах создания и значения самого памятника.¹⁵¹ Четкого ответа на него нет до сих пор.¹⁵²

В свое время много сделавший для истории этого периода Ф. У. Мэйтланд высказал предположение о ней, как о чисто фискальном документе (*geld-book*).¹⁵³ На это вроде бы намекает и Англосаксонская хроника. Действительно, в описи не-

однократно указывается, сколько должен был вносить владелец описываемого имущества в фунтах и его частях (солидах) в качестве общегосударственного налога (т. н. «датские деньги»), какова доходность того или иного поместья. Было бы неверно отрицать эту цель королевского расследования, но, критикуя Ф. У. Мэйтланда, П. Г. Виноградов справедливо указал на то, что материал, первоначально собранный по территориальному принципу — по сотням (административно-территориальным единицам бывшего англосаксонского королевства, восходившим к племенной организации англосаксов) и отдельным населенным пунктам (виллам, бургам, городам), — потом был переработан в соответствии с принципом феодальным.¹⁵⁴ Иными словами, DB стала мощным средством феодализации, определив четко, кто от кого держит. Как полагает М. Кленчи: «DB должна была привести страну в порядок после хаоса завоевания».¹⁵⁵ Более того, по его утверждению, параллельные DB источники не подтверждают мнение, что она была составлена только как налоговый кадастр.¹⁵⁶

По замечанию Я. А. Левицкого, которое представляется нам слишком общим, но верным по сути, DB служила «оформлению всех перемен в области землевладения и земельных отношений ... прежде всего, оформлению раздела земель между завоевателями».¹⁵⁷ Тот же исследователь подверг критике построения Д. Дугласа, видевшего в DB документ чисто судебного свойства.¹⁵⁸ В последней из известных нам монографической работе о DB английский исследователь Д. Роффе высказался еще резче: «Составитель DB не очень интересовал исход дела ... DB представляет, в первую очередь, опись держаний и не является инструментом претворения в жизнь решений судов».¹⁵⁹ Исследователь полагает, что DB была создана уже после смерти Вильгельма Завоевателя и мятежа его сводного брата Одо, епископа Байё, в 1088 г. Так что опись — это одно, а книга — совершенно другое.¹⁶⁰ Между тем вряд ли правомерно отрицать тот факт, что многочисленные споры, в которые так или иначе была вовлечена королевская власть, могли способствовать закреплению на уровне прецедентов ряда норм, регулировавших имущественные отношения. В свое время эта мысль уже была высказана Р. Флеминг.¹⁶¹ Если в первый век после завоевания

ДВ и не использовалась как сборник прецедентов, она широко применялась королевской администрацией как фискальная опись и служила образцом для составления других описей.¹⁶²

Есть и такие исследователи, которые ищут причины создания ДВ во внешней угрозе со стороны датчан в 1085 г. (вероятность вторжения датского короля Кнута IV Святого (1080—1086), сына Свена II Эстридсена (1047—1074?)). «Для этой цели, — пишет М. Чибнэл, — Вильгельму надо было знать, какими ресурсами он располагает. Король решился на проведение такой описи только после серьезных переговоров со знатью на встрече в Глостере на Рождество».¹⁶³

Думается, что каждая из предложенных точек зрения имеет право на существование. Несомненно, ДВ давала Вильгельму возможность получить максимальную (на том уровне статистики) информацию о состоянии его королевства. Надо учесть, что Вильгельм подолгу отсутствовал в Англии, и до конца своего правления ему приходилось бороться то с мятежной знатью, то с французскими королями или отдельными влиятельными правителями. По этой причине задуманное им предприятие представлялось вполне закономерным — безотносительно к тому, с какой целью предполагалось использовать полученные результаты. Судя по данным Большой ДВ,¹⁶⁴ характер этой описи как судебной надо скорее отклонить, поскольку именно там, где феодальный и территориальный принцип выдержан наиболее последовательно, количество судебных тяжб значительно меньше, чем в Малой ДВ. Нам представляется более справедливым комплексный подход М. Кленчи и Я. А. Левицкого, увидевших в ДВ способ оформления тех радикальных перемен, которые претерпело англосаксонское общество.¹⁶⁵

Ценный материал по истории сейзины можно найти в королевских приказах, которые показывают значение этого акта для королевской власти в качестве важнейшей формы обеспечения прав на земельное и иное имущество.¹⁶⁶ Как правило, король вмешивался в судебные споры в качестве арбитра, доводя свою волю в заимствованной у англосаксонских королей форме королевских приказов. Обычно они содержат предписание — шерифам или лордам просителей — вернуть имущество потерпевшему (*praecepit ut faciatis ... resaysire, resaisias, resaisiatis*), реже

в них дано указание на то, что король предписывает «ввести» кого-либо во владение путем акта сейзины, причем иногда оговариваются условия такового акта.¹⁶⁷

В королевских грамотах второй половины XI в., которыми король объявлял свою волю как даритель либо удостоверял передачу имущества одним из своих приближенных, как таковой глагол *seisire* не встречается, но можно найти причастие *seisitus*, о природе которого мы скажем в своем месте. Хотя среди документов XI в. грамот частного характера, непосредственно отразивших историю сейзины, крайне мало, такие грамоты появляются в достаточном числе уже в первой трети XII в. и представляют для нас, пожалуй, основной материал по истории сейзины в этом столетии.

Собственно английские (и немногочисленные нормандские) грамоты являются зачастую копиями из картуляриев отдельных аббатств и кафедральных церквей, хотя ценность таких сборников различна.¹⁶⁸ Несмотря на богатый материал картуляриев монастырей Северной Англии, например Уитби, в их состав входят совершенно разные по времени составления грамоты, из которых практически ни одна не датирована. Только списки свидетелей да комментарии облегчают нередко задачу датировки.¹⁶⁹ Аналогичным образом обстоит дело с картуляриями, опубликованными в одной из самых больших издававшихся на протяжении второй половины XIX в. серий — *Rerum Britannicarum Medii Aevi Scriptores*.

К юридическим источникам следует отнести уже упоминавшиеся протоколы судебных тяжб. В значительной мере они представлены в изданиях Селденского общества, специализирующегося как раз на публикации памятников английского права: в упомянутой уже DB, в разнообразных сборниках, подготовленных в XIX—XX вв. Несколько раз мы встречаем сейзину в законодательных памятниках того времени (разнообразные частные компиляции первых десятилетий XII вв., ассизы, Великая хартия вольностей 1215 г. и поздние редакции, статуты). Ряд из них (ассизы) являлся инструкцией для судей (Кларендонская ассиза 1166 г., Нортгемптонская ассиза 1176 г., Великая ассиза 1178—1179 гг., хотя ее текст до нас не дошел), а потому, очевидно, систематически претворялись в жизнь, что

отличало практику правоприменения от той, которая была характерна для раннего Средневековья.¹⁷⁰ При этом в отличие, скажем, от Великой хартии вольностей, эти ассизы не переиздавались, что, возможно, свидетельствует об их эффективности.

Как известно, ранняя централизация Англо-нормандского королевства привела и к ранней систематизации правовых норм, регулирующих его жизнь. Именно поэтому авторы трактатов по общему праву с первых же страниц подчеркивали, что «английские законы, хотя и не писанные, могут называться законами...», имея в виду «те законы, которые провозглашены по совету знати и авторитетом короля относительно сомнений, которые возникают в их ассамблеях... Те из законов, которые часто появляются в ходе <королевского> суда или часто используются надо записать».¹⁷¹ Напротив, местные обычаи (*consuetudines*) в силу их разнообразия и многочисленности игнорировались.

К числу таких ранних обобщений следует отнести трактаты с почти одинаковым названием: «О законах и обычаях <королевства> Англии». Первый из них приписывался верховному юстициарию (вице-королю) Генриха II (1154—1189) Ранульф де Глэнвиллу (1120/30—1190), хотя сейчас ни у кого нет сомнений, что автором было другое лицо.¹⁷² Р. Тернер, автор, пожалуй, самого обстоятельного исследования о королевских судьях рассматриваемого периода, склоняется к тому, чтобы приписать трактат Джеффри де Ласи (Lucy; ?—ум. 1204).¹⁷³ Между тем сам Р. Тернер не отрицает, что несколько членов королевского суда в Вестминстере могли внести свой вклад в работу по составлению трактата.¹⁷⁴ Нет сомнений только в том, что он был создан в ближайшем окружении Генриха II, при котором политические и правовые институты претерпевают заметную трансформацию. Поэтому надо согласиться с последним издателем трактата Дж. Холлом: «Кто бы ни был автором ... он не мог быть составлен без ведома Глэнвилла».¹⁷⁵

Авторство второго трактата, насколько вообще можно говорить об авторстве применительно к эпохе Средних веков, вызывает меньше вопросов, а вот источниковедческая судьба — больше. Впрочем, наличие диссертационного исследования о трактате Генри де Брактона, члена Суда королевской

скамьи, равно как и о фигуре самого Брактона избавляет нас от необходимости подробно на этом останавливаться.¹⁷⁶ Считается установленным, что трактат состоял изначально из отдельных разрозненных тематических текстов 1230—1240-х гг., написанных разными лицами, но объединенных как раз Брактоном. Однако свою окончательную форму труд приобрел только после 1268 г. (год предполагаемой смерти Брактона). Другое дело, что все списки (порядка 50) разной полноты датируются 1280—1330 гг.¹⁷⁷

О практической направленности первых трактатов свидетельствует как сам Брактон в «Прологе», так и ссылки или прямое цитирование в его трактате многочисленных казусов из судебной практики (порядка пятисот), собранных предварительно в т. н. «Записную книжку»: «Я, Генри де Браттон, для наставления ... меньших, устремил помыслы к древним судебным решениям справедливых, прилежно исследуя <их> не без блдений и труда...»¹⁷⁸ Очевидно, под «справедливыми» он имел в виду своих учителей, королевских судей Вильгельма Ралея и Мартина Пэйтшула, а под меньшими — тех, кто «поднимается на кафедру, чтобы вершить суд до того, как изучил законы, <и как следствие> чаще склоняется к злоупотреблению (ошибкам)...».¹⁷⁹ Практическую направленность имела и более ранняя «Глэнвилла».

Деятельность королевских судей, сопровождавшаяся обилием судебных решений по тем или иным вопросам, в первую очередь в части распоряжения имуществом, шла параллельно с распространением римского права, лидером изучения которого в то время являлся Вакарий (ок. 1115—1120—после 1198).¹⁸⁰ Возможно, под влиянием римского права и комментариев к Дигестам и Кодексу появились трактаты «О казначействе» (1179 г.) Ричарда фитц Нила (ок. 1130—1198) и названные компендиумы по общему праву.

Не приходится сомневаться, что университетское или школьное образование придало импульс аналитической и систематизирующей деятельности королевских судей. Здесь же мы находим следы влияния римского права, меньшие в первом трактате и более значительные во втором.¹⁸¹ В обоих трактатах можно не раз встретить слово «сэйзина». Выражения *saisitus*

esse или *saisina* издатель современного русскоязычного перевода трактата «Глэнвилла» предлагает передавать следующим образом: «когда наступит фактическое владение» (*seisina fuerit secuta*), «сын получает фактическое владение землей» (*saisinam inde filius recipiat*), «отец стремится удержать владение своего сына» (*saisinam ... filii ... retinere contendit*).¹⁸² Такой перевод, несомненно, удобен, но только как перевод, поскольку в каждом отдельно взятом случае потребовал бы комментарий. Например, что значит само словосочетание «фактическое владение»? Надо ли понимать, что владение есть всего лишь держание, или это владение юстиниановых Дигест; насколько правомерно вообще отрицать за сейзиной в трудах юристов коннотаций с актом сейзины; не имеет ли под собой сейзина правовые основания — все эти вопросы нельзя просто так обойти.

В настоящей книге рассмотрены и те источники, в которых, как правило, акт сейзины места себе не находит, а именно: нарративные. Среди континентальных хроник в первую очередь следует указать на труд Флодоарда (893/894—966) «История Реймской церкви», созданный им в середине X в. (доведена до 966 г.). Именно там мы находим редкий пример употребления древней словоформы будущего слова *sa/eisire sacire* для обозначения процедуры обретения имущества.¹⁸³ В других же хрониках значение этих глагольных форм, как правило, одно — захват или конфискация.

В тех же нарративных свидетельствах можно встретить и указание на символические процедуры, но, правда, с актом сейзины никак не связанные. Любопытные сведения приводит в своей хронике «О деяниях первых нормандских герцогов», созданной между 1015—1026 гг., Дудон Сен-Кантенский (ок. 960 — до 1043) каноник из Вермандуа, первый историограф нормандцев.¹⁸⁴ Несмотря на то что Дудон использовал письменные источники, не дошедшие до нас, равно как и грамоты, он во многом опирался на устные семейные предания. По-видимому, из них он и почерпнул рассказы, которые содержат любопытные примеры применения меча в качестве символа герцогской власти, и, не являясь, по-видимому, достоверными, все же отражают представления тех, в чьем окружении Дудон создавал свою хронику.¹⁸⁵

Стоит упомянуть и обстоятельный труд Вильгельма Мальмсберийского (1090—1143), хрониста смешанного англо-нормандского происхождения, «Деяния английских королей», который охватывает историю Англии с 449 г. до правления Генриха I.¹⁸⁶ Хроника была завершена в 1125 г. (версия А по классификации У. Стэббса), но потом перерабатывалась самим автором (версия В и самая пространная С). Именно в труде Вильгельма Мальмсберийского мы находим интересный пример использования и порчи символов во времена короля Эдгара (959—975). Если история со сломанным жезлом и является вымышленной, к чему, вероятно, склонялся сам Вильгельм Мальмсберийский, в ней отражены представления современников автора, жившего в первой половине XII в.

Наконец, для анализа эволюции термина «сейзина» на континенте было полезно ознакомиться как с памятниками юридической мысли (грамоты на диалектах французского языка, кутюмы, законодательные памятники), так и с континентальными хрониками XII—XIII вв. Они показывают, как часто глагольные формы *seisire*, *saisire* описывали противоправное или незаконное лишение имущества. Несмотря на то что эти коннотации не были чужды документам англо-нормандского периода, в Англии глагольные формы *seisire* или *saisiare* использовались в другом значении. А вот существительное *saisina* уже близко континентальным аналогам.

В заключение несколько слов надо сказать о принципах, положенных в основу настоящей книги. Вопреки вниманию, которое традиционно уделялось сейзине, само это слово далеко не всегда находит отражение в источниках. Особенно это справедливо для документов XI—XII вв. В многочисленных протоколах судебных тяжб XIII в. можно неоднократно найти указание на то, что то или иное лицо было *scisitus*, на каком основании оно и требует себе имущество, но неясно, имел ли место акт сейзины. И все же в ходе дальнейшего изложения было решено опираться на документы, где сейзина названа прямо в той или иной грамматической форме. В противном случае, нам ничего не остается, как отказать современникам в какой бы то ни было системе, а следовательно, в возможности их понять. По нашему убеждению, ссылки на акт сейзины свидетельствуют о том, что

сами составители документов *осмыслили* действие как сейзину (отсюда, несомненно, формы первого лица: ego scisivi, scisinam feci etc.).¹⁸⁷ В работе автором был последовательно проведен метод, который можно обозначить как case-study, представляющий собой движение от частного к общему, от анализа конкретных казусов к выстраиванию общей концепции.¹⁸⁸

Наконец, при всей важности изучения *представлений* — можно согласиться с Ж. Флори в том, что объективная реальность всякий раз ускользает от исследователя, что не является помехой для историка идей¹⁸⁹ — автор не мог не задаться вопросом о том, какие же конкретные формы общественной жизни сформировали эти представления, и как они изменялись под воздействием изменений самих этих форм. Не предвосхищая выводы (хотя любое законченное исследование создаст иллюзию априорности), отметим, что сейзина получила распространение именно в том регионе, где утверждение новой правящей элиты приняло наиболее драматичные формы. Нечто похожее было присуще и Нормандии. Но первые образцы сейзины — продукт еще более раннего развития, а именно, периода германской (франкской) колонизации Галлии. Бытованию сейзины на континенте и будет посвящена первая, своего рода, вводная глава настоящей книги. Сколь бы ни было заманчиво провести здесь аналогии, картина, которая вырисовывается при обращении к скудным сведениям в документах Меровингской и Каролингской эпох, слишком туманна, а потому требуется обращение и к поздним свидетельствам. Далее нам предстоит рассмотреть и те и другие.

Глава 1

ИНСТИТУТЫ ИМУЩЕСТВЕННОГО ПРАВА В РАННЕЕ СРЕДНЕВЕКОВЬЕ: СЕЙЗИНА, АЛЛОД, ИНВЕСТИТУРА

Автор должен сделать одно предварительное замечание. Он не ставил перед собой задачу рассмотреть весь комплекс имущественных отношений в раннее Средневековье, как это сделал, например, И. С. Филиппов, к труду которого, хотя он ограничен средиземноморским регионом Франции, можно отослать любознательного читателя. Нас более интересовал вопрос о том, в каких отношениях находилась сейзина с другими институтами имущественного права, определяемыми в источниках как аллод, инвеститура, бенефиций, феод, *proprietas* и т. п. — причем, разумеется, в том регионе, где сейзина и бытовала. К ранним формам имущественных отношений, в которые была вовлечена сейзина, мы и переходим.

Сейзина в VII—X вв.: ее разновидности и особенности функционирования

Мнение о том, что слово «сейзина» является континентальным, а, точнее, нормандским заимствованием, можно признать общим местом в исследованиях этого института.¹ Правда, при имеющемся состоянии источников нельзя утверждать наверняка, что под другим наименованием он не был известен англосаксам, поскольку символические процедуры передачи имущественных прав, пусть и редко, находят отражение в источниках донормандского периода. Более того, в известных нам изданиях

словаря Ш. Дю Канжа (1610—1688) начиная с XVII в. встречается любопытная форма *seisinare*, *seysinare* (*seisinam dare*) в произведении Ассерия (ум. 908/909), епископа Шерборна (граф. Дорсет), «О деяниях Альфреда Великого».² Но, как нетрудно убедиться, здесь произошло недоразумение, о котором надо сказать отдельно.

В изданиях «Жизнь (или Деяния) короля Альфреда» слово *seysinare* нам найти не удалось — за исключением оксфордского издания Ф. Вайса 1722 г., из которого, надо думать, оно и «перекочевало» в словарь Дю Канжа.³ При этом стоит оговориться, что оно встречается не в самом тексте Ассерия, а в завещании, присоединенном к нему, причем источник, откуда оно было заимствовано, Ф. Вайсом не указан. Само завещание, известное нам в трех редакциях: англосаксонской (язык оригинала), среднесанглийской и латинской, — дошло до нас в составе рукописи «Хроника и картулярий аббатства в Гайде» (**Add MS 82931, Британская библиотека**), которая была завершена, как теперь считают, в середине XV в. (издатель Э. Эдвардс датировал ее серединой XIV в., причем, по его замечанию, англосаксонский текст сильно пострадал при переписывании).⁴ Англосаксонский текст был, по всей видимости, заимствован из другого манускрипта, созданного ок. 1031 г. (**Stowe 944, Британская библиотека**) и изданного В. де Г. Бирчем как «Книга жизни: регистр и мартиролог Ньюминстера и Гайды».⁵ В конце XIX в. тот же В. де Г. Бирч издал все три версии завещания с комментариями в фундаментальном труде *Cartularium Saxonicum*.⁶ Сопоставление всех трех версий с большой долей вероятности наводит на мысль о том, что переписчик принял за привычное для него слово «сейзина» англосаксонский глагол *seosan* — «выбирать» (ср. *совр. англ.* choose).⁷ Тем самым заимствование слова «сейзина» из Нормандии получает дополнительное подтверждение.

Если корни романского слова *saisire*, а потом *saisina* прозрачны — речь идет о латинизированном германском слове *sacīre* (*absacīre*), — то изначальная форма, которая превратилась в *sacīre* и ее производные, вызывает вопросы. По сути, речь идет об этимологии глагола *sacīre* и, до известной степени, о его содержании. Исследователи предлагают несколько ре-

конструированных форм, а именно: франкский глагол **sakjan* в значении «требовать права» (*revendiquer des droits*) или «вести спор» (*streiten*) или же **sakan* — «вести процесс» (*faire un procès*). По всей видимости, значение самого реконструируемого слова берется исследователями из тех редких его упоминаний, которые встречаются в источниках, что вызывает вопросы.

Широко распространенной и признанной в научных кругах можно считать другую этимологию глагола *sacire*, восходящую к форме **sazjan* (от которой происходит и современный немецкий глагол *setzen* — «посадить, поставить») древнесверхненемецкого языка в значении «вводить во владение» (*posset, mettre en possession*).⁸ Эта точка зрения отражена в этимологическом словаре французского языка В. фон Вартбурга. По мнению исследователя, в своей латинизированной форме глагол *sacire* служил обозначению процедуры овладения тем или иным имуществом (*Besitz ergreifen von etwas*).⁹ Позже, уже в романизированной форме *saisir*, этот глагол употребляется в двух значениях: «передавать владение, вводить во владение» (*Besitz übertragen, mettre (qn) en possession (de qch)*) но и «присваивать, захватывать с применением оружия» (*ergreifen, occuper avec la force armée*). Слово *saisine* в значении «владение» (*possession*) появляется не раньше 1138 г.¹⁰ Еще позже появляется слово *saisir* в значении «конфисковать», хотя латинская форма глагола *saisire* в этом же значении встречается уже в документах XI в.¹¹

Интерпретация В. фон Вартбурга созвучна мнению таких крупных немецких исследователей, как Р. Хюбнер, Г. Бруннер, издатель ряда словарей по праву и этимологии германских языков Г. Кёблер.¹² Автор «*Handbuch zur lateinischen Sprache des Mittelalters*» П. Штотц указывает, в частности, что добавление суффикса *-ina* (*sais-ina*) было обычной практикой образования существительных от глаголов 4-го спряжения (*-ire*), в основе которых нередко лежали германские корни. П. Штотц полностью разделяет мнение тех исследователей, которые полагают, что глагол *sacire* и производная *saisina* есть как раз итог такой латинизации, а его значение — «вводить во владение» или «право пользования», например деревом в лесу.¹³ В словарях средне-

всковой латыни речь идет не столько об этимологии, сколько о значениях глагола *sacire*, которые можно свести к двум основным: «захватывать» и «вступать во владение».¹⁴ Наши собственные наблюдения позволяют согласиться с выводами этой школы, правда, требующими некоторых оговорок. Можно лишь сомневаться в правомерности искать истоки слова, которое изначально встречается исключительно во франкских документах, из древневерхненемецкого языка, возникновение которого приходится на древневерхненемецкий период (750—1050 гг.), т. е. исторически следует за франкским. Ведь самые ранние примеры *sacire* мы находим в формулярии Маркульфа (датировка колеблется между 630—640 гг. и 720 г.), который был составлен, вероятно, в Сен-Дени или в аббатстве Ребе около Мо, а также формуляриях, изданных французским юристом-эрудитом Ж. Биньоном (1589—1656) и немецким юристом и историком права П. И. Меркелем (1819—1861), которые датируются VIII—началом IX вв.¹⁵ Не исключено, однако, что реконструируемые франкские глаголы **sakjan* или **sakan* имели то же значение.

Нельзя не упомянуть и оригинальную концепцию Л. Винера, которую можно назвать романистской. По его мнению, форма *sacire* есть не что иное, как римское *sociare*. Л. Винер полагал, что глагол *sociare* (*saliare* или *saziare* франкских источников) в Кодексе Феодосия (438 г.) означает «присваивать», а применительно к фиску — «конфисковать» (*sociare fisco*).¹⁶ Как доказательство тому, он ссылается на поздний каркассонский документ 936 г. и указывает, что упомянутое здесь выражение *accipiant in sazina* тождественно *accipiant in fisco* в других документах. Следы *sacire* он находит и в Алеманнской правде (VIII в.) в форме *sisit*. Ссылаясь в качестве доказательства на франкские документы, Л. Винер приводит и такую форму, как *satiare*.

Несмотря на оригинальность построений Л. Винера, более того, некоторую их созвучность представлению о поздних германцах как достаточно романизованном элементе империи, все приводимые им совпадения достаточно поздние, чтобы можно было утверждать изначальную связь глагола *saisire* с фиском, а в случае каркассонского документа существитель-

нос «сейзина» могло быть столь многозначным, что приобрело значение «конфисковать». Если следовать логике Л. Винера, то ранние примеры *sacire* должны указывать на факты конфискации или хотя бы присвоения имущества, однако это не совсем соответствует действительности. Тот же Л. Винер предлагает для более ранних примеров из франкских источников, о которых мы скажем отдельно, перевод слова *sacire* как: «приобретение имущества со статусом аллода в ходе судебного процесса», каковая точка зрения нам представляется более обоснованной.¹⁷ Далее, исследователь никак не объясняет чисто фонетическую трансформацию звука и буквы *o* в слове *sociare* в *a* в слове *sagio*, *saio* или *saisire*, поскольку все формы этого слова, включая и те, которые приводит сам Л. Винер, содержат *a* и, насколько позволяют судить известные источники, никогда *o*.¹⁸ Наконец, не до конца ясно, зачем понадобилось придумывать новое слово (или трансформировать старое) для описания уже существующего явления? Одним словом, концепция Л. Винера остается в наших глазах спорной.

Если оставаться на позициях романистов, то в слове *sacire* можно увидеть производную от существительного *saccus* («мешок» или «сумка»), поскольку действие, которое этот глагол обозначал, могли интерпретировать как — «присваивать», но и «приобретать», «забирать (в мешок. — *A. K.*)» и т. д.¹⁹ Однако латинский язык знает отдельное слово, действительно производное от *saccus* — *saccare*. Любопытно, что по той же схеме образован и другой глагол *confiscare* < *fiscus*. Материал, собранный нашими предшественниками, свидетельствует о том, что в латыни деноминативные глаголы принимали форму 1-го спряжения. Более того, авторам этих исследований неизвестны факты происхождения глаголов, по меньшей мере, 4-го спряжения от существительных 2-го склонения, как в случае с *saccare*. Известен глагол *hostire* («делить, воздавать, давать равными частями»). Э. Фэй предлагает видеть в нем производный от *hostis* в смысле «воздавать», т. е. давать чужеземцу дар в знак расположения к нему (*A. Вальде* переводит этот глагол немецким *vergeltten*). Сам *A. Вальде* добавляет, что слово *hostire* могло у одних авторов означать «бить, ранить» (*verletzen, schlagen*, как у Феста, II век н. э.), а у других, скорее, «воздавать, награж-

дать» (*vergelten*, как у Энния (239—169 до н. э.)). Создается впечатление, что мнение А. Вальде совпадает с мнением Э. Фэя. Образование же глагола 4-го спряжения от существительного с окончанием на *is* представляется весьма правдоподобным чисто технически.²⁰ В принципе можно привести примеры глаголов, имеющих общее происхождение, но разную семантику и разную грамматическую форму (в русском языке, например, «мешать» и «месить»). Однако, повторимся, имеющиеся в нашем распоряжении сведения дают основания рассматривать эту гипотезу только как одно из возможных объяснений. Впредь же мы сконцентрируемся на анализе конкретных источников, поскольку содержания слова *sacire* важнее, чем его происхождение.

В силу того что формулы отражали, так или иначе, ситуацию споров и конфликтов, они не дают нам акт *sacire* в «чистом» виде, так что его содержание приходится всякий раз реконструировать. Между тем попытки предшественников раскрыть содержание слова «сейзина», опираясь только на тексты самих формул, нельзя признать безупречными. Все это обусловило наш интерес к другой процедуре, специально не рассматривавшейся в исследовательской литературе, но неплохо известной историкам права. Речь идет о процедуре *absacire*, противоположенной процедуре сейзины и обычно понимаемой как «оставление имущества».²¹

Любопытно, что все документы, в которых упоминается акт *absacire*, происходят из областей, некогда захваченных франками (Бургундия, Бавария, северная Италия), хотя мы и не можем исключать, что этот обряд был распространен на территории непосредственного расселения франков, но до поры до времени не находил отражение в источниках. Как бы подтверждая высказывание Ф. У. Мэйтланда, Л. Винер отмечает, что слово *sacire* так никогда и не стало популярным в Италии, что, почти наверняка, следует объяснять слабым влиянием франкского этнического элемента и устойчивыми традициями употребления терминов и понятий, коренившихся в римском праве. В XII в. оно появляется в форме *sagire*, *saxire*, *hasire*, а на юге были распространены формы *dissagire*, *gesagire*, но тот же Л. Винер, приводя примеры этих форм в итальянских документах, говорит

о том их значении, которое, в общем-то, было вполне обычным для всех регионов: «захватывать», «занимать» — а не «вводить во владение».²² Это в очередной раз доказывает важность изучения института именно англо-нормандской сейзины, как особой формы бытования акта *sacire*, получившего распространение в континентальной Европе.

Создается впечатление, что упоминание процедуры *absacire* в источниках связано с влиянием иноязычной среды, в которой особенности правовой культуры франков должны были проявиться отчетливее. Без сомнения, франкам был знаком общий для целой группы германских племен обряд отказа от имущественных прав или имущественных притязаний, который обозначался глаголом *abwarpiscere*. При знакомстве же с правовыми нормами других германских племенных союзов, франкам нужно было четче определить собственные правовые представления, а потому не случайно среди участников акта *absacire* выступают по преимуществу сами франки. В то же время в источниках мы встречаем указание на то, что процедуру *absacire* совершают лица, живущие уже по законам лангобардов или алеманнов, но все они довольно позднего происхождения. О распространенности этого обряда среди представителей других германских племенных союзов, за исключением саксов и фризов, писал в свое время Р. Хюбнер.²³

Акт absacire в итальянских и южнофранцузских документах

В грамоте, датированной 841 г., представитель графа (*vicecomes*) в коммуне Пьомбино (Тоскана), некто франк (*ex genere Francorum*) Магинард, отчуждает имущество с помощью обычных в таких случаях символов: согнутого ножа (*per cultellum perlicato*), палочки с пометками на ней (т. н. *fisticum notatorum*, варианты *fistuca notata*, *fistuca nodata*), рукавицы, дерна; при этом в документе дословно передано заявление графа: «Себя отныне изгоняю прочь, отказываюсь и объявляю себя прошедшим через обряд *absacire* (*me inde (exinde) foris expello, guarpisco, seu absacito facio*).²⁴

В документе, составленном в конце IX в. в Пьячэнце, в роли дарителя вновь названо лицо, живущее по салическому закону, не кто иная, как Эрменгарда (852/55—896), дочь императора Людовика II (850—875).²⁵ Согласно документу, Эрменгарда дарует, уступает, передает во спасение своей души (*dono, cedo, confego*) две усадьбы, принадлежащие ей по праву (*curtes duas juris meae*) со всеми относящимися к ним угодьями и имуществом, куда среди прочего входили мельницы, сервы, служанки, лица полусвободного статуса и т. д., причем даруемым имуществом она распоряжалась вполне свободно (*de meo jure et dominio*).²⁶ Аббатству передавалась вся полнота прав на него. Передачу дарованного имущества Эрменгарда совершает путем инвеституры, используя такие ее знаки, как нож, фистуку, дерн и зеленые ветки. При этом она объявляет себя отныне изгнанной прочь из названных владений и прошедшей через акт *absasire*: «...*me exinde foris abwarpisco et absasito feci*». Далее в присутствии всех, подняв с земли пергамен с чернильницей, она просит нотариуса Леона записать совершенное.

Названный обряд упоминается и в документах следующего, X в. В одном из них, датированном 935 г. и составленном в Павии, сообщается о споре между епископом Сигсфредом (возможно, речь идет о Литифреде II (930/943—971)), его адвокатом и нотарием Адельбертом, с одной стороны, и маркизом Ансхарием и его помощником Раперто — с другой.²⁷ Спор касался небольшой усадьбы (*curticella*) в местечке Лукуло и аббатства Берчето (Эмилия-Романия). Ансхарий, а вместе с ним и Раперто признали, что эти документ и предписание являются подлинными, сами же отказались от претензий на спорное имущество, объявляя при этом, что по закону Ансхарий не имеет на него никаких владельческих прав.

Признав правоту противоположной стороны, вышеназванный Ансхарий выразил свой отказ от спорного имущества, совершив обряд *abwarpiscere* и заявив себя прошедшим через обряд *absasire*: «...*exinde abwarpivit et absasito fecit*». После сделанных заявлений Ансхарий объявил, что монастырь должен обрести всю полноту прав на оспоренные Ансхарием владения, что передано в источнике как «*ad suam proprietatem habere et detinere deberent*».²⁸

Аналогичная формула содержится и в двух документах, составленных в мае 988 г.²⁹ Грамоты закрепляли вызвавший спор итог обмена между епископом Кремоны Ольдериком (ок. 973—1004), который явился в суд в сопровождении своего адвоката Гарибальда, и супругами графом Гандульфом и его женой Эрменгардой. Обращает на себя внимание очередное указание на салический закон (*ex pacione sua lege vivere salicha*), в соответствии с которым Эрменгадра и отчуждала имущество.³⁰ Такое право было предоставлено ей императорским капитулярием, но требовалось участие мужа.³¹ Отчуждение было совершено, если верить документу, добровольно.³² После передачи имущества и инвеституры (*legitimam fecit traditionem et vestitura*), осуществленной с применением уже известных нам символов — нож, палочка с пометками, рукавица, дерн и ветка дерева — Эрменгарда, как сказано в документе: «Сама себя вытолкнула наружу, отказалась от прав на имущество и объявила себя прошедшей через акт *absasire* (*se exinde foris expullit, warpivit et absasito fecit*)». Подобного рода формула использована и во втором документе: «*et me exinde foris expulli, warpivi et absasito feci*».

Территория распространения обряда *absasire* не ограничивалась одной лишь Италией. Примеры этого акта, причем весьма поздние, мы находим и в Бургундии XI в. В грамоте в пользу монастыря Ключни, датируемой 1091 г., сообщается, как несколько местных жителей, живущих по закону лангобардов и алеманнов (*lege vivamus Langobardorum ... lege vivamus Alamanorum*), принесли и поименно подарили церкви св. Петра в Ключни отдельные части одного участка земли со всем относящимся к нему имуществом. Передача имущественных прав, как и в предыдущем документе, сопровождалась вручением грамотки (*per cartulam*) и некоторых символов.³³ При этом названное действие было определено как законная передача и инвеститура (*legitimam traditionem et investituram*). Затем, как сказано в источнике, дарители себя «вытолкнули наружу», отказались от прав на имущество и представили себя прошедшими через обряд *absasire* (*nos exinde foris expellimus, vuarpivimus et absa cito (sic!) fecimus*).

Столь подробный анализ каждого документа мог бы показаться излишним, так как все они лишь свидетельствуют о том,

что акт *absacire* представлял собой часть процедуры, призванной оформить отказ от владельческих прав без ее описания как таковой. Но если пристальнее присмотреться к формулам, запечатленным в рассмотренных документах, то смысл процедуры *absacire* становится более прозрачным.

Из документов следует, что процедура отказа от имущества представляла собой сочетание трех элементов и, очевидно, не сводима к каждому из них: некое (надо думать, символическое) оставление имущества (*foris expelli*), последующая процедура *abwarpiscere* и, наконец, *absacire*. Словари средневековой латыни единодушны в том, что глаголы *abwarpiscere* и *absacire* синонимы и обычно переводятся как «оставлять», «отказываться», «воздерживаться».³⁴

Действительно, в некоторых документах процедура *abwarpire* не упоминается, в то время как указание на процедуру *absacire* остается неизменным. Не исключено, что для составителей документов акт *abwarpire* просто поглощался актом *absacire* или смешивался с ним. На это может косвенно указывать и союз *seu (sive)* в первом из рассмотренных документов: «...*me inde (exinde) foris expello, gwarpisco, seu absacito facio*». Он мог выполнять здесь функцию разделительного союза «или» со значением альтернативы, хотя для средневековой латыни не менее типично его использование как синонима *et*. В таком случае глагол *absacire* для составителя документа был не чем иным, как франкским наименованием обряда *warpire* или *abwarpire*.

И все же стоит обратить внимание на следующие обстоятельства. Во-первых, постоянство, с каким составители документов используют именно аккузатив причастия *absacitum (absacito)* и никогда глагольную форму *absacire*. Более того, выражение *absacitum fecit* явно представляет собой устойчивую формулу, а глагол *facere* иногда принимает форму первого лица: *absacito facimus, absacito feci*. Все это должно было лишний раз подчеркнуть определенность намерений участников процедуры. Во-вторых, глагол *abwarpiscere* и выражение *absacitum facere* в подавляющем большинстве случаев соединены разделительным союзом *et*, в однозначности которого не приходится сомневаться.

Если глагол *abwarpire* мог непосредственно указывать на имевший место отказ от имущественных прав, притязаний или обязательств (также принимавший форму некоего символического обряда, например преломление и/или бросание палочки, т. н. *exfestucatio*), то причастие *absacitum* свидетельствует о наступлении и пребывании в состоянии, обеспеченном актом *abwarpire* или *absacire*.³⁵ Иными словами, современники хотели представить себя находящимися вне отчуждаемого или возвращаемого по суду имущества.³⁶ Процедура *abwarpire* была, если так можно выразиться, смысло-ориентированной, а состояние *absacitum* — пространственно-ориентированным. Но при такой интерпретации и глагол *absacire* имел то же, пространственно-ориентированное, значение и не может быть просто сведен к обряду *abwarpire*. Другое дело, что мы имеем дело с *воспоминанием* об обряде, выраженном в соответствующей формуле, но не с самим обрядом. А вот документы Фрейзингенского епископства (Бавария, тоже некогда подпавшая под власть франков), гораздо более определенны и свидетельствуют о том, что процедура *absacire* состояла в демонстрации прежним владельцем своего отсутствия в границах отчуждаемого имущества в течение некоторого срока и, напротив, присутствия в пределах отчужденного имущества нового владельца. К этим документам и стоит теперь обратиться.

*Акт absacire в документах Фрейзингенского
епископства*

Все документы сравнительно ранние и датируются первыми десятилетиями IX в. (818, 819 и 820 гг. соответственно). Тем больше вероятность, что они отразили действительно раннюю практику. В первом документе сообщается, что после объявления о передаче имущественных прав прежний владелец в течение трех дней и ночей представлял свидетелям возможность убедиться в том, что он более не находится в пределах своих владений. Напротив, представитель нового владельца демонстрировал в то же время, что он физически присутствует в качестве хозяина полученного имущества.

Некий клирик Хадуберт передал Хитону (810/811—834/835), епископу Фрейзинга, собственный аллод и приобретенные ранее от епископской церкви бенефиции (*propriae alodis seu beneficia*), совершив обряд повторной инвеституры (*reddidit ac investivit*). При этом он в течение трех дней и ночей представлял себя покинувшим свое владение (*seipsum absacitum tribus diebus et tribus noctis exhibebit*), а собственный серв епископской церкви вошел в пределы этого владения и оставался там в течение указанного срока: «*Ipsam rem proprius servus Sanctae Mariae obsedit*».³⁷

Употребленный в документе глагол *obsedit* не нуждается в комментариях и, надо полагать, проливает свет на одну из важнейших обрядовых форм вступления во владение, выражением которого являлся глагол *sacire*. Его правомерно рассматривать как форму непосредственного овладения и фактического использования обретенного имущества в течение какого-то времени. Например, Р. Хюбнер приводит примеры того, как символическая передача имущества проигравшей стороной в споре дополнялась в течение буквально следующих дней и фактической передачей владельческих прав в границах отчуждаемого имущества.³⁸ Отголоски этой практики можно найти много позже в английских и французских документах XIII в.³⁹

Еще одна грамота из Фрейзинга также отражает практику трехдневного пребывания в границах вновь обретенных владений. В ней речь идет о передаче «в руки» Вагона, капеллана кафедральной церкви, имущества, уступленного священником Вальтером. Совершенная в короткий промежуток времени инвеститура дополнена все той же процедурой пребывания серва церкви в течение трех дней и ночей в пределах вновь приобретенного имущества.⁴⁰ Трехдневный срок как характерную черту германской инвеституры — *gewere* — отмечал и В. Альбрехт.⁴¹

Следующий документ рисует ситуацию судебного спора. Епископ Хитон в лице своего адвоката Вихарта выдвинул обвинение против некоего Вальдкера, по-видимому, весьма влиятельной персоны, в том, что тот вторгся в усадьбу и церковь, которые принадлежали кафедральной церкви Фрейзинга, и из-

бил собственного серва церкви св. Марии.⁴² В ответ на заявление Хитона Вальдкер утверждал, что он сделал это на основе права инвеституры и что эта церковь принадлежит лично ему (*suam propriam esse*).

В ходе разбирательства, учиненного графом, три главных свидетеля из местных жителей (*vices*) объявили, что во времена императора Карла (имеется в виду, конечно, Карл Великий (800—814)) епископ, обладая полнотой власти на эту усадьбу и дом (*episcopus eam potestative haberet*), передал их в качестве бенефиция своему священнику Тоту, но позднее Вальдкер несправедливо лишил его имущества (*usque Waldker injuste inde devestisset*).

После того как суд признал Вальдкера побежденным, тот вернул указанную церковь с усадьбой лично епископу и его защитнику. Поручитель Вальдкера, некий Вальфлеоц, заверил победившую сторону в том, что церкви св. Марии будет выплачена компенсация в размере одиннадцати солидов, а в качестве залога он объявил всю челядь своего подзащитного Вальдкера. В тот же день поручитель ввел посланника епископа во владение домами, рабами, скотом путем инвеституры с помощью веревки (*legitimum missum episcopi vestivit cum corda*) как вещественного знака власти над этим имуществом и представил Вальдкера в качестве лица, навеки оставившего это имущество (*in evum se absacitum fecit*). На этот документ ссылается в своей работе и Р. Хюбнер, но оставляет его без комментариев.⁴³

Выразительное свидетельство универсальности обычая трехдневного пребывания нового владельца в пределах приобретенного имущества в пору высокого Средневековья содержит известный памятник германского права «Саксонское зеркало». Несомненный интерес в этой связи представляет иллюстрированная гейдельбергская рукопись (ок. 1300 г.), где на одной из миниатюр мы находим фигуры сидящих мужчины и женщины, а над ними солнце с тремя точками, что указывает на количество дней, которые новые владельцы имущества должны провести в таком положении в знак полноты своих владельческих прав.⁴⁴ В правой верхней части миниатюры продавец передает новому владельцу зеленую ветку в знак оставления ему всех своих прав. Число LII в круге и лучи солнца символизируют,

по мысли издателя, срок «один год и день». Действительно, как известно, в обычном календарном году 52 недели (364/7). В нашем случае речь шла о том, что полное отчуждение имущества в пользу другого лица, представляющее прежде всего в форме физического занятия приобретенного имущества новыми владельцами в течение трех дней, дополнялось условием эксплуатации этого имущества в течение года и дня.⁴⁵ Как тут не вспомнить и знаменитый XLV титул «Салической правды» «О переселенцах»: «Если же переселившемуся в течение 12 месяцев не будет предъявлено никакого протеста, он должен остаться неприкосновенным, как и другие соседи».

Во втором ряду миниатюры представлена ситуация, когда передача имущества путем купли-продажи совершается без полной передачи владельческих прав (*Auflassung*). Здесь новый владелец передает продавцу ветвь как знак признания некоторых прав продавца на уступленное имущество. Но права эти заключались, собственно, в возможности и почетной обязанности защищать нового владельца в суде в случае притязаний на приобретенное имущество со стороны третьих лиц.⁴⁶

Хотя описанная миниатюра относится к более позднему времени, она проливает свет на исследуемые нами отношения раннего Средневековья и наглядно представляет связь описанного нами обряда, имевшего непосредственное отношение к акту *sacire*—*absacire*, с практикой «трехдневного пребывания» (*sessio triduana*) в пределах вновь приобретенного имущества, дополненного длительным, в течение года и дня, фактическим пользованием этим имуществом.⁴⁷

При сопоставлении количества документов, отразивших акт *sacire* и *absacire*, приходится констатировать, что в последнем случае оно больше. Объясняется же это довольно просто — акт *sacire* изначально осуществлялся лицом в свою пользу, а потому должен был появиться в документах только в силу особых обстоятельств. Напротив, акт *absacire* отражал практику отказа от имущественных прав, практику, которая в первую очередь должна была получить отражение в документах. Только после того как акт *sacire* превратился в акт ввода во владение, количество отразивших его документов начинает неуклонно расти. К анализу этой эволюции мы и приступаем.

Акт sacire в ранних документах

Поскольку глагол *sacire* встречается сравнительно поздно, мы не можем быть уверенными в том, что им описывали институт, существовавший еще до Великого переселения народов, когда происходило расселение германских племен в рамках римской провинции Галлия.⁴⁸ И все же, смеем думать, процедура эта затрагивала столь важный вопрос — вопрос об имущественных правах, что почти нет сомнений в том, что она практиковалась у франков еще до военно-переселенческой колонизации. Последняя же не только ввела его в язык документов, но и придала импульс последующему развитию.

Исследователи вплоть до середины XX в., когда заметные успехи сделала археология, часто рассматривали германцев как племена «кочевников», не имеющих своего угла, находящихся в постоянном движении. Как правило, в подтверждение своей точки зрения исследователи ссылались на труды Цезаря и Тацита.⁴⁹ Отчасти эту точку зрения разделял А. И. Неусыхин.⁵⁰ Между тем вопрос о достоверности изложенных в них сведений поставлен уже давно.

Как наглядно продемонстрировали исследования датского археолога Г. Хатта, земледелие было издревле распространено у германцев.⁵¹ Та же ситуация, которую рисуют античные источники, по замечанию А. Я. Гуревича, сложилась в силу особых обстоятельств в ходе переселения, что не отвечало коренным традициям самих германцев.⁵² Достаточно вспомнить контекст, в котором мы находим приведенные описания. Так, в случае с Цезарем, он пишет прямо, что «...усипеты и тенктеры — перешли большой массой через реку Рейн недалеко от его впадения в море. Причиной этого переселения было то, что они много лет страдали от свебов, которые беспокоили их войнами и мешали обрабатывать землю».⁵³ Иными словами, ситуация, описанная Цезарем, была хотя и не редкой, но неординарной. Потому представляется справедливым и замечание Ж. Ле Гоффа, который пишет о варварах как беженцах, подгоняемых «другими, более сильными или более жестокими, чем они. Их собственная жестокость часто проистекала из отчаяния, особенно когда римляне отказывали им в убежище, коего они

обычно миролюбиво испрашивали». ⁵⁴ Впрочем, вопрос о «миролюбивости» мы оставляем за скобками.

О том, как конкретно проходило освоение новых территорий, единого мнения нет. ⁵⁵ Впрочем, литература о самом переселении, равно как и о становлении франкской аристократии огромна и здесь невозможно и неуместно не только останавливаться на ней, но даже и приводить ее список. Можно лишь сказать, что признание бесспорно аристократического характера германского общества автоматически не свидетельствует о ведущей роли самой аристократии в этот период. Еще много лет назад А. И. Нусыхин отметил, что описанные римскими историками порядки касались, строго говоря, только знати и ее дружин, а не жизни рядовых германцев. ⁵⁶ Обращая внимание на особенности ландшафта Германии, он же отмечал, что передвижение племен, единственная форма ведения экстенсивного хозяйства, носило характер военно-переселенческой колонизации. ⁵⁷

Напротив, современные исследователи гораздо более сдержанно относятся к факту завоевания как таковому, предпочитая говорить, скорее, о проникновении, переселении (*Unterwanderung*) германцев (и франков в том числе) в пределы Римской империи. Разумеется, это не означает, что можно отрицать практику конфискации части имущества у местного населения, причем раздел осуществлялся, в первую очередь, среди воинов. Одоакр требовал треть земли и треть доходов как раз для оплаты их жалованья. ⁵⁸ Напротив, бургунды, осевшие как *hospites*, приобретали имущество, скорее, на положении самостоятельных землевладельцев с уплатой налогов, но все названы в источниках *possessores*. Судя по тому, что они получали пусто-порожные земли, а рабов имела только знать, основную массу бургундов составляли не столько воины-дружинники, сколько рядовые земледельцы, впрочем, тоже имевшие право носить оружие. Можно полагать, что раздел земли среди германцев не был похож на простой дележ захваченного имущества, хотя германцы нередко самовольно отбирали землю, как, например, это делали вестготы в отношении римлян. ⁵⁹

Вестготы, бургунды или франки не представляли собой ни этнического, ни социального единства. Э. Целнер, признавая ведущую роль в VI в. королевской власти, отмечает, что король

должен был считаться с настроениями простых франков, свидетельством чему может служить и практика созыва мартовских полей.⁶⁰ Анализ этнонимов, например *franci*, привел к выводу, что вплоть до эпохи Каролингов им обозначалась некая генетильная общность, а топоним *Francia* был, скорее, синонимом «государства» (*Reich*). И то и другое понятие были почти взаимозаменяемы. Лишь позже под *franci* стали понимать привилегированные страты общества: знать и их дружины.⁶¹ Скорее всего, в ходе расселения сначала знать и ведомые ей дружинники (антрустионы), а потом и рядовые франки осуществляли освоение новой территории, сопровождавшееся приобретением имущества определенного статуса путем публичного утверждения прав на него, практика, которая и нашла отражение в интересующем нас термине *sacire*.⁶² Видеть в этом акте публичную процедуру только в рамках военного сообщества — значит, ограничивать сферу и масштаб ее распространенности.⁶³ Между тем аллод, о котором говорят наши документы в связи с актом *sacire*, представлял собой имущество именно полноправного члена коллектива, в условиях того времени, почти всегда воина, даже если в рассматриваемый период далеко не все франки участвовали в военных походах.⁶⁴

Надо полагать, что для дружинников получение ими галло-римских вилл прежних хозяев могло рассматриваться (и, скорее всего, так и было) как известная плата вождя за участие в походе, в то время как для рядовых франков заселение Галлии не походило на насильственную экспансию, связанную с экспроприацией владений галло-римской знати.⁶⁵ Стоит помнить и о том, что франки, а, точнее, знать и ее дружины, даже оказывая вооруженное давление на империю, занимали пустующие земли фиска, а формами освоения земли были, по-видимому, не только королевское пожалование, но индивидуальная заимка.⁶⁶ По крайней мере, в отношении франков это можно утверждать с большей долей уверенности. Одним словом, *sacire* следует понимать как обретение имущества, опирающееся не столько на право, сколько на фактическое его присвоение и использование с согласия коллектива. Чем большую ценность приобретал труд, приложенный к земле, тем более важным становился факт ее длительной обработки в обосновании своих прав.⁶⁷ Одна из

франкских формул, на наш взгляд, даст основания для таких выводов. Несмотря на то что только формулярий Маркульфа можно надежно датировать эпохой Меровингов, все они отражают сравнительно раннюю практику и дают ценную информацию по ранней истории сейзины, но не содержат описания акта *sacire* в чистом виде.⁶⁸

Истец являлся в суд, который собирался, как правило, в определенные дни и в конкретном месте (*in mallo publico*) перед «добрыми людьми» и рахинбургам (коллегия выборных судебных заседателей) с тем, чтобы истребовать имущество, незаконно удерживаемое ответчиком. В ходе судебного разбирательства судьи обращались к ответчику с вопросом, при чьем посредстве (*per quem*) он совершил акт *sacire* и впредь желал, очевидно, удерживать спорное имущество (*sibi de ipso servo saciret vel inantea sacire vellebat*). Очевидно, что за вопросом «*per quem*» скрывалось желание судей узнать, кто свидетельствовал этот акт, поскольку все сделки подобного рода носили публичный характер. В ту пору, как это следует из материала, собранного Р. Хюбнером, больше доверяли свидетельству соприсяжников, чем письменному документу.⁶⁹

Слова, которым описывали факт захвата имущества ответчиком, были разными, но в одной из формул представляет интерес известный параллелизм между словами *supersedebat* (удерживал) и последовавший затем вопрос «*per quem sibi... saciret*». При этом слово *sacire* сопровождалось красноречивым дополнением *legibus*, что предполагало, очевидно, совершение процедуры по определенным правилам с участием свидетелей.⁷⁰ В рассматриваемом документе ответчик явился в базилику с соприсяжниками, тем самым представив тех, кто участвовал в имевшем место ранее акте *sacire*. Затем, положив руку на алтарь, ответчик поклялся в правдивости своих показаний.⁷¹ Ответчик также пытался обосновать свою правоту, ссылаясь на преемственность прав от отца: «мне родитель оставил», «родитель оставил из аллода». Заметим, что получение имущества путем наследования от отца являлось в рассматриваемый период самым обычным способом его приобретения, а внутри общества свободных франков едва ли не единственным. Только он и зафиксирован в Салической правде.⁷²

Известной вариацией рассмотренных случаев может служить спор, завершившийся прекарной сделкой. Обращает на себя внимание тот факт, что будущий ответчик решил совершить эту процедуру в рамках суда на основании длительного и видимого всеми пользования имуществом (*quem excolere videor*). Любопытно и то, что акт *sacire* тоже, несомненно, публичный, вел к приобретению лицом имущества со статусом *proprietas* (*ad proprietate sacire [volui]*).⁷³ Однако прежний обладатель имущества и его агенты вчинили иск против захватчика, который так и не смог обосновать свои права и был вынужден приобрести имущество как прекарий (*precaverit*).

Следующий документ тоже отразил прекарную сделку, однако здесь получатель прекария сразу же оговаривает, что он не может и не будет делать с прекарием и, среди прочего, *ad proprium sacire* и, заметим снова, не оставлять своим наследникам со статусом аллода (*nec heredis meos in alote derelinquere*).⁷⁴

Подводя некоторый итог, можно сказать, что в названных документах акт *sacire* не исчерпывается фактическим обретением имущества, представляя собой, скорее, некоторую процедуру утверждения прав, где, однако, основой такого утверждения являются конкретные действия по его приобретению. Судя по упоминанию попыток некоторых действующих лиц наших документов в предшествующее суду время оформить свои владельческие права посредством акта *sacire*, сам этот акт представлял собой некоторую вне- и досудебную, но опять же публичную процедуру приобретения имущественных прав. Одним словом, было бы неправильно трактовать сейзину только как процедуру абстрактного утверждения прав или как термин для обозначения фактического присвоения имущества. Акт *sacire* был более сложен и обнимал собой две процедуры: публичное фактическое вступление во владение (вспомним процедуру *absacire*) в присутствии некоторого круга лиц (например, соседей) и сопровождавшие его, очевидно, словесные формулы, удостоверявшие обоснованность претензий нового владельца. Думается, что именно о факте длительного обладания имуществом, но имевшего под собой некие основания (дарение), идет речь в последнем из рассматриваемых здесь документов.

Представляя собой королевскую и при этом весьма раннюю формулу, он, без сомнения, свидетельствует о древности самой практики *sacire*, поскольку первоначально это слово, без сомнения, фигурировало в разговорном языке все тех же франков. С другой стороны, это слово несло в себе важный для составителей и слушателей смысл, если оно было включено в формулу королевской грамоты, в то время как общее число упоминаний этого слова в столь ранний период крайне невелико. В документе сказано следующее: пусть епископ, аббат или аббатиса «*licentiam habeat ... pro eorum instrumenta aut de annis ipsa rem ... cum aequietatis ordine respondendi vel omallandi seu per annis contra quemcumque saciendi*».⁷⁵ Такая ситуация возникла по причине каких-то бедствий (социальных или природных, неясно), все более затрагивающих народ, или вследствие естественной смерти, так что уже нет тех, кто мог бы выступить свидетелями в спорах о переданном имуществе.

Составитель документа предлагает следующие возможные действия в случае иска со стороны «злых людей», против которых и был направлен этот документ (*malorum necesse est tergiversationem cohercere*): *respondere*, т. е. отвечать по искам, *(h)omallare*, что означает «выступить в суде с помощью представителя», но в значении близком к *respondere*⁷⁶ и, наконец, совершать действие (выражено герундием *saciendi*). Вполне вероятно, что составитель использовал союзы (*vel, sive*) и предлог (*de annis, per annis*) произвольно.⁷⁷

Если альтернатива *pro instrumenta aut de annis* вполне понятна в случае с судебным спором и речь идет о ссылке сторон на документ или срок давности, то фраза «*per annis saciendi*» также указывает на срок, но срок чего? Наиболее адекватным ответом нам представляется следующий — на тот срок, в течение которого учреждение обладало имуществом, причем не просто обладало, но и демонстрировало факт своего присутствия в границах спорного имущества. Сказанное не покажется натяжкой, если мы вспомним чисто формальную сторону акта *absacire* — зримое оставление имущества. Здесь употребление формы герундия *saciendi* не случайно и лишний раз подчеркивает, что речь идет не об акте сейзины, а некоем состоянии. И это тем более вероятно, что учреждение выступит в каче-

стве ответчика и, следовательно, остается *обладателем* имущества, а потому его представитель может сослаться на давностный срок. Ссылка на документ (*instrumenta*), по всей видимости, также была не исключена, однако длительный срок рассматривался как надежная и, очевидно, вполне достаточная гарантия прав (титула). Еще в начале прошлого века историк и лингвист Л. Винер указал именно на такую возможность прочтения документа.⁷⁸

Как несложно убедиться, особенностью всех примеров употребления древней формы *sacire* является то, что этим словом обозначается акт приобретения имущества некоторым лицом в пользу самого себя. По-видимому, не случайно уже в ранних формулах акт *sacire* сопровождается несколько нарочитым дополнением *sibi* (в пользу себя, для себя). С примерами подобного рода мы сталкиваемся еще и в X в. в хронике Флодоарда. Епископ Вердена Дадо (ок. 880—923), после того как получил под свое управление аббатство св. Бальдерика, обменял имущество (*res*), переданное монастырю аббатом Аделардом, на виллу Жильмон (ныне Дьелоар, деп. Мез), а затем в названную виллу направил братьев, с тем, чтобы они вступили в обладание ею (*saciendi sibi causa*).⁷⁹ Употребленное здесь местоимение *sibi* вновь имеет некоторую нарочитость, заставляя думать о том, что процедура *sacire* могла осуществляться и в пользу другого лица.

Акт *sacire*, без сомнения, получил дальнейшее развитие и распространение в разных регионах Каролингской империи, постепенно замещаясь в документах новым глаголом — *se/aisire*. Изменялась не только форма слова, но и его смысл. Дело в том, что в конце каролингского периода и в посткаролингском обществе, характеризующемся все более возрастающим движением имущества и распадом центральных политических структур, семантическое значение глагола *sacire* расширяется. Например, в континентальных нарративных источниках XI—XIII вв. слова *saisire* или *saisir* обозначают уже, как правило, арест, конфискацию либо вообще насильственное противозаконное присвоение.⁸⁰ То же значение характерно и для современного французского языка. Грамота 876 г., дошедшая в картулярии кафедральной церкви города Нима, засвидетельствовала жалобу епископа города Гильберта (870—890) перед судом на некоего Бернарда,

который лишил кафедральную церковь св. Марии виллы, потом вернул ее, но затем вновь «против закона захватил» (*sacivit contra lege*).⁸¹ Как мы видим, акт *sacire* здесь ассоциируется с идеей насильственного захвата. В грамоте никак не отмечен публичный характер осуществленного акта *sacire*. Нельзя пройти мимо определения *contra lege*, которое не встречалось в рассмотренных выше документах, как если бы слово *sacire*, как таковое, на протяжении IX в. еще не включало представление о каком-либо противоправном действии.

Правда, и это надо учесть, вопрос рахинбургов, отраженный в формулах (*per quem sacivit*) в условиях суда вполне мог получить значение «при чьем посредстве присвоил». По крайней мере, так представлял себе дело истец. В прекарной сделке эта мысль прямо не выражена, но и здесь попытка совершить процедуру *sacire* была в глазах истца ни чем иным, как противоправным захватом, а потому и было указано, что лицо решило «восстать», но «оснований не предоставило» (*revellare conavi ... nec ratio prestatit*). Тем не менее высказанное предположение о *sacire* как изначально возможном насильственном действии, следует рассматривать лишь как гипотезу. Напротив, примеров *sacire* в значении «приобретать имущество на определенных основаниях» намного больше. Более того, это представление будет жить и много позже, в документах Нормандии и сопредельных с ней областей, равно как и в Англо-нормандском королевстве. Но прежде чем говорить о Нормандии, необходимо несколько слов сказать о природе тех прав, которые оформлял акт *sacire*/сейзины, и сделать это надо как в отношении только что рассмотренного материала, так и имея перспективу изучения этих отношений в будущем.

Природа имущественных прав и акт *sacire*/сейзины

Начать надо с того, что акт *sacire* оказывается, если не исключительно, то, во всяком случае, тесно связанным с такой формой обладания имуществом, как аллод. Между тем картина предстает отнюдь не такой ясной, как могло бы показаться с первого взгляда. С одной стороны, бросается в глаза реши-

тельное противопоставление прав, приобретаемых с помощью указанного акта, условному владению (прекарию). Имущество же, от которого отказываются участники акта *absacire*, определено прямо как *proprietas* или *res suo iure*. При всей размытости подобного рода формулировок, участники сделок явно пользовались весьма широкими правами на имущество или пытались представить их таковыми.

С другой стороны, в одном документе из Фрейзинга акт *absacire* применен как по отношению к собственному аллоду лица, отчуждавшего имущество, так и по отношению к тем бенефициям, которые их обладатель получил от епископа. В дар же Эрменгарды, жены графа Гандульфа, ее права никак не квалифицированы, но сам факт участия мужа и необходимости его присутствия наводит на мысль об известной ограниченности правоспособности женщины. Раз так, то отказ от прав путем акта *absacire* отражал не только ее, но и его волю, даже если первоначально актом *sacire* оформлялись исключительно ее права на отчуждаемое ныне имущество. Именно по этой причине говорить следует о тенденции, а не о жесткой схеме, принимая во внимание и принцип историзма. Не окажется ли так, что противопоставление прекария и аллода, бесспорное в документах рубежа VII—VIII вв. начало размываться в IX—X вв., но при сохранении все же прежних представлений?

Как бы ни решался вопрос о сфере применения *sacire*/сейзины, обойти вопрос о содержании понятия «аллод» не представляется возможным. В современной историографии еще бытует мнение об аллоде как о форме близкой частной собственности и товару, что видно на примере специальной, правда, достаточно старой работы Й. Хермана, написанной с марксистских позиций.⁸² Еще раньше подобную точку зрения, пусть и с оговорками, отстаивал крупный советский медиевист А. И. Неусыхин. М. Блок был более сдержан, но и он считал возможным рассматривать аллод как нечто противопоставленное феоду и даже как наиболее свободную форму имущественных отношений. В сравнительно недавней коллективной работе по истории собственности и власти в раннее Средневековье, аллод вновь был определен как «полная собственность», «наследственное имущество, хотя иногда ограниченное в части распоряжения и

противопоставленное бенефицию и феоде как прекарным (условным) держаниям».⁸³ Напротив, А. Я. Гуревич, рассматривая аллод с позиции не правовой, а истории идей и ментальности, исходит из совершенно иного представления людей того времени о «собственности» и отмечает: «...свободы распоряжения им (аллодом), так и не возникло... Таким образом, необходимо разграничивать понятия „семейная собственность на землю“ и „частная собственность на землю“; первое понятие предполагает особо тесную, неразрывную связь семьи с земельным владением, второе — неограниченную свободу распоряжения землей».⁸⁴ Специально на проблеме аллода остановилась Л. Т. Мильская, отметив, что противопоставление аллода и феодальной собственности «все еще традиционно в средневековистике».⁸⁵ Она же подвела некий итог дискуссии по поводу аллода в том виде, как она шла в конце 80-х гг. прошлого века в отечественной историографии.⁸⁶ В конечном итоге, она склоняется к идеям А. И. Нусыгина и положениям К. Маркса и Ф. Энгельса об аллоде как частной (пусть и с оговорками) собственности.⁸⁷

Несколько позже о проблеме аллода высказался И. С. Филиппов, хотя его наблюдения касаются средиземноморской Франции по преимуществу. Термин «аллод» был заимствован у германцев, но описывал собой галло-римский институт. При этом аллодом нередко называют просто конкретный участок земли, что, вероятно, отвечало «юридически упрощенному миру раннего Средневековья». Аллод, по мнению исследователя, был более определенным термином, нежели римские размытые понятия, такие как *possessio*, *dominium* или *proprietas*. По замечанию И. С. Филиппова, говорить об аллоде как институте германском можно лишь применительно к Салической правде.⁸⁸ Впрочем, из изложения самого И. С. Филиппова явно следует, что аллод в целом ряде документов рассматривается как имущество, в отношении которого лицо реализует наибольшее право, имущество, не предполагавшее зависимость лица от кого бы то ни было.⁸⁹ Но таково ли его содержание в наших формулах?

Например, достаточно красноречив тот факт, что речь идет об аллоде, полученном от отца и передаваемом наследникам. Явно аллод мыслится здесь как наследственное имущество,

причем в таковом качестве может выступать как земля, так и зависимые люди. В прекарной сделке, напомним, было сказано, что получатель прекария не может продавать, дарить или любым иным способом отчуждать имущество, ни превращать его в аллод путем акта *sacire*. Можно ли, исходя из этой формулы, заключить, что сам аллод предполагал продажу или дарение, остается вопросом, но предположить такое возможно. В то же время нельзя не упомянуть капитулярий Карла Великого от 806 г., автор которого сетовал на факты присвоения графами бенефициев в собственность (*comparant sibi proprietates*) или превращение бенефициев сначала в собственность (*in proprietatem*) других людей с последующим ее получением как аллода (*iterum sibi in alodem*).⁹⁰ Тем самым капитулярий отражает процесс приватизации бенефиция, условного держания (точнее, получаемых с него доходов). Между тем в капитуляриях речь идет только об узурпации доходов с бенефициев, но о том, предполагалось ли передать их по наследству, капитулярии молчат. Как известно, ни должности, ни бенефиции не наследовались и много позже.⁹¹

Правовой режим аллода, поэтому, было бы оправданно рассматривать, исходя из конкретных обстоятельств. В любом случае, не может быть сомнений в том, что акт *sacire*, как правило, оформлял права именно на аллод, который, по мере ослабления давления родового коллектива или большой семьи, все более превращался в индивидуальное имущество, распоряжение которым было более свободным. Достаточно сказать, что в документах раннего Средневековья акты купли-продажи встречаются повсеместно.⁹² Однако магистральным в понимании института аллода, на наш взгляд, должен являться его безусловно наследственный характер.

Общие замечания о сейзине на континенте в XI—XIII вв.

Если от периода VII—X вв. примеров акта *sacire* дошло крайне мало, то документы последующего периода донесли до нас немало упоминаний уже новой, романизированной формы

se/aisire. Однако применительно к Нормандии XI—XII вв. — наш главный регион изучения на континенте — фрагментарность дошедших свидетельств об акте сейзины остается правилом, пусть даже тот материал, который нам предстоит рассмотреть, позволяет воссоздать его главные черты. Так, на сайте, организованном Институтом истории и изучения текстов (Париж—Орлеан), где размещены документы до 1121 г., нормандские составляют не более 3 %. И уж тем более невелико количество тех, где упоминается сейзина в любой форме и значении.⁹³ В нашу задачу не входит анализ сейзины во Франции в целом, ниже мы ограничимся только небольшим экскурсом, необходимым для понимания перспективы развития этого института там. Если в Англии сейзине предстояло стать центральным институтом имущественного права на долгие столетия, то кажется странным, что сама эта процедура не так часто встречается на страницах континентальных источников. Более того, один пример из Фландрии, который датируется 1137 г., показывает, как древний, по сути дела, акт сейзины включался в принятую в ту пору форму передачи имущества от одного владельца другому, определяемую привычным словом «инвеститура».⁹⁴ Не менее красноречивы и рассмотренные уже документы IX—XI вв., когда процедура *absacire* завершалась актом инвеституры, хотя можно было бы ожидать в аналогичном случае и акт сейзины.

Сообщается, что графиня Эрменсенда (ок. 1080—1143) вместе со своим мужем Годфридом I (1102—1139), графом Намюра, даровала аббатству Флон (комм. Аме, Бельгия, диоцез Льежа) один манс и две усадьбы. Дар был совершен по просьбе ее вассала Гунтрамна, вернувшего имущество, дословно, «в руку» своей госпожи и действовавшего вместе с женой Гизелой. От лица графини выступал некто Рейнар де Форсель, который, как сказано в документе, совершил акт сейзины в отношении этой земли и инвестировал ею монастырскую церковь: *Quam terram predictus Reinerus et saisivit et vice comitis ecclesiam investivit*. В этой фразе отражен важный и, как думается, древний элемент акта *sacire/seisire* — демонстрация (путем фактического или формального вступления во владение имуществом, его захват-*saisire*) Рейнаром имущественных прав гра-

фини, представителем которой он являлся. Такая демонстрация должна была обеспечивать защиту от претензий третьих лиц. Собственно же инвеститура представлена в документе как последующий, тоже вполне конкретный, акт, который, возможно, выражался в символической передаче неких атрибутов дарованных владений. Отметим то обстоятельство, с которым нам еще придется столкнуться, — акт сейзины и инвеституры совершают не сами дарители, а представитель графини и вместо нее, как если бы дарители не обладали той полнотой прав, которой обладала графиня. Не по этой ли причине действия, совершенные *vice comitis*, и были определены как «сейзина» и «инвеститура».

В грамоте 1200 г. в соответствии с новыми представлениями сейзина рисуется не столько как акт, осуществляемый прежним владельцем в пользу нового владельца, но как непосредственное обладание имуществом, которое вытекало из акта сейзины. По отношению же к общему понятию «инвеститура», которое применено в этом документе, сейзина выступает как более конкретный вид правоотношений, что, впрочем, характерно и для более поздних документов. Так, сообщается, что архидиакон трирской церкви в подтверждение ранее сделанного дара в пользу монастыря Орваль (современная провинция Бельгии Люксембург) придал новую силу инвеституре (*investituram ... renovavi*) в пользу братии монастыря, совершив в отношении аббата монастыря акт, выраженный словами: *in ipsius ecclesiae saisitionem sollempniter introduxi* (букв.: с соблюдением всех торжественных обрядов я ввел в сейзину в отношении названной церкви).

В XIII в. в руках исследователя оказывается более разнообразный материал — кутюмы и грамоты, написанные, что важно, на разных диалектах французского языка. Они-то и являются основными по истории сейзины в этом столетии.⁹⁵ Любопытно, что ни нормандские кутюмы (ок. 1200 г.), ни кутюмы Артуа (XIV в.) или Бовези (1280—1284 гг.) не позволяют говорить о каком-то преобладании этого института в том или ином регионе. Нет, его надо признать широко распространенным. Все эти регионы, правда, объединяет то, что они принадлежат к области «обычного» права. Иными словами, под покровом

культуры «безмолвствующего большинства» сам акт сейзины, как и слово «сейзина», активно практиковался.

В документах на различных диалектах глагольные формы имеют то же значение, что и их английские аналоги, а именно — «вводить во владение», причем лицо, противоправно захватившее имущество, тоже рассматривается составителями документов как пребывающее в состоянии *seisitus*. Но есть и отличия, поскольку акт сейзины совершает не лицо, отчуждающее имущество, а его сеньор.⁹⁶ В свое время на эту особенность, не свойственную англо-нормандской практике и, по его мнению, связанную с исчезновением во Франции аллодов, обратил внимание А. Хейслер.⁹⁷ То же справедливо и для некоторых записей обычного права, например кутюм Артуа, где роль сеньора в передаче имущества, определяемого как сейзина, также читается явно.⁹⁸ По всей видимости, в этих случаях реальные права принадлежали сеньору, который своим участием гарантировал покровительство новому владельцу. Собственно, английские документы содержат немало примеров совершения сейзины тем лицом, которое отчуждает имущество, независимо от воли кого бы то ни было, что несколько контрастирует с теми, пусть и немногочисленными, примерами сейзины, которые нашли отражение в северофранцузских документах.

С течением времени сам по себе акт сейзины стал мыслиться скорее как предполагаемый, а его место в документах все чаще занимает существительное сейзина (*saizine*, *saisine*),⁹⁹ которое могло указывать как на акт, так и на его последствия. Это сближает документы по обе стороны Ла-Манша. В наиболее древнем варианте кутюм Нормандии (*Le Très Ancien Coutumier* 1200—1220, впрочем, это самая древняя запись обычного права во Франции вообще) термин «сейзина» встречается, однако, редко. Возможно, это было связано с тем, что сам по себе текст освещал только некоторые вопросы нормандского права и был небольшим по объему. Напротив, в юридическом трактате «*Summa de legibus in curia laicali*» (ок. 1240) слово «сейзина» употребляется гораздо чаще, что, впрочем, следует объяснять скорее большим объемом «*Summa...*», поскольку юридическая природа обоих памятников очевидна. Вероятность встретить слово «сейзина» здесь была заведомо больше. В нашем распо-

ряжении есть и более ранние примеры упоминания сейзины в нормандских источниках. Впрочем, не должен смущать тот факт, что там это почти всегда тексты, написанные на латыни, в отличие от источников других регионов, написанных на старофранцузском, учитывая хронологическую дистанцию, отделяющую одни источники от других. Почти без сомнения, сами норманны, быстро подвергшиеся романизации, использовали слово «сейзина» в своей повседневной речи так же, как и их соседи из Артуа или Бовези. И не их вина, что в тот период еще не было практики записи на народных языках.

Формы ввода во владение в Нормандии и сопредельных областях: сейзина и инвеститура

Можно смело утверждать, что норманнам были известны процедуры оформления владельческих прав, общие для целого ряда скандинавских народов (например, скейтинг), но в источниках они отражены так и не получили. Из терминов, имеющих какую-то связь с имущественными отношениями, можно указать, пожалуй, только на слово *mansloth* (норв. *mannshlutr*), обозначавшее единицу держания (*unité de tenure*). Оно упоминается, например, в документе 1025 г.¹⁰⁰ Не заслуживает доверия и рассказ Дудона Сен-Кантенского о разделе Роллоном полученных норманнами владений с помощью веревки.¹⁰¹ Норманны переняли для описания акта ввода во владение франкские слова «сейзина» и «инвеститура». В отличие от остальных регионов, где последнее было определяющим, а слово «сейзина», как мы могли убедиться, бытовало скорее в устной речи, нежели в языке документов, в Нормандии, и как раз этим она отличалась и от Артуа, и от Бовези, эти два слова сосуществуют уже довольно рано, как в частных документах, так и составленных от имени герцога.¹⁰² По всей видимости, некие условия, специфические именно для этого региона, создавали необходимые предпосылки для распространения слова «сейзина». И здесь, смеем думать, главным был сам факт военной колонизации. Ни христианизация, ни расселение не остановили экспансию норманнов, более того, даже герцог Вильгельм Длинный Меч

(927—942) не мог зачастую справиться со своеволием своих подданных.¹⁰³ Местная знать сохраняла серьезные прерогативы и потом, а заселение западной Нормандии было постоянным источником конфликтов.¹⁰⁴ Тем не менее сейзина в наших документах выступает не в значении «захват» или «конфискация», а как акт приобретения имущества в свою пользу.

В мае 1086 г. в ходе судебного спора между аббатствами св. Петра в Жюмьеже и Сен-Мессмен де Миси (*Maximini Augellianensis*) в отношении имущества в Дам-Мари (деп. Орн) было вынесено решение, что аббат монастыря в Жюмьеже останется во владении имуществом в Дам-Мари. Сохранение владельческих прав аббатства выражено формулой *scisitus remaneret*. Естественно воспринять эту формулу как указание на простое подтверждение силы ранее совершенного акта. Действительно, уже сам приговор судебного собрания, в котором участвовали многие видные представители клира и светской знати, мог быть осмыслен современниками как новая сейзина.

В том же документе содержится описание и еще одного, надо понимать, конфликта. Так, сказано, что монахи, дабы сохранить в памяти потомков, что и сколько они получили в местечке *Curtuvadham*, решили это записать. При этом права на имущество были оформлены актом инвеституры: *post vestituram nostram*. Далее сообщается, что некто Госцелин де Колонкель, чей статус в документе не определен, пожаловал монахам деньги, положив их на алтарь. Те же, в свою очередь, передали их своим людям для пирушки, долженствовавшей остаться в памяти сс участников знаком совершенной сейзины. Действия Госцелина во временном отношении обозначены как совершенные *post saisuram prefate ville*.¹⁰⁵ Если бы Госцелин был человеком монастыря, то непонятно, зачем он пожаловал деньги. Другое дело, если он был стороной в споре, тогда деньги можно было бы рассматривать как своеобразную неустойку или штраф. В таком случае — выражение *post saisuram* надо понимать как указание на следствие имевшего ранее место акта инвеституры.

Останется неясным, кто совершил акты инвеституры и сейзины. Обращает, однако, на себя внимание то обстоятельство, что ситуация с Госцелином появляется в том же документе, что

отразил и спор между двумя аббатствами. Последний же был решен в судебном собрании под председательством Роберта Монтгомери, графа Беллема (ок. 1052/56—после 1130), который действовал в своих владениях как суверен, осмелившийся вскоре после составления нашего документа изгнать из принадлежавших ему замков гарнизоны герцога Нормандии. Не исключено, что именно он или его представитель совершили акт инвеституры и сейзины в пользу монастыря, практика, следы которой можно найти в документах, составленных уже от имени нормандских герцогов или их представителей. Эти люди и могли предписать Госцелину выплатить штраф. Но нельзя исключать то объяснение, что здесь имело место вступление во владение этой виллой со стороны монахов, т. е. ситуация, аналогичная описанной в хронике Флодоарда.

Похожую картину рисуют нам документы более позднего времени. Они подтверждают устойчивость представлений об акте сейзины как действе, где имела место не только передача имущества в пользу нового владельца, но и демонстрация прав прежнего владельца. Так, в грамоте, составленной от лица монахов бенедиктинского аббатства св. Петра в Прсо (Верхняя Нормандия, деп. Ор), сказано, что некто Осберн, будучи больным, вследствие чего и умер, передал св. Петру и монахам некоего зависимого человека (*donavit ... hospitem*) по имени Дуранд и всю его землю.¹⁰⁶ При этом Осберн и его жена Хатвида держали некую палку (посох), названную в источнике *virga*. Согласие на передачу имущества было получено также со стороны их сына Радульфа. В тот же день, как сказано в источнике, «они распорядились, чтобы мы вступили во владение этим человеком через некоего Райнфреда», представителя Осберна, выполнявшего, возможно, функции мажордома: *fecerunt nos seisire de hoc homine per Rainfredum prepositum*.¹⁰⁷ Здесь глагол *seisire* употреблен в своем исконном значении — «вступать во владение», что подчеркнуто использованием предлога *de* (*de hoc homine*). Но подобного рода примеры при всей их важности следует рассматривать в изучаемую эпоху скорее как рудимент. Гораздо чаще акт сейзины совершался в пользу нового владельца, причем несложно заметить, что в Нормандии этот акт был распространен повсеместно.

Участие герцогской власти в акте сейзины

Грамота, датируемая 996—1007 гг., отразила итог судебного спора между архиепископом Руана Робертом (990—1037, граф Эврё, сын герцога Нормандии Ричарда I Бесстрашного (942—996) и, как можно понять, кафедральной церковью св. Марии по поводу виллы Дувран (*villa de Duverent*).¹⁰⁸ В свое время предшественник Роберта архиепископ Гуго (942—989) передал в качестве приданого за своей сестрой некоему воину Одону церковь с прилегающей территорией виллы Дувран. После смерти Одона Гуго отдал свою сестру с этой землей в жены некоему Генриху, а когда тот умер, права на эту церковь и землю предъявил некто Вальтер de Metanta (т. е. Вальтер из Манта, совр. Монт-ла-Жоли, город в деп. Ивелин), ссылаясь на родственные связи с покойным. В конечном итоге требование Вальтера было удовлетворено преемником Гуго Робертом. Однако позже новый архиепископ выкупил эти земли у Вальтера за стопку денариев. «Так, — сказано в источнике, — земля Дувран была возвращена в домен церкви св. Марии».

По прошествии тридцати лет «охваченный любовью к сыновьям» (*amore captus filiorum*) Роберт незаконно передал эти владения сыну Ричарду (*injuste tradidit Richardo filio*).¹⁰⁹ Капитул кафедральной церкви, естественно, выдвинул возражение, дав ход процессу. Дело, однако, осложнялось тем, что к названной земле, очевидно, были присоединены собственные приобретения архиепископа, что отражено в документе: *quas adquisivit Robertus archiepiscopus*.

По решению герцога Ричарда II Доброго (996—1026),¹¹⁰ принятого совместно с его виднейшими держателями (*judicio Richardi comitis et principum ejus*), для раздела этих земель между церковью св. Марии и архиепископом Робертом и для нового введения каждой из сторон во владение доставшимися им землями (*ad quarum divisionem et saisitionem*) был направлен ряд приближенных. Упомянутая здесь сейзина, очевидно, была осуществлена от лица герцога. В знак заключенного соглашения представители герцога разделили трапезу с самим архиепископом в лесу под названием «Бланка». Для лучшей же памяти о совершенном акте в присутствии представителей графа,

архиепископа и многих видных лиц из этих мест было высечено много юношей (*flagelaverunt plures puerulos*), после чего им помогли прийти в себя, буквально «вернули к жизни» (*refocillaverunt*). Такая форма свидетельствования была общей для германского права.¹¹¹

Бесспорно, имевшая место массовая экзекуция юношей не представляет собой элемент акта оформления владельческих прав, определяемого как сейзина, а преследовала цель только лучше запечатлеть свершенное. Сам же акт сейзины представлял собой некие действия, которые были призваны узаконить спорные права на вновь образовавшиеся владения, одно из которых по-прежнему принадлежало церкви св. Марии, а другое оказалось во власти Роберта и его сына Ричарда. Обращает на себя внимание формула «*ad divisionem et saisitionem*». Почти нет сомнения в том, что раздел имущества сопровождался установлением точных границ и предполагал, по всей видимости, их обход знающими людьми. Сами же процедуры *divisio* и *saisitio* представлены как следующие одна за другой и, очевидно, осуществлявшиеся одними и теми же людьми. Создается впечатление, что представители герцога буквально ввели спорящие стороны в границы вновь устанавливаемых владений. Менее правдоподобным, но не противоречащим исконному значению глагола *saisir*, является перевод существительного *saisitio* как «вступать во владение». Иными словами, речь могла идти о том, что стороны сами вступят во владение полученным имуществом, а представители герцога просто проследят за этим. Как бы там ни было, ввод во владение был осуществлен не без участия представителей герцога. Можно, таким образом, полагать, что в условиях Нормандии рубежа X—XI вв. обладание имуществом, обеспеченное актом сейзины, не исключало некоего суверенного права герцога, хотя бы последнее и заключалось лишь в посредничестве.

По замечанию Р. Хюбнера, практика фактического ввода во владение начала отмирать уже в IX в., но ее засвидетельствовал такой поздний памятник, как «Кутюмы Нормандии».¹¹² Аналогичные нормы действовали и в скандинавском праве. В знак окончательности утраты прав на имущество продавец, покупач-

тель и свидетели должны были обойти все отчуждаемые владения с тем, чтобы продавец по той или иной причине не включил бы в них владения соседей.¹¹³

Если перейти к юридическим последствиям сделки, то природа имущественных прав обозначена словом *dominicus*. Как отмечает А. Хейслер и свидетельствует словарь Ж. Нирмейера, термином *dominicus*, *dominium* могли обозначать как владения сеньора, противопоставленные владениям, переданным в третьи руки (т. е. домен), так и аллод или «непроизводное владение» (*nicht abgeleiteter Besitz*), т. е. такое, которым лицо распоряжалось вполне самостоятельно, что, по всей видимости, имело место в нашем случае.¹¹⁴ Думается, что полнота прав, которая была признана за обеими сторонами спора на доставшиеся им владения, определила сам способ ввода их во владение — применение ссйзины.

Наше предположение не покажется надуманным, если вспомнить, что актом *sacire* изначально оформлялись права на имущество, определяемое в источниках как аллод или *proprietas*. Тем не менее, и об этом говорилось выше, аллод не надо отождествлять с *капиталистической* собственностью или *товаром*, да и само слово *proprietas* в рассматриваемый период страдает двусмысленностью. Хотя аллоды и предполагали, что их владелец не имеет над собой никого другого или, если имеет, то чисто номинально, равно как и не были обременены чрезмерными платежами и службами, однако они являлись имуществом родовым и, следовательно, нормы семейного права накладывали определенные ограничения — в том числе и в сфере распоряжения. Отметим, что именно так обстояло дело в Германии по нормам, зафиксированным в Саксонском и Швабском зеркалах, хотя там «свободные» формы имущественных отношений сохранялись довольно долго.¹¹⁵

Можно предложить и иное толкование. Сколь бы разнообразный комплекс представлений ни охватывало слово «ссйзина», в нашем документе связь акта *saisitio* с разделом имущества (*ad divisionem et saisitionem*) довольно прозрачна. Иными словами, именно подчеркнутая демонстративность акта могла способствовать тому, что составитель документа обозначил имевший место акт как ссйзину. И даже если мы допускаем

оформление этим актом известной полноты прав, что и определяло особую роль прежнего владельца в деле гарантии прав владельца нового, полноту эту надо понимать в том смысле, что новый владелец получал тот же объем прав, что и его предшественник, однако права эти могли быть ограниченными. Можно привести и еще несколько примеров, показывающих направление эволюции акта сейзины на континенте.

В грамоте, составленной между 1102—1120 гг. и отразившей нормандскую практику, сообщается, что аббат монастыря св. Петра в Прсо (Верх. Нормандия, диоцез Лизье) Ричард, председательствуя в капитуле, уступил Ричарду, сыну пресвитера Госцелина, все имущество, которым владел его отец (*quicquid terrarum ante pater ejus tenuerat ... concessit*) на праве феода (*habere in feodo*), совершив обряд сейзины с помощью ветки дерева (*saisiens ... per taillam*).¹¹⁶ Как мы видим, с одной стороны, акт сейзины оформлял права на все отчуждаемое имущество, но юридическая природа приобретаемого таким образом имущества определена как феодал, т. е. пусть и наследственное, но все же держание за службу. Тот факт, что этот документ очень ранний, свидетельствует о трансформации самого акта сейзины, которым теперь оформляются права самого разного содержания, так что он превращается в стандартную процедуру.

Еще более показателен в этом отношении сравнительно поздний документ 1241 г. Некто Гервазий, клирик, передал десятину в вилле Гласвил в руки епископа Шартра Альберика между 1236—1244 гг. и отказался от прав на нее, совершив акт, обозначенный глаголом *deseisire* (*se de decima in manu nostra deseisivit*). После отказа от прав последовал уже акт сейзины со стороны епископа в пользу одного из монахов монастыря в Орвале: *nos fratrem Stephanum seisivimus de eadem*. Как следует из документа, Гервазий не полностью отказался от прав на имущество, но сохранил за собой право пользоваться им в течение своей жизни. Его права определены в документе как узуфрукт: *deseisivit retento sibi quoad vixerit usufructus*.¹¹⁷ Из приведенных пассажей ясно, что здесь нет полной преемственности прав. Тем не менее нельзя отрицать, что верховное право на это имущество уже получили монахи Орвала, а сам акт сейзины явно противопоставлен ограниченными правами Гервазия.

Следующий документ также свидетельствует о том, что в действительности права могли быть поделены между дарителем и герцогом, совершившим акт сейзины. Иными словами, полная преемственность прав обеспечивалась не одним, а несколькими лицами, обладавшими известными правами на отчуждаемое имущество. Некто Рожер *Malus Filiaster* (Дурной Пасынок) между 1049—1066 гг. дарует обитель св. Марии в вилле Катен (*Catena*) с виллой и всем, что ему в той вилле принадлежит, аббатству св. Марии Бомон-ле-Тур (*de Bello Monte*), расположенному вблизи города Тура (*juxta Turonensem civitatem*).¹¹⁸ Кроме того, он уступает монахиням даруемой обители свои права на пользование близлежащими к монастырю рощами с согласия тех, кто поставлен охранять эти рощи (*cum licentia custodum ipsorum locorum*), как и право на вылов половины рыбы, в случае присутствия дарителя в своих владениях, и церковной десятины от вылова наиболее ценных пород, равно как и десятину со своего домена и право пользования пастбищем. Помимо означенного, он подарил аббатству церкви, расположенные в местечке Монсекре (*Monte Secreto*).

Рожер осуществил дар по благоволению Вильгельма (*favente Guillelmo*), герцога нормандского (формально с 1035, фактически с 1042 г.), его жены и сыновей (почти наверняка, Рожер согласовывал свой дар с герцогом). Дарованное имущество, представленное неким символом, даритель передал в руки Вильгельма с тем, чтобы оно шло на пользу названного аббатства. Сам герцог ввел аббатису названного монастыря во владение всем этим имуществом (*super his omnibus saisivit abbatissam ejusdem ecclesiae*), но сделал он это по указанию все того же Рожера (*praeepto Rogerii*).

В свою очередь, Вильгельм уступил тому же монастырю в качестве благочестивого дарения все повинности и все судебные доходы, которые относились к его персоне (несомненно, в означенных в дарственной владениях), с тем, чтобы его поминали в молитвах первым. Герцог оставил на своем собственном попечении и попечении своих наследников (*retinuit in custodiam sibi et heredibus suis*) гарантировать одаренным привилегию быть истцами и защитниками своих прав в отношении дарованного имущества. Сообщается, кроме того, что герцог даровал

названному аббатству некий рынок и право проведения ярмарок с тем, чтобы его благочестивое дарение возрастало.

Мы видим, что в роли дарителя наряду с названным Рожером, выступает и сам герцог, бравший на себя функцию покровителя в отношении лица, вновь обретшего определенное имущество. И хотя главным инициатором передачи имущества мог выступать один из подданных герцога, роль последнего нам представляется здесь определяющей. Так, в документе посчитали нужным оговорить, что Рожер передал право пользоваться всем, находящимся в его рощах, но с согласия тех, кто был призван эти рощи охранять. Не стоит ли предполагать, что в действительности часть прав принадлежала самому герцогу, поскольку он обладал штатом специальных чиновников, призванных охранять его права в лесах?¹¹⁹ Возможно, что именно благоволение герцога и привело к тому, что названные стражи не могли противодействовать воле Рожера (*prohibere non poterunt*).¹²⁰ Как бы то ни было, его намерения нашли свое логическое завершение в акте сейзины со стороны герцога. Отметим также, что прозвище дарителя — «Дурной Пасынок» — может свидетельствовать о натянутых отношениях с родственниками, что делало участие герцога особенно необходимым.¹²¹

*Сейзина, совершаемая с участием лорда
или самостоятельно*

Можно, однако, привести пример, где в качестве лица, совершающего сейзину, выступает не герцог, а просто крупный владетель — Радульф, сын Рожера Мортимера (не позднее 1080/86), сеньор Сен-Виктор эн Ко (ум. 1104). Инициатива передачи имущества принадлежит тоже достаточно крупному землевладельцу Рожеру, сыну Ансерда, который держал от Радульфа. Здесь роль сеньора уже отнюдь не сводится к простому покровительству. По сути дела, воля зависимого от него лица, а именно, благочестивый дар в пользу монастыря в Жюмьеж, осуществляется путем выкупа монахами у сеньора за большие деньги (пятьдесят руанских ливров) его прав на передаваемое монастырю имущество.¹²²

Монастырю передавался аллод в вилле Бонэ (Balniacus) и десятины, предположительно в Ансвиль-сюр-Сен (Ansleville). Даритель, Рожер сын Ансерета, делил названный аллод с другими лицами, а именно: Рейнальдом, сыном Райнерия, и неким Бернардом. Можно полагать, что выбор составителем документа именно слова «сейзина» был не случайным. Вряд ли он отсылал к внешней форме акта, поскольку аллод находился в одном месте, а сама сейзина была совершена в другой вилле, пусть и находящейся в том же кантоне Тот (Tôtes). Скорее всего, речь шла о передаче той полноты прав, которой не располагал непосредственный даритель, потому не случайно сеньор потребовал столь значительного возмещения. Как бы то ни было, показательно, что обряд сейзины был совершен в отношении имущества, которое определено в документе как аллод, хотя аллод этот, как мы видели, был держанием. Этот документ, таким образом, отчасти перекликается с только что рассмотренным даром Рожера «Дурного Пасынка». Отметим, что примеры передачи имущества одним лицом, а совершение акта сейзины другим — лордом — мы найдем и в Англии следующего, XII столетия.¹²³

Любопытны и еще два документа, тесно связанные по своему происхождению и содержанию. В одном из них сейзина упомянута, в другом, в сходной ситуации, о ней речь не идет. Оба документа заимствованы из одного манускрипта, находятся на соседних страницах (BN. MS Latin 5443, fol. 78—79) и датируются XI в., но более точная датировка невозможна. Оба удостоверяют передачу десятины в пользу братии монастыря св. Юлиана в Туре, хотя само имущество, десятина с которого должна была поступать в распоряжение монахов, располагалось в Нормандии, в местечке Абловилль (совр. кантон Путанж). Было бы заманчиво предположить (и нам представляется такое предположение более чем правдоподобным), что документы начертала одна и та же рука, и подтвердить тем самым наши предположения о сознательном использовании составителем документов слова «сейзина», но их оригиналами мы не располагаем.¹²⁴

В первом документе сообщается, что некто Вимунд де Ману (de Magniaco) подарил в качестве благочестивого дара де-

сятину, которую он получал со своей земли, монастырю св. Юлиана в Туре, но непосредственным получателем дарованных прав стал приор монастыря Ла Ферте-Масе (de Feritate, деп. Орн).¹²⁵ После смерти дарителя его сын и наследник Адам под влиянием соблазна, исходившего от дурных людей, и из собственной алчности заявил права на дарованную отцом десятину и завладел ею. Это присвоение ставших спорными прав выражено глаголом *saisivit: calumpniam misit decimamque saisivit*. Далее в отношении самого приората и его приора Видона это действие определено глаголом *desaisierat*. Но окончательно завладеть десятиной Адам не смог (*nec monachis ... potuisset auferre*) за недостатком доказательства правомерности своих притязаний. Как сказано в документе, по божественному внушению и по совету друзей, он в конце концов признал факт отцовского благочестивого дара и, отказавшись от каких бы то ни было платежей, уступил десятину монастырю св. Юлиана и его монахам ради спасения своей души и своих близких, совершив, очевидно, повторную сейзину в отношении Видона (*Widonem ... resaisivit*). Мы не знаем, как именно был введен во владение десятиной Видон. Во всяком случае, нам известно, что Адам передал дарованную десятину прямо «в руку» Видона, используя, вероятно, символический предмет. Совершенный акт был скреплен поцелуем мира (*per pacis osculum*). Знаком восстановленной полноты прав на десятину может служить определение переданной десятины как *perpetuo possidendam*, т. е. «с тем, чтобы владел ею вечно».¹²⁶

Можно было бы подумать, что слово *saisire* в Нормандии рассматриваемого периода уже теряло свое конкретное правовое содержание и что его стали применять в широком значении «вводить во владение» либо просто «захватывать имущество». Однако сравнение с другим документом, где действует примерно тот же круг лиц, убеждает нас в том, что дело обстояло иначе.

Гервей де Ману (*Herveus de Magniaco*), почти наверняка родственник Вимунда и его сына Адама, даровал десятину в том же селении Абловилль, но по милости святого он получил десять солидов и удержал за собой право получать ежегодно от монахов фунт перца либо двенадцать денарисов.¹²⁷ Этой де-

сятиной монахи владели при жизни Гервоя и сохраняли право на десятину при его жене Беатрисе.

После смерти обоих супругов их сын Вильгельм начал требовать у монахов возврата десятины и приказал своим людям взимать десятину в свою пользу (*Willelmus ... calumpniari cepit eamque hominibus suis retineri precepit*). Видон, приор монастыря Ферте, доказал, однако, по суду, что у Вильгельма нет прав на десятину. В конце концов Вильгельм и брат его Роберт, оставив свои притязания, признали дар отца и передали оказавшиеся спорными права с помощью, очевидно, символического предмета в руку приора Видона (*et ... in manu ... prioris decime concessionem dederunt*). Затем последовал взаимный поцелуй, как и в случае примирения Адама и того же Видона. Владение десятины монахами здесь, однако, не было полным, так как оно было отягощено значительными платежами в пользу наследника дарителя, а именно, фунт перца или двенадцать денариев. Иными словами, монахи были не более чем держателями имущества от братьев. Не знаем мы и о том, было ли это дарение наследственным или ограниченным сроком. Во всяком случае, о «вечном владении» документ не говорит. Не в этом ли причина того, что глагол (*re*)saisir в рассматриваемом документе вообще отсутствует?

*Инвеститура как альтернативная форма
обеспечения имущественных прав*

С учетом сказанного выше может сложиться впечатление об акте сейзины как процедуре, имевшей довольно определенную внешнюю форму выражения, обеспечивавшую права на имущество сравнительно свободного статуса, которые рассматривались современниками как более полные по сравнению с ограниченными правами другого лица, причем акт сейзины весьма рано превращается в атрибут публичной власти нормандских герцогов.

При всей кажущейся обоснованности такого вывода, нельзя забывать, что наряду с сейзиной нормандской правовой практике был известен и другой обряд — инвеститура. Тема инвести-

туры крайне обширна, но ряд примеров нормандской инвеституры могли бы пролить дополнительный свет на последующую судьбу сейзины в Англии. Скажем сразу, эти редкие примеры свидетельствуют о том, что сейзина в Нормандии так и не стала единственной формой отчуждения имущества. В сходной ситуации составители документов могли использовать и слово «инвеститура».

В грамоте, датируемой 1028—1034 гг., сообщается, как герцог Роберт I (II) (Дьявол или Великолепный, 1027—1035) совершил акт инвеституры в пользу монастыря св. Троицы в Фекане, восстановив монастырь, без какого бы то ни было изъятия, в правах на некогда отобранные владения (*vestivi cum omni integritate ... quas abstulerant villas*), полагая тем самым, что всей властью восстановил монахов в правах на эти виллы (*in perpetuum restitutas omni auctoritate censeo*).¹²⁸ Названные виллы некогда были отданы воинам Роберта «по наущению его советников, не слишком заботившихся о благе церкви Господа».

Использованное в документе выражение «*cum omni integritate*» страдает известной двусмысленностью: это может обозначить и «всю полноту прав», и указание на возвращение всего имущества.¹²⁹ Какова бы ни была интерпретация документа, восстановление предшествующего статуса имущества во всей полноте не подлежит сомнению. Следовательно, в этом отношении инвеститура сближается с рассмотренными выше примерами акта сейзины. Не меняет ситуацию даже то обстоятельство, что акт инвеституры не служил формой передачи прав от прежнего владельца новому, но восстанавливал прежних владельцев в принадлежавших им ранее правах.

В следующем документе, составленном между 1028 и 1035 г. от имени Иоанна д'Эли (1028—1078), аббата Фекана, сообщается, что он заключил соглашение с неким Госцелином, сыном Гедона, в присутствии нормандского герцога Роберта I (II), а также архиепископа Руана Роберта и многих представителей нормандской знати.¹³⁰ По согласованию с братией монастыря и в соответствии с предписанием (*auctoritate*) сначала герцога Ричарда II, а потом его сына Роберта I (II) аббат передал Госцелину землю, которую некогда держал (*tenuit*) Рейнальд, безотносительно к ее местоположению (*ubicumque*). Названный

Рейнальд завещал в свое время это имущество церкви в Фскане. Очевидно, так надо понимать фразу: «*Dominum ... heredem fecit*». Указание на предписание от имени герцога дает основание предполагать наличие у него каких-то прав в названных владениях или, что не менее правдоподобно, его участие в качестве посредника. Действительно, герцог неоднократно своими предписаниями утверждал отчуждение того или иного имущества со стороны виконтов.¹³¹

Известно, что Рейнальд был виконтом Арка (Арк-ля-Батай), исполняя обязанности представителя герцога. Виконты пользовались широкими прерогативами, в частности правом собирать налоги и быть кастелянами, т. е. руководить герцогскими замками. Виконты имели право на получение определенного публичного налога, восходившего еще к практике каролингского времени.¹³² В документе сказано, что возвращение земли, которую держал Рейнальд, основывалось на предписаниях (*auctoritates*) самих герцогов, а заодно содержится указание на имевшее место соглашение между аббатом и Госцелином, сыном Гедона (*ego ... abbas ... convenientiam feci*). В нашем документе сказано: «...*terram quam Rainaldus ... tenuit ... dedi ei* (т. е. Госцелину. — А. К.) *retenta terra in manu nostra pro investitura, que Santiniacus dictiur*». Речь идет о вилле Сентини, которую аббат получил от Рейнальда по грамоте 1026 г.¹³³ Госцелин же и его жена получали имущество на срок своих жизней.

В документе, составленном от имени герцога Вильгельма в 1047 г., ситуация описана более подробно, но и более запутанно. Дядя Вильгельма, Ричард III, герцог Нормандии, передал некогда владения Рейнальда из Арка монастырю в Фскане на срок своей жизни, а потом его брат Роберт I (II) полностью (*ex toto*) передал это имущество все тому же монастырю. Иоанн, аббат, передал его Госцелину на праве бенефиция, но при этом удержал из аллода (речь, по всей видимости, идет о земле Рейнальда, бывшей аллодом для аббата) виллу Сентини: «...*retinuit quoque predictus abbas de ipso alodo pro investitura villam quae dicitur Santiniacus*».¹³⁴

Не совсем понятно, в каком значении использовано здесь слово «инвеститура»? Идет ли речь об инвеституре в пользу аббата? Нельзя ли предположить, раз между аббатом и Гос-

целином, приемником Рейнальда, был заключен договор, что имеется в виду инвеститура со стороны Госцелина в отношении виллы Сентини? Или же речь шла об инвеституре на имущество Рейнальда, полученное аббатом, что было бы вполне возможно, а права, оформляемые инвеститурой, названы аллодом и сближаются с сейзиной? Однако фраза в таком случае выглядит несколько искусственной, а выражение *pro investitura* повисает в воздухе.

Отметим, что Госцелин получал право непосредственно эксплуатировать имущество: возводить постройки, приумножать и увеличивать размер пахотной земли, количество хлебов и голов мелкого домашнего скота (*in vita sua habeat, edificent, amplificent et carrucis, porcariis, pecudibus repleat*), но при этом из грамоты Вильгельма следует, что он не мог его отчуждать: *nulli alio homini quicquam de ipsa terra tribuens*. Пожалованное имущество должно было после смерти супругов вернуться в собственное право монастыря (*in proprium jus ... redeat*), что говорит о невозможности передать его и по наследству.¹³⁵ Тем самым его права как бы противопоставляются правам аббата.

Если все же исходить из текста первого документа, — поскольку там присутствует союз «*que*»: *pro investitura que Santiniacus dicitur*, — инвеститура является синонимом виллы, примеры чего известны.¹³⁶ Это было возможно, например, если акт инвеституры состоялся уже давно, так что память о нем стерлась. Было бы заманчиво на этом основании предположить, что обряд инвеституры уже давно практиковался в этом регионе. Но окончательно решить вопрос нельзя, кроме как заключить, что использование слова «инвеститура» вместе с аллодом и полнотой прав ничуть не выглядело противоречием в глазах составителя документа.

В грамоте Вильгельма обращает на себя внимание еще и указание на то, что Госцелин удерживал подаренное имущество, как сказано в источнике, *in sua dominicatura*. Мы не склонны отождествлять его с *dominium* в смысле некой полноты власти, но скорее в смысле «в непосредственном обладании, как домениальной землей», так что права Госцелина можно описать и словом *dominium*.¹³⁷

Итак, мы видим, что в Нормандии сейзина действительно выступал как устойчивая форма передачи прав на наследственное имущество, близкое по своему статусу аллоду либо определяемое непосредственно как аллод. Документы столь раннего периода не позволяют нам точнее определить соотношение «инвеституры» и «сейзины», но можно полагать, что сейзина предполагала не только передачу неких имущественных прав, но и состояла в конкретном действии, направленном на приобретение имущества со стороны получателя, и намеренной демонстрации дарителем всей полноты отчуждаемых прав.

Если вернуться к вопросу, почему же этот институт утвердился в Англии, ответ на него не будет однозначным, но при этом не будет он лишен и конкретики. Институт сейзины утвердился в Англии в тех же условиях, что и в Нормандии — в условиях военной колонизации, насилия и хаоса землеустройства, сколь бы королевская власть ни пыталась ввести этот процесс в некое правовое русло. Но причина могла быть и более глубокой. Не стоит ли вместе с тем полагать, что частое упоминание акта сейзины, которым в ранних источниках оформлялись права на имущество наследственного статуса (аллод), служит некоторым индикатором утверждения такого принципа и в Англии уже в первые десятилетия после завоевания? При этом сам акт сейзины (или его разновидность — *liberatio*) был призван оформить права новой знати в соответствии с представлениями о формах обретения имущественных прав, свойственных еще нормандскому обществу.

Акт сейзины в силу своей специфики мог в известной мере способствовать сохранению тех имущественных отношений, которые существовали до завоевания, поскольку сама его форма предполагала подчеркивание преемственности в правах и обязанностях с англосаксонской родовой (эрлы) и военно-служилой знатью (тэны), преемственности, где роль прежнего владельца никак не выступала по причине отсутствия такового. Здесь сейзина сохраняла свое изначальное значение — вступление во владение. Тем не менее мы вряд ли ошибемся, если будем рассматривать акт сейзины как достаточно распространенное средство оформления разнообразных владельческих прав. Другое дело, что это разнообразие в первые десятилетия после

завоевания не находит должного отражения в источниках.¹³⁸ Не стоит забывать и о том, что действительность самого акта сейзины зависела от реального соотношения социальных и политических сил, иными словами, он выступал манифестацией достигнутого социального консенсуса и, в известной мере, был его гарантом.¹³⁹ История института сейзины в первые десятилетия после завоевания, разнообразие его форм и функций составит предмет следующей главы, но сначала надо сказать об общих тенденциях социально-экономического развития англо-нормандского общества XI—XIII вв.

Глава 2

НОРМАНДСКОЕ ЗАВОЕВАНИЕ 1066 г.: СЕЙЗИНА, LIBERATIO И ХАРАКТЕР АНГЛО-НОРМАНДСКОГО СИНТЕЗА

История сейзины как института земельного права в рассматриваемый период не может быть оторвана от самой эволюции землевладения, причем как светского, так и церковного. Распространение новых владельческих комплексов вширь означало и распространение сейзины, хотя далеко не во всех случаях у нас есть возможность выяснить, а на каком, собственно, праве получали имущество новые приобретатели. В данной главе мы суммируем разнообразие отношений, которые акт сейзины должен был или, по мнению современников, отраженному в документах, должен был бы оформить.

Нормандское завоевание 1066 г.: социально-экономический и политический аспекты

Среди основных тенденций экономического (но и социального) развития Англии XI—XIII вв. можно отметить, по меньшей мере, две: во-первых, распыление тех владельческих комплексов, которые оказались в руках нормандской знати и короля сразу после завоевания, причем указанные процессы сопровождались расширением числа землевладельцев, правовой статус имущества которых мог быть различен, а сама иерархическая система землевладения — размытой и запутанной; во-вторых, сравнительно ранняя товаризация господского (и, как следствие, крестьянского) хозяйства, что в целом следует при-

знать знаковым явлением в жизни западноевропейского общества этого периода. Если в первые сто лет после завоевания уровень сельского хозяйства и доходность поместий были невелики, то со второй половины XII в. и особенно в XIII в. английские товары уже имеют широкое хождение на европейском рынке (шерсть, металлы, зерно).¹

Мотивы, которыми руководствовались лица, отчуждавшие имущество, могли быть различными. Стоит напомнить, что XII—XIII века в Европе, и Англия никоим образом не была здесь исключением, совпали как с мощными религиозными движениями по обновлению церкви, так и с крестовыми походами. Все это порождало всплеск благочестивых пожертвований. Как вскоре после завоевания, так и много позже основываются новые аббатства и приораты, а сами монахи получают значительные земельные владения.²

Если прислушаться к мнению современников, то стоит обратить внимание на практику внутрисемейных разделов, которую автор «Глэнвиллы» считал чуть ли не основной: «Часто случается, что наследники остаются без наследства, так как отцы любят больше младших сыновей». ³ Этот пассаж, среди прочего, рисует нам общество, где воля сеньора или старшего сына не имеет столь решающего значения, как на континенте: VI—VII книги «Глэнвиллы» целиком посвящены отношениям по поводу имущества (вдовья доля, приданое, дары младшим сыновьям и т. д.) как раз в рамках семьи. Здесь же нередко можно встретить и занимающий нас термин «сейзина». Американский исследователь С. Пейнтер главную роль отводил тем же внутрисемейным разделам. «Если, — отметил он, — у барона были братья, он считал своим долгом обеспечить их. То же касалось и младших детей». ⁴

Напротив, М. А. Барг полагал, что «разложение вотчинного землевладения нельзя объяснять внутрисемейными разделами. Определяющую роль здесь играли товарно-денежные отношения». ⁵ Впрочем, не только они. Тот же М. А. Барг хорошо показал, насколько сильно подверглась сокращению площадь домена короны (она уменьшилась с 6.5 % до 0.6 % всей учтенной еще в DB земли и это только по центральным графствам). Естественно, что мотивом их распыления сплошь и рядом ока-

зывалось желание короля заручиться поддержкой знати и мелких землевладельцев. В среднесанглийских графствах число таких держателей за 200 лет увеличилось в 1,5 раза.⁶ Формы, в которых происходило распределение имущества, а именно — не компактные и достаточно большие владения, но отдельные parcels — нередко порождали споры, где опять же арбитром выступала королевская власть и местные судебные собрания, возглавляемые ее же представителями — шерифами.

Имущество, полученное выходцами как из старой (где львиная доля принадлежала родственникам Вильгельма, например его единоутробным братьям Одону или Роберту де Мортену), так и новой знати (процесс этот шел бурно при Генрихе I, когда выдвигались такие фамилии, как Моубри, Фоссарды, Бассеты, к ним надо отнести и многочисленных незаконнорожденных детей Генриха I и их потомков), не задерживалось у них надолго. Если первое время крупные сеньоры предпочитали держать при своих дворах обширные клиентеллы *milites* и оплачивать их услуги «натурой», то позже все чаще они начинают предоставлять землю. К середине XII в. процесс этот еще не достиг своей интенсивности, на что указывал сэр Ф. Стэнтон. Согласно инициированному королем расследованию 1166 г. (т. н. *Cartae Baronum*) с целью узнать, сколько рыцарей должен представить каждый барон, только 17 держателей от короля полностью передали свои владения в руки субдержателей или держателей одинакового с ними статуса через акт субституции.⁷ Вместе с тем оно показало, что в реальности у держателей (как светских, так и духовных) *milites* было больше положенной нормы, только не все они были наделены землей, хотя и можно говорить о складывании общего контура иерархии землевладельцев уже к 1135 г.⁸ Напротив, к 1279 г. полностью передали свои домены субдержателям уже 2/3 баронов, т. е. их политическая власть (впрочем, вряд ли престиж) лишилась экономической основы.⁹ В случаях с некоторыми фамилиями процесс шел еще быстрее. Так, уже к 1086 г. до 35 % всех владений герцогов Ричмондских были розданы нижестоящим держателям, а в 1241 г. размеры отчужденного имущества достигали 80—90 %, хотя общая доля доходов непосредственно герцогов Ричмондских составляла 1/3 общей доходности их владений

(личных и субинфеодированных).¹⁰ Следовательно, они интенсифицировали эксплуатацию доступных им владений и изыскивали другие источники доходов. Тем не менее вряд ли можно сомневаться в том, что к концу рассматриваемого периода большинство представителей знати уже успело распрощаться с домениальной землей.

Все это предопределяло существование активного земельного рынка и, как следствие, появление значительного количества не наследственного, а благоприобретенного имущества, которым можно было распоряжаться весьма свободно и которое в языке еще раннего Средневековья вполне четко отделялось от имущества патримониального.¹¹ Об этом свидетельствует, например, список сделок, т. н. «memoanda» аббатства в Питерборо (X в.), где из 24 сделок большую часть (порядка 20) составляли акты купли-продажи.¹² Другое дело, что подобные акты оформлялись как дары (*donatio, donum*), что, возможно, надо связать с христианской этикой, осуждавшей стяжательство, и как акты субинфеодации, предполагавшие обременение полученного имущества обязательствами перед лордом. Однако с течением времени обременение приобретало вовсе не обременительный характер.

Большую роль в распылении имущества сыграла практика т. н. «щитовых денег» (*scutagium*). «Империя» Плантагенетов, а до нее Англо-нормандский династический альянс с неизбежностью вынуждали английских королей всеми правдами и неправдами удерживать столь обширные и разделенные проливом владения, равно как противостоять (но и совершать военные экспедиции самим) набегам кельтов Шотландии и Уэльса. Необходимость поддерживать порядок в Нормандии и защищать этот регион от поползновений французских королей¹³ естественным следствием имела реорганизацию военной системы, переход от феодального ополчения к наемной армии.¹⁴ Замена военной службы деньгами широко практиковалась уже к 1125 г., а к 1200 г., по мнению авторитетного исследователя О. Пула, такая практика стала господствующей.¹⁵

Важность денег для ведения войн современники хорошо понимали: «...и более того, обилие денег (*coria mobilia*), и их отсутствие власть правителей или унижает (*humiliat*), или воз-

величивает (*exaltat*)», — писал ок. 1179 г. казначей Генриха II Ричард фитц Ниль (Нигель) в своем известном трактате «О казначействе» (дословно — «О палате шахматной доски»)¹⁶. И добавлял, что следует не только сохранять королевское достоинство к вящей славе короля, но и заботиться о его земном богатстве, ибо «то — озаряет, а это — поддерживает».

Для социальной истории региона это имело весьма серьезные последствия. Дело в том, что практика освобождения от военных служб позволяла дробить феоды (получаемую с них ренту). Не приходится удивляться наличию таких парцелл, как $\frac{1}{2}$, $\frac{1}{4}$, $\frac{1}{8}$ феода (оговоримся, что в другом месте такой «бедняга» мог располагать владением, насчитывавшим не один феодал). По справедливому замечанию М. А. Барга, «после введения щитовых денег феодал мог дробиться до бесконечности»¹⁷. Другой исследователь, С. Пейнтер, на примере фамилии графов де Клэров показал, что коммутация (выкуп военных служб) активнее шел как раз в среде мелких землевладельцев, «в то время как ... для баронов это было итогом личной сделки с королем»¹⁸.

Процесс дробления поместий и обеднения держателей шел не только в среде рыцарей, но и свободных крестьян.¹⁹ Как и в случае с держаниями знати и рыцарей, следствием такой коммутации, как показал Е. А. Косминский, стала значительная свобода распоряжения наделами, принадлежавшими таким свободным крестьянам, что вело к значительному расслоению в их среде.²⁰ Такие держания получили название «свободный сокаж», который, как полагал М. А. Бург, был противопоставлен сокажу древнему, в первую очередь, на том основании, что старинные сокмены (потомки свободных неблагородных англосаксов и датчан) были обязаны военной службой.²¹ При этом «свободный сокаж» куда как ближе стоит к современному представлению о собственности, чем традиционный феодал.

К концу XIII в. большинство землевладельцев среднеанглийских графств владели только одной вотчиной,²² размеры которой вплотную приближались к держанию богатого крестьянина и отличались от него только тем, что такой землевладелец не обрабатывал его собственными руками (т. е. может быть признан «собственником») и был сродни скорее сельскому

джентльмену, нежели тому, кто в XII—XIII вв. мог иметь статус *milites* согласно Ассизе о вооружении 1181 г. и постановлениям Эдуарда I.²³ Именно так, например, обстояло дело с представителями семейства Стонор, которые с середины XII в. активизируют собирание мелких владений, но вплоть до середины XIII в. не фигурируют в источниках как «рыцари» (*miles*).²⁴ Такие землевладельцы нередко держали лишь отдельные части феодалов, выплачивая «щитовые деньги».²⁵ Следует помнить и о том, что XIII век ознаменован резким обесцениванием денег и, как следствие, падением уровня доходов основной массы землевладельцев.²⁶ Статус рыцаря становится скорее обременительной обязанностью. С другой стороны, именно мелкая и средняя вотчины максимально отвечали задачам товарного хозяйства, были наиболее мобильными в экономическом плане, являясь абсолютно преобладающими формами землевладения в ряде регионов уже по данным DB.²⁷

Не менее распространенной была практика субинфеодации на монастырской земле, которая, по мнению Дж. Хадсона, способствовала утверждению института наследования и укрепляла роль королевской власти в качестве посредника в спорах между монастырями и их держателями, а гарантировать наиболее прочные права, как это мы покажем в своем месте, должен был акт сейзины, но церковь далеко не всегда шла на уступки. Г. Б. Шишлонова, посвятив отдельную статью именно светскому землевладению на монастырской земле, показала, как за сто лет (1089—1189) число благородных среди держателей вотчин Гластонберийского монастыря увеличилось почти в два раза (с 60 до 108). Подобным же образом обстояла ситуация и в других монастырях юго-восточной Англии.²⁸ Более того, еще в XI в. король мог потребовать, чтобы аббаты, епископы или архиепископы отдали часть земли в феодал кому-либо «из любви к королю».²⁹

Важным источником формирования новых владений являлись «великие расчистки». По наблюдениям К. Д. Авдеевой, в одних лишь центральных графствах площадь такого новоприобретенного имущества увеличилась на 30 % за счет освоения «пустошей».³⁰ Разумеется, в этом процессе принимали участие самые разные категории населения.

Однако, несомненно, древнейшим и наиболее часто встречающимся способом складывания владельческого ландшафта были акты субинфеодации (наделение имуществом вассала) и субституции (наделение имуществом с условием держать его от сеньора-дарителя). При этом показательно, что эти акты зачастую представляли обычную сделку купли-продажи, даже если составители документов использовали обтекаемый глагол *dare*.

Как бы ни происходило разложение владельческих комплексов, начиная с эпохи DB, складывающаяся лестница держателей оказалась в Англии на редкость короткой, что, в свою очередь, открывало широкие возможности для прямого вмешательства короны в дела не только непосредственных держателей, но и субдержателей. Надо учитывать и многочисленные политические пертурбации, которые потрясали королевство и, как следствие, вызывали конфискации и возвышение новых родов.³¹ Субинфеодация приводила к распылению некогда единых вотчинных комплексов, и поэтому их «ускользанию» из сферы фискальных и сеньориальных интересов короны, вызвав к жизни статут Эдуарда I «*Quia emptores*» (1290),³² хотя эта мера все же несколько запоздала.³³ Статут в законодательном порядке ставил предел субинфеодации, заменяя ее практикой субституции, которая, как полагал М. А. Барг, была и так широко распространена. Теперь любой новый держатель считался держателем не дарителя, а его лорда (и в конечном итоге короля), принося тому *оммаж*.³⁴ Как полагал Г. Бруннер, этот статут «делал ненужным субинфеодацию, так что отец мог не устанавливать ленных отношений, и преемник отца (как правило, старший сын. — *А. К.*) более не стоял на пути к распылению семейного имущества».³⁵ Тем самым открывалась возможность обращения имущества среди самого широкого круга родственников.

Отмеченные преобразования в аграрном ландшафте нашли отражение в 36 параграфе Великой хартии вольностей в редакции 1225 г., который запрещал дарения феодалов монастырям, если это наносило ущерб вышестоящему лорду. В той же редакции идет речь о запрете дарить имущество монастырям и запрете монастырям принимать такое имущество, если даритель превращается в держателя монастыря. Естественно, отмеченное

положение было направлено на защиту интересов верховного сеньора, который, в противном случае, терял свои права, этим статусом предполагаемые.³⁶ Практика подобного рода запретов восходит еще к правлению Вильгельма Завоевателя, что лишний раз свидетельствует о ее не слишком высокой эффективности.³⁷

Как бы то ни было, но закономерным итогом изменения системы землевладения в Англии стало складывание значительного слоя мелких и даже мельчайших землевладельцев (до $\frac{2}{3}$ всех субдержателей центральных графств), чьи интересы были тесно связаны с территорией одного графства или даже сотни, владевших одним или двумя манорами.³⁸

Можно полагать, что отношения в среде таких держателей были лучше известны авторам юридических трактатов, подобно Брактону принадлежавшим к мелкому рыцарству и часто рассматривавшим дела таких землевладельцев в своих судебных сессиях.³⁹ Названные категории землевладельцев непосредственно надстраивались над зависимыми крестьянами, обладали наследственным имуществом «как феодалом в домине», их права были признаны и защищены королевскими судами. Пожалуй, только откровенное насилие со стороны магнатов или же бедность (так как все судопроизводство было платным) могли стать ограничителями их свободы. Примем во внимание и то обстоятельство, что этот слой землевладельцев получал львиную долю ренты, а старые службы и платежи, обусловленные вассальным договором (рельеф, опека, военная служба, выкуп из плена и т. д.) все более сходили на нет и жестко регулировались королевским законодательством (представлявшим собой в действительности равнодействующую политических сил).⁴⁰

Потому, чувствуя свою силу, это английское «джентри», «бакалавры» королевства в 1259 г. выступили с самостоятельной политической программой, известной как «Вестминстерские провизии» против баронов.⁴¹ Именно рыцарство сыграло столь важную роль в рождении английского парламента, активно включалось в экономическую деятельность. Именно этим фактом надо объяснять отсутствие того резкого противопоставления свободного крестьянства, рыцарства и горожан, которое

составляет наиболее заметную черту английской социальной истории. Не менее динамичным следует признать в этот период и политическое развитие, которое для сейзины было скорее «коротким временем», где следует выделить несколько ключевых событий.

Возможно, Англии повезло, что на XII в. падает два долгих правления монархов, которые вряд ли уступали друг другу в стремлении как можно лучше организовать дела собственного королевства, даже если результаты были не одинаковы. Первым из них является, бесспорно, Генрих I, который в немалой мере подготовил почву для последующего развития целого ряда институтов английского общества. Достаточно сказать, что если его потомка Эдуарда I (1272—1307) называли английским Юстинианом за активную законотворческую деятельность,⁴² то Генриху I достался не менее почетный титул — «лев правосудия». При нем не только получает распространение практика разъездных судов, в полной мере развитая уже его внуком, Генрихом II, но именно Генриху I принадлежит идея воссоздания системы местного самоуправления, которая сильно пострадала в процессе приватизации (т. н. привилегия «саки и соки») новой знатью судебных прерогатив территориальных собраний графств и сотен.⁴³ От правления Генриха I (1130 г.) дошел самый ранний казначейский свиток, свидетельствующий о достаточных ресурсах, которыми располагал этот король. Его правление важно и как пример первых попыток компромиссов между знатью и королем. После завоевания сложилась «взаимозависимость» короля и его баронов, но именно Генрих I (1100—1135), дабы заручиться в борьбе со своим братом герцогом Нормандии Робертом Короткие Штаны (1050—1134) поддержкой знати, издает один из первых документов, определявших в декларативной форме основы этих отношений — «Коронационную хартию» (1100).⁴⁴ При нем же происходит формирование нового поколения знати. О таких Ордерик Виталий писал, как о «вознесенных из пыли».⁴⁵

В ранних законодательных памятниках, которые дошли от эпохи Генриха I, встречается и причастие *saisitus*, которое с полным основанием можно перевести как «обладающий». Однако сказать о том, как деятельность Генриха I повлияла на

институт сейзины, мы не можем. Отметим только, что король продолжал принимать в осуществлении этого акта непосредственное участие в рамках судебных споров.

Важной вехой в процессе превращения сейзины именно в институт, как уже было сказано, стала не столько анархия эпохи короля Стефана (1135—1154), сколько последовавшие за ней события. На вторую половину XII в. падает период формирования новой правовой системы, впоследствии названной англосаксонской, дабы отличить ее от континентальной, основы которой, заложенные Генрихом I, с опорой на суд развил в ходе судебно-административных реформ Генрих II (1154—1189), первый представитель новой династии Плантагенстов.⁴⁶ Разумеется, было бы неверным утверждать, что он являлся абсолютным новатором, хотя интеллектуальный прорыв, названный Дж. Хаскинсом, «Ренессансом XII века», пришелся как раз на период правления этого короля. По выражению Г. Бермана, «Генрих знал, что, сохраняя прошлое, он фундаментально менял его».⁴⁷ Реформы Генриха II, даже если он этого не ожидал, имели далеко идущие последствия.⁴⁸ В этом отношении он действовал в соответствии со средневековыми представлениями об обязанностях монарха.⁴⁹ То, что в конечном итоге было названо «анжуйским прыжком» (*Angevin leap forward*), стало скорее закономерным, но неожиданным (впрочем, он и не мог предполагать такие следствия) для самого Генриха II результатом, приведшим, в конечном итоге, к видоизменению всей правовой системы и рождению общего права.⁵⁰ Сторонники этой теории подчеркивают, что для Генриха II важнее было утвердить новые правила игры между держателями и их вассалами, а вовсе не подрывать основы феодализма, как полагал Ф. У. Мэйтланд. В любом случае нам трудно полностью принять мнение Ф. Н. Бегнашвили, выбравшего «...первое столетие после нормандского завоевания ... потому, что именно в это время формировались основные виды судебных процедур, происходила их формализация и институционализация».⁵¹

В своей политике восстановления мира Генрих II исходил из принципа, что Стефан является узурпатором. Как следствие, все те, кто мог доказать, что они обладали имуществом в момент смерти Генриха I (статус таких лиц источники определя-

ли как *seisitus*), деда Генриха II, но потом были незаконно (что можно признать обычной практикой в этот период) лишены его, подлежали восстановлению в правах. Все это потребовало и выработки разветвленной системы приказов, и общую интенсификацию деятельности суда. Не стоит удивляться, что первый трактат по общему праву, «Глэнвилла», был создан на излете правления Генриха II. При нем же генеральные судебские объезды (*фр.* *суге* от *лат.* *iter*) для разбора гражданских и уголовных дел на местах (всего было четыре ежегодные сессии, а вся Англия делилась на судебные округа) становятся нормой.⁵² Однако суд в присутствии короля еще остается разъездным, хотя можно заметить, что он все более тяготеет к Вестминстеру (Суд королевской скамьи) с 1178 г., и Суд общих тяжб как реорганизованная часть Суда казначейства, отвечавшего за гражданские иски.⁵³

Важной вехой в правовой и политической истории Англии служат два глубоких кризиса — 1215—1216 и 1258—1265 гг. Во втором случае в стране разразилась самая настоящая гражданская война. Как известно, итогом первого кризиса стало издание Великой хартии вольностей (правда, несколько раз редактировавшейся), которая давала определенные гарантии обладателям «сейзины».⁵⁴ На примере Великой хартии можно видеть, как политические события, непосредственно не затрагивая сущность института, способствовали закреплению за ним определенного статуса в глазах права и разных политических сил. Так, например, в случаях незаконного лишения владения (сейзины) король брал на себя обязательства гарантировать разбор дела даже в свое отсутствие, причем только в тех графствах, где это лишение и было совершено. Это значительно удешевляло процесс по таким делам, поскольку не было необходимости ехать в Вестминстер (§ 18). Незаконное лишение владения (*disseisin*), пожалуй, чаще всего встречающееся в Великой хартии вольностей, всячески ограничивалось (§ 39, 52, а также § 56—57, где речь идет о валлийцах), потому как всегда за всеми политическими пертурбациями в сфере имущественных отношений «маячила» сейзина. Знает его и законодательство периода возникновения парламента. И опять о влиянии политических событий на его развитие можно говорить только

косвенно. Например, в части попыток известным образом ограничить те или иные права и в конечном итоге последствия акта сейзины. Речь идет об институте приданого, а равно и опеки, тоже связанной с сейзиной, как это будет показано на примере трактата Брактона.

Разнообразие имущественных отношений в первые десятилетия после завоевания

Изложенный материал касается, так сказать, внешней истории сейзины. Очевидно, что частота отчуждения имущества и обстоятельства обладания им привели к расширению ареала самого акта, а имущество, обеспеченное актом сейзины, в глазах людей того времени представлялось наиболее защищенным в глазах общего права. Но у сейзины как юридической категории была и своя внутренняя логика. Она оказалась вписанной в сложную и не всегда хорошо реконструируемую систему имущественных отношений англосаксонской Англии. Хотя источники и не сообщают нам об объеме прав, которыми располагали англосаксы, кое-какие указания все же имеются. Эту-то систему, равно как и то, что привнесли с собой нормандцы, стоит теперь рассмотреть. И в первую очередь несколько замечаний надо сделать о терминологии, которая служила описанию имущественных отношений в рассматриваемый период.

Обращаясь к практике DB, стоит отметить то обстоятельство, что ее составители довольно охотно применяли слово «аллод» для характеристики тех имущественных отношений, которые они застали у англосаксов как наследие предшествующего периода истории Англии, даже если слово «аллод» применялось, так сказать, ретроспективно.⁵⁵ Хорошо известно, что в англосаксонской Англии сосуществовало имущество разного юридического статуса, причем наряду с широко распространенным боклендом⁵⁶ — привилегированным владением по королевской грамоте — можно указать на условные держания.⁵⁷

Обладание имуществом на праве бокленда предполагало определенные службы (т. н. «*trimoda necessitas*», т. е. постройка бургов, ремонт мостов и военная служба).⁵⁸ Что касается сво-

боды распоряжения таковым имуществом, то она определялась самой природой бокленда — пожалованием по грамоте — и соответственно изложенными в ней условиями. Тем не менее зачастую, хотя и не всегда, владельцы бокленда действительно обладали большой свободой распоряжения имуществом: могли наследовать, завещать, отчуждать, дарить. Не стоит забывать, что бокленд был зачастую не столько конкретным земельным участком или поселением, но скорее рентой, получаемой с определенной территории. Очевидно, такая свобода привела к тому, что в конце IX в. Альфред Великий в своих законах запретил передавать бокленд за рамки семьи, если это было оговорено в завещании первого приобретателя или же тех, кто передал бокленд новому владельцу.⁵⁹ В DB, например, часто встречаются указания, что предшествующие владельцы во времена короля Эдуарда Исповедника могли продавать имущество кому угодно или «идти» куда угодно с землей (*cum ea (terra) ire potuit quo voluit*), т. е. искать себе другого лорда. Между тем эти владения могли быть конфискованы в случае невыполнения публичных служб — военной в первую очередь.⁶⁰

Перевод ряда англосаксонских законов на латынь в начале XII в. даст возможность познакомиться с представлениями уже современников-нормандцев о природе бокленда. Обычно этот тип владения, никак не квалифицировавшийся в англо-скандинавских законах, передается в латинских текстах по-разному, но с одинаковой и знаковой в свете истории сейзины коннотацией — «наследственное имущество»: *terra testamentalis*, *terra in hereditate*, *alodium*, *libera terra*. По справедливому замечанию Дж. Джолифа: «В XI в. аллод, бокленд и „свободная земля“, которая занимает значительное место в DB и в дипломах нормандских королей, понятия синонимичные».⁶¹ В свою очередь, как показал А. Я. Гуревич, в Англии и после завоевания был достаточно широкий слой мелких аллодистов-землевладельцев. «В целом, — пишет исследователь, — нельзя сомневаться, что мелкая вотчина аллод, как и крупная вотчина бокленд были унаследованы поздней эпохой от англосаксонского времени».⁶² Как отметил М. А. Барг: «Множество мелких вотчин 1086 г. сохранились неизменными вплоть до 1279 г.».⁶³ Такого рода мелкие вотчины представляли собой не что иное, как аллод.⁶⁴

По-видимому, надо согласиться с Дж. Хадсоном, который отметил в одной из последних своих работ, что нормандцы (точнее, составители документов) не нашли принципиально новых для себя форм имущественных отношений в Англии.⁶⁵ В связи со сказанным, хотелось бы обратиться к одному документу, записанному в DB.

Граф Алан и его человек Альгер пообещали доказать, дав залог баронам короля (*dedit vadimonium baronibus Regis*), неправомочность принадлежности имущества Видону в размере 14 боват из земли, которой некогда обладал Адестан Годраме (*de terra Adestani Godrame*). Они готовы были доказывать путем судебного разбирательства или поединка (*per iudicium aut per bellum*), что Адестан, предшественник Видона, не владел имуществом, права на которое были бы обеспечены, как представляли себе дело истцы, актом сейзины при жизни короля Эдуарда Исповедника (*Adestan saisitus non fuit t(empore) r(egis) E(dwardi)*). Следовательно, у него не было соответствующих владельческих прав. В свою очередь, человек Видона, некто Алестан де Фронтон (*de Frontone*), возможно, англосакс, дал залог, обещая доказать, что этот Адестан приобрел имущество с правом саки и соки, а права его на это имущество представил как вытекающие из акта сейзины (*inde saisitus erat cum soca et saca*), а потом этим имуществом владел сам Видон по праву сейзины, совершенной во времена Ральфа Конюшего: *inde fuit saisitus ex tempore Radulfi stalre*.⁶⁶ Указание на получение владения с правом саки и соки означает, что Адестан, а вслед за ним и Видон могли извлекать судебные штрафы, а возможно, и отправлять правосудие в своих владениях.

Дабы смысл рассмотренного спора стал яснее, следует обратиться к еще одному документу, рассмотренному Д. Роффе и дошедшему в составе все той же DB. В нем описан спор по поводу владений, относившихся к разным манорам, между двумя нормандцами: Гуго де Краоном и графом Аланом, но при этом предшественник Алана Ральф Конюший (*Stalre*) владел сакой и сокой в отношении манора Этельстана, предшественника Гуго де Краона, и поэтому последний проиграл дело.⁶⁷ Таким образом, делает вывод Д. Роффе, сака и сока указывали на полноту прав Ральфа в отношении манора, который был от него зависим

и, очевидно, являлся частью бокленда Ральфа, переданного как условное держание Этельстану.⁶⁸

Пусть и отталкиваясь не от наших собственных наблюдений, но соглашаясь с точкой зрения Д. Роффе, можно полагать, что в сознании составителей документов права на имущество, которое некогда принадлежало англосаксонской знати — королевским тэнам и эрлам, — могли мыслиться как вытекающие из акта сейзины, безотносительно того, имел ли он место на самом деле.⁶⁹ Следует принять во внимание, что владения Адестана, позже перешедшие Видону, располагались в Йоркшире, где, как показал Д. Роффе, владельцы соки являлись одновременно и владельцами бокленда.⁷⁰

Истцы, граф Алан и его человек Алгер, однако же, вчиняя иск Видону, настолько верили в свою правоту, что готовы были доказывать ее и в судебном поединке. По-видимому, они пытались оспорить принадлежность указанных четырнадцати боват земли владениям Адестана, чьим преемником объявил себя Видон. Участие именно англосаксов в качестве свидетелей объясняется тем простым обстоятельством, что они были лучше осведомлены о границах спорных владений.⁷¹

Если говорить о документах уже следующего XII в., то слово «бокленд», которое, как было сказано, еще можно встретить в юридических компиляциях XII в., уступает место феоду, в первую очередь, конечно, военному (*feodum unius militis*, *feudum loricale*), постепенно терявшему свою военную природу вследствие коммутации рыцарских служб.⁷² Слова «феод», как и «сейзина», были нормандским нововведением. Нам ничего не известно ни о нем, ни о практике оммажа в Англии до завоевания. Система личных служб и наделение земель сродни континентальным бенефициям или феодам (*лэнленд*, *laenland*, *лэн*), практика рельефа (англ. *гериот*),⁷³ наличие личных дружин (служилая знать короля или аристократов-эрлов, известная как тэны), существование сеньорий (система маноров), процессы фрагментации и приватизация власти (разделение Англии на сферы влияния между эрлами накануне завоевания), разнообразные формы зависимости — все это существовало в Англии еще до завоевания. Что же до системы феодов и, как следствие, формальной оправданности определять это общество как

феодалное, здесь историки сходятся в одном — слово «феод», несомненно, нормандское нововведение.

Пожалуй, Дж. Раунд был первым, кто попытался обосновать тезис о введении феодальных служб в Англии и системы феодалов как таковой с позиции профессиональных историков (ранее это был удел антиквариев, политических лидеров или юристов-практиков).⁷⁴ При этом он исходил из того, что в основе ее лежала система в 5 гайд (или доходности в 20 фунтов ежегодно) как нормальный размер феодала.⁷⁵ Однако он был противником того, чтобы видеть в системе 5 гайд наследие англосаксонской эпохи, приводя множество примеров, когда феодал восходил к эпохе *после* завоевания.⁷⁶ Ф. У. Мэйтланд также разделял эту точку зрения.⁷⁷ Последующие поколения историков спорили скорее не о сути самой системы, сколько о том, являлась ли сама эта система нормандской или же англосаксонской. каковы были размеры феодалов. Так, Э. Джон, сэр Ф. Стентон, У. Холлистер полагают ее лишь продолжением англосаксонской практики.⁷⁸ В целом преемственность англосаксонских и нормандских военных институтов (а феодал институт военный изначально) оказывается куда более тесной, чем полагали ранее.⁷⁹ С того времени подход исследователей не слишком изменился, о чем красноречиво свидетельствуют названия отдельных статей, посвященных этой теме.⁸⁰

Стоит в связи со сказанным отметить специальное и как будто единственное локальное исследование такого рода, как статья Х. Цурусимы. Феодал вплоть до середины XII в. предстает размытым и неопределенным понятием, так что им, в конечном итоге, обозначали все имущество того или иного лица. Феодалом могли назвать и держание за денежную или продуктовую ренту (*firma*).⁸¹ Хорошо известный историкам глагол *tenere*, по крайней мере, в Англии, не имел ярко выраженной коннотации в значении «держать» от сеньора, а был, скорее, равнозначен глаголу *habere*, что видно на примере личных владений короля, которые тот тоже «держал». ⁸²

Феодал оправданно, если не сказать, необходимо, рассматривать в связи с другим институтом — аллодом, хорошо известным как англосаксам, так и нормандцам. В целом аллод противопоставлен феодалу и бенефицию, которые справедливо

рассматривались как владения, ограниченные волей лица, их предоставившего.⁸³ Вопреки существующему до сих пор мнению о «феодальной» Нормандии и дофеодальной Англии, бросается в глаза тот факт, что нормандские источники XI в., при всей их малочисленности, пестрят словом «аллод». Так, слово «феод» (*feudum, fevum*) встречается в них только пять раз, а слово «аллод», как и слово «бенефиций», не менее тридцати.⁸⁴ Впрочем, для более раннего периода это соотношение справедливо применительно и к франкским законодательным памятникам. Сказанное противоречит утверждению Дж. Хадсона о том, что не аллод, а именно феодал был характерной формой держания в Нормандии, а нормандцы прибыли с «идеями феодала в голове».⁸⁵

Несмотря на то что нормандские источники весьма скупо рисуют нам конкретное юридическое содержание аллода в Нормандии, кое-какие наблюдения все же возможны. Фундаментальное исследование Э. З. Табюто избавляет нас от необходимости рассматривать этот вопрос подробно. По ее мнению, главное отличие аллода от феодала заключалось, во-первых, в характере служб, и, во-вторых, аллоды, очевидно, наследовались *de jure*, предполагая большую свободу распоряжения.⁸⁶ Так, в 1034—1035 гг. нормандский герцог Роберт I (II) подтвердил аббатству в Фекане дар обители Виллар, некогда сделанный его отцом. В грамоте было недвусмысленно сказано, что братия монастыря могла поступать с приобретенным имуществом по своему усмотрению, как если бы речь шла о собственном аллоде (*ut facerent ex ipso quidquid facere vellent sicuti de proprio alodo*).⁸⁷ Вместе с тем в Нормандии аллод не всегда оправданно рассматривать как свободное владение (как, впрочем, не был он таковым и в целом ряде других регионов Франции),⁸⁸ что надо отнести на счет сильной публичной власти нормандских герцогов.⁸⁹ Так, аллод нередко «держится» от герцога или сеньора, причем для его отчуждения явно нужно согласие того же герцога.⁹⁰ В то же время сами герцоги рассматривали свое имущество как аллод, принадлежащий лично им: *ego Richardus ... dux tradam quantam villam mei proprii alodi*.⁹¹ Можно полагать, что и накануне завоевания в среде определенных групп держателей были живы представления об аллоде, равно как оста-

вался реальностью сам аллод. Те же грамоты свидетельствуют о том, что аллод мог держаться от герцога или герцог мог передать своих людей, названных воинами (*milites*), и принадлежащие им аллоды духовным учреждениям (например, аббатству Св. Троицы в Фекане).⁹² Более того, содержание термина аллод в Нормандии близко и южнофранцузскому аллоду. Как там, так и здесь встречаются аллоды-топонимы: *duo aloda Brittavillam et Donnum Johannem ... trado et tribuo*.⁹³ Принимая во внимание сказанное, отождествление аллода и бокленда в документах постнормандской эпохи, а также квалификация прав на последний как «сейзина» заслуживает пристального внимания и будет еще отмечено в своем месте.

Еще одним термином, с которым нам предстоит не раз встретиться и которым описываются в DB права новой знати, является *dominium*. Хотя его можно, а может, и нужно трактовать как синоним «домениального имущества», где его юридическая природа отступает на второй план, стоит присмотреться к нему более пристально. В ряде случаев акт сейзины и обладание имуществом в форме «доминия» (*in dominio habere*) представлены как вещи взаимосвязанные. Ту же связь мы наблюдаем и в следующих примерах, отразивших историю одного и того же судебного спора 1081—1082 гг., по поводу владений монастыря в Или. Отметим только, что в документе встречается как слово *dominium*, так и *dominicum*.

Речь идет о трех приказах, изложенных в «Книге аббатства Или» (*Liber Eliensis*),⁹⁴ которым предшествует история о том, как граф Вильгельм де Варенн (?—1088)⁹⁵ лишил аббатство имущества и насильно его удерживал (*violenter detinuit*). Аббат Симеон (1082—1094), молясь однажды ночью в постели, вдруг услышал, как душу графа тащили черти, а он зывал к Господу о милости. Аббат сообщил на следующий день о том, что граф умер, в то время как об этом событии ходили лишь слухи. И действительно, через три дня в аббатство пришла весть о том, что граф скончался, а заодно явилась и его вдова, предложив братии сумму в сто солидов во спасение души покойного, которые братия и аббат, однако, взять отказались. После чего автор хроники привел тексты королевских предписаний, касавшихся споров о возвращении имущества (*possessiones*),

которые некогда были утрачены аббатством.⁹⁶ Почти нет сомнений в том, что автор хотел тем самым подчеркнуть удел тех, кто осмелился посягнуть на имущество монастыря. В то время как аббат Симеон, который и судился с графом де Варенном был еще жив, последний уже покинул этот мир.

В первом приказе король предписал архиепископу Лан-франку, епископу Кутанса Годфриду и графу Роберту де Мортену обеспечить явку людей, удерживавших имущество из той части земельных владений монастырской церкви Или, которые непосредственно обеспечивали пропитание братии (*facite venire omnes illos qui terras tenent de dominico victu ecclesie*). Король выразил волю, чтобы церковь владела этими землями, как она прежде владела ими в день смерти короля Эдуарда (*volo ut ecclesia eas habeat, sicut habebat die qua Aedwardus rex fuit vivus et mortuus*). В источнике не сообщается, как конкретно новые владельцы приобрели спорное имущество, хотя во втором из рассмотренных приказов, выданных канцелярией по просьбе аббата, содержится красноречивое требование освободить землю от захватчиков (*carta de restituendis ... possessionibus ab invasoribus suis*).

Наряду с теми, кто мог приобрести имущество в силу простого захвата, в первом приказе упомянуты лица, которые были лично благодетельствованы королем. Если такие владельцы могли доказать, что они получили имущество от короля, то он, в свою очередь, обещал предоставить им возмещение или некую альтернативу в обмен на возвращенное аббатству спорное имущество.

Тема сейзины в этом документе специально затрагивается лишь в связи с тем видом монастырских владений, которые некогда принадлежали монастырскому домену, но могли быть переданы на условиях ограниченного владения в руки тэнов. Практика пожалований на условиях долгосрочной аренды, так называемый *lasp*, хорошо известна во владениях епископа Вустерского св. Вульфстана (1008—1095), что создало ему большие проблемы после того, как его держатели-тэны (именно поэтому и в нашем случае имущество определено как *thegmland*) погибли при Гастингсе, а их владения были конфискованы.⁹⁷ Король предписывает, чтобы аббатству были воз-

вращены права, принадлежавшие ему на эти владения, в день, когда «король Эдуард был жив и мертв», и совершен для этого акт сейзины (*preterea facite, ut abbas saisitus sit de ... theinlandis que ad abbatiam pertinebant*), если только те, кто получил такие владения, не захотят пойти на мировую с аббатом и держать от него.⁹⁸

Во втором приказе (первый, как можно полагать, не возымел действия), направленном тем же лицам, король указывает, чтобы они собрали представителей графств и тех англичан, которые знают, какие земли и когда принадлежали аббатству, причем речь шла о домениальных владениях, в правах на которые оно должно быть восстановлено (*restituantur terras que in dominio suo erant*). Король предписывает устроить дело так, чтобы обладатели владений тэнов признали свою зависимость от аббатства, в обоснованности какого факта не может быть никаких сомнений (*proculdubio debent teneri de ecclesia*), в противном же случае земли должны были отойти церкви (*si noluerint, terre remaneant ad ecclesiam*)⁹⁹ — как следует из первого приказа, путем акта сейзины.

В соответствии с третьим приказом король в лице своих представителей, архиепископа Ланфранка (1005/1010—1089) и епископа Кутанса Годфрида (ум. 1093), требует восстановить монастырь в правах на имущество путем повторного акта сейзины (*facite ... resaisiri*). При этом аббат должен доказать, что эти земли были частью домениального имущества (*... si ipse abbas poterit ostendere ... terras esse de dominio sue ecclesie*), если только нынешние владельцы не смогут доказать, что они получили его от короля (*si ... homines non poterint ostendere ut eas terras habuissent de dono meo*).¹⁰⁰ Речь шла, без сомнения, о том спорном имуществе, которое было упомянуто в первом приказе и которое относилось к так называемому «*dominicus victus*».

Примечательно, что в отношении земель, которые принадлежали издавна монастырю как «*dominicus victus*» или «*dominium*», акт новой передачи этих земель монастырю обозначен приставочным глаголом *resaisire*. Иными словами, в отношении этих земельных владений допускалась мысль, что и в прежние времена монастырь получил их именно путем акта сейзины, потом был их незаконно лишен, а теперь восстановлен

путем повторного акта сейзины. Что же касается домениальных владений, переданных тэнам, то тут, надо понимать, речь шла не о восстановлении их прежнего статуса, а о закреплении такового за монастырем, что и должен был обеспечить акт сейзины (*preterea facite, ut abbas saisitus sit*).¹⁰¹

Употребленное здесь слово «сейзина», на наш взгляд, примечательно. Действительно, если предположить, что составители документов использовали соответствующие глагольные формы сознательно, то возможна следующая интерпретация. В отношении владений, которых аббатство было лишено явно противозаконно, применялся глагол в значении «восстановить в правах», в то время как для владений тэнов составителю документа показалось более уместной форма *seisire*, как если бы они были противопоставлены друг другу. В этой связи стоит отметить, что владения тэнов были определены как принадлежащие аббатству, т. е. аббат никогда и не терял над ними контроль. Иными словами, глагол *saisire* здесь следует понимать именно как утверждение прав на имущество, которые и ранее сохранялись за аббатством. Впрочем, мы вряд ли ошибемся, если предположим, что владения тэнов рассматривались не как захваченные, а как конфискованные, а потому и аббатство, и его настоятель не могли рассматриваться как лишенные этого имущества. Отсюда и предложение короля решить дело полюбовно, которое касалось, отметим, только таких владений.¹⁰²

Как бы там ни было, аббату Симеону не сопутствовала удача, поскольку еще в 1086 г., как об этом свидетельствует DB, владения были в чужих руках.¹⁰³ Можно думать, что Симеон так и не одержал окончательную победу в споре. К примеру, новые владельцы смогли доказать, что они получили спорное имущество от короля, а тот, в свою очередь, сохранил его за ними, вопреки обещанию вернуть земли аббату. Почти наверняка среди них был все тот же де Варенн. Потому-то и появилась эта история о несчастной душе графа в хронике Или.

О том, что акт сейзины оформлял права на имущество, противопоставленные правам до известной степени ограниченным, свидетельствуют и документы, дошедшие в составе DB. Так, монахи кафедральной церкви св. Петра и Свитуна в Винчестере вчинили иск монахам аббатства св. Петра в Жюмьеже, относи-

тельно прав на манор, некогда принадлежавший англосаксу по имени Ульвард в местечке Хейлин Айленд (Heringey).¹⁰⁴ По утверждению монахов Жюмьежского аббатства, нынешних владельцев спорного имущества, этот Ульвард держал манор от королевы Эдит (Эдит Уэссекская ?—1075, жена Эдуарда Исповедника) на правах аллода (*in alodium*). После завоевания король Вильгельм передал манор аббатству в Жюмьеже, очевидно, конфисковав это земельное владение у прежнего обладателя.¹⁰⁵

Со своей стороны, монахи Винчестерского диоцеза требуют себе манор, ссылаясь на дар королевы Эммы (Эмма Нормандская, 982—1052), матери Эдуарда Исповедника: *manerium calumpniantur monachi ... eo quod Imma regina dedit illud*. По словам монахов, манор был разделен, так что монахи получили половину манора путем акта сейзины: *tunc de medietate monachos saisivit*. Вторую половину королева уступала Ульварду на срок жизни (*aliam vere medietatem Ulwardo in vita sua dimisit*). После его смерти эта часть должна была перейти монастырю (*rediret ad monasterium*), а сам Ульвард должен был упокоиться в монастыре (*post obitum suum ipse sepeliendus*). Отметим, что тогда как передача прав монастырю королевой Эммой, если она в действительности имела место, представлена в англо-нормандском документе как акт сейзины, пожалование от ее же лица половины манора в пожизненное пользование определено простым глаголом (*dimisit*), т. е. «уступила, оставила за таким-то лицом». Если употребленный здесь глагол *seisire* был не случаен, то создается впечатление о противопоставлении прав Ульварда, ограниченных сроком жизни, наследственным правам монахов. Примем во внимание и тот факт, что дары монастырям чаще всего оформлялись как пожалования в бокленд. Правда, может здесь смутить приставочный глагол *redire*, как если бы монахи утратили контроль над имуществом и что перекликается с глаголом *resaisire* в рассмотренных выше приказах. Возможным объяснением здесь может служить то, что монахи, по всей видимости, получали весь манор сразу, но фактически их права были закреплены только на половину одного (и это также может обусловить применение акта сейзины, т. е. передача фактических прав на имущество и сохранение эвентуальных в отношении доли Ульварда). Однако, на наш взгляд, противо-

поставление прав монахов, обеспеченных актом сейзины, и прав Ульварда не подлежит сомнению. Любопытно, правда, что дарение на срок жизни в XII—XIII вв. также будет оформляться (или мыслиться как оформленное) актом сейзины.

Как мы видим, акт сейзины обеспечивал права на имущество, которые могли определяться как *dominium*. В чем конкретно эти права выражались, нам приходится, однако, часто судить не по прямым описаниям реального акта сейзины, но по ссылкам на права предшественников-англосаксов в отношении того самого имущества, которое новые владельцы нормандцы получали путем акта сейзины. Особенно важны для нас те примеры, где права самих англосаксов нормандские писцы определили, как вытекающие из акта сейзины. Обращает на себя внимание, что речь идет о тех, кто получил имущество из рук самого короля Эдуарда Исповедника, во времена которого, строго говоря, не было известно даже слово «сейзина». Впрочем, такая экстраполяция крайне любопытна, поскольку позволяет вскрыть представления нормандских писцов об имущественных правах до завоевания.

Акт сейзины в донормандский период и королевская власть

В приказе, который можно датировать 1076—1082/83 гг., король Вильгельм доводит до сведения архиепископа Ланфранка и Одона, епископа Байё, свою волю, чтобы аббат Виталий (ок. 1076—1085) и аббатство св. Петра в Вестминстере обладали виноградником, двумя домами, а также местечком Вич (Wich).¹⁰⁶ Сообщается, что некогда это имущество было пожаловано королем Эдуардом (*sicut rex Edwardus ... dedit*), и это пожалование было оформлено актом сейзины (*inde fuit saisitus*).¹⁰⁷ Как бы ни называть этот акт, весьма вероятно, что он был совершен с участием самого короля Эдуарда.¹⁰⁸

В другом случае епископ Эксетера Осберн (1032—1103) предоставил комиссарам короля Вильгельма грамоты (*ostendit episcopus cartas suas*), в которых содержалось указание на то, что его церковь владела местечком Ньютон на праве сейзины

(esse inde saisitam) до того, как начал править король Эдуард (antequam regnaret rex Edwardus).¹⁰⁹ «Кроме того, — как сказано в источнике, — епископ во времена короля Вильгельма уже доказал перед баронами короля, что это имущество принадлежит ему» (Insuper TRW diratiocinavit coram baronibus Regis esse suam). Иными словами, владельческие права Осберна получили дополнительную санкцию от представителей новой власти.

Не подлежит сомнению, что формула «ecclesiam esse inde saisitam» никоим образом не могла предполагать указание на таковой акт в англосаксонской грамоте. Здесь, очевидно, содержание англосаксонской грамоты было переосмыслено нормандским клерком в духе более зримого и конкретного акта сейзины. Ссылка же на грамоту (carta), как представляется, может указывать на королевское пожалование по грамоте — бокленд.

В приказе, который датируется 1066—1087 гг., король Вильгельм доводит до сведения шерифа Херефорда Ильберта, что он уступил церкви св. Петра (упомянутое выше аббатство св. Петра) в Вестминстере землю, которую в свое время подарил названной церкви Леофсин, житель города Лондона.¹¹⁰ Одновременно король выражает волю, чтобы церковь владела этим имуществом с той полнотой прав, как это было в прежние времена (habeat sicut unquam melius habuit) в соответствии с волей короля Эдуарда и в силу акта, который по представлению Вильгельма или составителя документа мог быть обозначен как сейзина (sicut rex Edwardus eidem ecclesiae concessit et inde fuit saisita).¹¹¹ Нам представляется, что наречие inde как бы связывает глагол «уступил» и его последствия, обозначенные причастием saisitus.

Сколь бы ни были скупы наши сведения о неких символических процедурах, известных англосаксам, можно отметить их подчеркнуто публично-правовой характер. Так, законы уэссекского короля Инэ (688—726) предписывали обязательное присутствие свидетелей в случаях актов купли-продажи.¹¹² В законах Этельстана (925—939) речь идет о том, что в сделках, заключаемых в портах, должен был присутствовать и королевский чиновник-герофа. Те же чиновники должны были присутствовать и в случае отчуждения имущества в народном собрании (фолькмоте).¹¹³ Составители документов описывают их не

очень обстоятельно, так что нам известна, по сути, только практика возложения грамоты или земли (дерна) на алтарь. Стоит отметить, что манипуляции с дерном служили большей прочностью (*ad ampliorem firmitatem*) владельческих прав, нежели чем их реальному оформлению, как в случае с актом сейзины.¹¹⁴ Более того, если примеры с возложением Библии на алтарь еще встречаются и после завоевания, то практика возложения дерна почти не находит отражение в изученных нами документах.

Как ранний можно привести пример с дарственной грамотой некоего Кенреда (возможно, отца короля Инэ) аббату Бектону в 670—676 гг., в которой говорится, что «я на Евангелиях расположил землю для более совершенной безопасности».¹¹⁵ Этельвульф (839—858), король Уэссекса и отец Альфреда Великого, в 844 г. «для большей прочности расположил грамотку на алтаре св. Петра (Винчестер. — *A. K.*) и епископы во имя веры в Господа приняли <грамотку>» (*pro ampliore firmitate ... posuit cartulam super altare S. Petri et episcopi pro fide Dei acceperunt*).¹¹⁶ Аналогичная грамота короля Инэ (687 г.) содержит указание на дар, совершенный в пользу монастыря в Абингдоне. В ней сказано: «дабы владения оставались в безопасности, они были подарены в присутствии двух архиепископов, также я положил дерн (*cespes*) этих мест на книгу (по-видимому, Евангелие. — *A. K.*) для большей прочности (*pro ampliore firmitate*)».¹¹⁷ Как следует из грамоты короля Инэ, гарантией соблюдения дара является не расположение дерна на книге как таковое, а наличие авторитетных свидетелей, т. е. публичность акта.¹¹⁸ Нельзя исключать, что причина кроется в «государственной» природе пожалований в бокленд, факт, на который в свое время особо обратил внимание А. Я. Гуревич.¹¹⁹ Более того, как замечает исследователь, после 800 г. указания на возложение дерна в грамотах исчезают.¹²⁰

Нет сомнений в том, что и новая династия много заимствовала из административного ресурса своих англосаксонских предшественников, например систему приказов-*breve* или элементы местного самоуправления, систему военного ополчения-*фирда* и всеобщий поземельный налог. Акт сейзины, пусть и принесенный завоевателями, сразу же приобрел публично-правовую окраску.

Так, Вильгельм, епископ Дарема (1081—1096), вчинил иск Гильберту Гентскому (ок. 1040—1095), требуя себе владения пресвитера Альнота. Однако собрание райдинга (так назывались административные единицы в Йоркшире, где слушалось означенное дело) свидетельствовало в пользу Гильберта, поскольку никто не видел, чтобы предшественник епископа приобрел эти владения посредством акта сейзины, совершенного по письменному распоряжению короля или при участии его легата (*nunquam viderunt antecessorem episcopi fuisse saisitus neque per brevem neque per legatum*).¹²¹ Скорее всего, в качестве предшественника Вильгельма мыслился епископ Вальхер (1071—1080), которому Вильгельм Завоеватель предоставил диоцез, сместив Этельвина (1056—1071) после подавления северного восстания 1069—1070 гг.

Не стоит недооценивать практику смешанных браков после завоевания, которые давали дополнительный стимул к тому, чтобы воспринимать себя законными преемниками прежних владельцев, сохраняя полученное вместе с браком имущество в качестве наследственного.¹²² И это несудивительно, поскольку костяк армии Вильгельма, без сомнения, составляли «молодые», младшие отпрыски феодалных фамилий, у которых было немного шансов обзавестись имуществом на родине и, как следствие, рассчитывать на брак.¹²³ Тот же Ж. Дюби называл молодежь «агрессивным элементом» средневекового общества, в частности указывая на каталонские документы 20-х гг. XI в., где можно найти примеры непочтительного отношения детей к родителям и братьев друг к другу, так что «вся семейная общность охвачена судорогами».¹²⁴ Есть примеры того, как новый приобретатель-нормандец получил имущество вследствие преемственности прав, определяемых как наследственные, с предшественником (*per hereditatem antecessoris*).¹²⁵

В отношении условий приобретения владений представителями новой знати можно констатировать следующее. По мнению Ф. Барлоу, «новые владельцы рассматривали себя в качестве преемников социальных и юридических привилегий *тэнов*», т. е. претендовали на тот же объем владельческих прав, что и их предшественники.¹²⁶ Эта же мысль была вновь выражена в работе Энн Уильямс.¹²⁷ Представляется знаковой статья

Д. Роффс, хотя подобные суждения уже были высказаны в начале прошлого века,¹²⁸ который попробовал доказать, что статус владельцев баронии XIII в. и правовое положение королевских тэнов до завоевания были тождественны, иными словами, что нормандские бароны являлись просто преемниками тэнов короля. В целом, как считает Р. Рейд, хотя основной контингент землевладельцев был нормандским, вряд ли они владели имуществом на других условиях, нежели их предшественники.¹²⁹ Думается, что исследование правоотношений, которые определялись как «сейзина», уже позволило обогатить картину симбиоза англосаксонских и нормандских институтов, нарисованную предшествующими исследователями.

Подводя некоторый итог, можно задаться вопросом, не будет ли оправданным полагать, что распространенность термина «феод» в Англии была обусловлена не тем, что с юридической точки зрения феодал принципиально отличался от аллода, но тем обстоятельством, что теперь англосаксонский бокленд или аллод оказались гораздо больше обременены платежами и службами. Сюда надо отнести всеобщий налог (датские деньги). Практика взимания щитовых денег, тоже ложившихся известным бременем на землевладельцев, была крайне распространена при Генрихе I, причем в этой своей политике короли англо-нормандской династии следовали практике англосаксонского фирда (4 денария в день на обеспечение одного воина или 30 солидов за два месяца, в то время как на континенте эта служба составляла сорок дней).¹³⁰ В еще большей степени ее будут практиковать короли из династии Плантагенетов начиная с Ричарда I (с 1189 по 1235 г. щитовые деньги взимались 24 раза, а за 1154—1189 — только семь).¹³¹

В Нормандии XIII в., где также утвердился феодал, он мог быть как наследственным, так и пожизненным держанием: «Способ обладания имуществом определяет, каким образом оно может достаться не наследнику, а другому лицу, если кто-либо владеет феодалом на срок жизни, то такая сейзина не перейдет наследникам».¹³² При обращении к кутюмам становится понятным, что феодал был недвижимым имуществом (впрочем, нельзя исключать, что речь шла о получаемой с него ренте), противопоставленным имуществу движимому в ситуации, когда и то

и другое может быть конфисковано с целью вызова ответчика в суд.¹³³ Феод рассматривался как держание за военную службу, и составители кутюм указывают, что на таком праве держали свои феоды непосредственные держатели от герцога (*in capite*), их вассалы и вассалы их вассалов, но при этом речь в самом документе идет как раз о возможности таких вассалов откупиться за службу из расчета 40 дней.¹³⁴

Разнообразие форм сейзины в постнормандской Англии: сейзина и *liberatio*

Предшествующее изложение было призвано очертить содержание имущественных прав, обеспечивавшихся актом сейзины, а заодно и дать общую картину имущественных отношений в первые десятилетия после завоевания. Сейчас же уместно обратиться к содержанию самого слова «сейзина», которое эволюционировало под воздействием условий завоевания. Военная колонизация дала слову *seisire*, если так можно выразиться, второе рождение в значении «захват» или «вторжение», значение, которое никак или крайне невыразительно представлено в нормандских документах. Причина тому очевидна — утверждение иноязычной военной аристократии было невозможно без применения насилия. Более того, даже старые нормы, например обычаи тех или иных местечек, имевшие, разумеется, англосаксонское происхождение, переписывались на латынь с применением новых слов, принесенных завоевателями. Например, в книге обычаев города Честера, записанной в DB, сказано: «Тот, кто завладеет землей другого лица в городе и не сможет доказать, что она принадлежит ему по праву, уплатит 40 солидов».¹³⁵ Другой документ DB содержит рассказ о том, как некто Тальрад, человек (*homo*) графа Вильгельма де Варенна, захватил (*saisivit*) сокмена (лично свободного англосакса) и три года его «удерживал без ведома короля» (*tenuit super regem*).¹³⁶ Еще в одном документе, дошедшем в DB, сообщается, что аббату монастыря св. Эдмунда (Бери-Сент-Эдмундс, Саффолк) был наполовину коммендирован свободный человек с землей, пока его не захватил некто Артальд (*donec Artaldus eum saisivit*).¹³⁷

По-видимому, такой же акт произвола отразил следующий документ, составленный в 1088 г. Вильгельм, епископ Даремский, обращается к королю Вильгельму II Рыжему (1087—1100) с жалобой на его людей, которые удерживают в заключении собственных людей епископа и захватили его владения (*homines vestri de Eboraco homines meos in captione detinent et terras saisiverunt*).¹³⁸ Эти примеры можно умножить.

Романский глагол *saisire* в значении «конфисковать имущество» весьма характерен для континентальных нарративных памятников интересующего нас периода. Встречается он в таком значении и в отдельных юридических документах. Нормандская Англия не представляла в этом отношении какого-либо исключения. Более того, факты конфискации владений мятежной англосаксонской знати (в первую очередь, конечно, Гарольда и его ближайшего окружения) следует признать для этого периода обыденным явлением. Так, в DB сообщается, что во времена короля Эдуарда некто Эльрик (*Aluricus*) держал местечко Клэр (*Clara*) как манор, в котором насчитывалось двадцать четыре каруки земли.¹³⁹ Этот манор и находившуюся в нем церковь он, составив грамоту, отдал под двойную опеку сыну Вифгару и аббату монастыря св. Иоанна (*abbati ad custodiendum et in custodia Wifgari filii sui emisit*). Это имущество было отдано под опеку с условием, что монахи не будут его передавать другим владельцам или позволять кому-либо брать его в возмещении понесенного ущерба.¹⁴⁰ Поскольку это имущество оказалось лишь под опекой монастыря, а основные владельческие права, так или иначе, были сохранены за Эльриком, то оно попало под общую экспроприацию владений англосаксонской знати. Конфискация земли королем в рассматриваемом случае выражена следующим образом: *saisivit eam in manum suam*.¹⁴¹

Аналогичная формула применена в документе, где речь идет о некоем Эльрике, человеке архиепископа Стиганда (?—1072), который во времена короля Эдуарда владел тридцатью акрами земли.¹⁴² Сообщается, что имущество Стиганда было отчуждено в пользу короля одним из его доверенных людей (*prepositus regis*) по имени Улкетил путем сейзины: *saisivit terram in manum suam*.¹⁴³ Нет сомнений в том, что в форме сейзины была осуществлена конфискация имущества Эльрика, так

как в самом документе сказано, что он был объявлен вне закона (*utlagatus*), почти наверняка как участник антинормандского мятежа. Хорошо известно, что, придясь поначалу ко двору и даже сохранив пост архиепископа Кентерберийского (вопреки папскому отлучению), Стиганд играл второстепенную роль в момент коронации Вильгельма. Разумеется, Вильгельм, чье завоевание папа и благословил, не хотел получить корону из его рук. В конце концов он лишился и сана, и своих владений после мятежа 1069—1071 гг. с тем, чтобы умереть в заключении в 1072 г.

Помимо DB к важному источнику можно отнести королевские приказы, если не с точки зрения содержания, по причине их фрагментарности, то как свидетельства преемственности между англосаксонскими и англо-нормандскими традициями. Как было отмечено, в них словом *сейзина* обозначают акт ввода во владение, но сам этот ввод в действительности есть не что иное, как восстановление утерянных прав, что и был призван выразить приставочный глагол *resaisire*.

Особый интерес представляет приказ короля Вильгельма 1077 г., адресованный Ланфранку, архиепископу Кентерберийскому, Годфриду, епископу Кутанса, графу Роберту де Мортену и другим приближенным. В документе речь идет о землях, которые аббат монастыря св. Августина в Кентербери Эльсин (*Alsinus*), как сказано, уступил другим лицам по легкомыслию, под влиянием страха либо из-за алчного желания личного обогащения. Король повелевает адресатам приказа устроить дело так, чтобы монастырь и его аббат, названный Шотландцем (*Scotlandus*), вновь вступил в права владения этими землями путем акта *сейзины*: *faciatis sanctum Augustinum et abbatem Scotlandum resaisire burgum de Fordwich...*¹⁴⁴

Из приведенной формулы следует, что, по представлению составителей документа, названный аббат должен был совершить *сейзину* в свою пользу как активно действующее лицо, причем объектом *сейзины* представлены не какие-то лица, как это мы наблюдали в значительной части континентальных документов, а город, со всем к нему относящимся. Иными словами, можно сказать, что в Англии XI в. сохранялось древнее представление о *сейзине* как о способе приобретения имуще-

ства для себя. Сказанное, в свою очередь, дает основания полагать, что и в случае передачи имущества в пользу другого лица прежний владелец заявлял актом сейзины о полноте своих прав на отчуждаемое имущество. Вместе с тем не подлежит сомнению тот факт, что в отличие от документа из Намюра XII в., где, как мы помним, этим словом обозначался лишь акт обретення имущества для себя, теперь «сейзина», выраженная с помощью различных лексических средств, обнимала уже весь акт наделения имуществом одного лица другим.

Хотя в Англии еще не были исчерпаны ресурсы для освоения нови, т. е. для обретення имущества в свою пользу сродни сейзине франкских времен, имущество, как правило, перераспределялось уже в сложившемся владельческом ландшафте, а прежний владелец должен был как можно прочнее обеспечить права нового владельца на отчуждаемое в его пользу имущество. Некоторые, пусть и малочисленные примеры, свидетельствуют о том, что современники хранили представление о сейзине как акте, которым прежний владелец заявлял полноту своих прав на имущество, ставшее предметом договора, и тем обеспечивал дальнейшее надежное владение этим имуществом лицом, в пользу которого оно отчуждалось. С одним из них — спором о возвращении утраченных владений аббатству св. Августина — мы уже имели случай познакомиться.

Но можно привести и еще один пример, где исходное значение акта, обозначавшегося древним глаголом *sacire* и романским *saisire*, так или иначе, сохранялось и в Англии XI в. Очевидно, будет правильным передать его формулой «вступать в права владения». Именно в таком смысле глагол *saisire* употреблен в англо-нормандской грамоте, датированной 1093 г. В ней сообщается, что монахи Гластонбери отправили одного из братии для вступления во владение названной в документе землей: *unum ex nobis monachum ad eandem terram saysiendum destinarent*.

Связь акта *saisire* как формы передачи имущественных прав другому лицу с древним представлением об утверждении собственных владельческих прав на имущество можно усмотреть в отмеченной уже в первой главе формуле, где глагол *saisire* получает косвенное дополнение в дательном падеже *sibi*. Такое

косвенное дополнение указывало на лицо, в пользу которого отчуждалось имущество. Эта достаточно архаичная формула употреблена в английской грамоте первой трети XII в., где сообщается, как некто Дуранд передал имущество монастырю в Уитби и вместе со своими наследниками совершил акт сейзины в пользу монастырской братии: *seisierunt fratribus de Whiteby*.¹⁴⁵

Если суммировать, рассмотренные примеры дают основание полагать, что, какова бы ни была правовая реальность, в представлениях современников имущество, передаваемое путем акта сейзины, воспринималось как наследственное, как личное достояние. Иными словами, в умах современников было живо представление об имуществе не столько как подаренном, например тем же сеньором, сколько как приобретенным в силу волевого решения, покоящегося на праве наследования. Возможно, в таких, пусть и редких, примерах исследователю удастся «поймать» специфику имущественных отношений англо-нормандского общества, специфику, уже отмеченную в начале работы.

Несмотря на сказанное, стоит признать, что несравненно больше тех документов, где активной стороной выступает представитель короля, например, представитель местной администрации (шериф) либо лорд, получивший соответствующее предписание, которые совершают сейзину в пользу духовного учреждения, причем именно последнее, а не передаваемая ему земля, и представлено в качестве объекта акта сейзины. Так, в приказе Вильгельма Завоевателя, выданного в 1086—1087 гг. Гуго де Порту, объявляется, что король даровал аббатству св. Петра в Вестминстере десятину от своего владения в Ротланде (*Rotelanda*). В документе его составитель использовал форму активного залога в повелительном наклонении. Вильгельм приказывает Гуго ввести аббатство во владение этой десятиной путем акта сейзины: *eum saisias*.¹⁴⁶ В том же значении употребляется глагол *resaisire* с той только разницей, что встречается он в королевских приказах, где речь идет о восстановлении в правах лиц, которые были незаконно лишены своих владений. Их прежние права владения, как правило, представлены в качестве таких, которые обеспечивались актом сейзины. Об этом свидетельствует указание на произвольное лишение их этих прав

с помощью специального глагола *dissaisire* (*deseisire*).¹⁴⁷ В одном случае документ не сообщает, не было ли распоряжение короля ответом на произвольное лишение названных в документе лиц их владельческих прав.¹⁴⁸ Но сам глагол *resaisire*, похоже, указывает именно на такую ситуацию.

В тех же случаях, когда составители документов пытались представить действие, имевшее место в прошлом (например, в протоколах судебных заседаний), там на первое место выступает причастная форма *seisitus*. В последнем случае дело, однако, иногда доходило и до курьезов. Но тем очевиднее выступала та роль, которую современники отводили акту сейзины, как процедуре правоустанавливающей. Они даже считали возможным применять ее при описании юридического статуса лица, приобретшего имущество вследствие насильственного, разбойного овладения. Правда, пример, который мы собираемся привести, не лишен некоторой двусмысленности.

В ассизе, изданной королем Генрихом II в 1166 г. на совете знати в Кларендоне, содержалось следующее постановление. В случае ареста некоторого лица (*si aliquis fuerit captus*), которое овладело имуществом, предположительно, путем разбойного нападения (*qui fuerit saisatus de roberia vel latrocinio*), ему следует отказать в праве владения (*non habeat legem*), если этому лицу откажут в честном имени и у него не будет необходимых свидетелей для защиты в суде.¹⁴⁹ Дополнительно отмечено, если он не сможет обосновать в суде свою сейзину (*pro saisina quam habet*), он должен пройти через испытание водой. Двусмысленность этого постановления заключается в том, что факт грабительского овладения имуществом, в отношении которого применена формула *saisatus est*, представлен лишь в форме подозрения на противоправное действие. Но сама возможность сочетать формулу *seisitus esse* с противоправным приобретением имущества показательна, как показательно применение существительного «сейзина» к тому, что стало предметом разбирательства — имуществу. Именно так мы склонны трактовать выражение *pro saisina quam habet*, поскольку обладал он как раз тем, что и было приобретено *de roberio vel latrocinio*. С пониманием сейзины как возможным указанием на конкретный объект нам еще предстоит столкнуться.

Использование пассивной конструкции подчеркивает и другой аспект эволюции интересующего нас института и представлений о нем современников, а именно, составители документов (в том числе и представители судейского корпуса) обращают внимание не на само правоустанавливающее действие, а на его последствия. Особое внимание стали уделять моменту наделения владельческими правами именно получателя имущества. Почти нет сомнений, что именно в практике средневековых составителей документов коренится характерная для современного английского языка формула, которой определяются владельческие права: *to be seized of*.¹⁵⁰

Утверждая, что акт сейзины мог представлять собой физическое введение нового владельца в границы передаваемого ему имущества, мы отталкиваемся от единичных примеров конкретной практики, в первую очередь, примеров с древним актом *absacire*, а кроме того, от характерной эволюции самих формул, описывающих акт сейзины. Английские документы XI в. не содержат прямых указаний, как же конкретно должен был осуществляться этот акт, что особенно справедливо для королевских приказов, в которых интересующий нас институт предстает в самой общей форме. То, что акт сейзины предполагал физический контакт лица и вещи и прежде всего фактическое введение нового — или, так или иначе, доказавшего свои права в суде прежнего — владельца в пределы передаваемого имущества, лишний раз убеждает свидетельство «Хроники монастыря в Абингдоне», которое можно датировать 1135—1154 гг.

Симеон, стюард (*dispensator*) короля Генриха I, передал аббату в Абингдоне церковь в приходе Мерчам (*Mercham*), что в Беркшире, и то, что к ней относилось, а именно, три гайды земли, и навсегда отказался от прав на это имущество за себя и наследников (*hanc omnia clamavit quicta in perpetuum tam de se quam de omnibus suis heredibus*).¹⁵¹ После смерти Симеона его сын Турстан, выполнявший те же функции, что и отец, представил королю дело так, будто аббат несправедливо лишил его владений, принадлежавших Турстану по праву наследования (*Turstanus suggestit regi abbatem ... hereditarii sui juris possessiones injusta ... occupasse*). Дело не обошлось без подарков королю со стороны Турстана. Король в письменной форме при-

казал аббату совершить акт сейзины в пользу Турстана (*dati ... muneribus, rex illico abbati per breve ... mandavit ut ... saisiaret*). Тем не менее курия аббата отказалась подчиниться воле королевского приказа.

Турстан явился к королю еще раз, и тот предписал шерифу разобрать дело, очевидно, продолжая считать, что претензии Турстана обоснованны. Шериф же, поддавшись подкупу (*amore pecuniae depravatus*), лишил законных владельцев имущества (*justos possessores depraedavit*) и, передавая дословно текст хроники, «ввел» Турстана во владение, которое ему не принадлежало (*in re non sua ... introduxit*). Представленное введение во владение рассказчик определил как сейзину, используя причастие *saisitus*, и, по его словам, благодаря сейзине Турстан удержал имущество, права на которое заявлял в суде: *Turstanus ergo saisitus rem quam petebat ... detinuit*.¹⁵² Красноречиво здесь слово «*ergo*», которое в этом контексте точнее всего перевести как «вследствие этого», как если бы факт введения во владения и состояние *seisitus* находились в причинно-следственной связи.¹⁵³

Составители документов и непосредственные участники правоотношений рассматривали зачастую акт сейзины, исходя из его юридических последствий. Иными словами, наблюдая, как некое лицо или его предшественник владели имуществом, причем определенного статуса, в течение некоторого времени, составители документов, как и действующие лица документов, свидетельствовали — зачастую же в действительности лишь предполагали, — что владение имуществом было обеспечено актом сейзины. Пожалуй, большинство документов отразило, так сказать, такой ретроспективный взгляд на акт сейзины. Но есть документы, содержащие прямое указание на несомненный факт совершения сейзины и отдельное указание на факт дальнейшего владения переданным имуществом. В спорах о правах владения указание на фактическое владение в определенный период времени служило дополнительным весомым аргументом в пользу прав того или иного лица, как это, впрочем, мы наблюдали уже в формулах VIII в. с глаголом *sacire*.

В одном из документов, содержащихся в DB, в подтверждение владельческих прав Роберта Малс (ок. 1066—1106?)¹⁵⁴ указывается, что достойные доверия свидетели видели, как его

отец Вильгельм Малс (?—1071) получил землю путем акта сейзины, как он осуществлял ее эксплуатацию, как его люди исполняли службу в его пользу, причем они свидетельствовали, что это были именно его люди, хотя настоящий их статус определить не могли.¹⁵⁵ В этом примере указание на акт сейзины стоит первым, а указание на фактическое владение с дополнительными аргументами следует далее.

Можно привести и такие примеры, где фактическое обладание и акт сейзины представлены как два взаимодополняющих основания для признания полноты прав того или иного владельца, при этом указание на фактическое обладание дается первым. Так, в DB сообщается, что, согласно показаниям свидетелей, Вильгельм Малс имел в местечке Сэнктон (*Santune*) в качестве «домена» (*in dominio habuisse*) семь с половиной карукал земли, иначе говоря, половину земли в расположенной там вилле, причем он был наделен этой землей путем акта сейзины (*inde saisitum fuisse*).¹⁵⁶ В другом документе сказано, что свидетели под клятвой подтвердили владельческие права Вильгельма Малс как полноправного господина на всю виллу Велдрейк (*totam villam Coldrid Willelmum malet in dominio tenuisse*), которую он получил путем акта сейзины (*de ea saisitum fuisse*).¹⁵⁷

Нельзя не обратить внимания на выражение *in dominio habuisse*, о котором уже шла речь. Можно точно сказать, что это имущество принадлежало непосредственно Вильгельму, но о содержании его прав мы остаемся в неведении. Вряд ли стоит сомневаться в том, что акт сейзины, если он имел место, был совершен по распоряжению короля. Другое дело, на практике, что и порождало многочисленные споры, нормандские сеньоры могли весьма вольно обращаться с приобретаемыми ими владениями и, так сказать, «под шумок» завоевания фактически осуществлять присвоение имущества. Естественным следствием этих процессов было принижение статуса некогда, пусть и относительно, но все же свободного населения. Бывшие свободными общинники-керлы все более становятся зависимыми крестьянами-вилланами. В этих условиях королевская власть пытается как-то противостоять этому процессу, чему служила специальная процедура. Но если в наиболее распространенной своей форме сейзина вполне нормандская и континентальная

по своей природе, то вторая форма, которую мы для удобства изложения будем именовать *liberatio*, стала возможной только в специфических условиях англо-нормандского синтеза. Любопытно и то, что, пожалуй, единственным источником, отразившим практику применения и той, и другой формы сейзины стала уже упоминавшаяся не раз *DB*. С этой процедурой стоит познакомиться поближе.

Общая характеристика института liberatio

Слово *liberatio*, равно как и слово сейзина, не должно входить в заблуждение. В источниках мы, как правило, имеем дело с уже хорошо знакомыми нам глагольными формами: *liberare*, *deliberare*, *liberatus est*. В ряде случаев в источниках встречается указание на лицо, именовавшееся *liberator*, которое осуществляло акт *liberatio*, так, наконец, и абстрактное отглагольное существительное *liberatio*. Несмотря на то что глагол *liberare* и его производные часто встречаются в континентальных документах, *liberatio* как особый институт — явление, несомненно, англо-нормандское.¹⁵⁸ По замечанию Дж. Гарнста, в документах англосаксонского периода глагол *liberare* и его производные встречаются порядка шестисот раз, но, за исключением двух, по-видимому, позднейших подделок, нигде не идет речь о процедуре передачи имущественных прав, что мы наблюдаем в *DB*. Ничего об этом институте не говорят и собственно нормандские документы.¹⁵⁹ Очевидно и то, что институт *liberatio* сосуществовал с сейзиной. Но как они соотносились друг с другом?

DB дает на это исчерпывающий ответ. Так, в споре между Видоном (*Wido*) и Вильгельмом де Варенном Видон требует себе некое земельное владение (*revocat*), так как оно было передано путем акта *liberatio* (*fuit liberata*) его дяде Осмунду и графу Евстахию. Люди Вильгельма де Варенна, который в данный момент владеет этим имуществом, лишили прежних владельцев прав на это имущество, отменив, как сказано в документе, правовые последствия акта сейзины (*dissaisierunt*).¹⁶⁰ Тождественность акта *liberatio* и исходного акта сейзины здесь не вызывает сомнений.

Таким образом, процесс распределения собственности в Англо-нормандском королевстве при обращении к институту liberatio обретает еще одно измерение.¹⁶¹ Достоин внимания и сам факт употребления привычного глагола liberare и его производных для обозначения юридического действия, тождественного акту сейзины. Можно полагать, что к этому составителей документов подвигали какие-то особенности рассматриваемого правового действия, которые отличали его от более общего акта сейзины. Пока сформулируем ряд предварительных замечаний.

Во-первых, liberatio являлась вариантом *королевской* сейзины. Так, в споре Вильгельма де Варенна с другим держателем короля Вильгельмом Спеком (Willelmus spece), последний жалуется на то, что его лишили владения в размере полгайды и полвиргаты в местечке Дин (Stodene), в пределах которого сидели сокмены, имевшие право дарить и продавать свою землю. В источнике не выражено прямо участие людей сотни, но можно полагать, что именно сотенное жюри свидетельствовало в пользу Вильгельма Спекы, который получил от короля спорное имущество посредством акта сейзины, совершенного по воле короля назначенным им «либератором» (fuit Willelmus spece saisitus per regem et ejus liberatorem).¹⁶²

Во-вторых, почти нет сомнений в том, что, будучи по своей форме тождественной сейзине, она совершалась в пользу представителей нормандской знати. Среди ее бенефициаров числятся, например, Вильгельм Малс, Роберт Малс, Вильгельм де Варенн, Ральф де Тони (?—1102).¹⁶³ Обращает на себя внимание и тот факт, что участники акта liberatio названы не только по именам, но и по фамилиям или, иначе говоря, по месту их основного владения. Акт liberatio мог быть совершен и в пользу субдержателя, каковым, например, являлся Роджер Биго (?—1107) по отношению к Одону (ок. 1036—1097), епископу Байё. Но такой субдержатель нередко мог быть крупным землевладельцем и держателем от короля. Недаром Роджер Биго неоднократно упоминается в DB.

В-третьих, документы, собранные в этом источнике, всякий раз подчеркивают, что акт liberatio осуществлялся в отношении того или иного владения с сидевшими там некогда или сидящими в настоящий момент *свободными* людьми, которых наши ис-

точники обозначают как «*liber homo*» или «*sochemannus*». Эти категории населения, как известно, исполняли определенные публично-правовые службы, в первую очередь, военную и судебную, являясь одновременно и налогоплательщиками. В одном документе особо отмечается, что свободный человек был обязан платить гельд, под которым, в данном случае, можно понимать королевский поземельный налог, и что так было всегда (*semper vi denarios et i obolum de gelto*).¹⁶⁴ Бросается в глаза то обстоятельство, что чаще всего упоминание этого акта содержится в малой DB и, как правило, в связи с многочисленными судебными спорами. Как уже было сказано во Введении, малая DB представляет собой перепись ряда восточных графств, таких как Норфолк, Эссекс и Саффолк, в населении которых удельный вес свободных англосаксов (то есть не имеющих над собой лорда, кроме короля, или имеющих связь с другим лордом путем необременительной коммендации) был всегда высок.¹⁶⁵ Впрочем, степень привязки акта *liberatio* к региону преобладания свободного англосаксонского населения не следует преувеличивать, поскольку в большой DB судебные споры, которые и содержат наиболее богатый материал для изучения акта *liberatio*, сведены к минимуму.¹⁶⁶

Статус этих свободных был различен. Так, из трех сокменов Вильгельма де Варенна один не мог продавать и дарить имущество кому угодно без разрешения лорда (*non potuit dare et vendere*), а два таковым правом располагали (*Alii duo hoc facere potuerunt*).¹⁶⁷ Иногда сообщается в общей форме, что тот или иной англосакс мог во времена короля Эдуарда передавать свое имущество, кому пожелает, каковым правом пользовался, в частности, горожанин Бедфорда, некий Годвин (*tenuit TRE quam potuit dare cui voluit*).¹⁶⁸ В ряде случаев фримены или сокмены, владеющие некоторым имуществом, коммендируют себя (то есть вступают в отношения личной, но необременительной зависимости) в отношении какой-то его части, сохраняя при этом оставшуюся часть в своем полном распоряжении, как это видно на примере семи свободных людей в местечке Brodertuna (не сохранилось), которые владели двумя карукатами земли во времена короля Эдуарда, но были коммендированы только в отношении пятидесяти шести акров земли. Надо полагать, что

оставшейся землей они владели совершенно свободно.¹⁶⁹ Случалось и так, что в источнике, наоборот, подчеркивалось некоторое ограничение свободы, как в случае со свободным англосаксом в местечке Хельгатон (Helgatuna), который не мог уйти с этой земли без разрешения своего лорда (*non posset recedere a terra nisi licentia illius*).¹⁷⁰

Каков бы ни был статус этих свободных, завоевание оказалось для них губительным. Подавляющее большинство потеряло свою, пусть и относительную, свободу и в DB значилось как зависимые и юридически бесправные крестьяне (вилланы). Можно полагать, что акт *liberatio* стал особым инструментом королевской политики, с помощью которого Вильгельм Завоеватель пытался сохранить определенные институты и поддержать тот слой свободных англосаксов, которые были их действенной опорой. И не этому ли акту, столь часто упоминаемому в DB, мы обязаны тем фактом, что доля свободных только в восточном Саффолке достигала (!) 41 %? Более того, по замечанию исследователя, такова была ситуация в Саффолке в целом.¹⁷¹

Надо полагать, что лорды-нормандцы, которые получали власть над такими англосаксами, превращались в своеобразных посредников между ними и королем, причем новые лорды, получив такие владения, обязывались не менять статус англосаксов, отправлявших определенные публичные службы, и гарантировать соблюдение их исполнения. Какие выгоды приобретали сами нормандцы — сказать сложно. Разумеется, акт *liberatio* оформлял их права на имущество, и, почти наверняка, оставаясь лично свободными, такие англосаксы могли, например, оказаться гораздо теснее связанными с новыми сеньорами. Акт *liberatio*, как и акт *сейзины*, мог способствовать созданию более целостных земельных владений нормандской знати. Отметим попутно, что в отдельных случаях дело могло обходиться без посредников из числа знатных нормандцев. Порою сами нормандцы занимали в некотором смысле место свободных англосаксов, прежних владельцев, проходя все через тот же акт *liberatio*, как это сделал Роджер Биго, приобретший пять акров земли, некогда принадлежавших свободному человеку архиепископа Стиганда.¹⁷²

Эти предварительные замечания наводят на мысль, что выбор составителями документов слова *liberare* и его производных определялся их исконным значением — признание известной полноты социальных и имущественных прав. В этом оно отличалось от континентальной практики. Корень «*liber*», к которому восходят все отмеченные нами выражения, обретал здесь одно из своих древнейших значений и сближался с германским словом «*frei*», которым свободных описывали уже англосаксы. В DB можно найти и слова *freemen* или *freoman*.¹⁷⁸

Напротив, объяснение, предложенное Дж. Гарнетом, кажется нам если и не лишенным оригинальности, то слишком искусственным для той массы писцов и комиссаров, которые участвовали в составлении DB. Он полагает, что появление этого института напрямую связано с идеей верховенства короля над всем имуществом в стране, он как бы «выкупил/искупил» (*redeem*), «освободил» (*free*) землю, которую от него непосредственно не держали в пользу новых землевладельцев. Здесь Дж. Гарнет ссылается на Ансельма Кентерберийского, который рассматривает короля как заместителя Христа, заключившего с ним *pactum* в ходе завоевания. Приводит он и поддельную грамоту Этельстана (924—939), в которой глагол *liberare* используется как в значении «освободить от тенет Дьявола», так и «наделять имуществом» (речь шла о кафедральной церкви св. Павла в Лондоне).¹⁷⁴ Между тем исследователь отмечает и тот парадокс, что в DB нет речи о посланниках короля (*liberatores*), которые бы наделяли правами монастыри. По мнению Дж. Гарнета, это было связано с идеей, что церковь не прекращает своего существования и во время завоевания, то есть здесь нет разрыва в правообладании.¹⁷⁵ Однако оправданно и другое объяснение. Монастыри, в отличие от светских лиц, не участвовали в массовых захватах свободных, с одной стороны, с другой — они приобретали имущество от светских лиц, на землях которых свободные были, статус каковых как раз и должен был быть подтвержден актом *liberatio*. Что же до королевских пожалований, то здесь король был в праве всех свободных превратить в зависимых.

Наша гипотеза не покажется надуманной, если мы хотя бы вкратце остановимся на этимологии слов «*liber*» и «*frei*», кото-

рые были специально рассмотрены в работе Э. Бенвениста.¹⁷⁶ Он отмечает, что «liber» охватывает сложный комплекс социальных отношений и восходит к индоевропейскому *leudth,¹⁷⁷ который дает в готском глагол *liudan* в значении «расти, развиваться». Это биологическое начало позже переосмысливается как рост общности людей. Свободным же является тот, кто принадлежит к одному этническому корню, к одной группе людей: «Принадлежать к этому корню, означает быть наделенными качеством *(e)leudheros ... пользоваться привилегиями, которые отличают эту группу от чужестранцев, рабов».¹⁷⁸

Слово «frei», напротив, выражая ту же идею принадлежности, относится не к коллективу, а к отношениям индивидов. Слово «frei» имеет в основе прилагательное, восстанавливаемое как *prīyos (индоевропейский *prāi или *prī) в значении «милый, дорогой» (ср. ст.-слав *rgījaŋo*, русский «приятель»)¹⁷⁹ Э. Бенвенист отмечает: «Термин, обозначавший первоначально отношения приязни между людьми ... приобретает значение социального института, начиная служить наименованием общности по принадлежности к одной группе общества ... свободных людей».¹⁸⁰ Тем самым Э. Бенвенист делает вывод, имеющий для нас принципиальное значение: «Первоначальным оказывается не значение „освобожденный, избавленный от чего-либо“, на первый взгляд, казалось бы, исходное, а значение принадлежности к этнической группе».¹⁸¹ Этот термин отделяет членов этих групп от чужестранцев, рабов и тех, кто «не(благо)рожден».¹⁸²

Особая роль DB в деле фиксации этого института¹⁸³ заключается и в том, что глагол *liberare* в других источниках употреблялся скорее в обычном широком значении — «освобождение от чего-либо или кого-либо», что соответствовало нормам латыни того времени. Общее же, пожалуй, состояло в том, что и здесь он выступал в тесной связи с prerogативами королевской власти.

В главе 4 Хартии Генриха I городу Лондону (1130—1133) говорится о том, что никто не может останавливаться внутри городских стен на постой (*nullus hospitetur*) ни из свиты (*familia*) короля, ни из свиты какого-либо другого лица и ни для кого не должно предоставляться помещение под постой (*hospitium liberetur*) с применением силы.¹⁸⁴ В чем-то похожая ситуация

рассматривается в «Свободах Лондона» (1133—1154). Здесь вновь членам свиты (*homo qui de curia sit Regis*) не разрешается становиться на постой (*hospitari non debet*) в доме любого горожанина (*in domo alicuius civis Lund[oniarum]*) ни с применением силы (*vi*), ни на основе дарованного королем права постоя (дословно «освобождения (*liberatione*)»), ни в силу обычая (*consuetudine*). Понятие *liberatio* здесь, очевидно, надо понимать как вмененную королевской властью обязанность высвободить часть жилища для постоя членов королевской свиты.¹⁸⁵

Крайне редко можно встретить акт *liberatio* в известных нам королевских документах, где он выступает как традиционная сейзина. Тем не менее укажем на один любопытный пример, содержащийся все в той же DB. В ответ на заявление истца, который ссылается на акт *liberatio* и дар короля, сотня свидетелей утверждает, что она не видела ни <указание на таковой> в приказе, ни <самого> «либератора». Не исключено, что в приказе содержалось предписание некоторому лицу совершить именно акт *liberatio*.¹⁸⁶ В одном довольно позднем королевском приказе, который можно датировать 1155—1158 гг., Генрих II доводит до сведения своего должностного лица Ивона, что аббат и монахи монастыря в Оусни (около Оксфорда) должны владеть землей так, как она была им в свое время передана посредством, надо полагать, акта *liberatio*, в судебном собрании Бенсинтона при участии его членов (*homines de halimoto de Bensintone*). Тем самым мы получаем дополнительное свидетельство того, что глагольная форма *liberare*, пусть и редко, но появлялась в официальных королевских документах.¹⁸⁷

Наконец, стоит указать на два титула из юридических компиляций XII в. «Законы Генриха I» (1113—1118) и «Законы Эдуарда Исповедника» (1115—1150), хотя предполагается, что последняя из компиляций была составлена ок. 1140 г. В первом сборнике речь идет о задержании правонарушителя и обязанности лица, подтолкнувшего к правонарушению, освободить правонарушителя (*liberet*) от преследования и связанных с ним издержек, либо выступив самому в качестве защитника (или подыскав такового) (*advocatione*), либо посредством уплаты компенсации (*emendatione*) или же участием в таковой (*participatione*).¹⁸⁸

В законах Эдуарда Исповедника сообщается следующее. Если некий лорд обнаружил на своей земле бесхозное имущество и при этом не имел права частной юрисдикции (*sache et soca*), он должен отказаться от всех прав и передать его (*liberabit omnia*) сотенному герефе (*prefecto hundredi*) в присутствии пользующихся хорошей репутацией свидетелей (*cum bonis testibus*). Только после этого он мог его получить обратно уже как свое.¹⁸⁹ Не обладая собственной юрисдикцией, лорд передавал дело на рассмотрение судебной власти, очевидно, во избежание возможных имущественных претензий к нему, при этом он сам отказывался от всяких прямых притязаний на это имущество. Взамен он мог рассчитывать получить по суду обнаруженное им имущество с гарантией того, что против него не будет возбуждено каких-либо исков от прежних владельцев или их родственников. Как мы видим, в самом словоупотреблении этого глагола не было каких-то специфических коннотаций.

Формы участия королевской власти в акте liberatio

Акт *liberatio* — и это находит зримое отражение в источниках — являлся, несомненно, прерогативой короля. Особенно отчетливо это видно в тех случаях, когда сам король либо его посланцы, или же уполномоченные им лица, которых составители наших источников обозначают термином «либератор» (*liberator*), совершают этот акт. Во всяком случае, именно такая интерпретация представляется нам правдоподобной при обращении к формулам «*de liberatione Regis*», «*per liberationem Regis*».

Личное участие короля в акте liberatio

Роджер Биго владел пятью акрами земли в местечке Кэрлтон (*Carletuna*), которые во времена короля Эдуарда принадлежали некоему свободному человеку. Можно полагать, что свободный статус владения предшественника явился основанием для того, чтобы Биго получил эти владения путем «королевской» *liberatio* (*de liberatum sic! Regis*).¹⁹⁰ В другом докумен-

те сказано, что в свое время король Эдуард владел в местечке Холт (Holt) двумя карукатами земли.¹⁹¹ В то же время к этому манору были отнесены восемь фрименов, которые владели тремя с половиной карукатами земли. После завоевания названное имущество вследствие «королевской» *liberatio* (*per liberationem Regis*) перешло, как о том говорят его люди (*sic homines sui dicunt*), под власть Вальтера Гиффарда (Walterus Giffard), первого графа Бермингема (?—1102). Однако мы не знаем о судьбе свободных людей. Прежде в этой вилле имел землю еще один свободный человек, владевший двадцатью тремя акрами земли. Ныне эта земля, сообщается в DB, принадлежит графу Гуго.

Ту же картину мы наблюдаем и в отношении сокмнов из виллы Стифки (Stivecai). Некто Кетил (Ketil) во времена короля Эдуарда владел двумя карукатами земли в указанной вилле.¹⁹² Затем к этому владению были присоединены четыре сокмена с полутора карукатами земли. Некий нормандец Ранульф, вассал Райнальда Фитц-Иво (?—после 1086), получил в свое владение две названные карукаты. Все тот же Ранульф получил власть и над сокменами путем акта *liberatio*, совершенного, по-видимому, при непосредственном участии короля (*per liberationem regis*).

Теснейшая связь института «*liberatio*» с прерогативами королевской власти подтверждается и рядом примеров, где именно акт *liberatio* служил оформлению королевского дара. Так, во времена короля Эдуарда некий свободный человек короля (*liber Regis homo*) владел в местечке Годвик (Godwic) одной карукатой земли с сидящими там зависимыми людьми. В момент описи Ральф де Тони отнес эту землю к своему владению в местечке Нектон (Necetuna). Роджер Биго потребовал эту землю себе, опираясь, помимо прочего, на заявленный им факт королевского дара (*eam (sc. terram) revocat de dono regis*), а вместе с тем потребовал назначить ему «либератора» (*revocat liberatorem*).¹⁹³

В споре о правах на виллу Хельгатон (Helgatuna) от лица своего господина Дрого де ла Бёврисра (de Beuraria) его человек Франк ссылается на дар короля и акт *liberatio* (*de dono regis et liberatione*), но следует возражение людей сотни, которые заявили, что они не видели ни указания на акт *liberatio* в королевском приказе, ни «либератора». ¹⁹⁴ Суть дела заключалась в сле-

дующем. В вилле Хельгатон, принадлежавшей Вильгельму де Варенну, проживал один свободный человек, который при предшественнике Вильгельма мог уйти с земли лишь с разрешения господина. Статус этого свободного человека подтверждается людьми сотни. Вильгельм считал это свое владение относящимся к феоде Фредерика. Между тем, сославшись на дар короля и акт *liberatio*, Франк потребовал себе землю, на которой сидел названный человек, утверждая, что она относится к феоде его господина. Дрого де ла Бёвриера, который выступил преемником Хэмфрида, причем в свое время Хэмфрид и упомянутый Фредерик держали каждый свой феоде. Сотня подтвердила, что, действительно, указанный феоде в свое время принадлежал Дрого, а ранее его предшественнику Хэмфриду. Однако что касается земли, на которой сидел свободный человек, сотня, как сказано, заявила, что она не видела <ни указания на акт *liberatio*> в королевском приказе, ни «либератора» (*non vidit in brevem nec liberatorem*).

В другом случае Роберт Фитц-Корбусьон (*Corbutionis*) требует от Ральфа Байнарда (*Radulfus Baignardus*) имущество в местечке Саутвуд (*Sedwud*) на том основании, что оно ему было подарено королем (*reclamat ... de dono regis*).¹⁹⁵ В границах спорного владения присутствует свободный человек, хотя и коммендированный прежнему сеньору в отношении шестидесяти акров земли (*tenet Wimundus liber homo lx acres de quo antecessor ... habuit commendationem TRE*), а, кроме того, ранее тому же сеньору были коммендированы еще двадцать шесть свободных людей и всегда пребывали в этом состоянии (*semper ... xxvi liberi homines sub illi commendatione*). Поэтому для утверждения своих прав Роберт призывает «либератора» (*revocat liberatorem*).

Однако сотня заявляет, что Ральф Байнард еще ранее был наделен правами (*prius fuit saisitus*) на это владение. Похоже, что сейзина, совершенная в пользу Ральфа Байнарда, прошла при участии представителя короля, иначе говоря, соответствовала обычному акту *liberatio*. Именно поэтому сейзина, затронувшая свободных людей, и могла быть успешно противопоставлена требованию нового акта *liberatio* со стороны Роберта Фитц-Корбусьона.

Письменный документ и представитель короля
в акте *liberatio*

Чаще, однако, король действовал через своего представителя из числа придворных, именовавшегося «либератор» (*liberator*). По-видимому, было нормой снабжать такого представителя особым письменным приказом. Нет сомнения в том, что здесь мы вновь сталкиваемся с сохранением англосаксонских традиций управления. Обратим внимание на то обстоятельство, что в формулах, где упоминается письменный приказ короля и одновременно называется его представитель, документ всюду указан первым. Однако само построение фраз наводит на мысль, что в случае отсутствия письменного приказа можно было сослаться и на одно только появление посланца короля, как и на совершение им соответствующего акта. Об этом свидетельствуют, например, формулы с союзами «*non... nes*», «*non... neque*», «*neque... neque*»¹⁹⁶ или с повторяющимся предлогом «*sine*» (*sine liberatore, sine breve, sine saisitore*).¹⁹⁷ Вероятно, королевскому посланцу достаточно было быть видной и всем известной персоной, чтобы исполнить миссию «либератора» даже при отсутствии специального документа.¹⁹⁸

Союз «*vel*» в средневековой латыни очень часто получал значение, тождественное союзу «*et*» — «и», но в интересующих нас формулах союз «*vel*», судя по всему, сохранял основное значение альтернативы — «или», «либо». Так, собрание сотни утверждало, что оно никогда не видело «приказ» или же «либератора» короля, который бы совершил акт сейзины (*nunquam vidisse brevem vel liberatorem Regis qui eum inde saisisset*).¹⁹⁹ Особое указание на связь «либератора» с персоной короля дает основание полагать, что это должностное лицо мыслилось как личность достаточно известная, которая, следовательно, могла действовать без письменного приказа.

С аналогичной ситуацией мы сталкиваемся при обращении к той группе документов, где особый представитель короля назван «*saisitor*» или легатом (*legibus*). Эти должностные лица, разумеется, отнюдь не во всех случаях действовали в качестве «либератора». Тем не менее можно указать примеры, где такая их роль выступает с очевидностью.

Так, в одном документе прямо сказано, что, по утверждению сотни, «saisitore» не совершил акт *liberatio* (*nec brevem nec saisitore vidisse qui liber asset eam (sc. terram)*).²⁰⁰ Здесь использована альтернативная конструкция «*нec... нec*», которая не оставляет никаких сомнений в том, что этот «saisitor» мыслился представителем короля, который мог действовать и без письменного приказа. Иными словами, при всей важности письменного документа личный авторитет того или иного лица в глазах членов сотенных жюри являлся достаточным основанием для признания правомочности его действий. Не стоит забывать и то обстоятельство, что владения многих крупных держателей короля были разбросаны по всей Англии, а после завоевания минуло уже двадцать лет — срок, достаточный для того, чтобы местное население хорошо их узнало. Хотя мы и отождествляем акт *liberatio* с определенным видом королевской сейзины, не следует забывать, что последняя имела более широкое применение. У нас нет достаточных оснований видеть в лице, названном «saisitor», фигуру «либератора», например в случае, когда жюри графства никогда не видело ни печати, ни лица, названного «saisitor», совершившего уже акт сейзины (*negat vidisse sigillum vel saisitorem qui eum inde saisisset*).²⁰¹

В нашем распоряжении есть два документа, в которых фигурирует представитель короля, названный «легатом» (*legatus ex parte Regis, legatus Regis*).²⁰² Как и в случае с лицом, названным «saisitor», мы, разумеется, не можем утверждать, что легат всякий раз выполнял функции «либератора». Однако же весьма показателен документ, где сотня утверждает, что она не видела легата, который бы совершил акт *liberatio*.²⁰³ В другом документе, правда, речь идет уже о том, что сотня не видела ни письменного приказа, ни королевского легата, который бы совершил акт сейзины в отношении предшественника епископа Даремского (*antecessorem episcopi fuisse saisitum neque per brevem neque per legatum*).²⁰⁴ Подобным же образом еще в одном документе сообщается, что в собрание сотни не поступал приказ короля, и к тому же легат туда не являлся с тем, чтобы от имени короля наделить землей того, кто незаконно ныне ею владеет (*neque breve neque legatus venit ex parte regis quod rex sibi dedisset illam terram*).²⁰⁵

Отметим тем не менее в двух последних документах характерное сочетание трех неотъемлемых компонентов акта *liberatio*: упоминание письменного приказа, прямую связь акта с волей короля, наконец, характерную альтернативную конструкцию с союзами «*neque... neque*». Она свидетельствует о том, что уже присутствия посланника короля было достаточно, даже если он не мог представить документ, удостоверяющий его полномочия. К этим примерам можно смело добавить и примеры с альтернативной конструкцией, где использован союз «*vel*» (*nunquam viderunt sigillum vel legatum Regis qui saisisset eum*).²⁰⁶

Представители местной знати как liberatores

Наряду с теми многочисленными примерами, когда «либератор» выступал в роли специального посланника, можно указать и такие, когда он выдвигался из числа местной англо-нормандской знати. Так, сообщается, что Вальтер д'Анкур (?—после 1088) держит владения в местечках Брэмpton (Brandfne) и Вэдшелф (Wadescel), которые во времена короля Эдуарда принадлежали англосаксу по имени Вада (Wada). Очевидно, кто-то вчинил иск Вальтеру, поэтому он призывает короля в качестве защитника и в то же время просит назначить «либератором» Генриха де Ферпера (*advocat regem ad protectorem et Henricum de Fererrs ad liberatorem*).²⁰⁷ Дело слушается в графстве Дербшир на севере Англии. Названный Генрих, как нетрудно установить, был одним из самых состоятельных землевладельцев графства и являлся вместе с тем держателем от короля. Его сын Роберт уже носил титул 1-й граф Дербби (ок. 1062—1139). Очевидно, он пользовался высоким авторитетом в графстве и знал обстоятельства дела. Помимо этого, Генрих располагал достаточными силами, чтобы гарантировать целостность совершенного им акта. Поэтому его и призывают в качестве «либератора».

Иными словами, тот, кто хотел закрепить свои права на определенное имущество, порою был склонен скорее обратиться к представителю местной элиты, чем к посредничеству иногo достаточно далекого от него придворного, который мог бы выступить в качестве «либератора».

Наконец, еще одним важным источником рекрутирования «либераторов» на местах были должностные лица (впрочем, бывшие нередко в столь ранний период представителями знати), выступавшие от имени короля, например шерифы. Об этом свидетельствуют по меньшей мере четыре документа.²⁰⁸ Рассмотрим один из них. Некто Годвин, дядя Ральфа, держал во времена короля Эдуарда одиннадцать свободных людей с одной карукатой земли (*tenuit Goduinus ... xi liberos homines i carucata terrae*) в местечке Филд Доллинг (*Dallinga*).²⁰⁹ Теперь этой землей владеет Роберт де Верли. По его словам, он держит ее в обмен (*pro mutuo*) на Ракинг (*Rochinges*) и призывает Роберта Бланта (*Blandum*), занимавшего пост шерифа Норфолка, в качестве лица, которое должно совершить акт *liberatio* (*revocat ad liberatorem*).

Многочисленные примеры акта *liberatio*, рассмотренные выше, ясно показывают, сколь важное место в деле установления новых владельческих отношений путем совершения названного акта занимал письменный королевский приказ (*breve*). В нормальном случае он выступал как неотъемлемый элемент рассматриваемого правового действия. Для пересмотра установленных путем акта *liberatio* отношений также требовался письменный приказ короля.

Вильгельм де Варенн держит в местечке Дин (*Stodenc*) манор в размере двух гайд, в границах которого находятся три сокмена с принадлежащей им землей.²¹⁰ Некогда Вильгельм Спек владел половиной гайды и половиной виргаты из этой земли на основе акта сейзины (*fuit saisitus*), совершенного по непосредственному распоряжению короля и при участии его «либератора» (*per regem et ejus liberatorem*). Вильгельм де Варенн лишил Вильгельма Спек его владений, но сделал это без приказа короля (*sine breve Regis cum desaisivit*), что и было засвидетельствовано сотенным жюри.

Очевидно, король был одинаково вправе передать спорное владение своему приближенному, издав для этого специальное письменное распоряжение. Равным образом он мог восстановить в правах прежнего владельца, имевшего для этого более весомые юридические основания, даже если в этом случае пострадали бы интересы королевского приближенного. Упоми-

нение прежнего достаточно высокого статуса сокменов было обусловлено, несомненно, его умалением в связи с противоправными действиями Вильгельма де Варенна. Свидетельство сотенного жюри должно было послужить восстановлению этого статуса. Документ не сообщает, чем закончилось дело, но нельзя исключать того, что король восстановил-таки в правах Вильгельма Спекса или его непосредственного преемника.

После всего, что было сказано о роли короля и его представителей в деле оформления прав новой знати, впору задаться вопросом об оригинальности института, о его истоках. Думается, что, даже если сам термин был делом рук нормандских писцов, они воспроизводили то, что слышали в собраниях сотен. А там, скорее всего, использовались латынь, нормандский диалект французского языка и англосаксонский язык. Нельзя исключать, что как раз слова, означавшие свободу и свободный статус, перетолковывались составителями документов на свой лад.

Связь акта *liberatio* с королевской властью уходила корнями, несомненно, в англосаксонский период, что видно на примере преемственности в важнейших атрибутах института — а в его основе лежат социальные отношения англосаксонского периода.²¹¹ Процесс постепенной утраты свободными людьми своего особого положения был характерен не только для эпохи после завоевания, но получил развитие уже в англосаксонский период. Все это дает основания задаться вопросом, не присутствовал ли в той или иной форме институт, который англо-нормандские клерки определяли как *liberatio*, уже в англосаксонский период.

Акт liberatio до завоевания

Как ни скупы наши сведения, можно указать по меньшей мере на два документа из DB, отразивших практику до завоевания, в которых присутствуют элементы института *liberatio*: королевский приказ, «либератор», а также особый статус имущества, передачу которого оформлял соответствующий акт. Впрочем, примеры употребления слова *сейзина* для описания

англосаксонских реалий наводят на мысль, что и здесь речь могла идти об обычной сейзине.

Так, в одном документе засвидетельствован судебный спор в собрании графства между сыном некоего Эдрика (Edric) и аббатом монастыря в Абингдоне.²¹² Эдрик являлся, должно быть, видной фигурой, поскольку держал десять гайд, составлявших отдельный манор, от короля Эдуарда на правах аллода (*tenuit in alodo de rege Edwardi*). Собрание графства свидетельствует, что Эдрик передал это имущество посредством акта *liberatio* своему сыну, монаху в Абингдоне, в пожизненное пользование на том условии, чтобы он обеспечивал себя всем необходимым (*deliberavit illud ... ut ad firmam illud teneret et sibi donec viveret necessaria ... donaret*). После же смерти отца, по свидетельству сотни, сын должен был приобрести всю полноту прав на это имущество (*post mortem unde manerium habet*). Трудно сказать, имело ли место прямое участие короля в передаче аллода, находившегося под королевским покровительством, в своего рода аренду (*ad firmam*). Однако, как явствует из дальнейшего изложения дела, королевский письменный приказ, несомненно, должен был сопровождать полную передачу такого владения другому лицу или церковному учреждению.

В документе, помещенном в DB, владельцем манора, о котором идет речь, выступает уже аббат, а сын Эдрика является всего лишь держателем этого имущества. Люди в собрании графства заявляют, однако, что у них нет сведений о принадлежности этого манора аббату и что они не видели приказа короля или документа, скрепленного королевской печатью (*neque enim viderunt brevem regis vel sigillum*). Но аббат возразил на это, что Эдрик передал аллод аббатству в качестве манора во времена короля Эдуарда (*in tempore regis Edwardi misit ille manerium ad ecclesiam*), и в подтверждение своих слов указал на наличие у него приказа и печати этого короля (*unde ... habet brevem et sigillum regis Edwardi*), свидетелями чего выступили монахи монастыря. В этой картине отсутствует лишь фигура «либератора», но можно предположить, что, как и в некоторых рассмотренных выше примерах, в роли «либератора» выступил здесь сам король.

Если этот пример отражает вполне обычную практику пожалований по королевской грамоте, то в другом документе, дошедшем в составе DB, сотенное жюри рассматривает указание на письменный приказ и уже фигуру «либератора» как обычные для эпохи короля Эдуарда. В местечке Торни (Torneia) некто Роджер де Кандос (de Candos) владеет участком земли в размере одной карукаты от Гуго де Монфора (de Monteforti). В свое время эта каруката лежала в пределах королевского манора и королевской соки, но после завоевания была передана Гуго посредством акта *liberatio* (*fuit liberata pro 1 carucatam terrae*).²¹³ Указано, что новый владелец имеет в своем подчинении двух свободных людей.

Между тем Ральф Конюший (Radulfus Stalra) владел этой карукатой в момент смерти короля Эдуарда (*tenebat die qua rex Edwardus fuit mortuus*), получив ее в виде присужденного ему в судебном порядке залога от шерифа Толи (*hanc habuit Radulfus Stalra in vadimonio de vicecomite Toli*).²¹⁴ Это означало, что права Ральфа имели достаточно солидные основания. Названную карукату унаследовал его сын, знаменитый Ральф де Гаэль (до 1042—ок. 1096) (*et post Radulfus <tenebat> filius ejus*). Последний, возможно, как участник мятежа 1075 г. против короля лишился владения, которое и было передано Гуго. Однако уже в 1080-х гг. Ральфу удалось примириться с королем, а потому он и вчинил иск против Гуго и его держателя Роджера.

Только в том случае, если права Ральфа-отца были оформлены актом *liberatio*, он мог рассчитывать на успех разбирательства, поскольку его права, в таком случае, были оформлены раньше и актом, который был равносителен акту, совершенному в пользу его противника. Однако хотя сотня и слышала от свидетелей о передаче земли шерифом Ральфу-отцу, но она не видела ни приказов короля, ни его посланника-либератора (*non vidit breves neque liberatorem*).

В первом из рассмотренных нами примеров речь идет о «королевском» аллоде, которым Эдрик распоряжался довольно свободно, но при этом последнее слово оставалось за королем. Очевидно, подобным же образом обстояло дело и с земельными владениями свободных людей в начале англо-норманд-

ского периода, причем королевская воля находила выражение прежде всего в институте *liberatio*.

Уже знакомый нам Годвин, горожанин Бедфорда, держит гайду и четверть виргаты от короля Вильгельма.²¹⁵ Во времена короля Эдуарда этот же Годвин владел половиной гайды и мог передавать ее кому угодно (*potuit dare cui voluit*). После завоевания он прикупил еще полгайды и четверть виргаты. Между тем часть новоприобретенного имущества ранее принадлежала Вильгельму Спеку, который прошел через акт *liberatio*. Очевидно, это было имущество особого статуса. Однако Вильгельм Спек по какой-то причине лишился своего имущества. Теперь он предъявляет вполне обоснованный иск Годвину. Ведь последний, получив свое новое владение, не нес служб королю или кому-либо иному и не прошел в отношении этого владения через акт *liberatio* (*nec regi nec alicui inde servitium fecit nec de ea liberationem habuit*). Возможно, добившись восстановления благорасположения короля, Вильгельм решил изгнать англосакса, воспользовавшись правом, которое предоставлял ему акт *liberatio*.

Очевидно, что аллодиальные владения, находившиеся, как можно полагать, под покровительством англосаксонского короля, прежний собственник сохранял в результате простого перехода суверенных прав от одного короля к другому. Для приобретения нового имущества, в отношении которого прежний владелец прошел через акт *liberatio*, требовался новый специальный акт *liberatio* либо исполнение служб в пользу короля или его вассалов со стороны нового владельца.

Подводя итог, отметим, что о полной свободе вне рамок некоторого военно-политического сообщества в англо-нормандском королевстве (как и в любом другом, если не считать проявлений деспотизма, где свобода равна произволу) не могло быть и речи. Тем не менее благодаря королевской санкции в форме акта *liberatio* можно было получить весьма широкие права в части свободного отчуждения имущества, наследования и т. п., а может быть, и полного освобождения от каких бы то ни было служб, кроме тех, которыми были обязаны сидевшие там свободные англосаксы еще до завоевания. И как нам представляется, история с горожанином Годвином может быть

интерпретирована и в таком ключе. Связь имущества с персоной короля не прерывалась полностью, а приобретала форму королевского покровительства, которое, можно полагать, было отнюдь не безвозмездным. Выше уже упоминался документ, в котором короля призывали в качестве защитника (*revocat ad protectorem*), а представителя местной знати — в качестве «либератора» (*revocat ad liberatorem*).²¹⁶ Также в качестве защитника мог призываться и шериф, действовавший в этом случае, несомненно, как представитель короля.²¹⁷

Теперь, когда мы коснулись общего назначения института *liberatio* как формы королевского покровительства в отношении рядовых свободных, а вместе с тем и формы обеспечения исполнения последними определенных публично-правовых функций, рассмотрим подробнее некоторые конкретные функции акта *liberatio* в англо-нормандском обществе.

Функции акта *liberatio* в обеспечении имущественных и иных прав

Как известно, большая часть земельных владений перешла к новой нормандской знати от держателей прежнего короля, а именно, эрлов и королевских тэнов, которые распоряжались значительными ресурсами. В этих обстоятельствах Вильгельм Завоеватель получал особые прерогативы в деле распределения отнятых у англосаксов владений.²¹⁸ Исследователи высказывают диаметрально противоположные суждения о конкретных путях формирования владений новой знати. Если Р. Флеминг настаивает на полной преемственности всего в 10 % случаев, то Д. Роффэ считает, что «принцип передачи владений был признанным и не вызывал споров», а П. Соьер предлагает решать этот вопрос дифференцированно.²¹⁹

Дело, однако, заключается прежде всего в том, какие критерии мы выбираем, когда пытаемся определить преемственность земельных владений нормандской знати по отношению к владениям англосаксов. Если принимать во внимание персональный аспект, то тут настоящую преемственность можно проследить лишь в малом числе случаев. Если же под преемственностью

понимать сохранение границ отдельных маноров, некогда принадлежавших одному владельцу-англосаксу, но затем перешедших к разным владельцам-нормандцам, то, как уже было сказано и будет продемонстрировано дальше, такая преемственность скорее была правилом. Любопытно, что точно так же обстояло дело в период Реконкисты в долине Эбро, где христиане полностью сохраняли «инфраструктуру» мусульманских владений.²²⁰ И в целом можно отметить особую роль королевской власти в деле формирования нового имущественного ландшафта.²²¹ Это обстоятельство, впрочем, не должно однозначно интерпретироваться как верховенство короля над всей землей. Возможно, тот факт, что в DB отразились многочисленные споры, как раз свидетельствует о не слишком большой эффективности королевских распоряжений. Другое дело, что король выполнял здесь функцию арбитра, а обычным условием, и даже как мотив акта *liberatio*, выступала в ряде случаев необходимость сохранения целостности границ прежних земельных владений. Если это условие было нарушено, в определенных обстоятельствах акт *liberatio* мог быть подвергнут пересмотру.

*Акт liberatio как способ обеспечения
целостности владений*

В селении Годвик во времена короля Эдуарда «свободный человек короля» (*liber Regis homo TRE*) некогда владел землей, которой в рассматриваемый период как частью своего манора в местечке Нектон (*Neketuna*) владеет Ральф де Тони.²²² Сотня, однако, заявила, что эта земля не относилась к Нектону ни во времена короля Эдуарда, ни во времена Гарольда (*non jacuit in Neketuna TRE nec tempore Heroldi*). Роджер Бигот требует эту землю себе, ссылаясь на дар короля (*de dono Regis*), и одновременно — чтобы тот самый «либератор», который наделил этой землей Ральфа, теперь совершил соответствующий акт в отношении Роджера. О том, что именно так обстояло дело, говорит, по нашему убеждению, параллельное употребление глагола «*revocat*» в отношении как спорного земельного владения, так и «либератора»: *Rogerus Bigot eam revocat de dono regis*

et revocat liberatorem. Документ ничего не говорит о том, как закончился спор, но похоже, что указание на нарушение границ владений, подкрепленное волей короля даровать спорное имущество Роджеру Биго, должно было решить исход дела в пользу последнего.

Аналогичная ситуация засвидетельствована в другом документе. В местечке Берни (Berlei) во времена короля Эдуарда некто Туркестил (Turketil) владел двумя карукатами земли.²²³ Теперь их держит Вильгельм де Претени от Петра де Валона. Там же семнадцать свободных людей владеют восьмьюдесятью акрами земли. Вильгельм требует отдать их под его власть путем акта *liberatio* ради округления своего манора (*hos reclamat ex deliberatione ad perficiendum hoc manerium*). Однако некий «слуга короля» (*serviens regis*), в свою очередь, потребовал отдать в его руки тринадцать людей и половину прав над одним из названных семнадцати свободных. Обосновывая свое требование, он указывает на то, что эти люди были под его властью в ту пору, когда Ральф, граф Норфолка, принял участие в мятеже, а главное, что они относились к другому манору, пусть и принадлежавшему человеку, поднявшему мятеж против короля, а именно, все тому же графу Ральфу. Думается, что, как и в ситуации, описанной в предыдущем документе, притязания человека короля, подкрепленные указанием на необходимость сохранения старых границ владений, возымели свое действие. Во всяком случае, это лицо готово было смело отстаивать свои права перед судом в любой форме: *quoscumque iudicio judicatur*. Несомненно, применение акта *liberatio* способствовало поддержанию необходимой стабильности в системе землевладения.

*Акт liberatio в отношении
субдержателей-нормандцев*

Акт *liberatio* мог применяться не только в отношении непосредственных держателей от короля, но и его субвассалов (отметим попутно, что такой субвассал в другом месте мог быть тем же держателем короля). Мы не знаем, какие последствия

имел этот акт, разве что в известной нам литературе подчеркивались факты установления прямой связи с королем таких субвассалов, однако каким актом эта связь устанавливалась, остается неясным.²²⁴ Точно можно сказать, что к этому акту прибегают англо-нормандские сеньоры, стоявшие над рядовыми свободными и в то же время находившиеся в зависимости от нормандской аристократии. Каждый из этих сеньоров призывает (*revocat, reclamat*) королевских «либераторов» для совершения соответствующего акта в отношении имущества с сидящими там свободными. Может быть, тем самым такие субвассалы стремились закрепить за собой права на таких свободных, а возможно, акт *liberatio* устанавливал прямое подчинение таких лордов королю, что влекло за собой определенное повышение их престижа.

Так, Вильгельм де Претени (*Willelmus de Pretenei*) держит от Петра де Валона (*Petrus de Valognes*) в местечке Шерборн (*Scegnebruna*) сокмена с принадлежащими ему шестидесятью акрами.²²⁵ Раньше сокмен находился в зависимости от Гарольда (надо полагать, речь идет о короле Гарольде), а его земля относилась к вилле Сейфорд (*Sexfordam*). Вильгельм решил призвать либератора, хотя о его мотивах нам ничего не известно: *reclamat liberatorem*. Несомненно, основанием его притязаний являлось то, что под его властью находился свободный человек, а принадлежность соответствующего участка земли к вилле Шерборн нарушала традиционные границы владений — обстоятельство, которым нередко мотивировался, как мы видели, новый акт *liberatio*. Трудно, однако, представить, что в рассмотренном деле Вильгельм намеревался восстановить прежние границы владений и тем самым «отнести» сокмена к другой вилле. По всей видимости, здесь либератор, наоборот, как раз должен был закрепить имевший место переход сокмена и его земли к вилле Шерборн.

Мы не знаем, кто должен был осуществить этот акт. Перевод Р. Флеминг, предположившей, что Вильгельм призывает своего собственного лорда Петра де Валона, выглядит натяжкой.²²⁶ Дословно в оригинале сказано: «*Modo tenet Willelmus de Pretenei de eo (Petrus de Valognes. — A. K.) et reclamat liberatorem*». Из этого пассажа с очевидностью не следует, что функции

«либератора» должен был выполнять сам лорд Вильгельма. Их мог осуществить кто угодно.

В другом документе сообщается, что в вилле Реппс (Repps) при короле Эдуарде некто Герт имел под своей властью свободного человека (*tenuit liberum hominem*).²²⁷ Затем теми же правами обладал Ардвин, а именно в ту пору, когда Ральф, граф Норфолка, лишился своих владений за участие в мятеже против короля. Ныне права в отношении этого человека и его имущества принадлежат Квентину, человеку Вильгельма д'Экуи (*Willelmus de Schoies*). Квентин требует осуществить акт *liberatio* в отношении тридцати акров земли, на которых, очевидно, с англосаксонских времен всегда сидел свободный человек. Для этого он и призывает в качестве «либератора» шерифа Роберта Бланта (*revocat liberatorem*), который в известном смысле выступал как глава местной публичной власти. Можно полагать, результатом акта *liberatio* было освобождение соответствующего владения из-под власти местного лорда, сопровождавшееся восстановлением былой опеки короля.

Есть примеры того, как ссылка на акт *liberatio* применялась, как думается, для защиты уже существующих прав от возможных притязаний влиятельного лица. Сообщается, что в местечке Холт король Эдуард владел двумя карукатами земли, которые теперь принадлежат королю Вильгельму.²²⁸ Помимо этих домениальных карукат, к манору относились (*pertinebant*) еще и восемь фрименов, владевших тремя с половиной карукатами земли. Теперь правами на землю, населенную фрименами, по словам его людей, обладает Вальтер Гиффард в силу акта королевской *liberatio* (*modo tenet Walterius Giffard per liberationem Regis, sic homines sui dicunt*).

Обращает на себя, однако, внимание то обстоятельство, что в качестве свидетелей акта *liberatio* выступают лишь люди самого Вальтера, чьи показания сами по себе не обладали достаточной силой, чтобы их можно было противопоставить свидетельствам членов сотенного жюри. Возможно, Вальтер настаивал на особом происхождении своих прав, так как видел угрозу для них со стороны графа Гуго, одного из виднейших сподвижников Вильгельма Завоевателя, которому принадлежали в этом маноре права на одного свободного человека.

Дело мало менялось, когда речь шла об освобождении от власти не светского сеньора, а духовного учреждения. При рассмотрении нижеследующих примеров необходимо принять во внимание прежде всего неизменно тесную связь монастырского землевладения вообще с покровительством и прерогативами короля. Кроме того, стоит обратить внимание как на упоминание «либератора», так и на упоминание письменного королевского приказа в связи с попыткой утвердить определенные права на часть монастырских владений.

Аббат Ульвольд (Wlvoldus, ум. 1084) вчиняет иск Ричарду по поводу имущества, которое, по словам людей последнего, было передано путем акта *liberatio* (*deliberavit*) Ричарду в возмещение ущерба (*in emendatione*) в отношении местечка Вальтон-на-Темзе (Waletone).²²⁹ Возможно, Ричард просто незаконно присвоил себе владения аббатства, но его люди, чтобы придать прочность правам своего господина, посчитали нужным сослаться на акт *liberatio*, которым якобы была оформлена передача земли. Напротив, люди сотни утверждают, что «никогда не видели приказа либо королевского „либератора” (*nunquam vidisse brevem vel liberatorem Regis*), который бы совершил акт сейзины по отношению к новому владельцу» (*qui eum inde saisisset*). Указано, что спорная земля некогда принадлежала девяти тэнам, которые могли идти с ней, куда пожелают (*terram tenuerunt novem teigni, et cum ea se poterunt vertere quo volebant*).²³⁰

Мы не знаем, в каких отношениях находился монастырь с тэнami. Почти наверняка, если бы они были держателями монастыря, то не могли бы свободно распоряжаться имуществом. Церковь очень ревностно относилась к тому, чтобы земля не уходила в руки светских лиц.²³¹ Возможно, пользуясь смутой в период завоевания, Ричард решил присвоить себе эти владения, но коль скоро имущество принадлежало тэнам, чьи владения подпадали под практику конфискации после завоевания, то его права должны были быть оформлены определенным образом — участием королевской власти. Права же монастыря могли покониться и на даре короля, который после завоевания почитал возможным передать это имущество монастырю.

*Акт liberatio как форма восстановления
прежнего статуса*

Рассмотренные примеры освобождения затрагивали, так или иначе, интересы тех, кто непосредственно стоял над «свободными людьми» и в отношении своих владельческих прав подчинялся королю. Наряду с этим акт *liberatio*, как уже было отмечено выше, мог изменить к лучшему статус «свободных людей», сидевших на определенной земле, чьи права в ходе завоевания могли быть ущемлены. Об этом свидетельствует следующий пример.

Пико, шериф Кэмбриджшира (ок. 1022—после 1090), держит две гайды, которые во времена короля Эдуарда находились в руках восьми сокменов, имевших право дарить и продавать свою землю (*dare et vendere potuerunt*).²³² Пико утверждает, что одной гайдой он владеет, выменяв ее за манор Эйнсбери (*Einulusberie*), а второй на том основании, что он дал в обмен за нее свое владение Рашден (*Rifedene*). Оправдывая перед неизвестным нам лицом правомочность обмена в отношении владений в Рашден, Пико указал, что обмен был равноценным, так как он добился совершения акта *liberatio* при посредничестве шерифа Херефорда Ильберта фитц Турольда в отношении того имущества, которое он получил в обмен на владения в Рашден (*dicit Pico se habet ... quia Ilbertus de Hereford ei liberavit*).

Некто Гуго фитц Морер (*fili Malgeri*), воин Гуго де Монфора (*miles Hugonis de monte forti*) владеет местечком Голдхэнгер (*Goldhangram*) от Гуго. Этот воин Гуго, очевидно, желая округлить свои владения, принял (*accepit*) от свободного тэна пятнадцать акров земли и присоединил к своему владению.²³³ Очевидно, Гуго пошел на сделку с тэном, оказавшемся в сложном положении, в обход необходимой санкции короля, т. е., не пригласив «либератора» (*non habuit liberatorem*), как о том свидетельствовала сотня (*sic hundredum testatur*). Едва ли права Р. Флеминг, которая включила это дело в разряд так называемых *invasiones*, т. е. самовольных захватов, которые отдельной строкой давались в DB, в частности по графству Эссекс.²³⁴ Как бы то ни было, позже результаты названной сделки были пересмотрены, и земля, принадлежавшая некогда свободному тэ-

ну,²³⁵ была объявлена находящейся «в руке короля» (*et ita eam in manu Regis*).

Аналогичная ситуация, когда часть владения знатного англосакса, где присутствовали свободные сокмены, оказывается присвоенной некоторым лицом без акта *liberatio*, но затем порядок восстанавливается в пользу короля, обрисована в следующем документе. Следует заметить, что само слово *liberatio* в документе отсутствует, но затронуты важнейшие атрибуты этого акта, а именно, приказ короля и присутствие королевского легата.

Сообщается, что во времена короля Эдуарда эрл Гарольд (будущий король Гарольд II) владел восемью с половиной гайдами земли в Ньюпорте, которые после завоевания перешли в руки короля Вильгельма.²³⁶ В рассматриваемое время, однако, два сокмена, которые держат две с половиной гайды земли, относящиеся к названному манору, оказались в руках Роберта Гернона (*Robert grino*), представителя англо-нормандской знати (?—1120/1123).²³⁷ В документе сказано, что сокмены несли все положенные службы (*consuetudines*). Остается, однако, неясным, несли ли они эти службы по-прежнему в пользу короля или же Роберт сумел в той или иной мере обратить их в свою пользу. Последнее представляется наиболее вероятным, каковое обстоятельство, собственно говоря, и вызвало спор.

Похоже, что, как и в приведенном выше примере, Роберт получил власть над этими сокменами путем договора с шерифом. В документе сказано буквально следующее: «Каковых принял, когда Свен исполнял обязанности шерифа» (*quos accepit cum Swenus effecit vicescomes*). Сотня, однако, заявляет, что не знает, на каких, собственно, основаниях владеет сокменами Роберт, так как не было от короля ни приказа, ни легата (*neque breve neque legatus venit ex parte regis*) с сообщением, что король даровал эту землю (*dedisse illam terram*) Роберту. По-видимому, как и в предыдущем документе, дело закончилось тем, что сокмены с их землей вернулись под непосредственное королевское управление.

Приведем еще один пример ущемления суверенных прав короля в отношении сокменов. В местечке Орвел (*Orduuelle*) шесть сокменов держали во времена короля Эдуарда гайду и

виргату и третью часть виргаты, которые они могли продавать и дарить кому угодно (*dare et vendere terram suam potuerunt*).²³⁸ Шериф Кембриджшира Пико передал (*accomodavit*) трех сокменов, которые, надо полагать, подчинялись ему как королевскому представителю, графу Роджеру Монтгомери (ум. 1094) с тем, чтобы они заседали в его суде (*placita sua tenenda*). О достаточно высоком социальном статусе всех названных сокменов говорит особое указание на то, что один из них являлся человеком короля Эдуарда (*homo regis Edwardi*) и нес службу в королевском замке при шерифе (*inuardum invenit vicescomiti*). О статусе двух оставшихся сокменов мы ничего не знаем.

Люди графа Роджера захватили (*occupaverunt*) переданных ему сокменов и удерживали вместе с землей (*retinuerunt cum terris suis*). Очевидно, передача сокменов графу сама по себе отнюдь не лишала их особых публично-правовых функций, но их статус должен был быть закреплен актом *liberatio*. Люди графа завладели сокменами и их землей, минуя акт *liberatio* (*sine liberatore*), и, таким образом, по словам шерифа, король не получал в дальнейшем вплоть до рассматриваемого времени положенных от них служб (*rex inde servitium non habuit nec habet*). Заявление шерифа, думается, было достаточным основанием для восстановления исходного статуса сокменов и, следовательно, их служб королю.

Рассмотренные документы, таким образом, показывают, что акт *liberatio* должен был защищать, с одной стороны, свободных людей от ущемления их прав, а с другой — утверждать права самого короля на определенные службы со стороны этих людей. В этом, несомненно, сказывались общие для всей Европы последствия процесса феодализации, когда статус рядовых свободных — костяка местной администрации и до известной степени военной организации — все более понижался.²³⁹ И Эдуард, и Вильгельм были заинтересованы в сохранении соответствующего социального слоя, но Вильгельму было куда труднее противостоять стремлению нормандской знати подчинить себе свободных, опираясь на право завоевателей. Делая акт *liberatio* важнейшим орудием защиты слоя свободных англосаксов, Вильгельм, по-видимому, способствовал и окончательному оформлению этого довольно своеобразного даже для англий-

ской истории института. Сдерживая аппетиты нормандской знати, король настаивал на том, чтобы новые лорды, если они желали получить власть над свободным англосаксонским населением, проходили через акт *liberatio*, который в известной мере обеспечивал сохранение свободным их статуса и выполнение последними необходимых королевской власти публичных служб. По мере того как свободных становилось все меньше, а землеустройство, в общем и целом, завершилось, начался новый этап — рождение свободы в недрах феодальной деревни. Акт *liberatio* отступил на второй план, тогда как центральным институтом имущественного права становится сейзина. Между тем уже ранние примеры показывают, что сейзина, понимаемая как более общий акт по отношению к *liberatio*, выполняет сходные функции. Она была призвана оформить права новой знати или служить восстановлению ранее приобретенных (или заявленных, но потерянных) прав. В последнем случае составители документов прибегали к особой форме глагола *seisire* — *re-seisire*, что вряд ли было случайным.²⁴⁰ О возможных правах, которые обеспечивал акт сейзины, было сказано в своем месте, теперь же следует сравнить оба акта.

Акт сейзины и *liberatio*: общее и особенное

Обе процедуры применялись в случае необходимости соблюдения целостности владений. В местечке Белинг Бернард д'Алансон держит восемьдесят акров земли от Хервеса де Бурга (ок. 1046—после 1086), которые некогда держал свободный человек (*liber homo*) Бриктмар, коммендировавший себя видному магнату Эдрику Лаксфельду (ум. ок. 1066) в отношении этой земли как манора.²⁴¹ Из дальнейшего изложения следует, что теперь это имущество требует себе Роберт Малс, ссылаясь на факт обладания имуществом его отцом, Вильгельмом Малс, который выступал преемником самого Эдрика, бывшего сеньора. Права Эдрика на манор были оформлены актом сейзины, как гласит документ, во времена короля Эдуарда. Таким же образом были оформлены и права Вильгельма Малс, сменившего его после смерти: *de hoc manerio fuit antecessor R<oberti> malet*

Edric^{<us>} saisitus t(empore) r(egis) E(dwardi). et W<illelmus> malet quando fuit mortuus. Права распоряжения имуществом, которое принадлежало свободному, были ограничены, поскольку его нельзя было ни дарить, ни продавать (non poterat terram suam dare vel vendere alicui...).

Создается впечатление, что права Эдрика, его преемника Вильгельма Мале и соответственно права владения, на которые претендовал Роберт Мале, оформленные актом сейзины, как бы противопоставлены ограниченным правам того лица, которое совершило акт коммэндации. Очевидно, сам факт коммэндации давал основания преемникам Эдрика требовать себе это имущество. Что же до запрета самостоятельно отчуждать эту землю, таковы могли быть условия коммэндации. Акт же сейзины должен был показать, что новый владелец получает права и все социальные связи прежнего владельца без какого бы то ни было изъятия.²⁴² Эта черта сейзины будет неоднократно выступать в документах, которые нам еще предстоит рассмотреть. Единственно, в чем нельзя быть уверенным, не имеем ли мы дело все с тем же актом *liberatio*, поскольку речь шла об имуществе, некогда принадлежавшем свободному человеку.

Следующий документ не только показывает полную преемственность прав владения в тех случаях, когда совершался акт сейзины, но и выразительным образом свидетельствует о том, что сейзина должна была обеспечивать целостность владения в смысле сохранения его изначальных границ.²⁴³

Сообщается, что Альфред Линкольнский и его человек Глео владеют тремя гайдами земли.²⁴⁴ Этот манор в свое время принадлежал Годвину Франполду, который мог его продавать: hoc manerium tenuit Godvinus Franpold et vendere potuit. Альфред требует от Вальтера Фламандца половину гайды, которой тот его незаконно лишил (de qua injuste disaisivit cum), указывая особо при этом, что тем самым была нарушена целостность владения: cum his iiii hidis reclamatione Alurdes super Walterum flandrum dimidium hidae. Люди сотни свидетельствуют, что его предшественник получил эту землю в силу акта сейзины в эпоху короля Эдуарда (antecessor ejus t(empore) r(egis) E(dwardi) inde saisitus fuit), и сам Альфред прошел в отношении этого имущества через акт сейзины (inde ... postea fuit saisitus). Очевидно,

имелись особые основания для того, чтобы требовать восстановления целостности владения, полученного путем акта сейзины. В этом убеждает иск того же Альфреда против епископа Кутанса в отношении незаконно отнятого у Альфреда леса, где можно было откармливать сто свиней. Сотенное жюри подтверждает, что предшественник Альфреда владел этим лесом, а епископ лишил Альфреда этой части прежде единого владения. Мы вряд ли ошибемся, если главная причина сохранения границ владений коренилась в стремлении избежать постоянных междоусобиц среди самих завоевателей, что никак не входило в планы Вильгельма Завоевателя перед лицом покоренного враждебного населения.

В местечке Тэсбург, согласно DB, проживало семь свободных людей. Хермер де Феррерс вчиняет иск в отношении прав на одного свободного человека (возможно, речь шла всего лишь о правах на его землю) нынешнему его владельцу, каковым является не кто иной, как Роджер Биго. Человек Хермера де Феррерса, некий англосакс, готов доказать по суду (*offert iudicium*), что предшественник Хермера обладал в день смерти короля Эдуарда правами на свободного человека в названной вилле в силу акта сейзины (*antecessor erat ex co saisitus die qua rex Eduardus vivus fuit et mortuus*). Сотня возражает против этого утверждения (*et hoc contradicit totum hundredum*), человек же Хермера выставляет поручителя, как гаранта того, что он докажет свою правоту или в посдинке, или путем судебного разбирательства (*vel bello vel iudicio ex hoc dedit ille anglicus vadem*).²⁴⁵

Настойчивость человека Хермера свидетельствует о его убежденности в собственной правоте. К сожалению, мы не знаем, чем закончился этот спор, почему так настойчив был в стремлении доказать свою правоту человек Хермера и почему никто из сотни не мог припомнить особых прав предшественника Хермера на упомянутого свободного человека.

Как мы видели выше, для приобретения прав на имущество, принадлежавшее ранее свободным людям, нормандцы должны были пройти через особый акт королевской сейзины — *liberatio*. Создается впечатление, что в рассмотренном деле составитель документа, равно как и сотенное жюри, не были уверены в том,

что права предшественника Хермера на этого свободного человека были оформлены актом королевской *liberatio*, в связи с чем составитель документа ограничился указанием на более общий акт сейзины (*erat saisitus*).

Сказанное свидетельствует о том, что англо-нормандское общество, возникшее как результат слияния двух моделей исторического развития, несло в себе элементы обеих. Известную роль в этом процессе играл институт сейзины. Однако утверждение этой новой и неизвестной англосаксам в такой форме и в таких функциях процедуры оформления имущественных прав — итог именно нормандского нововведения. То же можно сказать и о символике, которая благодаря увеличению документооборота все чаще находит отражение в источниках. Более того, создается впечатление, что ее расцвет объясняется все теми же нормандскими нововведениями. Сохраняя некоторые черты предшествующего развития (связь с королевской властью, связь с определенными формами имущественных прав), сейзина «завосвыивает» новые сферы отношений, к разнообразию которых в следующих, XII—XIII столетиях, мы и обратимся.

Глава 3

СИСТЕМА ИМУЩЕСТВЕННЫХ ОТПОШЕНИЙ И ЮРИДИЧЕСКАЯ ПРАКТИКА В РАППЕМ ОБЩЕМ ПРАВЕ (XII—ПЕРВАЯ ПОЛОВИНА XIII в.)

Общие замечания о сейзине в XII—XIII вв.

Главной особенностью эволюции сейзины в очерченный период стало постепенное расхождение во времени и пространстве в документах и, надо понимать, в практике акта сейзины и тех отношений, которые теперь уже описываются при помощи существительного «сейзина» (этот процесс нарастает примерно с 30-х гг. XII в.). Уже привычная для нас форма причастия *seisitus* время от времени сопровождается красноречивой формулой «*cum expletia*», т. е., «извлекая доходы», что, в свою очередь, указывает скорее на фактическое использование имущества, а не сам акт.¹

В 1195 г. в королевском суде в Вестминстере разбирался спор между аббатом монастыря Бери-Сэнт-Эдмунде, расположенного в графстве Саффолк, и неким Вильгельмом де Хантингфилдом (*de Huntingfield*). Аббат предъявил свои права на спорную землю в местечке Венлинг (*Wenlinges*), являвшуюся частью манора Ранктон (*de Rungeton*), как полученную монастырской церковью в качестве благочестивого дара.² Аббат утверждал, что этой землей церковь была наделена путем акта сейзины при жизни короля Генриха I, причем именно как благочестивым пожертвованием (*seisita fuit ut de libera elemosina*), а действие сейзины было таково, что на момент смерти короля Генриха церковь продолжала получать плоды с этой земли: *et eo die quo predictus Henricus Rex obiit capiendo inde expletia*.

Сочетание глагола в страдательной форме *saisita fuit* и сочинительного союза с герундием *et capiendo* не было случайным, «сейзина» стала ассоциироваться в какой-то мере с неким длительным действием, обозначенным словом «*capiendo*». Иными словами, указание на фактическое владение землей в рассматриваемом случае оказалось нерасторжимо связанным с представлением о правовом следствии сейзины, хотя нельзя утверждать того, что автор документа совершенно расстался с представлением о сейзине как единовременном акте.

Точно так же в документе 1198 г., где представлен спор между некой Эммой, вдовой Радульфа, и ее сыном Вильгельмом относительно пользования вдовьей долей, сказано, что Эмма после смерти отца Вильгельма и своего мужа в отношении выделенной ей вдовьей части, а именно некой виллы, оставалась в состоянии лица, которое получило свое имущество путем акта сейзины: *post mortem patris sui (i. e. patris Willelmi) fuit inde seisisita*. Одновременно сообщается, что она получала с этого владения доходы до тех пор, пока на то была ее воля: *et cepit inde explecia dum ipsa voluit*.³

В кутюмах словом «сейзина» (правда, не везде) описывают ситуацию длительного обладания и эксплуатации имущества.⁴ Более того, можно указать на тот раздел записей обычного права Нормандии, где ставится знак равенства между сейзиной и имуществом, что, впрочем, следует признать, скорее, исключением.⁵ Последнее обстоятельство вряд ли должно нас удивлять, поскольку согласуется со свойственным той эпохе предметно-чувственным восприятием мира. Там же о сейзине говорится как о таком обладании, которое возможно в отношении наследственного имущества (*saizine de heritage*), иногда определяемого как «феод» (*fief*).

Возникает вопрос, не скрывает ли причастие *seisitus* указание на имевший место акт сейзины? Как, наверное, помнит читатель, этот вопрос возник еще при обращении к нормандским документам. Например, стандартной для споров о наследстве была следующая формула — *seisitus die qua obiit*. Надо ли ее понимать, как указание на акт сейзины, совершенный в пользу уже покойного в самый день его смерти? Очевидно, что смысл этой фразы в другом — лицо считалось *обладающим* имуще-

ством в этот день. Но не смягчается ли отмеченное противоречие тем обстоятельством, что само по себе использование пусть уже и формализованной грамматической формы *seisitus* свидетельствует о том, что в Англии была целая категория лиц, чьи права на имущество *могли мыслиться* как *вытекающие* из акта сейзины?

Разумеется, нельзя быть абсолютно уверенным в том, что всякий особый случай применения акта сейзины, который предоставляет нам материал XII—XIII вв., по сути своей, отражал некоторое новое явление в правовой практике. Однако многообразие случаев применения этого акта не подлежит сомнению. И все же. Даже тогда, когда словом «сейзина» все чаще будут обозначать не акт, а его последствия, эта тенденция наиболее полно проявит себя отнюдь не в дарственных грамотах или протоколах судебных тяжб — наших главных источниках по истории сейзины, — а в трудах ученых юристов и законодательных памятниках. Для современников же акт сейзины служил как раз оформлению прав на имущество, причем, как правило, прослеживается известная связь между актом сейзины и наследственным статусом имущества. Здесь можно усмотреть продолжение традиций древней сейзины, с одной стороны, и становление самой системы наследственного права, в которую акт сейзины удачно вписался — с другой.⁶ Не будем забывать о том, что по меньшей мере нормандская знать рассматривала свои владения как итог завоевания, свою власть как покоящуюся на праве меча (этому вопросу посвящена 5 глава), а свои права на имущество как особо прочные.

Если рассматривать отношения в среде светской знати, то там акт сейзины нередко служил оформлению прав на феодал, будь то пожизненный или наследственный, либо на имущество, которое как феодал не определялось, но о наследственном статусе которого источники говорят прямо.⁷ В условиях же Англии XIII в. феодал являлся наиболее полной формой обладания имуществом, теряя присущие ему ранее черты военного держания и превращаясь в свободный сожалец на общем праве — форму, по сути, близкую современной частной (с юридической точки зрения) собственности.⁸ Ниже мы на конкретных примерах покажем многообразие сферы применения акта сейзины как процес-

дуры, гарантировавшей наиболее полное право на имущество, не забывая, однако, что королевских судей все более интересует не столько акт, сколько фактическая смена владельцев, в чем можно согласиться с С. Торном и о чем свидетельствуют материалы судебных разбирательств. Рассмотрим один показательный пример.

Некто Фульк передал в свое время земельное владение сыну Радульффу, вручив ему грамоту в полном собрании графства. В качестве символов передачи владельческих прав он использовал посох и палку, а весь акт ввода во владение определен в грамоте как акт сейзины: *seisinam fecit per fustem et baculum*.⁹ После смерти Фулька землю в Литтл Данмоу (Little Dunmow), что в Эссексе, отобрали бейлифы барона Роберта фитц Вальтера (?—ум. 1235). В разбирательстве, последовавшем в 1227 г., жюри графства приняло сторону бейлифов и свидетельствовало, что Радульф никогда «не имел сейзину» в отношении этой земли, пока был жив Фульк (*nullam saisinam habuit in vita ipsius Fulconis*). Жюри указало, что Фульк продолжал пользоваться этим имуществом и после совершенного в пользу сына акта ввода во владение (*postea remansit idem F. in continua saisina usque ad mortem suam*).¹⁰ Иными словами, речь идет не только о сейзине как акте, но и о том, пользовался ли обладатель права фактически. Собрание графства утверждало, что «нет»: *nullam saisinam habuit*.

Если в только что рассмотренном деле сейзину нельзя понимать иначе, как указание на акт, то в другом протоколе, составленном десять лет спустя, мы уже встречаем выражение *fecit habere seisinam*. Почти наверняка речь идет о приобретении лицом имущества фактически, об установлении некой «ситуации фактической принадлежности».¹¹ Возможно, смысл высказывания в трактате «Глэнвилла»: «если за даром не последует сейзина, такой дар согласно общему толкованию королевства, скорее голос обещания, чем подлинный дар» — состоит в указании на фактическое приобретение имущества, а не акт сейзины.¹²

Таким образом, простая передача символа, пусть и совершенная публично, была явно недостаточна для закрепления за приобретателем имущества его прав. Почти наверняка самоуверенность Фулька привела к нарушению сложившейся проце-

дуры, что и вызвало столь единодушное противодействие членов сотенного жюри. Следовательно, символическая процедура предполагала, как неременное условие законности сделки, зримое оставление имущества в пользу нового владельца. На это обстоятельство обратил внимание еще Ф. Виссман: «Передача сейзины не должна быть видимостью. Принимающая сторона должна пользоваться сейзиной и всегда неограниченно оставаться в сейзине. Передача сейзины состоит в чтении грамоты и передаче символа, оставлении дарителем отчуждаемого имущества (*exitio*) и (символического) пользования сейзиной со стороны одаренного».¹³ Так думал и Ф. У. Мэйтланд.¹⁴

Между тем в этом нет ничего необычного или новаторского. Дело в том, что сейзина как таковая предполагала длительное и мирное обладание имуществом. Достаточно вспомнить пример с прекарной сделкой из формулярия Маркульфа. Ведь мы не можем сказать наверняка, насколько требование фактической передачи вещи было новым явлением?! Но вот перед нами история с даром некоего Томаса де Мушама (ум. 1190) в пользу монахов Дарема, совершенном посредством меча, который служил символом инвеституры. Мы видим, что составитель документа посчитал необходимым указать, как конкретно был совершен акт инвеституры и, более того, самого факта ее совершения было вполне достаточно для акта сейзины, который должен был впоследствии. И все же если весьма категоричное утверждение С. Торна о том, что не акт сейзины, а лишь акт дарения (*donatio*) обеспечивал передачу имущественных прав, следует смягчить в свете рассмотренного актового материала, то, в общем и целом, права, оформленные актом, должны были реализовываться.¹⁵ Но, подчеркнем еще раз, в рассматриваемый период говорить можно скорее о тенденции, а указание на символические процедуры будут встречаться и много позже.¹⁶

В настоящей главе свидетельства применения акта сейзины будут рассмотрены в самой общей форме, поскольку невозможно объять необъятное. Разумеется, материал при таком подходе тоже может показаться фрагментарным, но другого пути у исследователя нет, если он хочет охватить все разнообразие интересующих его отношений. Однако в ходе работы нам, как

представляется, удалось учесть наиболее типичные ситуации оформления имущественных прав, которые, в свою очередь, можно объединить в группы, например в зависимости от типа имущественных отношений, которые этим актом оформлялись (или где положение дел было представлено как ссейзина). Среди прочего важным было не только рассмотреть сферы применения ссейзины, но и сделать акцент на юридических последствиях самого акта. Известное свособразие этого института проливает свет на специфику отношений, которые сложились на островах в ходе завоевания и в последующий период.

Акт ссейзины как способ оформления разнообразных имущественных прав

В источниках начала XII в. слово «ссейзина» и его производные встречаются сравнительно редко. Между тем частная компиляция — «Законы Генриха I» (1113—1118 гг.) — сколь бы условна ни была картина рисуемых в ней имущественных отношений, — в чем-то перекликается с традицией его употребления в DB.¹⁷ Напомним, что там актом ссейзины оформлялись имущественные права людей весьма высокого ранга, хотя какой-то системы терминов, которым бы сами эти права или имущество таких землевладельцев описывались бы, не прослеживается. «Законы Генриха I» тем более интересны, что в них отражены обычаи трех областей Англии (область Датского права, Мерсия и Уэссекс), в том числе и довольно архаичные. Пожалуй, в этой компиляции формы *saisiatus/dissaisiatus* встречаются чаще всего.¹⁸

В одном из титулов сказано: «Если отец умрет и оставит в качестве наследников сына или дочь (*filium vel filiam hereditandam*), пусть до возраста пятнадцати лет не выступают истцами или ответчиками в суде, но под опекой родственников (*in parentum legitima custodia*) остаются в состоянии *saisiti* (*sint ... saisiti*), подобно тому как их отец в день своей смерти (*sicut pater eorum fuit in die mortis et vitae suae*)».¹⁹ Как нетрудно заметить, сам акт ссейзины в источнике никак не отражен, косвенно на него может указывать лишь причастие *saisitus*.

Далее в том же титуле речь идет уже о феоде отца, который должен получить старший сын (*primo patris feodum primogenitus filius habeat*), купленное же или приобретенное имущество (*emptiones vero vel ... acquisitiones*) отец может отдать тому, кому пожелает (*det cui magis velit*). Из самого титула нельзя заключить, насколько права такого наследника не зависели от воли сеньора, о котором титул молчит. Остаемся мы в неведении и относительно того, были ли права наследника или его отца оформлены актом сейзины? Правда, сам наследственный характер феода не подлежит сомнению. «Если лицо, — читаем дальше, — о наследстве которого идет речь, владеет боклендом, полученным от родителей, оно не должно его отчуждать за пределы своего рода (*non mittat eum extra cognationem suam*)».²⁰ Институт бокленда как таковой упоминается лишь в переводах англосаксонских законов. Не исключено, что эта норма была просто механической вставкой из более раннего законодательства и не отражала текущую практику.²¹

В первом параграфе речь идет, несомненно, о наследственном владении, но, по-видимому, о владении уровня свободных крестьян или мелких аллодистов (т. н. сокменов), которые еще сохранялись в Англии, так как есть указание на пятнадцатилетний возраст опекаемых.²² Во втором параграфе речь идет об имуществе, названном феодем или боклендом. Как сейзина определены лишь имущественные права тех, кого мы бы условно определили как сокмены. Что касается феода, то его правовое оформление путем акта сейзины прямо из текста источника не вытекает. Как мы увидим ниже, права на феоде действительно оформлялись актом сейзины. Даже кутюмы Нормандии, правда записанные слишком поздно (ок. 1200), содержащие в точности такую же норму о статусе *saisiti* для наследников, указывают на совершеннолетие в двадцать один год — обычный возраст именно для держателей рыцарских феодов.²³ Это согласуется и с нормами, изложенными в трактате «Глэнвилла» (1187—1189), где именно таков возраст совершеннолетия держателей феодов.²⁴ На сравнительную универсальность если не акта сейзины, то отношений, понимаемых как из него вытекающие, указывает и глагол, обозначающий действие, противополженное акту сейзины — *dissaisiatus* в значении «лишать

имущества», когда речь идет о держателях некоего господина (*dominus*), но ни их статус, ни статус их имущества никак не определен.²⁵

Создается впечатление, что в столь ранний период нахождение на более низких ступенях социальной иерархии даже больше гарантировало преемственность в части наследования, нежели для держателей феодалов. Во всяком случае, указание на то, что наследник/ца должны пребывать в состоянии *saissitus*, следует понимать как указание на преемственность, причем со всей полнотой прав в отношении имущества покойного предшественника. Иными словами, получение ими наследства мыслилось как вытекающее из сейзины отца, т. е. до известной степени автоматически. Напротив, наследники обладателей феодалов, и, в первую очередь, держатели от короля, уплачивали релъф до получения наследства, нередко страдая от злоупотреблений, будучи принуждаемы к уплате высоких релъфов.²⁶ Тем не менее, поскольку DB дает некоторые основания полагать, что акт сейзины применялся и к феодалам, термину, впрочем, размытому в этот период, «Законы Генриха I» свидетельствуют, скорее, о распространении отношений, которые описывались соответствующими формами (*seisina*, *seisitus*) на имущественные права мелких землевладельцев, поскольку логично предположить, что они попадали в поле зрения составителя этой компиляции в последнюю очередь.

Ряд документов того же времени засвидетельствовал случаи оформления актом сейзины наследственных прав на имущество, правда без указания его статуса. Так, некто Васкелина в споре (между 1107—1116 гг.) против Ульвивы, возможно своей родственницы, доказала права на местечко Ньютон со всеми относящимися к нему угодьями (*cum omnibus pertinentiis*). По решению королевского суда в присутствии короля она прошла через обряд сейзины на это имущество как на свое законное наследство (*fuit inde seisata sicut de legitima hereditate sua*).²⁷ В этом примере причастие *seisitus*, вне всякого сомнения, указывает на имевший место акт сейзины, связанный с прерогативами публичной власти.

В приказе, изданном между 1118—1119 гг. от имени сына Генриха I Вильгельма Эделина (искаженное англосаксонское

Этелинг, 1103—1120), содержится предписание, чтобы епископ Бата Иоанн совершил обряд сейзины в пользу некоего Модберта (*saisias Modbertum juste*), введя его в права владения имуществом, которое некогда принадлежало покойному Гренте де Стоку. Акт сейзины здесь был мотивирован (*sicut*) тем, что покойный еще при жизни назначил Модберта наследником (*hereditavit eum in vita sua*).²⁸ В этой связи не лишен интереса и документ, где захват имущества братом умершего вопреки воле сеньора представлен как сейзина (*saisivit*), но само действие, определенное как сейзина, было для него равнозначно вступлению в наследство (*ille qui fecit se heredem*).²⁹ Не сталкиваемся ли мы с ситуацией, когда акт сейзины служил не только формой захвата имущества, но и актом его приобретения в свою пользу? Этот же пример свидетельствует о том, что воля сеньора была еще сильна, но представление о праве наследовать умершему ближайшим родственником — тоже.

Роль акта сейзины в оформлении наследственных прав рисуют нам и более поздние документы, где феодал как имущество, права на которое этим актом и оформляются, выступает со всей отчетливостью. Мы, разумеется, не будем (да это и не нужно) рассматривать все известные нам примеры и ограничимся только некоторыми из них. Так, в грамоте, составленной в 1150 г. в курии графа Линкольна Вильгельма де Румера (1096—1155) в местечке Болингброк (Линкольншир), сообщается о достигнутом соглашении между Роджером де Бенингвордом и Петром де Гоза в отношении владений некоего Гервазия де Халтона, очевидно, в родовом его имении Халтон.³⁰ По этому соглашению Гервазий должен был в течение своей жизни держать одну половину своей земли в Халтоне со всем ей принадлежащим от Роджера де Бенингворда, а вторую половину — от Петра де Гоза, который, в свою очередь, должен был держать эту половину от названного Роджера как феодал и наследственное имущество (*in feodo et hereditate*). Роджер будет держать названные земли, представленные в грамоте как две половины одного владения, в качестве феодала и наследственного имущества (*in feudo et hereditate*) от графа Вильгельма как своего непосредственного лорда (*in capud*), а равно и от его наследников.

После того как соглашение было достигнуто в присутствии графа Вильгельма, некто Роджер Марешаль ввел Роджера де Бенингворда в права на службы со стороны Гервазия (*Rogerus Mareschaldus saisivit Rogerum de Beningword de servitio Geruasii de Halton*). В этом документе обращает на себя внимание расширение сферы акта сейзины, которым оформляется также и право требовать отправления служб.³¹ После этой сейзины стороны договорились, что Гервазий в течение своей жизни без возражений будет держать весь свой феодал (*totum feudum suum ... quiete*), а после его смерти Петр и Роджер поделят его землю пополам (*post mortem ... totam terram de Halton dimidiam partientur*). Не откладывая дело на будущее, Петр принес оммаж за половину феодала, находившегося в руках Гервазия, Роджеру, а Роджер в общем собрании свидетелей наделил Петра и его наследников правами на эту половину феодала путем акта сейзины (*coram omnibus saisivit cum de predicta medietate*). То, что права самого Гервазия никак оформлены не были, легко объяснимо, ведь спор шел не о них, а по поводу прав на них Роджера и Петра, ставших сеньорами Гервазия. Вот достигнутый ими компромисс и надо было закрепить.

Связь феодала с наследственным статусом имущества и актом сейзины прослеживается и в грамоте 1173 г. Она тем ценнее, что, как и только что рассмотренный документ, оформляла имущественные отношения между светскими сеньорами. Ричарда де Клэра, 2-го графа Пемброка (1130—1176), уведомили о том, что по требованию королевского юстициария его вассалы должны были поклясться (*vobis preceptum est ex parte iusticiarii regis jurare*) в имевшем якобы место акте сейзины в пользу некоего Стефана Дамартена. Акт сейзины должен был оформить наследственные права на имущество со статусом феодала (*Stephanum Dammartini saisiatum de terra de Pitelege sicut de feudo et heriditate*). Ричард запретил вассалам свидетельствовать в пользу Стефана, поскольку в действительности тот приобрел имущество противоправным путем (*quod ille Stephanus contra rationem occupavit terram*).³² Тем не менее, представляется вполне устойчивой и характерной для того времени формула клятвы, содержащаяся в распоряжении королевского юстициария, которая указывала на приобретение феодала как наследственного

имущества путем акта сейзины. Более того, складывается впечатление, что сейзина как законное основание приобретения имущества противопоставляется простому захвату (*ossurage*).

Как наследственное имущество, права на которое были оформлены актом сейзины, представлен феодал и в споре, отраженном в судебном протоколе 1200 г., между аббатом монастыря Сент-Олбанс (Хартфордшир), с одной стороны, и Робертом фитц Вальтером и его женой Гуннор — с другой.³³ Именно так представляют Роберт фитц Вальтер и его жена свои права на лес в местечке Норанг (Norhang), расположенный в пределах владений монастыря Сент-Олбанс. Супруги претендуют на лес как имущество, доставшееся по наследству от отца Гуннор Роберта, обладавшего им как феодалом, причем права его мыслились как вытекающие из акта сейзины (*inde saisitus fuit ... ut de feudo...; qui inde fuit saisitus ut de hereditate*). Супруги были готовы отстаивать свои права в суде.

Наряду с феодалом, нередко военным (*feodum militare*), существовал и т. н. феодал, который держали за ренту (денежную или продуктовую) сроком от одной до трех жизней, но этим термином могли обозначать и наследственное держание за благородные, но невоенные службы. В англоязычной историографии используют устойчивый термин *fee farm*, что является калькой с латинского — *feodi firma*. Несмотря на то что наши предшественники уже предложили термин «свободный сокаж», им все же обозначали наследственное держание за ренту, в то время как *feodi firma* вполне мог указывать и на пожизненную аренду. Поэтому мы решили обозначить этот тип отношений как рентный феодал, который следует строго отличать от срочной аренды (*ad terminum annorum*). Оговоримся, что, хотя в рассмотренных ниже случаях стороны намерены оформить свои отношения актом сейзины, трудно сказать наверняка, всякий ли раз речь шла об оформлении наследственных прав.³⁴

Документ 1107—1109 гг. засвидетельствовал спор между неким Робертом де Ставертом и настоятелем бенедиктинского аббатства Торни (Кэмбриджшир) Гунтсром (1085—1112). Названный Роберт пожелал, чтобы аббат уступил ему виллу Чарвальтон (*Charwoltuna*) как рентный феодал, чтобы держать от аббата (*volebat eam de abbate tenere in feudo firmam*), представив при-

казы короля Генриха I (*per brevia Regis Henrici*).³⁵ В документе не сказано, о каких приказах идет речь, но известно, что аббат собрал курию, которая постановила, что для совершения сейзины Роберт должен привести более весомые доказательства своих прав (*non debuisset saisir nisi majus rectum super hoc monstraret*), а именно, представить грамоту или свидетелей, которые бы подтвердили его права на феодал (*cartam vel testes qui hoc feudum sibi disrationarent*). Можно полагать, что Роберт принес приказ «о праве» (*breve de recto*), в соответствии с которым надлежало разобрать дело в суде сеньора. Помимо требования держать имущество как рентный феодал, Роберт пожелал совершения акта сейзины (*requisivit inde saisitionem*). Вот это требование курии и отклонила. Вряд ли Роберт претендовал на названную виллу абсолютно голословно. Скорее всего, он пытался представить себя преемником прежнего держателя, а оформить эти отношения и должен был акт сейзины. Мы не знаем, как были оформлены права предшественника Роберта, но очевидно, что без акта сейзины по воле лорда новое лицо не могло вступить в обладание имуществом.

Не добившись желаемого, Роберт обратился к королю лично, и тот предписал шерифу Гуго, чтобы он послал вместе с Робертом в курию аббата разумных и мудрых людей, которые бы засвидетельствовали, что аббат рассмотрел дело справедливо. Те, явившись в курию аббата в назначенный день, потребовали совершить обряд сейзины, как того требовал Роберт (*missi ad diem venerunt et saisitionem sicut antea quesierat requisierunt*). Аббат же заявил, что еще ранее Роберт не смог представить доказательства своих прав, а потому он сам и его наследники проиграли дело (*Robertum et heredes suos calumpniam suam perdidisse*). Вилла же объявлялась свободной от претензий третьих лиц и переходила в полное владение аббата (*solutam et quicquam haberet*).

Акт сейзины, таким образом, сам Роберт и аббат могли рассматривать как веское основание для того, чтобы наследники Роберта смогли в будущем держать такой феодал от аббата. Именно поэтому в документе и было оговорено, что его наследники также теряют право «искать» это имущество. Известно, что в ходе всех перипетий Роберт прибег к откровенному на-

силию, отобрав у аббата зерно и скот, но приказом короля монастырь был восстановлен в правах.³⁶ После названного инцидента король и отправил в курию аббата шерифа и сведущих людей в соответствии с другим приказом. Как мы уже знаем, Роберт проиграл дело.

Следующий документ, составленный в 1133 г., дает некоторые основания полагать, что акт сейзины оформлял наследственные права на рентный феодал. Однако о наследниках в документе не сообщается.³⁷ Некто Альвард владел в свое время землей в местечке Блэкмарнстон, права на которую после его смерти предъявил сын Бернард.³⁸ Курия епископа Херефорда, однако, потребовала от Бернарда доказать правомочность своих претензий, как если бы статус имущества его отца не обеспечивал ему, что в то время было обычной практикой, автоматической преемственности без участия судебного собрания сенъора. Бернарду удалось отстоять свое право перед членами капитула церкви св. Марии и св. Этельберта, заручившись клятвой двенадцати надежных людей (*dirationavit ... per sacramentum XII proborum virorum*). После этого он по решению курии (*per iudicium illius curie*) был введен во владение спорной землей путем акта сейзины и инвеституры (*fuit inde scisitus et investitus assensu capituli*) на тех же правах, как в свое время этой землей владел отец Бернарда (*sicut melius pater suus Alwardus habuerat*). При этом было оговорено, что названный Бернард получил землю как рентный феодал (*tenet in feufirma*) в том же объеме, как и его отец, и в тех же границах, которые обошли в свое время местные сведущие люди (*sicut vicini et scientes de illa terra in circuitu deambulaverunt*). За полученное имущество Бернард должен был нести свободные, т. е. благородные, службы (*in libero servicio*).³⁹

Суть спора, как и в предыдущем деле, вероятно, заключалась в том, что члены капитула или пытались оспорить права самого Бернарда как наследника (например, сомнения в его законорожденности), или представить права его отца ограниченными сроком жизни. Указание на полноту прав своего предшественника наводит на мысль, что Бернард действительно получал имущество в полном объеме и со всем ему причитающимся. Тот факт, что Бернард смог отстоять свои права, кос-

венно свидетельствует в пользу их наследственного характера, который, однако, надо было доказывать. Попутно заметим, что акт сейзины и инвеституры представлялись составителю документа действиями одного порядка.

Поскольку примеров, где бы рентный феодал и акт сейзины были бы упомянуты вместе, мало, стоит рассмотреть дело, где об акте сейзины речь не идет. Есть лишь указание на акт лишения сейзины — *dissaisire*, а сам документ отражает нормандские реалии. Грамота, удостоверяющая соглашение по итогам спора между монахами аббатства св. Георгия и Радульфом, сыном Стефана, в отношении леса в Роуль Фил (*Rispevilla*), была составлена в присутствии короля Генриха II в местечке Ле Прес недалеко от Руана в 1167 г. Радульф предстал перед конвентом с тем, чтобы заключить с аббатом Виктором и монахами договор на следующих условиях. Аббат давал и уступал Радульфу опеку над лесом как феодал с уплатой сорока солидов ежегодно, при этом аббат сохранял за собой целый ряд прав на эксплуатацию этого леса в качестве господина (*sicut dominus*). Права же Радульфа заключались в том, что он мог, в частности, брать дрова в лесу для строительства и отопления, однако ему не разрешалось совершать продажу или дарение того же леса, равно как и проводить самовольно его расчистку. В последнем случае он должен был прежде испросить разрешение аббата (*et quando Radulfus voluerit facere essartum, veniet prius ad abbatem petere licentiam...*). Аббат же имел право послать одного монаха с тем, чтобы тот лично присутствовал при определении границ расчистки (*per cuius visum erit essartum mensuratum*). В том случае, если Радульф нарушит условия договора так, что нанесет ущерб лесу (*et si deprehensus fuerit aliter facere et nemus vastare*), аббат оставлял за собой право отобрать землю в судебном порядке (*poterit abbas dissaisire et firmam ... per iudicium auferre*).

Остается неясным, получил ли Радульф имущество на срок жизни или же с правом наследовать. Хотя, будучи *custos*, он, скорее, должен был приобрести имущество, ограниченное сроком жизни. Документ заканчивается указанием на то, что «он передал и уступил аббату и монахам право, которое стало предметом спора между Радульфом и аббатством в отношении части баналитетов в лесу» после того, как «монахи приняли Ра-

дульфа <с тем, чтобы он отправлял обязанности> стража феода на праве аренды». ⁴⁰ Если бы составитель документа хотел указать на наследственный характер прав Радульфа, то он бы не преминул упомянуть наследников, что являлось обычной практикой в этот период.

Если оставлять за глаголом *dissaisire* хотя бы какую-то определенность, надо признать, что составитель документа предполагал, что Радульф находится в отношениях к имуществу, которые можно определить как сейзину, но остается открытым вопрос о том, можно ли было определить его положение как *seisitus*. Было бы неверно утверждать, что составитель документа мыслил права Радульфа как обычную сейзину, т. е. отношения, которые не имели никакой связи с актом сейзины. Между тем в следующей главе мы покажем, что в теории, по крайней мере, судьи разделяли тех, кто был *seisitus*, и тех, кто был в сейзинс. Как бы там ни было, но сейзина в рассматриваемом случае не гарантировала полноту прав новому владельцу — подлинным господином (*dominus*) продолжал считаться аббат. Не удивительно и то, что в документе имущество Радульфа определено то как *feudi firma*, то просто как фирма, т. е. держание, ограниченное определенным сроком за денежную или продуктовую ренту.

В рассмотренных документах феодем обозначают владение, принадлежащее светскому лицу и обязанное некими службами. В следующем примере мы наблюдаем, как земельное владение, которое отчуждается в пользу монастыря, обозначено словом «феод», а само это пожалование есть, по сути, не что иное, как купля-продажа, что в очередной раз свидетельствует о размытости этого термина. ⁴¹ При этом мы не стали рассматривать те многочисленные случаи, когда имущество отчуждается в пользу церкви «в мертвую руку», а права оформляются актом сейзины. Пожалуй, эта сфера применения сейзины наиболее часто находит отражение в дарственных, которые, как правило, в пользу монастырей или кафедральных церквей и составлялись.

Согласно грамоте 1153 г. Вильгельма, графа Глостерского (1121—1183), некто Александр д'Альнуа (*de Alnois*), его братья и мать их Беатрис навечно уступили монахам и церкви св. Пе-

тра в Бате свой манор Кэмли (Chameleia) на праве благочестивого дарения и феода, предварительно освободив его от служб (*in elemosinam et feodum totum liberum et quietum in perpetuo*).⁴² В действительности, как это обычно бывало, дарение было отнюдь не безвозмездным, но в значительной мере скрывало акт купли-продажи, дополненный особыми условиями. Монахи за дарованный им феодал выплатили сумму в семьдесят марок серебром.⁴³ Вместе с тем это приобретение было сделано на достаточно выгодных условиях при взаимном благорасположении сторон, так как монахи обязались приставить к Беатрис двух братьев, которые бы заботились о ней. Судьба той значительной, если не сказать колоссальной, денежной суммы, которую дарители получили от монахов, остается неизвестной. Скорее всего, она была поделена между продавцами, и каждый из них воспользовался своей долей по своему усмотрению.

Картина передачи манора монастырю будет полной, если мы примем во внимание особую роль верховного сеньора, графа Глостерского, в этой истории. Так, он выговаривает себе при передаче феодал одну шестую часть служб (исчисляемых, разумеется, в денежной форме) полноценного рыцаря (*per sextam partem servitii unius militis*) и заявляет в грамоте о совершении им передачи феодал монастырю путем акта сейзины: *de manerio monachos saisiui*. Возможно тот факт, что получаемое монахами имущество все же не было полностью свободно от служб, объясняет употребление самого термина «феодал», пусть и с добавлением «свободная милостыня».

Стоит обратить внимание, что совершение акта сейзины поставлено в прямую зависимость от просьбы епископа Бата Роберта. Вполне возможно, что акт сейзины должен был гарантировать особо прочные права новым владельцам и оградить их от посягательств Александра, его братьев и их матери в будущем. Иными словами, здесь акт сейзины оказывался связанным с идеей покровительства, а примеры подобного рода дают нам более ранние нормандские документы. Скажем больше, именно акт сейзины, совершенный верховным лордом, и мог восприниматься как передача той полноты прав, которая вообще-то этим актом и оформлялась. Можно привести и другие примеры участия третьих лиц, в том числе и родственников, в акте сейзины.⁴⁴

Акт сейзины в оформлении имущественных прав женщин

Французский исследователь Ф. Жойон де Лонгрэ посвятил последний раздел своего обширного труда сейзине на свободное держание, полученное на праве вдовьей доли (к слову сказать, институт приданого исследователь не рассматривает, ограничившись лишь указанием, что современники видели разницу в слове *dos* в английском и римском праве).⁴⁵ Автор, между тем, не уделил внимания самому механизму оформления прав женщины, а потому не взял на себя труд разобрать отдельные, пусть и малочисленные, примеры. По его мнению, жена приобретает сейзину, т. е. реальные (вещные) права на недвижимость, что, однако, противоречит мнению Ф. Жойона де Лонгрэ о сейзине не как праве, а как «зримой эксплуатации» имущества, имеющей под собой правовые основания.⁴⁶ Между тем обеспечение прав женщины после брака составляло важнейшую часть средневекового права. Не случайно этим отношениям и защите прав женщины после смерти мужа уделено так много места в первых трактатах по общему праву.⁴⁷

Обеспечение актом сейзины владельческих прав на вдовью долю

Для начала уместно рассмотреть те конкретные формулы, которые применяли их составители. В «Глэнвилле» права вдовы не определяются причастием *saissitus*, что могло бы косвенно указывать на имевший место акт. Там лишь сказано, что после смерти мужа вдова с согласия наследника может, дословно, «удерживать себя в сейзине» (*potest tenere se in saisina*).⁴⁸ Нет сомнений, что речь шла об имуществе женщины, права на которое регулировались весьма древними нормами, но имело ли здесь слово «сейзина» чисто технический смысл, тот, который и вложил в него Ф. Жойон де Лонгрэ?

Трактат Брактона, где статус вдовы описан как *seisita*, оказывается более информативным на этот счет. Английский юрист ссылается на запись судебного разбирательства во времена Ген-

риха II. Вдова требовала причитавшуюся ей в качестве вдовьей доли часть имущества, но получила эксцепцию (отвод иска) на том основании, что она повторно вышла замуж и, следовательно, по обычаю графства Линкольншир, где дело и слушалось, свою долю потеряла. Вдова же указала, что никогда не была «в сейзине», ни при первом муже, ни при втором, а потому требует вынести приговор, может ли она потерять то, чем никогда не владела.⁴⁹ Такая ситуация была представима, если муж отчуждал в качестве вдовьей доли то, что ему не принадлежало, или продал при жизни то, что передал как вдовью долю.⁵⁰ Было принято решение, что, независимо от того, была ли она *saisita* или нет, она теряет имущество, если была в сейзине при первом муже, либо получает отвод иска, если не была.⁵¹ Как мы видим, статус жены еще при жизни мужа определен причастием *saisita*. В другом фрагменте Брактон пишет, что если умрет вдова, являясь *saisita*, то имущество отойдет наследнику.⁵² И хотя здесь акцент сделан на фактическом обладании имуществом, сам выбор грамматической формы показателен. Косвенным свидетельством в пользу предположения о том, что акт сейзины все же имел место, пусть и не в каждом случае, является исковая формула, которую произносит вдова. Она утверждает, что требует себе свою долю, которая была ей подарена и, скорее всего, передана путем акта сейзины, каковой факт она может доказать: *quod fui inde dotata et saisita habeo sufficientem disrationationem*.

Формула весьма напоминает текст одной грамоты, которая оформляла дар Вильгельма, графа Глостерского. В документе сказано, что Вильгельм предоставил графу Гильберту де Клэру такую же власть над церковью в местечке Луитон, каковой располагал сам (*quale ipse habebat dominium ecclesiae de Luitone*), и приказал своему представителю Годфриду де Уотервиллу (*de Watervilla*) совершить акт сейзины в пользу Гильберта (*cum inde saisire fecit*). Годфрид же отправил вместо себя Вальтера де Кверкетто (*Querceto*), который и совершил акт ввода во владение, так что «этот дар и эту сейзину многие видели и слышали» (*Hanc autem donationem et seisinam multi viderunt et audierunt*).⁵³ Таким образом, дар (*donatio*) и сейзина (*saisina*) представлены двумя разными процедурами, причем сопровождавшимися не только жестах, но и некими словесными формулами.

Запись судебного спора, имевшего место в Ноттингемшире в 1200 г., свидетельствует в пользу нашего предположения о том, что права женщины действительно могли оформляться актом сейзины. В нем сообщается, как некая Амиция, вдова Иоанна д'Эстона, вчинила иск Матвеем д'Эстону, очевидно родственнику умершего Иоанна, на половину виллы Нормантон и половину виллы Эстон, представляя их как треть всего имущества мужа (*sicut rationabilem dotem suam*),⁵⁴ — максимальную долю, на которую она могла рассчитывать после его смерти. В обосновании своих прав истица сослалась на права мужа, указав, что во время бракосочетания он получил от своего отца то имущество, которое и должно было ей отойти в качестве вдовьей доли. В источнике сказано, что отец Иоанна подарил и уступил эту землю ему и совершил сейзину с помощью ножа (*seisinam fecit filio suo per quendam cultellum*), причем этот нож теперь вдова показала участникам процесса: «*quem ipsa ostendit*».⁵⁵

В другом протоколе, отразившем то же судебное разбирательство, речь идет о женихе, который ввел невесту во владение имуществом путем акта сейзины, передав ей сломанный нож как символ ее владельческих прав: *et per quendam cultellum fractum ... ei seisinam fecit*.⁵⁶ В обоих документах мы встречаем не обычную глагольную форму *saisire*, а особое выражение *saisinam facere* — настолько употребительным стало существительное сейзина. А еще позже распространенной становится формула *saisinam habere facias, faciatis etc.*, формула, явно указывающая на разрыв с традициями акта сейзины и применявшаяся в самых разных ситуациях.⁵⁷

Мы не можем сказать, насколько акт сейзины был новшеством в сфере вдовьей доли, поскольку источники до эпохи Генриха II этот институт отразили слабо.⁵⁸ Тем не менее юридические последствия акта сейзины были такими же, как и в других случаях. Считалось, что невеста сразу же после свадьбы получала всю полноту прав на имущество. Именно поэтому, если муж отчуждал вдовью долю без согласия женщины, после его смерти она имела все основания вчинить иск, истребовав его обратно.⁵⁹ Однако — и в этом есть известный парадокс — женщина вплоть до смерти мужа, в сущности, никак свои права не осуществляла.⁶⁰ Напротив, традиционно акт сейзины пред-

полагал реальную передачу пользования имуществом сразу же после совершения акта. На видимой смене владельцев настаивали королевские судьи.⁶¹ По этой причине крайне редко в протоколах можно встретить такой вид вдовьей доли, как *dos ex assensu patris*, т. е. доля, выделяемая не женихом, а его отцом. Редкость же такого рода даров была связана с отсутствием той самой смены обладателей сейзины.⁶² В рассмотренном случае, однако, смена владельцев все же состоялась, и имущество перешло от отца к сыну, а потом — к невесте. Но в последнем случае, как мы только что сказали, смена владельцев *de facto* место не имела. Всеми правами пользовался муж. Рассмотренный пример, кроме всего прочего, свидетельствует о том, что вдова не видела препятствия в ссылке на акт ввода во владение и даже в демонстрации символического предмета в обосновании своих прав.

Сейзина в сфере вдовьей доли выступает, как видно на этих примерах, в двух ипостасях: как термин для описания юридического положения вдовы и как акт, совершаемый в ее пользу женихом. Любопытно, что ответчик не оспорил саму символическую процедуру, но указал, что муж Амиции не имел сейзину на это имущество, что было важно для обоснования прав вдовы.⁶³ Дело в том, что в исковой формуле (и в этом смысле актовый материал вступает в некоторое противоречие с цитированным выше пассажем Брактона) вдова должна была ссылаться не на акт сейзины в свою пользу, а на то, что ее муж был некогда *saisitus* на переданное ей имущество.⁶⁴ Сейзина жены, таким образом, оказывалась производной от сейзины мужа, примеров чего в достаточном количестве сохранили судебные протоколы.⁶⁵ И все же, можно полагать, в одном отношении акт сейзины был важен — он наглядно для всех обеспечивал вдове преемственность в том же объеме прав, каковым располагал и ее покойный муж.⁶⁶ Ограниченность ее прав только сроком жизни объясняется спецификой самого института вдовьей доли. Любопытно, что непосредственный ввод во владение (но не его символическая интерпретация), свойственный ранней сейзине, здесь, как и, вероятно, во многих других случаях, полностью исключался, поскольку наделение вдовьей долей осуществлялось только в дверях церкви.⁶⁷ Именно поэтому мы не можем

согласиться с Ф. Виссманом, полагавшим, что сейзина должна осуществляться только в пределах передаваемого участка.⁶⁸

Понятно и то, почему положение вдовы описывали существительным сейзина. Для составителей документов на первое место выступает факт видимого и зримого пользования имуществом, к слову сказать, весьма древний элемент сейзины-*sacire*. В таком случае, любые отношения можно было подвести под определение сейзины, но перспектива, заданная актом сейзины, не терялась. Современники вполне понимали разницу между *seisitus* и *in seisina esse*. Это было важно именно потому, что вдова не могла получить в виде вдовьей доли имущество, в отношении которого ее муж сам не был *seisitus* (например, арендованное имущество).

Оформление прав на приданое

Обстоятельства, при которых происходило утверждение прав невесты на ее имущество, могли быть разнообразны, но передача имущества в виде приданого, как свидетельствуют протоколы судов, влекла за собой прекращение того статуса, который рассматривался как вытекающий из акта сейзины со стороны прежнего владельца.⁶⁹ С этим связано определенным образом применение сейзины в отношении приданого в XII—начале XIII в. Муж в период брака мог с согласия жены передать приданое третьему лицу, но должен был возместить ей утрату, причем права жены на соответствующую часть имущества оформлялись актом сейзины. Как это происходило, показывает следующий документ, составленный в 1127 г.⁷⁰

Ричард, сын некоего Понтье, передает жене Матильде манор Лич (*Lechia*) на праве, определенном в источнике термином *matrimonium*, в качестве возмещения за манор Улингвик (*Olingewicha*).⁷¹ Названный манор ранее принадлежал Матильде в качестве приданого. Потом он был передан с ее согласия Хелиасу Гиффарду в связи с тем, что дочь Ричарда и Матильды Берта выходила за него замуж.⁷² Формально, однако, названную землю вместо Матильды получил путем сейзины ее брат Милон (*saisivi Milonem fratrem ejus loco ipsius*) с тем, чтобы он, как

сказано в документе, «управлял этим имуществом и защищал его от всех посягательств» (*ut ipse eam manuteneat et ab omni defendat injuria...*).

Передача названного имущества брату Матильды была вызвана тем обстоятельством, что жена не могла получить дар непосредственно от мужа, поскольку супруги считались «одной плотью».⁷³ В противном случае, без сомнения, акт сейзины был бы совершен в пользу самой женщины. Приданое, которое приобрела Матильда, было свободным, и с него не полагались никакие службы (*donavi ... Matildi libere et sine omni servitio*). Передача именно такого имущества, как мы неоднократно наблюдали, совершалась путем акта сейзины, который получал здесь особое значение, так как должен был обеспечивать полноту прав на это имущество рода жены. Конечно, как известно, в случае, если жена умирала прежде мужа, не оставив наследников, приданое возвращалось в род жены. В то же время акт сейзины, о котором в документе идет речь, обеспечивал прочность прав самой женщины на это имущество, что соответствовало принятому тогда порядку.⁷⁴

Следующий документ был составлен в конце XII в., но отразил более ранние события. Нскто Алисия требует себе два акра луга со всем к ним относящимся, вчинив иск настоятельнице приората Лэгбурн (*Legbourne*) в Линкольншире. Алисия утверждает, что имущество, ставшее предметом спора, было передано ей как приданое отцом путем акта сейзины (*ut maritadium ... unde ipsa saisita fuit*) во времена короля Генриха (II. — *A. K.*), причем она получала доход с этого имущества (*capiendo expleta inde*). Алисия готова отстаивать свое право в суде с помощью своего свободного человека (*et hoc offert dirationare per quendam liberum hominem suum*).⁷⁵

Настоятельница же утверждала, что спорное имущество было передано приорату мужем Алисии, Умфридом, посредством грамоты (*dedit ei terram per cartam*). В качестве свидетеля был вызван наследник Умфрида, Вальтер, который, однако, признав, что пустил по ветру все имущество (*delapidavit*, дословно, «разбросал камни», ср. совр. англ. *dilapidate*), объявил себя несостоятельным свидетелем, так что дело было отложено и передано в Вестминстер.

В документе это прямо не выражено, но ссылкой на акт сейзины, совершенный в ее пользу в момент бракосочетания, равно как и длительным обладанием спорным имуществом, Алисия пыталась доказать, что ее права на названное имущество были ограждены самым надежным образом и никакого дара со стороны ее мужа в пользу монастыря не было, а если он имел место, то был незаконен.⁷⁶

В другом документе сообщается, что некто Иоанн де Лич (*de Leche*) с согласия своего господина Герберта де Сен-Квентина (*de Sancto Quintino*) выдал замуж дочь и наследницу Асцелину (*filiam et heredem*) за Ричарда д'Эстлии (*Estleche*) со всей землей, которая находится в местечках Лич и Твенинг и которую он сам держал от вышеназванного Герберта. При этом он уведомляет, что добровольно отказался в пользу своего господина от права самому совершить акт дарения и отказался от сейзины на это имущество (*spontanea voluntate mea deposui me de donatione et seisinā ejusdem terrae*). Иоанн передал свои права в руки Герберта (*tradidi eam in manum ... domini Hereberti*), а Герберт, в свою очередь, по просьбе Иоанна ввел Ричарда и дочь Иоанна во владение названной землей путем акта сейзины (*ipse seisivit*) и принял оммаж Ричарда (*et homagium ejusdem Ricardi... recepit*).⁷⁷

Очевидно, в рассматриваемом документе имущество, которое Иоанн де Лич передавал новобрачным, было, в известном смысле, больше, чем приданое. Выдавая дочь замуж за Ричарда, Иоанн устраивал имущественное положение своей дочери таким образом, что ее супруг перенимал на себя те службы, которые с названного земельного владения должен был нести отец Асцелины. Участие господина в акте сейзины как бы продолжает традицию установления покровительства со стороны крупного сеньора в отношении новых владельцев имущества, знакомую по ранним документам. С другой стороны, прямое участие лорда в акте сейзины служило лишней гарантией как особой защиты прав Асцелины, так и обеспечения дальнейшего несения служб с названной земли в пользу сеньора.⁷⁸ В этом документе, как и в целом ряде других, передача имущественных прав путем акта сейзины получает свое завершение как раз в действиях сеньора.

Залог и способы оформления прав на него

Завершая раздел о типах имущественных отношений и месте в них сейзины, надо, хотя бы вкратце, остановиться на таком институте, как залог. Обращение к этому сюжету диктуется тем обстоятельством, что и юридические трактаты, и судебные протоколы определяют положение должника и кредитора, как находящихся в сейзине, или даже как *seisitus*. При этом история самого института залога в широкой исторической перспективе, которая, бесспорно, может стать (и уже была) темой отдельного исследования, нами не рассматривается.⁷⁹

Начать надо с того, что залог (*vadium*, *wadium*, *wadiatio*) представляет собой очень древнее явление и встречается, например, еще в DB. Так, в одном судебном разбирательстве члены жюри свидетельствуют о том, что они не видели ни королевского посланника *liberator'a*, ни послания короля (*breve*), которые бы оформили права на заложенное имущество, полученное от шерифа.⁸⁰ Иными словами, уже здесь отношения залогодержателя и залогодателя должны были оформляться при участии публичной власти — правило, которое мы найдем и столетие спустя.⁸¹

По мнению одних исследователей, институт залога в Англии развивался от понимания залога как временного обладания имуществом до уплаты долга по направлению к передаче всей полноты прав залогополучателю сразу же, но с условием, что он обязан вернуть имущество, если долг будет уплачен.⁸² При этом термин сейзина, который применялся в этом случае, если и указывал на акт сейзины, был именно актом сейзины, оформлявшим права на залог, а вовсе не феод, т. е. права, уже по определению ограниченные известными условиями. Автор «Глэнвиллы» использует существительное сейзина, как это ясно видно в следующем фрагменте: «...должник предоставляет сейзину на залог или сразу или же нет...» (*debitor aut statim creditori facit habere sui vadii saisinam ... aut non*).⁸³ А потому говорить об акте сейзины в контексте самого трактата представляется нам преждевременным. Скорее здесь слово «сейзина» используется как указание на пользование кредитором имущества, переданного ему должником, причем его приобретатель

становится только пользователем такого имущества, а не полноправным обладателем — функция, которую традиционно акт сейзины и выполнял.⁸⁴ Некоторые исследователи полагают, что залог с самого начала предполагал, что залогополучатель приобретает абсолютное право на вещь.⁸⁵ Но такое было возможно только в отношении движимости.⁸⁶ Иными словами, если сейзина как акт имела место, то последствия этого акта были весьма нетрадиционны.

Возможно, судебные протоколы дадут нам ответ на вопрос о том, как же оформлялись права на залог? Казалось бы, следующий вопрос к жюри, а именно, был ли умерший наделен правами как на феодал или залог (*seisitus ut de feodo vel ut de vadio*), дает нам путеводную нить. Тем не менее, из сказанного выше становится понятным, что причастная форма здесь могла быть не более чем канцеляризмом, данью традиции и не отражала реального положения дел, поскольку примеры именно акта сейзины в отношении кредитора нам неизвестны. Есть и еще основание сомневаться в каких бы то ни было процедурах. Такого рода отношения должны были оформляться *документом*, причем в королевском суде, иначе они просто не подлежали его защите. Правда, были случаи, когда такие отношения оформлялись в присутствии свидетелей, где ожидать акт сейзины было бы логичнее.⁸⁷ Передача имущества в залог, т. е. ограниченное условиями самого залога пользование имуществом, не исключала наследников кредитора, о чем говорят протоколы, но залог продолжал оставаться персональным контрактом и, следовательно, после уплаты долга должен был вернуться должнику или его наследникам.⁸⁸ Указание на наследников кредитора, несомненно, объясняется тем обстоятельством, что смерть кредитора не означала прекращения обязательств должника, который должен был теперь рассчитаться с наследниками кредитора.

Кредитор, даже обретя сейзину, не мог самостоятельно отстаивать права на имущество, полученное в виде залога.⁸⁹ Такое право предоставлялось только должнику.⁹⁰ Более поздняя традиция, отраженная в трактате Брактона, подтверждает наши сомнения в том, что акт сейзины применялся в отношении имущества, переданного в залог. Дело в том, что Бракстон считает кредитора лицом, которое не «владеет», он лишь «находится во

владении».⁹¹ При этом такой кредитор уподобляется опекуну (*custos*). В другом месте Брактон говорит о том, что опекун не является *seisitus*, но лишь *in seisinā esse*. Нет сомнений в том, что статус кредитора тоже «*in seisinā esse*», что, разумеется, свидетельствует в пользу предположения о правах кредитора, как не вытекавших из акта сейзины или, что более верно, не считавшихся особенно прочными, даже если они этим актом и обеспечивались. Проблема в том, что в «Глэнвилле» статус умершего кредитора определен как *seisitus*.⁹²

Тот факт, что кредитор не мог прибегнуть к ассизе «О недавнем лишении» владения, свидетельствует о том, что залог в руках кредитора не рассматривался как свободное держание и сам кредитор не мог его истребовать в королевском суде. Как предполагает А. Симпсон, объяснение тому могло корениться в особом положении кредитора, поскольку в случае с «мертвым залогом», т. е. когда доходы шли не в счет уплаты долга, а кредитору, он выступал как ростовщик.⁹³ К тому же он не был сеньором, т. е. отношения кредитора и должника не вписывались в представления общества, которое еще пронизывали отношения сеньор-вассал, отношения, которые определили саму систему приказов.⁹⁴

Можно было бы задаться вопросом о смысле употребления самого слова «сейзина». По-видимому, залогополучатель становился простым держателем (*detentor*), подлинным же владельцем оставался должник. Так что слово «сейзина» здесь применялось в значении «держание». Нельзя исключать, что здесь не последнюю роль играло то обстоятельство, что кредиторами нередко выступали евреи, бывшие париями средневекового общества.⁹⁵

Более понятно, почему наследники должника могли вчинить иск на основании приказа «о смерти предшественника» для истребования имущества после смерти отца. Наследники должника продолжали считаться *seisiti* на феоде отца, переданный в залог, т. е. на наследственное свободное держание, так что они считали себя вправе забрать это имущество себе.⁹⁶ Однако здесь их требования могли натолкнуться на встречный иск из долга.⁹⁷ В одном из судебных разбирательств наследник кредитора утверждал, что он держит имущество как феоде и от-

рицал (*defendere*) требование должника, ссылавшегося на залог, ограниченный определенным сроком, который истек. Дело было отложено для выяснения, действительно ли речь идет о феоде, и истек ли указанный срок?⁹⁸

Сказанное подтверждает мнение Дж. Рабиновича о том, что передача имущества в залог вовсе не превращала кредитора в полновластного его обладателя. Он, несомненно, прав и в том, что кредитор получал всю полноту прав на имущество при неуплате долга только в случае движимости, хотя до уплаты долга он не мог наносить такому имуществу какой бы то ни было ущерб, но, получив его в полное обладание, мог делать с ним все, что пожелает.⁹⁹ Очевидно, такой залог рассматривался как приобретенное, которым, действительно, владелец, как уже было сказано выше, мог распоряжаться весьма свободно. Одним словом, несмотря на примеры употребления формы *seisitus* в юридических трактатах, говорить об акте сейзины с уверенностью мы не можем. Кредитор в отношении недвижимого имущества так и оставался всего лишь держателем *nomine alieno*.¹⁰⁰

Сказанное дает основание сомневаться в том, что всякое употребление слова «сейзина» с необходимостью указывало на имевший место акт сейзины, хотя рассмотренный актовый материал и свидетельствует о распространенности этой процедуры, которая должна была обеспечить особо прочные права новому приобретателю. Постепенная эволюция сейзины от акта к его последствиям сделала соблазнительным и в то же время естественным для образованных судей того времени, находившихся под влиянием рецепции римского права, рассматривать сейзину как аналог римской *possessio*.

Большинство исследователей (Ф. Жойон де Лонгрэ, Р. ван Кэннегем, Д. Сазерленд) отрицает тождество сейзины и владения, полагая, что в любом споре «речь всегда шла о сейзине», что сейзина это даже в чем-то вид права.¹⁰¹ Именно поэтому в Англии не было противопоставления владения и собственности в том виде, как оно существовало в римском праве. Право — это более давние и менее ясные факты (старая сейзина), владение — это недавняя сейзина, факты более ясные и определенные.¹⁰² Не оспаривая известную правомерность такого рода

утверждений, обратим внимание на то обстоятельство, что анализ институтов сейзины и права, равно как отождествляемых с ними владением и собственностью римского права, необходимо осуществлять в двух ракурсах: вещно-материальном и процессуальном. В следующей главе мы сосредоточимся на том, как конкретно институт сейзины оказался «облачен» в одежды римской правовой терминологии, а принципиальным будет ответ на вопрос, насколько правомерно отождествление сейзины с римской *possessio*, почему и как конкретно авторы трактатов воспринимали римское право в том, что касается потребностей регулирования имущественных отношений в Англии рассматриваемого периода. Но прежде несколько слов следует сказать об особенностях английского судебного процесса, поскольку, по нашему убеждению, рецепция римского права была тесно связана как раз с потребностями защиты отношений, определяемых как сейзина, где интердиктная защита и виндикационный иск послужили моделью.

Сейзина и английский судебный процесс в раннем общем праве

Принимая во внимание важность судейского корпуса в Англии, реконструкция института сейзины возможна не только как института имущественного права, но и права процессуального. Действительно, оправданно задаться вопросом, всякая ли «ситуация фактической принадлежности» (Д. В. Дождев), определяемая как «сейзина», подлежала защите. Ведь королевские суды (повторимся, что их роль в деле регулирования социальных конфликтов была весьма значительна и со временем только нарастала) знали два вида держаний: свободные (фригольд, *liberum tenementum*) и вилланские (*villanagium*).¹⁰³ Как следствие, все держатели фригольда превращались в субъекты одного права.¹⁰⁴ При этом следует различать личный статус и статус имущества, принадлежавшего субъекту правоотношений. Суды довольно строго следовали принципу *exceptio villanagii* — вилланы были подсудны только своим лордам, критерии же отнесения лица к вилланам и, следовательно, к лицам, чьи

споры рассматривались только в манориальной курии, вызывают споры до сих пор.

Как уже было сказано, в английской экономике XIII в. происходит известная интенсификация производства, правда, как это свойственно всем докапиталистическим обществам, средствами чисто внеэкономического принуждения, стимулом чему послужил рост европейских городов, все более возрастающие аппетиты королевской власти и, возможно, как следствие роста, но и как причина дальнейшего давления — нарастающая инфляция.¹⁰⁵ Требовалось больше хлеба, и английские лорды усилили давление на крестьянство, в первую очередь, путем расширения барщины. Королевские суды на это отреагировали созданием отдельной теории, разработанной английским судьей Брактоном.¹⁰⁶ Суть ее сводилась к максимальному принижению правового статуса рядового зависимого крестьянина путем уподобления его римскому рабу (*servus*).¹⁰⁷ Изменения в терминологии показательны. Если автор «Глэнвиллы» говорил о «нативах» (*nativus*), т. е. рожденных в неволе или вилланах, у Брактона это почти всегда серв. Суть его теории выразила одна максима: «Серв вечером не знает, на какую работу его пошлет господин утром». Таким образом, речь шла не столько о сервилльном, сколько о неопределенном характере служб. Напротив, лицо, пусть и отправляющее вилланские по характеру службы, но определенные по размеру и срокам, не считалось вилланом, а его держание — вилланским.¹⁰⁸

Но в рамках английского судебного процесса существовала особая и весьма популярная процедура восстановления имущественных прав — так называемая процедура «о недавнем лишении владения», хотя в оригинале речь идет о сейзине (*de nova disseisina*), где во главу угла ставили именно статус имущества, а не держателя (последний термин более точно отражает особенности английского правового словаря, чем владелец).¹⁰⁹ В таком случае даже виллан мог рассчитывать на защиту своих прав (разумеется, против третьих лиц, а не господина). Принцип будет позже предельно четко сформулирован Брактоном: «держание не меняет статуса», т. е. свободный, отправляющий вилланские платежи, будет свободным, только его держание не будет подлежать защите и, наоборот, виллан, отправляющий

свободные службы, мог рассчитывать на защиту свободного держания против третьих лиц, но не сеньора.¹¹⁰

В основе самого приказа, как в основе всей судебной системы, лежит жесткая связь между обстоятельствами дела, подлежащего рассмотрению в королевских судах, и формой приказа, которым инициировался иск по этому делу. Несмотря на значительное многообразие приказов, число которых к концу XIII в. превышало восемьсот, Генрих II способствовал, во-первых, формализации старого приказа «о праве», выросшего, по сути, из практики административных предписаний королей англо-нормандской (а на самом деле еще англосаксонской) династии, и, во-вторых, созданию приказов, которые инициировали судебные разбирательства с участием присяжных (*juratores*), т. е. «инквизиционный процесс», тоже, кстати, институционализированный все тем же Генрихом II.¹¹¹ Последние, однако, должны были не оглашать приговор, а, скорее, предоставить наиболее достоверную информацию по делу, о чем прямо говорит «Великая ассиза».¹¹² Жюри предусматривалось в делах, инициировавшихся такими приказами, как: «о недавнем лишении владения», разработанным ок. 1166 г., «о смерти предшественника» (в его основе лежит соответствующее положение Нортгемптонской ассизы 1176 г.), а также приказ, по которому вдова могла истребовать себе свою вдовью долю в случае, если она после смерти мужа вообще ничего не получала (отсюда и название приказа «*unde nihil habet*»)¹¹³ Их все объединяет то, что в центре внимания судопроизводства стоит сейзина.

Так, приказом «о смерти предшественника» инициировался разбор дела о незаконном лишении наследников имущества, которым располагал их предшественник в момент смерти как на феоде и домене: *si fuit saisitus in dominico sicut de feodo die qua obiit*. Эту формулу мы встречаем уже в документах XI в., но изменение характера источников к началу XIII в. (рост числа протоколов судебных тяжб) свидетельствует о ее распространении именно в этот период.¹¹⁴ Напротив, в королевской инструкции 1176 г. разъездным судьям, получившей название Нортгемптонской ассизы по месту своего издания, первоначально присутствовало существительное сейзина вместо только что рассмотренной формулы *fuit saisitus*. Согласно § 4 Ассизы лорд

не имел права требовать оммаж и рельеф с наследников своего умершего держателя раньше, чем признавал их права на имущество умершего. Дословно в постановлении было сказано следующее: «Если умрет свободный держатель, да останутся наследники его в той же сейзине (*in tali saisina*) на свой феоде (*de feodo suo*), каковую их отец имел в день, когда был жив и мертв (*qualem pater suus habuit die qua fuit vivus et mortuus*)».¹¹⁵ В инструкции речь явно идет не об акте сейзины, а о самом непосредственном обладании имуществом как феоде в момент смерти. И здесь существительное сейзина подходило как нельзя лучше.¹¹⁶ В судебных же тяжбах, напротив, надо было обосновать права предшественника, а вот их-то мыслили как бы вытекающими из акта сейзины. Возможно, именно тот факт, что к середине XII в. владельческий ландшафт во многом сложился, давал основание составителям документов рассматривать права землевладельцев, приобретших имущество как раз в это время, как вытекающие из акта сейзины.

Претензии наследников в обоих документах поставлены в прямую связь с фактом непосредственного обладания имуществом их предшественником.¹¹⁷ Эта норма имела то важное последствие, что судьи, обобщая реальные правоотношения, совершенно не требовали, чтобы права на имущество были оформлены особым актом, достаточно было доказать факт обладания спорным имуществом в момент его смерти предшественником истца, а также тот факт, что это имущество имело статус феода, т. е. что это имущество могло наследоваться, так как в противном случае сам приказ лишался смысла. Для описания же такого отношения лица к имуществу было естественно использовать привычный глагол *saisire* или существительное *saisina*.¹¹⁸

Казалось бы, именно реформам Генриха II надо приписать известную унификацию юридических отношений.¹¹⁹ Однако и в более ранних документах мы сталкиваемся с ситуацией, когда фактическое положение лица, определяемое как *seisitus*, отличается от правовой составляющей. Так, некто Эмма, дочь мейдика Гримбальда, желая наделить Вальтера Мартела принадлежащей ей землей, передала в руки короля Стефана всю землю, как ту, которая находилась в ее распоряжении (*totam terram ...*

tam eam unde saisita erat), так и ту, которой она не располагала, имея, однако, на нее право (tam eam que de jure suo erat unde saisita non erat).¹²⁰

Документ отличает известная двусмысленность, так как причастие *saisitus* могло указывать на акт, совершенный в пользу Эммы ее отцом, наследственное имущество которого она и передает (*totam terram que fuit patris sui*). Рискнем предположить, однако, что для составителя документа речь шла, в первую очередь, о факте отсутствия у Эммы этого имущества *in natura* в момент его отчуждения в пользу Вальтера Мартела, пусть даже права на это имущество были обеспечены актом сейзины. Это предположение подтверждается и особым указанием на то, что Эмма обещала Вальтеру помощь в истребовании такого имущества обратно.¹²¹ Более того, можно попытаться представить себе ситуацию конкретного дела (а таких дел, как это явствует из свитков казначейства, куда истцы вносили деньги за приказы, было немало). Не естественно ли предположить, что судьям было важно не столько разобраться в том, каким образом истец приобрел имущество, сколько установить факт лишения такового?¹²² Думается, что в действительности дело обстояло так же, как и в ситуации с приказом «о смерти предшественника».

Разделение сейзины и права на практике привело к выработке двух групп приказов, а процессы, ими инициируемые, получили название «поссессорных» и «петиторных» соответственно.¹²³ Эта терминология была явной данью римской традиции. Первая категория исков вчинялась на основании приказа «о праве» (*de recto*) в случае разбирательства, где предметом такового являлось право или же, пользуясь современной терминологией (о ее правомерности уже шла речь), право собственности. Напротив, судебные разбирательства по приказу о новом захвате можно определить как поссессорные, поскольку истцам необходимо было доказать факт недавнего и незаконного лишения сейзины, которую сам Брактон отождествляет с *possessio*.¹²⁴

Отдельного разговора заслуживает соотношение *jus* и *saisina*. Если Д. Сейп полагал, что приказ о праве предоставлял возможность доказывать в суде, причем первоначально в суде лорда, абсолютный, по сравнению с ответчиком, характер при-

тязаний, то П. Хайамс в стремлении противопоставить право и сейзину усматривает, скорее, идеал судей Анжуйской династии, нежели отражение реального положения вещей.¹²⁵ Несложно понять, что в условиях иерархической организации общества понятие «абсолютного» в известной мере оставалось относительным. Тем не менее соотношение прав держателей и сеньоров, как это будет видно на примере термина *dominium* у Брактона, было явно в пользу первых, а потому *de facto* система работала скорее в горизонтальном, нежели вертикальном измерении.

Приказ «о недавнем лишении владения» было решено рассмотреть последним по двум причинам. Во-первых, есть основания полагать, что именно на его примере антитеза посессорных и петиторных исков выглядит более зримой. Действительно, обстоятельства, при которых происходило применение этого приказа, уже давно заставляют исследователей видеть в его создании влияние римского и/или канонического права, а именно процедуры *actio spoli*.¹²⁶ В частности, Ф. У. Мэйтланд в своем труде о формах исков в английском общем праве отмечает, что ассиза «о новом захвате» это аналог римского интердикта *unde vi*.¹²⁷ Однако, как справедливо отметил Д. Сазерленд, английские судьи взяли этот интердикт за образец, а не механически перенесли его на английскую почву.¹²⁸ Как известно, в случае интердикта претор предписывал вернуть имущество потерпевшему или не мешать владельцу пользоваться своим имуществом, оставляя вопрос о праве собственности для виндикационного иска. В английском праве реституция должна была осуществляться на основании приказа «о праве» (*de recto*), в то время как лицо, потерявшее имущество уже после восшествия на престол Генриха II, подлежало восстановлению на основании приказа «о недавнем лишении владения», и сроки здесь были иными.

Сам принцип установления этих сроков выдает сильное влияние публичной власти на всю систему судопроизводства. Действительно, если в кутюмах Бовези или Нормандии за точку отчета, после которой можно было вчинять иск, выбирали время последнего сбора урожая,¹²⁹ то ассиза «о недавнем лишении владения» первоначально ограничивалась временем прибытия или отбытия короля за море или временем его корона-

ции. На эту особенность не так давно указал и Дж. Гарнет.¹³⁰ Эта формула была настолько стандартной, что писцы даже не вносили ее полностью в протоколы, ограничиваясь только указанием *post ultimam* (sc. *coronationem*) или *post ultimum* (*transitum, reditum* etc.).¹³¹ Впрочем, принимая во внимание частые переезды Генриха II из Англии на континент, ассиза действительно была крайне действенным средством скорейшего восстановления *status quo ante bellum*.¹³² Помимо прочего, судопроизводство по этому приказу было избавлено от множества формальностей. Достаточно сказать, что в случае неявки ответчика дело могло разбираться в его отсутствие; ограничивались неявкой по уважительной причине (т. н. *essoins*, не более трех). Но ключевой фразой приказа было заявление истца о том, что произошло лишение «свободного держания» недавно, несправедливо и без суда (*injuste et sine iudicio*).

Если следовать Брактону, то приказ, инициировавший ассизу, направлялся шерифу, который должен был не выяснять, кто имеет право на спорное имущество, а установить сам факт захвата и вернуть путем акта сейзины имущество потерпевшему.¹³³ В этом отношении ассиза о недавнем лишении владения была подобна римскому *interdictum ad recuperandam possessionem*. Так, согласно приказу первых лет правления Генриха II, шерифу необходимо было расследовать (*facias recognosci*), действительно ли каноники кафедральной церкви в Линкольне владели имуществом (*si ... fuerunt saisiti*) в «год и день» смерти короля Генриха I (*anno et die quo rex H ... fuit vivus et mortuus*), но потом были без приговора и несправедливо его лишены (*injuste et sine iudicio dissaisiti*). В случае установления факта незаконного лишения сейзины каноники должны были получить имущество обратно путем повторного акта сейзины (*sine dilatione resaisiantur*).¹³⁴ И позже, в XIII в., широко была распространена практика, когда судьи нередко отменяли незаконный захват, даже если захватчик имел лучшие права, чем потерпевший, дабы восстановить мир.¹³⁵ Но эти же примеры свидетельствуют об одном важном и принципиальном изменении в понимании современниками сейзины — применяемый здесь представителем короля акт сейзины совершенно необязательно был гарантом прочности прав потерпевшего, поскольку еще пред-

стоял разбор дела о собственности. И все же в одном отношении применение акта сейзины здесь было оправданно — ведь речь шла о восстановлении со всей полнотой прав, которые некогда были закреплены за потерпевшим!

Важно иметь в виду и то обстоятельство, что в самом приказе «о недавнем лишении владения» сейзина как фактическое отношение и свободное держание находятся в тесной взаимосвязи, так что можно утверждать — защита сейзины как отношения лица к имуществу *по этому приказу* была возможна *тогда и только тогда*, когда потерпевший обладал свободным держанием. Но дело состояло как раз в том, что свободное держание юридическая теория признавала за теми, чье отношение к имуществу вытекало из акта сейзины. Иными словами, обладающий свободным держанием предполагался еще и *seisitus*, что, как уже ясно из изложенного, являлось и показателем полноты объема его прав в сравнении с теми, кто таковой полнотой не обладал ни в глазах суда, ни в глазах обывателей.

Таков был итог развития английского права и института сейзины, когда Англия, подобно континентальным странам, оказалась в русле мощного движения, известного как рецепция римского права, отрицать влияние которого на составителей первых юридических трактатов в настоящий момент уже нет никаких оснований.

Глава 4

РЕЦЕНЦИЯ РИМСКОГО ПРАВА И ИНСТИТУТ СЕЙЗИНЫ В ПЕРВЫХ ТРАКТАТАХ ПО ОБЩЕМУ ПРАВУ (КОНЕЦ XII—СЕРЕДИНА XIII в.)

В обширной историографии сейзины, пожалуй, ключевое место принадлежит изучению этого феномена в контексте рецепции римского права, а именно, насколько оправданно рассматривать сейзину как аналог римского владения, поскольку юридические трактаты отождествляют сейзину и владение совершенно недвусмысленно. Замечание К. Гютербока о том, что Брактон использует слова «владение» и «сейзина» совершенно произвольно и бессистемно (*promiscue*) как взаимозаменяемые, надо признать более чем справедливым.¹

В рамках настоящей работы было невозможно обстоятельно рассмотреть процесс рецепции римского права, но коль скоро сейзина предстает в трактатах, наших главных источниках в рассматриваемом в этой главе аспекте — в той или иной связи с теми терминами и концептами, которые можно, пусть и условно, возводить к нормам римского права: *dominium*, *proprietas*, *possessio*, *ususfructus* etc., — обойти его тоже было нельзя. При этом коль скоро нельзя объять необъятное, было решено сконцентрироваться на ряде сюжетов рецепции римского права применительно к англо-нормандскому имущественному праву в практическом аспекте, т. е. нас интересовали не столько доктринальные установки авторов (редакторов) трактатов, сколько те практические выводы, которые они сделали из этих заимствований.

Опыт наших предшественников при анализе соотношения сейзины и владения показал, что обилие сломанных копий в спорах о самой возможности такового связано со стремлением проводить прямые параллели между текстами *Corpus juris civilis* и текстами средневековых юристов. Между тем существует мнение, что «классическая римская юриспруденция» не только не выработала единого понимания института собственности, но и «дихотомия *dominium—proprietas* осложнялась расширительным употреблением термина *possessio*...».²

Нашими главными источниками, отразившими влияние римского права на судей *Curia Regis*, в чьей среде компендиумы по общему праву и создавались, об имущественных отношениях, являются юридические трактаты, отразившие это влияние по-разному и с разной степенью глубины. Если в первом систематическом изложении общего права, «Глэнвилле», мы находим лишь спорадические упоминания и аллюзии на нормы римского права, то труд нескольких поколений исследователей и последнего издателя трактата Брактона С. Торна позволяет отбросить как несостоятельное утверждение Ф. У. Мэйтланда (и позже Г. Ричардсона) о том, что Брактон был «малосведущ и плохо подготовлен в римском праве».³ Напротив, некоторые исследователи полагают, что Брактон мог получить степень доктора права в Оксфорде.⁴

Говоря о несостоятельности низкой оценки «романизма» Брактона, С. Торн подчеркнул, что «Мэйтланд не был романистом, он не разглядел прямые цитаты из Дигест и других источников римского права».⁵ Позиция Ф. У. Мэйтланда кажется тем более странной, что еще задолго до появления критического издания трактата исследователи К. Гютербок и Т. Скраттон наглядно показали, как много Брактон заимствовал из римского права — в первую очередь, Дигест, а также из Кодекса и Институций. Более того, именно Ф. У. Мэйтланду принадлежит заслуга специального издания параллельных мест из Брактона и Аццо (?—ок. 1220),⁶ вышедшего в серии изданий авторитетного Селденского общества. Оно прекрасно демонстрирует то влияние, которое на Брактона оказал итальянский глоссатор, бывший на тот момент крупнейшим знатоком римского права.

Как ни парадоксально, имущественные отношения, которым уделял пристальное внимание Аццо и вслед за ним Бракто́н, были оставлены в издании Ф. У. Мэйтланда почти без внимания. Исторической науке пришлось ждать тридцать лет, пока не появилась специальная статья Дж. Вудбайна, первого серьезного издателя Брактона и «Глэнвиллы».⁷ Вопреки все еще распространенному мнению о том, что английское право лишь косвенно оказалось затронуто рецепцией римского права — как если бы оно просто рядилось в его одежды,⁸ — можно смело утверждать, что влияние текстов *Corpus juris civilis*, к тому времени уже глоссированных, начиная с середины XII в. было ощутимо, а некоторые представители духовной и светской знати располагали его полным списком (например, аббат Питерборо Бенедикт (ум. ок. 1193 г.)⁹

Естественно задаться вопросом о том багаже, который мог достаться в наследство как Бракто́ну, так и Аццо, от предшествующих эпох. Мы вряд ли ошибемся, если примем во внимание тот факт, что Дигесты, пожалуй, один из главных текстов, подвергавшихся комментированию и глоссированию, ни в коей мере нельзя рассматривать как учебник римского права.¹⁰ Более того, известно, что до нас вообще не дошел полный текст *Codex'a* (Веронский палимпсест), а Дигесты дошли в рукописи рубежа VI—VII вв., хранившейся сначала в Пизе, а потом во Флоренции (т. н. *Littera Florentina*, а также дополняющая ее *Littera Vulgata*), к тексту которых приложили позже руку четыре великих болонца. Хорошо известно, что и Дигесты попали в руки глоссаторов не целиком, а по частям (т. н. *Digestum vetus, novum* и *infortiatum*). До сих пор даже не проведена работа по выявлению списков, которыми мог пользоваться Бракто́н, хотя нетрудно установить, какие списки вообще были в то время в обращении. В современном издании трактата Брактона все ссылки даются по классическому изданию Т. Моммзена и П. Крюгера.

Бесспорно, Бракто́н был более «академичен», нежели автор «Глэнвиллы». Вместе с тем, если можно говорить о том, что у Брактона был некий категориальный аппарат для описания имущественных отношений, то вряд ли правомерно говорить о том, что у него была система в том виде, который при-

вычен для знакомых с учебниками римского или английского права. Логика Брактона подчинена процессу судопроизводства и системе приказов, так что судьи «...просто в этом (создании системы вещного права. — *А. К.*) не нуждались».¹¹ В связи со сказанным не лишено доли истины и замечание Ф. Прингсхайма об известном тождестве английского и римского права в том, что касается казуистичности английских и римских судей.¹² Это видно по тому, как Брактон заимствует почти исключительно нормы из Дигест, крайне спорадически обращаясь к Институциям и Кодексу. Из высказываний авторов трактатов следует, что они руководствовались практическими соображениями, приспособлявая положения римского права к задачам судебного процесса. Совершенно не случайно в нескольких фрагментах Брактон делает прямые ссылки на интердикты *unde vi* и *vi armata*, с очевидностью имевшие смысл в беспокойных условиях середины XIII в., когда Брактон завершал работу над трактатом.¹³

Не стоит думать, что Брактону чужда некая логика в том, что касается институтов имущественного права. Так, он систематически отождествляет сейзину с владением, но не делает этого для *dominium*, а *proprietas* и вовсе противопоставляет владению (читай, сейзине), повторяя знаменитое высказывание Ульпиана, которое давно уже стало предметом дискуссий. Прежде чем говорить о терминах и текстах римского права в трактатах английских юристов в целом, и Брактона в особенности, надо несколько слов сказать о судьбах римского правового наследия в Западной Европе.

Имущественная терминология римского права в раннее Средневековье

Вынесенное в заглавие раздела определение поневоле может смутить. Речь идет о том терминологическом аппарате, который достался Средневековью как от римских юристов, так и просто от жителей провинций или метрополии. Между тем содержание заимствованных слов не было ни однозначным, ни статичным. Уже авторы V в. дают нам примеры тако-

го смешения терминов, которое привело бы любого римского юриста в ужас.¹⁴ Имя в виду эту условность терминологии, попытаемся рассмотреть и эволюцию ее содержания в раннее Средневековье и позже на примере «Глэнвиллы» и Брактона для конкретного региона — Англии. Но если в первом случае мы вынуждены ограничиться лишь историографическим, да и то, слишком общим экскурсом с небольшими заимствованиями из оригинальных источников, то бытование этих же терминов и определений в Англии будет построено на анализе материалов первых трактатов по общему праву.

Как уже было замечено во Введении, определяющей для правосознания современного европейца является категория «собственности», понимаемая как набор правомочий: пользование, владение и распоряжение. Традиционно в римском праве (правильнее было бы сказать, в сознании тех, кто его изучал) эта категория обнималась двумя словами: *dominium*—*proprietas*, что и демонстрируют труды юристов и историков права (Ф. М. Дыдинский, М. Казер, М. Бартошк).¹⁵

Если ограничиваться только отечественной историографией, то с критикой устоявшегося взгляда на понимание собственности (*proprietas*) в римском праве как набора основных правомочий выступил В. А. Савельев, для которого «пресловутое *iūs utendi et abutendi* — сочинение позднесредневековых юристов и к реальному классическому праву не имеет отношения».¹⁶ Если В. А. Савельев и В. М. Смирин по-разному понимают природу *dominium*, то нельзя не отметить, что оба считают недопустимым его отождествления с *proprietas*.¹⁷ В частности, В. М. Смирин усматривает в словосочетании *dominium proprietatis* не плеоназм, а отражение дихотомии терминов *dominium* и *proprietas*. Речь шла о фактическом обладании (*dominium*) правом собственности (*proprietas*). *Dominium* можно представить в единстве *proprietas* и *узупфрукта*, и только термином *dominium*, имея в виду его природу как максимально полной власти *pater familias* по представлению римлян, но никак не *proprietas* следовало бы определять и современное право собственности.¹⁸ Другое дело, что с III в. н. э. «собственность», которую можно было передать словами то *dominium*, то *proprietas*, понимается только как принадлежность и описывается термином *proprietas*.¹⁹

По замечанию Ч. Санфилиппо, для которого собственность «наиболее независимое и признаваемое правопорядком господство над вещью», такая абсолютная власть скорее идеал, нежели реальность. Сколь бы максимальной ни была полнота прав (власти), отраженная в термине *dominium*, она подверглась трансформации, когда интересы семьи столкнулись с потребностями сначала римского, а потом и византийского бюрократического государства.²⁰

Имея в виду то обстоятельство, что и у Брактона сейзина-владение и *proprietas* находятся в известной антитезе, стоит отметить, что, по мнению В. А. Савельева, *proprietas*, скорее, «...квалифицирует процессуальное положение истца в будущем судебном споре как обладателя права, истцу принадлежащего, свойственного (*proprius*), в противоположность процессуальному положению ответчика — посессора, обладающего вещью фактически, без права на нее».²¹ Напротив, «...доминий правильнее было бы толковать как максимально возможную, с точки зрения римлянина, власть над вещью, более полную, чем та, которой он обладал, имея ее во владении или в узуфрукте».²² В популярном учебнике «Римское частное право» его автор Д. В. Дождев не высказался прямо о соотношении *proprietas* и узуфрукта, но отметил, что узуфрукт не является предметом отдельного *dominium*, а подлинный собственник, который передал свое имущество в узуфрукт, обладает *nuda proprietas*.²³

С течением времени слова *possessio*, *proprietas* и *dominium* стали сближаться, а в некоторых случаях смешиваться, что подтверждают и комментарии к Кодексу Феодосия, приводимые Э. Леви: *quicumque ... dominium possessoris aliqua ratione conturbaverit ... proprietatem suam sine dilatione recipient; si res a possidente sublata est ... eius cui subtracta est dominio reformetur* и др.²⁴ Э. Леви приводит примеры того, как *proprietas* и *ususfructus* уже не представляли собой строгую антитезу, как это было, по всей видимости, характерно для классического римского права: *usumfructum vero de sponsalica largitate ... merito retenebit* <т. е. вдова>: *unde haec ipsa post obitum matris ad ... filios ... proprietas reditura est*,²⁵ т. е. узуфрукт жены на имущество во время брака рассматривался не как право на чужую вещь, а как отдельный вид собственности (*proprietas*).²⁶ С пониманием узуфрукта

как права на чужую вещь мы встретимся уже в трудах глоссаторов.²⁷ Подобного рода метаморфозы отметил и И. С. Филиппов, посвятивший отдельный раздел своего исследования изменениям, которые претерпели термины имущественного права и их отражение в раннесредневековых источниках.²⁸ В конечном итоге мы имеем дело с размыванием привычных понятий и «тяготением к юридической неопределенности».²⁹

В период высокого Средневековья речь шла не столько об определении содержания самих терминов *dominium* или *proprietas*, а о том, какие средства процессуальной защиты (*actio*) стоит применить в том или ином случае. Так, о *dominium* рассуждали в терминах процессуального права как о *jus vindicandi* (у Якова из Арены — ум. 1296), т. е. как праве сеньора истребовать имущество у вассала, а владение рассматривалось как *jus insistendi*, т. е. право вассала на его фактическое использование.³⁰ По выражению Уильяма Оккама, «доминий — это способность (дословно «власть») вчинить виндикационный иск для истребования вещи».³¹ М. Крихбаум в специальной работе, посвященной связи процессуального и материального права в XIII—XIV вв., утверждает, что глоссаторы не стремились создать отдельное учение о собственности (*Eigentum*).³² Он вообще указывает на то, что в текстах этого периода даже не встречается выражение *dominium divisum*, которым так любят оперировать исследователи.³³ Скажем сразу, что ничего подобного мы не встретим и в текстах английских юристов этого времени.

Сказанное о собственности справедливо и для института владения, где нашим главным источником остается Юлий Павел, часто именуемый просто Павел (первая половина III в.). Владение рассматривалось им как непременное соединение двух компонентов: фактическое обладание («*corpore possidere*») и «*animus*», т. е. намерение относиться к вещи как своей.³⁴ Однако если для приобретения владения достаточно лишь фактического контроля над вещью, то утратить владение, не утратив намерение относиться к вещи как своей — невозможно. По сути, Павел склонялся к пониманию владения как факта. Действительно, напомним известное высказывание: «*Possessio* была названа, как говорит и Лабзон, от оседаний, [будучи] как бы поселением, так как оно естественно удерживается тем, кто на нем

стоит». В другом месте мы находим еще одно свидетельство понимания владения как факта: «Ведь одно и то же владение может быть у двоих не в большей степени, чем то, что ты окажешься стоящим на том месте, где стою я, или сидящим там, где сижу я».³⁵ В то же время П. Бонфанте убедительно показал, что слово *possessio* происходит не от *post-sedere*, как пытались долгое время представить себе дело цитируемые выше римские юристы, а от *pot-sedere*, т. е. «сидеть во власти», обладать чем-то в силу простого воления, мнение, — высказанное еще Гаем.

Большинство исследователей этого феномена следуют за трактовкой Павла. Так Е. Э. Липшиц отмечала, что «...*possessio* в его классическом смысле означало фактическое обладание вещью, независимо от вопроса о праве на него (*jus possidendi*) и способов его обретения (*causa possessionis*)».³⁶ Ей вторит Ч. Санфилиппо, по мнению которого владение защищалось *a priori* как факт, в то время как вопрос правомочности лица оставался открытым.³⁷ В работе В. А. Савельева предельно ясно выражена та мысль, что владение может иметь некую каузу (об этом говорит Павел), а также быть irrelevantным любой каузе, выступая в исторически первой своей форме — владении *pro suo*, «как бывает в отношении вещей, которые мы захватываем на земле или на море, или у врагов».³⁸ Иными словами, В. А. Савельев твердо убежден в фактической природе владения. При этом следует учитывать, что фактический контроль не означает постоянное присутствие лица в пределах принадлежащего ему имущества, как это видно на примере летних пастбищ.

Концепция *animus* явление более сложного порядка. Так, если В. А. Савельев полагает, что идея *animus* возрастает лишь по мере расширения Римского государства, когда потребовалось сохранить за рабовладельцами их права на беглых рабов, их орудие производства,³⁹ Д. В. Дождев считает, что «*animus*» не играет сколь-нибудь важной роли для квалификации владения как особой ситуации принадлежности, наличие намерения лишь отличает держание (*detentio*) от обычного прикосновения.⁴⁰ Концепция *animus* позволяла утверждать, что, даже не контролируя раба непосредственно, рабовладелец сохраняет свои права на него. Д. В. Дождев, в свою очередь, различает «*animus domini*», отношение, важное для особой ситуации «pos-

sessio ad usucapionem», а также для ноксального иска, и «*animus possidendi*» (т. е. намерение относиться к вещи как своей, «*animus rem sibi habendi*»), которое свойственно любому отношению принадлежности.⁴¹ Разница в том, осознает ли лицо, что обладает чужой вещью, или считает ее действительно своей (это и будет *animus domini*), и признает ли любое третье лицо это отношение как правомерное (субъективное правомочие). Факт отсутствия владельца на принадлежащих ему летних пастбищах, как и вообще невозможность непосредственно контролировать свое имущество (путешественник), компенсируется тем обстоятельством, что лицо готово отстоять свое имущество, если кто-либо вторгнется в его пределы. В этом и состоит, по мнению Д. В. Дождева, *animus* владельца — в способности осознать факт нарушения и противодействовать ему. Однако С. Н. Медведев отметил, что концепция *animus domini* вообще является изобретением Ф. К. фон Савиньи и к римскому праву отношения не имеет.⁴²

Между тем мнение названных историков и юристов о фактической природе владения не является единственным. Существует традиция, согласно которой владение — это право на фактическое использование вещи. Поскольку отношения принадлежности защищались интердиктами, имела место юридическая защита фактического отношения (юридическое владение), постольку там, где есть что защищать, там и существует право.⁴³ В другом месте тот же автор говорит, что «владение — это вещное право, которое признается за индивидом как членом публичной организации общества и объектом административного управления».⁴⁴ Того же мнения придерживается и современный исследователь этого феномена А. В. Коновалов, солидаризируясь с английским исследователем Б. Николасом.⁴⁵ Еще в начале прошлого века американский юрист М. Радин пришел к выводу, что владение также содержит в себе элемент права, но в меньшей степени, чем собственность, ведь в римском праве в основе и собственности, и владения лежит факт, который можно рассматривать как правоустанавливающий (*justa causa*), что прямо вытекает из Дигест.⁴⁶

Несмотря на, несомненно, устойчивую традицию понимания владения как факта, а примеры, собранные В. А. Савелье-

вым, выглядят убедительными, не стоит забывать, что мнение Павла есть лишь *ответ* на высказывание Сабина (первая половина I в. н. э.): «Однако Сабин пишет, что тот, кто отдал вещь в прекарий, владеет и сам, и тот (владеет), кто принял ее в прекарий. То же (речь идет о двух владениях на одну вещь, но, правда, правомерном и неправомерном. — *А. К.*) одобрял Требаций».⁴⁷ Павел тем самым приводит лишь разные суждения представителей двух видных школ: прокулянцев и сабинианцев. Приведенный выше пассаж Павла представляет собой возражение и Сабину, и Требацию (I в. до н. э.). Иными словами, мы имеем дело с борьбой юридических школ, и мнение Павла — *только одно* из них, пусть и признанное авторитетным, а потому включенное в Дигесты.

Конечно, можно на это возразить, что прекарий вообще специфическая форма обладания имуществом. Прекарное держание римские юристы рассматривали как порочное (*vitiosa*), т. е. не подлежащее защите интердиктов, но только в отношении лица, предоставившего прекарий, а не любого третьего лица. Факт признания за прекарием статуса владения выразился, в частности, в выработке отдельного интердикта *de precario*, хотя это и следует приписать позднейшей эволюции.⁴⁸ Как свидетельствует текст Юлиана (ок. 110—ок. 170), владельцем признавался и предоставивший прекарий, и получатель такового, при этом первый признавался таковым на основании наличия у него «воли» (*non discessit animo possessione*), а второй был владельцем как обладающий имуществом фактически (*quia possideat corpore*).⁴⁹ На этом примере видно, что в римском праве не был решен окончательно вопрос о том, есть ли владение только фактическая связь лица и вещи или же лицо может требовать себе вещь, не имея ее фактически. Возможно, для классического римского права последнее было скорее исключением, но вовсе не для права раннего Средневековья. Более того, плохо разработанные в римском праве институты *possessio naturalis* и *detentio* оказались востребованными в средневековом праве.⁵⁰ Сказанное о прекарии правомерно и еще для двух ситуаций: владение кредитора и секвестрария. В обоих случаях ни тот, ни другой не могли себя рассматривать владеющими, не имея намерения относиться к вещи как к своей (*animus*),

но все же подлежали защите преторских интердиктов. И это не единственный случай, когда источники римского права дают пищу для размышлений о его последовательности и систематичности.

Например, Павел со ссылкой на Нерву-сына (I в. н. э.) пишет следующее: «И собственность берет начало из естественного владения (*dominiumque rerum ex naturali possessione coepisse ... ait*)...».⁵¹ Конечно, владение и собственность формально разведены. Однако трудно отказаться от мысли, что здесь мы имеем дело с оригинальной формой обретения *dominium* — оккупацией.⁵² Иными словами, здесь фактическое владение даст начало *dominium*, но было ли в сознании римлян в этом случае противопоставление владения и *dominium*? Более того, нельзя не вспомнить замечание Гая, который отождествил подлинный доминий (*justum dominium*) с правом на то, что захватывается у врагов.⁵³ Тот же Павел продолжает: «Ведь они <вещи> тотчас становятся принадлежащими тем, которые ими впервые завладеют (точнее, приобретут владение такими вещами — *possessionem eorum adprehenderint*)».⁵⁴

В IV—V вв. «*possessio*», по замечанию К. Каннаты — термин туманный, использующийся с квалифицирующими дополнениями, вроде «*jure possidere*», факт трудно представимый в эпоху классического римского права. При этом юристы прибегали и к такому выражению, как «*habere possessionem*», которое обозначало право пользоваться участком, собственником которого лицо не являлось.⁵⁵ Указанные процессы затронули и такие термины классического римского права как *dominium*, *proprietas*, *ususfructus* и т. д. Важным представляется и следующее замечание: «При анализе собственности следует избавиться от априорных схем классического права и права Юстиниана».⁵⁶ Думается, что это справедливо и для владения.

Если ранние глоссаторы рассматривали владение только как факт, то для Бассиана (вторая половина XII в.) волевой аспект (*animus*) оказался более важен, чем фактический.⁵⁷ У Аццо владение предстает как фактическая ситуация, но имеющая уже под собой правовое основание, а еще позже владение вообще рассматривается как разновидность права, хотя его природа не раскрывается.⁵⁸

В XIX в. институтом владения занялись пандектисты и представители немецкой исторической школы права. Для Ф. К. фон Савиньи, находившегося под влиянием И. Канта, владение есть право, поскольку имеет юридические последствия и касается отношения между людьми. Иными словами, владение рассматривается как *субъективное право*, т. е. отношение субъективных волей по поводу вещи. Владением здесь признается не отношение лица к вещи (как в римском праве), а именно осознание субъектом возможности/невозможности причинить ущерб воле другого.⁵⁹ А раз так, то наличие нескольких владельцев на одну вещь не есть нонсенс, ведь владение есть *межличностное* отношение.⁶⁰ Иными словами, всегда можно разделить воли субъектов в отношении одной вещи и определить границы обладания таковой. Вместе с тем владение есть и факт, поскольку в его основе лежит *detentio* (держание).⁶¹

По сути, концепция Савиньи о расщепленном владении была реализована в Гражданском уложении (*Bürgerliches Gesetzbuch*) 1896 г.⁶² Одно владение — непосредственное (*unmittelbarer Besitz*), когда лицо может даже фактически не пользоваться имуществом, но имеет защиту *in rem*; и опосредованное владение (*mittelbarer Besitz*), когда лицо фактически осуществляет эксплуатацию имущества и также имеет владельческую защиту (владелец/собственник квартиры и квартиросъемщик).⁶³ Право только не допускает, чтобы оба лица имели одинаковые правомочия в отношении одной и той же вещи. Остается вопрос, насколько правомерно видеть в последних владельцев римского права, хотя список, приведенный в Гражданском уложении, в известной мере с ним совпадает. Принципиальное отличие здесь — в наличии владельческой защиты у *всех* названных категорий.

Для Р. фон Йеринга владение есть внешнее проявление собственности (*wo kein Eigentum, da kein Besitz*). Он полагал, что владение есть право, допуская при этом, что лишь в исключительных случаях публичная власть должна оговорить, почему то или иное фактическое отношение не подлежит защите.

В дореволюционной отечественной цивилистике и позже единого учения о владении также не было разработано.⁶⁴ Из решения кассационного департамента Правительствующего Се-

ната (№ 1212 за 1871 г.) можно сделать вывод о том, что владение были склонны рассматривать все же как право и «близко подходящее к праву собственности и даже заменяющее его ... доколь не будет доказано, что сильнейшее, лучшее право на ту же вещь ... принадлежит другому».⁶⁵ В советском праве владение как институт долгое время находилось чуть ли не на задворках научного интереса, а безусловный характер защиты любого владящего (в бытовой ситуации просто держателя) в современном российском гражданском праве так и не выработан, вопреки распространенности практики такой защиты в гражданском праве других стран.⁶⁶

Если кратко суммировать то, что уже было сказано об институте владения, следует признать, что «несмотря на то что ни один вопрос гражданского права не подвергался так часто исследованию и не вызвал столь обширной литературы», этот вопрос, как и сто лет назад, «к несчастью ... наука не успела разрешить окончательно».⁶⁷ Как понимал институт *possessio* Бракстон, и как в эти представления вписывался институт *сейзины*, нам предстоит выяснить. Напомним лишь, что применительно к англо-нормандской *сейзине* одни, как Ф. У. Мэйтланд, скорее постулировали тождество *сейзины* и владения, чем доказывали его; другие, как Ф. Жойон де Лонгрэ, выдвинули как минимум два аргумента против такого отождествления. Во-первых, *сейзина* несводима просто к факту, поскольку поκειται на праве (исторически правоустановление выступает здесь в форме акта ввода во владение, но напомним, что и в основе владения могла лежать некая *causa*), что никак, по мнению Ф. Жойона де Лонгрэ, не согласуется с представлением о владении в римском праве, являющимся только фактом. Во-вторых, римское право не признавало и не могло признать владение двух лиц на одну вещь, в то время как такая ситуация не только была возможна в средневековом праве, но являлась скорее нормой. Если составители BGB и допустили два владения на одну вещь, пусть и при разном объеме правомочий, что обусловлено, несомненно, разными основаниями (*causa*) таковых, то в этом они были последователями современной им ситуации в Германии конца XIX в. и позднесредневековых представлений, с которыми имели дело немецкие юристы.

Не оспаривая справедливость выдвинутых аргументов, хотелось бы в защиту Брактона и его владения-сейзины сказать следующее. Ошибочность предшествующих подходов коренилась в попытках найти прямые параллели между сейзиной и владением Дигест. Нам же такой подход представляется принципиально неверным, поскольку без уяснения эволюции самого института владения исследователь не сможет понять тот материал, который лег в основу построений Брактона. Как бы хорошо английский судья ни знал источники римского права, он жил в эпоху, когда римская правовая традиция подвергалась новому переосмыслению, а потому было бы совершенно неверно подходить к трактату Брактона как «зеркалу», в котором отразилось аутентичное римское право. Одним словом, если мы готовы признать, что сейзина в трактате Брактона не соответствует владению Дигест, это не значит, что корректен выбор «владения» Дигест для сопоставления с сейзиной англо-нормандского права. Это в немалой мере относится как к римскому имущественному праву в целом, так и к институту владения в частности. И скорее пандектистам XIX в., как и современным авторам, мы обязаны картиной римского права — права, естественно, препарированного, вряд ли в такой форме известного самим римлянам.⁶⁸

Сделаем и еще одно важное предварительное замечание. Поскольку стержень английского общего права составляют результаты судебных решений, оформившиеся много позже в доктрину прецедента,⁶⁹ постольку же сама рецепция норм римского права должна была быть подчинена логике развития судебной системы, а она всегда, так или иначе, определяется не столько доктринальными, сколько практическими соображениями. По справедливому замечанию В. А. Томсинова (и Англия здесь оказалась даже в числе опережающих), «успех рецепции римского права обусловлен развитием экономики, подъемом бюргерства, совпавшим с ослаблением межличностных отношений».⁷⁰ Заимствование норм римского права было, почти наверняка, обусловлено потребностями все более усложняющейся хозяйственной жизни.

В связи со сказанным хотелось бы напомнить о сделанном М. А. Баргом наблюдении. Брактон в отличие от своего колле-

ги французского юриста Филиппа де Бомануара пытался приравнять английского виллана к римскому рабу (*servus*), что стало возможным только путем «искажения всей картины системы отношений в английской феодальной деревне». Между тем именно такое «перевернутое» видение ситуации оказалось весьма плодотворным для феодалов в их стремлении увеличить долю получаемой с крестьян ренты. Думается, что отечественный исследователь был недалек от истины, когда увидел в «доктрине вилланства» Брактона проявление именно такой борьбы, которая диктовалась так называемым «хлебным бумом» и наличием значительной неземледельческой прослойки в английской феодальной деревне. Институт вилланства Брактона был сконструирован так, чтобы служить «материализации всех заложенных в нем возможностей феодального присвоения».⁷¹ По сути своей, известное «второе издание» крепостного права в Восточной Европе (на деле бывшее первым) уже имело исторический опыт в Западной — как раз на английской почве. Несколько забегая вперед, скажем, что заимствования Брактоном положений Дигест находили практическое применение. Надо отметить, что как для Брактона, так и для автора более ранней «Глэнвиллы» процессуальный аспект владения/сейзины представлял несомненный интерес, поскольку был связан с защитой того отношения, которое определялось как сейзина. Более того, в случае с «Глэнвиллой» он явно превалирует.⁷²

Сейзина в трактате «Глэнвилла»

В отличие от Брактона в «Глэнвилле» следы знания норм римского права (в списках ли Кодекса или глоссированных рукописях) удастся обнаружить лишь спорадически. Если Брактон попытался дать хотя бы какое-то определение тому же владению, «Глэнвилла» гораздо лаконичней и суше. Владение интересует автора трактата преимущественно, если не исключительно, в процессуальном аспекте. По этой причине главное для него — деление всех исков на петиторные (условно скажем, о собственности) и поссессорные (о владении или сейзине). Одного показательного примера, как нам представляется, будет

достаточно. Автор утверждает, что опекуны не должны отвечать по искам, вчиненным их несовершеннолетним опекаемым, кроме тех случаев, когда оба, и опекун, и опекаемый, являются несовершеннолетними. В тексте это выражено так: *respondere autem non tenentur nec de recto nec de saisina*.⁷³ У Брактона отмеченная антитеза выражена иначе и симптоматичнее: *ante plenam aetatem non respondebit ... non in causa possessionis non magis quam in causa proprietatis*.

В другом месте встречается хорошо известная римскому праву, но немного измененная формула «*melior est causa possidentis*», правда, истолкованная своеобразно.⁷⁴ Суть дела заключалась в следующем. Старший сын при живом отце приносил оммаж сеньору за отцовское наследство, в свою очередь его сын автоматически признавался наследником, даже если его отец, старший сын, принесший оммаж, умирал раньше своего отца, т. е. деда нынешнего обладателя имущества (так называемое наследование по представительству. — *A. K.*). В этом случае дядя (брат умершего) лишался возможности вернуть себе имущество, но мог судиться с сеньором, если тот гарантировал внуку его наследство, или, напротив, с внуком, если сеньор отрицал факт оммажа. Дело могло дойти до судебного поединка (*posset perueniri ad duellum*). Однако, как сказано в «Глэнвилле», «сегодня полагают (*hodie obtinet*), что лучше положение владеющего». Поскольку владеющим был, очевидно, внук, который приобретал сейзину предшественника, как это следует из Нортгемтонской ассизы, то получается, что его статус «в сейзине» определялся словом *possidens*.⁷⁵

Еще в одном фрагменте мы сталкиваемся с сейзиной как отношением лица к имуществу, что и составляет главное содержание этого института в трактатах по общему праву. Например, в одном из фрагментов «Глэнвиллы» сказано, что отец предоставляет сыну часть наследственного имущества с правом наследовать, а тот, в свою очередь, «примет сейзину» и «всеми выгодами и доходами будет пользоваться, пока будет жив». Автор трактата вполне сознательно представил сейзину и форму ее выражения, а именно, извлечение доходов в течение жизни, как два последовательно осуществляемых действия, о чем достаточно было сказано в предшествующей главе. Как следует

из дальнейшего изложения, сын не только «принимает сейзину», но и должен умереть «в такой сейзине» (*in tali saisina moriatur*), иными словами, в таком состоянии, когда он извлекает доходы от приобретенного им имущества.⁷⁶

Из других слов, которыми автор трактата описывал имущественные отношения, заслуживает внимания, пожалуй, слово *dominicum*, которое Ф. Жойон де Лонгрэ отождествил с *dominium*.⁷⁷ Нам не кажется это отождествление полностью правомерным, поскольку слово *dominicum* употребляется в значении «личные владения», будь то имущество короля или знатного сеньора.⁷⁸ При этом нам оно встретилось тринадцать раз в трактате, в то время как *dominium* только четыре раза, причем *dominium* и сейзина принадлежат к разным сферам отношений. Так, ни епископы, ни аббаты, получившие имущество на праве свободной милостыни от короля, не могут из своих домов дарить какую-либо часть без его согласия: *non possunt de dominicis suis aliquam partem dare...*⁷⁹ В значении «личные владения» слово *dominicus* (*dominium*) встречается и в кутюмах Нормандии.⁸⁰ Напротив, *dominium* обозначает скорее некую реальную или номинальную власть (будь то власть сеньора или патрона), обусловленную договором с вассалом.⁸¹ В таком или близком значении термин *dominium* появляется в кутюмах Нормандии.⁸² Еще в одном месте трактата доминий определен как «*accidentia iuris*», что в контексте можно перевести и как «свойство права», и как «вид права», противопоставленный праву наследственному, поскольку автор говорит, что есть две *accidentia iuris*: «*jus hereditarium*» и «*dominium*».⁸³ Именно в этом фрагменте издатель трактата Дж. Вудбайн отождествил *dominium* с прерогативами феодального сеньора.⁸⁴

В тексте сказано, что старший брат передал имущество младшему брату, сопроводив отчуждение процедурой оммага (*cum homagio*), а одаренный умер без наследников. Возникает вопрос, может ли имущество вернуться к дарителю? Старший сын дарителя оспаривал претензии отца на том основании, что «не могло одно лицо быть и господином, и наследником» (*non potuit esse indem dominus et heres*), поскольку оммаж являлся препятствием для изъятия имущества, если были другие родственники, способные наследовать.⁸⁵ Казалось бы, спорное иму-

шество может получить старший сын дарителя. Однако его претензии наталкиваются на возражения младшего брата на том основании, что старший брат — наследник, а потому не может стать «господином» имущества дяди по причине изложенной выше максимы. Остается вопрос, в каком значении младший брат употребил здесь термин *dominus* по отношению к старшему, ведь речь шла о приобретении не всего наследства, но лишь доли дяди? Действительно, в «Глэнвилле» сказано далее, что коль скоро наследник еще не *dominus отцовского наследства*, то максима недействительна.⁸⁶ Впрочем, наследник может по решению суда, основанному на принципе справедливости (*ex acqutate consideratum est*), пользоваться этим имуществом до смерти отца и считаться *dominus*. Почти наверняка здесь слово «*dominus*» используется в значении «полноправный обладатель имущества», т. е. синонимом *dominus* является *heres*.

Однако тот же наследник становится *dominus*, но уже в смысле «сеньор», в том случае, если переживет отца и вступит в наследство, поскольку предполагалось, что он обязан соблюдать договоры отца с его вассалами. Раз так, то в силу вступает правило о наследнике и сеньоре. Очевидно, по этой причине имущество возвращается младшему брату нового сеньора, только после смерти дарителя, их отца (*tunc demum ... revertetur*), так как понятно (*constans est*), что его наследником и, как следствие, господином становится старший сын. Следовательно, (*ob id*), речь идет о двух типах права: наследственном и *dominium*, а мы бы от себя добавили «феодальном», которые не находятся в противоречии (*non concurrerunt ... ista duo accidentia juris, scilicet jus hereditarium et dominium*) в отношении участка земли покойного дяди, который получил старший сын. Позже Брактон повторит эту максиму.⁸⁷

Сейзина как акт в «Глэнвилле» и трактате Брактона

Итак, если следовать «Глэнвилле», сейзина предстает отношением между лицом и имуществом, которое можно определить как «владение», как нечто, отличное от права и могу-

щее быть предметом судебного разбирательства. *Dominium* не имеет, как таковой, имущественной коннотации, а характеризует прерогативы сеньора или, что точнее, его права в отношении имущества и личности вассала. Но можно ли сказать, что лежит в основе того отношения, которое характеризуется как «сейзина»? Действительно, скепсис в отношении бытования сейзины как некой символической процедуры еще в XII в. велик, но соответствующие глагольные формы можно найти в обоих трактатах. В первую очередь, это касается формул приказов (*saisiatis eum*), предписывавших шерифу восстановить потерпевшего в прежнем состоянии (вопрос о правомочности самого потерпевшего мог и не возникнуть). У Брактона встречается один раз активная форма *seisire* и один раз пассивная форма *seisiri*, но в том же значении — «вводить во владение». ⁸⁸ Гораздо чаще в обоих трактатах можно встретить форму *seisitus* (*saisiatus*), о двусмысленности которой уже было сказано. Трактаты показывают, что сейзина была универсальным концептом, понимаемым одинаково теми, кто имел с ней дело: судьи, составители документов, простые обыватели.

Так, все в той же «Глэнвилле» сказано (при изложении мы намеренно оставляем причастие без перевода) следующее: «...если окажется (*fuert*) в состоянии *saisiatus* тот, кому имущество перейдет вследствие дара при жизни дарителя никакой более отдаленный родственник не сможет оспорить дар». Где поставить запятую? После слова «дара» или после слова «дарителя»? Мы склонны понимать эту фразу так, что одаренный должен пребывать в состоянии *saisiatus* *при жизни дарителя*, т. е. акцент сделан на том, что одаренный пользовался приобретенным имуществом. И напротив, если состояние *saisiatus* наступает вследствие дара, то здесь гораздо правильнее понимать эту причинно-следственную связь как указание на совершенный акт сейзины: сделан дар — наступило состояние *saisiatus*, а значит — имел место акт сейзины. Сказанное касается и другой формулы — *saisiatus fuit die qua obiit*. ⁸⁹ Она уже встречалась нам раньше в судебных протоколах и даже в DB. Не подлежит сомнению, что главный акцент здесь сделан на факте принадлежности имущества лицу в день, когда он был «жив и мертв». Впрочем, ниже мы покажем, что такого рода принадлежность

не означала, что лицо пользуется этим имуществом, например, если оно находится у арендатора. Здесь *saisiatus* означало, скорее, признание полноты твоих прав по отношению к любому другому (и даже сеньору). Однако, в любом случае, видеть в этой формуле указание на акт представляется упрощением.

А как быть с многочисленными указаниями на акт сейзины, которые мы встречаем в документах? Оказывается, и Брактону он не был чужд. Действительно, в одном из фрагментов трактата сказано, что традицию можно совершать через дверной косяк и засов, а несколькими строками ниже речь уже идет о сейзине, которую совершают, «как говорят обычно» (*vulgariter dicitur*) *per fustem et baculum*, т. е. посредством «палки и посоха».⁹⁰ Более того, если обратиться к судебным протоколам, то в «Записной книжке» Брактона мы найдем примеры акта сейзины, совершаемого подобным же образом.⁹¹ Вероятно, таков же смысл высказывания: «...подошел к земле и совершил для него сейзину» (*accessit ad terram et fecit ei seisinam*).⁹² Сейзина продолжает оставаться реальной символической процедурой для Брактона, хотя он явно под влиянием римского права использует слово *traditio*, которая «есть не что иное, как ввод во владение», что является прямым заимствованием из Акцо.⁹³

Нечто подобное можно найти и в одном сравнительно раннем судебном споре (ок. 1200), когда передача купленного имущества сопровождалась передачей ключей, а права нового приобретателя были обусловлены актом сейзины.⁹⁴ Любопытно сходство с римским правом, где передача *владения* вещами на складе осуществлялась простым вручением ключей от склада вблизи такового, хотя вопрос о правомерности такого сравнения остается открытым.⁹⁵ Едва ли совершенно случайно в рассмотренной выше ситуации с передачей ключей писец использовал глагол *tradere*: *tradidit ei bladum illud et clavem grangie, et quod aliter de grangie ... numquam fuit saisiatu*s. Важно и то, что права покупателя (*emit ... bladum*) определены как права прошлого, по всей видимости, через обряд сейзины, а сам факт покупки уже свидетельствует о полноте прав приобретателя. Как бы там ни было, но акт сейзины, пусть он и скрывался под покровом «традиции», оставался живой реальностью для выдающихся представителей судейского корпуса.⁹⁶

Институт владения-сейзины в трактате Брактона

Со всей определенностью можно сказать, что сейзина и владение для Брактона это одно и то же, а примеров тому более чем достаточно. Брактон излагает обстоятельно мнение Павла о приобретении, удержании и утрате владения, как если бы он так же мыслил и сейзину.⁹⁷ Сам Брактон определяет владение следующим образом: «Владение есть не что иное, как удержание материального объекта ... поскольку нематериальными предметами (права и сервитуты. — *A. K.*) (*incorporalia*) нельзя ни обладать, ни приобрести их в силу давности, ни передать без того, чтобы передать одновременно и сам объект приложения прав (*res sine corpore tradi*)».⁹⁸ Действительно, передача прав и сервитутов, будучи нематериальной, превращает и саму традицию в фикцию, что, как мы видели, не исключало возможности акта сейзины в отношении служб вассала сеньору. Интереснее другое, Брактон добавляет, что владение есть не только удержание материального объекта, соединенное с намерением им обладать, но также и удержание с помощью права (*adminiculo juris*). Здесь видна дань Брактона тем концепциям, которые господствовали в его время. Потому мы склонны согласиться с мнением Ф. Жойона де Лонгрэ о несправедливости отождествления сейзины с владением Дигест, отождествления, столь свойственного его предшественникам (А. Хейслер, Ф. У. Мэйтланд и др.). Но при этом, если бы французский исследователь взял на себя труд проследить эволюцию содержания самого термина «владение» в период поздней античности и раннего Средневековья, он бы лучше понял истоки представлений Брактона о владении. Более того, противоречивость института владения в римском праве не позволяет полностью согласиться с пониманием Ф. Жойоном де Лонгрэ владения только как «факта».

В одном из пассажей Брактона (или его редакторов, поскольку речь идет об интерполяции) сказано, что наследники получают право собственности (*jus proprietatis*) сразу же, в то время как право владения (из всего контекста следует, что речь идет о фактическом обретении имущества) лишь после вступления в таковое.⁹⁹ Это положение перекликается с тек-

стом Яволена (ок. 60—ок. 120), с той только, впрочем, важной в свете сопоставления владения и сейзины разницей, что в Дигестах права (*jura*) все же отделены от владения, как если бы последнее правом не являлось (ср. у Брактона *jus proprietatis* и *jus possessionis*). Но, подобно Яволену, слово *possessio* у Брактона сопровождается квалифицирующим определением *naturaliter* (фактически).¹⁰⁰ Вслед за римскими юристами Бракстон различает два вида владения: *possessio naturalis* и *possessio civilis*.¹⁰¹ Принципиальным отличием одного от другого является, по мысли Брактона, намерение гражданского владельца воспринимать имущество как принадлежащее ему. Как бы Бракстон ни понимал «*animus*», поскольку он никаких объяснений не приводит, английский юрист, отталкиваясь от Дигест, использовал этот концепт в практических целях, пусть даже в трактате он рисует, скорее, гипотетическую ситуацию.¹⁰²

Так, практика бегства вилланов от своих сеньоров в достаточной мере подтверждается документами XIII в.¹⁰³ В такой ситуации необходимо было закрепить за лордами право истребовать своих крестьян обратно (мы оставляем здесь в стороне хрестоматийный «воздух города»). Надо отметить, что Бракстон, говоря о правах сеньора на таких крестьян, не использует термины *proprietas* или *possessio*, но говорит о *dominium* или *potestas*, которые сеньор утратит, если не будет искать таких вилланов.¹⁰⁴ Тем не менее в аналогичных ситуациях безразличие сеньора к судьбе имущества влечет за собой потерю сейзины владения.¹⁰⁵

Другой ракурс — это отношения внутри господствующего класса. Поход, паломничество, дробная структура владений англо-нормандской знати, переезд в город — все это могло вести к тому, что усадьба оставалась без присмотра и, следовательно, оказывалась уязвимой перед лицом посторонних. Бракстон прямо говорит о том, что паломник, равно как лицо, которое отправилось на рынок (учитывая рост английской экономики в XIII в., факт легко представимый), могут в свое отсутствие удерживать имущество за собой.¹⁰⁶ Если эти люди умрут на обратной дороге, то они будут считаться *seisitus*, что давало их наследникам основания вчинить иск для возвращения имущества (правда, в том случае, если их предшественник обладал

феодом), буде кто-то решит его присвоить. Здесь можно усмотреть известные параллели с римским правом.¹⁰⁷ Если же, будучи живым, такое лицо не захочет изгнать захватчика, то будет считаться утратившим владение. Иными словами, факт осознания лишения владения и желание этому препятствовать и есть содержание *animus*, мнение, высказанное Д. В. Дождевым применительно к римскому праву.

Подобным же образом складывается ситуация, когда кто-то по причине бедности оставляет владение, за которое не может нести службы, а вышестоящий лорд передаст эти владения другому лицу для обработки или, более того, на праве феода. Преступный владетель не утрачивает владение. Бывший «державший» (*tenens*), даже если умрет, считается «владеющим» (*satis moritur tenens seiscitus*), поскольку не утратил намерение владеть (*animo retinet civiliter*).¹⁰⁸ Как мы видим, Брактон даже не использовал причастие *possidens*.

Тот же вопрос о намерении относиться к вещи как своей, что можно адекватно передать словом *animus*, возникал и в случае, когда человек приобретал владение в здравом уме, а потом терял разум и умирал. Будет ли он *seiscitus* в отношении имущества?¹⁰⁹ Брактон отвечает на этот вопрос утвердительно, так как, даже сойдя с ума, человек считается владеющим *animo*. У Прокула (I век н. э.) речь идет о безумном, но в тех же словах: «*quia furiosus non potest desinere animo possidere*».¹¹⁰ При этом Брактон делает оговорку, что больной не сможет потерять владение до тех пор, пока пребывает в таком состоянии. У Аццо мы находим похожие рассуждения, но он говорит, напротив, о невозможности для безумного начать владеть или приобрести владение по истечении срока давности.¹¹¹

Брактон обосновывает свою позицию тем, что лицо, раз оно приобрело имущество, будучи здоровым, не может его утратить, являясь больным, поскольку для утраты нужно одновременно и намерение такой шаг предпринять, и фактическое оставление имущества.¹¹² Возможно, как и Прокул (правильнее, наверное, говорить о глоссаторах), Брактон хотел подчеркнуть именно отсутствие намерения перестать владеть. Если следовать Брактонову, то высказанное выше мнение Д. В. Дождева о природе *animus* как субъективной реакции на вторжение третьего лица применимо

к трактату только расширительно, а именно, субъективная воля от владения отказаться — один из главных компонентов *animus* владельца.¹¹³ Признание за таким безумным статуса «*seisitus*» вело к признанию за наследниками прав на имущество и обеспечивало им известные гарантии победы в возможном судебном споре. Как пример важности волевой составляющей владения можно сослаться на обязанность прежнего владельца оставить имущество без намерения (дословно, надежды) вернуться (*sine spe revertendi*) в качестве господина.¹¹⁴

Картину, изложенную в Дигестах, Брактон дополняет положением, которое в такой формулировке было неизвестно римским юристам. По мнению Брактона, владение может удерживаться и «телом ... после смерти, пока тело (умершего) не отделится от сейзины» (*et corpore tantum sine animo post mortem donec corpus a seisinā effertur*).¹¹⁵ Эта максима была хорошо известна французскому обычному праву, а возможно, является как раз заимствованием из него.¹¹⁶ К. Гютербок обратил внимание на оригинальность рассуждений Брактона, но полагал, что тот не сделал из этого положения никаких практических выводов.¹¹⁷ Если Брактон и не сделал выводов, то подметил практику, нашедшую отражение в его «Записной книжке». В ней до нас дошло несколько дел, где стороны ссылаются на то, что умерший продолжал удерживать сейзину за собой, но смысл этой ссылки не всегда ясен. Суть одного из споров заключалась в том, что истец пытался представить себя лишенным сейзины на усадьбу (*mesuagium*). Однако жюри присяжных показало, что его отец никогда не оставлял ему имущество на праве сейзины. Тем самым ответчики, некто Йолан сотоварищи, не могли совершить акт лишения сейзины. Более того, члены жюри посчитали нужным еще добавить, что ответчики заняли этот двор только тогда, когда тело было погребено, т. е. лишний раз подчеркнули, что лишение сейзины места не имело.¹¹⁸ Подобного рода дополнение кажется нам излишним, но оно могло иметь смысл в глазах участников процесса.

Максима «мертвый создаст сейзину живому», как полагал В. Шоффур, была фикцией, необходимой для поддержания общественного порядка, но имеет корни в римском праве.¹¹⁹ Здесь особое значение приобретает Ульпиан, с текстами которого,

опять же в переложении глоссаторов, Бракton был хорошо знаком. Ульпиан же пишет следующее: «Ведь наследство представляет не личность наследника, а личность умершего, что установлено многими положениями гражданского права».¹²⁰ Раз наследство представляет собой личность умершего, то из этого можно сделать логический вывод (не сделанный римскими юристами) о возможности удержания владения умершим. Собственно говоря, здесь не остается место «лежащему наследству». Со ссылкой на Павла похожие соображения высказывал и Ф. У. Мэйтланд.¹²¹ Но нельзя исключать и то объяснение, что в этой максиме нашло отражение представление о ссйзине как изначально фактической связи *pro suo*, о которой пишет В. А. Савельев как об исходном элементе владения, как то, что «мы приобретаем на суше, на море или у врагов». Такая тесная связь лица и принадлежащего ему имущества могла не прерываться даже его смертью, пока тело умершего присутствовало в границах названного имущества. Любопытно, однако, что в «Глэнвилле» мы не найдем даже намска на такую ситуацию, что свидетельствует о возможном влиянии именно римского или обычного права на концепцию Брактона. Не стоит забывать о том, что связи Франции и Англии в этот период, и уж тем более раньше, были весьма прочны, а элита английского королевства совсем недавно еще была, и по языку оставалась, французской.

В заключение этого раздела стоит сказать, что римские юристы допускали владение и *res incorporales*, что само по себе могло служить обоснованию возможности «двух владений» на одну вещь. Действительно, сервитут, по общему мнению, владением не являлся, однако у Яволена мы находим высказывание о том, что пользование сервитутом рассматривается как бы в качестве передачи владения, что своим следствием имеет установление как бы владельческих интердиктов.¹²² При этом имущество, обремененное сервитутами, принадлежит другому лицу (владельцу/собственнику), т. е. здесь как бы сталкиваются два владельца: один — физическим объектом, другой — правом его использовать по своему усмотрению некоторым образом. Бракton также придерживался мнения, что именно пользование имуществом делает положение того, кто пользуется, подлинным (*vera*).¹²³ Институт «*quasi possessio*» мы находим и у Аццо, однако последний

говорит о защите сго интердиктами, о чем у Брактона речи нет.¹²⁴ Акт сгой сейзины оформлял права на службы и, как следствие, сами они могли мыслиться как сейзина.¹²⁵ Брактон пишет, в частности, об акте сейзины на право, которое относится или к вещи (сервитут) или к персоне (службы).¹²⁶

В свете сказанного несомненный интерес представляет вопрос о том, допускал ли Брактон два владения (две сгой сейзины) на одну вещь. Ф. Жойон де Лонгрэ такую постановку вопроса считал неприемлемой. Естественно, будь сейзина только фактом, представить такое было просто невозможно, что лишний раз и подтверждает сго мнение о нестождественности римского владения и сейзины. Не отрицая известную правоту французского коллеги, хотелось бы, по крайней мере, выяснить, всегда ли речь идет о равном объеме оспариваемых прав. Иными словами, требуют ли себе лица имущество на одном и том же праве? Ведь если мы учтем, что право собственности в тех условиях материализовывалось в ренте, в отношении одного и того же объекта несколько лиц извлекали свою долю ренты и, следовательно, обладали своей долей права собственности. И здесь, смеем думать, вновь помогает понимание сгой сейзины не только как фактической ситуации, но и как процедуры, имевшей юридические последствия. Именно потому, что предшественники мало обращали на это внимание, выходило так, что держатели на срок лет не обладали сгой сейзиной на свободное держание. В действительности же, они не были *seisitus* в отношении свободного держания, но их отношение к имуществу могло быть определено как сейзина.

Можно полагать, что мы имеем дело с нетипичным для римского права, но бытовавшим там прекарием, причем словом «*precarium*» Брактон обозначает отношения между лицом, которое он же называет фирмарием, и вещью, в других фрагментах определяемых совсем уж явно под влиянием римского права как *in possessione esse*. То, что Брактон описывал реальную ситуацию, видно на примере дела, слушавшегося, правда, в церковном суде о захвате церкви. В документах подобного рода встретить термины, как то *possessio*, представляется нам даже более естественным.

В ходе спора истец, коим выступил управляющий церкви Роберт, ранее лишенный возможности управлять ею и дальше, был спрошен о правах того, от чьего имени он управлял: *requisitus cuiusmodi possessionem habebat*. Роберт ответил *quod naturalem et civilem*. А на вопрос, каким образом владел сам священник, которого тоже звали Роберт, был получен ответ: *magister Robertus phisicus per predictum Robertum procuratorem*. Противопоставление владящего (магистра Роберта) и находящегося во владении (управляющего Роберта) очевидно.¹²⁷

Владение двух лиц на одну вещь

Для Брактона различие между *possidere* и *in possessione esse* проходило по линии признания публичной властью правосубъектности за их носителями (т. е. владело ли лицо *nomine suo* или *nomine alieno*).¹²⁸ Например, римское право отрицало ее, а следовательно, и интердиктную защиту за колонами, рабами, слугами, квартиросъемщиками и т. д. А вот узуфруктуар подлежал интердиктной защите. То же справедливо и для обладателя прекария (только в отношении третьих лиц).¹²⁹

Антитезу Брактона о *seisitus* и «быть в сейзине» (*in seiscina esse*) можно понять в свете выдвинутого положения о важности процедуры сейзины и тех прав, которые она обеспечивала, чтобы отнести того или иного обладателя имущества к одному из двух разрядов.¹³⁰ Иными словами, в ходе судебного разбирательства судьи могли столкнуться с ситуацией, когда лицо либо оказывалось, пусть и формально, прошедшим через акт сейзины, либо лицом, которое обладало имуществом *nomine alieno* и защите королевских судов подлежало далеко не всегда. Можно полагать, что судьи исходили из статуса имущества, поскольку квалифицировать отношения лица и имущества как *seisitus* можно было только применительно к определенным формам землевладения.

Впрочем, выражение «*in seiscina esse*» Брактон мог применить и к тем, кого он считал «*seisitus*», например дети и мать, получившие совместно феодал, но не наоборот. Хотя Брактон использует выражение «быть в сейзине», очевидно, что они

«seisitus», поскольку имущество со статусом феода приобреталось, как мы видели, посредством такого акта. Если они будут изгнаны сеньором, то получают право вчинить иск по приказу «о недавнем лишении владения».¹³¹ Можно вспомнить и «Глэнвиллу», где речь идет о вдове «в сейзине», между тем как она могла приобрести вдовью долю и путем соответствующей процедуры.

При анализе института владения-сейзины у Брактона было бы неверно искать прямые параллели между тремя, подчеркнем, реконструируемыми типами владений римского права: *possessio naturalis*, *possessio ad interdicta* и *possessio ad usucapionem*. По мнению Д. В. Дождева, те, кто принадлежал к первой группе, — не имели «*animus possidendi*», а потому не могли рассчитывать на преторскую защиту и уж тем более не могли обрести *dominium* на основании давностного срока (*usucapio*).¹³² В трактате Брактона список лиц, которые пользуются имуществом от имени подлинных владельцев, находит известные параллели с римским правом.¹³³ Вторую группу владельцев можно условно сравнить в английском праве с теми, кто был «seisitus».¹³⁴ Наконец, «*possessio ad usucapionem*», когда добросовестный владелец мог спустя определенное время превратиться в «собственника» (*dominus*), можно рассматривать как частный случай «*possessio ad interdicta*». Любопытно, что захватчик и *possessor malae fidei* в глазах Брактона могли быть то *seisitus*, то нет. С одной стороны, они получали защиту в королевских судах против любого не-владеющего, а против подлинного господина (*dominus*) — спустя некоторое время.¹³⁵ В последнем случае, очевидно, Бракстон следовал уже известной нам максиме римского права о лучшем положении владеющего.¹³⁶ Не причисляя таких держателей к категории *seisitus* в общем случае, в ситуации *судебного спора* Бракстон мог таковых рассматривать как *seisitus*. Ведь признавая, что они обладают «свободным держанием» для того, чтобы обосновать процессуальную защиту захваченного ими имущества, он косвенно признавал их «владеющими» и, как следует из сказанного выше, *seisitus*. Но только с точки зрения судопроизводства. Причина же, по которой Бракстон не считает таковыми другие категории держателей *nomine alieno*, могла корениться в том, что их положение было

обусловлено договором с подлинным владельцем, а в случае с захватчиком или лицом, вторгнувшимся в пределы пустующего владения, — нет.

То обстоятельство, что ситуация «быть в сейзине» у Брактона тождественна держанию от чужого имени, лишало такого держателя возможности рассчитывать на действительную судебную защиту.¹³⁷ Нельзя сказать, что такие держатели никак не защищались. Например, фирмарий (арендатор) мог прибегнуть к специальному приказу «*ad recuperandam firmam*», но, вероятно, процессы по таким приказам все равно были менее действенны (так, в той же «Записной книжке» казусы с фирмариями можно пересчитать по пальцам), нежели ассизы.¹³⁸ «Плоды», то есть движимое имущество, не рассматривались как фригольд (*liberum tenementum*), такой фирмарий не мог рассчитывать на судебное разбирательство по ассизам.¹³⁹ Как видно из пассажа Брактона, фирмарий признавался в состоянии *seisitus* (о некой символической процедуре в этом случае можно говорить лишь гипотетически) на плоды, но вот главное богатство — земля, в отношении которой был *seisitus* тот, кто эту землю предоставил, принадлежало не ему. В конце концов, если вспомнить ситуацию с летними пастбищами, такому владельцу необязательно было постоянно присутствовать в границах участка, который он предоставил арендатору. Достаточно было осознание им того, что арендатор держит от его имени. Следует помнить и о том, что Брактон выделяет два типа владения: естественное и цивильное. Принимая во внимание этот факт, можно полагать, что Брактон допускал не две сейзины на одну вещь, а два типа сейзины, когда сама процедура отчуждения имущества предполагала и разные основания (*causa*) таковых.

Causa и два владения на одну вещь

Обращение к слову «*causa*» сближает Брактона с германским гражданским правом, нежели с правом римским. В то же время, коль скоро римское право допускало разные основания (*causa*) владения, то можно предположить, что Брактон заимствовал саму возможность разных оснований, но использовал

ес для описания чисто средневесковых реалий, как это видно на примере фирмария, получившего имущество путем традиции (*tradiderit ad firmam*).¹⁴⁰ Если то же имущество передавалось другому лицу на праве феода (*de eodem tenemento feoffaverit*), то противоречия здесь нет, так как основания (*causa*) обоих дарений были различны: в одном случае речь шла о традиции с целью передать имущество на праве фирмы (т. е. традиция здесь касалась не земли, а доходов), в другом — о традиции для обретения лицом имущества со статусом феода. А потому, как сказано в трактате, «хорошо друг с другом согласуются два владения (две сейзины. — *A. K.*) на одну вещь» (*bene sese compatiuntur de eadem re duae possessiones*).¹⁴¹ Очевидно, как мы только что отметили, фирмарий будет *seisitus* в отношении доходов (движимости), но в отношении земли рассматриваться как *in seisinā esse* (*possessio naturalis*). Напротив, того, кого можно было бы определить как *possidens civiliter*, следует рассматривать как *seisitus* в отношении самого имущества. Разумеется, оба извлекают ренту (или один получает доходы непосредственно, а второй — ренту) и, таким образом, оба выступают субъектами производственных отношений, но вот юридическое их выражение (отношения собственности, по К. Марксу) будет различным.¹⁴²

Нечто подобное мы находим и в римском праве, где узуфруктуар назван «натуральным владельцем»: *naturaliter videtur possidere is qui usum fructum habet*.¹⁴³ Цивильный же владелец называется Брактоном *propriarius*.¹⁴⁴ Скажем больше, лицо, получившее феодал, вполне могло рассматриваться как собственник этой земли, поскольку стоявший над ним сеньор был «*seisitus*» только в отношении служб (*de servitio*, об этом ниже), а реальное обладание, экономическая власть и львиная доля извлекаемой ренты доставались непосредственно вассалу. Тем самым римская оппозиция «узуфруктуар — обладатель *proprietas*» получала здесь известную аналогию.

В этой связи любопытно отметить использование римской максимы о невозможности для владельца изменять каузу владения. В случае отчуждения имущества со статусом феодала, прежний его обладатель уже не мог передать имущество на тех же условиях другому лицу, так как даритель не может менять ос-

нование владения (*causa possidendi*). Иными словами, он не имеет права предоставить одно и то же имущество на одних и тех же условиях (*causa*), т. е. с одними и теми же юридическими последствиями, двум разным лицам.¹⁴⁵ Нельзя ли предположить, что Брактон заимствует из римского права формулу «никто сам себе не может изменить основание владения» (*nemo sibi causam possessionem mutare potest*)? Между тем акцент у него смещен. Ведь в римском праве речь шла о том, что лицо, владеющее на одном праве, не может самостоятельно придать имуществу другой статус. Например, держатель не мог превратиться во владельца без участия подлинного владельца, или покупатель не мог утверждать, что владеет как наследник. Брактон полагает, что передача фирмарию прежним обладателем имущества со статусом феода тех же прав, что и новому обладателю феода, не превращает фирмарию в полноценного *dominus*. По этой причине, очевидно, если такой фирмарий изгонит лицо, которому имущество было передано со статусом феода, то потеряет и держание (*tenementum*), и свои доходы (*firma*). Основанием для этого как раз и мог служить принцип «*nemo sibi causam possidendi mutare potest*», хотя в проанализированном актовом материале ссылки на него неизвестны.

В другом пассаже говорится, что лицо, предоставившее имущество со статусом феода несовершеннолетнему, не может изменить правовое положение имущества, если подобное изменение ведет к ухудшению статуса, т. е. не может передать несовершеннолетнему имущество на срок нескольких лет или на всю жизнь.¹⁴⁶ Напротив, изменение основания владения возможно, если ведет к улучшению положения, как в случае, когда лицо, являющееся проприетарием, сначала предоставит другому только «голое пользование» (*nudum usum*), а затем узуфрукт («*usus*» и «*ususfructus*» в римском праве были двумя разными институтами).¹⁴⁷ Подобным же образом лицо, обладающее лишь свободным держанием (например, держатель на срок жизни), получает феодал (т. е. наследственное имущество). Непременным условием всех названных изменений являлось явное выражение воли того лица, от которого зависело изменение статуса, что, как полагают, соответствовало второму смыслу формулы «*nemo sibi...*» в римском праве.¹⁴⁸

По этой же причине фирмарий терял и феод, и сейзину. Считая себя обладателем феода (но на деле таковым не являясь), он молчаливо (*tacite*) отказывался от своей фирмы, т. е. сам себе изменял основания владения, не имея для этого основания. А потому, заключает Бракто́н: «То, что сказано о двух, можно сказать и о многих, которые последуют за получившим феод». Иными словами, максима «*nemo sibi*», перекликающаяся с положением Дигест, была истолкована Брактоном расширительно.¹⁴⁹ К сказанному примыкает и коллизия с фирмарием.

Коллизия с фирмарием

Английский судья рассматривает, как это нередко бывает, конфликтную ситуацию. С одной стороны, — это фирмарий (арендатор), с другой — лицо, которое предоставило ему имущество на праве фирмы, обладая соответствующими правомочиями (*proprietary, feoffator, verus dominus etc.*). В том случае, когда Бракто́н противопоставлял фирмарию или пользователя имущества с извлечением доходов (узифруктуара римского права) и, условно говоря, «собственника», первый, как уже ясно из изложенного выше, оказывался *seisitus* на плоды, но *в сейзине* в отношении недвижимости, в то время как проприетарий находится в прямо противоположной ситуации.¹⁵⁰ Бракто́н систематически повторяет, что фирмарий держит от чужого имени.¹⁵¹ О фирмарию (которого Бракто́н называет одновременно и узифруктуаром) он говорит, как о том, кто обладает *naturalis possessio*, но, в отличие от римского права, подчеркивает, что он владеет от чужого имени (*in possessione esse*).¹⁵² Когда выше шла речь о двух сейзинах (владениях) на одну вещь, имелось в виду такое разделение: владение гражданское, остававшееся за тем, кто получал имущество как феод и владение натуральное, которым обладал фирмарий. Именно в этом контексте и идет речь о двух владениях. Нам не кажется, что эта ситуация разительно отличается от римского права, по крайней мере в контексте прекарного держания.

Надо признать, что срочная фирма (*ad terminum annorum*) вообще редко оформлялась документально и, очевидно, ред-

ко попадала на страницы судебных протоколов.¹⁵³ Тем не менее в «Записной книжке» есть красноречивая зарисовка того, как могли складываться отношения между тем, кто считался *seisitus*, и тем, кто был просто «в сейзине». Некто Иордан вчинил иск по ассизе «о новом захвате» против Хамона. Иордан утверждал, что он получил имущество как феодал с двумя сидящими там фирмариями с условием, что они продолжают там пребывать (*salvo termino suo*). Иордан, не желая оставлять фирмарию, как сказано в источнике: «Поступил так с одним из них, что тот покинул землю до истечения срока» (*tantum fecit cum uno de firmariis ... quod ille dimisit terminum suum*). После этого участком завладел Хамон и собрал урожай зерна (*blada asportavit*), тем самым совершив акт лишения сейзины (*disseisivit*). Как мы видим, подлинным *seisitus* и обладателем «свободного держания» был Иордан, который вполне мог «выжить» фирмарию, человека, возможно, материально стесненного и низкого происхождения.¹⁵⁴

Может лишь вызывать вопросы определение «собственник», которое даст Брактоном обладателю феодала, противопоставляя его фирмарию, а вовсе не *possessor*. Скорее всего, дело здесь объясняется не только известным смещением владения и доминия в средневековом праве, но и, что важнее, пониманием Брактоном природы *proprietas* как правомочия не владеющего собственника (которого более уместно в условиях средневекового права обозначать словом *possessor*) по отношению к не-собственнику (чей статус четко определен и кто может считаться только натуральным, а не гражданским владельцем). Заимствование термина *propriarius* прямо вытекало из понимания отмеченной оппозиции как оппозиции судебного спора, о чем мы отдельно скажем ниже.

В другом фрагменте, представляющем, правда, интерполяцию, речь идет о способах приобретения владения через третьих лиц. К таковым относится и случай с сеньором, который находится в сейзине, пока не будет установлено точно, кто наследник. Однако автор пассажа дает понять, что следует различать *possessio sub nomine alieno*, как пытается представить дело сеньор, и сейзину от своего имени. Сеньор может не отдать наследнику, даже признанному законным, его наследство, избора-

жая себя представителем наследника. Напротив, автор интерполяции считает, что сеньор лукавит: хотя и утверждает, что он пребывает в сейзине от имени наследника, но это утверждение неверно, так как сам наследник сейзину по этой причине не получит (*quamvis dicat quod sit in seiscina sub nomine talis heredis, non valet, quia per hoc non erit heres in seiscina*).¹⁵⁵ Тем самым и здесь можно говорить о противопоставлении сейзины от чужого имени состоянию (пусть только превратно понимаемому), определяемому как *seisitus*.

*Владение (сейзина) и proprietas
в трактате Брактона*

Если вопрос о соотношении узуфрукта и *proprietas* остается открытым, поскольку Брактон (или его редакторы) не определились с содержанием узуфрукта (он систематически противопоставляется праву собственности, но не рассматривается как часть доминия), то, противопоставляя *proprietas* и *possessio*, Брактон не только следует в русле традиции XII—XIII вв., но и представлений, изложенных в Дигестах.¹⁵⁶ В английском праве, равно как и в римском, материальная составляющая права тесно связана с наличием соответствующей процессуальной защиты, причем процессуальный аспект занимает, очевидно, господствующее положение по отношению к вещно-правовому.¹⁵⁷

Потребность возвращения лицу отнятого у него имущества (*disseisina*) породила практику, когда судьи проводили различие между фактическим владением (сейзиной) и правомочностью лица, которые могли не совпадать. В первой половине XII в. для возвращения имущества необходимо было доказать, что потерпевший имеет на него право.¹⁵⁸ Ситуация изменилась при Генрихе II, когда процедура возвращения владения предполагала обоснования притязаний, но решение, принятое при расследовании по ассизам, не было окончательным.¹⁵⁹

Заимствование термина *proprietas* диктовалось теми же соображениями, что и в римском праве: определить положение сторон в судебном споре и, в конечном итоге, придать определенность размытому слову *jus*. Действительно, уже в «Глэн-

вилле» термин *proprietas* встречается чаще, чем *доминий*. Оправданно переводить его как право, которое принадлежит лицу, передавшему это имущество (в действительности, причитающиеся с него материальные и нематериальные доходы) на определенных условиях и, следовательно, им не располагающему. При этом все примеры *proprietas*, так или иначе, отсылают к ситуации судебного спора, а сами эти иски квалифицируются как иски о собственности (*ista quidem placita solummodo super proprietate rei proditae sunt*). Среди них названы иски об оммаже и уплате релъфа, о долгах светских лиц, иски о праве представления клирика на приход (*advocatio*) и ряд других.

Аналогичным образом дело обстояло и тогда, когда в судах графств разбирались иски о лишении владения. В случае неявки ответчика имущество попадало в руку короля, а по истечении пятнадцати дней (*si infra illos quindecim dies non venerit*) присуждалось истцу. Однако речь шла только о ссейзине, так что ответчик мог позже вчинить иск, доказывая свое «право собственности» на основании приказа «о праве» (*super proprietate per breve domini regis de recto*).¹⁶⁰

Мы, разумеется, не ставим перед собой задачу рассмотреть все случаи употребления термина *proprietas* в трактате Брактона, но обратимся к ряду крайне любопытных и показательных фрагментов. Наиболее интересным представляются следующие: прямая параллель с Ульпианом в том, что «между владением и собственностью нет ничего общего» и замечание Брактона о существовании нескольких прав собственности. И тот и другой фрагмент вызывали и вызывают споры среди исследователей.

Что касается первого из них, надо сказать сразу — мы имеем дело с интерполяцией, и, следовательно, не знаем, что думал об этом сам Брактон. Вместе с тем нельзя не отметить, что в ряде случаев противопоставление владения и собственности встречается в тех фрагментах трактата, которые можно приписать Брактону.¹⁶¹ Нам представляется, что многие проблемы с приведенной цитатой из Ульпиана разрешатся, если мы согласимся с мнением В. А. Савельева, что «Ульпиан установил в данном фрагменте лишь различия между *proprietas* как правом на принадлежность и владением в процессуальной сфере. Ведь упоминаемый выше Ульпианом интердикт *uti possidetis*

квалифицировался в римской юриспруденции как *proprietas controversia* (спор о праве принадлежности; см.: D. 43.17.1.3)». И, продолжая, исследователь замечает: «Что касается владения, то этот термин, по мнению римского юриста Павла, характеризовал фактическое обладание вещью, ее принадлежность конкретному лицу. *Proprietas* также обозначала ... принадлежность вещи конкретному лицу, которая, однако, носила строго юридический, а не фактический характер. Более того, фактически проприетарий был, как правило, лишен возможности пользования своей вещью, не имея *ius utendi fruendi*».¹⁶²

Действительно, первый раз право владения противопоставляется праву собственности в ходе расследования о неправомерном лишении владения (*nova dissaisina*). Такая ситуация представима, например, в случаях, когда судья, прежде чем вынести решение о том, кому должно остаться спорное имущество, пытался установить статус тяжущихся или статус спорного имущества, так как, например, арендатор (фирманий) или виллан не имели прав необходимых для того, чтобы вернуть его себе.¹⁶³ Это мог сделать только тот, кто предоставил имущество, ставшее предметом спора. Однако в конечном итоге судья должен был выносить решение не о праве собственности (принадлежности), а только о праве владения. Именно поэтому в трактате сказано: «Ничего общего не имеет владение с собственностью, когда речь идет о вынесении судебного решения, хотя <может иметь> в случае расследования <о праве владения>».¹⁶⁴

Брактон указывает, что судебное разбирательство о праве (*de recto*) следует отложить (дословно, «находится в подвешенном состоянии», *suspenditur*) до того момента, пока не будет выяснено, кому причитается владение и в суде какой юрисдикции, королевском или графства, должно слушаться дело.¹⁶⁵ И, как бы подводя итог, отмечает, «когда после расследования останется владение держателю, только тогда в суде будет разбираться вопрос права между сторонами».¹⁶⁶ Если же после расследования (*recognitio*) владеющий потеряет сейзину, проигравший может вчинить новый иск, но уже прибегнув к приказу «о праве» так как этим приказом можно воспользоваться независимо от того, как было решено дело в споре о владении.¹⁶⁷

В другом фрагменте Брактон рассматривает приказ «о родстве» (*de consanguinitate*), который предписывал шерифу вернуть имущество наследнику умершего родственника, если тот им обладал в день смерти как феодем (*fuit seisitus in dominico ut de feodo*).¹⁶⁸ Как подчеркивает Брактон, в случае, если в ходе спора истец ссылается не только на то, что его предшественник обладал имуществом, но и обладал им по праву (*de jure*), то приказ становится недействительным (*caderet breve*), так как вопрос о том, кому принадлежит владение, подменяется вопросом о собственности, т. е. о правах самого умершего на обладание этим имуществом.¹⁶⁹ И, как бы делая акцент, Брактон продолжает: «Весь в *этом* владение и собственность не имеют ничего общего».¹⁷⁰ Оговорка «в этом» относилась к тем правилам судопроизводства, которых следовало придерживаться в зависимости от того, шел ли спор о восстановлении фактической связи лица и имущества или же решался вопрос о том, кто из претендентов обладает большим правом.

Иными словами, термин *proprietas*, которым охватывался некий набор фактов в прошлом, дававшим основания пользоваться и распоряжаться имуществом, квалифицировал положение истца и ответчика в споре, а не абстрактный концепт «собственность». В этом Брактон был близок римским юристам. Иными словами, английский судья лучше понял своих римских коллег, чем специалисты по римскому праву XIX—XX вв. с их попытками отождествления *dominium* и *proprietas*, которые в свете проделанного исследования и применительно к английским реалиям XIII в. представляются нам неверными.

Исследователей смущает тот фрагмент трактата, представляющий, надо сказать сразу, интерполяцию, где утверждается, что могут существовать несколько прав собственности (*plura possunt esse iura proprietatis*). Ф. Жойон де Лонгрэ высказался достаточно резко, назвав это утверждение «сресью для цивилиста», так как в римском праве собственность (*proprietas*) являлась категорией абсолютной.¹⁷¹ Думается, что французский исследователь (как многие до и после него) смешал *proprietas* и *dominium*.

Между тем у Брактона речь идет о правах наследников, так что *proprietas*, понимаемой как правомочия, необходимые для

иска, без сомнения, обладал каждый из наследников. Абсолютный характер прав был возможен только перед лицом суда, в то время как в действительности «многие могут обладать лучшим правом, чем другие, так что будут те, кто ближе (на лестнице родства. — *A. K.*) и те, кто дальше» (*plures possunt habere majus jus aliis secundum quod fuerint priores et posteriores*).¹⁷² И действительно, несколькими предложениями выше мы читаем: «...здесь были два права собственности, <которые принадлежали> разным нисходящим линиям и разным лицам, но один будет иметь лучшее право собственности из-за преимущества как это видно на примере предрожденного брата (т. е. старшего по линии родства. — *A. K.*) и его наследников...».¹⁷³ Главное отличие от римских реальных состояло в другом счете родства.¹⁷⁴

Обращаясь к конкретной практике, приходится признать, что в спорах о возвращении сейзины наряду с установлением самого факта насилия и лишения имущества нередко поднимался вопрос и правомочий лица на это имущество. В ряде случаев, однако, речь шла не о том, кто имеет право, а о том, насколько обоснованно стороны используют средства процессуальной защиты. Ведь английское право было очень формализовано, так что ошибка в формуле приказа была чревата проигрышем дела.

Например, ассиза о «недавнем лишении владения» предполагала наличие свободного держания, совершенно неизвестного римлянам, незаконное лишение пользования таковым, лично свободный статус участников спора (так как вилланы были исключены из-под юрисдикции королевских судов по принципу *exceptio villenagii*). Естественно, что в ходе расследования необходимо было установить все детали, поскольку в противном случае приказ лишался смысла, а виновные в нарушении правил судопроизводства платили штраф. Так, в «Записной книжке» Брактона содержится несколько дел, в которых стороны выясняют отнюдь не правомочность лиц на спорное имущество, а то, свободные ли это люди или нет.¹⁷⁵ В другом документе идет речь о том, что истец признается сам захватчиком, так как он, лишив до этого законного наследника имущества, пребывал в сейзине не более трех дней, т. е. срок недостаточный для обретения свободного держания.¹⁷⁶ В таком случае речь шла не

о том, кто имел больше или меньше прав, но о том, должна ли ассиза вообще иметь место.

В другом деле истец требовал себе свободное держание по закону Англии, т. е. право на имущество жены после ее смерти при наличии у них общих детей. Однако ответчик, аббат Эйншма (Оксфордшир), утверждал, что дети родились не в законном браке, а потому ассиза не должна иметь место.¹⁷⁷ Истец проиграл дело. Казалось бы, вопрос о ссизине уперся в вопрос о праве, что вроде бы противоречит высказываниям самого Брактона: вопрос о собственности (юридической принадлежности имущества) решается лишь после рассмотрения вопроса о владении. Однако и здесь речь шла не столько о правах вдовца, сколько об обоснованности его претензий требовать себе имущество. Дети-то были, да вот только оказались незаконно-рожденными. Стоит, впрочем, отметить, что нередко дело вообще откладывалось, и мы остаемся в неведении, как же оно было решено в итоге.

Нам представляется, что адекватно можно понять Брактона, только изучая владение и собственность в их развитии. Собственность как нечто абсолютное можно представить только в контексте судебного спора, когда существует только одно лицо, которому можно присудить вещь со всей совокупностью прав на нее. Разумеется, в условиях феодальной Европы такое вряд ли было возможно безусловно, но если иметь в виду фактическую власть над имуществом и извлечение ренты, а не феодальные службы и платежи, то система работала именно так. У Брактона систематически речь идет об отношениях между равноправными контрагентами, т. е. он мыслит скорее в горизонтальном, а не вертикальном измерении.

Напротив, рассматривая собственность как определенный набор конкретных правомочий, надо признать, что абсолютная собственность в том виде, как ее пытались представить романисты и цивилисты прошлых лет, такая же фикция, как и теория двух собственности в учебниках римского права. Например, то же императорское законодательство III в. всячески ограничивало собственность, не говоря уже о том, что итальянские *domini* были обременены налогами так же, как провинциальные *possessores*. И владение, и собственность покоились не на пра-

ве как таковом, а на фактах, которые признавались правообразующими. И собственность, и владение приобретались в ходе определенных процедур. И до тех пор, пока сохранялись формальные отличия, сохранялось и различие в том, что же лицо приобретает, собственность или владение. Как только все эти различия (*res mancipi* и *res mancipi*, *mancipatio* и *traditio*, квинтская собственность и преторская) были стерты Юстинианом, традиция стала универсальным способом приобретения доминия, процесс, шедший параллельно с расширительным (вплоть до отождествления) употреблением термина «владение». Эта практика была унаследована и средневековым правом. Отделить владение от собственности можно было в сфере процесса, но вряд ли просто это было сделать, если рассматривать их как институты права вещного. Для полноты реконструкции имущественных отношений, по крайней мере в том виде, как они предстают в трактате Брактона, необходимо рассмотреть такой институт, как *dominium*.

Dominium в трактате Брактона

Слово *dominium* (чаще в творительном падеже с предложением *de*) в текстах того времени встречается нередко, преимущественно в значении «господство» или «власть» без какой-то конкретизации.¹⁷⁸ Не следует *dominium* сводить и к *domenu*, т. е. рассматривать это слово как указание на собственно господскую землю, в отличие от крестьянских держаний или держаний вассалов.¹⁷⁹ На примере «Глэнвиллы» мы уже видели, что это не так. В DB, по мнению Ж. Нирмейера, словом *dominium* обозначают право собственности (*droit de propriété*, *right of property*).¹⁸⁰ Этот вопрос на примере «Декрета» Грациана (ум. ок. 1159) был рассмотрен Ф. Демутен-Озари. Она пришла к выводу, что Грациан отделял *dominium* от *proprietas*, как некоторым образом ограниченное право на вещь, но в то же время последовательно противопоставлял *dominium* владению (*possessio*) и простому праву пользования (*usus*).¹⁸¹ По ее мнению, *dominium* занимал подчиненное к *proprietas* положение, обозначая, скорее, юридическую возможность реализовать то, что выражалось

термином *proprietas*.¹⁸² Исследовательница подчеркнула также, что слово «*proprietas*» применялось только к имуществу, в то время как слово *dominium* могло использоваться в значении «административная власть епископов» и вообще касалось сферы межличностных отношений.¹⁸³ Как бы там ни было, Ф. Демуллен-Озари пришла к не очень утешительному выводу: «Декрет не позволяет дать *dominium* и *proprietas* какое-то одно конкретное определение».¹⁸⁴

В «Записной книжке» Брактона мы находим слово *dominium* всего один раз, но не в протоколе конкретного дела, а в общих рассуждениях о природе имущественных прав. Этот фрагмент будет в точности воспроизведен в трактате, причем, очевидно, является аутентичным и не представляет собой интерполяцию. Всего же в трактате Брактона слово *dominium* значительно уступает *possessio*, хотя и превосходит *proprietas*.

Трактат Брактона позволяет выделить по меньшей мере три значения слова *dominium*: власть, обусловленная неким волевым решением: право сеньора требовать от вассала исполнения им своих обязательств, что можно определить как персонально-правовое содержание термина *dominium* и, наконец, *dominium* в значении «объем прав на имущество», в чем выражается вещно-правовое содержание интересующего нас термина. Нас будут интересовать две последние характеристики постольку, поскольку при их сопоставлении, вещное содержание слова *dominium* приобретает большую определенность.

Доминиум в системе вассальных отношений

Особенности социальной системы, которую историки привыкли определять термином «феодализм», накладывали свой отпечаток на терминологию источников. Неудивительно, что словом *dominium* определяли отношения сеньора и вассала. Более того, в одной из рукописей трактата вместо слова *dominium* в том же контексте можно встретить слово *dominus*.¹⁸⁵ Приметой времени было достаточно размытое представление о правовых полномочиях вышестоящих сеньоров (*domini capitales*) по отношению к вассалам. Отчасти это объясняется распылен-

ностью владений и сложностью контроля за своими собственными вассалами, отчасти — политикой английских королей, которые с XII в., вольно или невольно, своими реформами дисциплинировали судебную власть сеньоров, приводя ее к упадку. Как бы там ни было, многочисленные королевские расследования этого времени показывают, что люди даже не всегда четко представляли себе, от кого именно и на каком праве они держат.¹⁸⁶

В трактате отмеченные изменения отразило, как можно полагать, выражение «*nudum dominium*», которое было бы неверно отождествлять с *nuda proprietas* римского права.¹⁸⁷ Для Брактонa *nudum dominium* это тот, если так можно выразиться, «сухой остаток» правомочий сеньора, принявшего оммаж, требовать от вассала исполнения своих обязательств, которые сеньор сохраняет за собой после передачи вассалу имущества. Английский юрист отмечает, что коль скоро прежний владелец передал имущество со всей полнотой прав одному лицу, он уже не может передать аналогичные права третьему, так как не имеет ничего, кроме *nudum dominium*.¹⁸⁸ Такую полноту прав обеспечивала процедура *traditio*-сейзины.¹⁸⁹

Права опекуна по отношению к имуществу опекаемого тоже определены как *nudum dominium*, но здесь вряд ли правомерно сводить все к отношениям вассал—сеньор. В случае с наследниками-мужчинами опекуны, нередко являвшиеся и сеньорами опекаемых, должны были принять оммаж до принятия опекунства.¹⁹⁰ Но это правило не распространялось на женщин, оммаж сеньору приносили их мужья. Иными словами, *nudum dominium* описывал только те права, которые полагались опекуну как опекуну, но в отношении судьбы имущества он оставался лишь представителем опекаемого. Единственное вещное право, которое ему полагалось, сводилось к простому держанию или *possessio naturalis* (*in seisinā esse*). Статус такого опекуна, в свою очередь, соответствовал тому, что в римском праве определяли как *in possessione esse*.¹⁹¹ Брактон говорит о таком опекуне как владельце (*possessor*), но не владеющем (*non possidet*).¹⁹²

Только опекаемый мог назвать себя подлинным господином, так как в его лице *dominium* был, очевидно, не *nudum*,

а полным, объединяя юридическое владение и право собственности. Именно по этой причине любой ущерб имуществу со стороны опекуна расценивался как нанесение ущерба чужому имуществу и карался соответственно.¹⁹³ Таким образом, мы подходим к другому значению термина *dominium* — известное правомочие, где влияние римского права на трактовку *dominium* можно признать определяющим.

Dominium как выражение известной полноты имущественных прав

Это влияние сказывается уже в отдельных титулах трактата, объединенных в одну главу «*De acquirendo rerum dominio*», уже ставшую предметом внимания исследователей. Наши предшественники показали, что конкретно заимствовал Бракто́н у своих предшественников. Однако за скобками остался вопрос о содержании самого слова *dominium*. Следует ли рассматривать *dominium* именно как полноту прав, которую можно определить через перечисление отдельных правомочий, или же *dominium* выступает только как одно из прав, и если так, то каково его содержание? Является ли *dominium* аналогом нашему представлению о частной полной собственности или же говорить об этом феномене для рассматриваемого периода преждевременно? Наконец, насколько оправданно *dominium* рассматривать как соединение узуфрукта и «прав принадлежности» (*proprietas*), в каком-то качестве он, вероятно, рассматривался римскими юристами?¹⁹⁴ Увы, но приходится констатировать, что, как и в случае с Грацианом, ответы на поставленные вопросы не могут быть однозначными.

Несмотря на то что у Брактона не прослеживается четкая система имущественных прав и структура имущественных отношений (его трактат представлял собой руководство по процессуальному английскому праву, а не академическую штудию), в одном небольшом, но туманном фрагменте Бракто́н пытается привести разнообразие форм имущественных отношений к некоему общему знаменателю, выразив их в терминах владения и собственности, где положенный в основу класси-

фикации принцип сформировался не без влияния Аццо.¹⁹⁵ Так, тот, кто обладает свободным держанием, феодем и собственностью (*proprietas*), является и полноценным владельцем, и полноценным правообладателем (*plurimum habet possessionis et plurimum iuris*).¹⁹⁶ В другом месте Бракотон пишет, «буде известно, что если кто-то в отношении участка обладает *dominium*, подлинным правом и *proprietas*, феодем и свободным держанием, узифруктом, то, передавая все, все передаст одаренному».¹⁹⁷ Так можно ли полагать, что *dominium* обнимает собой все иные правомочия, включая сейзину и *proprietas*?

С. Торн в своем переводе представил *dominium* как совокупность прав, охватывающую собой все перечисленные далее правомочия.¹⁹⁸ Так, узифрукт замыкает список, который открывает *dominium* и собственность. Однако не совсем ясно, почему Бракотон поставил *dominium* в один ряд с другими правомочиями. Не стоит ли в *dominium* видеть скорее указание на правомочия сеньора по отношению к держателю, нежели на полноту прав? Но этому, вроде, противоречит то обстоятельство, что отчуждающий, становясь сеньором, не мог передать новому обладателю еще и *dominium*? Между тем есть и другое объяснение, которое подтверждает фрагмент трактата, где речь идет о возвращении в руки сеньора выморочного имущества. Такой сеньор приобретает и право собственности, и сейзину которая всегда следует за ним. Тем самым «прекращаются оммаж и службы» (*extinguitur homagium et servitium*).¹⁹⁹ А поскольку *nudum dominium*, как уже было сказано, заключался в службах, полагавшихся сеньору, то прекращается и *nudum dominium*, т. е. *dominium*, по всей видимости, становится полным, иными словами, если наша интерпретация верна, в английском обществе XIII в. обладателями таковых являлись мелкие и средние землевладельцы, которых уместнее называть «сельскими джентльменами», нежели «*milites*», — те, кто уже не имел своих собственных вассалов.

Могла сложиться ситуация, когда прежний владелец отчуждал в разное время и в разном объеме свои права другим лицам. Сначала следовала передача на праве краткосрочной аренды (фирма), после чего третье лицо приобретало феоде (наследственное имущество), будучи введенным во владение: *feof-*

faverit ... et in possessionem induxerit. Если теперь прежний владелец захочет и фирмарию передать имущество на праве феода, он не сможет это сделать, так как обладает только *nudum dominium*, т. е., совершив наделение феодом, он превратился в сеньора его приобретателя. По истечении срока аренды фирмария можно было согнать с участка. Напротив, третье лицо обладало имуществом со статусом свободного держания, наследственным (феод) и гражданским владением (поскольку фактическое использование имущества осуществлялось фирмарием, бывшим лишь держателем).²⁰⁰ Таким образом, единого доминия (который надо понимать как совокупность прав, но в конечном итоге как право извлекать ренту и отправлять некие публично-правовые функции, например суда) здесь нет, он оказался распределенным между несколькими лицами.

Если лицо обладало только правом пользоваться имуществом (например, проживать в доме) или правом получать плоды, т. е. заниматься эксплуатацией и извлечением дохода (*nisi nudum usum vel usumfructum*), отчуждало имущество с полным правом (*jus merum*) как феодал и свободное держание (*feodum et liberum tenementum*), новый владелец мог считаться *dominus* только после длительного и мирного обладания таковым (*post seisinam longam et pacificam*).

Такое условие легко объяснить, так как передающий не имел тех прав, которые отчуждал, — положение, хорошо известное и римскому праву.²⁰¹ По мысли Брактона, такой приобретатель мог рассматриваться как *dominus* только по истечении срока даже в отношении подлинного господина (*verus dominus*).²⁰² Однако было бы неверно видеть в этом *dominus* полноценного обладателя имущества, поскольку его права в ходе судебного разбирательства были бы оспорены. Смысл долгой ссизины состоял здесь в том, что она давала новому владельцу защиту в королевских судах, поскольку имущество получало статус *liberum tenementum*. Следовательно, на нового владельца распространялось общее правило английского судебного процесса — никто не должен отвсчать за свое держание, иначе как на основании приказа господина короля.²⁰³ И далее Брактон еще раз повторяет, что «...не сможет передать даритель принимающему кроме того, что

имел сам, как в том случае, когда имел только пользование и *узифрукт*». ²⁰⁴

Так можно ли полагать, что *dominium* включал в себя и *узифрукт*? Ответ на этот вопрос будет скорее отрицательным. Во-первых, сам *узифрукт* определен в трактате как *сервитут*, не являющийся частью доминия. ²⁰⁵ Об *узифрукте* как виде *сервитута* говорится в разделе о классификации вещей. ²⁰⁶ Во-вторых, права лица по отношению к участку, обремененному *сервитутами*, определены как *dominium*, т. е. наличие *узифруктуара* в пределах такого участка не препятствовало тому, чтобы определить его приобретателя как обладателя *dominium*. Следовательно, неясность остается.

Еще в одном фрагменте мы встречаем *dominium*, *possessio* и *proprietas* в контексте судебного спора. Брактон, рассматривая римский *interdictum unde vi*, утверждает следующее: сначала необходимо установить факт насилия, а потом разбирать дело о владении или (*vel*) *dominium*. Союз *vel* уместно рассматривать не как соединительный, а как противительный. После этого Брактон продолжает: «Прежде должно слушаться дело о насилии, а не о доминии». Завершая рассуждения, он вновь постулирует: «И даже прежде надо установить факт насилия, нежели право доминия или владения»: *si de vi et possessione vel dominio quaeratur ante cognoscendum est de vi quam de proprietate rei, et etiam prius quaeritur de vi quam de iure domini sive possessionis*. ²⁰⁷

С первой частью пассажа все более или менее ясно — это дословная цитата из Марциана: *Si de vi et possessione vel dominio quaeratur, ante cognoscendum est de vi quam de proprietate rei*. ²⁰⁸ Из высказывания Марциана, однако, может сложиться впечатление, что он подменил доминий в первой части *proprietas rei* во второй. Нам же представляется, что для Марциана принципиальным было не определять объем правомочий лица тем или иным термином, а противопоставить в сфере процесса установление самого факта насилия, с одной стороны, правовой принадлежности (*proprietas*) вещи — с другой. В первой же части речь шла о том, что предметом спора может быть как владение, так и *dominium* (союз *vel* в классической латыни имел значение союза противительного).

Бракстон, однако, не довольствовался этим и продолжил фразу, где появились такие гибриды, как *jus domini* и *jus possessionis*. Мы уже имели случай убедиться в том, что Бракстон употребляет такие термины, как «право владения» и «право собственности», пусть даже и без квалифицирующих пояснений. Ссылки на право доминия и право владения лишней раз свидетельствуют, на наш взгляд, о размытости представлений и преемственности с постантической традицией употребления юридических терминов и определений.

Поскольку владение и *dominium* у Брактона суть вещи не тождественные, то нет ничего удивительного в том, что он их, поставив рядом, соединил союзом *sive*, который, как и союз *vel*, мы склонны переводить все тем же противительным союзом «или». Действительно, насилие могло быть совершено, например, по отношению к добросовестному приобретателю имущества (*possessor bonae fidei*), который не был *verus dominus*, а могло касаться и того, кто был подлинным *dominus*.

Нельзя исключать, памятуя о сочетании *dominium proprietatis* в источниках римского права, что Бракстон в одном случае говорил о праве на обладание *dominium* в отношении вещи (здесь можно говорить об известной полноте этого права) и о праве владения, т. е. юридических основаниях обладать вещью. При этом из круга таких обладателей явно исключались те, кто был лишь *in possessione esse*, поскольку за ними Бракстон или вообще не признавал никаких прав, или полагал, что они не имеют права собственности и очень мало права владения, что согласуется с общим духом концепции Брактона, да и римского права: *possessor nomine alieno* не является гражданским владельцем и в общем случае ущерб наносится не ему, а тому, от чьего имени он держит.

Таким образом, можно заключить, что готовый ответ о природе *dominium* Бракстон так и не дал.²⁰⁹ Правда, само введение терминов *dominium* и *nudum dominium* в систему имущественной терминологии симптоматично, поскольку они, очевидно, были призваны отразить изменения в реальной расстановке социальных сил в Англии XIII в., когда известная полнота вещных прав «спускалась» все ниже по ступеням феодальной иерархии. Ведь по логике Брактона, *dominium* переставал быть

nudum только в том случае, когда у обладателя nudum dominium уже не было своих собственных вассалов. Как убедительно показал М. А. Барг, такие в средних графствах Англии составляли более $\frac{2}{3}$ всех землевладельцев, обладавших фригольдом. Если словом dominium и можно описать максимальный объем прав на имущество, то нарисованная картина будет не чем иным, как реконструкцией, итогом анализа разношерстных и не всегда ясных фрагментов трактата. Более того, разве не показателен тот фрагмент трактата, где Бракстон прямо говорит: сколько dominium обладает тот, кто отчуждает, столько dominium приобретет получающий?!²¹⁰ Иными словами, полнота прав, выраженная термином dominium, могла быть относительной. И вот тут-то стоит вспомнить о том, что акт сейзины обеспечивал полноту прав на имущество, но полноту, которой обладал сам отчуждавший имущество. Но коль скоро это так, не могла ли сейзина мыслиться по аналогии с dominium?

Dominium и plenaria scisina

Кажется, сказанного достаточно для ответа на этот вопрос. Сейзину следует рассматривать лишь как *часть* доминия. Тем не менее нельзя не указать на странный, на первый взгляд, гибрид: traditionibus et usucapionibus possessiones et dominia rerum... transferuntur., что представляет собой почти дословную цитату из Кодекса.²¹¹ Бракстон внес одно, но принципиальное добавление — possessiones. Между тем сейзина, по мысли Брактона, приобреталась посредством традиции (читай, акта сейзины). Но ведь традиция в римском праве после Юстиниана была универсальным средством обретения доминия, что могло быть известно Брактону непосредственно из списков римского права или опосредованно через Аццо. Сам Бракстон подробно останавливается на способах обретения доминия (оригинальные и производные), что, правда, представляет собой лишь изложение Аццо.²¹² Вызывает вопросы множественное число possessiones, как если бы речь шла об имуществе (что легко представить), на которое лицо обладало доминием. Бросается в глаза то обстоятельство, что, вопреки оглавлению раздела «qualiter adquiratur

possessio per usucapionem», в самом разделе Бракстон ограничивается только доминием.

Возможно, Бракстон полагал, что традиция необходима для приобретения dominium'a, что вполне представимо, поскольку в Англии отношения между держателями, т. е. отношения скорее горизонтальные, а не вертикальные (собственно феодалы, которые тоже описывали словом dominium, но с важным дополнением nudum) занимали доминирующее положение. Поскольку традиция суть акт сейзины, то именно акт сейзины обеспечивал обретение доминия, понимаемого как полнота прав отчуждающего. С другой стороны, традиция ведет и к обретению полноценного владения (юридического и натурального), т. е. осознаваемой, перманентной, подлежащей защите в судах связи с объектом, сопровождающейся извлечением доходов, при этом именно традиция предполагает длительное и мирное обладание имуществом (сейзина долгая и мирная, по выражению Брактона), которое он отличал от владения «сиюминутного» (momentanea seisina). Иными словами, здесь владение как бы поглощалось dominium, причем для Брактона длительность владения имела значение не в вещно-материальном смысле, что выражало слово dominium (так, в римском праве срок в десять и двадцать лет для проживающих в одной провинции и в разных, соответственно, вел к обретению доминия), а в процессуальном. Имущество обретало в силу давности обладания им статус свободного держания, а его обладатель получал защиту в королевских судах.²¹³ Иными словами, здесь традиция имеет своим следствием не столько обретение dominium или possessio, сколько придание имуществу статуса liberum tenementum. Что же до длительности самого срока, то Бракстон говорит лишь о здравом смысле, которым надо руководствоваться в этом случае (ex justa discretionе).²¹⁴

Правильнее говорить о том, что в *обычной* ситуации сейзина являлась только одним из элементов доминия, поскольку без введения во владение было, как правило (regulariter), невозможно его обретение. Но было показано и то, что в среде держателей выделялась группа обладателей феодалов, полного права, собственности (proprietas), среди которых было немало обладателей всего одного феодала. При этом, как следует из текста

трактата, такие держатели были как раз *seisitus*, а в обычной ситуации еще и в сейзине. Так не значит ли это, что была некая форма сейзины, которая Брактоном и современниками воспринималась как наиболее полная и совершенная форма обладания имуществом (власть сеньора, впрочем, не надо списывать со счетов)?! Достаточно напомнить, что сейзина или владение по признанию самого Брактона разнообразно (возможно, это парافраз Павла).²¹⁵

Для ответа на поставленный вопрос хотелось бы обратить внимание на любопытное словосочетание — *plenaria seisin* (*plenaria possessio*). Р. Э. Латам полагал, что впервые оно встречается в документах конца XII в.²¹⁶ Сочетание *plenaria seisin* часто можно встретить в т. н. «закрытых свитках» (*close rolls*) начиная с эпохи Иоанна Безземельного (1199—1216) и Генриха III (1216—1272) — королевских грамотах, которыми даровались или восстанавливались разнообразные права и привилегии получателей таковых.²¹⁷ Впрочем, сами документы плохо раскрывают содержание словосочетания *plenaria seisin*. Можно лишь утверждать, что речь всякий раз шла о восстановлении просителя в прежнем состоянии, без какого бы то ни было изъятия.

Рассматриваемая формула была заимствована из живого языка, на что указывает применение глагола первого лица, от имени которого и осуществляется сам акт, как то: *plenariam saisinam feci, posui in plenariam saisinam*. Если мы примем во внимание особую роль слова в этом еще достаточно традиционном обществе, то можно понять, что в ряде случаев требовалась известная конкретизация намерений сторон.²¹⁸ В некоторых документах «полная сейзина» следует за передачей всего имущества и всех доходов, которым располагал прежний владелец (*dedit omnes redditus et omnes terras, omnia tenementa*). В документах средиземноморской Франции можно встретить нечто подобное, когда «аллод» сопровождался уточнениями, «способными передать представление о полном праве на имущество», как то: *alodium proprium, alodium liberum, alodium francum etc.*²¹⁹

В самом раннем из известных нам документов, корректирующем мнение Р. Э. Латама и составленном между 1138 и 1148 г., Гильберт фитц Гильберт де Клэр (1100—1148) 1-й граф

Пемброка, доводит до сведения архидиакона церкви св. Давида, что он подарил и уступил приору и монахам приората в Винчестерском диоцезе во спасение своей души церковь в местечке Дангледин (Dungledin) в Пемброкшире в Южном Уэльсе в свободную милостыню. Он просит архидиакона без промедления совершить обряд ввода во владение, который составитель документа определил как «полную сейзину» (*plenariam inde eis saisitionem faciatis*), и сделать так, чтобы они в мире держали эту церковь, причем архидиакон сам отправлял бы определенные властные полномочия, что выражено в документе следующим образом: *eos manu teneatis*. Остается, впрочем, гадать, в чем конкретно должна была заключаться упомянутая здесь «полная сейзина». Наиболее вероятным представляется соблюдение всех принятых в таких случаях формальностей, которые и должны были обеспечить приорату в Винчестере приобретение имущества на правах благочестивого дара.²²⁰

Следующий документ был составлен на исходе XII в., причем составитель употребил уже новую формулу «*plenariam saisinam fecit*» все в том же значении — «совершить акт сейзины». Некто Юлиана де Солер доводит до сведения своего сеньора Томаса де ла Мару, всех его рыцарей и свободных людей, что она дала Богу и церкви св. Марии de Brueriâ (по-видимому, аббатство Бруерн (Bruerne) в западном Оксфордшире) одну виргату земли навечно как благочестивый дар (*in puram et perpetuam elemosinam*). Передача указанной виргаты была оформлена актом сейзины (*de predicta virgata ... seisiavi*). Очевидно, Юлиана считала необходимым совершить этот акт перед лицом своего лорда, что свидетельствует о ее известной несамостоятельности. Не имея возможность присутствовать лично, она направила вместо себя своего внука Симона и служащего Осберта вместе с грамотой, скрепленной печатью. В конце документа содержалось указание на то, что посланники Юлианы перед лицом Томаса де ла Мару совершат акт полной сейзины (*eisdem monachis plenariam seisinam de predicta virgata terrae faciant*), а сам Томас де ла Мар выступит свидетелем дара и сейзины (*super hoc donatione mea et seisisina ... testes sitis*).²²¹ В последнем случае, несомненно, сеньор давал согласие на полное отчуждение иму-

щества, которое было обязано ему определенными службами. Таким образом, полная сейзина не коррелирует здесь с полнотой прав отчуждающего имущество лица, но закономерно задаться вопросом, имея в виду практику Нормандии с ее идеей покровительства при совершении обряда сейзины, не являлось ли свидетельствование акта самим сеньором той гарантией, которая и позволила составителю документа определить акт как «полную сейзину»?

Формула *plenaia saisina* в документах рубежа XII—XIII в. встречается чаще всего в значении «известная полнота прав», приобретаемая новым владельцем путем процедуры сейзины, а не акт сейзины как таковой. Так, в документе, составленном в конце XII в., сообщается, что некто Михаил ле Фронсе (*le Frauncis*) передает Богу, церкви св. Дионисия, и лично уставным каноникам, отправляющим там службы, а также, отметим, их преемникам (*eorum successoribus*) все свои владения и доходы в вилле *Suhamton* (возможно, совр. Саутгемптон, важный город и порт) и вне ее (*omnes redditus et tenementa mea qua habui infra villa Suhamton et extra*) на праве благочестивого дарения.²²²

Дабы дар оставался прочным навечно, даритель составил грамоту и скрепил ее печатью, а для большей прочности дара он утвердил названных каноников в «полной сейзине» в присутствии надежных людей виллы. Фраза «*ad maiorem securitatem*» весьма напоминает другую — «*ad ampliorem firmitatem*» англосаксонских грамот, в которых возложение дерна или Священного писания на алтарь в присутствии множества свидетелей должно было придать большую авторитетность дару.²²³ Специальное указание на полноту сейзины, надо понимать, отвечало именно этой цели. Стоит учесть и то обстоятельство, что даритель использовал фразу «расположить в сейзине», что могло косвенно указывать на имевший место акт ввода во владение.²²⁴

В другом документе сообщается, как Бальдвин де Монте (*de Montibus*) заключил в 1238 г. договор с Гильбертом Бассетом на том условии, что он продаст и передаст Гильберту всю свою землю и все, что к ней относится, в местечке Кирлингтон без какого-либо намерения удерживать что-то из нее и с инструментом, который некогда принадлежал держателям-фирмариам

указанного Бальдина. Стороны договорились, что вышеназванный Бальдвин «расположит Гильберта в полную сейзину» и вручит (*liberavit*) грамоту, каковую в отношении этой земли коннстабль Нормандии Вильгельм де Хумец (ок. 1130—1209) составил в пользу Радульфа», после того, как будут уплачены условленные сто марок.²²⁵ Почти нет сомнений, что приобретение сейзины подразумевало некоторое символическое действие.

Этот документ любопытно сравнить с другой грамотой, составленной спустя три месяца после первой. В ней Бальдвин доводит до сведения «всех видящих и слышащих», что он передал имущество в местечке Кирлингтон, которое в свое время получил его отец Радульф от коннстабля Вильгельма де Хумеца, в размере шести виргат в качестве домениального (личного) имущества. В свою очередь, названные шесть виргат должны были получить Гильберт и его наследники, в то время как первая грамота о наследниках ничего не говорит. Причина, очевидно, состояла в том, что первая грамота представляла собой соглашение (заключенное, вполне возможно, по итогам фиктивного спора), в то время как второй документ являлся собственно дарственной грамотой.²²⁶

Бальдвин оговорил, что Гилберт получает право подарить имущество или же назначить кого угодно своим преемником, который должен выполнять службы главным лордам этого имущества. За уступку Гильберт дал Бальдвину сто марок серебром, а тот обещался выступить защитником этого имущества.²²⁷ Таким образом, «расположить в полную сейзину» в этот поздний период означало не только передачу всей полноты экономической эксплуатации, но и право назначить преемника и достаточно свободно имуществом распоряжаться. А если мы учтем, что в это время службы «главным лордам» нередко были денежными выплатами, а иногда вообще чисто символическими, то права получателя такой сейзины были весьма существенны.

Еще в одной грамоте, составленной между 1231 и 1237 гг., Цинтий, субдиакоп папы и каноник собора св. Павла в Лондоне, сообщает, что он подарил и уступил в вечную милостыню собору св. Павла свою землю с домами, садом и со всем, что ей принадлежит. Далее следовало подробное перечисление ус-

ловий дара, после чего даритель сообщал, что в отношении капитула и декана он совершил обряд инвеституры, причем действовал вполне самостоятельно (*ligia potestate mea*) (*investivi*) и, дословно, «расположил их в полную сейзину» (*in plenam seisinam posui*). Названные действия были призваны максимально оградить получателей от будущих исков.²²⁸ На примере этого документа видно, что сейзина приобретается уже посредством инвеституры. Однако объяснение здесь может заключаться в том, что документ составлялся духовным лицом, а как раз в церковной среде слово «инвеститура» получило распространение. Одновременно с этим «полная сейзина» в этом, как и в только что рассмотренном случае, предполагала принятие на себя прежним владельцем определенных обязательств по защите нового владельца от посягательств третьих лиц, что, впрочем, мы наблюдали и в более ранних документах.

В трактате Брактона нередко можно встретить формулу королевского приказа «сделай так, чтобы истец получил полную сейзину без всякого промедления, а мы бы не слышали о недостатке правосудия».²²⁹ В чем должна была состоять эта полная сейзина, можно только гадать. И все же в двух фрагментах Брактон использует ее в контексте передачи имущественных прав. Так, даритель может передать одаренному имущество с правом извлекать доход, но при этом плоды могут быть как в наличии, так и в будущем (*extantes vel futuros*). Если имущество передается с будущими плодами, такое владение будет защищенным (*perfecta quoad liberum tenementum*), а одаренный получает процессуальную защиту в королевских судах. Но полным владение будет только тогда, когда одаренный начнет извлекать плоды: *plenariam possessionem tamen non erit ante usumfructum*. Правда, мы остаемся в неведении на предмет того, каковы конкретно были права этого одаренного. Неясен из пассажа и статус этого приобретателя, фирмарий ли он, наделен ли феодалом и т. п.

Несколько раньше Брактон пишет о том, что за даром должна последовать традиция, и сама она не должна быть воображаемой (*imaginaria*), когда даритель фактически оставляет имущество, но продолжает себя рассматривать как господин. Далее следует длинный пассаж о том, что необходимо для при-

обретения полной сейзины (владения): «Но тогда только обеспечит полную сейзину одаренному, когда даритель, если будет присутствовать ... телом и душой покинет владение ... в акте традиции, без какой-либо надежды и намерения вернуться как господин (*sicut dominus*) и когда одаренный вступит в оставленное (*vacua*) владение фактически и с намерением <обрести имущество>, и с намерением удерживать владение, так что один перестает, а другой начинает владеть, так как даритель не перестанет владеть, пока одаренный не получит полную сейзину».²³⁰

На наш взгляд, очень показательное использование слова *dominus*, как если бы речь шла о приобретателе доминия. А если мы учтем, что такого рода приобретение осуществляется путем акта традиции, которым, согласно тому же Брактому (и «Кодексу»), приобретался и *dominium*, то наша уверенность в том, что определением «полная сейзина» мог охватываться и *dominium* еще более возрастает.²³¹ Отметим, что в трактате выражение «*plenaria seisin*» в значении полноты прав, приобретаемой путем традиции, нигде более не встречается. Исходя из современного понимания традиции как вещного, а не обязательственного договора, собственность переходит к приобретателю только после получения им вещи, причем волеизъявление обеих сторон должно совпадать (один с намерением оставить, а другой с намерением рассматривать себя как *dominus*).²³²

Несомненной натяжкой (и вряд ли такое вообще было возможно в том обществе), будет утверждение об абсолютном характере прав, которые доминий якобы охватывал. Что это не так, мы уже могли убедиться. С одной стороны, прямое указание на отказ прежнего владельца от претензий и всех прав свидетельствовало о том, что приобретатель получает имущество определенного статуса. Почти нет сомнений в том, что такая ситуация возникала в случае передачи имущества на срок жизни по меньшей мере самого дарителя. Брактон утверждает следующее: «Если будет дар сделан тем, кто имеет право и собственность, феодал и свободное держание и сейзину, когда одаренный вступит во владение с намерением его удерживать, а даритель покинет владение с чадами и домочадцами без намерения и надежды на возвращение, тотчас же без промедления будет дар прочен и приобретет получающий свободное дер-

жанис, в котором соединены право и сейзина без какого бы то ни было ущерба» (*ex quo concurrunt sine alicuius præiudicio ius et seisin*).²³³ Пусть это прямо не выражено, но очевидно, что и здесь лицо обретало полную сейзину. Тот же факт, что акцент смещен и речь идет о свободном держании ничего не меняет. С точки зрения объема правомочий лицо обретало именно ее.

Указание на наличие своей собственной воли и отказ прежнего обладателя от нее (*animus possidendi* или *animus domini*) есть одновременно с тем и указание на обретение лицом статуса *seisitus*. А то, что под эту категорию попадали далеко не все обладатели имущества, как и то, что эти обладатели пользовались благами судебных нововведений — уже было показано выше. Можно утверждать, что если полная сейзина означала полноту преемственности прав, то там, где эти права были максимально концентрированными (как в случае, когда сеньор возвращает себе выморочное имущество), можно говорить о тождестве *plenaria seisin* и *dominium*. В других же случаях такое отождествление вряд ли будет правомерным.

В заключении стоит сказать, что утрата сейзины — фактического обладания и пользования имуществом — не вела автоматически к утрате и статуса *seisitus*. Такое лицо, лишенное непосредственного обладания имуществом, но имевшее на него права, как и в римском праве, определялось Брактоном словом *propriarius*.²³⁴ В этом видна та роль, которую играло римское право в создании системы общего права, пронизанного духом *судебного процесса*.

Подводя итог, можно утверждать, что римское право и римские максимы оставили заметный след в трактате Брактона. В меньшей степени ими затронут трактат «Глэнвилла». И в этом следует видеть довольно далеко зашедший процесс рецепции римского права в Англии в первой половине XIII в., когда творил Брактон и его учителя. Но сама по себе рецепция не может объяснить то внимание, которое Брактон уделял римской владельческой терминологии, в первую очередь, конечно, понятию «владение».

Можно согласиться с мнением Ф. Жойона де Лонгрэ о том, что сейзина не представляет собой копию римского владения

Дигест. Однако смеем думать, Брактон заимствовал целый ряд представлений, выработанных в рамках римской классической юриспруденции с тем, чтобы на их основе создать годную для практического применения в условиях феодального права судебную систему. Надо отказаться от того, чтобы видеть во владении римского права и сейзине права англо-нормандского некую константу, и признать, что сейзина могла выступать в разном значении, то сближаясь с владением или доминием (но не *proprietas*), то противопоставляясь им. Брактон весьма последовательно говорит о двух составляющих владения-сейзины: фактическое господство лица над вещью (держание) и не-вещный элемент — «*animus*» (цивильное владение), причём для Брактона оба элемента одинаково важны для удержания владения.

В конечном итоге в трактате Брактона появляется такой концепт, как *plenaria seisin*, который в некотором смысле мы склонны сближать с *dominium* как указание на полноту имущественных прав. Несмотря на все многообразие значения слова «сейзина» в Англии рассматриваемого времени, большинство владельческих комплексов, по меньшей мере в центральных графствах, были именно такими «полными сейзинами». Обеспечить эту полноту был призван, по терминологии Брактона, акт *traditio*, в котором несложно усмотреть привычную англо-нормандскую сейзину, процедуру, остававшуюся в Англии живой реальностью даже в эпоху активного документооборота и расцвета ученой юридической культуры. Но, будучи процедурой символической, сейзина может пролить дополнительный свет на представления общества о правах владения и собственности, равно как на специфику именно англо-нормандского общества, у истоков которого стояло завоевание. Символам передачи владельческих прав в целом и символике акта сейзины в частности мы и посвятим последнюю главу.

Глава 5

PER BACULUM ET CULTELLUM: СИМВОЛЫ ПЕРЕДАЧИ ИМУЩЕСТВЕННЫХ ПРАВ В АНГЛО-НОРМАНДСКОМ КОРОЛЕВСТВЕ

Многообразие символов передачи владельческих прав

Подобно тому, как акт ссйзины был нормандским нововведением, только в документах англо-нормандской эпохи мы встречаем, пусть и спорадически, упоминания сопровождавших этот акт символов. Несмотря на их известное разнообразие, можно указать на частоту упоминания предметов, которые объединяет общий вид, — все они сделаны из дерева и все имеют палочкообразную форму: *baculus*, *fustis*, *lignum*, *virga*, *ramus arboris*. При этом первые два связаны устойчивой формулой «*per fustem et baculum*», равно как и коннотацией с актом ссйзины. Между тем однозначный перевод слова *baculus*, которое встречается, пожалуй, чаще всего, вряд ли возможен, так что лучше рассматривать конкретные документы, где оно встречается.

Как правило, в словарях основное значение этого слова — «палка», а в случае с *fustis* в этом не может быть сомнений.¹ Вероятен перевод слова *baculus* как «дубина», но в латыни этой цели служило отдельное слово — *clava*. И все же тот факт, что посох аббата называют *baculus*, а не только *virga pastoralis* даст основания для такого перевода.² Как пример, можно указать и на следующий документ.

Некто Паган передал приорату св. Марии в Лонпоне (современный Лонпон-сюр-Орж, деп. Эсон, Иль-де-Франс) десятью

часть доходов от всего имущества, будь то плоды или животные, посредством палки лично в руки приора Генриха: *Quod donum misit [in manus] Henrici, prioris, per quendam baculum.*³ При этом в документе весьма натуралистично описано, как Паган опирался на эту палку в процессе церемонии (*quo ipse se sustentebat*). Вместе с Паганом в акте дарения участвовали мать и дети Пагана, которые уступили названный дар в пользу приората св. Марии. Сказанное, наводит на мысль о том, что и составители документов англо-нормандской эпохи использовали слово *baculus* не в значении «маленькая палочка-*festuca*», а что-то более внушительное, сопоставимое с большой палкой, посохом и тому подобным.

Надо сразу оговориться, что связь акта сейзины и символа *baculus* не является универсальной. Из этого ряда выпадают уже упомянутые *lignum* или *virga*, которые тоже применялись в акте сейзины. Ведь их более уместно переводить как «палочка» или «щепка». Скупой нормандский материал свидетельствует о том, что символ *baculus* выступает как вполне самостоятельный и с актом сейзины, как таковой, не связанный. Об известной корреляции акта сейзины и символа *baculus* свидетельствуют, собственно, только англо-нормандские документы, но даже там мы находим примеры использования *baculus* в качестве символа вполне самостоятельного.

Не разбирая специально континентальный материал (за исключением Нормандии), укажем на два, правда сравнительно поздних примера из области Анжу. Оба документа были составлены, по-видимому, в 1166 г. и отразили одну и ту же процедуру. Они показывают, что не следует проводить слишком прямых параллелей между символом *baculus* и актом сейзины, равно как заставляют в очередной раз задуматься о значении символа *baculus*.

Первый документ был представлен королю Генриху II в момент его пребывания в Анжере в 1166 г. с тем, чтобы защитить братию монастыря от притязаний Хардвина Гульферна (*Gulfarin*), родственника умершего дарителя Годфрида, на предоставленные им в качестве благочестивого дарения четыре шестых дохода от виноградника (*III^{or} sextarios frumentagii ... de quadam vinea ... in elemosinam dedit*) в местечке Бушевпо (*Borc*

Chevrel, деп. Сарт).⁴ В документе приводятся обстоятельства, предшествовавшие самому дарению. Названный Годфрид, сын Гарина де Молна (de Molnat), после того как, дословно, «сделал» своего брата клирика Иоанна монахом в аббатстве св. Альбина, подарил ряд поступлений, включая и поступления от виноградника, указанному монастырю в виде благочестивого пожертвования на вечные времена (*perpetuo possidendum in elemosinam dedit*). Этот дар (*donum*) их мать Аделиза милостиво уступила, расположив дар посредством некоей веточки на алтаре св. Альбина (*donum cum quandam virgula super altare ... posuit*). В грамоте аналогичного содержания то же действие было выражено следующим образом: *saisinam doni cum quadam virgula super altare ... posuit*.⁵

Можно полагать, а более ранние примеры из Нормандии и Англии дают нам для этого основания, что, во-первых, рассматриваемый документ отразил уже довольно поздний этап развития института ссйзины. Здесь речь идет уже не об акте ссйзины, а о некотором отношении к имуществу, что в точности соответствует и англо-нормандской практике этого и более позднего времени. Во-вторых, использование веточки в качестве символа передачи владельческих прав находит параллели и в английских документах, где акт ссйзины совершается путем передачи ветки дерева, но скорее как исключение, а не правило.⁶ Обращает на себя внимание, наконец, та деталь, что в документе из Анжера ссйзина передается «вместе» с веточкой (*cum virgula*), а не «посредством» таковой, как в английских источниках того же времени, в которых регулярно используются выражения: *per baculum*, *per lignum*, — как если бы указанные символы заменяли собой отчуждаемое имущество, а в случае с *virgula* само выражение «*saisina doni*» заменяло собой некий символ.

Заслуживает внимания обстоятельство, что в целом ряде регионов Южной Франции часто применялся такой совершенно неизвестный нам в англо-нормандской Англии символ, как полоска кожи (*corrigia*), причем именно в Аквитании, занимавшей в рассматриваемый период чуть ли не треть Франции, этот символ был крайне распространен.⁷ А вот символ *lignum* и аналогичные ему получили меньшее распространение. Автор отмечает, что полученные результаты «явились следствием вни-

мательного прочтения тысяч грамот», но символ *baculus* или тем более *fustis* им не упоминается.⁸ Слабо представлен в этих документах и такой символ, как *cultellus*. Вряд ли это было так уж случайно, что лишний раз заставляет задуматься над собственнo английским, равно как и нормандским материалом.

Ниже мы предложим свою, скажем прямо, лишь одну из возможных версий происхождения и функционирования символа *baculus*, но напомним гипотезу, выдвинутую в свое время Э. Майером, о копье, как прототипе *festuca*. Однако указать на копье как прообраз *baculus* — не означает и объяснить связь *baculus* с сейзиной. Против их корреляции говорят и символы *lignum* или *virga*, в которых аналог копья можно увидеть только при большом желании. Символы и сам акт сейзины развивались, похоже, параллельно, и в какой-то момент произошла их контаминация. Можно полагать, что в представлениях современников устойчивая ассоциативная связь акта сейзины и символа *baculus* стала продуктом развития англо-нормандского общества, хотя этот процесс невозможно проследить в деталях. Обычай использовать палку в скандинавском праве при передаче имущественных прав, о чем мы скажем в своем месте, вполне мог распространиться на аналогичную процедуру, принесенную нормандцами. Воспринимали ли сами участники действия символ как аналог или замену копья — можно только гадать.

Символы *baculus*, *lignum* и *virga* могут указывать на имущество как таковое, ведь сейзина была тесно связана с идеей фактической эксплуатации имущества, а все названные предметы относились либо к отправлению властных полномочий (как *baculus*, *virga pastoralis*), либо указывали на хозяйственные связи (*lignum*, *virga*). Таким образом, *baculus* и ему подобные предстают как символы прав — реальных или заявленных.

Символ *baculus* в нормандских документах XI—XII вв.

Нормандские документы свидетельствуют о том, что участие вышестоящего сеньора, вплоть до герцога, сочеталось с известной инициативой непосредственных землевладельцев.

В рассмотренных примерах лица, отчуждавшие имущество путем передачи символа *baculus*, действовали вполне самостоятельно, хотя сам символ в конце концов оказывался в руках герцога, который силой своей власти мог гарантировать неизблемость последствий совершенного действия. Известную самостоятельность прежнего владельца имущества подтверждают и те документы, в которых речь идет, по всей видимости, об аллоде, пусть даже он был прежде конфискован самим герцогом. Более того, в нашем распоряжении есть документы, прямо свидетельствующие о том, что в Нормандии к символу *baculus* мог прибегать достаточно независимый землевладелец, практика, характерная и для соседних с Нормандией регионов.

В одной из грамот герцога Вильгельма сообщается, что тот лишил Адама его наследственного имущества (*exhereditatus*), деревушки Роншвилль (*Roncavilla*), которой названный Адам владел вполне самостоятельно (*sui juris*).⁹ Адам, пребывая в Туре, был с честью облакан аббатом монастыря св. Юлиана Робертом и одарен конем ценой в двенадцать ливров.¹⁰ Очевидно, в знак благодарности (а может, как плата за примирение с герцогом) и рассчитывая, что кому-кому, а уж аббату будет сопутствовать удача, он передал ему конфискованную виллу, которую, однако, аббату предстояло получить у герцога, что он без труда и сделал (*facile impetravit*).

Дар был осуществлен Адамом на алтаре и, по-видимому, с использованием некоего символического предмета, так как в источнике сказано, что дар был передан в руку аббата (*in manum Roberti abbatis dedit*). Нет сомнений в том, что этим предметом и был *baculus*, который во время акта примирения герцога и Адама аббат, очевидно, продемонстрировал как символ владельческих прав. Символический предмет был передан герцогу на хранение в знак установления опеки над полученными монастырем владельческими правами. Можно, однако, полагать, что в нормальной ситуации участие герцога могло и не требоваться.

Отметим, что отношения, которые устанавливались между аббатом и герцогом, представляли собой отношения особого рода, поскольку аббат не просто передал палку, но поцеловал колено герцога (*genu ejus osculato*).¹¹ Поцелуй ноги был жестом,

пользовавшимся невысокой популярностью, и вряд ли был похож на поцелуй при обряде вассалитета, когда сеньор целовал своего человека, становившегося вассалом, в губы.¹² Скорее, в поцелуе ноги следует видеть смиренную просьбу аббата о защите, что лишний раз подчеркивает, каким авторитетом пользовался герцог в своих владениях.

В качестве символа передачи владельческих прав мог применяться и посох аббата, обозначаемый все тем же словом *baculus*. Об этом сообщает документ, составленный не позже 1086 г. Аббат Дуранд (?—ок. 1088) передал посредством своего посоха некоему Иоанну, который был серьезно болен, все благодеяния и расположения св. Мартина (аббатство св. Мартина в Троарне). Надо полагать, что речь здесь идет о каком-то покровительстве и духовной поддержке, а не о «бенефиции» как синониме имущества.¹³ Иоанн, в свою очередь, вместе с братом, «держа одновременно руками названный посох, передали монастырю св. Мартина и аббату, принявшему собственноручно этот посох, десятину». После того, как Иоанн подарил десятину ему принадлежавшую, его брат, держа посох, в присутствии многих разумных людей согласился на уступку десятины.

На этом примере видно, что в качестве символа выступал посох аббата, служивший здесь демонстрацией его духовной власти. В руках дарителей, однако, посох превращается уже в символ передачи владельческих прав. Стоит отметить одно обстоятельство, которое мы не найдем, пожалуй, в других случаях применения символа *baculus*. По всей видимости, все три участника акта продолжали держать посох, что, должно быть, символизировало установление более интимной связи.¹⁴

Нам бы хотелось указать еще на один частный акт с использованием символа, но не *baculus*, как можно было бы ожидать, а *lignum*. Стоит отметить, что этот документ отразил события, произошедшие не в Нормандии, хотя и по соседству с ней, а в области все того же «обычного» права Иль-де-Франс около 1100 г. В отраженном им действии приняли участие владелец отчуждаемого имущества, жена дарителя и его сеньор, от которого он держал это имущество, а также наследники. Сначала Радольф, даритель, передал всю десятину, которую держал от

Арнульфа Мальвила и его сына Одона, и дар расположил на алтаре церкви приората св. Марии в Лонпоне. Очевидно, этот дар затрагивал и интересы его жены, поскольку далее в документе сказано, что «дар разрешила и уступила» жена Эрменгарда и сеньор Радульфа, Арнульф Мальвил, из феода которого и делался этот дар. После этого он вновь был возложен на алтарь (нет сомнений в том, что речь идет о некоем заменявшем его символическом предмете).¹⁵

Кроме непосредственного сеньора Радульфа, дар одобрили и уступили наследники Арнульфа, Одон и Адам, которые, однако, не смогли сами явиться в церковь и предписали (*preceperunt*) некоему Теодерику, камерарию,¹⁶ чтобы он передал за них это имущество, возложив полученный от них предмет, названный *lignum*, на алтарь: *cum quodam ligno quod ei dederunt super altare ... poneret*. Почти наверняка этот символ служил знаком тех прав, которыми Одон и Адам располагали в части этого имущества. В документе никак не отмечено, какой символ применили сам даритель или его сеньор.

В рассмотренном только что случае явное предпочтение как обладателю высшего права надо отдать сеньору Радульфа. Несмотря на то что все участники сделки применили символы своих прав, согласие и само возложение символа последовало и со стороны Арнульфа Мальвила. Сходным образом обстояло дело и в Нормандии. В отличие от рассмотренного выше дара Адама, когда герцог только удостоверяет совершенную ранее сделку, в следующем документе он, очевидно, выступает в качестве лица, отчуждающего имущество вместе с непосредственным дарителем.

Между 1091 и 1095 гг. некто Радульф Ансереди и его жена подарили церкви св. Петра в Жюмьеже половину виллы Этабли (*Stablis*), как в полях, так и в источниках, а также мельницу и доходы, получаемые от эксплуатации леса, равно как и дерево для отопления. Для прочности совершенного дар был подтвержден нормандским герцогом Робертом Короткие Штаны.¹⁷ После подтверждения поселение было передано монастырю в Жюмьеже уже самим герцогом с помощью символа *lignum* (*donationem de Stablis PER HOC LIGNUM sic! misit*). Мы не знаем, почему этот фрагмент выделен капитальными буквами.¹⁸

Было бы заманчиво предположить, что тем самым составитель документа особо подчеркнул, как именно было совершено отчуждение имущества. Напротив, мы вряд ли ошибемся, если предположим повторное применение того же символа, но уже со стороны герцога. Не потому ли в документе использовано местоимение *hос*, т. е. «этот, тот самый»? То, что щепка/полено (*lignum*) были выбраны в качестве символа, может объясняться тем обстоятельством, что отчуждалось имущество в лесу и среди прочего, как сказано в источнике, «*ligna ad calefaciendum*», а ведь одно из главных значений *lignum* — «древесина для отопления».

Свидетелем дара в обоих случаях выступил, в том числе, и сеньор Радульфа, хотя в основном тексте грамоты его участие никак не засвидетельствовано. Исключать последнее, однако, веских оснований нет. Этот пример весьма похож на дар некоего Рейнальда Русг (Roes) монастырю в Уитби (Йоркшир), засвидетельствованный грамотой 1150 г., когда он сначала передал символ *lignum* своему лорду Роджеру де Моубри (после 1118—1188), а тот совершил уже акт ссизины в пользу монастыря.¹⁹ Как и в случае с даром Адама, акт, никак в документе не названный, свое подлинное завершение получал как раз в действиях герцога. Последний документ, который мы собираемся рассмотреть, как будто подтверждает нашу точку зрения.²⁰

В документе, отразившем события 1046 г. и составленном, очевидно, после 1066 г., сообщается, что Лесцелина (ум. 1058), вдова Гийома (975/980—ок. 1015), графа Э (Eu), незаконнорожденного сына герцога Нормандии Ричарда I, основала монастырь, «когда правил Генрих, король франков, и всеми владениями и всем имуществом, которое ей досталось по праву „вдовьей доли“ (*ex jure dotali*),²¹ то место одарила».²² Жившие там, однако, из-за гордыни соседей не смогли с ними договориться (дословно, «не смогли заключить мир с гордыней соседей»), и Лесцелина была вынуждена перенести как дом, так и церковь в местечко Сен-Дезир недалеко от Лизье, где основала монастырь под патронажем своего сына, графа-епископа Гуго (1049—1077).²³ Затем Лесцелина решила найти для нового учреждения подходящего настоятеля и обратилась за помощью к главе монастыря св. Троицы (св. Катерины-дю-Мон) недалеко

от Руана Иссемерту с тем, чтобы он направил сй ученого мужа, сведущего в божественных и земных науках, которого звали Айнард. Передав ему свои владения, каковыми она располагала, она назначила его настоятелем над «верующими, связавшими себя монастырской жизнью». Опасаясь, однако, что наследники могут на основании наследственного права что-либо оспорить из имущества монастыря, она по разумному совету выкупила его у сыновей. После этого на сцену выступил Вильгельм, герцог Нормандии, в присутствии которого она и утвердила (*firmauit*) договор и в том же месте отдала монастырь под покровительство герцога и его преемников, передав ему в руку посох аббата основанного сй монастыря.

Источник не оставляет никаких сомнений в том, что Лесцелина преследовала цель защиты имущества, и обращение к посредничеству герцога и его потомкам должно было придать бо́льшую прочность дару. Тот факт, что устанавливаемые здесь отношения предполагали контроль над монастырем и его главой-настоятелем (явление для Нормандии обычное, где герцоги претендовали на инвеституру аббатов и епископов и сами основали ряд монастырей),²⁴ позволяет объяснить применение посоха аббата (*virga pastoralis*) как символа всех тех прав, которые отходили под покровительство герцога. Согласно документу, посредством символа передавалась, в первую очередь, власть над самим монастырем: *dominationi per virgam pastorem ... subjugavit*. Мы, правда, не можем сказать, какие дальнейшие действия последовали за вручением посоха аббата герцогу, и не был ли он возвращен, что представляется более чем правдоподобным, аббату вновь.

Применение предметов, называемых то *baculus*, то *virga*, то *lignum* в качестве символов, можно назвать универсальным и лишенным ярко выраженной социальной окраски. Названные символы служили передаче неких прав или властных полномочий, при этом к ним прибегают и сами герцоги Нормандии. Однако знакомство с островным материалом показывает, что после завоевания здесь англо-нормандские короли будут использовать новый символ — *cultellus*. И уж тем более любопытно, что в англо-нормандских документах мы найдем примеры ссылки на использования ножа даже во времена короля Эдуар-

да Исповедника, более того — самим королем. Все это еще раз заставляет задуматься о том сдвиге в сознании, который стал следствием завоевания.

Символика акта сейзины в Англо-нормандском королевстве: *per fustem et baculum*

Общий рост документации после событий 1066 г. привел к тому, что английский материал оказался более богатым по отраженной в нем символике, даже если общее количество примеров, в которых упоминаются символы, крайне незначительно в сравнении с теми, где упоминается сейзина. Большинство известных нам случаев отражают практику передачи имущественных прав в пользу духовных учреждений. Можно указать и на особый случай одновременного упоминания символов «*baculus*» и «нож» (*cultellus*). Хронологически грамоты распределены неравномерно: семь рассмотренных ниже документов можно датировать первой половиной XII в., три — третьей четвертью XII в. и четыре документа были, по-видимому, составлены в конце столетия.

Гораздо интереснее, на наш взгляд, география символа, поскольку он в основном встречается в документах, составленных на северо-востоке и в центральной Англии, тяготеющей к восточному региону. Так, в частности, в составе картуляриев северных аббатств (Уитби, что в Йоркшире) до нас дошли шесть грамот, в которых упоминается символ *baculus* и один документ, в котором упомянуты как символ *baculus*, так и символ «нож». Еще одна грамота, в которой содержится указание на интересующий нас символ, была найдена в картулярии монастыря Мо (Melsa), к слову сказать, расположенного все в том же графстве Йоркшир.

Что касается восточных графств, то можно указать, в частности, на два примера из аббатства Рэмзи (Кэмбриджшир) и два примера из Оксфордшира, где мы имеем дело с передачей прав на имущество, которое до того было предметом спора: церкви и мельница (земля при этом не упоминается). Напротив, несмотря на тщательные поиски, в сборниках грамот монасты-

рей западной Англии, в частности аббатства св. Петра в Глостере, нам не удалось найти ни одного примера, где бы упоминался *baculus*. В то же время там встречаются грамоты, где в сходной функции упомянут символ «нож».

Тот факт, что именно на северо-востоке и востоке Англии привился обычай применять в акте сейзины символ палки, можно объяснить сохранением достаточно архаичной социальной структуры вследствие длительного присутствия в качестве господствующего слоя выходцев из Скандинавии, равно как, возможно, и влиянием определенных правовых традиций скандинавов, использовавших в актах передачи имущественных прав сходные символы. Несмотря на завоевания и опустошения, произведенные в Йоркшире в ходе подавления восстания 1069—1070 гг., можно полагать, что социальная структура этого региона не сильно изменилась, равно как и правовые традиции местного населения.²⁵

Большинство рассмотренных документов отразили практику благочестивых дарений, адресованных святому покровителю монастыря и братии. Видимо, этим следует объяснять относительную частоту возложения палки-символа на алтарь (восемь примеров из двенадцати). Вместе с тем можно сослаться на три документа, в которых акт передачи имущества посредством палки-символа служил оформлению не дарения, но акта купли-продажи. В двух случаях символ был передан непосредственно в руку нового владельца, причем в одном документе местом совершения этого акта назван дом лондонского горожанина, а в другом — курия лорда.²⁶ В третьем документе сообщается, что палка была передана непосредственно лорду, который, предположительно, должен был совершить дальнейшие действия.²⁷ К этому ряду примеров можно отнести и случай с передачей в аренду земельного участка в Оксфорде, оформленной как акт сейзины с применением палки-символа. Эта передача была совершена в полном собрании королевского суда под председательством шерифа Оксфордшира и в присутствии жителей Оксфорда.²⁸ При всем разнообразии ситуаций передачи символа *baculus*, можно отметить то общее, что объединяет его с ножом, — частота возложения обоих символов на алтарь. При этом использование ножа в качестве символа

передачи владельческих прав не связано как таковое с актом сейзины, чего не скажешь о символе *baculus*.²⁹ И все же, не отрицая очевидную связь с актом сейзины, можно привести немало примеров, где этот символ никак не связан с ним или, в лучшем случае, о связи можно говорить только предположительно. Все это лишний раз заставляет задуматься о том, что символ *baculus* был не столько символом, свойственным акту сейзины, сколько отражением некоего представления о власти и статусе вообще.

Анализ функций применения символа *baculus* также не позволяет полностью раскрыть его природу, но некоторые общие соображения возможны. В подавляющем большинстве документов *baculus* символизирует непосредственно права на материальные объекты, как то: земля, дома (*edificium*, *mansurae*). Наряду с простым дарением или иной формой передачи имущества небольшая группа документов удостоверяет передачу имущества посредством символа *baculus* в тех особых обстоятельствах, когда имущество передавалось вследствие судебного решения имущественного спора. Иными словами, речь шла, так сказать, об отказе от определенных имущественных притязаний. В последнем случае рассматриваемый акт отдаленно напоминает завершение судебного поединка, где в качестве оружия применялась именно палка (или киркомотыга).³⁰ Наконец, в случае полного отчуждения имущества в пользу нового владельца, когда отчуждаемое имущество находится в некоторой зависимости от вышестоящего лорда, *baculus* мог служить символом отказа от особых прав, дарованных лордом, и его передача лорду символизировала одновременно снятие с себя обязательств в отношении последнего.

Некто Роджер, его жена и их сын Томас продали монахам монастыря Мо, расположенного в Йоркшире, принадлежавшую им половину карукаты в местечке Мур (Mora) за тринадцать марок.³¹ При этом они полностью (*integre*) передали свои права на землю в Муре своему лорду графу Вильгельму посредством символа *baculus*, клятвенно отказавшись от всякого принадлежавшего им права (*et omne jus quod ad eos pertinebat adjuraverunt*) с тем, чтобы сеньор освободил их навсегда от всех служб в отношении проданного имущества. Можно довольно ясно

себе представить, какие действия должны были последовать в дальнейшем со стороны лорда.

Как показывают другие документы, лорд должен был передать палку новому владельцу в знак своего покровительства. Едва ли при этом речь шла об установлении каких-то обязательств монастыря в отношении сеньора, который мог завершить передачу имущества возложением на алтарь главной церкви монастыря того символа, который он получил от лиц, передавших новому владельцу свою землю. Такую ситуацию рисуют две грамоты из аббатства Уитби, которые можно датировать первой третью XII в. (ок. 1130 г.).

Согласно первой из них, некто Дуранд вместе с наследником Годфридом, заручившись согласием жены и сыновей, подарил на вечные времена монастырю Уитби одну карукату земли в местечке Бутервик, что в Йоркшире, свободную от всех служб, за исключением датских денег.³² О последних надо сказать, что первоначально это был экстраординарный налог, который был введен в правлении Этельреда II Нерешительного (979—1016) для откупа от совершавших набеги датчан. Налог был поземельным и взимался вплоть до 1162 г. От него не были освобождены ни феодалы, ни простые держатели свободного статуса, так что указание на «датские деньги» само по себе не позволяет нам судить о реальном статусе Дуранда, был ли он сокменом или же занимал более высокое социальное положение.

Со слов Дуранда, акт сейзины был совершен от его лица сыновьями Рандульфом и Радульфом (*Randulfus et Radulfus scisicerunt fratribus de Whiteby*). В документе не сказано, участвовали в акте сейзины наряду с представителями Дуранда его прямой наследник Годфрид или же он в то время отсутствовал.

Содержание грамоты, составленной от лица Дуранда, перекликается со сведениями, заключенными в документе, составленном от имени его лорда Роберта Фоссарда (?—1135), видного землевладельца в Йоркшире из новой знати эпохи Генриха I. Роберт извещает, что он, в свою очередь, уступил карукату земли, подаренную его человеком Дурандом, освободив ее от всех причитавшихся ему служб (*liberam et immunem ab omni servitio quod de me pertinet*).³³ Вместе с наследником Дуранда Годфри-

дом Роберт Фоссард, как сказано в источнике, «возложил этот дар посредством *baculus* на алтарь <церкви> св. Пистра». ³⁴

Очевидно, в обеих грамотах речь идет о дарении одного и того же земельного владения. Сейзина как таковая упомянута только в первой грамоте, составленной от имени Дуранда. Можно, однако, предполагать, что свое подлинное завершение сейзина получила в общем акте лорда и наследника дарителя, когда они возложили *baculus* на алтарь. То, что дарение, совершенное от имени Дуранда, и заключительный акт с участием лорда и наследника Дуранда состоялись в разное время, подтверждается разными списками свидетелей названных грамот.

Этот же пример дает пищу для размышления о функциях самого акта сейзины. Дуранд передавал права без всякого изъятия, что и должен был обеспечить акт сейзины. Можно ли права самого Дуранда определить, как вытекающие из акта сейзины, мы не знаем. Ведь даже если сеньор оставлял за собой, как пишет Брактон, *nudum dominium*, все равно определенные службы полагались. В столь ранний период, когда документ был составлен, сами эти службы еще оставались реальностью, и с интересами сеньора надо было считаться. Вот утрату этих-то служб и должен был подтвердить сам сеньор своим участием. С другой стороны, в нашем распоряжении достаточно примеров, когда акт сейзины никем не подтверждается. Одним словом, акт сейзины здесь оказался как бы разделенным между самим действием и символизирующим его предметом. Очевидно, в этом конкретном случае только в единстве всех действующих лиц он и мог получить свое завершение. Скорее всего, сам Дуранд не располагал правами на это имущество, которые могли бы рассматриваться как вытекающие из акта сейзины.

Наиболее полную картину того, как передача имущества путем сейзины сопровождалась заключительным актом со стороны лорда, мы находим в упомянутом выше примере с символом, названным *lignum*. Заметим, что в отличие от того случая, когда отчуждались права в лесу герцогом Робертом, здесь использование символа *lignum* никак не связано с характером передаваемого имущества, а перевод слова *lignum* затруднен, поскольку им могли обозначать любой предмет, сделанный из де-

рства, в том числе и древко копья.³⁵ Некто Рейнальд Роег продал в полном объеме монахам Уитби все права (*totum jus*), коими он располагал на имущество в Северном Йоркшире, а именно — 6 боват земли в Торпе и четыре дома в Йорке, — что и зафиксировала грамота, составленная между 1150—1170 гг. от имени его лорда Роджера де Моубри.³⁶ В то же время Рейнальд передал его посредством «палочки» своему сеньору с тем, чтобы оно служило пользе новых владельцев под покровительством последнего. Роджер совершил обряд сейзины в пользу монахов Уитби посредством того же символа *lignum*, который Рейнальд ему предварительно передал: *et saisivi per idem lignum per quod et concessi illud*.

Едва ли даритель имел статус горожанина, хотя подаренное имущество в городе Йорке составляло четыре дома (*mansura*). Ведь в качестве его сеньора выступал не кто иной, как барон Роджер де Моубри, семья которого принадлежала к высшей англо-нормандской знати.³⁷ Укажем и на то обстоятельство, что в одном из документов фамилия Рейнальда выглядит как *la Roes*, что выдает его французское происхождение. Он вполне мог принадлежать к рыцарскому сословию. В том, что многие феодалы владели в ту пору домами в городах, нет ничего необычного.

Привлечение к акту передачи имущественных прав путем купли-продажи такой важной персоны, как Роджер де Моубри можно объяснить равно и статусом передаваемого имущества, в отношении которого Роджер, по-видимому, имел некоторые права, так и простой потребностью в обеспечении прав нового владельца путем установления особого рода покровительства со стороны лорда. И в этом случае, как можно думать, акт сейзины полностью мог быть завершен только при участии лорда.

Наряду с теми документами, в которых нашла отражение практика участия вышестоящих сеньоров в акте сейзины, можно привести и примеры, где получателем имущества выступает сам лорд. Грамотой, которую можно датировать 1114—1130 гг., засвидетельствовано, как некто Ульнот де Валеброк продал принадлежавшее ему земельное владение аббату Рэмзи Рейнальду (1114—1130), который был лордом названного Ульнота.

с тем, чтобы тот владел им на пользу церкви Рэмзи более полно и на все времена.³⁸ Отметим попутно, что часто в рассмотренных нами документах речь идет именно о продаже имущества. В источнике сказано, что одна часть проданного имущества находится в местечке Валеброк (Walebroc), давшем прозвище самому Ульноту, причем особо отмечается, что там находятся каменный дом и большой амбар. Ульнот владел названной землей с каменным домом и амбаром в качестве собственного домсна (*quae sua fuit dominica*). К этому владению примыкали деревянные дома, построенные на средства Ульнота (*domos de ligno*) в пределах феода, который он держал от аббата с правом наследовать (*feudum et hereditatem alterius terrae*). Одновременно с собственной землей и находившимися на ней строениями Ульнот продал аббату Рэмзи свои права на названный феоде с построенными в его пределах домами и совершил в отношении всего проданного таким образом имущества акт ссизины (*saisivit eum per quendam baculum*). Обратим внимание, что личные владения Ульнота, каковыми он распоряжался свободно, и феоде, который он держал от аббата, — все они подпали под действия акта ссизины, что в очередной раз свидетельствует о расширении сферы его применения, но в любом случае предполагало наследственный статус отчуждаемого этим актом имущества. Акт ссизины был совершен в доме некоего лондонского горожанина при участии членов специального городского суда (хустинга) Лондона.³⁹

В документе из аббатства Уитби, который можно датировать временем ранее 1135 г., некто Паган (Paganus) даровал полкарукаты земли и усадьбу (*toftum*),⁴⁰ относившихся к феоде Роберта Брюса (1078—1141/2) 1-го лорда Аннандейла, представителя влиятельного англо-нормандского рода и крупного землевладельца в Шотландии и Англии. Это земельное владение и строение были свободны от каких бы то ни было повинностей и платежей, кроме выплаты «датских денег» (*praeter danegeldum Regis*).⁴¹ Обращает на себя внимание имя отца Пагана — Осберн (Paganus filius Osberni), свидетельствующее о его возможном не-нормандском происхождении.⁴² Возможно, и сам Паган был не только из местных землевладельцев, но и принадлежал к скандинавским поселенцам, отправлявшим опре-

деленные публичные обязанности. Трудно сказать, был ли выбор символического предмета, примененного в акте передачи владельческих прав, как-то связан именно с укоренившимися здесь скандинавскими традициями. У нас нет оснований полагать, что Паган располагал правами, которые обеспечивал акт сейзины, поскольку об этом в документе ничего не сказано. Да и само указание на феода Роберта Брюса должно предостеречь от оценки владельческих прав Пагана как независимых от воли сеньора. И все же о том, что Роберт Брюс подтвердил дар Пагана нам ничего не известно. Известно между тем, что для Севера была характерна практика свободного распоряжения землей, так что указание на феода Роберта Брюса могло быть не более чем попыткой точнее определить географическую принадлежность имущества, а вовсе не его юридический статус.⁴³ Тем не менее в документе сообщается, что дар сделан во спасение души не только самого Пагана, но и его лорда Роберта Брюса, иными словами, передача имущества была совершена с явного согласия лорда, которое могло заключаться, например, в том, что он допустил изменение границ собственного манора. О прямом участии лорда в акте передачи владельческих прав, однако, ничего не сказано, и, очевидно, он действительно отсутствовал при совершении этого действия.

По-видимому, мы имеем дело с правом самостоятельно распоряжения своим имуществом в следующей грамоте. Вильгельм де Аргентон доводит до сведения всех «видящих и слышащих», что он «уступил и даровал» церкви и монахам Уитби две боваты земли, относящиеся к его домену и расположенные в местечке Аппельтон, которые прежде уже даровал им его отец.⁴⁴ Кроме того, он даровал им участок под постройку (или саму постройку) в той же вилле (*et quoddam toftum in eadem villa*). Он передаст дарованные права на две боваты в том же объеме, как и его отец, а именно, «полностью» «во всех местах» (*plenarie in omnibus locis*), т. е., не выговаривая себе никаких прав на пользование отдельными участками дарованной земли.⁴⁵

В источнике сообщается, что Вильгельм совершил передачу имущества, используя ту самую палку, с помощью которой его отец в свое время совершил обряд сейзины в пользу при-

ора Вальтера (*per eundem baculum per quem pater meus Walterum, ejusdem loci priorem, de eadem terra saisiverat*). При этом он действовал точно таким же образом, как и его отец, а именно, путем возложения палки на алтарь церкви Уитби (*super sanctum altare ecclesiae de Whiteby in perpetuum optuli*). Почти нет сомнений, что указанный символ был сохранен в монастыре во свидетельство совершенного ранее акта сейзины.⁴⁶ А тот факт, что потребовалось подтверждение дара, может указывать на известные опасения монахов за сохранение его целостности.

В документе ничего не сказано об участии лорда. Известно, однако, что между 1154 и 1166 гг. Вильгельм Перси (по всей видимости, 2-й лорд Перси (ум. ок. 1174—1175) подтвердил дар двух боват в пользу Уитби. Возможно, дар, совершенный Вильгельмом, требовал предварительного согласия лорда, но на этот счет документ ничего определенного не говорит, как остается неизвестным, сколько времени прошло (и прошло ли) между даром Вильгельма и подтверждением его со стороны лорда.⁴⁷

* * *

В рассмотренных выше примерах передача палки-символа служила знаком вполне реальных имущественных прав. Вместе с тем мы сталкиваемся с рядом документов, отразивших передачу с помощью этого символа лишь, так сказать, заявленных прав на то или иное имущество. Передача самих прав становилась итогом решения судебного спора — «*calumpnia*». Как уже упоминалось выше, применение здесь символа палки могло быть уже следствием нормандских нововведений, а именно, судебного поединка.⁴⁸

Так, в документе, который может быть датирован 1114—1123 гг., речь идет о правах на церковь селения Шитлингдон (*Schitlingdone*), располагавшегося, по-видимому, вблизи Хантингдона, где был решен спор между аббатом Рэмзи, уже известным нам Рейнальдом, и Бальдвином, в доме некоего Дрого. В свое время отец Бальвина, действующего лица документа, и сам Бальвин отказались от своих прав на указанную цер-

ковь в пользу монастыря в Рэмзи. После смерти отца Бальдвин попробовал вернуть обратно переданное имущество, инициировав судебное разбирательство. Как сказано в источнике, Бальдвин, движимый алчностью, добился получения от короля документа на возвращение ему церкви, которое было бы оформлено актом сейзины (*Baldewinus, avaritiæ commotus, quæcivit per breve Regis ut resaisiretur*). Но поскольку в приказе содержалось указание, что акт сейзины должен был последовать только после принятия соответствующего решения (*ut per rectum resaisiretur*) в одной из курий, аббат предложил Бальдвину на выбор решить вопрос либо в собственной курии аббата, либо в курии епископа Линкольнского, который уже прежде, еще при жизни отца Бальдвина, вынес свое решение относительно принадлежности церкви аббатству Рэмзи.⁴⁹ Осознав тщетность своих усилий, Бальдвин отступился от своих требований, передав вместе со своим братом Бурредом аббату посредством палки-символа все, на что он притязал (*per quemdam baculum ... iterum reddidit prædicto abbati ... quicquid calumniabatur*).

В ряду случаев, когда сейзина осуществляется в отношении спорных прав на имущество, по-видимому, следует упомянуть и уже рассмотренный пример сейзины в отношении участков земли со строениями, как мы предположили, в окрестностях Лондона. Передача денег за проданное имущество там была совершена в судебном собрании. Иными словами, отказ прежнего владельца от своих прав, пусть и путем продажи, возможно, произошел в результате судебного решения.

В следующем документе, который не удастся датировать точнее, чем 1117—1135 гг., отражен спор о правах на мельницу в местечке Лонгфорд (*Longeford*), принадлежавшую аббатству в Абингдоне (Оксфордшир).⁵⁰ Некто Вильгельм во времена аббата Фариция (ум. 1117) уступил монастырю в Абингдоне мельницу на правах фирмы, которой можно пользоваться без ограничения срока (*in perpetuum firmum*), и знак передаваемого имущества поместил на алтаре (*donum super altare posuit*). Источник не сообщает нам, какой конкретно предмет служил символом передаваемого имущества. После смерти аббата Вильгельм пожаловался королю, находившемуся в то время

в Нормандии, что монастырь владеет мельницей, скорее, по воле покойного аббата, чем по собственной воле Вильгельма (*vi potestatis praedicti abbatis potius quam suae voluntatis*). Очевидно, Вильгельм пытался представить дело так, что фирма была арендой сроком на одну жизнь, а именно, жизнь аббата. После его смерти Вильгельм и решил истребовать имущество себе, но столкнулся с противодействием монахов, полагавших, что фирму они получили наследственную, права на которую были оформлены актом сейзины. Благодаря вмешательству короля, Вильгельм был введен во владение мельницей путем сейзины (*Regis mandato saisitus est*).

Однако, узнав позднее суть дела от выступившего посланником монахов Вальтера, капеллана Вильгельма де Бохланда, король предписал вернуть аббатству права на мельницу путем повторного акта сейзины (*precepit resaisiare ecclesiam*). Вильгельм, как сказано в источнике, сам исправил совершенное им противоправное действие и, отказавшись перед собранием монахов от всех заявленных им прав, подтвердил свою новую волю посредством символа *baculus*, который он возложил на алтарь (*in ecclesia super altare Domini per baculum illic impositum confirmavit*). Есть веские основания полагать, что некогда акт сейзины (*resaisire*) в пользу самого Вильгельма был осуществлен с применением того же символа. Можно думать, что права на мельницу, от которых позднее Вильгельм отказался, были оформлены таким же символическим актом. Это тем более вероятно, что изначально мельница действительно передавалась на вечные времена (*perpetuum*). Владение мельницей входило в систему сеньориальных баналитетов. Не приходится сомневаться в высоком общественном положении главного действующего лица в этом документе. К тому же из документа мы узнаем, что Вильгельму покровительствовал сам король.

Как нам представляется, отказ от прав на имущество как итог судебного разбирательства (возможно, фиктивного) отразил и нижеследующий документ, который датируется 1182 г. По крайней мере, в нем сказано, что акт передачи прав состоялся в полном собрании королевского суда перед лицом шерифа города Оксфорда Роберта, а также горожан Оксфорда (*in pleno placito*). Суть дела заключалась в следующем.

Некто Роберт, сын Ингуна, уступил и «освободил» (*concessit et liberavit*) в пользу Валерана де Кирклейда (*de Cirkelade*) всю свою землю, которая располагалась в Оксфорде с тем, чтобы Валеран и его наследники держали эту землю от него и его наследников за плату в размере десяти солидов ежегодно. Эта передача земли в аренду была совершена за плату со стороны Валерана в размере восемнадцати марок серебром. Документ никак не освещает предшествующие события, но, как видно, между ними возник спор, в ходе которого оба пошли на уступки, причем Роберт не упустил свою выгоду. Возможно, он претендовал на полное владение спорной землей. Об этой земле сказано, что она находилась между домом Эсвина, друга Виарда, и домом Фулькона Дагуна.

В условиях города даже небольшой участок земли мог приносить доход самому арендатору, и последнему было важно закрепить свои права. Поскольку речь шла об отчуждении всей земли и всех прав, равно как и о наследственной аренде, свободу распоряжения имуществом здесь можно предполагать *a priori*. Правда, есть большая вероятность того, что мы имеем дело с городским держанием, подверженным известным ограничениям. В любом случае, символическая плата в 10 солидов фактически изымала эту землю из оборота прежних ее владельцев. Как бы там ни было, но акт сейзины здесь предстает если не естественным, то и не противоречивым: *hanc conventionem et saisinam hujus terre fecit ... per baculum quendam*.⁵¹ Отметим только, что составитель документа использовал не привычную для нас глагольную форму *saisire*, а близкое ей по значению существительное «сейзина», между тем выражение *saisinam hujus terre* можно перевести как «сейзину в отношении этой земли».

В завершении раздела о функции символа *baculus* стоит указать на редкий пример параллельного употребления этого популярного символа вместе с другим, не менее распространенным, — «ножом» (*cultellus*), к рассмотрению которого мы вскоре перейдем.

Некто Вильгельм Вирфальд передал в качестве благочестивого дара аббатству Уитби полкарукаты земли вместе с местом под постройку в местечке Хильдервелл, расположенном

в восьми милях к северо-западу от Уитби, с согласия сына Вильгельма ради спасения своей души, причем на праве такого же свободного от всех поборов владения, которое принадлежало ему самому.⁵² Как сказано в источнике, Вильгельм сначала наделил этой землей приора Вальтера (дело происходило в 1148 г.), совершив обряд сейзины посредством палки-символа при множестве свидетелей в селении Хилдервелл где находилось дарованное имущество (*de illa terra prius scisiavi Priorem Walterum per unum baculum in Hilderwelle coram multis testibus*). Затем Вильгельм и его сын возложили свой дар, символизируемый ножом, на алтарь церкви св. Петра в Уитби.

Несомненно, сейзина посредством палки-символа была, хотя и необходимым, и сама по себе достаточным, актом ввода во владение одариваемых лиц, но возложение ножа на алтарь представляло собой более значимый акт, которым выражалось особо торжественное пожалование прав новым владельцам со стороны знатного лица. Как известно из параллельных источников, сын дарителя свидетельствовал грамоты одного из видных северных баронов — Роберта Брюса. Этот документ интересен еще и тем, что служит дополнительным подтверждением архаичности и самого символа *baculus* и акта сейзины, поскольку был совершен именно там, где имущество и располагалось, может быть, даже в его границах, что позволяет говорить о более тесной связи именно символа *baculus* с сейзиной.

Подводя некоторый итог вышеизложенному, выразим мнение, что символ «палка» применялся в акте сейзины пусть и не последними людьми в феодальной иерархии, но все же стоящими ниже знати, для которой, как мы увидим ниже, было характерно прибегать к символу нож с целью демонстрации власти и высокого социального положения, равно как, вполне вероятно, имущественных прав, покоящихся на праве завосвателей. Среди лиц, применявших палку-символ, выступают жители Лондона и Оксфорда, также как и потомки скандинавских поселенцев, например Паган сын Осберна. Подтверждения тому, что *baculus* не является типичным для знати символом, мы находим в примерах, когда этот символ передается сеньору, который и совершает акт сейзины, его вассалом. Но они же свидетельствуют о том, что символ *baculus* не связан с актом сейзины, так

сказать, генетически, но скорее исторически. Однако связь эта может быть объяснена общностью понимания сейзины как акта демонстрации собственных прав и власти, с одной стороны, и определенными представлениями о палке-символе, как выражении этой власти и ее источнике — с другой. Не имея возможности объяснить этот символ из собственно английского материала, исследователь должен обратиться к историческим параллелям.

Символ *baculus* и возможные параллели с ним

Выше отмечалось, что в историографии существуют самые разные точки зрения на происхождение этого символа и его роль в деле оформления имущественных прав. Проведенное исследование, а также параллели с правовыми традициями у других народов наводят на мысль о том, что копье, весьма распространенное оружие древних германцев в целом, и скандинавов в частности, могло с течением времени превратиться в символ.⁵³

Копье выступало не только символом завоевания, но и символом верховного божества — Одина — тоже бога-воина, под предводительством которого боги-асы скандинавской мифологии вели войны с ванами, что отразило, несомненно, факт военных переселений предков скандинавов.⁵⁴ «В норвежском варианте мифа Вотан перед смертью уязвляет себя копьем и предлагает тем, кто верен ему, поступить точно так же... Раны, должно быть, наносились и при инициации, описанной Тацитом: юноше вручали оружие (фрамею. — *А. К.*), он становился воином, следовательно, свободным человеком».⁵⁵

Сопоставление символа *baculus* и копья покажется еще более убедительным, если мы обратимся к формам передачи владельческих прав у ряда германских народов, как это отражено в нарративном материале и в законах. Укажем только на два ярких примера.⁵⁶ В первом случае речь идет о переходе наследственного имущества к дочери при отсутствии, надо понимать, потомков мужского пола. И, как сказано в источнике, «только тогда наследство переходит от копья к веретену» (*et tunc demum hereditas ad fusum a lancea transeat*).⁵⁷ Очевидно, при на-

личии потомков мужского пола передача имущества осуществлялась путем вручения копья, чем признавался полноправный статус наследника. В другом документе описана передача королем Гунтрамном королевской власти посредством пики (*hasta*) королю Хильдесберту.⁵⁸ Использование копья в качестве символа у франков вообще прослеживается в королевском церемониале.⁵⁹ Обряд передачи копья преемнику можно наблюдать и в лангобардском праве, причем даритель не должен иметь наследников мужского пола.⁶⁰

В известных нам источниках англосаксонского права символ *basulus* не засвидетельствован, но зато в завещании Альфреда Великого указано, что имущество было получено его дедом со стороны копья, а не прялки (что поразительным образом совпадает с соответствующим положением «Тюрингской правды»).⁶¹ По замечанию Ф. Либермана, англосаксонские законы не знают подобного рода разделения, что, впрочем, неудивительно, поскольку наследственное право вообще плохо или никак не отражается в варварских правдах.⁶² Нетрудно предположить, что применение символа *basulus* слилось с аналогичной практикой завоевателей. Анализ памятников норвежского и шведского права позволяет провести любопытные параллели.

В норвежском праве достаточно детально изложена процедура передачи и раздела наследственного имущества, которая называлась скейтинг (*skeityng*). Этимологически название процедуры восходит к слову «пола» (*skaut*), поскольку продавец должен был кидать в полу новому владельцу горсть земли, собранную из четырех углов очага, из-под хозяйского места и там, где пашня соединяется с лугом. И «если показания свидетелей сочтут удовлетворительными, тингманы должны передать ему (продавцу) землю посредством потрясания оружием. Эта процедура называлась *vårnatak* (*wapentak*).⁶³ Та же процедура следовала и в том случае, когда продавец отказывался без оснований от акта *skeityng*.⁶⁴ В таком случае говорили, что «земля как бы сама собой передается в полу». ⁶⁵ В одном из дипломов, изданном сначала Грэй Дж. де Бирчем, а затем А. Дж. Робертсон, мы находим упоминание «*spere hand*».⁶⁶ Достаточно сказать, что в англосаксонском языке аналогом выражения «*spere hand*» были такие слова, как *wæpnedhealf*

(мужской род) и *waepnedhand* (наследник мужеского пола). Несложно в последнем случае в корне *waern* (<**waernan*) усмотреть современное английское «*weapon*» — оружие (англоготландск. *waern*, отсюда же *waepnedmann*, в значении «человек, мужчина»).

Такой священный характер обряда и его явное главенство по отношению к процедуре *skeityng* дает основания полагать, что сама процедура *värnatak* была более древней, поскольку то, что древнее, было более священным и авторитетным.⁶⁷ Обряд *värnatak* символизировал окончательность сделки. Процедура *skeityng*, по-видимому, применялась при любом отчуждении имущества. Никакая конкретизация относительно природы сделки не приводится. Тот же В. А. Закс в одном месте говорит о разделе, а в другом — о продаже имущества.

В шведском правовом лексиконе существовала аналогичная процедура, которая называлась соответственно *skjötning* или *sköttning*. Вот как она описывается: «Помощники разворачивали накидку, и продавец бросал в нее некоторое количество земли, <произнося при этом> торжественную формулу отчуждения... Прежде применяли (участники акта. — А. К.) и палку, к которой должны были прикоснуться 12 свидетелей».⁶⁸ Последнее замечание наводит на мысль о сходстве потрясания оружием тингманами и прикосновения к палке свидетелей рассмотренного акта. Для описания процедуры *skjötning* применяли и особую аллитерированную формулу, что, по-видимому, служит косвенным свидетельством древности самого акта, «*skaft och sköte*», а в немецком языке эквивалентом ей служит другая аллитерированная формула: «*Hand und Halm*».

Исследователь А. Михельсен полагал, что слово «*Halm*» можно перевести не просто как соломинка, но как «стержень, палка, древко копья». Правда, он в качестве синонима использует слово «*Schaft*», а не «*Stab*».⁶⁹ Примеры из источников старонемецкого права в словаре Я. Гримма свидетельствуют о том, что современники использовали слова *stab*, *stecken*, *speer*, *stock* и др. как синонимы. В Швеции была весьма распространена практика, когда через семь ночей после предварительного соглашения между продавцом и покупателем, они должны были вновь собраться с участием специальных свидетелей уже для

передачи денег и устной передачи имущества. При этом такие свидетели в процессе всей процедуры должны были держать посох или копье.⁷⁰ Поэтому связь символа *baculus* с копьем в шведской правовой традиции представляется правдоподобной.

О том, была ли известна датскому праву — ведь основную массу поселенцев в Англии составляли датчане — процедура *vårnatak* и акт *skjöttning*, мы остаемся в неведении. Как бы то ни было, кажется вполне вероятным, что символ воина-приобретателя имущества и полноправного участника всевозможных юридических процедур — копье — с течением времени мог претерпеть трансформацию по мере оседания новых завоевателей. Новое понимание этого символа как проявления власти домохозяина и символа домохозяйства могло с течением времени сменить первоначальную связь символа «палка» с военным захватом. Так, например, вряд ли что-либо воинственное было в аналогичных актах швейцарских крестьян, согласно обычаям которых старый владелец протягивал палку (*stab*) новому владельцу в присутствии старосты (*amman*) или какого-либо должностного лица еще и в XVIII в.⁷¹

Можно выйти за рамки германской традиции и посмотреть на римское право. Так, в частности, юрист II в. н. э. Гай отмечает, что при виндицировании раба, истец должен был коснуться его палочкой (*festuca*), которая заменяла собой копье, поскольку считалось, что власть, приобретенная копьем, является самой прочной.⁷² Можно указать и еще на одну процедуру — так называемую *subhastatio*, представлявшую собой публичную продажу с аукциона, поскольку первоначально при продаже захваченного на войне имущества клали копье (*hasta*) как символ прав на него.⁷³ Если мы вспомним, что институт сейзины мог формироваться в сходных условиях с институтом римского владения, то почему бы не предположить, что и франки могли разделять соответствующие представления?

В завершении раздела о символике сейзины остановимся на одном любопытном пассаже в трактате Брактона, в котором говорится следующее: передача любого имущества, если она не была обставлена какими-то особыми ритуалами в зависимости от типа имущества (например, передача владельче-

ских прав на дом сопровождалась прикосновением к дверному косяку, засову, кольцу в дверях дома *per ostium, per haspam et anulum*), должна была осуществляться так, как «обычно говорится — посредством посоха и палки» (*quos vulgariter dicitur per fustem et baculum*). Далее в трактате сказано, что сама по себе символическая процедура должна осуществляться в границах передаваемого объекта (*et sufficit sola pedis positio cum possidendi affectu*), после чего даритель должен был навсегда оставить имущество в пользу одаренного (*non sufficit quod donatarius utatur in aliqua parte ... nisi donator et omnes sui omnino a possessione exeant*).⁷⁴ Впрочем, здесь мы склонны усматривать прямое заимствование из римского права, поскольку в германском и англо-нормандском праве такое прямое присутствие на отчуждаемой земле фиксируется крайне редко и представляет собой не более чем реликт. Как отметил Ф. У. Мэйтланд, в этом требовании находит отражение знакомство автора с трудами ученых юристов, но они должны были отвечать и представлениям самих англичан.⁷⁵ Одним словом, фактический ввод во владение, как показывает трактат Брактона, предполагал отказ дарителя от всех прав на имущество сразу же после акта его передачи, в чем можно видеть продолжение древнегерманских традиций.⁷⁶

Подводя некоторый итог, отметим, что хорошо засвидетельствованная связь символа *baculus* и акта сейзины предстает в документах явлением сравнительно новым. Как было показано в первой главе, древнейшая форма акта франкской *sacire*, по-видимому, не предполагала применение какого бы то ни было символа в качестве необходимого компонента самого действия. Ничего определенного не говорят нам и нормандские документы. Тем не менее стоит учитывать, что сам по себе акт *sacire* осуществлялся в среде вооруженных франков, а копье и как оружие, и как символ соответствовало правовой практике германцев.

Ограниченность материала, таким образом, позволяет нам говорить лишь о появлении некой ассоциативной связи между передачей символа палка (думается, что эта традиция могла иметь не только континентальные истоки, но и практику жив-

ших в области Датского права, несмотря на чудовищные опустошения периода подавления северного восстания) и актом сейзины, поскольку его юридические последствия и последствия символического действия, сопровождавшегося передачей символа, были тождественны. Нельзя исключать, что с течением времени копье как оружие, которым передаваемое имущество и было обретоено прежним владельцем, могло эволюционировать в символ *baculus* даже без явной внешней связи с актом сейзины.⁷⁷ В то же время социальная среда, в которой первоначально функционировало копье, сложилась еще в период «военной демократии», где между дружинниками франкских королей и, надо полагать, рядовыми свободными франками не было еще непреодолимой преграды. В аналогичной среде функционировал и акт *sacire*, а позже — сейзины. В любом случае, к XIII в. традиция приобретать права на имущество путем акта сейзины, сопровождавшаяся вручением новому владельцу палки-символа, насчитывала, по меньшей мере, столетие, что и отразил трактат Брактона. Можно полагать, что практика применения символа *baculus* не исчезла в XIII в., несмотря на частоту использования документа как формы удостоверения совершенной сделки. Современники, в этом почти нет сомнений, все еще действовали в соответствии с неписаными традициями передачи владельческих прав.

Потестарные символы англо-нормандской знати: «нож» и меч

В отличие от символа *baculus*, символ *cultellus*, в том виде как он предстает на страницах источников англо-нормандского периода, является символом новой англо-нормандской аристократии.⁷⁸ Военный характер колонизации дал не только новый слой знати, но и вызвал изменения в отношениях к собственности и в символике процедур, регулировавших эти отношения. Рассматривая англо-нормандское общество, всегда стоит помнить о том, что «война, — как отметил М. Стрикланд, — была *raison d'être* англо-нормандской аристократии, предельным оправданием ее социального превосходства в мире, глубоко

подверженном влиянию войны».⁷⁹ Думается, что анализ символа «нож», который был, по всей видимости, принесен завоевателями, позволит четче представить себе новую систему потестарных и имущественных отношений.

В этой связи представляется оправданным в первую очередь обратиться к мечу, как наиболее заметному символу власти и прав новой знати, хотя на страницах источников он появляется еще реже, чем нож. Между тем даже имеющиеся примеры не оставляют сомнений в том, какие, собственно, ассоциации вызывал меч, использовавшийся как символ.⁸⁰ Здесь мы рассмотрим наиболее показательные из них, но начнем, по традиции, с континентальной практики.

Еще в конце V в. папа Геласий I (492—496) обосновывал учение о двух мечах: светском и духовном, которые должны действовать сообща. Неудивительно, что меч стал одновременно и знаком сначала королевского, а потом и императорского достоинства. Постепенно процесс феодализации еще более усилил функцию меча как символа верховной судебной и военной власти, вот только теперь ее носителями выступали уже не короли, а крупные феодальные сюзерены. Практика препоясывания мечом как символ включения в новую социальную страту в Англии получает повсеместное распространение между 1100 и 1130 гг.⁸¹ Ранние примеры, правда, отсылают нас еще к королевским инсигниям, как например запись в анналах аббатства Сен-Бертен под 877 г.

Королева Рикильда, вторая жена Карла II Лысого (843—877), пришла в Компьен к Людовику, будущему королю Людовику II Заике (877—879) с предписанием, согласно которому отец Людовика перед смертью передал ему королевство. В знак этого она принесла меч (в источнике употреблено более редкое слово «*spatha*», обозначавшее длинный широкий меч), чтобы посредством этого меча наделить его властью над королевством (*et spatham, quae vocatur S. Petri, per quam eum de regno revestiret*). Помимо меча были принесены другие королевские инсигнии: одеяние, корона и жезл из золота, инкрустированный драгоценными камнями.⁸²

Пример того, как меч выступает символом королевской власти, можно найти в хронике Дудона Сен-Кантенского, нашего

главного источника по истории Нормандии X в. История, которую он рассказывает, является, по всей видимости, вымышленной, но она отражает представления современников о символах власти. Дудон утверждает, что король Англии, некто Alstemus (речь идет о вожде датчан Гутруме (ум. 890), названном при крещении Этельстаном),⁸³ даровал Роллону Пешеходу (будущему первому герцогу Нормандии: ок. 860—932) половину королевства, равно как и половину всего, принадлежавшего ему имущества. После этого Роллон помог королю справиться с мятежниками и вернул королевство Гутруму-Этельстану со словами: «Королевство, которое ты мне прежде даровал, возвращаю тебе посредством этого меча, рукоятка которого стоит 12 фунтов золотом».⁸⁴

Прямым аналогом меча Людовика Заики и меча Этельстана может служить меч герцогов Нормандских, вручение которого наделяло наследника английского престола правами на власть в нормандском герцогстве. Меч играл в Нормандии ту же роль, что и корона английских королей.⁸⁵ Все тот же Дудон приводит красноречивый пример применения меча как символа герцогской власти. Речь идет о событиях 942 г., когда якобы при посредничестве нормандского герцога состоялась встреча королей Восточной и Западной частей империи франков недалеко от Вице. Насмешки воинов короля Оттона (Дудон называет его Генрихом) вызвали гнев дружины Вильгельма, которая начала бесчинствовать. Только после того, как им был представлен меч, они не только успокоились, но и разошлись по домам, понунив голову: *non modo adquiescunt, verum summisso vultu ... contra ensem, domos dimiserunt...*⁸⁶

Еще чаще меч выполнял особую роль символа судебной власти. Так, согласно грамоте герцога Роберта I Великолепного (1026—1035), отца Вильгельма Завоевателя, некто из служащих Роберта был наделен всеми правами и привилегиями в том объеме, в каком ими обладало всякое должностное лицо, отвечавшее за охрану лесов и взимание особого налога по всей Нормандии за выпас свиней в лесу (*unus ex magistris reguaratoribus et panagatoribus*). Одновременно одаренный получал полномочия лица, отправляющего от имени герцога правосудие в отношении выпаса скота в лесу, причем символом герцогской

юрисдикции выступал меч (*ad justitiam gladii mei*).⁸⁷ Трудно сказать, как относиться к документу, изданному в словаре Ш. Дю Канжа, поскольку в обстоятельном издании грамот герцогов Нормандских, подготовленном М. Форо, этот документ найти не удалось (впрочем, не была ли грамота утеряна уже тогда?). И все же, если не действительную ситуацию, то дух эпохи документ передает вполне точно.

Примеры подобного рода мы находим и в Англии, хотя о том, насколько точно они отражали реальную ситуацию, сказать ничего определенного нельзя, поскольку эти документы почерпнуты из словаря все того же Ш. Дю Канжа. В грамоте графа Гуго Честерского (1042—1101) сказано, что он по праву меча настолько же свободно владел графством Честерским (*comitatum adeo liberum ad gladium possedisse*), как король владел всей Англией (*sicut ipse rex tenebat totam Angliam*).⁸⁸ Надо понимать, что и власть короля над Англией тоже была связана с символом «меч». Речь, по всей видимости, шла о Вильгельме Завоевателе, хотя сам Гуго умер в 1101 г. в Честере. Понимать же пассаж о графстве надо в том ключе, что Гуго был полновластным представителем короля в Честерском палатинате (известный аналог марки) на беспокойной границе с Уэльсом. В любом случае, военная природа его власти сомнению не подлежит.

В хрониках XII в., кроме того, содержится ряд примеров обряда препоясывания мечом, символизировавшего приобретение юрисдикции в графстве. Эти же хроники свидетельствуют о том, что процедура препоясывания мечом могла иметь место уже после того, как человек получал сам титул графа и фактически пользовался графскими прерогативами (впрочем, как хорошо известно, графств в континентальном смысле этого слова Англия не знала). Так, Роджер Ховеденский сообщает, что король Иоанн опоясал мечом Вильгельма Маршала (известного также как Гийом ле Марешаль) (1146/47—1219) и ряд других представителей знати в день своей коронации (1199 г.), хотя он, Вильгельм, уже был графом Пемброка (Стригла) и отправлял порученные ему функции в графстве.⁸⁹ Подобным же образом обстояло дело и с Джеффри фитц Питером Мандевилем, графом Эссекса.⁹⁰

Ряд примеров передачи аналогичным образом публичных прерогатив встречается и в сборниках королевских грамот начала XIII в. Так, король Иоанн Безземельный в своей грамоте говорит: «...мы вернули, уступили и этой грамотой утвердили (*sciatis nos reddidisse et concessisse et presenti carta confirmasse*) за Вильгельмом II де Ферперсом (ок. 1168—ок. 1247), 4-м графом Дерби, право получать третий денарий от всех судебных споров в свою пользу и в пользу своих наследников (*sibi et heredibus suis*) и собственноручно препоясали графа мечом (*et ipsum comitem propria manu gladio cinximus*)».⁹¹ Меч, как нетрудно убедиться, служит символом передачи определенных доходов, поступающих в силу отправления тех публичных прерогатив, которые, собственно, являлись продолжением прав и обязанностей эрлов в англосаксонской Англии. Однако, насколько нам известно, в англосаксонской Англии эрлу меч в аналогичной ситуации не вручали.⁹²

У нас есть и еще один пример передачи властных полномочий при помощи меча. По приказанию все того же Иоанна Безземельного его юстициарий Джефффри фитц Питер (ок. 1162—1213), герцог Эссекса, опоясал мечом Амори и провозгласил его графом Глостерским.⁹³

Таким образом, примеры использования меча как символического предмета в Англии достаточно разнообразны. За ними стояли различные представления, которые, так или иначе, были определены новыми условиями, сложившимися после завоевания. Можно сказать, что символика меча обогащается и спускается на более низкие ступени социальной иерархии, не переставая быть атрибутом высших социальных слоев. Стоит отметить, что именно английский материал содержит примеры меча как символа владельческих прав, в частности, на завоеванное имущество.

Эту функцию меча довольно обстоятельно в своей работе осветил М. Кленчи, уделив особое внимание истории графа де Варенна. Во время расследования «*quo warranto*» (1274), в ходе которого королевская власть пыталась выяснить основания тех или иных привилегий магнатов, Иоанн де Варенн, 6-й граф Суррея (1231—1304), вместо грамоты, подтверждавшей его права на владения, представил комиссарам Эдуарда I свой ржа-

вый меч. Вся эта история, как справедливо делает заключение М. Кленчи, — выдумка, но она очень хорошо отражает представления современников. Для них это не было чем-то исключительным, так как потомки нормандских завоевателей, в частности графы, верили в то, что их владельческие права покоятся на праве завоевания.⁹⁴

В другом примере, приводимом М. Кленчи, речь идет о мече короля Этельстана (925—939). На след этого меча в скале у города Данбар (Южная Шотландия) как на доказательство своих прав на Шотландию сослался Эдуард I (1272—1307), но сам меч не сохранился. Любопытно отметить, что Эдуард указал на этот факт в официальном письме папе Бонифацию VIII (1294—1303).⁹⁵ Иными словами, сами короли считали правоммерным сослаться на такого рода символы, полагая, что они могут произвести впечатление на главу католической церкви, искушенного в вопросах юридической документации. Сами же эти символы, как следует из рассмотренного примера, суть военные по своей природе, а права английских королей покоились главным образом на силе оружия.

Реже мечи применялись в актах ввода во владение. Два таких примера приводит все тот же М. Кленчи. Самым известным из мечей, которые выступают в источниках как символы передаваемых прав, был фальшион⁹⁶ семьи Конейров (Coneuys). Глава семьи должен был представлять его епископу Даремскому вплоть до 1860 г. как символ прав на имущество, которое эта семья держала от епископа.⁹⁷ В другом документе, уже не раз становившемся объектом нашего внимания, сказано, как некто Томас де Мушам (de Muschamps) принял постриг и совершил акт инвеституры на алтаре, используя меч, что «символизировало не начало, а конец карьеры». Поскольку он покидал мирскую жизнь, то он просто отказывался от своего статуса и его символа.⁹⁸ Можно предполагать, что Томас занимал достаточно высокое место в социальной иерархии, так как весьма вероятно, что этот Томас был родственником Гуго де Мушама и Роберта де Мушама.⁹⁹

А что же нож? Выдвинем не лишнее оснований и все же, скорее, гипотетическое предположение о том, что нож служил до известной степени аналогом мечу.¹⁰⁰ Конечно, критика

такого подхода неизбежна по той причине, что ножи, будучи атрибутом людей не самых бедных и ценясь высоко, служили задачам вполне утилитарным, например разрезанию мяса, которое простые смертные в те времена ели нечасто. Иными словами, видеть в этих небольших острых предметах, редко «удлинявшихся» в своих размерах до мало-мальски приличных кинжалов-*rigiones* или гладиолусов, веских оснований нет. Разве не показательно, что авторы документов используют слово *cultellus*, которое можно скорее перевести как «ножичек», как если бы речь шла о какой-нибудь безделице. Нужны слишком веские причины, чтобы увидеть здесь замену меча. Чем же располагает исследователь?

Во-первых, несмотря на то что некоторые ножи до нас дошли и они, прямо скажем, действительно небольшие по размеру, в хрониках и официальных документах, а именно, ни много ни мало в Великой хартии вольностей 1215 г. мы находим и совершенно другие примеры. В хронике Роджера Вендоверского (?—ум. 1236) речь идет о наемниках Иоанна Безземельного, подавлявших баронский мятеж: *discurrentes strictis ensibus eductisque cultellis ... omnes spoliabant*. Как видим, функции меча и ножа были совершенно идентичны. Другой пример не менее показателен. Это § 37 Великой хартии вольностей. Король обязуется не брать под опеку наследников военных феодалов сержантелей, если те держат и от него, но на праве малой сержантерии, внося в качестве платы ножи или стрелы, или тому подобное. И хотя малая сержантерия может считаться военным держанием с крайне большой натяжкой, поставленные в один ряд нож и стрелы вновь свидетельствуют о вполне военной природе *cultellus*.¹⁰¹

Во-вторых, есть достаточные основания полагать, что подобно мечу применение ножа в качестве символа отчуждения различных прав явилось, главным образом, следствием завоевания, т. е. было заимствовано из практики, характерной для Франкского государства. Так, в частности, нож как один из символов акта ввода во владение, получивших распространение и в Италии, явился результатом франкского влияния. В итальянских документах особо оговаривается, что лицо, которое передает имущество с помощью ножа, живет по салическому

закону (*salica lege vivere*).¹⁰² Следует подчеркнуть, однако, что в Италии этот символ, как правило, применялся в ряду других для более прочного удостоверения передачи некоторого владения, английский же материал чаще показывает совершенно самостоятельное применение ножа-символа.

В-третьих, даже беглое знакомство с практикой применения ножа в Англии (но не Нормандии!) свидетельствует в пользу того, что нож-символ применяется примерно в той же социальной среде, что и меч-символ. В ряде случаев можно наблюдать прямое совпадение их функций.

И, наконец, повторимся еще раз, нож-символ применяется в тех же или сходных ситуациях, что и меч, примером чему может служить один любопытный документ, подлинность которого, почти без сомнений, должна быть подвергнута самой строгой критике, но отразивший все же некоторые представления. Речь идет о грамоте герцога Роллона, упомянутой в работе Э. фон Кюнессберга. В грамоте сказано, что Роллон, предоставив служителям кафедрального собора Нотр-Дам де Шартр дом в местечке Маладон, который приобрел посредством меча, и этим же мечом гарантируя прочность дара, прикрепил к грамоте нож во свидетельство совершенного акта: *teste cultro*. Трудно избавиться от впечатления, что упоминания меча и использование ножа как-то были между собой связаны. Можно думать, что нож как бы свидетельствовал в пользу того, что подаренное имущество действительно было приобретено и гарантировано мечом. О том, что мы имеем дело с явно поздней традицией свидетельствует глагол *garantizare*, совершенно нехарактерный для эпохи Роллона, т. е. для первой трети X в., да и о грамотах этого персонажа нам ничего не известно.¹⁰³

Тот факт, что практика применения ножа в качестве символа не засвидетельствована в скандинавском, в частности шведском, праве, в то время как есть упоминания символа «палка» (*baculus*), наводит на мысль об известной новизне этого символа.¹⁰⁴ В документах Нормандии нож появляется, пусть и sporadически, причем к нему прибегают люди явно не самого высокого социального статуса, что несколько контрастирует с практикой уже собственно Англо-нормандского королевства. Применение же ножа в качестве символа передачи владельче-

ских прав в Нормандии могло стать следствием влияния франкского права, поскольку «нормандское обычное право, зафиксированное в XIII в., на девять десятых является франкским».¹⁰⁵ Нельзя оставить без внимания и тот факт, что число упоминаний символа *cultellus* явно превосходит те документы, которые отразили практику применения символа *baculus*. Нам известны двадцать четыре примера с первым из них. Другими словами, действия подобного рода фиксировались более тщательно, что само по себе свидетельствует о важности этой процедуры, а заодно и о достаточно высоком социальном положении лиц, которые принимали в ней участие. Именно такие владения и лица выступают прежде всего в документах того довольно раннего периода, когда письменное документирование правовых актов еще не стало достоянием широких слоев средневекового общества.

Нельзя никоим образом пройти мимо того обстоятельства, что почти все документы, где символ нож упомянут, датированы, чего не скажешь о тех из них, которые отразили практику применения палки-символа. Но, подобно обратной стороне медали, эти же примеры свидетельствуют о бытовании другого символа, *baculus*, на более низких этажах социальной иерархии. И здесь автор впадает в известное противоречие, поскольку получается, что символ *baculus* применялся в акте передачи владельческих прав, определяемом как сейзина, которым оформлялись отношения вплоть до королевских пожалований, в то время как примеры, где бы этот акт совершался посредством вручения символа *cultellus*, нам практически неизвестны. Не будем спешить с его разрешением, а проанализируем те примеры, которые удалось собрать нам и нашим предшественникам.

Документы хронологически располагаются весьма неравномерно. Три грамоты составлены от имени королей Вильгельма I Завоевателя и его сына Вильгельма II Рыжего (1087—1100) и относятся к 1066, 1069, 1096 гг. соответственно; еще одна грамота, датированная 1089—1090 гг., составлена от имени графа Гуго Честерского. В эту же группу следует включить и пример, приведенный Г. Эллисом. Исследователь использовал регистры монастыря Бери-Сэнт-Эдмунде в Норфолке.¹⁰⁶ Согласно послед-

ним, Вильгельм Завоеватель подарил названному учреждению землю в местечке Брук (Broke) в знак чего он положил на алтарь нож со сломанным наконечником. Позже, в 1349—1350 гг., аббат ссылался уже на дар Эдуарда Исповедника, который «укрепил» нож на главном алтаре церкви: *per quemdam cultellum, quem dicit ipsum fixisse super altum altare dictae Abbatiae*.

Еще одиннадцать примеров датированы первой половиной XII в. (в основном между 1110—1145 гг.); четыре документа дошли от второй половины этого столетия (1151, 1154—1189, ок. 1200 и еще один точно недатированный, но, по-видимому, тоже относящийся к рубежу XII—XIII вв.); один пример попал в протокол разъездного суда от 1213 г. В нашем распоряжении есть еще один документ, приведенный все в той же работе Г. Эллиса, но он, к сожалению, не датирован, и трудно сказать, к какому именно времени он относится. Сам Эллис утверждает, что такие символы передачи прав, как ножи, встречаются чаще всего в источниках середины XI—конца XIII вв.

Все примеры довольно легко локализовать географически, поскольку грамоты содержат указание на место, где находилось передаваемое имущество, причем оно могло располагаться недалеко от главной церкви того монастыря, которому имущество передавалось. Доказательством тому может служить пример с дарением Гуго Честерского, который передал в дар монастырю в Абингдоне деревеньку (*viculus*) Шиппон, расположенную недалеко от Абингдона.¹⁰⁷ В другом примере Вильгельм II вводит аббатство Тависток (*Tavistock*) во владение манором, который располагался в графстве Девоншир. Там же находилось и само аббатство.¹⁰⁸

Как бы то ни было, можно думать о повсеместном распространении ножа-символа на территории Англии. У нас есть два примера из графства Глостершир, а именно в грамотах монастыря в Глостере, еще один пример из того же региона (Девоншир); два примера из южной Англии (Сассекс, Гемпшир), два примера из Оксфордшира — одного из центральных графств, а именно из монастыря в Абингдоне. Еще одно место ввода во владение не удастся точно локализовать, возможно, речь должна идти о Глостершире или Хантингдоншире.¹⁰⁹ Наряду с этим у нас есть примеры применения ножа в Норфолке (Восточная

Англия) и Йоркшире. Самый поздний из актов, в котором упоминается дар, некогда сделанный с применением ножа (1213 г.), содержится в записях судебного решения разъездных судей в графстве Линкольншир.

*Функции ножа как символа имущественных
и иных прав*

Остановимся прежде всего на тех примерах с ножом, где таковой выступает символом прав вообще, как реальных, так и заявленных. Самый ранний и вместе с тем весьма выразительный пример представляет грамота, датированная 1066 г., согласно которой Вильгельм, будучи еще герцогом Нормандским, совершил дар церкви св. Троицы в Фекане перед отправлением в Англию.

Имущество, служившее предметом дара, располагалось в графстве Сассекс. По-видимому, герцог Вильгельм так свободно распоряжался еще не завоеванной землей, поскольку не рассматривал избранного знатью и, как сообщают источники, короновавшего самого себя Гарольда Годвинсона в качестве законного короля, ибо, по преданию, еще англосаксонский король Эдуард Исповедник обещал свое королевство Вильгельму. К тому же и Гарольд, когда он оказался фактически в почетном плену у Вильгельма в 1064 г., обещал признать Вильгельма королем, поклявшись при этом на мощах.¹¹⁰ Вильгельм оговорил, однако, что дар будет иметь силу, если Бог пошлет ему победу в Англии.¹¹¹ Некоторым образом эта грамота свидетельствует в пользу нашего предположения о том, что нож-символ является нормандским нововведением.¹¹²

Нож в рассмотренном случае символизирует не реальную власть на передаваемое таким образом земельное владение, а лишь заявленные на него права. Само имущество еще надо было завоевать. Напрашивается сопоставление упомянутого в грамоте ножа с обычным символом герцогской, а позже королевской, власти, т. е. мечом. Если верить рассмотренной выше грамоте графа Гуго Честерского, английские короли владели всей Англией по «праву меча».

Нож как символ мог указывать непосредственно на высокий социальный статус лица, совершавшего тот или иной акт. Помимо грамоты Вильгельма Завоевателя, мы располагаем еще двумя грамотами, составленными от имени королей, которые оформляют свой дар с помощью ножа.

В 1069 г. все тот же Вильгельм Завоеватель даровал монастырю св. Троицы¹¹³ имущество, находившееся в Мидлсексе, при этом он ввел аббата Райнера во владение им путем передачи ножа.¹¹⁴ Источник красноречиво описывает акт передачи имущества. «И король, шутя, как бы проткнул ладонь аббата ножом со словами: „Так должно дарить землю” (*ita terra donari debet*)». Слово «так», несомненно, подчеркивало выразительность жеста, но едва ли затрагивало суть уже привычного, по видимому, для современников символического действия, где передача прав владения осуществлялась посредством ножа-символа.

В 1096 г. Вильгельм II Рыжий ввел аббата монастыря в Тавистоке, Гуимунда, во владение манором Wlurintuna (предположительно, в Девоншире), перед этим признав права на манор, ставший предметом спора между аббатом и королем, передав нож в руки аббата. Нож, использованный при вводе во владение, оставили лежать (в документе сказано: *jacet*) в гробнице (*feretrum*)¹¹⁵ св. Румона, тем самым, очевидно, придав особую прочность и многозначительность совершенному акту, а равно и указав на его бесповоротность.¹¹⁶

Самый ранний из известных нам примеров использования ножа в качестве символа в ближайшем окружении Вильгельма Завоевателя представляет грамота 1089/1090 гг. Граф Гуго Честерский, который прежде, заметим, носил титул виконта Авраншского и, возможно, был незаконнорожденным сыном Вильгельма Завоевателя, в письме к Рейнальду, аббату Абингдона, сообщил о своей воле передать земельное владение аббату.¹¹⁷ Затем был совершен символический акт передачи этого владения путем возложения ножа-символа на алтарь монастырской церкви лично самим дарителем, о чем свидетельствует хроника монастыря в Абингдоне.¹¹⁸ Напомним, что символом графской власти Гуго Честерского выступал меч. Использование тем же лицом ножа как символа передаваемых прав вла-

дения естественно сопоставить с мечом — символом его графской власти.

Несколько более поздний пример использования ножа-символа представителем высшей знати содержит грамота графа Булони Стефана.¹¹⁹ Согласно этому документу, датированному 1135—1136 гг., Стефан передал всю свою землю в городе Кембридж аббатству Бери-Сент-Эдмунде (Саффолк) и лично возложил нож на алтарь в знак совершенного дарения. Трудно сказать, каков был статус этой земли. Известно лишь, что она освобождалась от всех обычных служб (*liberam et quietam ab omni consuetudine*). Каким бы, однако, ни был статус названного земельного владения в пределах укрепленного городского поселения, не подлежит сомнению высокий социальный статус лица, которое в рассматриваемом случае использовало нож при передаче прав на имущество.

Нож как символ заявленных прав фигурирует и в специальных грамотах, удостоверяющих отказ от выдвинутых ранее претензий на определенное имущество. Сошлемся на две грамоты, датируемые XII в., где, впрочем, действуют люди, чей социальный статус вряд ли был высок. Согласно первой из них, некто Ингелармус Варден (*Wardeden*) вместе с сыновьями признал свою вину и возложил нож на алтарь в знак выплаты компенсации (*de culpa quam recognovit ... cultellum pro emendatione posuit*) за несправедливые притязания в отношении ренты в тридцать солидов (*in eisdem triginta solidis hactenus clamaverat*). После чего он передал все права на ренту, которые он и его сыновья могли иметь, посредством того же ножа (*omne rectum per eundem cultellum ... reddidit et quietam clamavit*).¹²⁰ Если со второй частью процедуры все понятно — нож служил символом тех прав, от которых проигравший спор и отказывался, то не стоит ли полагать, что нож здесь играл и роль компенсации. Ведь в первой части процедуры предоставленный нож выполнял функцию «возмещения» (*pro emendatione*). Ножи же могли быть богато инкрустированы и стоить дорого. В этом случае связь с мечом менее очевидна, однако не стоит ли полагать, что в сходной ситуации можно было бы прибегнуть и к мечу, вот только его чрезвычайная дороговизна не позволяла так легко им распорядиться.

Во второй грамоте некто Гальфрид отказывается от претензий на гайду земли (*dimisit calumniam quam clamabat in hyda*),¹²¹ в ознаменовании чего положил нож на алтарь (*super altare ... per cultellum posuit*). В знак защиты прав аббатства на ранее спорное имущество от возможных посягательств со стороны других лиц он опять возложил нож на алтарь. В последнем акте надо, очевидно, усматривать поручительство в заочном отказе от спорных прав, в первую очередь со стороны родственников дарителя.¹²²

Можно еще указать на целый ряд документов, в которых отказ от спорных прав осуществляется путем возложения символа нож на алтарь. Нельзя ли в этом факте видеть аналог отказа побежденного от оружия? По крайней мере, у древних германцев было нормой посвящать оружие побежденных врагов богам, предварительно сломав его.¹²³ Впрочем, нельзя не увидеть здесь и параллелизм с символом *baculus*.

Особое место среди функций ножа-символа занимает подтверждение ранее сделанных даров. В этом случае нож мог употребляться вместе с другими символами, по-видимому, более привычными и древними, однако он оставался более значимым символом, именно в его передаче правовой акт получал свое завершение.

Грамотой, составленной в 1113—1114 гг., Роберт Гернон (*Gerpin*) оформляет дар двух церквей аббатству св. Петра в Глостере. В самой грамоте не сообщается, каким именно образом был первоначально совершен этот дар. Но в письме епископу Линкольна Александру, датируемом 1123—1147 гг., некто Бернард, священник монастырской церкви, говорит о том, что вышеупомянутый Роберт подтвердил дар в присутствии королевы, используя для этого нож-символ (*ipse astante regina ... per cultellum donationem illam confirmavit*). Сам факт дарения двух церквей говорит о том, что даритель был весьма значительным владельцем. Речь идет об одном из видных держателей короля, который неоднократно упоминается в DB. Было также засвидетельствовано, что королева лично подвела дарителя к алтарю (*domina mea Matilda regina Robertum ad altare S. P. conduxit*).¹²⁴

В сравнительно позднем примере, датируемом 1151 г., некто Вильгельм, сын Адона, пожертвовал земельное владение

монастырю через своего представителя, который совершил своей рукой некоторый символический акт (*per manum ... in elemosinam dedi*). В качестве представителя Вильгельма выступает не кто иной, как епископ Винчестера в 1129—1171 гг. Генрих Блуанский (ум. 1171), брат английского короля Стефана и аббат Гластонберийского аббатства. Затем Вильгельм сам подтверждает этот дар в присутствии приора и конвента церкви св. Дионисия, используя опять-таки нож в качестве символа передаваемых владельческих прав.¹²⁵ Источник не говорит прямо об использовании ножа епископом, представителем Вильгельма, а примеры того, чтобы духовные лица прибегали к ножу как к символу, нам неизвестны. Значимость акта, собственно-ручно совершенного Вильгельмом, подчеркнута упоминанием того, что нож был возложен на алтарь.

В двух других примерах точно указано, какие символические действия предшествовали действию с ножом, где правовой акт получал свое полное завершение. В грамоте 1119 г. Ричард Честерский совершает дар земельного владения кафедральному собору Честера, посвященному св. Вербурге, предполагаемой дочери короля Мерсии Вульфхера, сначала посредством колоסקа (*per spicam frumenti*), по-видимому, там, где располагалась даруемая земля. Затем, завершая акт дарения, он возлагает нож на алтарь.¹²⁶ Здесь вновь применение ножа-символа оказывается связано с очень высоким статусом лица.

В грамоте из монастыря в Уитби (Йоркшир), датированной концом XII в., некто Вильгельм Вирфальд с согласия наследника передает земельное владение приору посредством палки-символа (*saisavi priorem per unum baculum*). Дар был совершен, по-видимому, в том месте, где располагалось даруемое владение. Однако этого оказалось мало, и позже (*post*) сам Вильгельм и его сын лично завершили дарение, возложив нож-символ на алтарь (*optulimus illam terram per unum cultellum*). Отметим то обстоятельство, что палку-символ Вильгельм передал сам, а при возложении ножа потребовалось и присутствие сына.¹²⁷ По-видимому, последний акт особенно прочно гарантировал дарение от возможных возражений со стороны наследников. Любопытно и то, что к символу *baculus* прибегло лицо не самого высокого социального статуса, в то время как нож в качестве

единственного символа передачи владельческих прав был более характерен для представителей знати, а в случае с Ричардом Честерским последний воспользовался не *baculus*, а колосом — явление, несомненно, общее многим древним народам. Можно привести и еще несколько примеров, где статус лица весьма высок, хотя не всегда можно говорить о самых видных представителях англо-нормандской знати.

В грамоте из сборника Т. Мэдокса, составленной между 1131—1148 гг., засвидетельствовано благочестивое пожертвование десятины, которая взималась с виллы Монмаут (*Momuta. Monmauth*).¹²⁸ Фамильное имя дарителя совпадает с названием виллы, которая, по-видимому, являлась родовым имением дарителя. Как следует из пояснений, которые дает Т. Мэдокс, даритель был внучатым племянником основателя церкви, вокруг которой и сложилось приорство, в пользу которого делается дар. Основатель владел замком Монмаут, который перешел и к дарителю.¹²⁹

Земли Бодеро были разбросаны в графствах Глостершир, Херефордшир, Сомерсетшир.¹³⁰ Нет сомнений в том, что он владел виллой, десятину с которой ныне уступал, как держанием за военную службу. Это тем более обоснованно, что сего владения находились на границе с Уэльсом, в графстве Глостершир. Как отмечает Г. Лойн: «С первых дней существовали фьефы, которые исполняли военную функцию преимущественно в одной области. Такие баронии концентрировались вокруг замков, их центров...».¹³¹ В грамоте было указано, что дарение совершено на алтаре посредством ножа (*super altare per unum cultellum*).

В грамоте из аббатства Уитби, которую можно датировать 1114—1140 гг., предметом дарения является церковь и все, что к ней относится (*et quicquid ad eam pertinet*). Завоевание дало новый импульс строительству приходских церквей. «Церковь осталась в руках земного покровителя даже после реформ XI в. Покровитель выбирал священника... Этот человек имел большую власть над сельскими жителями. В значительной степени с помощью юре сеньор удерживал бедняков...».¹³² Он же пользовался рядом материальных привилегий, которые представляла ему постройка церкви. Такие церкви являлись в известном смысле частью их домена.

Некто Алан Бушель (Buscel) даровал аббатству Уитби принадлежавшую прежде его роду приходскую церковь, которую уже задолго до того даровал тому же аббатству отец Алана.¹³³ В этом дарении речь могла идти о пребенде, получаемой священником. Упомянуто право на пользование общинным пастбищем и прочими угодьями в земельных владениях дарителя (*cum communa pastura et cum caeteris aisiamenis*¹³⁴ *terrae meae*). Алан Бушель (Bellet) являлся держателем *in capite*, как можно заключить из сборника грамот английских королей.¹³⁵ Его отец, Иоанн Бушель, наряду с Гуго Биго подтверждает дар Генриха I жителям Лондона в 1130 г.¹³⁶

Свои владельческие права Алан Бушель передал, возложив нож на алтарь монастырской церкви св. Петра (*et illud donum optuli super altare S. Petri per unum cultellum*). Как и в рассмотренном уже случае с Глостерским аббатством, повторное дарение церкви заставляет думать о том, что прежнее дарение не получило должной силы. И опять в грамоте особо указано, что свидетелями символического действия, посредством которого церковь была передана аббатству, были многие лица.

Дарованное имущество освобождалось от всех служб за исключением десяти солидов, которые полагалось выплачивать с переданной аббатству земли, поскольку она входила в соку короля, т. е. находилась под его личной юрисдикцией (*exceptis decem solidis pro servitio quod pertinet ad socagium Regis*). По-видимому, Алан получил землю из тех фондов, которые принадлежали старинному домену короны. Именно из него выделялись королем держания своим непосредственным вассалам, которые в рассматриваемый период (и много позже) должны были нести военную службу.

В грамоте 1131 г. из Рэмзи некто Губерт де Санкта (*de Sancta*) дарит монастырю св. Бенедикта в Рэмзи одну гайду из домениальной земли (*unam hidam de terra de dominico suo*).¹³⁷ Вряд ли можно сомневаться в том, что даритель был лицом достаточно высокого имущественного и социального статуса. В нашем случае следует заметить, что, хотя объектом дарения выступает лишь одна гайда, сам домен, частью которого она являлась, был, несомненно, больше (в реальности он мог включать в себя несколько рыцарских феодалов). Дарованное имуще-

ство освобождалось от служб (*quietam et absolutam ab omni servitio*), повинностей в пользу прежнего владельца (*consuetudine*), и к тому же монастырю передавались право суда (*et placito*), однако, как и в случае с монастырем Уитби, он обязан был выплачивать единый поземельный налог-гельд (*praeter communem geldum Regis*). И вновь дарованное имущество передается посредством возложения ножа на алтарь монастырской церкви.

Символ «нож» и статус имущества

В рассмотренном случае статус лица обрисован весьма четко, в то время как о статусе имущества можно строить более или менее верные предположения. В то же время в документах порой раскрывается содержание и последнего. Следует отметить, что в этом случае символ нож появляется в документе в связи с упоминанием военных служб, коими обязано отчуждаемое имущество. Напротив, в случае с символом *baculus* у нас нет на это даже намеков.

Между 1154—1189 гг. Ричард Бассет вслед за дедом и отцом заново совершает в качестве благочестивого пожертвования дар земельных владений в пользу монастыря в Абингдоне.¹³⁸ Свое дарение он подтверждает в собрании монахов, при этом собственноручно кладет нож-символ на алтарь этой церкви. Заметим, что акты утверждения и расположения ножа на алтаре в источнике в известной мере разведены. Дарованные земельные владения измерялись несколькими гайдами.

Фамилия Бассетов принадлежит к числу ведущих родов англо-нормандской знати, которые обосновались в Англии сразу же после завоевания. Представители рода Бассетов в XII в. занимали пост верховного юстициария — Ральф Бассет (ум. ок. 1127), Ричард Бассет (ум. между 1135—1144), — и первоначально их владения находились в Оксфордшире, где расположен монастырь, в пользу которого осуществляет благочестивое пожертвование Ричард Бассет. Даритель Ричард Бассет был внуком Ральфа Бассета, сыном Турстина, который находился в длительном конфликте с Абингдонским монастырем, брата Ричарда-старшего. Ричард попытался оспорить дар своих предшествен-

ников, а монастырь добился поддержки Генриха II, и Ричарда принудили составить рассматриваемую грамоту, в которой он гарантировал права монастыря на спорное имущество.¹³⁹

Немалый интерес представляет специальное указание, что земельные владения, подаренные уже предшественниками Ричарда, были освобождены от военных служб по отношению к сеньору (*dederunt ... absolutas ob omni servitio militari*). Нож служил как раз знаком утверждения и повторного дарования спорного имущества: *signo cultelli posui*. Передавая земельное владение монастырю, бывший владелец каким-то образом освобождал ее от той военной службы, которую полагалось с этого владения нести.

Символ «нож» как возможный аналог печати

Как показывает поздний документ, к началу XIII в. ножи могли осмысляться как печати, но в таковом качестве не признавались. Такую ситуацию, как нам представляется, засвидетельствовал протокол судебного спора в королевской курии 1213 г.

Сообщается, что некто Роджер вчиняет иск приору Дундема. Тот в подтверждение своих прав сослался на грамоту дарителя, но истец отвел ссылку приора на том основании, что грамота была составлена не по форме, так как не содержала печати и к ней был привешен нож (*quidam snipulus*).¹⁴⁰ Сразу стоит оговориться, что слово *snipulus* само по себе для нас крайне интересно, так как им обозначали как обычный нож, так и короткий меч (*ensis brevis*), что вновь заставляет задуматься о смысле использования ножа в качестве символа в актах ввода во владение. Очевидно, форма былой сделки не соответствовала представлениям истца, действовавшего уже в пору развитой письменной документации частноправовых актов. Дело неоднократно переносилось, и мы не можем сказать, чем оно закончилось, но любопытно другое — судьи и члены жюри не отвели иск на том основании, что грамота не была скреплена печатью. Возможно, они не воспринимали нож как заменитель печати, а рассматривали саму грамоту как достаточное свидетельство

прав приора. Как показывают ранние документы, изначально символ «нож» был направлен на оформление отношений бесписьменных, выступая, должно быть, свидетельством статуса лица, отчуждавшего имущество, а вместе с тем и статуса самого имущества. С другой стороны, коль скоро дело неоднократно переносилось, не может быть сомнений в том, что члены жюри и суда не признали и нож, потребовав более веских доказательств прав истца.

Так, в документе, который датируется 1147—1149 гг., сказано, что Роджер де Моубри подарил две карукаты в местечке Коквальд (Cokewald) аббатству в Биланде и его аббату Роджеру.¹⁴¹ Однако по причине затеянной против него судебной тяжбы он должен был отправиться в Нормандию. После его отъезда тут же возник конфликт между аббатством и Робертом де Статвиллом (Stutevilla), действовавшим вместе с братом Вильгельмом. Свой иск они вчинили в курии короля и долгое время, поскольку местные жители свидетельствовали, что они имеют на это основания, вели тяжбу в соответствии с принятыми в Англии правилами. Тем не менее король не позволил, чтобы дело было решено в отсутствие дарителя Роджера де Моубри. После своего возвращения Роджер пришел к соглашению с братьями (*pacem fecit*), вероятно, не сумев вполне доказать свои права на спорное имущество. Однако и братья отказались от заявленных претензий, причем сделали это торжественно путем возложения символов на главный алтарь у местечка Стокинг. В источнике сказано, что первый, т. е. старший брат, возложил нож на алтарь, другой же — свою грамоту. Есть основания полагать, что нож в этом случае не тождественен печати, в противном случае, вся процедура выглядела бы иначе.

Следующий документ, составленный почти двадцать лет спустя (1164), на наш взгляд, не оставляет никаких сомнений в том, что нож служил оформлению отношений бесписьменных по своей сути. Этот документ взят из сборника грамот епископов Эксетера и касается подтверждения епископом Варфоломеем дара «некоторой земли», сделанного в свое время сыном Гальфрида Вильгельмом, лордом местечка Вилла (*dominus de Willa*).¹⁴² Пожалование было совершено в пользу церкви св. Варфоломея в том же месте с согласия и по желанию некоего Нико-

лая Дакомба (*assensu et voluntate Nicholai de Daccumba*), бывшего, очевидно, соседом Вильгельма.

Вильгельм совершил дар торжественно с помощью своего ножа (*fecit per cultellum*), возложив его на алтарь церкви св. Варфоломея в местечке Вилла. При этом Вильгельм просил епископа, чтобы вышеозначенный дар он засвидетельствовал и укрепил своей печатью (*...inpressione sigilli confirmaremus*), поскольку своей он не имеет (*quoniam ipse sigillo carebat*).

Если бы Вильгельм рассматривал нож как заменитель печати или же как предмет, вполне печати тождественный, можно полагать, что ему бы не пришлось делать соответствующую оговорку. Между тем он все же рассматривал нож как тот символ, который должен был служить большей весомости дара: *ad hujus donacionis recognicionem et maiorem corroboracionem*. С течением времени, однако, ножи стали рассматриваться как заменители печатей, что и демонстрирует дело 1213 г.

*Порча ножей как показатель
окончательности сделки*

Отдельного рассмотрения заслуживает обычай порчи ножей, которые служили символом передачи владельческих прав. В наших источниках сообщается не столь часто о том, что ножи были сломаны или согнуты. Некоторым исключением из этого правила являются итальянские документы, где более подробно перечисляются всякого рода символы, в том числе сломанные и согнутые ножи.

А. Михельсен приводит пример, когда некто Хунгсер, житель Милана, предложил в дар и передал брату покойного Эрнеста некое имущество посредством палочки с пометами на ней (*festuca nodata*), кома земли и ножа со сломанным наконечником (*per cortello pitzio fracto*), а вместе с тем и рукава (*atque per manecia*).¹⁴³ Другой пример из итальянских источников приведен в словаре Ш. Дю Канжа. В нем указано, что некто возложил на алтарь в виде ножа-символа «дар» всего им уступленного имущества и удостоверение своего согласия, причем нож был согнут в память о свершенном (*in hujus rei memoriam*

plicatum).¹⁴⁴ В документе черным по белому сказано, что возложение согнутого ножа на алтарь преследовало только одну цель — служить памяти совершенного действия, так что об иной причине можно строить только догадки, что, впрочем, нам представляется попыткой множить сущности без надобности.

В словаре Ш. Дю Канжа содержится и еще один пример того, как виконт Саварик согнул нож в знак передачи им владельческих прав монастырю (*Et propter hoc (concessionem) Savaricus plicavit illi quondam cultellum*).¹⁴⁵ К сожалению, в документе не сказано, был ли нож согнут для лучшей памяти о совершенном, для выражения его бесповоротности или же с какой-то другой целью. Скорее всего, Саварик пытался предотвратить последующее применение ножа, поскольку согнутый нож вряд ли мог использоваться в дальнейшем. Правда, остается вопрос, почему в других случаях ножи не сгибались? Как одно из объяснений, что часто бывает в истории — человеческий фактор. Возможно, некоторые дарители считали необходимым лишний раз подчеркнуть окончательность и прочность своих намерений.

Обычай сгибать нож при передаче владельческих прав получил отражение и в английских документах. Томас де Мультон уступил на вечные времена в качестве благочестивого дара приорату в Спендинге церковь в местечке Вестон (Westona) со всеми относящимися к ней угодьями. Объявив о своем даре в этой церкви и покинув ее, он, «чтобы установленное словом всем явилось подтвержденным делом», возложил нож на алтарь Господа и Девы Марии. Нож был согнут прямо на алтаре и помещен в потаенное место¹⁴⁶ с тем, чтобы служить свидетельством совершенного.¹⁴⁷ И здесь вновь мы сталкиваемся с ситуацией, когда нож был согнут в знак совершенной сделки, о других же причинах того, почему нож сгибался, можно (но нужно ли?) строить лишь предположения.

Два примера сломанных ножей упоминает в своей работе М. Кленчи. Правда, в одном случае о былом существовании ножа со сломанным лезвием (*broken blade*) сообщает лишь позднейший источник, в то время как сам нож до нас не дошел.¹⁴⁸ Во втором случае исследователь отмечает, что такого рода нож до сих пор хранится в приорате города Дарем и что прежде он принадлежал Стефану Бульмеру. К ножу прикреплен кусок пер-

гамена, а на рукоятке ножа сделана запись о достигнутом соглашении. Передача ножа символизировала некоторую уступку монахам прав на капеллу в Лауик (Lowick). Острие ножа было сломано, но по какой причине — это М. Кленчи оставляет без объяснения.¹⁴⁹

Предположения, высказанные выше, находят дополнительное подтверждение в любопытном пассаже, приводимом Вильгельмом Мальмсберийским (ок. 1080—ок. 1143) в его труде «Деяния английских королей». Король Эдгар распорядился представить широкие привилегии аббатству в Гластонбери (включая уголовную юрисдикцию) и возложил на алтарь свой жезл, который затем был разбит на две половины для того, чтобы избежать в будущем возможной уступки или продажи полученных прав кем-либо из последующих аббатов. Следует отметить, что лишь одна половина жезла должна была храниться для подтверждения дара в том самом месте, где он был сломан, и остается только гадать, у кого оставалась вторая половина.¹⁵⁰ Принимая во внимание то обстоятельство, что сам Вильгельм Мальмсберийский не включил эту историю в окончательный вариант своего труда, он не очень доверял приводимым им свидетельствам, хотя и мог опираться на древнюю традицию. Но сам факт того, что он уделил внимание этому эпизоду, может служить косвенным подтверждением бытованию таких представлений среди современников самого хрониста.

С другой стороны, как свидетельствуют приводимые ниже примеры, едва ли функция согнутого или сломанного ножа-символа исчерпывалась его значением служить подтверждением памяти о свершенном действии или бесповоротности совершенного акта. Так, можно предполагать, что сломанные ножи могли символизировать известную ограниченность вновь устанавливаемых имущественных прав. В этом отношении любопытно отметить сходство в символике акта наделения вдовьей долей на континенте и в Англии.

Судебное разбирательство 1200 г., пожалуй, единственный пример, когда нож участвует в акте передачи имущества между светскими лицами. Уже знакомая нам вдова Амиция потребовала свою вдовью долю, отчуждение которой было совершено так, как это требовали нормы общего права, а именно, в дверях

церкви, т. е. в священном и публичном месте.¹⁵¹ Символом выделяемого в качестве вдовьей доли имущества выступал сломанный нож (который, возможно, там же на глазах свидетелей и был сломан).

Этот английский пример символического оформления вдовьей доли весьма схож с примером из Салерно, который приведен в словаре Ш. Дю Канжа. Как засвидетельствовано в документе, датированном 1358 г., обычай наделения вдовьей долей с использованием согнутого ножа (*per cultellum flessum*) был характерен для представителей знати: магнатов, графов, баронов (*secundum morem magnatum, comitum et baronum*), причем такая практика отражала обычай «живущих по закону франков» (*iure francorum viventium*).¹⁵² Очевидно, обычай одаривать вдовьей долей с использованием сломанного ножа-символа был заимствован нормандской знатью у тех же франков. Обращает на себя внимание и высокий статус тех, кто к таковому символу прибегал.

Это объяснение представляется нам более правдоподобным, нежели предложенное февдистами и полностью поддержанное Э. фон Кюнсбергом. «Что касается согнутых ножей вдов, — пишет исследователь, — то здесь единственным объяснением остается предложенное февдистами, которые утверждали, что ножи гнулись как символ того, что добрый муж склонен жене что-то подарить, так как человеческая натура склоняется к подарку». Более того, пассаж, приводимый Э. фон Кюнсбергом со ссылкой на февдистов, еще более убеждает нас в возможной связи ножа и меча как символов владельческих прав, поскольку у февдистов речь идет о согнутом маленьком мече (*gladiolus*).¹⁵³

Трактат «Глэнвилла» между тем определенно свидетельствует, что права женщины в отношении вдовьей доли при жизни мужа были ограничены. В нем сказано: «Следует знать, что женщина ничем, входящим в дар ее, не может распоряжаться при жизни мужа».¹⁵⁴ Демонстрация упомянутой Амицией сломанного ножа в суде могла служить доказательством того, что спорное имущество действительно является ее вдовьей долей.

В рассмотренном деле обращает на себя внимание следующее обстоятельство. В источнике сказано, что Амиция прошла через обряд сейзины посредством сломанного ножа. Упо-

минания обряда сейзины, совершенного путем передачи ножа весьма редки. С этим актом ассоциировался, как мы показали в соответствующих разделах главы, в первую очередь, символ «палка» (*baculus*). Однако традиция использования ножа как символа акта сейзины насчитывала по меньшей мере полстолетия, в чем нас убеждает следующий документ, составленный в 1146 г.

Символ «нож» в обряде сейзины

Некто Губерт де Ри передал церкви в Кентербери манор, которым позже владел некто Годвин. Это имущество было противозаконно отобрано или, как сказано в источнике, пока не состоялся акт лишения владения, права на которое раньше были оформлены актом сейзины: *per violenciam descita fuit ecclesia*.¹⁵⁵ Мы не можем сказать, был ли дар сделан лично этому Годвину или же он получил этот манор уже от церкви в Кентербери. В глазах составителя документа права Годвина покоились на тех же основаниях, которые создавал акт сейзины, но в чем они заключались в этом конкретном случае, мы не знаем.

Архиепископ Теобальд (1138—1161) попытался вернуть это имущество, для чего обратился к Генриху, наследнику Губерта, с просьбой восстановить церковь в правах, но тот не желал удовлетворить просьбу примаса. Возможно, он же сам и выступил в роли захватчика. Однако архиепископ все же просил, чтобы Генрих передал ему свободную землю из своего наследства.

Совершив в конце концов дар, Генрих поклялся, что землю он передает на правах вечного владения. После чего был совершен акт сейзины, причем был использован символ нож — самое раннее известное нам упоминание символа нож в акте сейзины (*altare Christi ... de predicta terra seisivit per quemdam cultellum*). Акт сейзины, надо полагать, здесь был возможен потому, что само лицо владело имуществом с правом наследовать, равно как стремилось обеспечить такое же право и церкви. Более того, как следует из документа, Теобальд просил возместить церкви утерянный ей манор за счет «свободной земли» (*liberam terram*) из наследства вышеназванного Генриха. Оста-

минания обряда сейзины, совершенного путем передачи ножа весьма редки. С этим актом ассоциировался, как мы показали в соответствующих разделах главы, в первую очередь, символ «палка» (*baculus*). Однако традиция использования ножа как символа акта сейзины насчитывала по меньшей мере полстолетия, в чем нас убеждает следующий документ, составленный в 1146 г.

Символ «нож» в обряде сейзины

Некто Губерт де Ри передал церкви в Кентербери манор, которым позже владел некто Годвин. Это имущество было противозаконно отобрано или, как сказано в источнике, пока не состоялся акт лишения владения, права на которое раньше были оформлены актом сейзины: *per violenciam descita fuit ecclesia*.¹⁵⁵ Мы не можем сказать, был ли дар сделан лично этому Годвину или же он получил этот манор уже от церкви в Кентербери. В глазах составителя документа права Годвина покоились на тех же основаниях, которые создавал акт сейзины, но в чем они заключались в этом конкретном случае, мы не знаем.

Архиепископ Теобальд (1138—1161) попытался вернуть это имущество, для чего обратился к Генриху, наследнику Губерта, с просьбой восстановить церковь в правах, но тот не желал удовлетворить просьбу примаса. Возможно, он же сам и выступил в роли захватчика. Однако архиепископ все же просил, чтобы Генрих передал ему свободную землю из своего наследства.

Совершив в конце концов дар, Генрих поклялся, что землю он передает на правах вечного владения. После чего был совершен акт сейзины, причем был использован символ нож — самое раннее известное нам упоминание символа нож в акте сейзины (*altare Christi ... de predicta terra seisivit per quemdam cultellum*). Акт сейзины, надо полагать, здесь был возможен потому, что само лицо владело имуществом с правом наследовать, равно как стремилось обеспечить такое же право и церкви. Более того, как следует из документа, Теобальд просил возместить церкви утерянный ей манор за счет «свободной земли» (*liberam terram*) из наследства вышеназванного Генриха. Оста-

ется вопрос, имеем ли мы здесь дело с имуществом особого происхождения (например, аллодом, доставшимся Генриху от его предков и как следствие подпадающего под действие акта сейзины) или же речь шла о земле, свободной от каких бы то ни было служб, что для середины XII в. не представляется правдоподобным объяснением.

Таким образом, целый ряд разобранных документов неоспоримо свидетельствует, что обычай передавать имущество посредством ножа получил широкое распространение в Англии в результате завоевания. Имеется, однако, одно весьма позднее свидетельство, которое не позволяет нам совершенно исключить существование этого обычая в Англии *до* завоевания. Его приводит в своей статье Г. Эллис. Сам автор выражает сомнение в подлинности описанных в нем событий. В середине XIV в. аббат монастыря Бери-Сент-Эдмундс в Норфолке представил грамоту, удостоверявшую передачу земли указанному аббатству и сослался (в источнике употреблен глагол *allegat*, который в силу семантической трансформации в английском языке правильнее переводить «ходят слухи, вроде бы утверждают») на то, что некогда Эдуард Исповедник положил нож на алтарь, символизируя тем самым наделение монастыря землей в Бруке (Brok).¹⁵⁶ Если это утверждение аббата не было плодом искаженной традиции, то применение ножа-символа имело место в Англии уже при Эдуарде Исповеднике.

Сколь бы зыбкой ни была традиция, на которую опирался наш аббат, стоит помнить о том, что Эдуард покровительствовал нормандцам в Англии, долгое время находился при дворе нормандских герцогов и мог там воспринять обычай ввода во владение с помощью этого символа.

Подводя итог практике применения ножа как символа, следует в очередной раз задаться вопросом, чем же был символ нож и почему он практически не находит отражения в актах сейзины? Строго говоря, если быть до конца последовательным, то не потому ли, что нож заменял меч, являвшийся показателем скорее *статуса* лица, а не принадлежавшего ему *имущества*. Разумеется, ножи всемерно использовались в актах введения во владение или отказа и подтверждения прав. Нередко источники говорят прямо — *donavit per cultellum*, как если

бы нож служил здесь заменителем имущества. Но, может быть, акцентировался именно статус самого дарителя? В противном случае, мы можем предполагать, что нож символизировал имущество условное (феод), в то время как передача символа *basulus* означала, что мы имеем дело скорее с аллодом. Но, увы, наши источники не позволяют нам сказать со всей определенностью, на каком конкретно праве держали те, кто отчуждал свое имущество с помощью обоих символов.

Действительно, мы знаем о том, что в Англии сосуществовали две системы держаний — военный феодал и невоенный свободный сокаж. Вполне может статься, что символ «нож» указывал на статус первого, который еще и в XII в. не был полностью свободно отчуждаемым, хотя уже вполне наследственным имуществом. Отметим и то, что большей частью наши примеры с ножом приходятся на вторую половину XI—первую половину XII в., т. е. на то время, когда феодал только кристаллизовался и еще был вполне тождественен континентальной модели условного военного держания (не забудем, впрочем, что вместе с тем феодал был термином размытым, так что им могли обозначать и тот же аллод или бокленд). Все бы ничего, но три примера с даром английских королей плохо вписываются в эту схему. Уж кто-кто, а короли рассматривали даруемое имущество как свой *dominium*, где «управление и собственность совпадают, при этом публичное сложно отделить от частного».¹⁵⁷ Тем более, как уже было отмечено неоднократно, знать получала имущество англосаксонских предшественников сплошь и рядом посредством акта сейзины. Трудно представить, что она не могла его и отчуждать на таком же праве (впрочем, «могла» не означает, что была «должна»). О том же, что в руках знати было имущество, которое регулировалось двумя совершенно разными правовыми нормами, нам неизвестно. Т. е., если знать и держала свои феодалы от короля, то только на праве сейзины. Одним словом, в символе нож мы склонны видеть знак *статуса* лица, а именно, представителей англо-нормандской знати, чьим оружием и символом власти одновременно был меч.

Позволим себе указать две причины, в силу которых меч мог заменяться ножом. Дарителями при замене меча ножом могли двигать как прагматические соображения, так и менталь-

ные установки. При этом вряд ли какой-либо из указанных причин можно отдать предпочтение. Представляется, что, с одной стороны, мечи были весьма дороги, в то время как существовало правило, согласно которому символ должен был оставаться у одаренного. Таким образом, даритель терял весьма дорогой предмет. С другой стороны, будет нелишним вспомнить, что уже у скандинавов было запрещено входить в храмы с оружием — перед лицом богов следовало предстать безоружным.¹⁵⁸ Ж. Дюби замечает, что люди стремились поселиться вокруг приходских церквей по той причине, что это место даровало и особое положение территории вокруг него. «Окружавшее церковь предхрамие не только принимало усопших, но и предлагало безопасность живущим. В этом пространстве, признававшемся священным ... запрещалось любое насилие, люди меча не могли там силой изымать налоги».¹⁵⁹ Нож, по-видимому, не вызывал столь негативных чувств и его использование могло послужить компромиссом между достоинством знати и требованиями духовенства.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Как было заявлено еще во Введении, через всю книгу красной нитью проходит судьба конкретного института имущественного права, который было решено в самой общей форме обозначить как сейзина. Между тем содержание, смеем надеяться, выходит за рамки, которые налагает изучение конкретного явления, в первую очередь, потому, что история любого института есть вместе с тем и история тех общественных отношений, которые вызвали его к жизни. Несмотря на четко очерченные в названии книги географию и хронологию — Англо-нормандское общество XI—XIII вв., — изучение сейзины стало поводом рассмотреть и систему имущественных отношений англо-нормандского и, более широко, европейского общества. А это, в свою очередь, потребовало от автора анализа социально-экономических и политических процессов в целом, пусть даже в исследовании они представлены в общем виде. При этом автор рассматривал право, общество и властные структуры не как базис и надстройку, но именно как взаимодействующие и взаимообуславливающие друг друга явления. Ведь по справедливому замечанию П. М. Бицилли, любое явление, став *фактом*, является вместе с тем и *фактором*. Анализ сейзины позволяет лучше понять, как происходило складывание нового владельческого ландшафта в ходе варварской колонизации провинций Римской империи, иллюстрирует, возможно, очевидную истину — похожие условия порождают и похожие формы общественной организации, а те, в свою очередь, определяют формы иных институтов, в том числе правовых и политических. И хотя для анализа удобно рассматривать эти явления порознь, в действительности же все они составляют живую ткань исторического процесса, т. е. их анализ требует *системного* подхода.

Сейзину, как и родственные ей институты апризио, пресуры, а в чем-то даже и немецкой *gewere* объединяет одна идея — занятия, «оседания» на определенной территории, фактического присвоения некой части внешнего мира, совершаемого, впрочем, публично и по определенным правилам, не исключающего и откровенную насильственную экспроприацию или понимаемого как таковую.¹ Сейзина предстает как некое действие, *процесс*, факт, оставшийся не до конца оцененным в историографии. В этом пункте названные институты отличались от инвеституры как процедуры, оформлявшей не отношения лица к вещи, а как раз отношения между людьми по поводу вещей. Без того, чтобы выйти за рамки привычной парадигмы — инвеститура равна сейзине, что чаще всего и происходит, — жизнь средневекового общества и представления о правах владения и собственности были бы неполными. Напротив, в рамках существующей историографической традиции сейзина есть не более чем инвеститура с «национальной» (английской ли, французской ли) спецификой.

В сейзине изначально коренилась идея обретения имущества для себя, что и выражала древняя формула «*sacire sibi*». Употребление нарочитого местоимения «*sibi*» указывает и на двойной смысл формулы — возможность совершать акт *sacire* в пользу другого лица. В этом отношении сейзина позже сближалась, а потом и отождествлялась с инвеститурой, хотя истоки этих институтов были разными. Но даже в поздних документах акт сейзины и инвеституры, если они упоминаются вместе, могут представлять собой две взаимодополняющие, но не тождественные друг другу процедуры. Тем более автору представлялось важным проследить их генезис.

Как было показано в книге, сейзина уже в самых ранних документах оказывается тесно связанной с аллодом, под которым надо понимать, в первую очередь, наследственное имущество. Признавая, что нет никаких оснований отождествлять аллод с частной собственностью буржуазных кодексов, не будем мы и столь скептически в том, что он все более индивидуализировался, освобождался от пут родовых порядков распоряжения недвижимостью. Уже раннее Средневековье хорошо знает акты купли-продажи, так что мы не можем согласиться со слишком категоричным мнением И. С. Филиппова и А. Я. Гуревича об

отсутствии широкого земельного рынка, хотя и признаем, что представление о богатстве в том обществе существенно отличалось от современного. В любом случае сейзина изначально связана вовсе не с феодальными иерархически организованными институтами, а, скорее, с народной стихией, с пережитками родового строя, оказавшегося втянутым в орбиту Римской империи и в конечном итоге сокрушившего ее. Одним словом, именно в сейзине свободная индивидуальная воля отдельно взятого землевладельца находила свое известное воплощение, пусть и не без того, чтобы за его спиной всегда угадывался коллектив: семья, род, племенной союз.

Воснизированный характер того общества отрицать не приходится, но было бы не совсем корректно рассматривать сейзину *только* как продукт утверждения прав (присвоение) на *захваченное* имущество в среде вооруженных воинов-франков. Другое дело, что социальный статус лиц в ранних свидетельствах не определен (хотя довольно легко реконструируется), за исключением одной формулы, где речь идет о епископах, аббатах и аббатисах, которые могут отстаивать права, ссылаясь на давностный срок обладания имуществом (*per annis saciendi*). Позже в документах мы встречаем указание на акт сейзины, совершаемый людьми совершенно разного, нередко очень высокого статуса (императрица, граф и т. д.). Вряд ли мы ошибемся, предполагая распространенность процедуры сейзины на всех ступенях социальной иерархии.

Несмотря на тот очевидный факт, что сейзина восходит ко времени экспансии франков (если не раньше), сам этот процесс был двояким: он сопровождался как явным насилием и экспроприацией имущества галло-римской знати, процесс, в котором ведущую роль играла королевская власть и дружины, так и ее хозяйственным освоением, пусть даже осуществляли его все те же воины-франки при помощи лиц зависимого статуса. Известно, что франки занимали земли фиска, нередко пустовавшие, а взаимоотношения варваров и Рима все более трактуются как «инфильтрация», ставится под сомнения исключительно насильственный характер колонизации.

В отличие от апризионариев, представлявших собой военных колонистов на территории Испанской марки подкон-

трольной Каролингам и контролировавшихся каролингскими же чиновниками, в отличие от тех, кто приобретал имущество путем пресуры, военная природа которой вряд ли подлежит сомнению, расселение франков было более длительным, более стихийным и более сложным процессом. Поэтому, не отрицая известную ассоциативную связь захвата как способа обретения имущества с процедурой сейзины, надо принимать во внимание, о какой среде идет речь. Более того, сейзина, изначально пусть и связанная с идеей «раздела» или «утверждения прав» на захваченное имущество, предстает как противоправный захват лишь в документах IX в. И разве не показательно, что в ранних свидетельствах мы нигде не найдем выражение *sacire contra lege(m)*, хотя все они отражают факт обретения имущества?! Там везде речь идет о процедуре, явно совершаемой по определенным правилам. А это, на наш взгляд, еще раз свидетельствует о том, как быстро сам акт, даже если он имел военную природу, превратился в формализованный, ординарный обряд утверждения имущественных прав.

Представляется, что понимание акта сейзины как захвата или, напротив, хозяйственного освоения, было субъективным. Когда речь шла о королевских дружинниках или аристократии, которым короли после покорения римской Галлии охотно жаловали имущество, то для них оно было, скорее, военной добычей. Если же речь шла о рядовых франках, то хозяйственная составляющая выходила на первое место. Связь сейзины с сельскохозяйственными работами неплохо видна на материале позднейших французских кутюм. Именно длительность обладания имуществом, а уж тем более приложенные к нему трудовые усилия являлись одновременно и оправданием правомочий обладателя в глазах социума. Об этом же свидетельствуют самые ранние формулы и варварские правды, в частности, формула Маркульфа и Баварская правда (середина VIII в., спор о меже).

Отдельное внимание в книге в целях реконструкции формальной, обрядовой стороны не только сейзины, но и комплекса представлений об имущественных правах уделено процедуре обратной процедуре сейзины — *absacire*. Ее распространенность на территориях вне традиционного господства ареала франков (Италия, Германия) свидетельствует как о привержен-

ности франков своим обрядам (подобного рода процедуру часто совершают франки), так и устойчивой оппозиции «внешнего—внутреннего» пространства. То, что было твоим, непременно должно иметь четкое внешнее выражение, как-то: пребывание в границах приобретенного имущества в течение определенного (вероятно, сакрального или связанного с сельскохозяйственными работами по своей природе) срока (три дня или год и один день и т. д.). Об этом свидетельствуют документы с актом *absacire* в районе Фрейзинга. Следы подобных представлений можно найти и в нормандских документах XII в.

С XI в. сейзина все чаще предстает процедурой, совершаемой в пользу другого лица, что сближает ее с хорошо известной медиэвистам инвеститурой, но не исключает специфичность института сейзины как такового. С одной стороны, в отличие от инвеституры акт сейзины некогда оформлял права самого приобретателя, с другой — в отличие, скажем, от института *aprisio*, тоже связанного с приобретением имущества в свою пользу, он не отмирает, а трансформируется. Превращение сейзины в акт наделения правами другого лица объясняется уже не возможностями внутренней колонизации, а как раз нехваткой окультуренных земель, в постепенном развитии того процесса, который можно именовать то феодальной революцией, то феодальной трансформацией или мутацией. Другое дело, что приобретаемые таким образом права тоже близки «аллоду», т. е. в первую очередь речь идет о наследственном характере имущества. Иными словами, даже в условиях процесса феодализации сейзина генетически сохраняет связь с ранними формами имущественных отношений. Позже она захватывает все новые и новые области земельного права, превращаясь в институт права феодального.

Древнее представление о сейзине как акте в свою пользу продолжало бытовать, что отразили как нормандские, так и англо-нормандские документы. Существенным моментом процедуры, правда скорее реконструируемым, была демонстрация прежним владельцем полноты своих прав перед лицом некоего сообщества и ввод (реальный или формальный) в пределы отчуждаемого имущества нового лица, что по-русски адекватно передать словом «испомещать». Такая публичная демонстрация

должна была если не юридически, то психологически дать понять новому приобретателю, что прежний владелец не боится заявить о своих правах, готов их отстаивать, т. е. в известной мере гарантирует новому получателю их особую прочность. В этой двойственности сейзины, как нам представляется, крылось одно из ее отличий от инвеституры.

При всей фрагментарности ранних свидетельств можно утверждать, что сейзина в Англии (но не в Нормандии) получает распространение, несравнимое с континентальной практикой, и явно преобладает над инвеститурой. Правда, как обычно, дело состоит в достоверности отражения реальной ситуации в документах, ведь может случиться, что «сейзина» на континенте, будучи словом народного, «живого» языка, просто не попадала на страницы источников, создававшихся образованными (или не очень) клириками. И последующая судьба этого слова — его широкое бытование в субстантивированной форме *saisina*, *seisine* в документах, написанных на разных диалектах французского языка, — вроде бы подтверждает высказанное предположение. Тем не менее, по нашему убеждению, «популярность» акта сейзины в Англии была обусловлена специфически английскими факторами — военной колонизацией и складыванием особых форм имущественных отношений. Тем самым акт сейзина-*sacige* получает новый импульс развития.

Разумеется, после завоевания в Англии утверждается новый институт, который определяется словом «фсод», но его содержание слишком неопределенно, характер служб также не определен. Можно говорить о сохранении в Англии системы аллодов/боклендов. Пусть нормандский, а позже англосаксонский аллод (или бокленд) нельзя назвать собственностью в современном понимании этого слова, однако можно полагать, что обремененность аллодов публично-правовыми службами в чем-то близка тем обязательствам, которые и сейчас накладываются на граждан государством. Не отрицая персональный характер отношений Средневековья, можно утверждать, что в Англии публично-правовой элемент был весьма выражен. Частота упоминания лиц со статусом *seisitus* в DB свидетельствует об утверждении преемственности прав новых владельцев и, что важно, даже сохранении границ владельческих комплек-

сов, принадлежавших прежним землевладельцам-англосаксам. Но именно они-то нередко и держали свое имущество на праве бокленда. Почти наверняка, само по себе слово «феод» в этот ранний период обозначало не какое-то качественно новое явление, имущество с особым правовым режимом, а не более чем тот же бокленд или аллод, обремененный публично-правовыми службами (что было характерно и для англосаксонской Англии) королю как государю, и службами королю как сеньору. Однако в реальности расстановка политических сил была далеко не всегда в пользу короля. Пожалуй, приметой англо-нормандского общества XI—XIII вв. стали периодические конфликты короля с разными общественными силами, которые способствовали выработке некоего политического консенсуса.

Особая роль королевской власти в деле создания политической системы английского королевства — факт хорошо известный. Но вся совокупность механизмов ее влияния, особенности процесса землеустройства после завоевания — предмет оживленных дискуссий и поныне. Институт сейзины, а точнее, ее специфическая форма *liberatio*, практически оставшаяся вне поля зрения исследователей, играл в этом процессе далеко не последнюю роль. Пытаясь противодействовать явным попользованиям новой баронской верхушки, именно королевская власть взяла на себя заботу о поддержании пусть и немногочисленного, но важного для системы местной администрации, налогообложения и воинской повинности слоя рядовых свободных земледельцев, как бы они ни назывались: *фримены*, *сокмены*, *liberi homines*. Этой цели и служила особая королевская сейзина-*liberatio*. Не стоит переоценивать ее практическую значимость, но и отрицать ее роль тоже не стоит. Известно, сколь важным для всей последующей социальной истории Англии оказался факт сохранения в ней свободного крестьянства, пусть даже хорошо установленным является и другой факт — свобода зачастую представляла собой продукт постнормандского «феодалного правотворчества».

Важность участия королевской власти в деле защиты отношения, определяемого как сейзина, видна при сравнении с континентальной практикой. Здесь отсчет времени, необходимого для возвращения утерянного имущества, начинался с мо-

мента последней уборки урожая, о чем явно свидетельствуют позднейшие кутюмы (Бовези и той же Нормандии). Напротив, в Англии сроки исковой давности были привязаны к последней поездке короля на континент или времени его коронации. Тем самым король выступал своеобразным гарантом таких отношений и гарантом справедливого и скорого судебного решения (надо помнить, что поездки на континент не были редки). Особая роль публичной власти в деле утверждения сейзины проявляется, пусть и спорадически, уже в нормандских документах.

Напротив, роль всех иных вышестоящих сеньоров, кроме герцога или короля, если о таковых идет речь, определить не просто. В ряде случаев (особенно это характерно для Нормандии) именно в их действиях акт передачи имущественных прав находит свое завершение. Акт, совершаемый сеньором, как раз и определяется как сейзина, т. е. свидетельствует об известной полноте и гарантированности приобретаемых прав и противопоставлен ограниченным правам и зависимому положению самого дарителя. Но гораздо больше тех документов, где акт сейзины совершается самостоятельно — без участия сеньора между двумя контрагентами, что контрастирует с французскими кутюмами (Артуа) и грамотами, где в роли посредника часто оказывается как раз сеньор дарителя. К этому надо добавить, и еще раз подчеркнуть, что сама форма акта сейзины способствовала тому, что полученные таким образом права мыслились особо прочными. Лицо, отчуждавшее имущество, принимало на себя обязательство быть поручителем/покровителем нового владельца, даже если глагол *warrantizare*, как раз и выражавший идею такой гарантии, в документах отсутствует.

С течением времени существительное «сейзина» все чаще вытесняет глагольные формы, что соответствует логике развития сознания и его отражения в языке от предметно-чувственного восприятия в виде действия к его абстрактному выражению в виде понятия. Даже сохранение как реликта причастия *seisitus* может ввести в заблуждение. Все чаще исследователь останется в неведении, имел ли место акт сейзины вообще. Теперь составители документов оперируют словом «сейзина» свободно, очевидно, по той простой причине, что под него можно было подвести все разнообразие имущественных отношений.

где акт сейзины как таковой уже не играл роли (по крайней мере, для части судейского корпуса и составителей документов). Теперь содержание слова «сейзина» надо всякий раз выяснять отдельно: в одном случае им обозначают покоящееся на акте сейзины обладание имуществом, в другом — простую фактическую принадлежность имущества (держание), обусловленную волей третьего лица, в третьем оно служит своеобразной заменой глагола *saisire*, в четвертом выступает как нечто сближающееся с такой категорией права, как *dominium*.

Важно подчеркнуть, что современники противопоставляли тех, кто считался *seisitus* (*possidens*), и тех, кто лишь пребывал «в сейзине» (*in seiscina esse*, *in possessione esse*). В этом противопоставлении сказывается влияние римского права, о нем прямо говорит английский судья Брактон. Круг тех, чьи права определялись как *seisitus*, был широк, но все же ограничен. К таковым относили только обладателей максимально возможной в тех условиях полноты прав на имущество, полноты, признанной публичной властью, вместе с тем признававшей за ними право на защиту их фригольд-интереса в королевских судах.

Было бы ошибкой полагать, что акт сейзины оформлял то, что можно назвать современной сделкой купли-продажи. Даже с монастырями ситуация осложняется тем, что иногда новый получатель имущества не совсем освобождается от служб, а в XII в. связь акта сейзины с актом субинфеодации, т. е. наделения лица имуществом за службы, вряд ли вообще можно оспорить. Таким образом, сам принцип феодального общества предполагал иерархичность, скрепленную узами оммажа, а общее право, впрочем, как и континентальное, разделяло сейзину на службы и сейзину на имущество (известная параллель *dominium directum* и *dominium utile*). Однако соотношение прав сеньоров и вассалов довольно рано сдвинулось в сторону последних, так что в конечном итоге *seisitus* оказалась основная масса мелких и средних рыцарей, не имевших уже своих собственных держателей. Они-то и распоряжались имуществом весьма свободно: дарение, продажа, залог и т. д.

С течением времени и опять же не без участия королевской власти сейзина превращается в центральный концепт английского общего права, а защита отношений, определяемых как

сейзина, оказывается в центре внимания королевских судей. По мере роста влияния римского права английские юристы начинают сравнивать сейзину с институтом владения без того, однако, чтобы активно использовать терминологию, выработанную в рамках римского права, в своей профессиональной деятельности. Пожалуй, только в юридических трактатах сопоставление сейзины и владения проводится последовательней всего, но трактаты — это лишь вершина айсберга. Надо помнить и о том, что английские судьи (автор «Глэнвиллы», Брак-тон) имели дело не столько или не только с владением Дигест, но с владением *средневековым*, где фактическая связь лица и имущества и правовые основания таковой были тесно связаны. Иными словами, сейзина была даже в чем-то ближе полноте прав (*dominium*), нежели владению (*possessio*), что и демонстрируют отдельные пассажи Брактона. Сосуществование сейзины-акта и сейзины-отношения привело к тому, что многие заимствованные положения римского права, прямо или косвенно касавшиеся и владения, были переведены в практическую плоскость (возможность двух сейзин на одну вещь, концепция *apud*, казус с прекарием, отделение права владения от права собственности и т. д.). Брактон заимствовал оппозицию *possessio*—*proprietas* из римского права (Ульпиан) с тем, чтобы разделить на практике все иски на петиторные и поссессорные, ускоряя тем самым процесс восстановления прав потерпевшего, оставляя вопрос о правомочности притязаний сторон для отдельного рассмотрения.

Анализ конкретных фрагментов даст основание согласиться с мнением предшественников о вдумчивом отношении Брактона к нормам римского права. Не пытаясь, очевидно, объединить в конечном итоге владение и *dominium* и не создавая некой четкой иерархии прав, Брактон тем не менее даст понять, что *dominium* представляется ему известной полнотой прав и обязанностей, совокупностью конкретных доходов и эксплуатации имущества, где сейзина — только один из элементов. Не отрицая факт вассальных отношений и наличие иерархии землевладельцев, стоит отметить такое выражение, как *nudum dominium*, которым, как было показано, обладал сеньор, в то время как за новым получателем имущества сохранялась реальная полно-

та прав. «Полную сейзину» (*plenaria possessio*, *plenaria saisina*), новый термин, фиксируемый только с конца XII в., было бы неверно совершенно отождествлять с *dominium* по той простой причине, что полнота здесь определялась правами предшественника. И так понятно, сколь разнообразными могли они быть. Другое дело, что фактически ситуация в Англии складывалась так, что полная сейзина, как правило, означала концентрацию и правовых, и экономических рычагов в руках непосредственных *tenentes*, а не их сеньоров. А таких становилось все больше по мере дробления старых вотчинных комплексов, не говоря уже о мелком землевладении севера и востока Англии, так и не попавшего полностью под контроль нормандской аристократической верхушки.

Выражением прав таких землевладельцев могли выступать различные символы, но чаще всего в источниках в связи с актом сейзины упоминается *baculus*, который мы склонны пересводить как «большая палка». Более того, Брактон говорит о том, что обычным способом совершения акта сейзины является передача имущества посредством *baculus* и *fustis*. Эти представления можно найти еще в трудах видного юриста XVII в. сэра Эдварда Кока. Если относительно первого символа еще и могут быть какие-то сомнения, то *fustis* однозначно указывает на дубинку или копье. Не потому ли к нему прибегают, как правило, те, кто занимал положение ниже знати чаще всего в области Датского права?!

Правда, Англия не была уникальным регионом. На континенте в акте инвеституры применялись самые разные символы, более того, в качестве такового часто выступала палочка-*festuca*. Для понимания истоков символа *baculus* пришлось прибегнуть к параллельному материалу. Так, например, юрист Гай сравнивает *фестуку* в виндикационном процессе с копьем, а публичная продажа захваченного имущества (*subhastatio*) также сопровождалась публичной же демонстрацией копья, которое вывешивали в месте продажи. Однако надо признать, что высказанные в ходе исследования соображения о копье как прообразе *baculus* представляют собой, скорее, более или менее правдоподобную гипотезу. В действительности, символ *baculus* был многогранен, а причины, побуждавшие участников акта сейзи-

ны воспользоваться им, могли до конца не осознаваться самими участниками. Поэтому *basulus* правильнее рассматривать как *потестарный* символ с широким семантическим полем, символ прав реальных или заявленных той категории англо-нормандского населения, которая стояла ниже знати.

Символом же англо-нормандской аристократии, во всяком случае большей ее части, стал нож (*cultellus*). На примере его использования своеобразис англо-нормандского общества становится еще более очевидным. Факт утверждения именно этого символа после завоевания, факт его функционирования в среде знати и королей, его участие как символа более весомого даже чем *basulus* в некоторых, пусть и редких, случаях — все это свидетельствует об отражении особого правосознания и особого военного этоса англо-нормандского общества. Мысль о том, что ножи служили вырезанию торфа, который символизировал передаваемое имущество (Ф. У. Мэйтланд, Дж. Хадсон), не находит подтверждения в англо-нормандских источниках. Символ *cultellus* не связан с сейзиной непосредственно, но именно он отразил, как нам представляется, процесс утверждения новой военно-политической элиты, символом которой выступал меч. Пусть не покажется известной натяжкой сопоставление этих символов и, более того, попытка увидеть в этом случае связь. Ряд косвенных примеров дают пищу для размышления. Очевидно, что нож как единственный символ передачи имущества вряд ли применялся на континенте.

Надо еще раз со всей решительностью подчеркнуть, что автор настоящей книги был далек от мысли объяснять становление новых, буржуазных отношений в Англии существованием здесь процедуры сейзины. Как известно, не все, что *post hoc*, *propter hoc*. Уже во Введении было отмечено, что сейзина сама была итогом политических, экономических и социальных процессов, что она *может быть объяснена* только из них. Тем более история Англии, как и любого общества, не была линейной, и то, что получилось в конечном итоге, есть, скорее, результат стечения целого ряда случайных обстоятельств. Сейзина действительно, возникла в условиях общества «военной демократии», оформляла права на имущество (аллод), которое могло наследоваться и с известными оговорками даже отчуждаться,

а после завоевания оформляла права англо-нормандской знати на бокленд, опять же имущество особого привилегированного статуса. Но можно ли на этом основании делать вывод о том, что и далее на протяжении веков сохранялась та свобода распоряжения, которая была характерна для донормандского общества? В рассматриваемый период сейзина являлась институтом феодального права. Например, практика завещаний, столь распространенная в англосаксонской Англии, в Англии нормандской касалась, как правило, движимого имущества, в то время как наследование недвижимости подчинялось строгим правилам.²

Таким образом, если в первые десятилетия после завоевания сейзина и обеспечивала известную полноту прав, то по мере складывания феодальной иерархии она все более превращается в рядовую, хотя и основную, процедуру наделения имущественными правами. Каковы были эти права, каждый раз надо выяснять отдельно. Все, что можно сказать с уверенностью, — акт сейзины предполагал полноту преемственности прав и сопровождался демонстрацией прежним владельцем своих прав на передаваемое имущество, нередко эти права были наследственными или же акт сейзины рассматривался как веское основание требовать от сеньора передачи имущества наследникам. Но при этом новый держатель так же, как и на континенте, становился человеком «рук и уст» своего сеньора, был обязан службами, а вступление в наследство сопровождалось предварительной уплатой ренты вплоть до 1176 г. Другое дело, что акт сейзины получил распространение в том обществе, где приобретавшие имущество вследствие акта сейзины приобретали и широкие права в части распоряжения им. Однако прямо об этом документы говорят лишь в исключительных случаях.

Как бы там ни было, но сейзина как символическая процедура, призванная служить установлению некоего социального консенсуса и мира, ее символика, ее необходимость все еще ощущались в англо-нормандском обществе. Процесс утверждения индивидуального начала в частной и государственно-бюрократического в публичной сфере — процесс, завершившийся не ранее XVII—XVIII вв., — привел к постепенному смещению сейзины как концепта феодального права на пери-

ферию породившего ее общества. В юридическом лексиконе начиная с эпохи Тюдоров утверждаются новые термины: *property*, *possession*, *ownership*.³ Явной же данью средневековой традиции в современном общем праве является наличие особого концепта, так называемого «фригольд-интереса», который показывает, что юридическое выражение производственных отношений (но вряд ли их экономическое содержание) в Англии отличается от континентальной модели. Подчеркнем еще раз, институт сейзины рассматриваемого в книге периода, гарантируя известную полноту прав, не «выключал» имущество из системы сеньор—вассал, сеньор—держатель. Только с разрушением всей системы вассалитета к XVII в. и отменой рыцарских держаний можно утверждать, что в Англии складывается частная собственность, пусть ей и предстояло рядиться в средневековые одежды «держания от Его (Ее) королевского величества». Однако эта эволюция — предмет совершенно другого исследования.

ПРИМЕЧАНИЯ

Введение

¹ Традиционно это вторжение в историографии получило название «нормандское завоевание» (The Norman Conquest), что в известной мере условно, так как в нем деятельную роль играли представители и других регионов Франции — бретонцы, аквитанцы, фламандцы (Keats-Rohan K. S. B. The Bretons and the Normans of England 1066—1154. The family, the fief and the feudal monarchy // Nottingham Medieval Studies. 1992. Vol. 36. P. 42—79). Соглашаясь с А. А. Хлезовым, привычное для английского (и переводных с английского) языка слово Norman (например, в словосочетании the Anglo-Norman Kingdom) мы будем переводить словом «нормандский», поскольку «термин норманны ... в случае его применения к выходцам из Нормандии имеет несколько странный оттенок и лишь запутывает ситуацию» (Дуэлас Д. Ч. Норманны: от завоеваний к достижениям. 1050—1100 гг. / Под ред. А. А. Хлезова. СПб., 2003. С. 18, примеч.). Того же мнения придерживаются и другие исследователи, см., например: Çelebi Ç. L. Conquest, Colonization and Cultural Change in Eastern Suffolk, 1066—1166. Ankara, 2002. P. 15.

² The Anglo-Saxon Chronicle, the Chronicle of Florence of Worcester with two continuations and appendix // The Church Historians of England / Ed. J. Stevenson. London, 1853. P. 118. (Далее: ASC). См. также: The Anglo-Saxon Chronicle according to the several original authorities / Ed. with a transl B. Thorpe. London, 1861. Vol. 1—2. Vol. 1. P. 336—339 (год 1066 г.). Версии C и D по классификации в издании Дж. Стивенсона. Здесь и далее даются годы правления для коронованных особ. В остальных случаях даются годы жизни, если они известны. Наряду с классическими словарями, например Dictionary of National Biography, Allgemeine Deutsche Biographie, следует отметить знаковое издание: Keats-Rohan K. S. B. Domesday People. A Prosopography of Persons Occurring in English Documents 1066—1166. Domesday Book. Vol. I. Woodbridge, 1999; Keats-Rohan K. S. B. Domesday Descendants. A Prosopography of Persons Occurring in English Documents 1066—1166: II Pipe Rolls to Carta Baronum. Woodbridge, 2002.

³ Автор в передаче имен следует традиции их написания и произношения в отечественной историографии, кроме тех случаев, когда возможны варианты (Харольд и Гарольд, Вильгельм и Гийом/Гильом). В последнем случае выбор определялся частотностью употребления каждого из вариантов в отечественной же историографии, сколь бы условным подчас оно ни было.

⁴ Йен Уолкер настроен скептически к данным хроники Вильгельма в силу их чрезвычайной пристрастности (*Уолкер Й. В.* Гарольд. Последний король англосаксов. СПб.; М., 2014. С. 14).

⁵ *William de Poitiers. Gesta Willelmi ducis Normannorum et regis Anglorum // Scriptores Rerum Gestarum Willelmi Conquestoris / Ed. J. A. Giles. London, 1845. P. 142—143.*

⁶ Автор Англосаксонской хроники лишь указывает, что, несмотря на сдачу Лондона и подчинение англосаксонской знати, нормандцы грабили все на своем пути. ASC. P. 118. Молчит об этом событии и другой хронист Иоанн Вустерский (ум. ок. 1140, хотя исторически авторство хроники до 1118 г. приписывается монаху Флоренсу). См.: *The Chronicle of Florence of Worcester with Two Continuations / Trans. T. Forester. London, 1854. P. 171.* Ничего об этом не пишет и Эдмер в своей «Истории новых дел в Англии»: *Eadmeri historia novorum in Anglia et opuscula duo de vita Sancti Anselmi et quibusdam miraculis eius / Ed. M. Rule // RBS. N 81. London, 1884. P. 9.* Описание Вильгельма Жюмьежского также немногословно: *Guillaume de Jumièges. Histoire des Normands / Ed. et trad. M. Guizot // Collections des mémoires relatif à l'histoire de France. T. 29. Paris, 1826. P. 229.* Наконец, один из самых добросовестных хронистов своего времени, Вильгельм Мальмсберийский, тоже ограничивается одной фразой: *tunc ille, haud dubie rex conclamatus, Die Natalis Domini coronatus est ab Aldredo archiepiscopo ... Willelmi Malmsberiensis monachi de gestis regum Anglorum libri quinque. Historiae novellae libri tres / Ed. by W. Stubbs. // RBS. N. 90. 1887—1889. Vol. 2. P. 421.*

⁷ *Orderici Vitalis Ecclesiasticae Historiae libri tredecim / Ed. A. Le Prevost. Paris, 1840. Vol. II. P. 157.*

⁸ В отечественной историографии нет устойчивой традиции написания русского перевода этого памятника, как, впрочем, и словосочетания «нормандское завоевание». В англоязычной историографии оба пишутся исключительно с большой буквы. Мы решили сохранить транслитерацию букв, учитывая важность этого памятника для истории Англии рассматриваемого периода, равно как и разноречивую в транскрипции отечественной историографии, но дать строчную букву для «нормандского завоевания». Само название «ДБ» не современно событиям и вышло из-под пера казначея Генриха II (1154—1189) Ричарда Фитц Ниль (ок. 1130—1198), автора трактата «О казначействе» (*De scaccarium*, точнее — «О налате шахматной доски»). До этого ее называли просто Винчестерской книгой или кодексом.

⁹ Горелов М. М. Нормандское завоевание Англии: от этнического конфликта к феодальным смутам // СВ. Вып. 62. 2001. С. 23. См. также обстоятельную работу: Рекс П. 1066 год. Новая история нормандского завоевания. СПб., 2014.

¹⁰ Williams A. The English and the Norman Conquest. Woodbridge. 1997. P. 5—6. Речь идет, разумеется, о представителях господствующего класса. Л. Н. Ренина полагает, что с течением времени роль этнического компонента сходит на нет, а со второй половины XII в. уместно говорить не об этносоциальном противостоянии, а о социально-политическом (*Ренина Л. П.* Феодальные элиты и процесс этнической консолидации в средневековой Англии // Социальная идентичность средневекового человека / Отв. ред. А. А. Сванидзе, Н. Ю. Уваров. М., 2007. С. 243). Об идентичности нормандцев см. новейшую диссертацию: Ходячих С. С. Нормандская знать в Англии, 1066—1100 гг.: проблемы идентичности (по документальным и нормативным источникам). Дис. канд. и. н. (на правах рукописи). М., 2014. Нам показалось оправданным говорить об англо-нормандском обществе применительно и к середине XIII в., несмотря на то что как таковой союз Англии и Нормандии *de facto* прекратил существование в 1204 г. Дело в том, что тесная историческая связь между Англией и Нормандией, их известное взаимовлияние, включая и особенности правовой системы, тяготеющей к области неписаного права, не прекращались и после присоединения Нормандии, а *de jure* отказ по Нарижскому договору Генриха III (1216—1272) от претензий на Нормандию и прочие континентальные владения деда и отца вообще следует отнести к 1259 г. Более того, политические и правовые институты Нормандии не были полностью интегрированы во владения французского короля еще и в начале XIV в.

¹¹ Традиционно битву локализовали в районе Сенлакского холма («несчаного озера», хотя современные хронисты его так не называли, да и само это сочетание выглядит странно), но сейчас можно считать доказанным, что в действительности битва произошла на Калдбек-Хилл — на полтора километра севернее. П. Рекс предложил интересную трактовку появления топонима «Сенлак» как вероятного места битвы. См.: Рекс П. 1066. Новая история Нормандского завоевания. С. 70. «Сенлак» (*sand-lac*) — это не топоним, а обозначение особенности почвы холма, превращающейся после дождя в топь, которую Ордерик Виталий превратил в топоним.

¹² Впрочем, стоит помнить, что еще при Эдуарде Исповеднике нормандцы играли важную роль при английском дворе и в церкви. Их засилье во многом вызвало восстание Годвина и его сыновей, закончившееся — после краткого изгнания Годвина — выдворением нормандцев из Англии.

¹³ Но подсчетам Эпп Уильямс, к 1086 г. в Англии насчитывалось только тридцать землевладельцев, чье англосаксонское происхождение может быть установлено более или менее точно (*Williams A.* The English

and the Norman Conquest. P. 78; См. также: Горелов М. М. Нормандское завоевание Англии... С. 25; См. также: Английская деревня в XIII—XIV вв. / Всеобщая история в материалах и документах. Сост. Е. А. Косминским и Д. М. Нетрушевским. М., 1935. С. 10. Что касается титула «эрл», то, как замечает З. Ю. Метлицкая, его история весьма запутана.

¹⁴ Такого мнения придерживается Дж. Бредбери. Цит. по: Англосаксонская Англия и нормандское завоевание: Аналитический обзор / Метлицкая Зоя Юрьевна; Кол. авт. ИНИОН. М., 2008. С. 52.

¹⁵ До сих пор остается неревзойденной по обилию фактологического материала работа: *Freeman E.* The History of the Norman Conquest of England: its Causes and its Results. Oxford, 1867—1876. Vol. 1—6. Несколько раньше нее появился труд: *Palgrave F.* The History of Normandy and of England. London, 1851—1864. Vol. 1—4 (нормандскому завоеванию посвящены тома 3—4). Много было сделано для выяснения особенностей социально-экономического развития английского общества этого периода в ряде фундаментальных исследований отечественных авторов, если назвать только Н. Г. Виноградова, Д. М. Нетрушевского, Е. А. Косминского, Е. В. Гутнову, М. А. Барга, А. Я. Гуревича. В отечественной историографии фактология завоевания подробно изложена в работе: *Горелов М. М.* Датское и нормандское завоевания Англии в XI веке. СПб., 2007.

¹⁶ Историография вопроса недавно стала предметом отдельной статьи: *Глебов А. Г.* Контигунитет и дисконтигунитет в англо-американской историографии Нормандского завоевания второй половины XX века // Петербургский исторический журнал. 2014. № 3. С. 172—183.

¹⁷ Идея нормандского ига была популярна в годы, предшествующие гражданским войнам в Англии, и непосредственно в их период. Ее проводниками были, в частности, лидер левеллеров Джон Лилльберн и лидер диггеров Джерард Уинстенли.

¹⁸ Как красноречиво выразился Йен Уолкер: «Он (Гарольд. — А. К.) в конце концов проиграл, но виновны в этом превратности судьбы и случайная стрела...» (*Уолкер Й. В.* Гарольд. Последний король англосаксов. С. 225).

¹⁹ Впрочем, вопросом о «введении» феодализма задавались уже антиквари, любители и собиратели древностей (сер. XVI—конец XVII вв.), оставившие также исторические труды: У. Кэмден, Г. Спельман, У. Дагдейл и др.

²⁰ Обстоятельно историография вопроса рассмотрена: *Глебов А. Г.* Основные проблемы истории Англии в раннее Средневековье в освещении отечественных исследователей // Исторические записки ВГУ. № 7. 2001. С. 1—26; *он же.* Англия в раннее Средневековье. Воронеж, 1998. С. 149, 151, 153. См. также: *Якуб А. В.* Проблема нормандского завоевания в современной английской буржуазной медиэвистике 60—80-х гг. XX в. Автореф. дис. на соискание учен. степ. канд. ист. н. Томск, 1988.

²¹ *Ramsey J. H.* The Angevin Empire or the Three Reigns of Henry II, Richard I and John (A. D. 1154—1216). New York, 1903; *Le Patourel J.* The Norman Empire. Oxford, 1976. P. 163 и сл., 172, 179 и passim. Организационные способности нормандцев всемерно подчеркивал Д. Дуглас: *Дуглас Д. Ч.* Норманны: от завоеваний к достижениям... Гл. 9 и passim. Как утверждает Йен Уолкер (и отчасти мы согласны с ним): «В 1064 г. Гарольд достиг вершин могущества. Он был победоносным военачальником, самым влиятельным магнатом в королевстве, а после смерти эрла Эльфгара у него, по сути, не осталось соперников» (*Уолкер Й. В.* Гарольд. С. 123 (4-е англ. изд. 2010 г., первое — 1997)). Однако та же З. Ю. Метлицкая подчеркивает, что Йен Уолкер в высшей степени тенденциозен при изображении Гарольда. См.: Англосаксонская Англия и нормандское завоевание... С. 10.

²² *Gillingham J.* The Angevin Empire. Bloomsbury, 2001. Дж. Джиллингем рассматривает Анжуйскую империю как «семейное предприятие», объединенное только личными узами, явно отходя от стремления предшественников видеть в этих «империях» государственные образования.

²³ *Warren W. L.* The myth of Norman administrative efficiency // TRHS. Vol. 34. 1984. P. 113—132.

²⁴ Англосаксонская Англия и нормандское завоевание... С. 33. См. также обстоятельный обзор: *Chibnall M.* The Debate on the Norman Conquest. Manchester, 1999. Гл. 6.

²⁵ Например, в классическом исследовании *Блок М.* Феодалное общество. М., 2003. Ч. II. Кн. II и III. «Сеньория, основополагающий элемент феодального общества, — институт гораздо более древний, чем феодализм, и существовавший дольше его» (Там же. С. 430; также: *Барр М. А.* Исследования по истории английского феодализма в XI—XIII вв. М., 1962. С. 3; *Дюби Ж.* Европа в Средние века. Смоленск, 1994. С. 17—18). Как экспрессивно выразился французский историк, «рыцарство господствует над Европой... оно живет, жестоко и дико обирая и терроризируя народ. Это настоящая оккупационная армия». Впрочем, как известно, как раз Ж. Дюби и ряд других исследователей не без влияния марксистской парадигмы на первое место выдвигали сеньорию.

²⁶ *Илюшечкин В. П.* Теории стадийного развития общества. История и проблемы. М., 1996. С. 253. Как известно, еще III. де Монтескье рассуждал об истоках «феодализма» в трактате «О духе законов» (*Монтескье Ш. де.* О духе законов // Избр. произведения. М., 1955. Кн. XXX. Гл. III: «Итак, у германцев были вассалы, но не было феодалов. Феодалов не было потому, что у государей не было земли, которую они могли бы раздавать; или, скорее, их феодалы были боевые кони, оружие и ниры. У них были вассалы, потому что были верные люди, связанные словом и обязавшиеся вести войну; они несли приблизительно ту же служ-

бу, какая впоследствии налагалась за владение феодеом». <https://history.wikireading.ru/137821> (последнее обращение 10.12.2018).

²⁷ Благодаря значительному вкладу отечественных историков-аграрников, Н. Г. Виноградова, Д. М. Нетрушевского, Е. А. Косминского, М. А. Барга, А. Я. Гуревича, среди исследователей аграрной истории раннего Нового времени следует назвать А. Н. Савина, В. М. Лавровского, М. В. Винокурову.

²⁸ Горелов М. М. Датское и нормандское завоевания... С. 29—31.

²⁹ Battle Conference on Anglo-Norman Studies. Официальный сайт URL: <http://www.battleconference.com> (последняя дата обращения 23.11.2018). Конференции проводятся с 1978 г.

³⁰ Здесь мы оставляем в стороне ряд знаковых работ 1950—1960-х гг. (как монографии, так и диссертации) и укажем только на некоторые исследования: Бегичевилл Ф. Н. Формирование национальной судебной системы в норманнский период Англии (1066—1166). Дис. канд. юрид. н. Ставрополь, 2000; Горелов М. М. Датское и нормандское завоевания Англии в XI в. СПб., 2007; Англосаксонская Англия и нормандское завоевание: Аналитический обзор. Метлицкая З. Ю.; Кол. авт. ИНИОН. М., 2008; Ходячих С. С. Нормандская знать в Англии, 1066—1100 гг., и др.

³¹ Филиппов И. С. Средиземноморская Франция в раннее Средневековье. М., 2000. Гл. 7.

³² Ауров О. В. Город и рыцарство феодальной Кастилии: Сепульведа и Куэльяр в XIII—середине XIV века. М., 2012.

³³ Hudson J. Land, Law and Lordship in Anglo-Norman England. Oxford; New York, 1994. Слово land перевести однозначно затруднительно. Исходя из всего контекста исследования Дж. Хадсона, слово «землевладение» будет наиболее адекватным.

³⁴ Hudson J. Anglo-Norman Land Law and the Origins of Property // Law and Government in Medieval England and Normandy / Ed. G. Garnett and J. Hudson. Cambridge, 1993. P. 198—222.

³⁵ И. С. Филиппов иронично замечает, что «история собственности ... это история выживания и завоевания новых пространств особью, которая ... была вполне узнаваемой в Ноевом Ковчеге» (Филиппов И. С. Средиземноморская Франция... С. 560).

³⁶ Milson S. F. T. The Legal Framework of English Feudalism. Cambridge, 1977. Chap. 1.

³⁷ Hudson J. Land, Law and Lordship... P. 105 и сл.

³⁸ Garnett G. The origins of the Crown / The History of English Law. Centenary Essays on "Pollock and Maitland" / Ed. J. Hudson. Oxford, 1996. P. 171—214 и особенно 184—186.

³⁹ Palmer R. C. The economic and cultural impact of the origins of property 1180—1220 // LHR. Vol. 3. N 2. 1985. P. 375—395 idem. The origin of property in England // LHR. Vol. 3. № 2. 1985. P. 1—50.

⁴⁰ *Joüin des Longrais F.* La conception anglaise de la saisine du XIIe au XIVe siècle. Études de droit anglais. I. Paris, 1924. P. 85, 194. Но замечанию В. М. Лавровского, уже в XIV в. сложилась концепция о «нормандском иге», которое прервало естественный ход англосаксонской истории, а к XVII в. английские короли рассматривали себя и как абсолютных правителей, и как абсолютных собственников на всю территорию страны. Свою абсолютную власть они возводили к Вильгельму Завоевателю (*Лавровский В. М.* Проблемы исследования земельной собственности в Англии XVII—XVIII вв. М., 1958. С. 168—169). Эти воззрения нашли отражение в труде А. Блэквуда (1539—1613) «Анология королей» (*Adversus Georgii Buchanani dialogum, de iure regni apud Scotos pro regibus apologia*, 1581 г.).

⁴¹ *Reynolds S.* Fiefs and Vassals. The Medieval Evidence Reinterpreted. Oxford, 1996. P. 394. Курсив здесь и далее, кроме специально оговоренных случаев, принадлежит нам.

⁴² *Reynolds S.* Fiefs and vassals... P. 360—61. Об этом же может свидетельствовать и легендарная история с графом де Варенном, предъявившим комиссарам короля ржавый меч в доказательство своих владельческих нрав. Впрочем, свидетельства DB косвенно говорят об обратном.

⁴³ Акт об упряднении палаты феодальных сборов 27 ноября 1656 г. // Законодательство Английской революции / Сост. Н. Н. Дмитриевский. М.; Л., 1946; Акт об упряднении остатков феодализма и установлении акциза (1660) // Там же. § 2; *Бэпс М. А.* Исследования по истории английского феодализма ... С. 147. *Pollock W., Maitland F. W.* The History of English Law before the Reign of Edward the First. Cambridge: Cambridge university press, 1897. 2 vols (далее: *Pollock & Maitland*). Vol. II. P. 6. Впрочем, процесс этот не был однолинейным (*Лавровский В. М.* Проблемы исследования земельной собственности в Англии XVII—XVIII вв. М., 1958. С. 8).

⁴⁴ См.: Собственность в России. Средневековые и раннее Новое время. Коллективная монография / Под ред. Н. А. Горской. М., 2001. С. 7.

⁴⁵ *Walde A.* Lateinisches Etymologisches Wörterbuch. Heidelberg, 1910. S. 617; *Филиппов И. С.* Средиземноморская Франция... С. 569: «До IV в. оно (слово *proprietas*. — *А. К.*) встречается почти исключительно в сочинениях юристов — верный признак некоторой искусственности термина...».

⁴⁶ <http://www.etymonline.com/index.php>; <http://www.koeblergerhard.de/derwbhin.html> (последняя дата обращения 23.11.2018).

⁴⁷ А. Я. Гуревич справедливо замечает, что изначально *eigen* служил описанию межличностных и уже только позже — имущественных отношений принадлежности или зависимости (*Гуревич А. Я.* Проблема земельной собственности в дофеодальных и раннефеодальных обществах Западной Европы // Вопросы истории. № 4. 1968. С. 95).

⁴⁸ *Суханов Е. А.* Лекции о праве собственности. М., 1991. С. 6.

⁴⁹ *Dominium est jus de re corporali perfecte disponendi, nisi lex prohibeat.* См.: *Erb T.* Zum Inhalt des Eigentumsbegriffs in der Diskussion um die Entwicklung des Feudalismus // *Zeitschrift für Geschichtswissenschaften.* 1974. N 8. S. 835; *Coing H.* Zu Eigentumslehre des Bartolus // *ZSSR. Rom. Abt. Bd.* 70. 1953. S. 348—371.

⁵⁰ Риском предположить, что связано это было со слишком тесной коннотацией господства и подчинения, поскольку термин *dominium* означивал, скорее, способность господина сделать раба полноправным гражданином, в отличие от того, кто *dominium* не имел (*Смирин В. М.* «*Nudum jus Quiritium*», «*dominium*» и «*proprietas*» в понятийной системе римских юридических текстов // *В/И.* № 1. 1998. С. 281—284). Эти-то коннотации личного господства и подчинения были уничтожены в ходе буржуазных революций XVIII—XIX вв.

⁵¹ *Code civil. Livre II. Titre II. § 544, ГК РФ, ст. 209, ч. 1; Водкин М. Ю.* Проблемы реценции римского права собственности в европейских кодификациях XIX—XX вв. Автореф. дис. на соискание учен. степеней канд. ю. н. Казань, 2007. Распространенность такого подхода в современной цивилистике подчеркивает и Д. Ю. Нолдников (*Нолдников Д. Ю.* Договорные теории глоссаторов. М., 2008. С. 2 и сл. С. 79—80).

⁵² Право собственности: актуальные проблемы / Отв. ред. В. П. Литовкин, Е. А. Суханов, В. В. Чубаров. М., 2008. Гл. 3.

⁵³ Свод законов Российской империи. Т. X. Ч. II. Гл. I. § 420.

⁵⁴ *Зайков А. В.* «Собственность» и «владение»: попытка историко-филологической интерпретации одного понятийного юридического парадокса // *Вестник гуманитарного университета. Серия «Право».* 1 (3). Екатеринбург, 2002. С. 199—200; *он же.* Конструкция собственности в римском праве и проблема расщепленной собственности // Там же. № 1 (2). Екатеринбург, 1999. С. 38.

⁵⁵ На самом деле еще в середине XX в. в западной науке гражданского права указанная триада подверглась критике, поскольку «отдельные правомочия собственника: право владения, пользования и распоряжения ... не выражают собой ни всего объема права собственности, ни существа права собственности» (Собственность в России... С. 16).

⁵⁶ *Шкредов В. П.* Метод исследования собственности в «Канитале» К. Маркса. М., 1973. С. 50—51.

⁵⁷ *Неусыхин А. П.* Возникновение зависимого крестьянства как класса раннефеодального общества в Западной Европе VI—VIII вв. М., 1956. С. 10—14, 17—20, 31, 105, 110—117. Также: *Черепнин Л. В.* Основные этапы развития феодальной собственности на Руси (до XVII века) // *Вопросы истории.* 1953. № 4. С. 60: «экономически собственность еще не товар, то есть это не современная собственность...».

⁵⁸ *Гуревич А. Я.* Начало феодализма в Европе / Избр. труды. Т. 1. М.; СПб., 1999. С. 205—206.

⁵⁹ Филиппов И. С. Средиземноморская Франция... С. 612.

⁶⁰ Собственность в России. Средневековые и раннее Новое время. С. 7.

⁶¹ Филиппов И. С. Средиземноморская Франция... С. 550.

⁶² Там же. С. 555.

⁶³ Гуревич А. Я. Начало феодализма в Европе... С. 205.

⁶⁴ Там же. С. 206—208.

⁶⁵ Впрочем, А. Я. Гуревич формулирует свою позицию еще более радикально: «Нраво собственности возникает лишь тогда, когда субъект права противопоставляет себя объекту права. В данном же случае (в раннее Средневековье. — А. К.) человек не относился к земле как к чему-то внешнему и постороннему ему самому... В этом смысле есть основания говорить о коллективной собственности на землю у варваров...» (Гуревич А. Я. Проблема земельной собственности ... С. 89—90).

⁶⁶ Маркс К. К критике политической экономии / Соч. 2-е изд. Т. 13. Предисловие. С. [7].

⁶⁷ Сигов И. И. Феномен собственности М., 1999. С. 3; Собственность в России. Средневековые и раннее Новое время. С. 11—12.

⁶⁸ Суханов Е. А. Лекции о праве собственности. С. 17.

⁶⁹ Филиппов И. С. Средиземноморская Франция... С. 552. Между тем Е. А. Суханов не одинок, и мнение о двух структурах отношений собственности (экономической и юридической) было высказано Ю. В. Паниковской (Паниковская Ю. В. Современные проблемы земельной собственности в России // Собственность в представлении сельского населения России (середина XIX—XX вв.): регионально-исторический аспект. Ульяновск, 2001. С. 226). Впрочем, сам К. Маркс говорил о собственности в политэкономическом и юридическом смыслах.

⁷⁰ Обстоятельно этот вопрос рассматривается в коллективном труде: Собственность в России. Гл. 1. Теория собственности вообще и феодальной собственности в частности.

⁷¹ Суханов Е. А. Лекции о праве собственности. С. 7.

⁷² Крайние точки зрения представлены в работах Б. Ф. Норшнев и М. В. Колганова. Разбор их концепций см., в частности: Шапиро А. Л. О природе феодальной собственности на землю // Вопросы истории. № 12. 1969. С. 57.

⁷³ Каняшин Ю. И. Очерки по истории права в Средние века. Собственность. Алматы, 2000. С. 42, 52.

⁷⁴ Вопросу собственности в раннем общем праве посвящена большая статья: Seipp D. J. The concept of property in the Early Common law // I.H.R. N. 1. 1994. P. 29—91. Именно он указал на Дж. Локка как философа, вообще сформулировавшего проблему собственности. Напротив, судьбе этого концепта до Локка исследователи внимания уделяли гораздо меньше (Ibid. P. 30). Е. А. Суханов уже обратил внимание на крайнее разно-

образе определений «право собственности». В англо-американском праве вообще речь идет об одиннадцати правомочиях собственника, так что можно сконструировать порядка полутора тысяч вариантов права собственности (Суханов Е. А. Лекции о праве собственности. С. 20—21); *Harris J. W. Ownership of land in English law // The Legal Mind. Essays for Tony Honore / Ed. N. McCormick and P. Birks. Oxford, 1986. P. 143*: «Проведя различия между землей как физическим объектом и правами на нее (estate/s in land), английское земельное право лишний раз наглядно показало, что даже в таком в равной мере индивидуалистском (individualistic) и склонном к следованию всем формальным установлениям (legalistic) обществе, каким было английское в XIX в., понятие собственности (ownership) не является с необходимостью правовым термином (legal concept)».

⁷⁵ Jowitt's dictionary of English Law / Ed. Earl Jowitt and Clifford Walsh. 2nd edn. J. Burke. London, 1977. Vol. I. P. 723; *Harris J. W. Ownership of land in English law. P. 146*, где речь идет о «держательских истоках структуры понятий <земельного права. — Авт.>»: *tenurial origins of our conceptual structure*.

⁷⁶ *Wonnacott M. Possession of land. Cambridge, 2006. P. 1.*

⁷⁷ *Ibid. P. 2, n. 4.*

⁷⁸ *Harris J. W. Ownership of land in English law. P. 158—159.*

⁷⁹ Бессмертный Ю. Л. Феодалная деревня и рынок в Западной Европе XII—XIII веков. По северофранцузским и западнонемецким материалам. М., 1969. С. 65—66.

⁸⁰ Гутнова Е. В. Возникновение английского парламента. М., 1960. С. 234. Феодалную природу *scutagium* неплохо раскрыл в свое время Лесников М. Н. (Лесников М. П. Этюды о Великой Хартии Вольностей. К вопросу об истолковании статей 12 и 14 // Труды Института РАИОН. Вып. 1. М., 1926. С. 235—246 и особенно 244).

⁸¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 25. Ч. II. С. 357—358.

⁸² Гутнова Е. В. Возникновение... С. 259; Барг М. А. Исследования... С. 107. Напротив, по мнению А. Карпентера, теряя контроль над вассалами в сфере права, феодалы компенсировали это большим контролем обложения и доходов. Надо, правда, учесть, что А. Карпентер рассматривал отношения в среде непосредственных вассалов короля, где контроль был *a priori* более жестким (Carpenter A. The second century of English feudalism // P&Pr. 2000. N 168. P. 30—71 и особенно P. 39—40).

⁸³ Шкредов В. П. Метод анализа... С. 33. При этом исследователь огорчается, что К. Маркс последовательно настаивал на обусловленности этого юридического выражения реальными производственными отношениями, складывающимися независимо от воли людей.

⁸⁴ Косминский Е. А. Английское крестьянство в XIII в. К вопросу о свободном держании // СВ. Вып. 1. 1942. С. 56—57, 63.

⁸⁵ Об этом соответствующие статьи Мальборского статута (1267). Ст. 16, 17. Оценку см.: *Гутнова Е. В.* Возникновение... С. 146 и сл.; *Thomas H. M.* Subinfeudation and alienation of land, economic development, and the wealth of nobles on the honor of Richmond, 1066 to c. 1300 // *Albion: A Quarterly Journal Concerned with British Studies*. Vol. 26. N 3. 1994. P. 400. Выражаю признательность канд. и. н. Е. В. Бакалдиной за возможность ознакомиться с этой статьей.

⁸⁶ *Барг М. А.* Исследования... С. 106 и сл. Скорее всего, исследователь хотел сказать, что юридическое выражение общественных отношений, характерных для эпохи феодализма, выражалось в праве владения.

⁸⁷ *Коновалов А. В.* Владение и владельческая защита в гражданском праве. СПб., 2002. С. 143.

⁸⁸ *Филиппов П. С.* Средиземноморская Франция... С. 564.

⁸⁹ *Барг М. А.* Исследования... С. 106—107.

⁹⁰ *Pollock & Maitland*. Vol. I. P. 356—358.

⁹¹ *Васильев Л. С.* Государство на традиционном Востоке // Государство в докантилистических обществах Азии. М., 1987. С. 25—42, особенно С. 31—33. Уместно вспомнить высказывание К. Маркса о городах как «наиболее ярком цветке Средневековья» (*Шкредов В. И.* Метод исследования... С. 49; *Маркс К., Энгельс Ф.* Собр. соч. 2-е изд. Т. 25. Ч. II. С. 356—357). Можно сослаться и на пример «деспотической» власти русского царя, но надо сразу оговориться, что слово «деспотический» используется здесь, так сказать, ретроспективно. Но справедливому замечанию А. Л. Юрганова: «Для историка, знающего ход русской и мировой истории, средневековое соотношение власти и общества говорит о деспотическом характере самодержавия», но такая позиция «правильная ... лишь по отношению к собственному опыту и знаниям». Человек же того времени мог «не ощущать, — вопреки мнению С. Герберштейна, — что власть его „гнетет“. Ему, напротив, может быть комфортно» (*Юрганов А. Л.* Категории русской средневековой культуры. М.; СПб., 2009). С. 187. Разумеется, мы оставляем в стороне вопрос об «издержках» или закономерности западного пути развития. Как раз наоборот, западная цивилизация есть продукт «мутации». Теорию «мутации» всемерно развивает Васильев Л. С. (*Васильев Л. С.* Модернизация как исторический феномен (о генеральных закономерностях эволюции). М., 2011. С. 69—77).

⁹² В документах XIV в. отчуждение имущества в пользу другого лица обставляется условием несения служб вовсе не отчуждающему, а его сеньору. См.: Западноевропейская секция Архива СНБ ИИ РАН. Колл. 18. Карг. 381. № 3—4: *habendas et tenendas de capitali domino*. Так действовал статут *Quia emptores*, изданный в 1290 г. См. также: *Northumberland pleas from the curia regis and assize rolls 1198—1272* // *The Publication of the Newcastle upon Tyne Records Committee*. Vol. II. 1921. N. 516 (1251).

⁹³ Turner R. V. Henry II's aims in reforming England's land law: feudal or royalist? // *Law in Medieval Life and Thought*. Sewanee (Tennessee). 1990. P. 121—135. Наиболее последовательно эта теория выражена в цитируемой выше статье Дж. Хадсона (*Milson S. F. T. The Legal Framework of English Feudalism...* P. 37). Его точку зрения разделяет и Д. Сейн (*Seipp D. J. Bracton, the Year Books and the transformation of elementary legal ideas in the early common law* // *I.H.R.* 1989. Vol. 7. P. 176). О сильном контроле королевской власти за перемещением имущества еще до завоевания см.: *Property and Power in the Early Middle Ages* / Ed. by W. Davies and P. Fouracre. Cambridge, 2002. P. 264—265; *Thorne S. E. English feudalism and estates in land* // *Cambridge Law Journal*. 1959. Vol. XVII. P. 193—209; *Reynolds S. Bookland, folkland and fiefs* // *ANS*. 1991. Vol. XIV. P. 211—229; *Dalton P. Conquest, Anarchy and Lordship. Yorkshire 1066—1154*. Cambridge, 1994; *Hudson J. Land, Lord and Lordship in Anglo-Norman England*. New York, 1994.

⁹⁴ *Sutherland D. W. The Assize of Novel Disseisin*. Oxford, 1973. P. 34.

⁹⁵ О короле как вожде: *Савело К. Ф. Раннефеодалная Англия*. Л., 1977. С. 49—68, 81—92; *Глебов А. Г. Англия в раннее Средневековье*. Воронеж, 1998. С. 155—185; *Бахитов С. Б. Культ королевской власти в средневековой Англии V—XIII вв.* Комсомольск-на-Амуре, 1997. О правомерности такого рода представлений для XII в. см.: *Warren W. L. Henry II*. Berkeley, Los Angeles, 1977. P. 241.

⁹⁶ *Wissmann F. Die Förmlichkeiten bei den Landübertragungen in England während der anglonormannischen Periode* // *Archiv für Urkundenforschung*. Bd. 3. 1911. S. 254.

⁹⁷ Вопрос о природе фригольда непрост, и мы не считали возможным рассматривать его в настоящем исследовании. Если коротко, то фригольд обычно понимается как держание, не обремененное сервилльными повинностями, «просто держание свободных людей».

⁹⁸ *Лагровский В. М. Исследования по аграрной истории Англии...* Гл. 3; *Барт М. А. Исследования...* С. 278.

⁹⁹ *Champeaux E. Essai sur la «vestitura» ou saisine et introduction des actions des possessoires dans l'ancien droit français*. Paris, 1899. P. 15; *Pitou F. De l'investiture féodale dans le droit germanique au moyen âge*. Orléans, 1898; *Keller H. Die Investitur. Ein Beitrag zum Problem der «Staatssymbolik» im Hochmittelalter* // *Frühmittelalterliche Studien*. 1993. N. 27. S. 51—86; *Ле Гофф Ж. Символический ритуал вассалитета* // *Ле Гофф Ж. Другое средневековье*. Екатеринбург, 2002. С. 211—262, и др.

¹⁰⁰ *Champeaux E. Essai sur la «vestitura» ou saisine...* P. 22.

¹⁰¹ *Pitou F. De l'investiture féodale...* P. 24.

¹⁰² *Heusler A. Die Gewere*. Weimar, 1872. S. 50.

¹⁰³ *Garnett G. Conquered England. Kingship, Succession and Tenure 1066—1166*. Oxford; New York, 2007. P. 65. В «Истории монастыря

в Абингдоне» хронист, употребив слово «инвеститура», как если бы оно не было на слуху, тут же сделал уточнение: *investituram id est seisinam*: *Chronicon monasterii de Abingdon* / Ed. by J. Stevenson // RBS. N 2. 1858. Vol. I—II. Vol. II. P. 59.

¹⁰⁴ В специальной работе об институте владения в общем праве Ф. Поллок предлагает восстановить древнее значение сейзины как «владения юридического», а словом *possession* обозначать держание, что представляется нам искажением источников (*Pollock F. An Essay on Possession in Common Law. Part I—II. Oxford, 1888. P. 11*). Нравда, в другом месте он совершенно справедливо замечает, что «сейзина это владение, но никто не может быть наделен имуществом путем акта сейзины иначе, как только на фригольд-интерес» (*Ibid. P. 22*).

¹⁰⁵ *Pollock & Maitland. Vol. II. P. 30*. Примеры инвеституры встречаются в документах, вышедших из епископских канцелярий, например послания архиепископа Кентерберийского Теобальда (*The Cartulary of Cirencester Abbey, Gloucestershire* / Ed. C. D. Ross. London, 1964. Vol. 1—3. N 576—577 (1139—1161).

¹⁰⁶ *Pollock & Maitland. Vol. II. P. 29, 33*. См. также: *Plucknett Th. (Review) Joüon des Longrais F. La conception anglaise de la saisine du XIIe au XIVe siècle. Études de droit anglais. Paris, 1924 // Harvard Law Review. Vol. 40. N 6. 1927. P. 921—925*. В целом, Т. Плакнетт не оспаривает построения Ф. Жойона де Лонгрэ.

¹⁰⁷ *Pollock & Maitland. Vol. II. P. 30*. На семантическую близость глагола *saisire* и его англосаксонских эквивалентов указал Ф. Жойон де Лонгрэ (*Joüon des Longrais F. La conception anglaise de la saisine... P. 246*).

¹⁰⁸ *Thorne S. Livery of seisin // LQR. 1936. Vol. LXII. P. 363*.

¹⁰⁹ *Ibid. P. 356*.

¹¹⁰ *Plucknett T. F. T. Bookland and folkland // Studies in English Legal History. London, 1983. P. 168*.

¹¹¹ *Joswig D. Die germanische Grundstücksübertragung. Frankfurt am Main, 1984. S. 166*.

¹¹² *Ibid. S. 170*.

¹¹³ *Плахова А. В. Социальная символика, ее место и роль в духовной жизни общества. Дис. канд. филос. н. Л., 1986. С. 38, 88, 113, 116*. Эта мысль четко выражена в коллективном исследовании: *Rao U. Ritual in society / Theorizing Rituals: Issues, Topics, Approach, Concepts* / Ed. Jens Kreinath, Jan Snoek and Michael Stausberg. Vol. 1. Leiden; Boston, 2006. P. 143—160. См. также: *Глушаков А. Ю. Символы в истории цивилизации: юридический аспект // Изв. РГНУ им. А. И. Герцена. 2008. № 12 (85): Общественные и гуманитарные науки (философия, история, социология, политология, культурология, искусствоведение, языкознание, литературоведение, экономика, право). С. 309—315*.

¹¹⁴ Вульф К. К генезису социального. Мимезис, перформативность, ритуал. СПб., 2009. С. 155. В историческом плане см. обстоятельную работу: Althoff G. Die Macht der Rituale. Darmstadt, 2003.

¹¹⁵ Koziol G. Begging Pardon and Favour. Ritual and Political Order in Early Medieval France. Ithaca; London, 1992. P. 308.

¹¹⁶ Althoff G. Die Macht der Rituale. S. 11; Гуревич А. Я. Начало феодализма в Европе // Гуревич А. Я. Избр. труды. М., 1999. Т. 1. С. 260.

¹¹⁷ Гуревич А. Я. Англосаксонский фолклэнд и древноревейский одал (опыт сравнительной характеристики дофеодальных форм землевладения) // СВ. Вып. 30. М., 1967. С. 61—83.

¹¹⁸ Mayer E. Die Einkleidung im germanischen Recht / Festschrift für A. Wach. Leipzig, 1913. Bd. II. S. 88.

¹¹⁹ Ibid. S. 99.

¹²⁰ Мосс М. Очерк о даре: форма и основания обмена в архаических обществах // Общества, обмен, личность. Труды по социальной антропологии. М., 1996. С. 85—111; Аверкиева Ю. П. Разложение родовой общины и формирование раннеклассовых отношений в обществе индейцев северо-западного побережья Северной Америки. М., 1961. С. 128; она же. Индейцы Северной Америки. От доклассового общества к государству. М., 1974. С. 164; Гуревич А. Я. Проблемы генезиса феодализма в Западной Европе. М., 1970. С. 71—72; Он же. Начало феодализма в Европе... С. 231. На это обращает внимание и В. Б. Кобрин применительно к русским реалиям (Кобрин В. Б. Власть и собственность в средневековой России (XV—XVI вв.). М., 1985. С. 46).

¹²¹ Coke Ed. The First Part of the Institutes of the Laws of England. London. 1794. Vol. I—III. Ed. F. Hargrave and Ch. Butler. Vol. II. L. 3. Ch. 8. Sect 448. 266 b.

¹²² Это выражение, без сомнения, является данью ученой традиции и восходит ко времени, когда сейзина уже утратила связь с актом. Глагол *livery*, без сомнения, восходит к латинскому *liberare* в значении «освобождать», так что правильнее говорить не о передаче сейзины, а об «освобождении имущества в чью-то пользу».

¹²³ The First Part of the Institutes... Vol. I. L. 1. Ch. 7. Sect 59. 48 a: *per hostium et per haspam et annulum vel per fustem et baculum*. Сам Э. Кок знает и другие примеры: дверное кольцо, кусок торфа или ветка с передаваемой земли (*the ring of the doore or turfe or twigge of the land*); *ibid.* Sect 60. 49b: *he tooke off his shoe and gave it unto Boas in the name of seisin of the land ... and ... said Agrum trado tibi*. Но были и другие способы. Э. Кок приводил формулу отчуждения имущества, где наряду с символическим вручением внешних атрибутов имущества можно было и непосредственно вступить во владение, имея соответствующий документ: *Ibid.* Sect 59. 48a: *Enter you into this house or land and have and enjoy it according to the deed*.

¹²⁴ *Blackstone W.* Commentaries on the Laws of England in Four Books. Oxford. 1st edn. 1765—1769. <https://lonang.com/library/reference/blackstone-commentaries-law-england/bla-210/> (дата обращения 12.06.2019). Book 2. Chapt. 10.

¹²⁵ *Gundermann J.* Englisches Privatrecht. Tübingen, 1864. S. 145, 162; *Pollock & Maitland.* Vol. II. P. 29.

¹²⁶ *Klimrath H. et Warnkönig M. L. A.* Étude historique sur la saisine d'après les coutumiers du moyen âge / Travaux sur l'histoire du droit français. T. II. Paris; Strasbourg, 1843. P. 339.

¹²⁷ *Ibid.* P. 343—45.

¹²⁸ *Thiercelin M. H.* De la saisine héréditaire dans l'ancien droit français // *Revue critique de législation et de jurisprudence.* 1871—1872. T. XXI. N 1. P. 779—791.

¹²⁹ *Ibid.* P. 786.

¹³⁰ *Joüon des Longrais F.* La conception anglaise de la saisine... P. 44.

¹³¹ *Ibid.* P. 20.

¹³² *Pollock & Maitland.* Vol. II. P. 30—31.

¹³³ См. также: *Warren W. Henry II.* P. 369—370.

¹³⁴ *Joüon des Longrais F.* La conception anglaise de la saisine... P. 26.

¹³⁵ *Блок М.* Феодальное общество. М., 2001. Т. I. С. 119 и сл.

¹³⁶ *Klimrath H.* Étude historique... P. 351.

¹³⁷ *van Caenegem R. C.* Royal writs in England from Norman conquest to Glanvill: Studies in the early history of the Common law // *PSS.* Vol. LXXVII. London, 1959. P. 306—311.

¹³⁸ *Turner R. V.* Roman law in England before the time of Bracton // *Turner R. V.* Judges, Administrators and the Common Law in Angevin England. London, 1994. P. 45—71, especially P. 61.

¹³⁹ *Lexikon des Mittelalters.* Bd. III. Col. 1721—1722.

¹⁴⁰ *Backer J. H.* An Introduction to English Legal History. 4th Edn. Bath, 2002. P. 298.

¹⁴¹ *Ibid.* P. 227, note 27.

¹⁴² *Bracton's Note Book* / Ed. by F. W. Maitland. Cambridge, 1887. Vol. I—III. N 45 (1219); 47 (1219); 35 (1219). Далее: BNB.

¹⁴³ *Créteau E.* La seisine héréditaire dans la doctrine du XIX siècle // *Revue historique du droit français et étranger.* 2010. N 3. P. 423—443.

¹⁴⁴ Как пример см.: *Joüon des Longrais F.* La conception anglaise de la saisine... (сноски).

¹⁴⁵ *Dumas A.* Études sur le classement des formes des actes // *Moyen Âge.* Vol. 43. 1933. P. 33. Но замечанию Н. Хайамса, документ вообще вряд ли играл в манориальных судах существенную роль: *Hyams P. R.* Warranty and good lordship in twelfth-century England // *LHR.* Vol. 5. 1987. P. 462; *Milsom S. F. C.* The Legal Framework of English Feudalism... P. 63, 89.

¹⁴⁶ Об этом обстоятельное исследование: *Clanchy M. T. From Memory to Written Record. England 1066—1307. Cambridge (Mass.), 1979.*

¹⁴⁷ *Hyams P. R. Warranty and good lordship...* P. 462.

¹⁴⁸ Например, здесь присутствовал избранный в этом году епископ Лондона Маврикий (1085—1107). Кратко источниковедческая судьба «Хроники» изложена: Англосаксонская хроника / Ред. и сост. З. Ю. Метлицкая. С. 16—23.

¹⁴⁹ *ASC (The Church Historians of England). Vol. II. Pt II. P. 131.*

¹⁵⁰ *Золотарев А. Ю. Государство и суд в раннесредневековой Англии (VII—XI вв.). Дис. канд. и. н. (на правах рукописи). Воронеж, 2005. С. 68.* Так называемые «варварские нравды», своды обычного права германских племен, созданные в V—IX вв., представляют, по сути, лишь «вершину айсберга государственного механизма». Достаточно сказать, что ссылки членов сотенных собраний на наличие или отсутствие королевского приказа свидетельствует о том, что сами участники хорошо представляли себе, как он выглядит. То же было характерно и для Каролингской Франции (Там же. С. 65). Выражаю признательность А. Ю. Золотареву за возможность ознакомиться с диссертацией.

¹⁵¹ Идея о том, что онись составлялась по графствам и сотням, т. е. изначально по территориальному принципу, была высказана более ста лет назад Дж. Раундом. Исследователь опирался в данном случае на онись графства Кэмбриджшир (*Inquisitio comitatus Cantabrigiensis*), которую он считал результатом одного из семи разъездов (*Round J. H. Feudal England...* P. 478). Напротив, В. Гальбрейт настаивал на изначально феодальной природе ониси, а сама она превращается в мощное средство утверждения той социальной реальности, которая сложилась после завоевания (*Galbraith V. H. The Making of Domesday Book. Oxford, 1961. P. 28—29.*

¹⁵² *Kapelle W. E. The purpose of Domesday Book: A quandary // Essays in Medieval Studies. Vol. 9. 1992. P. 55.*

¹⁵³ *Maitland F. W. Domesday Book and beyond. New York, 1966. P. 3.* Эта концепция была сформулирована за два года до Ф. У. Мэйтланда Дж. Раундом: *Round J. H. Feudal England...* P. 105, 201, 250 и *passim*. В известной мере эту точку зрения разделяет и современный исследователь Д. Роффс (*Roffe D. From thegnage to barony: sake and soke, title and tenants-in-chief // ANS. Vol. XII. 1984. P. 163.*

¹⁵⁴ *Vinogradoff P. The Growth of the Manor. London, 1905. P. 292.* Как было отмечено выше, такой принцип был положен в основу с самого начала.

¹⁵⁵ *Clanchy M. T. England and Its Rulers. Worcester, 1983. P. 63; Kapelle W. E. The purpose of Domesday Book. P. 56.*

¹⁵⁶ *Clanchy M. T. England and Its Rulers. P. 61.*

¹⁵⁷ *Левицкий Я. А. Город и феодализм в Англии. М., 1987. С. 56.*

¹⁵⁸ Там же. С. 55.

¹⁵⁹ *Roffe D.* Domesday: The Inquest and the Book. Oxford, 2000. P. 47.

¹⁶⁰ *Roffe D.* Decoding Domesday. Woodbridge, 2007. Preface; *Roffe D.* Domesday... P. 16.

¹⁶¹ *Fleming R.* Domesday Book and the Law: Society and Legal Custom in Early Medieval England. Cambridge, 1998. P. 86.

¹⁶² *Galbraith V. H.* Domesday Book: Its Place in Administrative History. New York, 2002. P. 112—114. *Roffe D.* Domesday... P. 4—5.

¹⁶³ *Chibnall M.* Anglo-Norman England. 1066—1166. Oxford, 1986. P. 37.

¹⁶⁴ Первый том издания А. Фарли и Г. Элписа, который и содержит полную опись, за исключением ряда графств Восточной Англии: Норфолка, Эссекса и Саффолка (они составили второй том).

¹⁶⁵ Стоит обратить внимание на оригинальное исследование, где статистические подсчеты были проведены с применением компьютерных средств. Авторы показали зависимость доходов от структуры поместья и продемонстрировали, что DB вполне адекватно отражала экономические возможности каждого владения (*McDonald J. & Snooks G. D.* Domesday Economy. Oxford, 1986. P. 62 и там же таблицы).

¹⁶⁶ Всего за период 1066—1087 гг. было издано более двухсот приказов, в то время как из Нормандии второй половины XI в. дошло (на момент написания работы. — *A. K.*) только четыре (*Bates D.* The earliest Norman writs // *ENR.* 1985. Vol. 100. N 395. P. 267). М. Харгер оспорил это утверждение и пришел к выводу о «рутинности» практики применения приказов в Англии и Нормандии уже к 1100 г. (*Flagger M.* The early Norman writs revisited // *Historical Research.* 2009. Vol. 82. N 216. P. 181—205). Статья осталась недоступной, но его идеи кратко изложены <http://www.earlyenglishlaws.ac.uk/reference/essays/writs/>. (Последнее обращение 23.11.2018). Впрочем, можно не сомневаться, что общее число приказов, как в оригиналах, так и в кониях увеличилось. Количество же дошедших приказов, в которых упоминается глагольная форма *saisire*, значительно меньше.

¹⁶⁷ *van Caenegem R. C.* Royal writs... Appendix. N 14. P. 419 (1115—1127); N 139. P. 485. (1101—1102).

¹⁶⁸ *van Caenegem R. C.* Guide to the Sources of Medieval History. Amsterdam, 1979.

¹⁶⁹ *Cartularium Abbathiae de Whiteby* / Ed. by J. C. Atkinson. Vol. I—II // Publications of the Surtees Society. 1878. Vol. 69; 1881. Vol. 72.

¹⁷⁰ *Золотарев А. Ю.* Государство и суд... С. 50, 58, 62. Здесь «появление писаного законодательства вполне могло быть вызвано в большей степени идеологическими, чем практическими потребностями».

¹⁷¹ *Glanvill R. de.* De legibus et consuetudinibus regni Angliae / Ed. by G. Woodbine. Yale; New Haven, 1932. Prologus. P. 2—3: Horum itaque particulam quandam in scripta redigere decrevi stilo vulgari et verbis curialibus

utens ex industria ad eorum notitiam comparandam eis qui huiusmodi vulgaritate minus sunt exercitati... (далее ссылки даются по этому изданию с указанием книги и главы). См. также: *The Treatise on the Laws and Customs of England Commonly Called Glanvill* / Ed. G. H. G. Hall. London, 1965.

¹⁷² *Russell J. C.* Ranulf de Glanvill // *Speculum*. 1970. Vol. XLV. N 1. 69—79; *Stenton D. M.* The English Justice between the Norman Conquest and the Great Charter. Philadelphia, 1964. P. 102. Поэтому впредь и далее мы будем употреблять латинизированный вариант «Glanvilla».

¹⁷³ *Turner R. V.* Who was the author of Glanvill? Reflections on the education of Henry II's Common lawyers // *LHR*. 1990. Vol. VIII. N. 1. P. 119.

¹⁷⁴ *Ibid.* P. 120.

¹⁷⁵ *The Treatise on the Laws and Customs of England...* Introduction. P. XXXIII.

¹⁷⁶ *Святовец О. А.* Генри Брактон и трактат «О законах и обычаях Англии» (из истории политической мысли в Англии XIII в.). Дис. канд. ист. н. СПб., 2000. Гл. I. Отметим, однако, что тема далеко не исчерпана, исследования о самом трактате и его авторе являются до сих пор. См., например: *Brand P.* The date and authorship of *Bracton*: A response // *The Journal of Legal History*. Vol. 31. N 3. 2010. P. 217—244.

¹⁷⁷ *Bracton*. I. P. I.

¹⁷⁸ Ссылки даются по электронному изданию трактата, размещенному на сайте: URL: <http://amesfoundation.law.harvard.edu/Bracton> [Электронный ресурс] *Bracton H. de. De legibus et consuetudinibus Angliae* / Ed. by George E. Woodbine, trans. with rev. and notes Samuel E. Thorne. Cambridge (Mass.), 1968—1977. Традиционно в ссылках указывается номер фолио, но в издании С. Торна дана ностраничная нагнания, а номера фолио указаны в самом тексте. Мы решили давать ссылку на том и страницу. *Bracton*. Vol. 2. P. 19: ...ad instructionem ... saltem minorum ego, Henricus de Brattone, animum exeri ad vetera iudicia iustorum, perscrutando diligenter non sine vigiliis et labore...

¹⁷⁹ *Ibid.* qui cathedram iudicandi ascendunt antequam leges didicerint, saepius trahantur ad abusum...

¹⁸⁰ *Biancalana J.* For want of justice: legal reforms of Henry II // *Columbia Law Review*. 1988. Vol. 88. N 3. P. 445. Р. Тернер полагает, что реформы Генриха II представляли собой систему тесно связанных и достаточно продуманных действий, причем он отталкивался от практики как Генриха I, так и англосаксонских и франкских королей (*Turner R. V.* Henry II's aims in reforming England's land law: feudal or royalist? // *Law in Medieval Life and Thought*. Sewanee, 1990. P. 131—134); О Вакарии см.: *Stein P.* Vacarius and the civil law // *Church and Government in the Middle Ages* / Ed. by Ch. Brooke, D. Luscombe. Cambridge, 1976. P. 119—132; *Turner R. V.* Roman law in England before the time of Bracton // *Turner R. V. judges, Administrators and the Common Law in Angevin England*. London, 1994. P. 47;

Lange H. Römisches Recht im Mittelalter. Bd I. Die Glossatoren. München, 1997. S. 246—255.

¹⁸¹ Glanvill VII. 9: Respondere autem non tenentur pro illis, nec de recto nec de saisina nisi in unico casu...; Glanvill XIII. 1: Generalia ... placita de recto ... hactenus in parte sunt expedita. Nun vero ea que super saisinis solummodo usitata sunt restant proseguenda...; *Caenegem R. C.* van Royal writs... P. 380.

¹⁸² Тракта́т о закона́х и обы́чаях Анѓлии, называе́мый Глэ́нвилле́вым / Под ред. И. С. Хатунова. Ставрополь, 2002. Кн. VII. Ср. 1.

¹⁸³ Flodoardi Historia Remensis ecclesiae // MGII. SS. T. XIII. 1881; см. также: Lexicon des Mittelalters. Bd. IV. Col. 549—550.

¹⁸⁴ Dudonis Sancti Quentini De moribus et actis primorum Normanniae ducum // Patrologia cursus completus. Seria latina / Ed. par J. Migne. 1853. T. 141; (далее: Dudo); Lexicon des Mittelalters. Bd. III. Col. 1438—1439.

¹⁸⁵ О методе Дудона и его оценке социальной организации норманнов. *Lifschitz F.* Translating «Feudal» vocabulary Dudo of Saint-Quentin // HSI. Vol. 9. 1997. P. 39—57. Главный вывод состоит в том, что «у Дудона нет феодального словаря, это конструкция ученых, мир Дудона — это не феодальный мир». Нормандский клирик мыслит, скорее, категориями народ-правитель, которые можно понимать или в смысле «государственные» (римского образца), или как гентильные (Ibid. P. 42—43).

¹⁸⁶ Willelmi Malmsberiensis monachi De gestis regum Anglorum. Introduction. P. LVII—LX.

¹⁸⁷ Но тому же нути номел, в частности, Д. Сейн: *Seipp D. J.* Roman legal categories in the early Common law // Legal Record and Historical Reality. Proceedings of the 8th British Legal History Conference. Cardiff. 1987 / Ed. Th. C. Watkin. London, 1989. P. 16.

¹⁸⁸ Нельзя не согласиться с К. Марксом: «...всякое предвосхищение выводов, которые еще только должны быть доказаны, может помешать, а читатели ... должны решиться восходить от частного к общему» (*Маркс К.* К критике политической экономии. Предисловие. С. 5).

¹⁸⁹ Ж. Флори вообще полагает, что истина в принципе неностижима, так что историк изучает идеи. *Флори Ж.* Идеология меча. СПб., 1999. С. 3.

Глава 1

¹ *Latham R. E.* Dictionary of Medieval Latin from British Sources. London, 1965. P. 430; *Baxter J. H. and Johnson Ch.* Medieval Latin Word-list from British and Irish Sources. London, 1950. P. 370.

² *Du Cange Ch.* Glossarium maediae et infimae latinitatis. Niort, 1883—1887. T. VII: Et ego in nomine Dei sacri in mandatis committo quod... illi non poterunt seisinare vel introducere quemcumque illis placuerit in eorum terras,

possessiones et dominia. Издание середины XX в. представляет собой переиздание 1883—1887 гг., так что в нем сохранена ссылка на труд Ассерия (*Du Cange Ch. Glossarium mediae et infimae latinitatis. Unveränderter Nachdruck der Ausgabe von 1883—1887. Graz, 1954. Bd. VII. S. 275*).

³ *Monumenta Historica Britannica or Materials for the History of Britain, from the Earliest Period* / Ed. by H. Petrie assisted by J. Sharpe. London, 1848. Классическое издание Asser's Life of King Alfred / Ed. by W. H. Stevenson and D. Whitelock. Oxford, 1959. (Переиздание 1904 г. В. Стивенсона с комментариями Д. Уайтлок).

⁴ *Liber monasterii de Hyda; Comprising a Chronicle of the Affairs of England, from the Settlement of the Saxons to the Reign of King Cnut; and a Chartulary of the Abbey of Hyde, in Hampshire. A. D. 455—1023. Vol. I—III* / Ed. by E. Edwards // RBS. N. 45. 1866. P. XXII—XXIII. www.bl.uk/manuscripts/FullDisplay.aspx?ref=Add_MS_82931 (обращение 09.09.2019).

⁵ *Liber Vitae: Register and Martyrology of New Minster and Hyde Abbey, Winchester* / Ed. by Walter de Gray Birch, Hampshire Record Society. London, 1892. www.bl.uk/catalogues/illuminatedmanuscripts/record.asp?MSID=94&CollID=21&NStart=944 (обращение 09.09.2019).

⁶ *Cartularium Saxonicum: A Collection of Charters Relating to Anglo-Saxon History* / Ed. by W. de G. Birch. London, 1885—1893. Vol. II. P. 180.

⁷ *Cartularium Saxonicum...* Vol. II. N. 553—555. Текст оригинала: *hy ne motan ceosan swylcne mann swylce hy wyllan*, т. е. «он не может выбирать себе того человека, кого пожелает»; версия на среднеанглийском языке: *that they ne mote sesyn what man wham they wylle in here londy*, т. е. «они не могут вводить в права владения человека, которого они пожелают»; в латинской версии: *illi non poterunt seysinare, vel introducere, quemcumque illis placuerit, in eorum terras ...* (в том же значении). Речь идет о праве лиц, получивших землю от короля, самостоятельно назначать наследника.

⁸ *Picoche J. Dictionnaire étymologique du français. Paris, 1983. P. 595.*

⁹ *Wartburg W. von. Französisches etymologisches Wörterbuch. Leipzig, 1962. Bd. 17. S. 20.*

¹⁰ *Ibid.* Bd. 17. S. 19.

¹¹ *Niermeyer J. F. Mediae Latinitatis lexicon minus. Leiden, 1976. P. 931: saisiverunt, sicut rectum erat, monachi suum beneficium (1070—1110).*

¹² *Hübner R. Der Immobilienprozess der Fränkischen Zeit // Untersuchungen zur deutschen Staats- und Rechtsgeschichte / Hrsg. O. Gierke. Heft 42. Breslau, 1893. S. 39—40; Köhler G. Die Herkunft der Gewere // Tijdschrift voor Rechtsgeschiedenis. 1975. N. 45. S. 197; Joswig D. Die germanische Grundstückübertragung. S. 229.*

¹³ *Stotz P. Handbuch zur lateinischen Sprache des Mittelalters. München, Bd. 2. 2000. S. 319, 396.*

¹⁴ Niermeyer J. F. Op. cit. P. 931—932.

¹⁵ Uddholm A. Formulae Marculfi. Étude sur la langue et le style. Uppsala, 1954. P. 8. О датировке и месте создания см. также: Tardif A. Nouvelles observations sur la date du formulaire de Marculf // Revue historique du droit français et étranger. T. IX. 1885. P. 1—8; Levillain L. Le formulaire de Marculf et la critique moderne // Bibliothèque de l'école des chartes N 84. 1923. P. 21—91.

¹⁶ Wiener L. Commentary to the Germanic Laws and Medieval Documents. Cambridge: Mass., 1915. P. 3.

¹⁷ Ibid. P. 4.

¹⁸ Стоит отметить, что в Баварской правде в одной из редакций появляется слово *saciaret* вместо *sociaret* (Lex Baiuvariorum / Legum sectio // MGH. Hannoverae. 1863. T. 3. S. 436. Списки). Однако это, скорее, курьез, в то время как в слове *sacire* гласная *a* встречается с неизменным постоянством. Всего же в серии MGH примеры написания *saciare* в смысле *sociare* можно пересчитать по пальцам.

¹⁹ Такое мнение высказали в ходе обсуждения работы, лежащей в основе данной книги, проф. А. К. Гаврилов и его ученик Д. В. Кейер. Выражаю им свою признательность за ценные замечания.

²⁰ См.: Walde A. Lateinisches Etymologisches Wörterbuch. S. 371; Fay E. Ancient words with living cognates // Modern Language Notes. 1907. Vol. 22. P. 38; Cooper F. T. Word Formation in the Roman *sermo plebeius*. New York, 1895. P. 225—226, 229—236 (список глаголов) и *passim*; Diez F. Grammatik der Romanischen Sprache. Bonn, 1882. Vol. 2. S. 688 и сл. См. также S. 560—561, где приводится ряд старофранцузских глаголов, производных от латинских прототипов (*dicere* > *dizes*, *ditz*, *diga*; *ducere* > *dutz*). На их примере хорошо видно, как буква *s* и соответствующий звук в слове *sacire* могли дать такие варианты как *sazire* (*saizire*) или *sagina* (в итальянских средневековых документах). См.: Du Cange. Glossarium... T. VII. P. 266. Нам не удалось найти глаголы 4-го спряжения, производные от существительных 2-го склонения. Подробный список соответствующих глаголов см.: Gradenwitz O. Laterculi vocum Latinarum: voces Latinas et a fronte et a tergo ordinandas. Leipzig, 1904. Этимология восставлялась по словарю А. Вальде.

²¹ Hübner R. Grundzüge des deutschen Privatrechts. Leipzig, 1922. S. 237; Heusler A. Institutionen des deutschen Privatrechts. Bd. 1—2. Leipzig, 1885. Bd. 2. S. 70; Wiener L. Commentary to the Germanic laws... P. 17.

²² Wiener L. Commentary to the Germanic laws... P. 17, примеч. 3—4 (*occupavimus*, *seysivimus* *perturbavimus* или *injuste et sine iudicio dissagivit*).

²³ Hübner R. Grundzüge des deutschen Privatrechts. S. 237.

²⁴ Pertile A. Storia del diritto Italiano. Storia del diritto privato. Torino, 1893. Vol. IV. P. 229.

²⁵ Сын императора Лотаря I (817—855), соправитель отца с 850 г., самостоятельно с 855 г., впуск императора Людовика Благочестивого (814—840), король Италии с 844 г., коронован императорской короной наной Львом IV в 850 году.

²⁶ I diplomi di Berengario I / Ed. L. Schiaparelli // Fonti per la storia d'Italia. Roma, 1903. N 27 (891). Ср.: Codex diplomaticus Langobardiae // Historia patriae monumenta. T. XIII. 1873. N 345 (890). В это время Эрменгарда была вдовой Бозо, короля Прованса (879—887), признанной знатью Прованса регентшей в период несовершеннолетия сына Людовика (880—928), будущего императора Людовика III Слепого (901—905). Слово *dominium*, как его ни переводи, несомненно, указывает на властные полномочия Эрменгарды в отношении отчуждаемого имущества.

²⁷ I diplomi di Ugo e di Lotario, di Berengario II e di Adalberto / Ed. L. Schiaparelli // Fonti per la storia d'Italia. Roma. 1924. N 39 (935).

²⁸ О *proprietas* и его значении см. гл. 4.

²⁹ Ficker J. Forschungen zur Reichs- und Rechtsgeschichte. Innsbruck, 1868—1874. Bd. 4. Urkunden zur Reichs- und Rechtsgeschichte Italiens. N 34. P. 48, 50.

³⁰ Вопрос о содержании этого понятия был специально рассмотрен в диссертации: Золотарев А. Ю. Государство и суд... С. 41—44.

³¹ Не совсем понятно, о капитулярии какого императора идет речь, но известно, что такое право было предоставлено женщинам итальянским капитулярием короля Нинина: Karoli Magni et Pippini filii capitularia Italica // Capitularia regum Francorum // Legum sectio II // MGH. Hannoverae. 1883, N 95. Cap. 11.

³² Liutprandi leges anni IX / Ed. F. Bluhme // Fontes juris germanici antiqui in usum scholarum. Edictus ceteraeque Langobardorum leges // MGH. Hannoverae, 1869. Cap. 22. Там же речь идет о согласии мужа.

³³ Recueil des chartes de l'Abbaye de Cluny / Publ. par Al. Bruel, A. Bernard. Paris, 1894. T. 5. N 3658. Разнообразный материал о символах собран: Michelsen A. L. J. Über die *festuca notata* und die germanische Traditionssymbolik. Jena, 1856.

³⁴ Du Cange. Glossarium. T. I. P. 31 и T. VIII. P. 414: *possessione exuere*, *possessionem abdicare*; Niermeyer J. Medii latinitatis lexicon minus. P. 6; Köbler G. Althochdeutsches Wörterbuch. Berlin, 4 Aufl. 1993. См. соответствующие статьи. В словаре приводится не глагол *absaisire*, а причастие *absasitus*, но в том же значении <http://www.koeblergerhard.de/ahdwbhn.html> (последнее обращение 25.11.2018).

³⁵ Конценции III. Дю Канжа, М. Блока и их оценку природы *exfestucatio* см.: Ле Гофф Ж. Символический ритуал вассалитета... С. 231—233.

³⁶ Есть примеры, где составитель использовал слово *absens*, в однозначности которого сомнений нет: Recueil des chartes de l'Abbaye de Clu-

ny. N 3489 absentes nos exinde facimus (1076 г.); № 3600 et absente (*sic!*) me fecit... (1083).

³⁷ *Meichelbeck P. C.* Historia Frisingensis. 1724. T. II. Appendix. N 412 (820).

³⁸ *Hübner R.* Der Immobilienprozess der fränkischen Zeit. S. 229 и сл.

³⁹ BNB. N. 1258. Nocte appropinquante dixit ... Johannes eidem Ingelisie quod recederet et ipsa exivit ... et idem Johannes remans ... in seisina; Chronicon monasterii de Abingdon. Vol. II. P. 184—185; Cartulaire de l'abbaye de Notre-Dame des Vaux-de-Cerney / Ed. par L. Merlet et A. Moutié. T. 1—3. Paris, 1857—1858. T. I. N. 419. См. также N 445.

⁴⁰ *Meichelbeck P. C.* Historia Frisingensis. T. II. Appendix. N 512: Servus ibi sedebat tres dies et noctes...

⁴¹ *Albrecht W. E.* Die Gewere als Grundlage des älteren deutschen Sachenrechts. Königsberg, 1828. S. 66.

⁴² *Meichelbeck P. C.* Historia Frisingensis. T. II. Appendix. N 368 (819).

⁴³ *Hübner R.* Der Immobilienprozess der fränkischen Zeit. S. 229.

⁴⁴ Миниатюра и текст воспроизведены по изданию: Der Sachsenspiegel. Der Sachsenspiegel in Bildern. Aus der Heidelberger Bilderhandschrift ausgewählt und erläutert von Walter Koschorreck. Frankfurt am Main, 1976. S. 113. 3. 83. § 2; выражаю признательность Стефании Куласовой за возможность ознакомиться с немецкоязычным иллюстрированным изданием. Неведал статьи см.: Саксонское зеркало. Намятник, комментарии, исследования / Под ред. В. М. Корещкого. М., 1985. С. 114.

⁴⁵ *Дуров О. В.* Город и рыцарство феодальной Кастилии... С. 202—205.

⁴⁶ Der Sachsenspiegel... S. 113. 3. 83. § 3; невевдал статьи см.: Саксонское зеркало... С. 114.

⁴⁷ Английские источники также немало отразили эту практику: Early Yorkshire Charters / Ed. W. Farrer. Edinburgh, 1914. Vol. 3. N 1364 (1188): saisivi eos in hanc terram (можно налагать, здесь идет речь о непосредственном вводе новых владельцев во владение); N 1633 (1160—1170): saisivi et corporaliter induxi monasterium tradedendo ... domum per seram et ostium; N 1762 (1165—1177): ... dedisse et ... confirmasse ... quandam partem terre in bosco ... quicquid continetur in bosco et plano inter Kelder et illas metas quas ego Radulfus ... perambulavi et duxi et predictam ecclesiam inde saisivi (далее EYC); EYC. Vol. 1. N 295 (1190—1210): saisivi inde per baculum super eandem terram coram Willelmo... Ночти наверняка фразу надо понимать как указание на тот участок, который отчуждался, где и проходило отмеченное действие с палкой (baculus); EYC. Vol. 1. N 65 (1135—1140): ... in feudo et hereditate, quicquid est in bosco et in plano ... sicut ego perambulavi et probi viri qui mecum erant... Ubi concessi et saisivi predictos monachos de ista tenura...

⁴⁸ Литература по этому вопросу не только очень обширна, но и крайне противоречива: *Irsigler F.* Untersuchung zur Geschichte des frühfrän-

kischen Adels // *Reinische Archiv*. Bd. 70. Bonn, 1969; *Zölner E.* Geschichte der Franken. München, 1970; *Schneider R.* Das Frankenreich. München, 1982; *Werner K. F.* Die Ursprünge Frankreichs bis zum Jahr 1000 // *Geschichte Frankreichs*. Stuttgart, 1989. Bd. 1; *Éwig E.* Die Merowinger und das Frankenreich. 2 Aufl. Stuttgart, 1993, и др.

⁴⁹ De bell. Gal, IV, 1: «У них вовсе нет земельной собственности, и никому не позволяется больше года оставаться на одном месте для обработки земли»; Germ. 26: «Земли для обработки они поочередно занимают всей общиной по числу земледельцев, а затем делят их между собою, смотря по достоинству каждого; раздел полей облегчается обилием свободных пространств. И хотя они ежегодно сменяют нашеню, у них всегда остается излишек полей».

⁵⁰ *Неусыхин А. П.* Общественный строй древних германцев. М., 1929. С. 48—54.

⁵¹ *Гуревич А. Я.* Древние германцы. С. 36.

⁵² Там же. С. 41—42 и особенно примеч. 18 на с. 68. Аналогичным образом дело обстояло у славян: *Свердлов М. Б.* Становление феодализма в славянских странах. СПб., 1997. С. 22—23.

⁵³ De bel Gal. IV, 1.

⁵⁴ *Ле Гофф Ж.* Цивилизация средневекового Запада / *Общ. ред. Ю. Л. Бессмертного*; *Послесл. А. Я. Гуревича*. М., 1992. С. 11.

⁵⁵ Точка зрения Х. Гран-Хоек (*Grahn-Hoeck H.* Die fränkische Oberschicht im 6 Jh. Studien zu ihrer rechtlichen und politischen Stellung. Sigmaringen, 1976) о фактическом отсутствии знати у франков подверглась критике и не была принята исследователями, точно так же как не получила поддержку теория А. Бергенгруена о преимущественно крестьянском характере колонизациит (*Bergengruen A.* Adel und Grundherrschaft im Merowingern Reich. Siedlung und Standesgeschichte. Studie zu den Anfängen des fränkischen Adels in Nordfrankreich und Belgien // *Vierteljahrsschrift für Sozial-und Wirtschaftsgeschichte*. 1958. H. 41). Критику см.: *Zotz Th.* Adel, Oberschicht, Freie. Zur Terminologie der frühmittelalterlichen Sozialgeschichte // *Zeitschrift für die Geschichte des Oberrheins*. Bd. 125. 1977. S. 3—20.

⁵⁶ *Неусыхин А. П.* Общественный строй древних германцев. С. 157—158, 167; *Гуревич А. Я.* Древние германцы... С. 36—37.

⁵⁷ *Неусыхин А. П.* Общественный строй... С. 193.

⁵⁸ *Удальцова З. В.* Раздел земель между остготами и римлянами в Италии в конце V в. // *СВ. Вып. VIII*. 1956. С. 39—55.

⁵⁹ *Грацианский П. П.* О разделах земель у бургунов и у вестготов // *СВ. Вып. I*. 1942. С. 9—15.

⁶⁰ *Zölner E.* Geschichte der Franken... S. 128—130.

⁶¹ *Goetz H. W.* Zur Wandlung des Frankennamens im Frühmittelalter // *Integration und Herrschaft: Ethnische Identitäten und soziale Organisati-*

on im Frühmittelalter / Hrsg. M. Diesenberger, W. Pohl. Wien, 2002. S. 134, 139—41.

⁶² Томпсон Э. А. Римляне и варвары. Падение Западной империи. СПб., 2003. С. 37; Вольфрам Х. Готы. СПб., 2003. С. 318—322.

⁶³ Изучение эволюции домов показывает, что в IX—X вв. на территории расселения германцев (без Франции) основу поселений составляли все же крестьянские дворы, хотя экономическая и социальная дифференциация была быстрой, вызывая постоянно изменения типов домов. См. рецензию Л. Т. Мильской на работу Н. Доната: Donat P. Haus, Hof und Dorf im Mitteleuropa vom 7—12 Jhs. Archäologische Beiträge zur Entwicklung und Struktur der bauerlichen Siedlung. Berlin, 1980 // СВ. Вып. 45. С. 339—344. См. также: Ауров О. В. Понятие «hereditas» в IV—начале IX вв.: сюжет из истории «вульгаризации» римского права // Вестник РГГУ. 2010. № 10. С. 237. Автор особо отмечает, что участники сотенных собраний (mallus publicus) были именно воины-франки. Исключительно им принадлежало право на alodum-hereditas. Но не были ли те же воины-франки и земледельцами, возделывавшими свой аллод сами или, что бывало чаще, с помощью зависимых людей?

⁶⁴ Обстоятельный анализ дан в новейшем исследовании: Ауров О. В. Город и рыцарство феодальной Кастилии... С. 196—202.

⁶⁵ Schneider R. Das Frankenreich. S. 6.

⁶⁶ Серовайский Я. Д. О понятии terra salica в Салической правде // СВ. Вып. 63. М., 2002. С. 19.

⁶⁷ Там же. С. 21—22.

⁶⁸ Wood J. Administration, law and culture in Merovingian Gaul // The Uses of Literacy in Early Medieval Europe / Ed. by R. McKitterick. Cambridge, 1995. P. 64—65.

⁶⁹ Hübner R. Gerichtsurkunden aus Deutschland und Frankreich bis zum Jahre 1000 // ZSSR. Germ. Abt. 1891. Bd. XII. Appendix. S. 11. N. 74 (VI-II в.), N. 382 (870 г.) и др.

⁷⁰ Formulae Salicae Merovingici et Karolini aevi / Ed. K. Zeumer // Legum sectio. T. V // MGH. Hannoverae. 1886. Noticia N. 27. P. 251.

⁷¹ Noticia N. 30. P. 253; Ibid. Noticia N. 27. P. 251; ibid. Noticia N. 29. P. 253.

⁷² Серовайский Я. Д. О понятии terra salica... С. 32. Впрочем, само себе этот факт не доказывает, что не было других форм наследования (Мильская Л. Т. Аллод в системе феодального землевладения // СВ. Вып. 50. 1987. С. 176).

⁷³ Marculfi Formularum. Lib. II. N. 41. P. 100.

⁷⁴ Formulae Salicae Bignonianae. N. 21. P. 236.

⁷⁵ Marculfi Formularum. Lib. I. N. 36. P. 66.

⁷⁶ О значении omallare/homallare см.: Du Cange Glossarium... T. IV. P. 161; Wiener L. Commentary to the Germanic Laws... P. 71.

⁷⁷ Впрочем, заслуживает внимания корректура, предложенная К. Цеймером, «*hommalandis super annis*», где, таким образом, *seu per annis* относится не к *saciscendi*. Однако окончательный вариант кажется нам предпочтительным.

⁷⁸ *Wiener L.* Commentary to the Germanic laws... P. 4.

⁷⁹ *Flodoardi Historia Remensis ecclesiae* // MGH. SS. T. XIII. 1881. Lib. IV. Cap. 41. P. 593.

⁸⁰ *Seheri Primordia Calmosiacensia* / Ed. P. Jaffé // MGH. T. XIV. SS. 1856. T. XII. P. 343 (1109): *Quibus transactis ... allodia sasivit capitalia diripuit et ... familiam nostram ... vastavit...*; *Gisleberti Chronicon Hanoniense* / Ed. W. Arndt // MGH. SS. T. XXI. 1869. P. 535 (1182): *Dominus autem rex Francorum ... ad saisicndam Viromandiam et Valesium se preparavit...*; *Chronicon Sancti Clementis Mettense* / Ed. W. Weitz // MGH. SS. 1879. T. XXIV. P. 501: *Isque <Fredericus dux> ... contra Romanos et papam iterum exercitum suum movens eum in Apulia exulavit urbesque et castra ... sasivit.*

⁸¹ *Cartulaire du chapitre de l'église cathédrale Notre-Dame de Nîmes (834—1156)* / Ed. par E. Germer-Durand. Nîmes, 1874. P. 1.

⁸² *Herrmann J.* Allod und Feudum als Grundlage des west und mitteleuropäischen Feudalismus und der feodalen Staatsbildung // *Beiträge zur Entstehung des Staates* / Hrsg. J. Herrmann. Berlin, 1973. О сохранении аллода и свободе распоряжения им применительно к рейнским землям см.: *Бессмертный Ю. Л.* Феодальная деревня и рынок... С. 68—69. См. также: *Neveux Fr.* La Normandie des ducs aux rois X^e—XIIe siècle. Rennes, 1998. P. 192—195; *Reynolds S.* Fiefs and vassals. P. 51; Allod // *Lexicon des Mittelalters*. 1977. Bd. 1. S. 441—442. Там же отсылка к статьям *Eigentum*, *Eigen*.

⁸³ *Property and Power in the Early Middle Ages*. P. 272.

⁸⁴ *Гуревич А. Я.* Начало феодализма в Европе. С. 212—213.

⁸⁵ *Мильская Л. Т.* Аллод в системе феодального землевладения. С. 173.

⁸⁶ Там же. С. 174—180.

⁸⁷ Там же. С. 182.

⁸⁸ *Филитов Н. С.* Средиземноморская Франция... С. 607 и сл.

⁸⁹ Там же. С. 610.

⁹⁰ *Karoli Magni Capitularia* / Ed. Alfredus Borethius // MGH. *Capitularia regum Francorum. Legum sectio II. Hannoverae*, 1883. T. I. N. 46. Cap. 6—7. P. 131; *Ibid.* N. 50. Cap. 3.

⁹¹ *Серовайский Я. Д.* О понятии *terra salica*... С. 27. Традиционное мнение о Кьерсийском канитулярии Карла Лысого (843—877 — король Западнотранкского королевства и 875—877 — император) от 14 июня 877 г. как о положившем начало наследованию графских титулов или феофов выглядит преувеличением (*Leges/ Capitularia regum Francorum / Regum Francorum, imperatorum divisio imperio capitularia* / Ed. G. H. Pertz // MGH. III. *Legum T. I. Hannoverae*, 1835. Cap. 9. P. 539). В до-

кументе речь идет о временной заботе (*praevideat*) до окончательного решения императора (*donec ad nostrum notitiam perveniat, donec iusso nostro inde fiat*).

⁹² Согласно завещанию епископа Бертрамна (615 г.) до ⅓ всех завещанных владений было приобретено путем покупки (*Удалыцов А. Д.* Свободная деревня в Западной Нейстрии в эпоху Меровингов и Каролингов. Спб., 1912. С. 754 (*Мильская Л. Т.* Аллод в системе феодального землевладения. С. 182)). Правда, тот же А. Я. Гуревич подчеркивает, что все эти продажи обставлялись таким количеством условностей, что вряд ли уместно говорить о купле-продаже буржуазного толка. См.: *Гуревич А. Я.* Проблема земельной собственности... С. 92, 94.

⁹³ Chartes originales antérieures à 1121 conservées en France / Cédric Giraud, Jean-Baptiste Renault et Benoît-Michel Tock, eds., Nancy : Centre de Médiévistique Jean Schneider ; eds électronique : Orléans : Institut de Recherche et d'Histoire des Textes, 2010. <http://www.cn-telma.fr/originaux/index> (последнее обращение 26.11.2018). Слабую изученность оригинальных нормандских источников в свое время отметил и Д. Бейтс (*Bates D.* The rise and fall of Normandy с. 911—1204 // Normandy and England in the Middle Ages / Ed. D. Bates and A. Curry. London, 1994. P. 19).

⁹⁴ Actes des comtes de Namur de la première race 946—1196 / Ed. par Félix Rousseau. Bruxelles, 1936. N. 4.

⁹⁵ Многочисленные примеры, приводимые А. Хейслером, как раз такого рода. См.: *Heusler A.* Die Gewere. Passim.

⁹⁶ Les plus anciennes chartes en langue française / Publ. L. C. Barré. Paris, 1964. T. I. N. 19 (январь 1256): «et nos sommes ...desvestu en le main mon segneur Raoul ... et il, a nous requestes, en a saisi et ravestu l'abé et l'eglise». N. 43 (март 1260): «nous sommes dessaisi en le main Hernoul de Rouviler, escuier, de cui nos le tenienmes». N. 100 (октябрь 1270): «E je, a la requete dou devant dit Renault, men honme... et pour grant besoing qu'il en avoit, en saisi seingnieur Jehan le Waule devant dit, et l'en ai rechat a honme, a plain honmage»; N. 138 (апрель 1278): «le devant dis religieux... s'en sont dessaisi en nostre main et a leur requeste en avons saisi les devant dis religieux ... et leur prameton a warandir et a deffendre envers tous». N. 185 (февраль 1285): «... je m'en sui dessaisie en le main du prevost de S. Germer (от брата которого нрежний владелец держал имущество. —А. К.) et qui a me requeste en a saisi le devant dit canoine...».

⁹⁷ *Heusler A.* Die Gewere. S. 353—354.

⁹⁸ Coutumier d'Artois / Publ. Ad. Tardif. Paris, 1883. Cap. XXII 5: «li sire le doit tantost ahireter, demande avant au vendeur s'il se tient por paiet et lui seur de se droitures; et lui saisir en disant: Je vous en saisi sauf tous droits, en main comme ceste figure le monstre».

⁹⁹ La Summa de legibus Normannie in curia laicali // Coutumiers de Normandie: textes critiques. T. II / Publication E.-J. Tardif. Rouen; Paris, 1881—

1903. T. 2. Cap. VII. De liberatione namnorum. 4. P. 25. Cap. XXV. De impedimentis successionis, 3. P. 88 и др. (далее Summa). Coutumier d'Artois. Cap. VIII, XXI, XXII, 8, XXIII 3, 5, 6. Частоту, с которой это слово вообще встречается в источниках, отметил и Ф. Жойон де Лонгрэ.

¹⁰⁰ *Musset L.* Les apports scandinaves dans le plus ancien droit normand // Droit privé et institutions régionales: Études historiques offerts à Jean Yver. Paris, 1976. P. 566. О термине mansloth см., например: *Renaud J.* Les Vikings et la Normandie // Une Amitié Millénaire. Les relations entre la France et la Suède à travers les âges / Publ. par M. Battail. 1993. P. 62; Recueil des Actes des ducs de Normandie... N 66, 67: Partes que vulgo Masloth dicuntur.

¹⁰¹ Dudo. De moribus et actis primorum Normanniae ducum... Col. 652: coepit metiri terram verbis suis comitibus atque largire fidelius ... Illam terram fidelibus suis funiculo divisit; *Musset L.* Les apports scandinaves... P. 566; *Bates D.* Normandy before 1066. London; New York, 1982. P. 10.

¹⁰² «Все более слова saisina, saisire составляют конкуренцию слову инвеститура и с тринадцатого века понятия investire и saisire тождественны» (*Heusler A.* Die Gewere. S. 339).

¹⁰³ *Bates D.* Normandy before 1066. P. 9, 13.

¹⁰⁴ *Ibid.* P. 105, 113.

¹⁰⁵ Chartes de l'abbaye de Jumieges / Ed. par J. J. Vernier. Rouen; Paris, 1916. T. I. N 34 (1086).

¹⁰⁶ Значение слова hospes разнообразно и могло обозначать как зависимого, так и лично свободного человека, проживавшего в границах сеньории и платившего ренту (*Niermeyer J.* Mediae latinitatis lexicon minus. P. 500).

¹⁰⁷ Le Cartulaire de l'abbaye bénédictine de Saint-Pierre-de-Préaux (1034—1227) / Publ. par D. Rouet. Paris, 2005. A 32. P. 38—39 (1130—1144). О значении слова prepositus см.: *Niermeyer J.* Mediae latinitatis lexicon minus. P. 853.

¹⁰⁸ Recueil des Actes des ducs de Normandie... N. 10: Hic scriptum est quomodo villa de Duverent de dominicatu archiepiscopo exiit et quomodo prius postea rediit.

¹⁰⁹ Роберт, считая себя не только духовным лицом, но и светским — как граф Эврэ, женился на Эрлесе, от которой в браке родилось три сына, старшим был Ричард, будущий граф Эврэ (1037—1067).

¹¹⁰ В источнике сказано «comes», но таково обычное наименование герцога в грамотах в тот период. По замечанию английского исследователя К. Льюиса, титул dux не утвердился до начала XII в. См.: *Lewis C. P.* The early earls of Norman England // *ANS.* 1991. Vol. XIII. P. 207—223.

¹¹¹ *Hübner R.* Grundzüge des deutschen Privatrechts. S. 236.

¹¹² *Ibid.* S. 240. Coutumiers de Normandie... T. I. Pt 1. Cap. XXIV: De visionem terre. Oportet quod in singulis visionibus vel recognitionibus videant

juratores terras vel domos vel aquas ...de quibus debet fieri iuramentum, antequam jurent.

¹¹³ Фоменкова А. В. Недвижимая собственность в западных готских землях (согласно старшей редакции Вестгеталлага) // СВ. Вып. 61. М., 2000. С. 56.

¹¹⁴ Heusler A. Die Gewere. S. 423; Niermeyer J. Lexicon minus... P. 351.

¹¹⁵ Дембо Л. И. «Саксонское зеркало»: выдающийся памятник истории германского феодального права / Саксонское зеркало. Памятник, комментарии, исследования / Под ред. В. М. Корепного. М., 1985. С. 164. Так, требовалось согласие наследника и свидетельствование в суде для того, чтобы отчуждать имущество со статусом аллода.

¹¹⁶ Le Cartulaire de l'abbaye bénédictine de Saint-Pierre-de-Préaux... A 29. P. 35—36.

¹¹⁷ Cartulaire de l'abbaye de Notre-Dame des Vaux-de-Cerney... T. 1. N. 419. См. также N. 445. В документе не раскрывается значения термина «узуфрукт», но вряд ли речь шла о чем-то большем, чем о пользовании плодами (Niermeyer J. Lexicon minus... P. 1054).

¹¹⁸ Recueil des Actes des ducs de Normandie... N. 224.

¹¹⁹ Du Cange Ch. Glossarium... T. IV. P. 74 и сл.: Habens tantum in donis et liberationibus reguardi et panagii quantum unus ex ministris reguarationibus et panagatoribus meis per totam Normanniam et bustorum meorum ad justitia gladii mei pertinentium. Есть и другие варианты: pasnagii и pasnagatoribus. См.: Charters and Charter Scholarship in Britain and Ireland / M. Flanagan, J. Green. Houndmills; New York, 2005, note 98.

¹²⁰ Recueil des Actes des ducs de Normandie... N. 227.

¹²¹ В Нормандии уже существовало мнение, что даритель обязан гарантировать свой дар, хотя институт поручительства плохо отражен в источниках. Впрочем, он мог быть в ходу уже в начале XI в., причем как в отношении движимого имущества, так и недвижимости. К 1100 г. практика поручительства становится повсеместной (Ifyams P. R. Warranty and good lordship... P. 456—457). Однако роль герцогской власти как верховного арбитра не следует преувеличивать (Ibid. P. 459, note 91).

¹²² Haskins Ch. H. Norman Institutions. New York, 1960. Appendix E. P. 290—291. В рассматриваемый период ливр равнялся примерно весовому фунту, составлявшему порядка 327 г. серебра. На протяжении XII—XIII вв. он претерпел определенную порчу, так что проба серебра в чеканенных из него денариях (денье) унала. Иными словами, Роджер получил 4,5 кг серебра. Если судить по ценам соседней Англии, за эту сумму можно было купить порядка тридцати хороших коров или шести боевых коней (Словарь пумизмата: Пер. с нем. / Х. Фенглер, Г. Гироу, В. Унгер/ 2-е изд., перераб. и доп. М., 1993. Статьи ливр и фунт).

¹²³ Cartularium abbatiae de Whiteby... Vol. 1. N. 282: Reginaldus autem Poer vendidit Ecclesiae praefatae de Wytby totum jus quod habuit et reliquit

michi ad opus illorum et ego reddidi eis et saisivi per idem lignum per quod et recepi illud.

¹²⁴ Ms Latin 5443 представляет собой конию XVIII в. на бумаге и хранится в коллекции известного эрудита Этьена Балюза. См.: archivesetmanuscripts.bnf.fr/ead.html?id=FRBNFEAD000064392&c=FRBNFEAD000064392_e0000018&qid=eas1417210374181 (последнее обращение 27.11.2018).

¹²⁵ Chartes de l'abbaye de Saint-Julien de Tours / Ed. par L.-J. Denis // Archives historiques du Maine. Le Mans, 1912. T. XII. N. 19.

¹²⁶ В нормандских документах начала XII в. встречается красноречивая формула: *saisivit in dominio suo* (Chartes de l'abbaye de Jumieges... T. I. N. 52 (1109)). Она близка другой формуле — *fuit seisisit in dominico suo ut de feodo* — английских документов начала XIII в. (BNB. N. 8, 47). О том, что акт сейзины предполагал восстановление именно в домен свидетельствует грамота Генриха II (Reading Abbey Cartularies / Ed. by B. R. Kemp. 1987. Vol. I. N 27 (1156—1159): *Henricus rex Angliae ... Volo et firmiter precipio quod omnes terras et tenuras vestras teneatis in dominio vestro liberas et absolutas ... Et si quid inde alicui datum est in feudum post mortem predicti regis Henrici avi mei, totum resaisiatis ... in dominium vestrum...* Любопытно, что и здесь речь идет о вступлении прежних владельцев в права владения, отражение реликтовых представлений о сейзине как акте в свою пользу.

¹²⁷ Chartes de l'abbaye de Saint-Julien de Tours. N. 20.

¹²⁸ Recueil des Actes des ducs de Normandie... N. 70.

¹²⁹ *Du Cunge Ch.* Glossarium... T. IV. P. 386.

¹³⁰ Recueil des Actes des ducs de Normandie... N. 72.

¹³¹ Ibid. N. 54, 60, 84 etc.

¹³² Bates D. Normandy before 1066. P. 157; Moos V. Normandy and England in 1180: The Pipe Rolls evidence // England and Normandy in the Middle Ages / Ed. D. Bates and A. Curry. London: Rio grande, 1994. P. 192—193.

¹³³ См.: <http://www.cn-telma.fr/originaux/charte4550>. Права эти были самыми широкими: *in dominium trado ut habeant, teneant et in perpetuum [absque] contradictione cujuscunque hominis habitatores loci illius possideant.*

¹³⁴ <http://www.cn-telma.fr/originaux/charte2697/> (18 июля 1047 г.). См. также: Recueil des Actes des ducs de Normandie... N. 234. P. 451. Ссылка на инвеституру стоит в одном ряду с показаниями надежных свидетелей: *sicut investitura et multorum fidelium testimonium docet.* Речь шла о подтверждении владельческих прав аббатства Сен-Вандрил на уноминаемое в документе имущество. И все же сказать наперняка, в каком значении использовано слово «инвеститура», нельзя. Возможно, указание на акт, свидетели которого были уномянуты вслед за ним, но и на символ, с помощью которого инвеститура была совершена. В любом случае, инве-

ститута применена к имуществу монастыря, всегда отличавшемуся особым статусом.

¹³⁵ Как мы знаем, Госцелин не только не выполнил возложенных на него обязательств, но и отдал имущество своим людям. См.: <http://www.cn-telma.fr/originaux/charte2697>: *sed etiam ad nihilum redegit, atque suis hominibus contra statutam pactionem distribuit...*

¹³⁶ *Niermeyer J. Lexicon minus...* P. 557.

¹³⁷ Правда, в словаре III. Дю Канжа синонимами слова *dominicatura* являются именно *dominium*, *proprium*, *proprietas* etc.: *Du Cange Ch. Glossarium...* Т. III. Col. 171. Однако очевидно, что права Госцелина не могли быть подведены под эти определения в силу их ограниченности.

¹³⁸ Можно отметить, что многие грамоты снабжаются статьями, ограничивающими свободу распоряжения имуществом, но нигде в них передача такового не оформляется актом сейзины: *Slota L. A. Law, land transfer and lordship on the estates of St. Alban Abbey in 13th and 14th centuries // LHR. Vol. 6. N. 1. 1988. P. 119—138*. Впрочем, речь идет о монастырском землевладении. Известно, сколь рьяно церковь относилась к отчуждаемому ей самой имуществу.

¹³⁹ В ряде, пусть и немногочисленных, случаев, акт сейзины дополняется указанием на обязательство прежнего владельца выступить гарантом целостности совершенного дара, что традиционно выражалось глаголом *warantizare* (EYC. Vol. 1. N. 295 (1190—1210): *Et ego Alicia Basset ... warrantizabimus predictam terram et predictam conventionem ... contra omnes homines*; EYC. Vol. 3. N. 1514 (1180—1193): *de illis feci illos saisiri per ballivum meum. Et illas predictas bovatas warrantizabimus ego et heredes mei predictis monachis contra omnes homines...*).

Глава 2

¹ *Daniell Ch. From the Conquest to Magna Carta. England 1066—1215. London, 2003. P. 162—177.*

² Число их велико. Достаточно назвать такие, как аббатство Битвы (после 1070), Селби (1070-е гг.), Нонтефракт (1090), Риво (1135—1145), Монк Бреттон (1150-е гг.) и др. О влиянии религиозной этики на перемещение имущества см.: *Carpenter D. Was the crisis of knightly class in XIIIth c.? // Speculum. 1983. Vol. 58. N. 1. P. 256.*

³ *Glanvill VII. 1.* Вспомним нормандский документ с виллой Дувран.

⁴ *Painter S. The family and the feudal system of the 12th century // Speculum. 1960. Vol. 35. N. 3. P. 71.*

⁵ *Barz M. A. Исследования ... С. 146.*

⁶ Там же. С. 70.

⁷ *Stenton F. The First Century of English Feudalism. Oxford, 1932. P. 126.*

⁸ Ibid. P. 130. Локальные исследования по отдельным владениям подтверждают этот тезис: *Thomas H. M. Subinfeudation and alienation of land...* P. 405—406.

⁹ *Барг М. А.* Исследования... С. 153; *Thomas H. M. Subinfeudation and alienation of land...* P. 398. Впрочем, Х. Томас отмечает парадокс — богатство и влияние герцогов Ричмондских к концу XIII в., несмотря на многочисленные акты субинфеодации.

¹⁰ *Thomas H. M. Subinfeudation and alienation of land...* P. 400—401.

¹¹ Так, «Глэнвилла» предусматривает возможность подарить все благоприобретенное при наличии наследственного, при этом ни о контроле со стороны лорда, ни о контроле со стороны семьи речь не идет (*Glanvill VII, 1: Si autem hereditatem et questum habuerit tunc indistincte verum est quod poterit de quaestu suo quantamlibet partem sive totum ... donare ...*; *Мильская Л. Т.* Аллюд в системе феодального землевладения... С. 182 и особенно примеч. 43).

¹² *Vinogradoff P. Transfer of land in old English Law // Harvard law Review. 1907. Vol. XX. P. 537.*

¹³ Достаточно вспомнить нонитку Генриха I (1031—1060) вторгнуться в пределы Нормандии после успешного подавления Вильгельмом мятежа знати в 1047 г.

¹⁴ И это притом, что срок службы вассалов в Англии, равно как и денежные сборы, превышали нормы, свойственные континентальной практике.

¹⁵ *Stenton F. The First Century of English Feudalism. P. 139; Pool A. L. Obligations of Society in the XIIth and XIIIth Centuries. Oxford, 1946. P. 3—5, 52.*

¹⁶ *FitzNeale R. De necessariis observantiis scaccarii dialogus, commonly called Dialogus de scaccario / Ed. Ch. G. Crump. Oxford, 1902. P. 56.* В конце правления Генриха II денежное обращение резко возрастает: *Allen M. Henry II and the coinage // Henry II. New Interpretation / Ed. Ch. Harper-Bill and N. Vincent. Woodbridge, 2007. P. 257.*

¹⁷ *Барг М. А.* Исследования... С. 125, 166.

¹⁸ *Painter S. The Studies in English Feudal Barony. Baltimore, 1943. P. 43.*

¹⁹ Но замечанию Р. Налмера, рост отчуждаемости земли именно с конца XII в. никто не оспаривает, спорят о его причинах (*Palmer R. C. The economic and cultural impact of the origins of property 1180—1220 // LHR. Vol. 3. N. 2. 1985. P. 382).*

²⁰ *Косминский Е. А.* Английское крестьянство в XIII в. С. 45.

²¹ *Барг М. А.* Исследования... С. 166. Он подчеркивает, что свободный сокаж — это держание лордов, в то время как простой сокаж — это держание крестьянского тина. Не совсем понятно, понимает ли здесь М. А. Барг под простым сокажем «древний», так как ограничить владельцев свободного сокажа только благородными невозможно, что хоро-

шо показал сам М. А. Барг. Сокмен (англ. socman или socman, в латинизированной форме sochemannus, socemannus) т. е. человек соки, судебного округа, в котором тот или иной лорд получал долю штрафов или, что было реже, отправлял судебные функции вместо королевских чиновников (элдорменов, шерифов). Таким лордом нередко мог быть сам король. Между тем в Восточной Англии, как полагал Ф. Мэйтланд, не было строгого противопоставления сокменов свободным, и те, кто назывались в одной сотне свободными, в другой были сокменами. Как бы то ни было, «право суда в отношении сокменов, чьими бы людьми они ни были, в восточных графствах принадлежало собраниям сотен» (*Maitland F. W. The Domesday Book and beyond. New York, 1966. P. 105—106*). Ф. Стентон считал, что сокмены были потомками датских поселенцев (*Stenton F. M. The Free Pesantry of the Northern Danelaw. Oxford, 1969. P. 10*). П. Сойер, напротив, склонен видеть в сокменах потомков свободных крестьян-англосаксов. Некогда они были подчинены местным лордам, а потом попали под власть датской аристократии, выполняя те же службы, что и тэны, дренги и другие свободные категории населения (*Soyer P. Эпоха викингов. СПб., 2002. С. 238; Sawyer P. From Roman Britain to Norman England. London, 1998. P. 178*). Мнение о сокменах как судебно зависимой категории населения высказал А. Я. Гуревич, хотя и подчеркнул, что таковой юрисдикцией располагали только крупные церковные землевладельцы. См.: *Гуревич А. Я. Английское крестьянство в X—начале XI вв. // СВ. 1957. Вып. IX. С. 113—114*. Оригинальная концепция происхождения сокменов и их связи с сотенной организацией древних германцев содержится в *Kristensen A. The Danelaw institutions // Medieval Scandinavia. 1975. N. 8. P. 27—85*, где автор отмечает, что, несмотря на разницу между фрименами и сокменами в Восточной Англии (разная сумма вергельда и т. п.), и те и другие были свободными категориями населения. Главное, пожалуй, для составителей DB заключалось в том, что сокмены были самостоятельными налогоплательщиками (*Maitland F. W. Op. cit. P. 23*).

²² Слово «вотчина» здесь употребляется без какой-то юридической спецификации в смысле «полученное от отца имущество», поскольку все эти сельские джентльмены владели частями феодалов — как правило, полученными по наследству.

²³ *Baro M. A. Исследования... С. 112; Scammel J. The formation of English social structure... P. 611—613*. Дж. Скэммел подчеркивает, что понимание «рыцарства» как экономического состояния делало этот класс открытым.

²⁴ *Ульянов Ю. Землевладение семьи Стонов в XI—XIII вв. (К вопросу о происхождении мелкой вотчины в средневековой Англии) // СВ. 1967. № 30. С. 53.*

²⁵ Там же. С. 50.

²⁶ Цены в 1180—1220 гг. выросли на 300 %; *Михалевский Ф. И.* Очерки истории денег и денежного обращения. Т. 1. Деньги в феодальном хозяйстве. Л., 1948. С. 197; *Farmer D. L.* Some price fluctuations in Angevin England // *The Economic History Review*. 1956. Vol. 9. N 1. P. 34—43.

²⁷ *Барг М. А.* Исследования... С. 73.

²⁸ *Шишлонова Г. Б.* Структура вотчин Гластонберийского монастыря // СВ. 1982. № 45. С. 78.

²⁹ *Vinogradoff P.* English Society in the Eleventh Century. Oxford, 1908. P. 238.

³⁰ *Авдеева К. Д.* Внутренняя колонизация и развитие феодализма в Англии. Л., 1977. С. 98.

³¹ *Newman Ch.* The Anglo-Norman Nobility in the Reign of Henry I. The Second Generation. Philadelphia, 1988; *Holt J.* Magna Carta. Cambridge, 2003. (1-е изд. — 1992). P. 80, 92 и passim.

³² *Барг М. А.* Исследования... С. 91; Намятники истории Англии XI—XIII вв. / Под ред. Д. М. Петрушевского. С. 235.

³³ *Thomas H. M.* Subinfeudation and alienation of land... P. 404. Х. Томас подчеркивает, что эти реформы даже «очень сильно заноздали...».

³⁴ *Барг М. А.* Исследования... С. 144. Статут действительно претворялся в жизнь. См., например: Занадноеввропейская секция Архива СНБ ИИ РАН. Колл. 18. «Англия и Шотландия. Документы и нисыма». Карт. 381. № 3—4 (1314 и 1318 гг. соответственно), Карт. 383. № 1 (1326/27).

³⁵ *Brunner H.* Das anglo-normannische Erbfolgensystem. Leipzig, 1869. S. 28. Иными словами, отец мог передать имущество любому из сыновей, поскольку тот становился держателем не от отца, а от верховного сеньора.

³⁶ Magna Carta (1225) § 32, 36 // *English Historical Documents*. 1189—1327/ Ed. by H. Rothwell. London, 1975. Соответствующие положения появлялись и позже. Нетичия баронов в Оксфордском парламенте (1258) § 10 // Намятники истории Англии XI—XIII вв. С. 143; Вестминстерские провизии (1259) § 14 // Намятники истории Англии XI—XIII вв. С. 174.

³⁷ *Vinogradoff P.* English Society... P. 226.

³⁸ *Faulkner K.* The transformation of knighthood in early thirteenth-century England // *EHR*. Vol. CXI. N 440. 1996. P. 1—24. В статье делается следующий вывод: в 1215—1230 гг. резко сократилось число рыцарей, что было связано с дороговизной церемонии вступления в рыцарское сословие. Однако очевидно, что при значительном сокращении владений это вполне объяснимо. Но подсчетам Р. Мортимера, во владениях рода де Клэров ¼ всех держателей были ответственны за ⅔ всех служб (а соответственно и владений, которые эти службы обеспечивали): *Mortimer R.* Land and service: the tenants of the honour of Clare // *Anglo-Norman Studies*. Vol. VIII. 1985. P. 179.

³⁹ Kantorowicz H. *Bractonian Problems*. Glasgow, 1941. P. 14.

⁴⁰ Онека неоднократно становилась предметом специального регулирования. Великая хартия вольностей 1215 г. (§ 4, 6, 16) // Памятники истории Англии XI—XIII вв. С. 90, 98; Magna Carta 1225 § 3, 4 / *English Historical Documents*. 1189—1327. P. 341—342; Петиция баронов в Оксфордском парламенте § 3 // Памятники истории Англии XI—XIII вв. С. 140; Важность хартии 1225 г. определяется тем фактом, что она стала «основой английской конституции»: *Есаян Э. С. Великая хартия вольностей и ее место в истории английского права*. Автореф. дис. к. ю. н. Тбилиси, 1989. С. 15.

⁴¹ Как замечает Х. Томас, если в XI в. интересы знати и держателей неренделались, то в XIII в. они могли быть резко противоположенными (*Thomas H. M. Subinfeudation and alienation of land*... P. 411—412). О политической борьбе в этот период см.: *Treharne R. F. Baronial Plan of Reform 1258—1263*. Manchester, 2nd edn. 1971; *Гутнова Е. В. Возникновение...* Гл. IV.

⁴² См., например: *Jenks E. Edward Plantagenet. The English Justinian or the Making of the Common Law*. London; New York, 1902.

⁴³ *Die Gesetze der Angelsachsen* / Hrsg. F. Liebermann. Halle, 1898—1903, 1906, 1912. 3 Bände. Bd. I. Ut comitatus et hundreta ... sedcant S. 524 (1109—1111); *Green J. The Government of England under Henry I*. Cambridge, 1986. P. 110; *Гутнова Е. В. Общины сотен и графств и их взаимоотношение с государством в Англии XIII—XV вв. // Общности и человек в средневековом мире*. М.; Саратов, 1992. С. 36—41.

⁴⁴ *Prestwich J. O. The Place of War in English History 1066—1214*. Woodbridge, 2004. P. 71 со ссылкой на Ф. Стентона.

⁴⁵ *Ordericus Vitalis* XI, 2. P. 164: de ignobili stirpe illustravit de pulvere ... super consules et illustres exaltavit.

⁴⁶ Литература о Генрихе II и его реформах довольно обширна. Помимо основательного общего исследования Ф. Ноллока и Ф. У. Мэйтленда об английском праве, в том числе и этого периода, можно указать на целый ряд более специальных работ: *van Caenegem R. C. Royal writs in England between Norman Conquest and Glanvill* // PSS. Vol. I. XXVII. London, 1959; idem. *The Birth of the English Common Law*. Cambridge, 2nd edn. 1988; *Stenton D. M. The English Justice between Norman Conquest and the Great Charter. 1066—1215*. Philadelphia, 1964; *Turner R. F. The English Judiciary in the Age of Glanvill and Bracton c. 1176—1239*. Cambridge, 1985; *Biancalana J. For want of justice. The legal reforms of Henry II* // *Columbia Law Review*. 1988. Vol. 88. N. 3. P. 433—536; *Turner R. F. Henry II's aims in reforming England's land law: feudal or royalist?* // *Law in Medieval Life and Thought*. Sewanee, 1990. P. 121—135; *Hurnard N. Did Edward I reverse Henry II's policy upon seisin?* // *EHR*. Vol. 69. N. 273. 1954. P. 529—553, и др. О фигуре короля и общей истории правления: *Пти-Дюмаи Ш. Феодаль-*

ная монархия во Франции и в Англии X—XIII вв. СПб., 2001; *Boussard J. Le gouvernement d'Henry II Plantagenet*. Paris, 1956; *Barber Ed. Henry Plantagenet. A Biography of Henry II of England*. Woodbridge, 1964; *Warren W. L. Henry II*. London, 1977. В отечественной историографии ему повезло значительно меньше. Можно отметить исследование: *Ляскоронский В. Г.* Политические и церковные реформы в Англии при Генрихе II. Киев, 1892; *Петрушевский Д. М.* Очерки из истории английского государства и общества в средние века. М., 1937. Ряд аспектов рассматривался в работах Е. В. Гутновой и М. А. Барга (вилланская теория).

⁴⁷ *Берман Г. Дж.* Западная традиция права: эпоха формирования. М., 1998. С. 411.

⁴⁸ *The Anarchy of King Stephen's Reign* / Ed. E. King. Oxford, 1994; *van Caenegem R. C. Royal writs...* P. 380. *Biancalana J.* For want of justice. The legal reforms of Henry II. P. 439.

⁴⁹ *Glanvill Prologus*, *Берман Г. Дж.* Западная традиция права... С. 427.

⁵⁰ Наиболее последовательно эта позиция выражена в работе С. Ф. Т. Милсома, ставшей, по сути, ответом той парадигме, которую задавал своей «государственной» теорией Ф. У. Мэйтланд. Задача Генриха II состояла в том, чтобы упорядочить отношения между лордами и держателями, а не подрывать сеньориальную юрисдикцию или «подорвать феодализм» (Ф. У. Мэйтланд). См.: *Milsom S. F. T. The Legal Framework of English Feudalism*. Cambridge, 1977. P. 65—66, 186. Дж. Бианкалана придерживается компромиссной точки зрения: *Biancalana J.* For want of justice. The legal reforms of Henry II. P. 435—436.

⁵¹ *Бегичевски Ф. Н.* Формирование национальной судебной системы в норманнский период Англии (1066—1166). Автореф. дис. к. ю. н. Ставрополь, 2000. С. 2—3.

⁵² *Brand P.* Henry II and the creation of the English Common law // *Henry II. New interpretation*. P. 216.

⁵³ *Pollock F. & Maitland W. F.* Op. cit. Vol. I. P. 153—156. Однако П. Бранд относит его создание только к началу 1230-х гг. *Brand P.* Henry II and the creation of the English Common law. P. 216.

⁵⁴ Впрочем, скорее на бумаге. М. А. Бург приводит много показательных примеров того, как королевская власть держалась за свои prerogatives: *Burg M. A.* Исследования... С. 135—136.

⁵⁵ Нам представляется небезынтересным замечание Я. А. Левицкого о неправомерности «чрезмерно подчеркивать различие между терминологией Книги Страшного суда и английской действительностью», как это делает Д. Дуглас. По справедливому замечанию исследователя, «комиссары перенесли ... собирали сведения на основании показаний присяжных, половина которых состояла из англичан» (*Левицкий Я. А.* Город и феодализм в Англии. М., 1987. С. 77, примеч. 68).

⁵⁶ Литература о бокленде весьма обширна. Среди основных работ можно указать следующие: *Jolliffe J. E. A. English book-right* // EPR. 1935. Vol. L. N. 197. P. 1—21; *John E. Land Tenure in Early England*. Leicester, 1960; *Plucknett T. F. T. Bookland and folkland* // *Studies in English Legal History*. London, 1983. P. 164—172; *Abels R. The bookland and fyrdservice in late Anglo-Saxon England* // ANS. 1984. Vol. VII. P. 1—25; *Roffe D. From the gnage to barony: sake and soke title and tenants-in-chief* // ANS. 1989. Vol. XII. P. 157—176; *Reynolds S. Bookland, folkland and fief* // ANS. 1991. Vol. XIV. P. 211—229; *Гуревич А. Я. Роль королевских пожалований в процессе феодального подчинения английского крестьянства* // СВ. 1953. Вып. IV. С. 49—72; *Глебов А. Г. Институт бокленда в Англии в ранний англосаксонский период (VII—IX вв.)* // Исторические записки. Выпуск II. Паучные труды исторического факультета. Воронеж, 2005. С. 43—61. О варианте североанглийского бокленда и его связи с сокой см.: *Kapelle W. The Norman Conquest of the North*. Chappel Hill, 1979. P. 82. А также ряд общих работ: *Vinogradoff P. English Society in the Eleventh Century*. Oxford, 1908. Passim; *Joswig D. Die germanische Grundstückübertragung*. Frankfurt am Main, 1984; *Abels R. Lordship and Military Obligation in Anglo-Saxon England*. Berkeley, Los Angeles, 1988; *Савело К. Ф. Раннефеодальная Англия*. Л., 1977. С. 97—100.

⁵⁷ II Cn, 78; *John E. Land Tenure in Early England*. P. 56—58; *Abels R. P. Lordship and Military Obligation...* P. 137—138.

⁵⁸ Об этом специальная статья: *Stevenson W. H. Trinoda necessitas* // EPR. 1914. Vol. XXIX. N. 116. P. 689—703.

⁵⁹ Aelf. 41. В переводе *Quadripartitus: De eo qui terram testamentalem (hereditariam) habet* (в оригинале — *bocland haebbe*) ... *ponimus, ne illam extra cognationem suam mittere possit ... si scriptum intersit ... quod ... prohibitio fuerit qui hanc ... adquisierunt et ... qui ei dederunt.*

⁶⁰ Еще в законах Инг (конец VII в.) любой свободный мог быть лишен земли (а то и жизни), если покидал фирд. Ine 51: *Si homo expeditionem (fird) fugiet ... amittat terram suam*; PnL. 13.12: *Quis in bello campali vel navali pro timiditate fugiet a domino vel a socio suo, perdat omne quod habet et vitam suam, et manus mittat dominus ad pecuniam suam et terram quam ei dedit, et si bocland habet, in jus regium cadat.* Правда, Р. Абельс полагает, что положение статьи в Законах Инг применялось только по отношению к личной дружине короля. См.: *Abels R. Lordship and Military Obligation...* P. 13—25.

⁶¹ *Jolliffe J. E. A. English book-right* // EPR. 1935. Vol. L. N. 197. P. 21.

⁶² *Гуревич А. Я. Мелкие вотчинники в Англии раннего Средневековья* // АП СССР. Серия истории и философии. 1951. Т. VIII. № 6. С. 555. Впрочем, еще И. Г. Виноградов заметил, что аллодиарии DB (к слову сказать, «аллод» редко появляется на страницах этого документа) не обязательно были людьми абсолютно свободными, стеньги их свободы и нрав

распоряжения земель могла быть различной (что подтверждает и сама DB). См.: *Vinogradoff P. English Society in the Eleventh Century...* P. 411—413. Более того, по замечанию исследователя, если в DB речь и идет об аллоде, то только применительно к эпохе короля Эдуарда. Относительно же нормандской Англии, П. Г. Виноградов высказался категорично — здесь нет ничего похожего на *dominium* римского или аллод южнофранцузского права: *ibid.* P. 236—238.

⁶³ *Барз М. А. Исследования...* С. 56.

⁶⁴ Там же. С. 53.

⁶⁵ *Hudson J. The formation of the English Common Law.* P. 90.

⁶⁶ DB Vol. I 377 в. (СК-66).

⁶⁷ Речь идет о Ральфе the Staller, т. е. Конюшем (1011—1068), эрле Восточной Англии при короле Эдуарде, позже при Вильгельме Завоевателе, получившем титул графа Порфолка. Его сын, тоже Ральф, принял участие в «заговоре эрлов» 1075 г.

⁶⁸ *Roffe D. From thegnage to barony...* P. 165.

⁶⁹ *Ibid.* P. 167.

⁷⁰ *Ibid.* P. 158; *Roffe D. Domesday...* P. 30—33.

⁷¹ Так, в известном споре между епископом Байё Одоном и архиепископом Ланфранком о владениях в Penenden Peath, король приказал, чтобы «собрались все французы и англичане графства, так как англичане лучше знают обычаи и законы» (*precepit ... omnes Francigenas et ... Anglos in antiquis legibus et consuetudinibus peritos in unum convenire*). См.: *English Lawsuits from William I to Richard I / Ed. by van Caenegem R. C. // PSS. 1990. Vol. 106. 1991. Vol. 107. Vol. I. N. 18. B.*

⁷² Как гласила расхожая формула в обосновании нрав преемников: «...*assisa venit recognitura si Aluredus frater Margarete fuit saisitus in dominico suo ut de feodo*». См.: *Pleas before the King or His Justices 1198—1212 / Ed. by D. M. Stenton // PSS. 1953—1967. 4 vols. N. 440.*

⁷³ Герiot до завоевания представлял собой плату со стороны лично-зависимого или свободного человека за вступление во владение имуществом отца. Для крестьян это была лучшая голова скота, для представителей военно-служилой знати (тэны и хускерлы) — боевые кони, оружие, слитки драгоценных металлов.

⁷⁴ О системе фьефов после завоевания писал еще антиквар Генрих Снеллман (1562—1641): *Reynolds S. Fiefs and Vassals.* P. 370.

⁷⁵ Песколько слов надо сказать и о землемерных единицах. В DB, как и в многочисленных онисях, можно отметить известный дуализм: гайды и их составляющие: виргаты (четверть гайды) и боваты (восьмая часть гайды), акры, и карукаты и их составляющие: те же виргаты, боваты и акры. Гайда (*hida*, *англ. higid* или *hiwisc* — члены домохозяйства, позже стандартный надел рядового свободного общинника) — количество земли, колебавшееся в пределах 120 акров, которое можно было вснахать

в течение сезона (120 рабочих дней) тяжелым нлугом. В XI в. фискальная единица, т. е. отражающая приблизительную оценку земли с точки зрения ее обложения налогом-гелдом. Каруката (от *caruca* — тяжелый нлуг) первоначально отражала количество напущих нлугов в домене и земле держателей (карук), но, как и гайда, в рассматриваемый период являлась фискальной единицей. Иными словами, гайда и каруката — понятия тождественные. Обстоятельно этот вопрос освещен: *Round J. H. Feudal England*. Cambridge, 1895. P. 36, 34, 65; *Maitland F. W. Domesday Book and beyond*. London, 1966. *Passim*; *Барт М. А.* Исследования... С. 25—34.

⁷⁶ *Round J. H. Feudal England*. London, 1895. P. 234, 295—308 и *passim*.

⁷⁷ *Pollock & Maitland*. *Op. cit.* Vol. I. P. 256—257, 314—315.

⁷⁸ Подробно разбор мнений см.: *Holt J. C. Feudalism revisited // Colonial England 1066—1215*. London, 1997. P. 71—81. Сам Дж. Холт занимает промежуточную позицию: *ibid.* P. 72, 75. По мнению Г. Лойна (и не его одного), система феодалов сложилась между 1048—1066 гг.: *Loyn H. R. The Norman Conquest*. London, 1971. P. 39. Панротив, по мнению Д. Бейтса, нормандский феодализм был лишь аморфным объединением людей, связанных узами верности: *Bates D. Normandy before 1066*. London; New York, 1982. P. 172; *Hollister W. C. The five hide unit and military obligation // Speculum*. Vol. 36. 1961. P. 61—74.

⁷⁹ *Hollister W. The significance of scutage rates in the eleventh and twelfth century England // EHR*. Vol. 75. N. 297. 1960. P. 587—88.

⁸⁰ *Brown R. Allen. The status of the Norman knight // War and Government in the Middle Ages / Ed. J. Gillingham and J. C. Holt*. Cambridge, 1984. P. 18—32; *Gillingham J. The introduction of knight services into England // ANS*. Vol. IV. 1981. P. 53—64; *Holt J. C. The introduction of knight service into England // ANS*. Vol. VI. 1983. P. 89—107; *idem. Feudalism revisited // Colonial England 1066—1215*. London, 1997. P. 71—81; *Scammel J. The formation of English social structure: freedom, knights and gentry 1066—1300 // Speculum*. 1993. Vol. LXVIII. P. 591—618.

⁸¹ *Tsurushima Hirokazu. Feodum in Kent c. 1066—1215 // Journal of Medieval History*. 1995. Vol. XXI. P. 100, P. 103: *Godefridus dapifer tenet de archiepiscopo Lenham ... Lenham est manerium monachorum quod Godefridus et Mellinges tenet ab archiepiscopo in feodo ... et reddit ... de firma*; *Reynolds S. Fiefs and Vassals*. Oxford, 1996. P. 355.

⁸² См.: DB Vol. II, 3 a (1—6): *reges tenet*; 2 a—b (1—3): *reges habet*.

⁸³ *Recueil des Actes des ducs de Normandie...* N 51: *erat michi quidam alodus ex materna hereditate non ex alicujus beneficio*. Впрочем, в этом документе воля герцога, как и любого другого сеньора, никак не выражена. Возможно, что на уровне мелких землевладельцев, сделки с землей которых даже часто не оформлялись документально, свобода распоряжения была еще больше.

⁸⁴ И это только по данным герцогских грамот. О статистике см.: *Recueil des Actes des ducs de Normandie...* Index.

⁸⁵ *Hudson J.* The Formation of the English Common Law. Law and Society in England from the Norman Conquest to Magna Carta. London; New York, 1999. P. 90.

⁸⁶ *Tabuteau E. Z.* Transfers of Property in Eleventh-century Norman Law. Chappel Hill, 1988. P. 103; *Bates D.* Normandy before 1066. P. 124; *Recueil des Actes des ducs de Normandie...* N. 71: in alodum et hereditatem perpetuam...

⁸⁷ *Recueil des Actes des ducs de Normandie...* N. 87.

⁸⁸ *Филиппов И. С.* Средиземноморская Франция... С. 606—612.

⁸⁹ *Tabuteau E. Z.* Ownership and tenure in eleventh-century Normandy // *А.И.И.* 1977. Vol. 21. N. 2. P. 112. Как отмечает И. С. Филиппов на южнофранцузском материале: «Особого внимания заслуживает активное использование глагола *tenere* ... Держат не только „прекарно“, но на праве феода и даже аллода ... держание перестает быть ущербной формой обладания имуществом» (*Филиппов И. С.* Средиземноморская Франция... С. 634—635).

⁹⁰ *Recueil des Actes des ducs de Normandie...* N 46bis: *dono... fundum id est alodium ... concedente ac confirmante domino Ricardo principe Normannorum de qui ... tenebamus.* Ibid. N. 132: *Ego Niellus concedo quam habui in alodium a Guillelmo Normannorum duce;* N. 106: *dedit alodium suum Willelmo duce et baronibus suis concedentibus et confirmantibus.*

⁹¹ Ibid. N. 47.

⁹² *Recueil des Actes des ducs de Normandie...* N. 85, 132.

⁹³ Ibid. N. 17.

⁹⁴ Точная дата, как, впрочем, и авторство, не установлены. Обычно хронику приписывают двум монахам, Ричарду и Томасу, а два наиболее полных списка датируются концом XII—началом XIII столетия. Впрочем, большинство исследователей склоняется к тому, что датировать хронику следует в широком диапазоне от 30-х гг. XII в. до 80-х гг. того же столетия, а изложенные в ней сведения интерпретировать с крайней осторожностью.

⁹⁵ Был держателем от короля (*in capite*), основал клюнийский приорат в Сассексе между 1078—1082 гг., хотя графом он стал уже после составления описи: *Keats-Rohan K. S. B.* Domesday People. Vol. I. Domesday Book. P. 480—481.

⁹⁶ *Liber Eliensis* / Ed. D. J. Stewart. London, 1948. Lib. II. N. 119. P. 255 и сл.

⁹⁷ О термине *thegnland* см.: *Dochwell B.* East Anglia commendation // *EHR.* Vol. LXIII. N. 248. 1948. P. 299. Отметим, что автор не связывает понятие *thegnland* с тэнами, хотя сам термин свидетельствует в пользу такого предположения: *Mason E.* Change and continuity in eleventh-century

Mercia: The experience of St. Wulfstan of Worcester // ANS. Vol. VIII. 1985. P. 160—162.

⁹⁸ English lawsuits ... N. 18 D. Liber Eliensis / Ed. D. J. Stewart. Lib. II. N. 119. P. 256—258.

⁹⁹ English lawsuits ... Vol. I. N. 18 E.

¹⁰⁰ Ibid. N. 18 F.

¹⁰¹ Тот принцип, что монастырская земля должна состоять из домена и владений субдержателей, нередко последственных, утвердился не ранее середины XII в. См.: *Galbraith F. II. An episcopal land-grant 1085* // EPIR. 1929. Vol. XI.IV. N. 175. P. 368.

¹⁰² Впрочем, нельзя исключать и еще одну интерпретацию, хотя для этого оснований куда как меньше, а именно — владения тэнов рассматривались как вполне независимые, а потому потребовалось совершить акт сейзины, как если бы до этого аббатство не имело прав на них, которые могли мыслиться вытекающими из акта сейзины. Но такая интерпретация противоречит всему, что нам известно о laenland'e. Более того, здесь акт повторной сейзины был еще уместен и потому, что король своей волей падал монастырь имуществом как бы по-новому.

¹⁰³ См.: English lawsuits... Vol. I. P. 48, примеч. 2, 4, 7.

¹⁰⁴ DB Vol. II, 43 v (10—I).

¹⁰⁵ *Williams A.* Op. cit. P. 100. Почти наверняка названный Ульвард участвовал в битве при Гастингсе.

¹⁰⁶ См. также: *Chronicon monasterii de Abingdon...* Vol. II. P. 88: *secundum quod monachi demonstrare poterunt per breve vel cartam ecclesiam ... habuisse dono regis Eadwardi ... et pater et frater meus concesserunt per brevia sua.*

¹⁰⁷ *Regesta Regum Anglo-Normannorum. The Acta of William I (1066—1087)* / Ed. by D. Bates. London, 1998. N. 307.

¹⁰⁸ Укажем на одну грамоту, выданную в пользу церкви Христа в Кентербери, в которой Эдуард жалует ее братии поместье Чартам (Certham), оговорив при этом, что «если кто осмелится изменить мое пожалование, которое я собственной рукой на этом Священном Писании посвятил Христу на алтаре Христа (mid minre agenre hand on ... bēc Xpe ... on uppan Xpes...), Бог уничтожит его навсегда в загробной жизни» (*Anglo-Saxon Charters* / Ed. A. J. Robertson. Cambridge, 1939. N. 95.

¹⁰⁹ DB Vol. I, 101 v (2—I).

¹¹⁰ Почти наверняка, речь идет о Леофсине Додсоне, профессиональном каменщике (master-mason). См. Index к изданию: *Westminster Abbey Charters, 1066—c. 1214* / Ed. E. Mason. London, 1988. На сайте <http://www.british-history.ac.uk/report.aspx?compid=63962> (последнее обращение 30.11.2018)

¹¹¹ *Regesta Regum Anglo-Normannorum. The Acta of William I (1066—1087).* N. 329.

- ¹¹² Ine 25: Si mercator in populo emat aliquid, faciat hoc coram testibus...
- ¹¹³ II Aetl 12: Ne quis negocietur extra portum ... sed in ea (eum) barganiet sub testimonio portireve (portgerefan) ... aut item in testimonio prepositorum (gerefan gewitnesse) in folkesimote (folcgemote).
- ¹¹⁴ Того же мнения придерживался и авторитетный знаток английского права У. Блэкстоун (Blackstone's Commentaries on the Laws of England / Ed. R. Kerr. 1857. Vol. II. P. 308).
- ¹¹⁵ Grant by Cenred to abbot Bectun // English Historical Documents 500—1042. Charters and Laws. N 53 / Ed. by D. Whitelock. London, 1979. P. 480—481.
- ¹¹⁶ Diplomatarium anglicum aevi Saxonici / Ed. B. Thorpe. London, 1865. P. 95.
- ¹¹⁷ Chronicon monasterii de Abingdon... Vol. I. 1858. P. 11—12
- ¹¹⁸ Dumas A. Études sur le classement des formes des actes. P. 33. О пергамене, даже не содержащем никаких записей, но снабженном печатью короля как документе, имеющем юридическую силу, см.: Гуревич А. Я. Роль королевских пожалований в процессе феодального подчинения английского крестьянства // СВ. 1953. Вып. 4. С. 49—72.
- ¹¹⁹ Гуревич А. Я. Роль королевских пожалований... С. 52.
- ¹²⁰ Там же. С. 59.
- ¹²¹ DB Vol. I, 375 a (CS—19).
- ¹²² О формах распределения имущества см.: Roffe D. Domesday... P. 20—22. В DB отмечено только четыре случая владения землей англосаксонскими женщинами, из которых две были вдовы. Возможно, это служит косвенным свидетельством практики смешанных браков; Williams A. The English and the Norman Conquest. P. 78; Дюби Ж. Структура семьи в Средневековой Западной Европе // Материалы XIII Международного конгресса исторических наук. М., 1970. С. 11.
- ¹²³ Дюби Ж. Структура семьи в Средневековой Западной Европе... С. 5.
- ¹²⁴ Дюби Ж. История Франции. Средние века. От Гуго Капета до Жанны д'Арк. М., 2001. С. 57.
- ¹²⁵ English lawsuits... Vol. I. N 31.
- ¹²⁶ Barlow F. William Rufus. New Haven; London, 2000. P. 158. Несколько раньше эту мысль высказал У. Капелл (Kapelle W. The purpose of Domesday... P. 64), однако оговорился, заметив, что новые владельцы-нормандцы были в родственных отношениях с англосаксами в последние годы правления Эдуарда Исповедника.
- ¹²⁷ Williams A. The English and the Norman Conquest. P. 72.
- ¹²⁸ Reid R. R. Barony and thanage // EHR. 1920. Vol. 35. N. 138. P. 176, 178.
- ¹²⁹ Ibid. P. 171 и сл.
- ¹³⁰ Hollister W. The significance of scutage rates in the eleventh and twelfth century England // EHR. Vol. 75. N 297. 1960. P. 582—584.

¹³¹ *Carpenter D. A.* The second century of English feudalism // P&Pr. N 168. 2000. P. 39—40. Впрочем, Д. Карпентер, наоборот, видит в практике сбора щитовых денег, которую весьма успешно организовывали как раз сеньоры, живучесть феодальных институтов и скептически относится к тем исследователям, которые полагают, что в XIII в. держательские связи уже разложились и уступили место имущественным и соседским отношениям (*Ibid.* P. 30—32). Щитовые деньги окончательно исчезли в XIV в.

¹³² *Coutumiers de Normandie...* Cap. XCIX «De propinquitate antecessoris» § 3: *modus tenendi possessionem ad alios quam ad heredes facit devenire si quis enim feodum aliquod ad vitam suam solummodo possideat talis saisina ad heredes non descendit.*

¹³³ *Coutumiers de Normandie.* Cap. VI «De justitiatione»: *tribus modis fieri potest justitatio per mobile, feodum et corpus...*

¹³⁴ *Coutumiers de Normandie.* Cap. XXII «De exercitu» § 5: *exercitus ... quandoque dicitur auxilium ... pecuniale quod concedit princeps Normannie ... baronibus et militibus suis de illis qui de eis tenent feodum loricae vel de tenentibus suis in feodo loricali...*

¹³⁵ DB Vol. I, 262 b (C—10) *Qui in civitate terram alterius saisibat et non poterat dirationare suam esse XL solidis emendabit.*

¹³⁶ DB Vol. II, 133 a (1—195).

¹³⁷ DB Vol. II, 350 b—351 a (8—55). См. также: DB Vol. II, 198 b (10—61); DB Vol. II 71 b—72 a (34—2).

¹³⁸ *English Lawsuits ...* N 134. См. также: DB II, 198 b (10—61): *...tenet drogo de beuraria I hominem I acr. terrae ... et post saisivit eum quidam prepositus Willelmi episcopi...*

¹³⁹ DB Vol. II, 389 b (25—1): *Claram tenuit Aluricus pro manerio XXIII car. terrae TRE...* Несмотря на определенную размытость термина «манор», им обозначают английский вариант французской сеньории. При этом манор мог как совпадать с земледельческой общиной (виллой), так и охватывать несколько таких общин. В конце XIII в. ситуация была противоположная, так что в пределах одной виллы могло оказаться сразу несколько маноров (*Барт М. А.* Исследования... С. 123).

¹⁴⁰ О значении *forisfacere*: *Niermeyer J. F.* Op. cit. P. 444—445.

¹⁴¹ *Golding B.* Conquest and Colonisation: The Normans in England 1066—1100. New York, 1994. P. 71. Отметим, что подобным же образом обстоит дело и с владениями мятежников, которые ранее были подарены монастырям (*Golding B.* The religious patronage of Robert and William of Mortain // *Belief and Culture in the Middle Ages* / Ed. by R. Gameson and P. Leyser. Oxford, 2001. P. 215). В наказание за участие в мятеже против Генриха I в 1104 г. Вильгельм де Мортен лишился своих владений, в том числе было конфисковано имущество, подаренное ранее монастырям.

¹⁴² DB Vol. II, 176 b—177 a (9—49).

- ¹⁴³ *Niermeyer J. F.* Op. cit. P. 836—837. Art. 10.
- ¹⁴⁴ *van Caenegem R. C.* Royal writs in England... N 26.
- ¹⁴⁵ *Cartularium abbatiiac de Whiteby.* Vol. I. N. 251. P. 201.
- ¹⁴⁶ *Regesta Regum Anglo-Normannorum. The Acta of William I* (1066—1087). N. 334 (1086—1087).
- ¹⁴⁷ *van Caenegem R. C.* Royal writs in England... N. 68; Feudal Documents from the Abbey of Bury St. Edmunds / Ed. by D. C. Douglas. London, 1932. N. 9 (1066—1087).
- ¹⁴⁸ *van Caenegem R. C.* Royal writs in England... N. 69.
- ¹⁴⁹ *Select Charters and Other Illustrations of English Constitutional History* / Ed. by W. Stubbs Oxford, 8th edn. 1905. (Далее: *Select Charters*). Assisa of Clarendon. Cap. 12: (...) et si aliquis fuerit captus qui fuerit saisatus de roberia vel latrocinio, si ipse diffamatus et habeat malum testimonium de publicamento, et non habeat warantum, non habeat legem. P. 144. Очевидно, что здесь соответствующая глагольная форма означает «...тот, кто приобрел что-либо в силу грабежа или разбоя...». Далее в той же статье говорится: Et si non fuerit publicatus, pro saisina quam habet, eat ad aquam. Ср. этот пример с другим документом, в котором выражение *saisitus fuerit* является синонимом *captus fuerit*. *Select Charters... Assize of Northampton*. Cap. 3: Si quis saisitus fuerit de murthero vel latrocinio vel roberia ... et inde sit cognoscens... P. 151.
- ¹⁵⁰ Ср.: *Baker J. H.* An Introduction... P. 298.
- ¹⁵¹ *Chronicon monasterii de Abingdon...* Vol. II. P. 166—169.
- ¹⁵² *Ibid.* P. 184—185.
- ¹⁵³ Укажем еще на один документ нормандского происхождения. В приказе герцога Нормандии (им мог быть как Жоффруа V Плантагенет (1144—1150), так и Генрих, будущий Генрих II (1150—1154 — как герцог Нормандии) на имя епископа Байё Филиппа д'Анкура между 1142 и 1154 г. содержится любопытная формула, согласно которой епископ должен был оставаться в состоянии *saisitus*, как это было во времена Одоны (1036—1097). По при этом вместо обычного глагола *esse* (*esse saisitus*) писец прибег к редкому глаголу *inesse*, т. е. «находиться в, пребывать» (*saisitus inerat tempore Odonis*) (*Bigelow M. M.* The History of Procedure in England from the Norman Conquest (1066—1204). Boston, 1880. Appendix. N. 43).
- ¹⁵⁴ Роберт Мале был одним из богатейших людей Англии и виднейших держателей Вильгельма I. Он также был близким сподвижником Генриха I.
- ¹⁵⁵ DB Vol. I, 374 a (CW—32): Ita testificatur quod Willelmum malet viderunt saisitum et tenentem et homines de terra servitium sibi fecerunt et homines ejus fuerunt sed nesciunt quomodo habuit. Можно привести пример и гораздо более поздней практики, см.: *Stenton F.* The First Century of English Feudalism. Appendix. N. 21.

¹⁵⁶ DB Vol. I, 373 a (CE—22): East Reading. In Santune VII car terrae et dimidium ... medietatem villae testantur W. malet in dominio habuisse et inde saisitum fuisse.

¹⁵⁷ DB Vol. I, 373 b (CE—30): Terram iiii car in Goldrid quam tenet Willelmus de perci de qua pertinet soca in Cliftune testant qui juraverunt non solum illas iiii car sed etiam totam villam Coldrid Willelmus malet in dominio tenuisse et de ea saisitus fuisse.

¹⁵⁸ Du Cange Glossarium... T. V. P. 90—92; Niermeyer J. F. Mediae Latinitatis lexicon minus. P. 607—608.

¹⁵⁹ Garnett G. The Conquered England... P. 70—71.

¹⁶⁰ DB Vol. II, 161 b (8—31); см. также: DB Vol. I, 208 r (D—21): nec brevem nec sasitorem vidisse qui liberasset eam (sc. terram).

¹⁶¹ Golding B. Conquest and Colonisation... P. 66. Пожалуй, только в исследовании Дж. Гарнета этот институт освещен более или менее обстоятельно: Garnett G. Conquered England... P. 70 и сл.

¹⁶² DB Vol. I, 211 b (17—1).

¹⁶³ Он также был держателем in capite, участником битвы при Гастингсе, а его дочь Годехильда стала женой графа Балдуина Булонского (ок. 1058—1118), будущего короля Балдуина I Иерусалимского (Keats-Rohan K. S. B. Domesday People... P. 338).

¹⁶⁴ DB Vol. II, 235 b—236 a (22—13).

¹⁶⁵ О методе комноновки DB см.: Galbraith V. H. The Making of Domesday Book. Oxford, 1961.

¹⁶⁶ Впрочем, и в Большой DB документы, отразившие практику liberatio, происходят из региона северо-восточной Англии (гр. Йоркшир), где также сохранялись остатки свободного англосаксонского населения, несмотря на устроенную Вильгельмом резню при подавлении Северного восстания в 1069—1070 гг.

¹⁶⁷ См.: DB Vol. I, 141b—142a (37—19): TRE hanc terram tenuerunt iiii sochimanni et vendere potuerunt; DB i 202v (43—1); DB Vol. I, 193b (13—8): Planc terram tenuerunt TRE vi sochemanni et dare et vendere terram suam potuerunt.

¹⁶⁸ DB Vol. I, 218b (52—2).

¹⁶⁹ DB Vol. II, 294 a (3—41).

¹⁷⁰ DB Vol. II, 172 a—b (8—137).

¹⁷¹ Çelebi Ç. L. Conquest, Colonization and Cultural Change in Eastern Suffolk... P. 18.

¹⁷² DB Vol. II, 177 a—b; См. также: DB Vol. II, 161 b (8—31); DB Vol. I, 218 a (52—2).

¹⁷³ Можно считать установленным, что средний слой тех, кто участвовал в расследовании, составляли именно англосаксы (Garnett G. Conquered England... P. 69, примеч. 195).

¹⁷⁴ Ibid. P. 72.

- ¹⁷⁵ Ibid. P. 73.
- ¹⁷⁶ Бенвенист Э. Словарь индоевропейских социальных терминов / Под ред. Ю. С. Стенанова и П. П. Казанского. М., 1995. С. 212—220.
- ¹⁷⁷ К слову *leudth восходят к др.—англ. leod, др.—в.-н. liut (ср. совр. нем. Leute — люди), ст.—слав. ljudŭ (люди, народ).
- ¹⁷⁸ Бенвенист Э. Указ. соч. С. 213.
- ¹⁷⁹ Etymologisches Wörterbuch des Deutschen / Hrsg. W. Pfeifer. Berlin, 1989. Bd. I: Köbler G. Deutsches Etymologisches Wörterbuch. Berlin, 1995. См. соответствующие статьи.
- ¹⁸⁰ Бенвенист Э. Указ. соч. С. 215.
- ¹⁸¹ Там же С. 214.
- ¹⁸² Там же. С. 216.
- ¹⁸³ В целом, при более чем трех тысячах казусов, собранных в работе Р. Флеминг, акт liberatio упоминается в ста двадцати документах: *Fleming R. Domesday Book and the Law. Society and Legal Custom in Early Medieval England. Cambridge, 1998. Pt. III. Text.*
- ¹⁸⁴ InL. § 4: Et infra muros civitatis nullus hospitetur, neque de mea familia, neque de alia vi alicui hospitium liberetur.
- ¹⁸⁵ Libertas Londoniensis § 12 // Die Gesetze der Angelsachsen. Bd. I: Scindum item est, quod homo qui de curia sit regis vel baronum in domo alicujus civis Lund[oniarum] vi vel liberatione vel consuetudine hospitari non debet.
- ¹⁸⁶ DB Vol. II, 172 a—b (8—37): quidam homo Drogonis ... Franco nomine calumpniatur illam (i. d. terram) ad feudum domini sui de dono regis de liberatione ... Sed hundredum non vidit in brevem nec liberatorem.
- ¹⁸⁷ English Lawsuits... N. 372 (1155—1158): servientes teneant terram ... que liberata eis fuit per homines de holimoto de Bensintone; N. 430 (1165): Pec terra liberata est coram omnibus hominibus de Nywetun; N. 579 (1183—1186): Juratores dicunt quod rex Henricus pater domini regis Johannis liberavit abbati Andree villam C cum pertinenciis.
- ¹⁸⁸ InL. 85,1: Quod quislibet liberet eum quem in malum duxerit. Qui ad dampnum vel malum aliquem duxerit, liberet eum advocacione vel emendatione vel participatione.
- ¹⁸⁹ ECf 24, 3: Si aliquis adduxerit aliquid in villam vel apportaverit animal vel pecuniam aliquam et dixerit se invenisse, antequam introducat illud in domum suam vel alterius, ante ecclesiam ducat et faciat venire sacerdotem de ecclesia et prefectum de villa et ipsis congregatis ostendat eis totum inventum, quicquid sit.
- ¹⁹⁰ DB Vol. II, 177 a—b. Возможно, фразу надо читать как *deliberatum Regis*, т. е. «освобождение от имени короля».
- ¹⁹¹ DB Vol. II, 111 b—112 a: TRE viii liberi homines de iii car. Et dimidio huic manerio pertinebant. Modo tenet Walterius Giffard per liberationem regis, sic homines sui dicunt.
- ¹⁹² DB Vol. II, 233 a—b (21—25).

¹⁹³ DB Vol. II, 235 b—236 a.

¹⁹⁴ DB Vol. II, 172 a—b (8—137).

¹⁹⁵ DB Vol. II, 249 b (31—11): In Sedwuda tenet Wimundus liber homo lx acres de quo antecessor Godrici habuit commendationem TRE. Semper ... et xxvi liberi homines sub illo commendatione ... Hanc terram reclamat Robertus Corbutionis de dono regis et revocat liberatorem sed hundredum testatur quod Baignardus prius inde fuit saisitus.

¹⁹⁶ DB Vol. II, 409 b—410 a: hundredum audivit sed non vidit breves neque liberatorem; DB Vol. II, 172 a—b (8—137): sed hundredum non vidit in brevem nec liberatorem. Как мы увидим ниже, эти примеры можно дополнить целым рядом аналогичных случаев с аналогичной конструкцией. См.: DB Vol. I 375 a (CS—19): neque per brevem neque per legatum; DB Vol. I, 208 a (D—21): nec brevem nec sasitorem vidisse qui saisisset eam.

¹⁹⁷ DB Vol. I, 208 a (D—25).

¹⁹⁸ Ср.: DB Vol. I, 141 b—142 a (37—19); DB Vol. II, 278 b.

¹⁹⁹ DB Vol. I, 35 a (19—27).

²⁰⁰ DB Vol. I, 208 a (D—25).

²⁰¹ Ibid., 208 r (D—21). По замечанию П. Хиамса, практика отправки королевских missi (liberator, seisor) как раз и была той самой публичной гарантией титула нового владельца («публичное наделение сейзиной»), гарантией, ножке отданной на откуп частным лордам, что и позволило продвинуться институту гарантии частной (*Hyams P. R. Warranty and good lordship...* P. 458).

²⁰² DB Vol. II, 7 a (1—28); I 50 r (69—16).

²⁰³ Ibid., 276 b (66—64): non viderunt homines de hundredo brevem vel legatum qui liberasset eam Willelmo.

²⁰⁴ DB Vol. I, 375 r (CS—19).

²⁰⁵ DB Vol. II, 7 a (1—28).

²⁰⁶ DB Vol. I, 50 r (69—16).

²⁰⁷ Ibid., 276 r (8—2).

²⁰⁸ Ibid., 141 v—142 r (37—19): Pardvinus reclamat Petrum vicecomitem ad protectorem et liberatorem; Ibid., 200 v (32—10): Ilbertus de Hereford (шериф Херефорда) ei liberavit; DB Vol. II, 223 b (19—20): Quentinus revocat liberatorem Robertum Blandum (шериф Порфолка в 1086); Ibid., 262 a (38—3): De inde revocat Robertum Blandum liberatorem.

²⁰⁹ DB Vol. II, 262 a (38—3).

²¹⁰ DB Vol. I, 211 v (17—1).

²¹¹ См., например, фундаментальное издание В. де Г. Бирча.

²¹² DB Vol. I, 59 r.

²¹³ DB Vol. II, 409 b—410 a.

²¹⁴ Речь идет о Ральфе the Staller, эрле Восточной Англии (ок. 1011—1068).

- ²¹⁵ DB Vol. I, 218 r (52—2).
- ²¹⁶ Ibid., 276 r.
- ²¹⁷ Ibid., 141 v—142 r (37—19): *Plardvinus reclamat Petrum vicecomitem ad protectorem et liberatorem*.
- ²¹⁸ См.: *Chibnall M.* Anglo-Norman England. Oxford, 1986. P. 24; *Green A. Judith.* The Aristocracy of Norman England. Cambridge, 1997. P. 49 ff.
- ²¹⁹ *Fleming R.* Kings and Lords in Conquest England. P. 112—120; *Roffe D.* Domesday... P. 23; *Sawyer P.* 1066—1086: A tenurial revolution? // Domesday Book. A Reassessment / Ed. P. Sawyer. London, 1985. P. 71—85.
- ²²⁰ *Stalls C.* Possessing the Land. Aragon's Expansion into Ebro Frontier under Alfonso the Battler 1104—1134. Leiden: New York, 1995. P. 68—69.
- ²²¹ Ibid. P. 59, 65.
- ²²² DB Vol. II, 235 b—236 a (22—13).
- ²²³ Ibid., 258 a (37—17).
- ²²⁴ *Vinogradoff P.* English Society in the Eleventh Century... P. 413—414.
- ²²⁵ DB Vol. II, 278 b.
- ²²⁶ *Fleming R.* Op. cit. Pt. II. N. 2731: Now William de Partney holds from Peter de Valognes and claims him for livery (*reclamat liberatorem*).
- ²²⁷ DB Vol. II, 278 b.
- ²²⁸ Ibid., 111 b—112 a.
- ²²⁹ DB Vol. I, 35 r (19—27).
- ²³⁰ В издании Р. ван Кэнегема эта, на наш взгляд, важная часть документа опущена (*van Caenegem R. C.* English Lawsuits. N. 26).
- ²³¹ Так, в грамотах старались избегать «наследственной» (*heredes*) терминологии, предпочитая говорить о «нреемниках» (*successores*): *Hudson J.* Land, Law and Lordship... P. 87, 128, 130.
- ²³² DB Vol. I, 200 v (43—1).
- ²³³ DB Vol. II, 54 a—b (27—17): *Goldhangram tenet idem de Hugone quod tenuit Liuvinus post hagra per manerium et per I hidam et XV acres. Quidem miles Pugonis de monte forti nomine hugo fili Malgeri accepit XV acres de uno franco teigno et misit cum sua terra et non habuit liberatorem sic hundredum testatur et ita in manu regis*.
- ²³⁴ *Fleming R.* Op. cit. Pt. II. N. 1940: *Annexation (invasio) TRW Pluge fitz Mauger a knight of Hugh de Monfort took (accepit) fifteen acres from a free thegn and put them with his manor*.
- ²³⁵ Следует учитывать, что тэны являлись представителями служилой англосаксонской знати, в поддержке и силе которой Вильгельм был заинтересован. Как пишет П. Виноградов: «После завоевания тэнство влилось в верхушку военного класса» (*Vinogradoff P.* English Society in the Eleventh Century. P. 403).
- ²³⁶ DB Vol. II, 7 a (1—28).

²³⁷ В начале XII в. представитель этой фамилии Роберт Гернон осуществляет дар двух церквей в присутствии королевы Матильды, жены Генриха I.

²³⁸ DB Vol. I, 193 v (13—8).

²³⁹ Как отмечает Ч. Л. Челеби, «многочисленные свободные Саффолка, вероятно, могли все еще быть ответственными за исполнение возложенной на них военной службы» (*Çelebi Ç. L. Conquest, Colonization and cultural change in Eastern Suffolk...* P. 81).

²⁴⁰ *van Caenegem R. C. Royal writs...* N. 55. P. 440 (1093—1100); N. 61. P. 442 (1149—1154); N. 64. P. 444 (1087—1094); N. 68. P. 447 (1093—1098); N. 69. P. 447 (1087—1100).

²⁴¹ DB Vol. II 442 a—b (67—15).

²⁴² *Roffe D. Domesday...* P. 18, 42 ff. Подробно этот вопрос рассматривается в работе Энн Уильямс.

²⁴³ О судьбе знатных англосаксов см.: *Williams A. Op. cit.* P. 98—125.

²⁴⁴ Речь, скорее всего, идет о бретонце Альфреде, одном из сторонников Вильгельма Завоевателя, который держал баронию в Линкольншире в 1086 г. (*Douglas D. C. William the Conqueror. The Impact upon England.* London, 1964. P. 266; *Keats-Rohan K. S. B. Domesday Descendants. A Prosopography of Persons Occurring in English Documents 1066—1166: II Pipe Rolls to Cartae Baronum.* Woodbridge, 2002. P. 549).

²⁴⁵ DB Vol. II 189 b—190 a (9—219, 227).

Глава 3

¹ *van Caenegem R. C. Royal writs in England...* P. 315; *ibid.* P. 21; BNB N. 17: *ipse fuit seisis ut de feodo et jure tempore Johannis capiendo inde expletia*; *Curia Regis Rolls* / Ed. D. M. Stenton. London. 1922— Vol. I. P. 98 (1198): *inde fuit saisitus in dominico suo ut de feodo et jure suo tempore II regis avi die et anno quo obiit capiendo inde expletias ad valentiam xx solidorum et plus...*

² *Placitorum in domo capitulari Westmonasteriensi asservatorum abbreviatio.* London, 1811. P. 3. Rot. 3 (1195): *et unde eadem ecclesiam seisis fuit ut de libera elemosina tempore Henrici Regis ... et eo die quo predictus Henricus Rex obiit capiendo inde expletia.*

³ *Placitorum...* abbreviatio. P. 21.

⁴ *Summa...* Cap. XCIII «De brevi nove dissaisine», § 7. Речь идет о том, что лишенным сейзины, т. е. тем, кто обладал имуществом как сейзиной, следует признать лицо, которое владело имуществом в момент предпоследнего сбора урожая перед последним (*ante istum*) или во время от сбора предшествующего урожая до сбора последнего в августе месяце. Как мы видим, здесь сейзина связана с сельскохозяйственными

работами; *Très Ancien Coutumier // Coutumiers de Normandie*. Т. 1. Pt. 1. Cap. XVI. Philippe de Beaumanoir *Coutumes de Beauvoisis*. Т. 1 / Texte critique publié avec une introduction, un glossaire et une table analytique, par Am. Salmon. Paris, 1899: «Лишение владения (*saisine*) означает, что кто-то захватит вещь (*chose*), которой я мирно владею год и один день» (§ 955). Далее Бомануар конкретизирует, что значит мирное владение: «Если я мирно владею вещью год и один день, а кто-то мешает мне пользоваться ею (например, прогоняет моих работников из виноградников во время сбора урожая), я могу жаловаться на воспрепятствование пользоваться владением» (Там же. § 957). Под лишением владения понималось не только откровенное насилие, но и своевольное использование имущества: сбор винограда, покос на лугу или вырубка леса (Там же. § 966). См. также издание Хрестоматия наместников феодального государства и права стран Европы / Под ред. В. М. Корецкого. М., 1961 (соответствующие разделы); *Le grand coutumier de France* / Ed. par J. d'Ableigue. Nouv. éd. Par Éd. Laboulaye, R. Dereste. Paris, 1868. Ch. XIX. P. 231, 233.

⁵ *Coutumiers de Normandie...* Cap. CXV: *violenta autem possessio dicitur que nullo jure occupatur, ut si quis alium a domo vel agro vel aliqua alia saisina ... extramiserit...* Можно отметить и судебное разбирательство 1203 г. См.: *The Earliest Northamptonshire Assize Rolls*. AD. 1202—1203 / Ed. by D. M. Stenton. Northamptonshire Record Society. London; Lincoln, 1930. N. 790: *cognovit disseisinam et reddidit ei seisinam suam scilicet medietatem illius tenementi scilicet vj acras...* Обратим внимание, что здесь словосочетание «половина того держания» стоит в том же надежде, что и слово «сейзина», в то время как скорее логичнее было бы ожидать выражение «сейзицу половины того держания».

⁶ *Hudson J.* Anglo-Norman Land law and the origins of property // *Law and Government in Medieval England and Normandy* / Ed. G. Garnett and J. Hudson. Cambridge, 1993. P. 198—222; *Pollock & Maitland*. *The History of English Law...* Vol. I. P. 314—316.

⁷ *Tsurushima Hirokazu*. Feodum in Kent c. 1066—1215. // *Journal of Medieval History*. 1995. Vol. XXI. P. 109—110. (1142—1152 гг.). Здесь, правда, ситуация противоположная: *Et volo ... quod conditio illa ... permaneat ... ut predictum manerium de monachis teneat sine feodo et sine hereditate omni ... sed solutum et quietum ... in dominio monachorum ... remaneat*; *English Borough Charters 1042—1216* / Ed. Ad. Ballard. Cambridge, 1913. P. 38 (1141—1175 гг.); P. 41 (1194 г.); EYC / Ed. W. Farrer. Edinburgh, 1914. Vol. 2. N. 782 (1147—1163 гг.); N. 793 (1147—1161 гг.).

⁸ *Косминский Е. А.* Английское крестьянство в XIII в. С. 56—57, 63; *Гутнова Е. В.* Возникновение... С. 259; *Барг М. А.* Исследования... С. 107.

⁹ BNB N. 810, где употреблена та же формула *seisinam fecit*, но последствия этого действия описаны уже формой *seisitus*.

¹⁰ BNB N. 1838 (1227 г.).

¹¹ BNB N. 1242 (1238—1239 rr.).

¹² Glanvill VII, 1: Si donationem nulla fuerit saisina secuta ... id intellegitur secundum consuetam regni interpretationem ... potius esse nuda promissio, quam vera donatio. Нельзя исключать, что речь идет о наарафразе норманского права. См.: Glanvill. Notes. P. 223. Dig. 21.1.19.2; Dig 46.5.1.5.

¹³ Wissmann F. Op. cit. S. 280—281.

¹⁴ Pollock & Maitland. Op. cit. Vol. II. P. 85.

¹⁵ Thorne S. Livery of seisin... P. 356, 363. По мнению Дж. Козьиоля, «если не принимать ритуалы полностью, то нельзя отрицать, что они имели смысл» (Kozioł G. Begging Pardon... P. 292). Права распоряжения имуществом ставились в прямую связь с обретением сейзины. Так, в одной ноздней грамоте Эдуарда II сказано, что, только получив нолщю и мирщю сейзину, одаренный мог подарить и уступить имущество другим лицам. Западноевропейская секция Архива СПбИИ РАН. Колл. 18. «Англия и Шотландия. Документы и нисьма». Карт. 383. № 1 (1326/27): Sciatis quod concessimus et licenciam dedimus... Et eidem Andree quod ipse habita inde plena et pacifica seisinare dare possit et concedere manerium predictum...

¹⁶ Coke Ed. Sir The First Part ... Vol. 1. L. 1. Ch. 7. Sect 59. 48 a: per hostium et per haspam et annulum vel per fustem et baculum...

¹⁷ Этот свод, возможно, был составлен в Винчестере нормандцем из свиты архиепископа Йорка Герарда (1100—1108).

¹⁸ PnL 70, 18 5.3, 5.26, 53.6, 29.2 a.

¹⁹ PnL 70, 18.

²⁰ PnL 70, 21.

²¹ Af. 41.

²² Glanvill VII, 9: Si vero heres et filius sokemanni fuerit, aetatem habere intellegitur tunc cum quindecim compleverit annos; ibid. VII, 11: heredes vero sokemannorum mortuis antecessoribus suis in custodia consanguineorum suorum propinquorum erunt; ita tamen quod si hereditas ipsa ex parte patris descenderit, ad ... consanguineos matris ... custodia referatur...; Б. Ханавалт отмечает, что «уже к 15 годам крестьянские дети ностигали все премудрости хозяйства и могли сами его вести» (Hanavalt B. The Ties that Bound. Peasant Families in Medieval England. New York, 1986. P. 40).

²³ Coutumiers de Normandie... Cap. VI: Summa... Cap. XXXI, § 3. Здесь совершеннолетие считается наступившим в двадцать лет.

²⁴ Glanvill VII, 5.

²⁵ PnL 53, § 3: Nullus a domino suo inplegiatus uel inlegiatus uel iniuste dissaisiatus ab eodem inplacitur ante legitimam restitutionem. См. также: PnL 53, § 5—6.

²⁶ Что и вызвало соответствующие положения Коронационной хартии Генриха I (Carta Henrici Primi // Die Gesetze der Angelsachsen. Bd. I. Cap. 2—4).

²⁷ *Regesta Henrici Primi 1100—1135* / Ed. Ch. Johnson & П. А. Cronne // *Regesta regum Anglo-Normannorum 1066—1154*. Vol. 2. Oxford, 1956. N. 57 (1107—1116 гг.). P. 320.

²⁸ *van Caenegem R. C.* Royal writs in England... Appendix. N. 11.

²⁹ *The Cartulary of Cirencester Abbey, Gloucestershire* / Ed. C. D. Ross. Lonodn, 1964. Vol. 1. N. 36 (1200—1201 гг.).

³⁰ *Stenton F. M.* The First Century of English Feudalism. Appendix. N. 6.

³¹ Равно как и на *peirry*. EYC. Vol. 1. N. 556 (1190 г.).

³² *Stenton F.* The First Century of English Feudalism. Appendix. N. 21.

³³ *Select civil pleas*. Vol. 1 // PSS. Vol. 3. London, 1890. N. 45 (1200).

³⁴ *Lennard R.* Rural England 1086—1135. Oxford, 1959. P. 111, 171; *Mil-som S. F. C.* The Legal Framework of English Feudalism. P. 83. Па тожде-ство невоенной аренды и «свободного сокажа» указал и Ф. Жойон де Лонгтрэ (*Jotien des Longrais F.* La conception anglaise de la saisine... P. 134). Впрочем, вряд ли правомерно всякую аренду сводить к свободному сокажу.

³⁵ *English Lawsuits...* Vol. 1. N. 187 A.

³⁶ *Ibid.* N. 187 B, C.

³⁷ Как отмечает Р. Леннард, отсутствие наследников в грамотах, скорее говорит о том, что мы имеем дело с обычной, а не наследственной фирмой (*Lennard. R. Op. cit.* P. 172—173).

³⁸ *English Lawsuits...* Vol. 1. N. 281.

³⁹ Пам представляется показательным факт, с какой частотой в английских документах встречается формула *libere, quiete honorifice, sicut melius habui* (*habuerunt*) *de rege* (*patre* или *predecessoribus*). Очевидно, тем самым подчеркивалась полнота преемственности с предшествующим владельцем (EYC. Vol. 1. N. 13 (1093—1100). Приказ Вильгельма II (1087—1100)). Речь идет об имуществе, полученном архиепископом Йорка Фомой во времена Эдуарда Исповедника (1042—1066) и Вильгельма Завоевателя (1066—1087), причем было оговорено, что в разряд земель, которые Фома должен держать *melius et honorabilius* входят и те, которые лично подарил сам Вильгельм II (EYC. Vol. 2. N. 857 (1100—1115); N. 788 (1212—1219): *Pas autem predictas terras dedi predictis Canonicis ... habendas et tenendas adeo liberas et quietas cum omnibus suis pertinentiis sicut eas melius et liberior tenui de dominis meis...*).

⁴⁰ *Recueil des Actes de Henry II concernant les provinces Françaises et les affaires de France* / Ed. par L. Delisle, E. Berger. 4 Vols. Paris, 1909—1927. Vol. 2. N. 264. P. 412: *Et ideo quia abbas et monachi receperunt Radulfum ad custodiam illius nemoris in feodum firmam, dedit ipse Radulfus et concessit abbati ut haberet deinceps illud jus quod Radulfus clamabat antea in parte redditus nemoris unde querela fuerat inter abbatiam et ipsum, ut deinceps teneret Radulfus totum de jure ecclesie ... et totum esset postea de jure et dominatione Sancti Gregorii sine controversia et sine querela...*

⁴¹ EYC. Vol. 1. N. 65 (1135—1140 rr.): concessi et dedi in feodo et hereditate quidquid est in bosco et in plano ... iidem monachi ... unoquoque anno dabunt mihi et heredibus meis dimidiam marcam argenti pro omni servitio ... Ubi concessi et saisiavi predictos monachos.

⁴² Earldom of Gloucester Charters. The Charters and Scribes of the Earls and Countesses of Gloucester to A. D. 1217 / Ed. by R. B. Patterson. Oxford, 1973. N. 5.

⁴³ Под маркой, несомненно, надо понимать весовую меру серебра. Марка представляла собой $\frac{3}{4}$ весового фунта, который делился на 20 счетных солидов, из которого изготавливали 240 физических денариев (аналог английского пенса). Хотя шиллинг не был физической монетой в рассматриваемый период, но можно заключить, что одна весовая марка равнялась количеству серебра, из которого можно было изготовить 160 денариев (пенсов или денег). По ценам Англии середины XIV в. бык стоил 1 марку, иными словами, на эти деньги можно было купить 70 быков или стадо в 650 овец. Учитывая все возрастающую инфляцию, покупная способность тех же пенсов в XII в. была еще выше. О денежных единицах см.: Словарь цумизмата / Под ред. Х. Фенглера, Г. Гироу, В. Унгера. М., 1993. См. сайт: <http://www.medievalcoinage.com/prices/medievalprices.html>. Хотя использованную там литературу можно признать устаревшей. Согласно приведенным на этом сайте данным, в конце XII в. за эту сумму можно было приобрести 300 быков (Александр получил 11 200 пенсов, бык стоил 36 денариев) и порядка 400 бушелей (условно 180 кг) пшеницы. Разумеется, удельная доля серебра в этих пенсах могла сильно варьировать.

⁴⁴ EYC. Vol. 1. N. 295 (1190—1210): ego Alicia Basset, consilio et assensu Pugonis filii mei ... dedi et concessi ... totam terram meam ad Patricpol ... tenendam sibi et heredibus suis de me et heredibus meis in feodo et hereditate... Piiis (sic) testibus, Pugone Basset predicto, qui cum saisiavit inde per baculum super eandem terram...

⁴⁵ *Joüon des Longrais F.* Op. cit. P. 303.

⁴⁶ Ibid. P. 331.

⁴⁷ Вдовья доля в собственном смысле слова (donatio) является в «Повеллах» Юстиниана (*Гуляев Н.* Предбрачный дар в римском праве. СПб., 1891. С. 11). Правда, И. Б. Новицкий отмечает, что институт «donatio ante nuptias» (т. е. дарение до брака) был известен еще до Юстиниана, но именно последний ввел в практику donatio propter nuptias (дарение ввиду брака) (*Новицкий И. Б.* Римское право. М., 1993. С. 67—68).

⁴⁸ Glanvill VI, 4.

⁴⁹ Bracton 3, 389.

⁵⁰ На это указывает, очевидно, продолжение пассажа, в котором сказано, что в городе Линкольне есть обычай, в соответствии с которым жена не получит вдовью долю, если муж в силу необходимости продал

свое наследство, но не теряет ее, если наследство было отдано в залог или на срок лет (Bracton 3, 389: *Est etiam talis consuetudo in civitate Lincolniae quod si vir venderit hereditatem suam pro necessitate sua, uxor inde dotem non habebit... Si autem invadiaverit vel ad terminum posuerit dotem habebit...*).

⁵¹ Ibid. 3, 389.

⁵² Ibid. 3, 411: *mortua miliere seisita ... revertatur dos sua ad heredem...*

⁵³ *English Lawsuits...* Vol. I. N. 296; см. также: *Documents Illustrative of the Social and Economic History of the Danelaw* / Ed. by F. Stenton. London, 1920. N. 459 (конец XII в.): *Pec est donatio et concessio et saisatio quam Johannes de Bochervilla fecit et concessit Johanni de Bachepus avunculo suo.*

⁵⁴ Glanvill VI, 1: *Si non nominaverit dotem, tertia pars totius liberi teneamenti sui intelligitur dos ejus, et appellatur rationabilis dos...*

⁵⁵ CRR. Vol. I. P. 361.

⁵⁶ Ibid. P. 323.

⁵⁷ *Patent Rolls of the Reign of Henry III.* P. 158, 169, 237, 300.

⁵⁸ *Haskins G. L. The development of Common law dower* // *Harvard Law Review*. 1948. Vol. 62. N. 1. P. 43.

⁵⁹ Ibid. P. 50.

⁶⁰ Glanvill VI, 3: *quia ipsa mulier plene in potestate viri sui de jure sit, non est mirum si tam dos quam ipsa... in dispensatione ipsius viri.*

⁶¹ *Haskins G. L. Op. cit.* P. 44.

⁶² *Biancalana J. The writs of dower and chapter 49 of Westminster I* // *Cambridge Law Journal*. 1990. Vol. 49. N. 1. P. 91, 94.

⁶³ *Select civil pleas.* Vol. I // PSS. Vol. III. London, 1890. N. 16.

⁶⁴ *Pollock & Maitland. Op. cit.* Vol. II. P. 435—436. Однако авторы говорят только о смене сейзины, но не о тех юридических формах, в которых должна была состояться сама эта смена (BNB. N. 195).

⁶⁵ Glanvill VI, 1, 6; *Pleas before the King...* Vol. I. N. 490; *The Earliest Lincolnshire Assize Rolls A. D. 1202—1203* / Ed. by D. M. Stenton. Lincoln, 1926. N. 230, 216; *Select civil pleas.* Vol. I. N. 138, 189. Та же практика бытовала и в Нормандии, см.: *Recueil de jugements de l'échiquier de Normandie au XIIIe siècle (1207—1270)* / Ed. L. Delisle. Paris, 1864. N. 283 (1219), 318 (1221), 342 (1221).

⁶⁶ *Pollock & Maitland. Op. cit.* Vol. II. P. 423. Авторы описывают права женщины как «собственнические».

⁶⁷ Glanvill VI, 1.

⁶⁸ *Wissmann F. Die Förmlichkeiten...* S. 284.

⁶⁹ *Pleas before the King...* Vol. I. N. 105: *non obiit inde saisitus quia terram illam dederat ... in maritagio.*

⁷⁰ О роли мужа как опекуна см.: *Pollock & Maitland. Op. cit.* Vol. II. P. 414.

⁷¹ В этом контексте *matrimonium* является синонимом «приданого», но вообще-то его значение «наследство со стороны матери» (*Niermeyer J. Op. cit. P. 663*).

⁷² *Round J. H. Ancient charters royal and private prior to A. D. 1200 // PRS. 1888. Vol. 10. N. 12 (1127).*

⁷³ *Pollock & Maitland. Op. cit. Vol. II. P. 406.*

⁷⁴ *Select civil pleas. Vol. I. N. 162 (1203).* Акт сейзины и вытекающие из него права касался обоих.

⁷⁵ *The Earliest Lincolnshire Assize Rolls... N. 1158.* В тех немногочисленных документах, где речь идет о приданом, оно или передается дочери и особо оговаривается полнота прав на него, или же испрашивается согласие жены на отчуждение приданого (*EYC. Vol. 2. N. 650 (1145—1154), 696 (1150—1157).*

⁷⁶ *English Lawsuits... Vol. 1. N. 470.*

⁷⁷ *Wissmann F. Op. Cit. S. 276.* К сожалению, этот документ у Ф. Виссмана не датирован. Известно, однако, что род Сен-Кантен фиксруется только после завоевания, а упомянутый здесь Герберт мог быть младшим сыном Оливера Сен-Кантена и внуком Герберта II (ок. 1044—ок. 1098). Точно известно, что некто Герберт Сен-Кантен владел двадцатью феодами в 1110—1112 гг. и был жив еще в 1140-х.

⁷⁸ В работе Ф. Виссмана приводится еще ряд примеров подобной практики (*Wissmann F. Op. cit. S. 276—277*).

⁷⁹ Например: *K. Amira von. Die Wadiation. München, 1911; Pollock & Maitland. Op. cit. Vol. II. P. 119—122; Chaplin H. W. The story of mortgage law // Harvard Law Review. Vol. 4. N. 1. 1890. P. 1—14; Rabinowitz J. J. The story of mortgage retold // University of Pennsylvania Law Review. Vol. 94. N. 1. 1945. P. 94—109.*

⁸⁰ *DB. Vol. II 409 b—410 a: In Torneia tenet Rogerus de Candos I carucatam terrae de Pugone que fuit de dominio manerio soca Regis tempore Regis Edwardi sed fuit liberata pro I carucatam terrae. Ilanc habuit Radulfus Stalra in vadimonio de vicecomite Toli ut hundredo audivit sed non vidit breves neq <sic!> liberatorem... см. также: Simpson A. W. B. A History of the Land Law. Oxford, 1986. P. 141.*

⁸¹ *Glanvill X, 8: Super hoc notandum est quod curia domini regis hujusmodi privatus conventiones de rebus dandis...extra curiam sive eciam in aliis curiis quam in curia domini regis factas, tueri non solet nec warrantizare...*

⁸² *Chaplin H. W. Op. cit. P. 6, 9.*

⁸³ *Glanvill X, 6; BNB N. 301: seisinam de vadio illo...*

⁸⁴ *Chaplin H. W. Op. cit. P. 6—7.*

⁸⁵ *Rabinowitz J. J. Op. cit. P. 100.*

⁸⁶ *Ibid. P. 96—97.*

⁸⁷ Здесь усматривают влияние римской практики нотариата (*Chaplin H. W. Op. cit. P. 6; BNB N. 1543 (profert litteras ipsius Aluredi), 1610*

(profert cartam que dimissionem testatur)). Любопытно, что в последнем случае статус такого кредитора описывается не выражением *seisitus*, а *fuit in scisina*. Возможно, здесь акт сейзины еще и потому был неприменим, что имущество передавалось на срок жизни не кредитора, но должника, т. е. это было держание, ограниченное сроком. Королевская власть вмешивалась и в том случае, когда стороны пытались судиться в судах церковных в отношении движимого имущества, захваченного в счет уплаты долга, но не отказанного по завещанию (в последнем случае такие дела действительно подлежали разбору в церковных судах): BNB N. 568 (*producit sectam quod debitum captum fuit*).

⁸⁸ В протоколах весьма часто содержится указание на то, что залог передается кредитору и наследникам (CRR. Vol. II. P. 8—9, 88, 172). Отметим, что и сейзина в обычной ситуации была обусловлена выполнением служб, мирских или духовных.

⁸⁹ Glanvill X, 10: *creditor siquidem a saisina vadii sui ceciderit per debitorem vel per alium, nullam inde saisinam per curiam recuperabit, etiam per recognitionem de nova desaisina ... si per debitorem ipsum, nullum versus eum recuperare habere poterit ... nisi per ipsum debitorem*.

⁹⁰ Glanvill X, 11: *Si enim per alium quam per debitorem injuste et sine iudicio de vadio suo fuerit desaisitus, debitor ipse habere poterit assisam de nova desaisina*. В том же трактате речь идет о сейзине как на феоде, который в тот период снлюшь и рядом был наследственным имуществом, так и на залог. См.: Glanvill XIII, 28; Glanvill X, 10: *utrum pater ejus vel alius antecessor fuerit inde saisitus ut de feodo vel ut de vadio die qua obiit*.

⁹¹ Bracton 2, 122.

⁹² Glanvill XIII, 28—30; The Earliest Lincolnshire Assize Rolls. N. 416: *Assisa venit recognitura si Willelmus pater Johannis seisitus fuit in dominico suo ut de feodo die qua obiit ... quod Joscius et Hubertus tenent. Juratores dicunt non obiit inde ut de feodo seisitus ut de vadio ... Johannes nihil capit per assisam...* Такие примеры без труда можно умножить: *Chaplin H. W. Op. cit.* P. 3.

⁹³ *Simpson A. W. B. A History of the Land Law*. P. 142; Glanvill X, 6; *Chaplin H. W. Op. cit.* P. 8.

⁹⁴ В частности, Дж. Бианкалана полагает, что королевские судьи специально использовали владельческую терминологию в отношениях между наследником и вдовой, чтобы обязать наследника гарантировать вдовью долю, а в противном случае объявить об ошибке сеньориальной юрисдикции и передать дело в суд короля. См.: *Biancalana J. For want of justice. The legal reforms of Henry II*. P. 514. Идея иерархичности системы приказов была сформулирована С. Милсомом, разделившим их на «восходящие» (от вассала к сеньору) и «нисходящие» (от сеньора к вассалу).

⁹⁵ *Rabinowitz J. J. Op. cit.* P. 95. Великая хартия вольностей 1215 (Cap. 11) в случае с несовершеннолетними наследниками и вдовами,

предписывала сначала обеспечить их, а уже потом вынлачивать долг, причем сама статья начиналась следующим образом: «Если кто будет должен евреям...» (*Select Charters...* P. 258). Правда, в последующих подтверждениях это требование было опущено (*Select Charters...* P. 341. (1216)).

⁹⁶ Это хорошо выражено в судебном протоколе: «...хотя бы и была земля отдана в залог, однако <истец> остается в сейзине, поскольку залог не отменяет сейзину». См.: *The Earliest Lincolshire Assize Rolls*. N. 426: *Consideratum est ... eo quod quamvis esset invadiata terra illa, tamen seisisus fuit quia vadium non tollit seisinam...* BNB N. 186. Истец пытался вернуть имущество, некогда переданное в залог, на основании приказов о смерти предшественника. Ответчики же пытались доказать, что обладали этим имуществом *ultra tempus assisae contentum in brevibus...*

⁹⁷ Яркий пример в BNB N. 810. Суд запретил удерживать движимое имущество в счет уплаты долга, но предписал, что наследники кредитора могут вчинить иск, если пожелаю: *sed heredes ipsius (кредитора) perquirant versus ipsum Petrum (должник)...*

⁹⁸ RCR Vol. 1. P. 361.

⁹⁹ Glanvill X, 6, 8.

¹⁰⁰ Однако в позднейших документах мы встречаем неоспоримое свидетельство совершения акта сейзины в пользу кредитора-еврея в счет неуплаченного долга: *seisiatis ipsum Eliam (кредитор) de omnibus terris et redditibus* (*Patent Rolls of the Reign of Henry III Preserved in the Public Record Office*. A. D. 1216—1225. London, 1901. P. 180 (1218). При этом Элиас должен быть оставаться (заметим! — *A. K.*) в сейзине без какого-либо вмешательства (*in illam saisinam custodiatis et manuteatis non ei inferrentes...*). Из этого документа также следует, что долги действительно заносились в свитки и хранились в королевской канцелярии: *sunt vadia nostra (sc. terrae et redditus) pro predictis debitis sicut continetur in rotulis nostris...* Ibid. P. 180.

¹⁰¹ *Joïon des Longrais F.* Op. cit. P. 57; *van Caenegem R. C.* *Royal writs...* P. 318.

¹⁰² *Sutherland W.* Op. cit. P. 41—42. Но замечанию Ф. Жойона де Лонгра: «Вещное право защищено в форме сейзины» (*Joïon des Longrais F.* Op. cit. P. 27—28).

¹⁰³ *Joïon des Longrais F.* Op. cit. P. 206 ff.

¹⁰⁴ *Holt J.* *Magna Carta*. Cambridge, 2003 (1-е изд.: 1992). P. 32.

¹⁰⁵ *Palmer R. C.* *The economic and cultural impact of the origins of property 1180—1220*. P. 376. Не стоит забывать и о влиянии крестовых походов и связанных с ними культурных процессах в европейском обществе в целом.

¹⁰⁶ Но замечанию Д. М. Нетрушевского, «королевские суды планомерно проводили доктрину о вилланах как рабах (инвентаре) сеньоров»

(Петрушевский Д. М. Восстание Уота Тайлера. М., 1937. С. 137; Там же. С. 127—128, примеч.). По наблюдениям английских историков Грасов (N. S. B. и E. C. Gras), цены на зерно выросли с 1200 по 1300 г. на 150 %. Д. М. Петрушевский подводит итог — в XIII в. манор вел хозяйство на чисто коммерческой основе.

¹⁰⁷ Правда, но замечанию все того же Д. М. Петрушевского, формы и интенсивность этой экстенуатации были бледной тенью того, что ждало английское крестьянство и рабочих после Черной смерти (Там же. С. 303 и *passim*).

¹⁰⁸ BNB N. 281. Мы не рассматриваем здесь споры о способах доказательства вилланского или свободного статуса в королевских судах. Но этому вопросу единства мнений также нет. Е. В. Гутнова полагала, что судьи ориентировались на личный статус и показания родственников-вилланов (Гутнова Е. В. Возникновение... С. 115; она же. Вилланство и общее право в XIII веке // СВ. Вып. 49. 1986. С. 42). Ее оппонентом выступал М. А. Барг, ставивший во главу угла характер служб (Vinogradoff P. Agricultural services // Economic journal. Vol. 10. 1900. <https://socialsciences.mcmaster.ca/econ/ugcm/3113/vinogradoff/services> (последнее обращение 05.12.2018); *idem*. Villainage in England. Essays in English Medieval History. Oxford, 1892. *Passim*). Впрочем, в одном месте П. Г. Виноградов оговаривает, что именно precarious характер держания делает его несвободным (Ibid. P. 165; Hyams P. The proof of villein status in the Common law // EHR. Vol. 89. N. 353. 1974. P. 722). Главным средством доказательства вилланского статуса Н. Хайамс считает привод в суд родственников, отсюда же и генеалогии вилланов в номестных описях. О характере служб исследователь ничего не говорит.

¹⁰⁹ Как заметила С. Рейнольдс, понятие «держание» не является строгим юридическим термином. См.: Reynolds S. Bookland, folkland and fiefs. P. 225.

¹¹⁰ Bracton. 2, 89: Item tenementum non mutat statum liberi non magis quam servi. Разумеется, на практике этот принцип мог нарушаться.

¹¹¹ Об этом детальнейшее, хотя и вызывающее критику исследование: van Caenegem R. C. Royal writs in England... Pt. I. Краткое изложение: *idem*. The Birth of English Common Law. Cambridge. 2nd edn. 1988. P. 29—62.

¹¹² Biancalana J. The writs of dower and chapter 49 of Westminster I // Cambridge Law Journal. 1990. Vol. 49. N. 1. P. 91. Согласно «Глэнвилле», членов жюри полагалось выбирать до тех пор, пока не будут найдены знающие люди. Glanvill II, 17: «Если же некоторые из них знают правду об этом, а некоторые не знают, тогда, отстранив незнющих, следует призвать в курию других, пока не найдется по крайней мере двенадцати согласных в этом».

¹¹³ Pollock & Maitland *op. cit.*... Vol. II. P. 49 и сл.

¹¹⁴ Pleas before the King... Vol. I. N. 432, 425, 409: assisa non debet inde fieri quia Normannus ... non obiit inde saisitus die qua obiit (quia illam (sc. terram) reliquit ante obitum suum) (*van Caenegem R. C. Royal writs in England...* P. 267—271).

¹¹⁵ Select Charters... Cap. 4. P. 179—180: si quis obierit francus-tenens, haeredes ipsius remaneant in tali saisina qualem pater suus habuit die qua fuit vivus et mortuus de feodo suo... Нетрудно здесь заметить нерекличку с положениями памятника «Законы Генриха I», где, как мы помним, о сейзине на феоде прямо речь не идет.

¹¹⁶ В том же значении употреблено понятие «сейзина» в Кларендонских конституциях 1164 г.: Select Charters... Cap. 9. P. 166: Saisinam non amittat qui prior saisitus fuerat...

¹¹⁷ *Hurnard N.* Did Edward I reverse Henry II policy upon seisin? // EHR. 1954. Vol. 69. N. 273. P. 535.

¹¹⁸ Напомним, что даже лицо, на которое надало подозрение в незаконном приобретении имущества путем грабежа или разбоя (*de roberia vel latrocinia*), могло рассматриваться как приобретшее имущество путем акта сейзины (*fuerit saisitus*), что свидетельствует о дальнейшем размытии представлений о сейзине как некотором акте, обеспечивавшим известную полноту прав. Ср.: Bracton Vol. 2. P. 51 (*Quis donare possit*): *Idem erit etsi nullam justam causam habuerit, ut si per intrusionem vel disseisinam, et cum sit in seisina aliis donare poterit, licet non cum effectu...* Слово «сейзина» утратило связь с юридическим содержанием, превратившись в синоним простого «обладания». Однако нам кажется симптоматичным в свете представлений Брактона о сейзине использование выражения *sit in seisina*, а не *seisitus*.

¹¹⁹ Как отмечает С. Бахофер, подобного рода разделение материального права было следствием влияния терминологии римского права (*Buhofer S.* Structuring the law: The Common law and the Roman institutional system // *Swiss Review of International and European Law*. N. 5. 2007. https://papers.ssrn.com/sol3/papers.cfm?abstract_id=2412413 (последнее обращение 05. 12. 2018). P. 12.

¹²⁰ English Lawsuits... Vol. 1. N. 294 (1137—1138).

¹²¹ *Ibid.*: de terris illis unde ipsa saisita non est, quas Walterus clamabit, ipsa cum juvabit ad posse suum...

¹²² *van Caenegem R.* Royal writs in England... P. 351.

¹²³ Bracton 3, 325: Et vice versa breve de recto numquam vertitur per narrationem ad breve praedictum super possessione. *Ibid.* P. 211; *Ibid.* P. 311: ne contingat quod per assisam terminetur proprietates quae locum non habet nisi tantum in causa possessionis... По мнению Дж. Тейта, подобного рода деление в королевских судах возникло под непосредственным влиянием судов церковных, так что «светские лица, становившиеся участниками спора в церковных судах, быстро усвоили, что разбор дела о владении

должен предшествовать разбору дела о собственности» (*Tate J. Ownership and possession...* P. 294).

¹²⁴ *Biancalana J.* For want of justice. The legal reforms of Henry II. P. 449 ff. Как отметил У. Уоррен: «Только король в Англии располагал правом собственности» (*Warren W. L. Henry II.* London, 1977. P. 348).

¹²⁵ Но терминологии Брактона это будет «dreit dreit» (*Seipp D. J.* Bracton, the Year books, and the transformation of elementary legal ideas... P. 194; *The Legal Framework of English Feudalism* by S. F. C. Milsom. Review by P. Hyams // *EHJ*. 1978. Vol. XCIII. P. 858).

¹²⁶ *Pollock & Maitland.* Op. cit. Vol. II. P. 48, 66; *Holdsworth W.* The History of English Law... Vol. II. P. 204; *Берман Г. Дж.* Западная традиция права... С. 425—427. Можно лишь спорить с Г. Дж. Берманом, является ли сейзина правом («Сейзина была больше чем просто фактическое занятие земли или контроль над имуществом. Она была правом на занятие и контроль»).

¹²⁷ *Maitland F. W.* The forms of actions at Common law Lecture III на сайте: <http://nbls.soc.scrib.net/files/files/legal%20History/Supervision%203/1.%20Maitland.pdf> (последнее обращение 05.12.2018).

¹²⁸ *Sutherland W.* The Assize of Novel Disseisin. P. 22—24.

¹²⁹ *Coutumiers de Normandie...* Cap. XCIII «De brevi nove dissaisine», l. P. 220: de qua dissaisivit eum injuste et sine iudicio post ultimum augustum...

¹³⁰ *Garnett G.* Conquered England... P. 352.

¹³¹ *BNB* N. 281, 270, 1240 etc.

¹³² Хронология перемещений Генриха II подробно изложена: *Eyton R. W.* Court, Household and Itinerary of King Henry II. London, 1878.

¹³³ *Bracton* 3, 57: ...tunc facias tenementum illud reseiiri de catallis quæ in ipso capta fuerunt et ipsum tenementum cum catallis esse in pace... Дж. Гарнет также отмечает, что «ранние формы ассизы о новом захвате предполагали немедленное восстановление потерпевшего, поскольку нормальный судебный процесс не мог состояться в силу отсутствия короля в Англии» (*Garnett G.* Conquered England... P. 342).

¹³⁴ *Ibid.* Appendix. N. 96 (1155—1166). Можно привести и другие примеры. См.: *Bigelow M. M.* History of Procedure in England... Appendix N. 47. Судьи нормандского герцога должны были установить факт принадлежности имущества епископу Байё во времена Генриха I (recognitum fuerit ... inde saisitus esset) и после этого вернуть ему имущество. Очевидно, вопрос о правомерности самого обладания в приказе не затрагивался (*Bigelow M. M.* (ed.). *Placita Anglo-Normannica: Law Cases from William I to Richard I Preserved in Historical Records.* Boston, 1879. P. 159). Приказ графа Эссекса Джеффри Мандевиля (ум. 1144), которым он предписывает своему служащему установить факт лишения имущества, факт принадлежности ранее этого имущества каноникам церкви св. Мар-

тина в Лондоне, носле чего сделать так, чтобы они были восстановлены в правах (*fac eos saisiri*).

¹³⁵ *Sutherland W.* The Assize of Novel Disseisin. P. 4.

Глава 4

¹ *Güterbock C.* Bracton and His Relation to the Roman Law. Philadelphia, 1866. P. 90. Примеров тому много. Bracton 2, 121: *numquam erit perfecta donatio antequam donatarius plenam habuerit possessionem sive seisinam*; *ibid.* 96: *Et unde si cum in possessione fuerint <sc. конкубина и ее дети> eiciantur quidam vel omnes, competit eis assisa novæ disseisinæ ad seisinam suam recuperandam*; *ibid.* 245: *Si autem dominus capitalis vacuum invenerit possessionem post mortem tenentis Sui ... Cum autem dominus vacuum habuerit seisinam ut prædictum est*; *ibid.* 30: *Quia licet ius non habeat <захватчик или intrusor>, tamen eo quod in possessione est, plus iuris habet propter seisinam quam ille qui est extra possessionem, qui nihil iuris habet <третье лицо, не владелец, изгнавшее такого захватчика>.*

² *Филиппов И. С.* Средиземноморская Франция... С. 607. Напротив, ряд исследователей считает, что классическая римская юриспруденция сформировала вполне стройное учение о владении. См.: *Медведева С. И.* Проблемы римского владения // Северо-Кавказский юридический вестник. 2012. № 1. С. 69. Помимо этого, в статье кратко, но содержательно изложена историография вопроса.

³ *Мухайлов А. М.* Судебная власть в правовой системе Англии. М., 2009. С. 76. При чем Бракто́н стоит выше Литтлтона и всех своих энигонов XIII—XIV вв. в одном ряду с Э. Коком и У. Блэкстоуном. Его решения до сих пор имеют силу в английских судах.

⁴ *Kantorowicz H.* Bractonian Problems. P. 17. Тот же Г. Канторович подчеркивает, что даже если Бракто́н и не учился в Оксфорде непосредственно, то в Эксетере, где он учился наверняка, существовала своя традиция изучения римского права.

⁵ Bracton l. P. XXXIII; *Richardson H. C.* Azo, Drogheda, and Bracton // *ENR*. Vol. I.IX. N. 233. 1944. P. 22—48. Надо оговориться, что мы не знаем, какими конкретно списками Дигест мог(ли) пользоваться автор(ы) трактата (Бракто́н в том числе), поскольку издатель С. Торн дает ссылки на классическое издание Т. Моммзена и Н. Крюгера, не задаваясь вопросом о том, каков в действительности был тот материал, который лег в основу трактата. Эта работа, насколько нам известно, пока еще не проделана, хотя корпус таких списков хорошо известен.

⁶ Об Аццо см.: *Lange H.* Römisches Recht im Mittelalter. S. 255—271.

⁷ *Woodbine G.* The Roman element in Bracton's De Acquirendo Rerum Dominio // *The Yale Law Journal*. 1922. Vol. 31. N. 8. P. 827—847.

⁸ Bracton Vol. I. P. 51.

⁹ В 1160-е гг. многие англичане не просто были знакомы с римским правом, но и учились в Болонье: *Tate J. Ownership and possession in the Early Common law // Journal of American Legal History. 2008. Vol. XLVIII. P. 285; Woodbine G. The Roman element... P. 827.*

¹⁰ Но этому нововоду очень хорошо высказался И. С. Филиннов: «Ученых юристов Древнего Рима привлекали наиболее запутанные и парадоксальные казусы... по эти казусы, безусловно, не были типичными (а порой и реальными)... Целью *prudentes* было проговорить особо сложные случаи, возникающие в ходе судебных процессов, обосновать предоставление того или иного интердикта и тем самым обеспечить защиту иска» (*Филиннов И. С. Средиземноморская Франция... С. 575*).

¹¹ *Михайлов А. М. Судебная власть в правовой системе Англии. С. 24, 53.*

¹² *Pringsheim F. The inner relationship between English and Roman law // Gesammelte Abhandlungen. Heidelberg, 1961. Bd. I. P. 76—91. А. М. Михайлов, впрочем, склоняется скорее к «интуитивному» параллелизму и, напротив, подчеркивает разницу в ориентации римского права как правотолкования и правоприменения, а английского как правотворчества. См.: Михайлов А. М. Судебная власть в правовой системе Англии. С. 66. Впрочем, вряд ли и правотолкование (толкование статутов) и правоприменение (например, принцип *ratio decidendi*) так уж чужды английскому праву.*

¹³ Bracton 2, 295: *dicatur actio unde vi per quam restituitur spoliato sua possessio*, 323; 3, 20: *Est enim vis simplex et vis armata, quia dicitur de vi et vi armata.*

¹⁴ См.: *Филиннов И. С. Средиземноморская Франция... С. 596—597.*

¹⁵ *Kaser M. Das römische Privatrecht. München, 1955. Bd. I. S. 340; Бартошек М. Римское право. Понятия, термины, определения. М., 1989. С. 113, 263. Ряд показательных примеров приводит в своей статье: Савельев В. А. Власть и собственность. Юридические аспекты собственности в праве классического периода // Древнее право. IVS ANTIQVVM. 1. 1996. С. 112—123; Tate J. Ownership and possession in the early Common law // Journal of American Legal History. Vol. XLVIII. 2008. P. 280—313. В авторитетном словаре *Lexicon des Mittelalters* нет статьи о сейзине, а есть отсылка к другой статье — *Eigentum*. А. В. Зайков, говоря в одном месте о том, что *dominium* и *proprietas* описывали один и тот же институт — собственность, — все же отмечает, что главной была оппозиция *proprietas*—*possessio* (*Зайков А. В. «Собственность» и «владение»: попытка историко-филологической интерпретации одного понятийного юридического надродка // Вестник гуманитарного университета. Серия «Право». 2002. № 1 (3). С. 193*).*

¹⁶ *Савельев В. А. Власть и собственность... С. 122; он же. Юридическая концепция собственности в Древнем Риме и современность // Советское государство и право. № 8. 1990. С. 135—141. См. также: Вод-*

кин М. Ю. Проблемы реценции римского права собственности в евронейских кодификациях XIX—XX вв. Автореф. дис. к. ю. н. Самара, 2007 на сайте: <http://www.lib.ua-gu.net/diss/cont/174121.html>: «Римское право не передало Средневековью ни понятия собственности как набора правомочий, ни тем более (как частный случай) идеи триады. Это всецело продукт евронейской средневековой юриспруденции». Это справедливо не только для теории собственности, но и для теории договора: *Полдников Д. Ю.* Договорные теории глоссаторов. С. 24, 65.

¹⁷ *Смирин В. М.* «Nudum jus Quiritium»... С. 284.

¹⁸ *Савельев В. А.* Власть и собственность... С. 119. В. М. Смирин склонен интерпретировать слияние в одном лице собственности и узуфрукта как «полное право» (plenum jus или plena proprietas): *Смирин В. М.* «Nudum jus Quiritium»... С. 283. Отметим, что уже в словаре Ф. Дыдынского антитеза proprietas-ususfructus и proprietarius—fructuarius выражена предельно четко (*Дыдынский Ф.* Латинско-русский словарь к источникам римского права. Варшава, 1896. См. соответствующие статьи. Однако в статье proprietas автор ставит знак равенства между этим понятием и dominium).

¹⁹ *Санфилиппо Ч.* Курс римского частного права. М., 2007. С. 216—221.

²⁰ *Литиц Е. Э.* Право и суд в Византии IV—VIII вв. Л., 1976. С. 68—69.

²¹ *Савельев В. А.* Власть и собственность... С. 118. Зайков называет это «идеальным правом», «правовым господством» (*Зайков А. В.* Собственность... С. 193).

²² *Филиппов Н. С.* Средиземноморская Франция... С. 570 и сл.

²³ *Дождев Д. В.* Римское частное право. М., 1999. С. 419, где выражение *transferre dominium* превращается в *transferre proprietatem* (С. 459—60); *он же.* Римское частное право. 3-е изд. М., 2008. С. 470. Собственник вещи, обремененной узуфруктом, оказывается лишен практически значимых правомочий. Его позицию классики описывают как голую собственность — *nuda proprietas* (*Санфилиппо Ч.* Курс римского частного права. С. 263—65).

²⁴ *Levy E.* West Roman Vulgar Law. The Law of property. Philadelphia, 1951. P. 32—33. *Mäkinen V.* Property rights in the late medieval discussion on Franciscan poverty // *Recherches de théologie et philosophie médiévales*. Bibliotheca 3. Leuven, 2001. P. 14—15. О правомерности говорить о «вулгаризации» права см.: *Ауров О. В.* Понятие «hereditas» в IV—начале IX в. С. 231—248 и особенно 231—232.

²⁵ *Levy E.* West Roman Vulgar Law... P. 37. Но замечанию Д. В. Дождева, со ссылкой на Кодекс Феодосия, только крайний унадок научного уровня правовой мысли в постклассическую эпоху мог привести к трактовке узуфрукта как временной собственности, подлежащей возврату (*proprietas reditura*): *Дождев Д. В.* Римское частное право. С. 470.

²⁶ *Levy E.* Op. cit. P. 88.

²⁷ Azo Portius Summa super codice et institutis. Venetiis. 1584. Lib. VII. 212. 1 (далее Summa — дается книга, колонка, строка): ...ususfructus jus alienis rebus utendi fruendi salva rerum substantia, что является дословной цитатой из Дигест (D. 7.1.1.); Lib V. 487, 10: Nec distinguo, tradat mulier rem corporalem an incorporalem, puta usumfructum constituit viro suo in fundo suo dotis ... quod ... revertatur ad mulierem, cujus est proprietas fundi...

²⁸ В частности, И. С. Филиннов замечает, что термин *proprietas* мог сближаться с германским термином аллод (Филиннов И. С. Указ. соч. С. 604, 606, 610).

²⁹ Cannata C. A. Possessio, possessor, possidere nelle fonti guiridiche del basso imperio romano. Milano, 1962. P. 9, 15, 23.

³⁰ Kriechbaum M. Actio, jus und dominium in den Rechtslehren des 13. und 14. Jahrhunderts. Ebelsbach-am-Main, 1996. S. 392—393.

³¹ Ibid. S. 375: Dominium est potestas rem vindicandi.

³² Ibid. S. 421.

³³ Ibid. S. 335: «man ist in neueren Rechtsgeschichte gewohnt von geteilten Eigentum zu sprechen, ohne dass der Ausdruck *dominium divisum* in einer juristischen Texte dieser Zeit zu finden wäre».

³⁴ «Possessionem adquirimus et animo et corpore: animo utique nostro, corpore vel nostro vel alieno» (Paul. Sent. V. 2.1).

³⁵ D. 42.2.3.5.

³⁶ Литвиц Е. Э. Право и суд в Византии IV—VIII вв. С. 56.

³⁷ Санфилиппо Ч. Курс римского частного права. С. 246—247.

³⁸ Савельев В. А. Владение solo animo в римском классическом праве // Древнее право. IVS ANTIQVVM. 1999. № 2 (5). С. 7—17; D. 41.2.3.21.

³⁹ Савельев В. А. Указ. соч. С. 14—15.

⁴⁰ Дождев Д. В. Основания защиты владения... С. 23. Однако последнее утверждение представляется нам корректным только по отношению к третьему лицу, поскольку за подлинным владельцем держатель вынужден признавать animus possidendi и отказывать в нем себе.

⁴¹ Там же. С. 22. Ноксальный иск — иск, при котором за деликты, совершенные подвластным, отвечал тот, в чьей власти он находился. Он имел альтернативу: или отвечать самому, или выдать провинившегося потерпевшему.

⁴² Медведев С. Н. Проблемы римского владения. С. 65.

⁴³ Дождев Д. В. Римское частное право. С. 370.

⁴⁴ Дождев Д. В. Основания защиты владения... С. 33.

⁴⁵ Коновалов А. В. Владение и владельческая защита... С. 12. На этом же настаивают и авторы коллективного труда: Савинов Д. П., Велиев Э. Э., Ткаченко С. Н. Понятие владения и особенности его защиты. М., 2004. С. 19, 22.

⁴⁶ D. 41.2.3.21: Genera possessionum tot sunt, quot et causae acquirendi eius quod nostrum non sit... Здесь речь идет о разных основаниях владения.

ния, хотя очевидно, что эти основания и есть правоустанавливающие факты, как например в случае приобретения владения наследником (*Radin M. Op. cit. P. 222*).

⁴⁷ D. 42.2.3.5.

⁴⁸ *Дождев Д. В.* Основания защиты владения... С. 218.

⁴⁹ D. 43.26.15.4: Eum, qui precario rogaverit, ut sibi possidere liceat, nancisci possessionem non est dubium: an is quoque possideat, qui rogatus sit, dubitatum est. Placet autem penes utrumque esse eum hominem, qui precario datus esset, penes eum qui rogasset, quia possideat corpore, penes dominum, quia non discesserit animo possessione.

⁵⁰ На это в свое время обратил внимание И. С. Филиннов (Средиземно-морская Франция... С. 583—592). Отметим только, что Брактон использует слова *detentio, detentor* etc. почти в их классическом для римского права значении: удерживать, задерживать, препятствовать. См.: Bracton 2, 394; 2, 439; 3, 399 etc. Характерны высказывания *fraudelentiam detentionem, per injustam detentionem* etc. *detentio in prisona*. О значении *detentio* в римском праве см.: *Radin M. Detention at Roman law // Studi P. Bonfanti. Vol. III. Milano, 1930. P. 153—162*. Выражаю признательность сотруднице НИА СНИИ РАН, к. и. н. Е. И. Носовой за возможность ознакомиться с этой публикацией.

⁵¹ D. 41.2.1

⁵² D. 41.1.3. Ведь то, что никому не принадлежит, в силу естественной целесообразности оставляется (в собственность) захватившему. В оригинале о собственности речь не идет: *Quod enim nullius est, id ratione naturaliter occupanti conceditur*. То, что захват имущества вел к приобретению владения, хорошо показано В. А. Савельевым, но не стоит забывать, что оккупация была оригинальной формой приобретения *dominium*.

⁵³ Gai. Inst. IV. 16: *festuca autem utebantur quasi hastae loco, signo quodam iusti domini, quod maxime sua esse credebant, quae ex hostibus cepissent*.

⁵⁴ D. 41.2.1.

⁵⁵ *Camata C. A.* Possessio, possessor, possidere... P. 3, 15.

⁵⁶ *Ibid.* P. 30.

⁵⁷ О Бассиане, чьим учеником был, к слову сказать, Аццо, см.: *Langue H. Römisches Recht im Mittelalter. S. 215—219*.

⁵⁸ *Masmejan L.* La protection possessoire en droit romano-canonique médiéval (XIIIe—XVe siècles). Montpellier, 1990. P. 38—39.

⁵⁹ *Василевская Л. Ю.* Учение о вещных сделках по германскому праву. М., 2004. С. 13, 33.

⁶⁰ Там же. С. 38—39.

⁶¹ *Коновалов А. В.* Владение и владельческая защита... С. 13.

⁶² BGB B. 3. Ab. 1. Besitz § 855, 866, 868: Nießbraucher (узуфруктуар), Pfandgläubiger (залогонриматель, кредитор), Pächter (арендатор), Mieter

(наиматель), Verwahrer (депозитарий) oder in einem ähnlichen Verhältnis. На сайте: http://www.gesetze-im-internet.de/bgb/inhalts_bersicht.html (последнее обращение 05.12.2018). Впрочем, определения «владения» BGB не дает. Возможно, под влиянием Ф. К. фон Савиньи. Это то, что резко отличает римское право от немецкого. См.: *Савельев В. А.* Владение в римском классическом праве и современное законодательство // Журнал российского права. 2013. № 1. С. 90.

⁶³ *Василевская Л. Ю.* Учение о вещных сделках... С. 29—30.

⁶⁴ *Савинов Д. Н., Велиев Э. Э., Ткаченко С. П.* Нонятие владения... С. 10. До появления работы Р. фон Йеринга владение рассматривали как юридический факт (после юристы колебались).

⁶⁵ *Коновалов А. В.* Владение и владельческая защита... С. 15—16.

⁶⁶ Там же. С. 9—10, 28.

⁶⁷ *Васковский Е. В.* Учебник гражданского права. СПб., 1894. С. 96.

⁶⁸ Несколько иронично об этом высказался И. С. Филиннов. См.: *Филиннов И. С.* Средиземноморская Франция... С. 578.

⁶⁹ Об этом классическая работа *Кросс Р.* Прецедент в английском праве. М., 1985.

⁷⁰ *Томсинов В. А.* К вопросу о роли римского права и юриспруденции в общественной жизни Западной Европы в XI—XIII вв // Античная древность и Средние века. Проблемы идеологии и культуры / Под ред. М. Л. Ноляковского и др. Свердловск, 1987. С. 92. Наномним, успех римского права был так велик, что Генрих III вынужден был под давлением судейского корпуса даже запретить его изучение в университетах. См.: *Vinogradoff P.* Roman Law in Medieval Europe. Oxford, 1911. P. 85. Запрет был провозглашен в 1234 г., в 1236 г. на съезде в Мертоне знать вновь настояла на неизменности английских законов.

⁷¹ *Барт М. А.* Исследования... С. 265. См. также с. 264—278 и особенно 268.

⁷² Вопрос о степени влияния римского и канонического права на трактат «Глэввилла» рассмотрен, насколько нам известно, только в одной специальной работе: *Kaufmann H.* «Causa debendi» und «causa petendi» bei Glanvill sowie im römischen und kanonischen Recht seiner Zeit // *Traditio*. 1961. Vol. XVII. S. 158 ff. Некоторые исследователи считают, что автор «Глэввиллы» был более искушен в римском праве, чем полагали ранее: *Turner R. V.* Who was the author of Glanvill? Reflections on the education of Henry II's Common lawyers // *Turner R. V.* Judges, Administrators and the Common Law in Angevin England. London, 1994. P. 71—103.

⁷³ Glanvill VII, 9. См. также: Bracton 3, 302.

⁷⁴ Glanvill VII, 3: melior est condicio possidentis... D. 50.17.126.2; D. 20.1.10; D. 43.33.1.1.

⁷⁵ Но замечанию Дж. Холта, казусы XII в. говорят о предпочтении, которое отдавали принципу представительства, т. е. преимуществу пря-

мой ветви (внука): *Holt J. King John and Arthur of Brittany // Nottingham Medieval Studies. Vol. 44. 2000. P. 85.* Практиковался и раздел имущества между дядей и внуком.

⁷⁶ Glanvill VII, 1.

⁷⁷ *Jotillon de Longrais F. Seigneurie et seignory. 1949. P. 210—211; RCR / Ed. F. Palgrave. London, 1835. Vol. 1. P. 33 (1194).*

⁷⁸ Glanvill II, 3: *saisiatus in dominico sicut in feodo; ibid. 12: utrum dominus majus jus habet tenendi in dominico vel vassallus de eo; VI, 1: tertia pars liberi tenementi ... inde fuit saisitus in dominico.*

⁷⁹ Glanvill VII, 1; IX, 11 и др.

⁸⁰ *Coutumiers de Normandie... Cap. XVIII, 3: de rebus ... qui sese sunt homicidie notandum est quod dux eas habere debet ... per dominicum (в некоторых версиях dominium) suum et eciam alibi ubicumque per Normanniam...*

⁸¹ Glanvill IX, 4: *Mutua debet esse dominii et homagii fidelitatis connexio, ita quod quantum homo debet domino ex homagio tantum illi debet dominus ex dominio...*

⁸² *Coutumiers de Normandie... VII, 4: ...si querelatus respondeat se loco namna cepisse demonstrato, asserens se ea ibi posse capere et debere ut in suo feodo et aliter deneget terram suam esse et ipsum nullum habere dominium in eadem, cum de ipso non teneatur... LII, 1: Si quis autem feoda sub dominio diversorum dominorum constituta per unum testem vel unum duellum petierit...*

⁸³ Glanvill VII, 1.

⁸⁴ Glanvill Notes. P. 226.

⁸⁵ BNB. N. 61, 564, 637

⁸⁶ Glanvill VII, 1: *Quia interim cum dominus non sit hereditatis paternaе, non obviat illud quod dicitur quod simul non possit quis heres esse et dominus.*

⁸⁷ Bracton 2, 192.

⁸⁸ Bracton 4, 315; 2, 207. Впрочем, не говорит ли сохранение глагольных форм и о сохранении представлений о сейзине как действии?

⁸⁹ Glanvill X, 10: *utrum pater ejus vel alius antecessor fuerit inde saisitus ut de feodo vel ut de vadio die qua obiit.*

⁹⁰ Bracton 2, 125. Действительно, она появляется в документах: EYC. Vol. 1. N. 222: *reddidisse, quietum clamasse et resignasse per fustem et baculum.* См. там же, N. 257, 281. Ее бытование в языке документов XII в. лишний раз подтверждает связь трактата с живой юридической практикой того времени.

⁹¹ BNB N 1922: *nota de terra data et seisina facta per ostium et haspam...*

⁹² BNB N 1838, 1922, 1265.

⁹³ Bracton 2.124: *nihil aliud est traditio in uno sensu nisi in possessionem inductio. De re corporali ideo dicit quia res incorporalis non patitur traditionem...* Azo Summa Lib. VII. 740. 2.

⁹⁴ Select cases from ecclesiastical courts of the province of Canterbury 1200—1301 / Ed. N. Adams and Ch. Donahue, jr. // PSS. Vol. 95. 1981. P. 5.

⁹⁵ D. 41.1.9.6 и D. 18.1.74: *Clavibus traditis ita mercium in horreis conditarum possessio tradita videtur, si claves apud horrea traditae sint.*

⁹⁶ О важности процедур судового разбирательства и слабом развитии нотариата для письменного обеспечения судебной системы см.: *Turner R. V. Roman law in England before the time of Bracton*. P. 64.

⁹⁷ D. 41.2.8; D. 41.2.3.6.

⁹⁸ Bracton 2, 121: *Et sciendum quod possessio est corporalis rei detentio, id est corporis et animi cum iuris adminiculo concurrente. De re autem corporali ideo dicitur, quia incorporalia non possunt possideri nec usucapi, nec sine corpore tradi, quia per se traditionem non patiuntur.* Это, пожалуй, единственный случай, когда Брактон использовал слово *detentio* в контексте имущественных отношений.

⁹⁹ Bracton 2, 24: *Quia proprietas statim post mortem antecessoris descendit heredi propinquiore, minori et maiori ... Sed tamen non statim acquiritur talibus possessio, licet possessio et ius possessionis semper sequi debeat proprietatem.*

¹⁰⁰ D. 41.2.23.: *Cum heredes instituti sumus adita hereditate omnia quidem iura ad nos transeunt possessio tamen nisi naturaliter comprehensa ad nos non pertinet;* Римское частное право / Под ред. И. Б. Новицкого, И. С. Перетерского. М., 2010. С. 195; Bracton 2, 225: *Possessio tamen nisi naturaliter fuerit apprehensa, videlicet animo et corpore, proprio vel alieno sicut procuratorio, prius ad ipsos non pertinebit.*

¹⁰¹ *Медведев С. П.* Проблемы римского владения. С. 67. Именно С. Риккобоно принадлежит заслуга реконструкции трех типов владения: *possessio naturalis*, *possessio civilis* (*possessio ad interdicta*) и *possessio ad usucapionem*. По замечанию Ф. Бетанкура, два последних типа владения отличаются лишь процессуально (Там же. С. 68).

¹⁰² Красноречиво начало всего пассажа: *Verbi gratia: esto ...* — т. е. «Например, пусть будет...». Нечто подобное мы находим и в более ранней «Глэввилле».

¹⁰³ *Гутнова Е. В.* Классовая борьба и общественное сознание крестьянства в средневековой Западной Европе (XI—XV вв.). М., 1985, *passim*.

¹⁰⁴ Bracton 2, 36: *semper retinet dominium, donec illud amittat per negligentiam, vel per violentiam et iniustam resistentiam...*

¹⁰⁵ Bracton 3, 44.

¹⁰⁶ Bracton 3, 270: *Esto quod quis peregre profectus sit vel ad nundinas, nemine in possessione sua nomine suo relicto, et in itinere antequam redierit moriatur, nihilominus seisitus moritur;* BNB N. 1120. Англия была охвачена целой сетью мелких торговых местечек.

¹⁰⁷ D. 41.2.6.1. Нравда, у Ульиана акценты смещены. Его интересует не то, будет ли ушедший на рынок и лишенный имущества владеть, но считается ли такой захватчик владеющим тайно или с применением си-

лы. Ульиан полагает, что тайно, если захватчик не пренятствует собственнику, и силой, если оказывает сопротивление. Однако известно, что владение, приобретенное тайно, силой или прескарно, интердиктами не защищалось.

¹⁰⁸ Ibid. 3, 270: Item si pro paupertate possessionem derelinquerit et ita quod dominus capitalis ... in manum suam ceperit et retinuerit, vel alii ad excolendum dederit, vel quod plus est alium feoffaverit, satis moritur tenens seiscitus licet corporaliter in possessione non fuerit naturaliter... Брактон, правда, в этом же пассаже оговаривает, что вышестоящий лорд (dominus capitalis) может отрицать за держателем, даже предложившим сеньору отправлять полагающиеся службы, но будучи обременным, сейзину. В этом случае имеет факт лишения сейзины по суду (поскольку вассал не выполнил своих обязательств). В случае применения этих норм конфликты между наследниками и новыми приобретателями были неизбежны. См., например: BNB N 370. Ситуация в точности соответствует той, которую описывает Брактон. После смерти младшего брата, передавшего ранее имущество на срок трех лет по причине бедности и умершего, его старший брат успешно отсудил имущество, находившееся в чужих руках. Положение младнего брата было определено как seiscitus.

¹⁰⁹ Bracton 3, 270: Item satis seiscitus moritur ... in tali infirmitate quod memoriam amiserit... quia numquam durante tali statu poterit desinere animo possidere, et satis moritur seiscitus.

¹¹⁰ D. 41, 2, 27

¹¹¹ Azo Summa VII. 732. 4: Furiosus autem non potest incipere possidere per se et ita non incipit usucapere.

¹¹² Английский судья тот же принцип применяет и к тем, кто умер в течение срока, когда имущество могло быть, но не было, возвращено силой (четыре дня), поскольку такой умерший тоже считался seiscitus, а также для того, кто не мог отстоять имущество, будучи больным (Bracton 3, 270).

¹¹³ MacCormack G. The role of animus in the classical law of possession // ZSSR. Rom Abt. 1969. Bd. 74. P. 110; Дождев Д. В. Основания защиты владения... С. 15. Впрочем, мы здесь не видим противоречия.

¹¹⁴ Bracton 2, 124: Item non valet donatio nisi subsequatur traditio... Sed tunc demum cum donator plenariam ... fecerit seisinam donatario ... cum donator corpore et animo recesserit a possessione ... sine aliqua spe et animo revertendi ut dominus, et cum donatarius in possessione vacua extiterit corpore et animo et cum voluntate retinendi possessionem (Idem. 2, 102, 153).

¹¹⁵ Bracton 3, 270

¹¹⁶ Chauffour V. La règle le mort saisit le vif expliquée par ses origines romanes et par le droit coutumier // Revue de législation et de jurisprudence. T. 2. Paris, 1847. P. 80. О влиянии французской практики на «Глэвиллу»: Hyams P. R. The common law and the French connection // ANS. Vol. 4. 1981. P. 77—92; 196—202.

¹¹⁷ Güeterbock C. Op. cit. P. 92.

¹¹⁸ BNB N. 1209: ...sed quando corpus suum fuit asportatum de domo venerunt predicti Joellanus et alii et posuerunt se in domum illam...; BNB N. 1142. Вдова ссылалась на то, что она продолжала владеть имуществом умершего мужа, в то время как его наследник, требовавший себе то же имущество, таковых нрав не имел, будучи бастардом. Нравда, ссылка на максимум о сейзине умершего остается не совсем понятной. Можно лишь полагать, что наследник не только был бастардом, но принос приказ еще до того, как отец был похоронен, а значит, этот приказ не имел силы, поскольку предполагал, что человек умер в сейзине. Но здесь момент физической и юридической смерти не совпадал, как это и следует из Брактона. Ф. У. Мэйтланд полагал, что эта норма должна была предотвратить от вступления во владение чужих лиц и тем самым давала определенные преференции наследнику (*Pollock & Maitland*. Op. cit. Vol. II. P. 61). Такое предположение представляется нам вполне обоснованным.

¹¹⁹ *Chaffour V*. La règle le mort saisit le vif... P. 77.

¹²⁰ D. 41.1.34. И действительно, в издании С. Торна есть ссылка на Аццо, который утверждал то же самое: Bracton 2, 41 (перевод, сн. 31). Bracton 2, 41: Item casu, sicut est hereditas iacens ante aditionem. Sed fallit in hoc, quia sustinet vicem personæ defuncti, vel quia sperantur futuræ heredis qui adibit.

¹²¹ *Pollock & Maitland*. Op. cit. Vol. II. P. 61.

¹²² D. 8.1. 20: Ego puto usum ejus juris (sc. сервитутом) pro traditione possessionis accipiendum esse ideoque et interdicta veluti possessoria constituta sunt. Bracton 2, 121: Tradi enim possunt vel quasi per patientiam et per usum.

¹²³ Bracton 2, 159: Adquiri ... similiter rei incorporalis quasi possessio sine usu... Sed cum usus intervenerit in re incorporali, retinetur possessio per usum et efficitur vera, quæ prius fuit fictitia; Gai 3, 139; *Дождев Д. В.* Римское частное право. С. 370; *Levy E.* Op. cit. P. 26.

¹²⁴ Azo Summa VII, 740, 2.

¹²⁵ Bracton 2, 241: In seisinā de homagio et servitio prædicti talis vel heredis sui talis, et sic de pluribus; Ibid. 2, 243: Cum dominus petat servitium, et unde recenter fuit in seisinā...

¹²⁶ Bracton 4, 315: Seisiri autem poterit quis ... de iure ad rem vel ad personam pertinente...

¹²⁷ Select Cases from Ecclesiastical Courts... P. 276.

¹²⁸ Применительно к английским реалиям (в том числе и с учетом трактата Брактона) на это указал еще Ф. Поллок (*Pollock F.* An Essay on Possession in Common Law. Pt. I—II. Oxford, 1888. P. 16, 23). Несколько иначе трактует эту антитезу И. С. Филиннов. Но его мнению, некорректно унодоблять detentio (держание) и in possessione esse, поскольку в последнем случае речь идет о том, что лицо владеет им для и от име-

ни другого, нодлинного владельца (Филиппов Н. С. Средиземноморская Франция... С. 590—591). Но у Брактона это противопоставление как раз и проходит по линии *in nomine alieno*.

¹²⁹ Покровский И. А. История римского права. Изд. 3. 1917. § 58. На сайте: <http://www.allpravo.ru/library/doc2527p0/instrum3503/item3609.html>. См. также: Филиппов Н. С. Средиземноморская Франция... С. 588. Приведенный выше пример свидетельствует, казалось бы, об обратном, но не стоит забывать, что дело слушалось не в королевском суде, и в аналогичной ситуации с имуществом другого рода истцом бы выступил потерпевший, а не его представитель.

¹³⁰ Bracton 3.124 и сл.: *Item sunt quidam seisiti et in seisinā... Item sunt quidam in seisinā et licet non seisiti*.

¹³¹ Bracton 2, 55.

¹³² К ним относились ноклаженолучатель (*depositarium*), управляющий (*procurator*), ссудонолучатель (*commodatarius*), рабы, члены семьи, колоны, прекаристы (но только в отношении прекародателя), квартиросъемщики (*inquilinus*), друзья (Дождев Д. В. Римское частное право. С. 379—380). Об этом см. также: Radin M. Fundamental concepts of the Roman law // California Law Review. 1925. Vol. 13. N. 3. P. 207—228.

¹³³ Bracton 2, 156: *In possessione autem sunt sed non possident custos aliquando qui tenet in dominico licet non in feodo. Item procurator. Item familia, servus proprius vel alienus bona fide possessus. Item firmarius sive fructuarius, quod non dicitur de feodi firmario. Item usuarius et hospes. Ibid. 2, 132: Sicut procurator, colonus, vel inquilinus, hospes, servus, vel amicus, licet subiectus non sit ei cuius nomine fuerit in possessione. Ср.: D. 41.2.10.1. Впрочем, в другом фрагменте Брактон называет владеющим и фирмария (Bracton 3, 124).*

¹³⁴ Bracton 3, 125

¹³⁵ Bracton 3, 135. Здесь, очевидно, идет речь о сроке в четыре дня, в течение которых потерпевший, обратившись на четыре стороны света, мог собрать друзей и вассалов с тем, чтобы изгнать захватчика. В противном случае, он сам становился захватчиком: Bordwell P. Seisin and disseisin // Harvard Law Review. 1921. Vol. 34. N. 6. P. 609.

¹³⁶ Bracton, 3, 70: *Propter commodum possessoris; Glanvill VII. 3: Melior est condicio possidentis; D. 20. 1.10.*

¹³⁷ Любопытно сопоставить Брактона с Аццо. Azo Summa... Lib. VII. 815. 17: *Si fructuarius qui habet naturalem possessionem dijiciatur ... dominus proprietatis contra dijicentem non potest intendere interdictum unde vi, quia ... nulla possessio ablata*. Иными словами, за фрукутарием признавалась владельческая защита.

¹³⁸ Ibid. 3, 124: *Licet quodam modo seisiti sunt quoad usum et quoad fructum, non tamen seisiti sunt quoad liberum tenementum, licet alio modo recuperare possint possessionem suam quam per assisam*.

¹³⁹ *Baker J. H.* An Introduction to English Legal History. P. 298 ff.; *Simpson A. W. B.* A History of the Land Law. P. 72—73.

¹⁴⁰ Как видно на этом примере, акт традиции имел весьма разнообразные последствия и служил отнюдь не только обретению *dominium* или владения. Если в случае с фирмарием в традиции можно увидеть акт сейзины, то его природа здесь сильно отличается от, так сказать, классической сейзины.

¹⁴¹ Bracton 2, 138. См. также: *ibid.* 322. Речь идет о том, что лицо не может требовать себе имущество через суд, ссылаясь на разные правовые основания обладания им (*quis plures habeat actiones vel duas de una re quæ sint contrariæ ... quia sese non compatiuntur nec simul stare possunt... Ut si quis peteret simul sortem et usuras, et terram in dominico et ad terminum*); *ibid.* 55: о возможности передать имущество, которым один обладает как фирмариий, а второй на ином основании (*istæ duæ possessiones sese compatiuntur in una re, quod unus habeat liberum tenementum et alius terminum*); *ibid.* 92: о возможности двух владений в отношении одной вещи, поскольку различны правовые основания обладателей (*quia sese compatiuntur terminus et feoffamentum de eadem terra, quia ibi sunt diversa iura*).

¹⁴² Надо помнить о том, что XII—XIII вв. в Англии и Европе в целом это эпоха т. н. «великих» расчисток. Не стоит удивляться тому, что приток рядовых земледельцев, в том числе и свободного статуса, мог быть значителен на нови и, как следствие, значителен удел таких рядовых арендаторов.

¹⁴³ D. 41.2.12.

¹⁴⁴ Bracton 3, 268.

¹⁴⁵ Bracton 2, 138: *Tamen donator causam suam possidendi ex tali donatione mutare non potuit.*

¹⁴⁶ *Ibid.* 2.104.

¹⁴⁷ *Kaser M.* Römisches Privatrecht. Bd. 1. S. 381.

¹⁴⁸ D. 41.2.3.19; *Повицкий И. Б.* Римское право. М., 1993. С. 80—81; Bracton 2, 104: *Dum tamen interveniat solemnitas in ipsa mutatione, ne contingat donationem deficere pro defectu probationis.*

¹⁴⁹ *Ibid.* 2, 137. *Woodbine G.* The Roman Element... P. 833. Исследователь отмечает, что, заимствуя нормы римского права, Брактоном перенимались их на свой лад.

¹⁵⁰ Bracton 3, 268: *...firmarius nihil habet nisi tantum usumfructum et proprietarius habet in dominico tenementum.*

¹⁵¹ *Ibid.* 3, 33, 26, 96, 79 и др.

¹⁵² Bracton 3, 124: *Item si nomine alieno sicut procurator, creditor vel firmarius vel servus, licet naturalem habeant possessionem et ciciantur, non eis competit assisa, sed domino proprietatis qui semper habet civilem et per tales sibi retinet naturalem. Et quia longe aliud est esse in seisina quam seiscitus, sicut longe aliud est esse in possessione quam possidere...*

¹⁵³ Впрочем, есть и иные примеры. См.: *Select Cases from Ecclesiastical Courts...* P. 11: *ad firmam tenendam per vigintis annos...* *Requisitus ... de conventionem ... dicit quod cirographum quoddam factum fuit inter eos.* Документ датируется ок. 1200 г.

¹⁵⁴ BNB N. 1244.

¹⁵⁵ Bracton 2, 135.

¹⁵⁶ *Cheney M.* Possessio/proprietatis in ecclesiastical courts in mid-twelfth-century England // *Law and Government in Medieval England and Normandy* / Ed. G. Garnett and J. Hudson. Cambridge, 1994. P. 245—254.

¹⁵⁷ *Савельев В. А.* Власть и собственность... С. 118.

¹⁵⁸ *Historia et cartularium monasterii Sancti Petri Gloucestria* / Ed. by W. H. Hart // RBS. 1863—1867. Vol. 1. P. 264 (1100—1135): *...juste et plene resaisyas ... sicut ipsi hoc dirationare poterint per suos legales testes quod pater tuus eas eis in elemosinam dedit.*

¹⁵⁹ *Sutherland D. W.* The Assize of Novel Disseisin. Oxford, 1973. P. 142.

¹⁶⁰ RCR 1, 7.

¹⁶¹ Bracton 2, 102: *si dominus proprietatis antequam tempus <feoffati. — A. K.> habeant et longam possessionem et pacificam taliter feoffatos eiecerit, numquam recuperabunt adversus eum quia seisinam non habent, neque tempus quod sufficere possit ad habendum liberum tenementum.* Еще более выразителен пример с тем же дарителем, из-за небрежения или терпения которого одаренные уже приобрели долгую сейзину: *Si autem per negligentiam vel patientiam domini proprietatis per tantum tempus extiterint in seisina quod sine brevi eici non possint...* В том, что *dominus proprietatis* названо лицо, обладавшее правом на имущество без фактического обладания таковым (как и в выше цитированном пассаже с той только разницей, что там сейзина не была долгой), не может быть никаких сомнений. Вспомним, что и римскому праву было известно выражение *dominium proprietatis*.

¹⁶² *Савельев В. А.* Власть и собственность. С. 118—119. См., также: *Филиппов И. С.* Средиземноморская Франция... С. 576. Впрочем, мнение об этом высказывалось еще раньше. См., например: *Дыдынский Ф. М.* Латинско-русский словарь к источникам римского права. Ст. *proprietas*; *Гарридо Мануэль Хесус Гарсиа.* Римское частное право: казусы, иски, институты. М., 2005. С. 307, примеч. 5. А вот И. Г. Виноградов, напротив, соглашаясь с Ф. Жойоном де Лонгтро, полагал, что сейзина это смешение владения и собственности (*Vinogradoff P.* Roman law... P. 95).

¹⁶³ Bracton 3, 324; RCR. Vol. 1. P. 84: *Ibi dirationavit eos esse villanos suos.* *Sutherland D. W.* The Assize of Novel Disseisin. P. 12.

¹⁶⁴ Bracton. 2, 321: *nihil commune habet possessio cum proprietate quoad pronuntiationem, licet quoad cognitionem.* Нам представляется, что Д. Сейн ошибся, когда обвинил Брактона в отождествлении *proprietatis* с высшим и абсолютным правом. Для Брактона вопрос о высшем праве имел смысл только в свете процесса. См.: *Seipp D. J.* The concept of property... P. 40.

Любопытно, что этот пассаж еще раньше встречался в труде канониста Дрогеды. См.: Bracton 2, 321 (англ. перевод), примеч. 7—9.

¹⁶⁵ Ibid. 2, 320: si duo implacitaverint unum, unus videlicet per recognitionem in causa possessionis, et alius per breve de recto in causa proprietatis, suspenditur placitum per breve de recto donec sciatur cui debeat possessio remanere...

¹⁶⁶ Ibid.: si possessio per recognitionem tenenti remanserit, tunc demum procedat placitum super recto inter eos.

¹⁶⁷ Ibid.: Sed cum prosecutio per breve de recto ita suspensa sit per recognitionem, petens per breve de recto semper apponet clamium suum, pro quocumque feratur sententia in causa possessionis.

¹⁶⁸ Bracton 3, 319.

¹⁶⁹ Bracton 3, 325: Numquam enim vertitur causa possessionis in causam proprietatis per narrationem ex parte petentis ut hic, nec e converso. Впрочем, в начале XIII в. мы нередко находим примеры того, как истцы требуют себе имущество предшественника как феода и право, но не всегда дело решается по ассизе (RCR. Vol. 1. P. 91, P. 93 и др.). Ответчик, например, мог предложить большую ассизу, в ходе которой решался вопрос о том, кто обладает лучшим правом (*maius jus*) (ibid. P. 49).

¹⁷⁰ Bracton 3, 325: Et vice versa breve de recto numquam vertitur per narrationem ad breve prædictum super possessione. In hoc enim proprietas et possessio nihil habent commune; 3, 211; 3, 311.

¹⁷¹ *Jotjon des Longrais F.* Op. cit. P. 187.

¹⁷² Bracton 4, 351.

¹⁷³ Ibid.: sic erunt ibi duo iura proprietatis per diversum descensum et diversas personas et gradus. Sed unus eorum maius ius proprietatis habebit propter prioritatem sicut frater antenatus et ipsius heredes...

¹⁷⁴ Так, по замечанию Г. Бруннера, «теперь восторжествовал порядок отсчета по германской системе, воспринятой каноническим правом. Согласно ему, родство между двумя людьми устанавливалось по числу рождений от общего предка» (*Brunner H.* Das anglo-normannische Erbfolgensystem. S. 12). Тот же вывод напрашивается при изучении материалов каролингской Франции, где в среде франкской знати строго соблюдалась норма канонического права, запрещающая брак между родственниками определенной степени родства (*Bouchard C. B.* Consanguinity and noble marriages in the tenth and eleventh centuries // *Speculum*. 1981. Vol. 56. N. 2. P. 268—287).

¹⁷⁵ BNB N. 1812, 1885, 1887.

¹⁷⁶ Ibid. N. 1731.

¹⁷⁷ Ibid. N. 291.

¹⁷⁸ EYC N. 650 (1145—1154), 676 (1100—1115), 721 (1190—1200) и др.

¹⁷⁹ О понятии *dominium* см.: *Willoweit D.* *Dominium* // *Lexicon des Mittelalters*. 10 Bände. 1980—1986. Bd. III. Col. 1223—1224.

¹⁸⁰ Niermeyer J. F. Op. cit. P. 353.

¹⁸¹ Demoulin-Auzary F. Dominium et proprietas dans le Décret de Gratien // Revue historique de droit français et étranger. 2005. N. 83. P. 647—657.

¹⁸² Ibid. P. 649—50; DB I, 164: Hoc manerium cepit W. comes in dominio et non fuit ad firmam... См. также: Lemard R. Rural England. P. 111.

¹⁸³ Demoulin-Auzary F. Dominium et proprietas... P. 651.

¹⁸⁴ Ibid. P. 654.

¹⁸⁵ Bracton 2, 46, сн. 1.

¹⁸⁶ Барг М. А. Исследования... С. 107.

¹⁸⁷ Вместе словá «dominium» и «nudum» встретились нам в источниках римского права только один раз у Гая, но там речь идет о nudum jus Quiritium (G. 1, 54).

¹⁸⁸ Ibid. 2, 92: non valet donatio ab eo facta qui nihil habuit in dominico nisi nudum dominium, scilicet homagium et servitium... На этом примере видно, что для Брактона dominicum и dominium не были словами-синонимами.

¹⁸⁹ Ibid. 2, 124.

¹⁹⁰ Glanville IX. 4: mortuo vero patre ... et herede relicto qui infra aetatem sit, nullum jus habet dominus feodi in custodia heredis ... nisi prius recepto homagio heredis. Например, женщины оммаж не приносили и оставались под опекой сеньора до замужества. Ibid.: Mulier vero heres sive plenam habuerit aetatem sive infra aetatem fuerit in custodia domini sui remanebit donec ... maritetur.

¹⁹¹ D. 41.2.10.1 (Ульиан); D. 41.2.9.

¹⁹² Bracton 2, 156. Ср.: D 41.2.1.11.

¹⁹³ Ibid. 3, 410: ... si quis fundum habuerit in manu sua ratione custodiae, in quo quia non habet nec ius proprietatis nec ius possessionis, nisi tantum nudum dominium cum possessione, si vastum fecerit facit vastum quasi in alieno.

¹⁹⁴ Савельев В. А. Власть и собственность... С. 121.

¹⁹⁵ Bracton 2, 122; Azo Summa... VII. 741. 6: Quia possessio quandoque habet plurimum juris ut in ea quam per servus in rebus peculiaribus habeo.

¹⁹⁶ Bracton 3.13

¹⁹⁷ Bracton 2, 127: Et sciendum quod transfert ad eum qui accipit quod est apud eum qui tradit, ut si quis in fundo dominium habuerit merum ius et proprietatem, feodum et liberum tenementum, et usumfructum, et totum tradendo statim totum transfert ad donatarium.

¹⁹⁸ Bracton 2, 127 (английский перевод): has dominium (the mere right and the property, the fee and the free tenement and the usufruct) in an estate... Как мы видим, С. Торн поставил скобки.

¹⁹⁹ Bracton 2, 195: Si ... ius proprietatis ad donatorem dominum capitalem revertatur ... seisia semper sequetur ipsum cum sit loco heredis, licet non sit heres: et cum eo remanebit hereditas ut eschæta, et extinguitur homagium et servitium, cum non sit heres qui petere possit vel qui petat.

²⁰⁰ Ibid. 92: *firmarius vero nihil sibi vindicare poterit nisi usumfructum...* Если только этот фирмарий сам не был землевладельцем и, таким образом, сближался с арендатором капиталистического типа, т. е. эксплуатирующим труд наемных же рабочих.

²⁰¹ D. 41.1.20: *traditio nihil amplius transferre debet vel potest ad eum qui accipit quam est apud eum qui tradidit.*

²⁰² Ibid. 2, 127: *poterit hæc omnia facere suo feoffato quoad dominium vel saltem quoad excambium, licet dominus rei non extiterit...* Sed statim non efficitur accipiens dominus nisi post seisinam longam et pacificam, quantum ad verum dominum.

²⁰³ Bracton 2, 318: Et sicut non debet sine brevi respondere, ita nec debet sine iudicio disseisiri...

²⁰⁴ Ibid. 127: Et si nihil aliud transferre poterit donator ad accipientem quam ipse habuit, ut si non nisi nudum usum, vel usumfructum...

²⁰⁵ Bracton 3, 162: Quia recte dicimus totum fundum nostrum esse etiam cum ususfructus alienus sit, quia non dominii pars est ususfructus, sed servitus fit ut via et iter.

²⁰⁶ Bracton 2, 39: Quædam vero nec sunt in patrimonio nec extra, sicut iura et servitutes, ususfructus, iter et actus, via et aquæ ductus et huiusmodi.

²⁰⁷ Ibid. 320. Раздел так и озаглавлен: Quod prius agendum est super possessione quam super proprietate...

²⁰⁸ D. 48.6.5.1.

²⁰⁹ Пи глоссаторы, ни постглоссаторы так и не провели четких различий между *dominium* и *jus in re aliena* (*Feenstra R. Dominium and jus in re aliena: The origins of a Civil law distinction // Legal Scholarship and Doctrines of Private Law. 13th—18th Centuries. Variorum. Aldershot. 1996. III. P. 112*).

²¹⁰ Bracton 2, 127.

²¹¹ С. 2.3.20. Дж. Вудбайн, приводя этот нассаж, оставляет его без комментариев (*Woodbine G. The Roman Element... P. 842*).

²¹² Если С. Торн прав, дав отсылку только к самому «Кодексу», не упоминая Авеню, то именно Бракton соединил в одном месте *dominium*, владение и традицию: Bracton P. 121. not. 3 (английский перевод). См.: Gueterbock C. Bracton and His Relation to the Roman Law. P. 114.

²¹³ Bracton 2, 156—158. Бракton прямо говорит о том, что лицу, которое приобрело имущество от мнимого господина, а также в отношении любого третьего лица, которое не имеет никаких прав, — длительное владение обеспечивает *liberum tenementum*, но также право и «начинает владеть» (*incipit possidere*). Наконец, Бракton, совершенно уж в духе своего времени, говорит о том, что длительное владение, подобно матери, рождает право владения (*parit jus possidendi*).

²¹⁴ Можно полагать, что этот срок равнялся четырем дням, несколько именно столько давалось потерпевшему, чтобы созвать друзей и родственников и вернуть себе имущество, изгнав захватчика. По истечении

же этого срока, захватчик считался обладающим *liberum tenementum* и должен был отвечать только по королевскому приказу.

²¹⁵ Bracton 2, 121: *Sed quoniam possessio sive seisinam multiplex est...*

²¹⁶ Latham R. E. Op. cit. P. 430.

²¹⁷ Close rolls of the reign of Henry III. 1234—1237 // Close Rolls / Public Record Office. 14 Vols. Vol. 3. London, 1908. P. 9, 26, 63 etc.

²¹⁸ См., например: Goody J. & Watt I. Konsequenzen der Literarität // Entstehung und Folgen der Schriftkultur / Hrsg. J. Goody and I. Watt. Frankfurt am Main, 1986. S. 66.

²¹⁹ Филиппов И. С. Средиземноморская Франция... С. 610.

²²⁰ The Cartulary of Worcester Cathedral priory / Ed. by R. R. Darling-ton // PRS. Vol. 76. New Ser. Vol. 38. 1968. N. 253 (1138—1148): G[ilbertus] comes de Peinbroc (sc. Pembroke) R. archidiacono de Sancto David salutem... Mando itaque et precor sine omni dilatione plenariam inde eis saisitionem faciatis et in pace tenere faciatis et pro meo amore eos manu teneatis.

²²¹ Madox T. Formulare Anglicanum. N. 301.

²²² Ibid. N 328.

²²³ Grant by Cenred to abbot Bectun // English Historical Documents 500—1042. Charters and Laws / Ed. by D. Whitelock. London, 1979. N. 53; Diplomatarium anglicum aevi Saxonici / Ed. by S. Thorpe. London, 1865. P. 340: (...) pro ampliore firmitate ... posuit cartulam supra altare S. Petri et episcopi pro fide Dei acceperunt; Chronicon monasterii de Abingdon. Vol. I. P. 11—12.

²²⁴ Можно привести еще ряд примеров подобного словоупотребления. BNB N 35 (1219): *Postea ... venit idem Johannes sicut filius et heres praedicti Roberti primogeniti fratris sui et optulit ... homagium suum et Comes cepit homagium et ei reddidit plenariam seisinam; Historia et cartularium monasterii Sancti Petri Gloucestria... Vol. I. P. 235: Ego vero ... feci plenam seysinam eidem ecclesiae.*

²²⁵ Basset Charters 1120—1250 / Ed. by W. T. Reedy. London, 1995. N. 252 (1238).

²²⁶ В первом случае речь идет о таком способе приобретения имущества, как «окончательное соглашение» (*finalis concordia*), который противопоставляют обычной процедуре *livery of seisin*. См.: Joshua W. *Seisin of the Freehold*. London, 1878. P. 106—110.

²²⁷ Basset Charters... N. 253 (1239).

²²⁸ Early Charters of the Cathedral Church of St. Paul (London) / Ed. by M. Gibbs. Camden Society. London, 1939. N. 114: *...ita quod nullus pro me aliquo tempore ... aliquod juris possit sibi vindicare contra ipsos...*

²²⁹ Bracton 3, 347; 348; 375 etc.

²³⁰ Ibid. 2, 124: *et etiam <plenariam fecerit seisinam donatori> cum donator corpore et animo recesserit a possessione ... sine aliqua spe et animo revertendi ut dominus...*

²³¹ Ibid 121: numquam erit perfecta donatio antequam donatarius plenam habuerit possessionem, sive scisinam ... quia traditionibus et usucapionibus possessiones et rerum dominia transferuntur.

²³² Гнищевич К. В. О юридической природе традиции // Закон. 2008. № 10. С. 189—199; Тузов Д. О. О традиции как вещном договоре в российском гражданском праве // Вестник ВАС РФ. № 3. 2007. С. 54—80, По мнению Ф. К. фон Савиньи, одного волеизъявления недостаточно без реального обретения владения вещью.

²³³ Bracton 2, 123: Si autem facta fuerit donatio ab aliquo qui ius habet et proprietatem feodum et liberum tenementum et scisinam, cum donatarius animo retinendi ingressus fuerit, et donator a possessione recesserit cum familia sine animo vel spe revertendi, statim et sine mora erit donatio firma, et adquiritur liberum tenementum accipienti ex quo concurrunt sine alicuius praeiudicio ius et scisina.

²³⁴ Такое разделение было обычным еще в XII в. (Lennard R. Rural England. P. 111, 171—173 и passim).

Глава 5

¹ Еще в законах Каролингов можно встретить устойчивую формулу cum scutis et fustibus в случае судебного поединка (cum fustibus pugnent, fustibus percusserit, fustibus cedi iusserit etc.), которая однозначно указывает, что fustis понимали именно как оружие или орудие наказания.

² Schreier K. Legitimation, Repräsentation, Schriftlichkeit. Gedankliche Begründungen und symbolische Formen mittelalterlicher Abtsherrschaft // Political Thought and the Realities of Power in the Middle Ages / Canning, Otto G. Oexle. Göttingen, 1998. S. 89. Обстоятельно символ baculus рассматривается в: Pandwörterbuch zur deutschen Rechtsgeschichte / Hrsg. von Adalbert Erler und Ekkehard Kaufmann. Mitbegr. von Wolfgang Stammer. 5 Bände. 1971—1998. См. статью Stab.

³ Le Cartulaire de prieuré de Notre-Dame de Longpont de l'ordre de Cluny au diocèse de Paris. Lyon, 1879 (1880). N. 81 (1100).

⁴ Recueil des Actes de Henry II... N. 268. P. 409.

⁵ Ibid P. 410.

⁶ Madox T. Formulare Anglicanum. N. 100.

⁷ Шапаро П. Ю. Предметы-символы и письменный документ в удостоверении правовых актов в Пуату и Сентонже XI—XII вв.: символы универсальные и условные // СВ. Вып. 75 (3—4). 2014. С. 197—203.

⁸ Там же. С. 203—212.

⁹ О том, что речь идет именно об аллоде, прямо сказано в другой грамоте. См.: Recueil des Actes des ducs de Normandie. N. 156: Trado autem ... ipsum alodum perpetualiter ad possidendum, ex concessione Adame

de Sancto Briccio vassali mei qui eam (в одной из рукописей eum) prius tenuit.

¹⁰ В пассаже у Дудона Сен-Каптенского (ок. 960—1026) в такую значительную сумму оценивается золотая рукоятка герцогского меча (*Dudo St. Quentin. De moribus et actis primorum Normanniae ducum* // *Patrologia cursus completus. Seria latina* / Ed. J. Migne. 1853. Т. 141. Lib. II. Col. 643: *Regnum quod mihi ultro dedisti, per hunc mucronem 12 libras auri capulo habentem, reddo tibi*).

¹¹ Поцелуй ног вообще был характерен именно для обряда мольбы, а не установления вассальных отношений: *Kozioł G. Begging Pardon...* P. 202.

¹² Паномним хрестоматийный анекдот, когда Карл Простоватый потребовал поцеловать носок своей ноги при получении Роллоном владений в Нормандии в знак его подчинения как вассала французского короля. Как известно, отряженный для этого норманн просто поднял ногу короля так, что тот унал. Очевидно, этот жест рассматривался как знак особого почитания и преклонения, но и знак унижения, несовместимый с достоинством предводителя норманнов. Об этом см.: *Altheis H. Lehnrecht und Staatsgewalt. Untersuchungen zur mittelalterliche Verfassungsgeschichte*. Darmstadt, 1958. S. 324—332; *Кулаева С. Б.* Символические жесты зависимости в оформлении средневекового оммажа // *Одиссей. Человек в истории*. Слово и образ в средневековой культуре. М., 2002. С. 151—169; *Bauduin P. Autour d'un rituel discuté: le baisement du pied de Charles le Simple au moment du traité de Saint-Clair-sur-Epte* // *Des châteaux et des sources: Archéologie et histoire dans la Normandie médiévale. Mélanges en l'honneur d'Anne-Marie Flambard Héricher. Textes réunis par E. Lalou, B. Lepeuple et J.-L. Roch*. Rouen et Pavre, 2008. P. 43, 46. В целом вопрос о связи оммажа и поцелуя ноги еще нельзя признать окончательно решенным.

¹³ О значении слов «beneficium» и «societas»: *Niermeyer J. Op. cit.* P. 91—96, 975.

¹⁴ *Tabuteau E. Z. Transfers of Property in Eleventh-century Norman Law*. P. 339. Document 604, fol. 28 v: ... abbas per baculum suum ... dedit ... Johanni ac Herberto fratri ejus totum beneficium et societatem ... Ipsi ... eundem baculum insimul manibus tenentes dederunt Sancto Martino et abbati manu predictum baculum propria accipienti decimam de Fontanis, ita ut Johannes qui eam tunc temporis tenebat daret, ac Herbertus frater ejus predictum cum eo tenens baculum concederet.

¹⁵ *Le Cartulaire de prieuré de Notre-Dame de Longpont...* N. 97. Вопрос о согласии родственников стал предметом специального исследования. См.: *White S. D. Custom, Kinship and Gifts to Saints. The Laudatio Parentum in Western France 1050—1150*. Chapell Hill and London, 1988. Но замечанию С. Уайта, ник документов, содержащих такого рода согласие, приходится как раз на 1050—1150 гг.

- ¹⁶ О значениях слова «camerarius»: *Niermeyer J.* Op. cit. P. 120.
- ¹⁷ *Haskins Ch. H.* Norman Institutions. New York, 1960. Appendix E. P. 292.
- ¹⁸ В другом издании документа это выделение отсутствует. См.: *Vernier J. J.* Charters de l'abbaye de Jumieges. Rouen; Paris, 1916. T. 1—2. T. 1. N. 38.
- ¹⁹ *Cartulatum Abbathiae de Whiteby.* Vol. 1. N. 282 (1150—1170): *Reginaldus autem Puer vendidit Ecclesiae praefatae de Wytby totum jus quod habuit in praefata terra et reliquit michi ad opus illorum et ego reddidi eis et saisivi per idem lignum per quod et recepi illud.*
- ²⁰ *Gallia christiana in provincias ecclesiasticas distributa.* T. 11. De provincia Rotomagensi. 1759. Ecclesiae Sagiensis. Col. 155—156.
- ²¹ Фраза «ex jure dotali» может иметь и значение «по праву приданого», но, в любом случае, это указание надо трактовать так, что Лесделина обладала всей полнотой прав на это имущество, так как в момент его отчуждения была уже вдовой.
- ²² *Tabuteau E. Z.* Transfers of Property... P. 122.
- ²³ Речь идет о монастыре Сен-Иппер-сюр-Див, основанном ок. 1046—1047 гг. См.: *Répertoire topo-bibliographique des abbayes et prieurés* par Dom. P.-L. Cottineau. Mâcon, 1935—1936. T. II. Col. 2851—2852.
- ²⁴ Можно называть такие аббатства, как св. Троицы в Фекане, восставленное Ричардом I (942—996), св. Троицы и св. Этьена в Кане, аббатство Потр-Дам в Монтебуре, основанные Вильгельмом II, будущим Завоевателем.
- ²⁵ *Stenton F. M.* Type of Manorial Structure in the Northern Danelaw. Oxford, 1910. P. 49; *Dalton P.* Conquest, Anarchy and Lordship. P. 44.
- ²⁶ *Cartularium Monasterii de Rameseia* Vol. 1. P. 139; *Chronica monasterii de Melsa...* Vol. 1. P. 165.
- ²⁷ *Cartulatum Abbathiae de Whiteby.* Vol. 1. N. 282.
- ²⁸ *English Lawsuits...* N. 533 (1182).
- ²⁹ *Cartularium Monasterii de Rameseia.* Vol. 1—3 / Ed. by W. H. Part and P. A. Lyons // RBS. 1884—1886. Vol. 1. P. 139; *Cartularium abbathiae de Whiteby.* Vol. 2. N. 426: *prius seisivi Priorem per unum baculum in Hilderwelle coram multis testibus*; *ibid.* Vol. 2. 1881. N. 422: *per eundem baculum per quem pater meus Walterum, ejusdem loci priorem, de eadem terra saisiverat praedictas bovatas et toftum*; *English Lawsuits...* N. 533 (1182): *et saisinam hujus terre fecit Rotbertus filius Jinguini Walerano de Cirkelade per baculum quendam*; BNB N. 1838 и др.
- ³⁰ Примеры подобного рода редки, но они есть. См., например: *Materials for the History of Thomas Becket* / Ed. J. C. Robertson. 7 Vols. Vol. 3. P. 296: *medio fusto flagellat*. См. также: *Квеннел Ч., Квеннел М.* Повседневная жизнь в Англии во время англосаксов, викингов и норманнов. СПб., 2002. С. 184.

³¹ *Chronica monasterii de Melsa...* Vol. 1. P. 165. Возможно, Мора — это современное поселение Бармби Мур (Barmby Moor) в восточном ридинге Йоркшира.

³² *Cartularium abbatiae de Whiteby...* Vol. 1. N. 214: Sciatis me meumque heredem nomine Geffridum concedente mea uxore cunctisque meis filiis, dedisse pro nostrorum amicorum salvatione, unam carucatam terrae in Buteruic liberam et immunem ab omni servitio excepto danegeldo in perpetuum S. Petro et S. Pyldae de Witeby et hujus doni sunt testes filii mei.

³³ По всей видимости, речь идет о родственнике Пигеля Фоссарда, который возвысился при Генрихе I до держателя первой руки из незначительных землевладельцев. В пользу такой трактовки говорит и то обстоятельство, что Пигель Фоссард держал владения в Йоркшире, где и находилось аббатство Уитби. См.: *Newman Ch. The Anglo-Norman Nobility in the Reign of Henry I*. P. 117.

³⁴ *Cartularium abbatiae de Whiteby...* Vol. 1. N. 251.

³⁵ По наблюдению М. Тангела, наложка могла быть длиной 15 см и толщиной всего 2.5 см: *Tangel M. Urkunde und Symbol // Festschrift Peinrich Brunner zum 70 Geburtstag*. Weimar, 1910. S. 767.

³⁶ *Cartularium abbatiae de Whiteby...* Vol. 1. N. 282: Sex bovatas terrae in Thorp et quator mansuras in Eboraco. Reginaldus autem Poer vendidit Ecclesiae praefatae de Wyty totum jus quod habuit et reliquit michi ad opus illorum et ego reddidi eis et saisivi per idem lignum per quod et recepi illud. См. также: *Dalton P. Conquest, Anarchy and Lordship*. P. 268.

³⁷ *Charters of the Honour of Mowbray 1107—1191* / Ed. by D. E. Greenway. London, 1972. Introduction. Он был сыном Пигеля д'Обицы (ум. 1129) и племянником 1-го эрла Арундета (Сассекса) Вильгельма, но матери же восходил к фамилии графов де Вареннов соратников Вильгельма Завоевателя.

³⁸ *Cartularium Monasterii de Ramesiae*. Vol. 1. P. 139.

³⁹ Отметим, что этот документ перекликается с грамотой из Фрейзинга, когда акт *absacire* в равной мере относился к аллоду клирика Хадуберта, так и к бенефициям, полученным от снискона: *Stenton F. Norman London: Social life in Early England* / Ed. by G. Barraclough. London, 1960. P. 188—190. *Pustingum* — специальный суд города Лондона, собиравшийся каждый понедельник и решавший вопросы коммерции и земельных сделок.

⁴⁰ Слово *toftum* имеет значения «участок для постройки, участок, прилегающий к дому» и «усадьба». См.: *Niermeyer J. F. Op. cit.* P. 1031; *Сойер П. Эпоха викингов*. СПб., 2002. С. 230.

⁴¹ *Cartularium abbatiae de Whiteby...* Vol. 1. N. 93.

⁴² Имя Осберн (Осборн) — вариант скандинавского Асбьорн, что значит «огромный медведь».

⁴³ П. Далтон отмечает, что даже если в ряде случаев лорды и подтверждали права, которые их держатели отчуждали, то это не свидетель-

стствует об ограниченности нрав тех, кто отчуждал. В целом он критически оценивает англо-нормандское общество Северной Англии XII в. как общество «сенъориальное»: *Dalton P. Conquest, Anarchy and Lordship...* P. 258—268.

⁴⁴ *Cartulatum abbatiae de Whiteby...* Vol. 2. N. 422.

⁴⁵ Отметим, что в юридической теории XIII в. Брактоны для описания полноты передачи нрав использовали специальное выражение «*plenaria saisina*»: Bracton 2, 124.

⁴⁶ *English Lawsuits...* N. 272 (1113—1127): *Videns R quod nullo modo posset hec disserere ... dominum R abbatem per vicinos requisivit eique ad ultimum terram de Sibestuna per baculum Odonis Revelli, qui in thesauro ecclesiae reservatur, apud Newetune in grancia reddens homo ejus efficitur eique fidelitatem juravit ... et omnes calumpnias quibus eum impetiverat ... quietas clamavit...*

⁴⁷ *Keats-Rohan K. S. B. Domesday Descendants. A Prosopography of Persons Occurring in English Documents 1066—1166: II Pipe Rolls to Carta Baronum.* P. 34.

⁴⁸ *Bigelow M. M. The History of Procedure in England...* P. 327—330. Примеры отказа от нрав с использованием названного символа можно умножить. См., например: *The Cartulary of St. John of Pontefract.* Vol. 2 / Ed. R. Polmes // *Yorkshire Archaeological Society. Record Series.* 1902. Vol. 30. N. 327: *pratum de Ledeshama quod ipse et sui calumpniati sunt, liberum et quietum ... per baculum super altare sancti Petri reddidit in perpetuum...*; EYC. Vol. 1. N. 281: *totum jus et clamium quod dicebam me habere in terram ... quam videlicet petebam de eis per breve domini regis, per fustum et baculum ... resignasse et pro me et heredibus meis tactis sacrosanctis in perpetuum abjurasse...*; *ibid.* Vol. 3. N. 1526: *per fustum et bastonem reddidit predicto abbati et monachis totum jus et clamum...* В таких случаях, скорее всего, наплку уместно соотносить с оружием судебного поединка.

⁴⁹ *Cartularium monasterii de Rameseia.* Vol. 1. P. 138.

⁵⁰ *Chronicon monasterii de Abingdon.* Vol. II. P. 123.

⁵¹ *English Lawsuits...* N. 533 (1182).

⁵² *Cartularium abbatiae de Whiteby...* Vol. 2. N. 426.

⁵³ Хлевов А. А. Предшественники викингов. СПб., 2002. С. 109.

⁵⁴ *Стрингольи А. М. Походы викингов.* М., 2002. С. 345 и особенно 356.

⁵⁵ *Кардини Ф. Истоки средневекового рыцарства.* М., 1987. С. 107.

Правильнее сказать — полнонравным.

⁵⁶ Этот материал был проанализирован в работе: *Ауров О. В. Рядом с каролингским миром: германский аллод в VIII—X вв. // Карл Великий. Реалии и мифы / Под ред. А. А. Сванидзе.* М., 2001. С. 106—124 и особенно 107—108.

⁵⁷ *Lex Thuringorum / Ed. K. F. de Richthofen // MGII. Legum sectio. Leges nationum germanarum.* T. V. Pannover, 1875—1889. Cap. 34.

⁵⁸ Hist. Franc. VII, 33: Post hec rex Gutramnus data in manu regis Childeberti hasta, ait: Hoc ist indicium, quod tibi omne regnum meum tradidi.

⁵⁹ Ewig E. Die Merowinger und das Frankenreich. P. 82.

⁶⁰ *Je Гофф Ж.* Символический ритуал вассалитета. С. 230—231.

⁶¹ Thorpe B. [ed.]. Diplomatarium Anglicum aevi Saxonici. King Aelfred's will. P. 491: My grandfather had bequeathed his lands to the spear-side not to the spindle-side (англ. Min yldra faeder haefde gecweden his land on þa spere healfc naes on þa spinl healfc).

⁶² Die Gesetze. Bd. II. S. 652.

⁶³ Закс В. А. Некоторые особенности языка и логики областного права средневековой Порвегии // СВ. Вып. 52. 1989. С. 163. Отметим, что именно так (warentak) назывались отдельные административные округа в области «Датского права» Англии.

⁶⁴ Taranger A. The meaning of the words Ôdal and skeyting in the old laws of Norway // Essays in Legal History / Ed. by P. Vinogradoff. Oxford, 1913. Vol. 1—2. Vol. 1. P. 167—168.

⁶⁵ Закс В. А. Некоторые особенности... С. 164.

⁶⁶ Anglo-Saxon Charters. N. 35 и Cartularium Saxonicum... N. 1106 (963): Ic Ælfric cyþe minan leofan hlaforde ic ðn Æþelsige ... þæt landes ... to habbanne ... 7 æfter his dæge to syllanne þæm þe him leofast seo 7 þæt sio on þa spere hand... (т. е. «Я Эльфрик, даю знать любимому глафорду, <что> я даю Этельсигу <с тем, чтобы он> обладал землей ... и после своей смерти ввел во владение того, кто ему будет угоден, и он будет из наследников мужского пола» (букв.: со стороны коня)).

⁶⁷ Гуревич А. Я. Категории средневековой культуры // Гуревич А. Я. Избр. труды. Т. 1—2. М., 1999. С. 142.

⁶⁸ Michelsen A. L. J. Über die *festuca notata* und die germanische Traditionssymbolik. Jena, 1856. S. 10: manibus assistentium extenso emptoris pallio, in quod terrae modicum venditor conjiciebat, cum solemnibus alienandi formula... Adhibebant preterea et baculum, quem duodecim firmatores (festa) tangere debebant.

⁶⁹ Ibid. S. 10.

⁷⁰ Фоменкова А. В. Педвижимая собственность в западных гетских землях (согласно старшей редакции Вестгёталага) // СВ. Вып. 61. 2000. С. 56.

⁷¹ Grimm J. Deutsche Rechtsalterthümer. S. 134.

⁷² Gai Institutiones. Lib. IV. Cap. 16. P. 457: Festuca autem utebantur quasi hastae loco, signo quodam justi domini quod maxime sua esse credebant quae ex hostibus cepissent... Впрочем, Гай, очевидно, пересмысливал древнюю практику, корни которой были для него неясны (Gai Institutiones or Institutes of Roman Law by Gaius / 4th edn. revised and enlarged by A. Whit-tuck. Oxford: Edinburgh: New York, 1904. P. 438). Комментатор указывает, что применение festuca в виндикационном процессе могло служить сим-

волом оружия, применявшегося в судебных поединках — «древнейший способ доказать свое право», а не как символ власти или захвата виндицируемой вещи. Л. Л. Кофанов отмечает, что об этом месте у Гая написано немало и тоже отсылает к практике ордалий, судебного поединка, предшествовавшего виндикационному процессу. Соглашаясь с приведенными выше наблюдениями, отметим, что конь как оружие и символ прав на захваченную вещь было символом более древним, нежели символ судебного поединка (Кофанов Л. Л. Виндикация в римском публичном праве // Древнее право. IVS ANTIQVVM. — 2008. — № 2 (22). С. 45 и примеч. 28). Тот же Л. Л. Кофанов, со ссылкой на Дионисия Галикарнассского, отмечает, что римляне считали «собственность, приобретенную по праву войны, наиболее честной и справедливой, а также охраняемой не человеческим, но божественным законом».

⁷³ Forcellini Lexicon totius latinitatis. Vol 1—4. Vol. 2. P. 639: (...) quia inito mos fuit, ut praeda bello parta quum vendebatur hasta posita exponeretur ad illud ipsum scilicet denotandum quod bellica praeda esset...

⁷⁴ Bracton. 2, 125.

⁷⁵ Pollock & Maitland. Op. cit. Vol. II. P. 83, примеч. 4.

⁷⁶ Joswig D. Op. cit. S. 2 ff. Но и, отметим, римских, поскольку такое оставление имущества действительно означало полную утрату владения. См.: Савельев В. А. Владение в римском классическом праве и современное законодательство. С. 91. Т. п. принцип непрерывности, который был сформулирован самими римскими юристами: «Если кто-либо передает владение с тем намерением, чтобы оно потом к нему вернулось, он перестает владеть», — писал Ульпиан. Ему вторил Папиниан: «Прерванное владение не восстанавливается в силу права возвращения». Заметим только, что Брактон прямо предписывает дарителю отказаться от владения, а в другом месте полагает, что долгая и мирная сейзина уже достаточное основание для предоставления защиты в суде новому приобретателю.

⁷⁷ Истоки символа baculus могли быть весьма различны (Borchling C. Rechtssymbolik im germanischen und römischen Recht. Darmstadt, 1965).

⁷⁸ Thomas H. M. The significance and fate of the native English landholders of 1086 // EHR. 2003. Vol. 116. N. 477. P. 303—334.

⁷⁹ Strickland M. War and Chivalry. Cambridge, 1996. P. 14.

⁸⁰ В статьях «Investitura», «Gladius» и «Spatha» словаря III. Дю Канжа собраны десять примеров, где представлен меч-символ; значительная часть этих примеров заимствована из нормандских и английских источников. Можно указать еще на три примера в английских нарративных источниках и в сборниках королевских и частных грамот. Наконец, четыре примера использования меча в качестве символа, содержащиеся в английских источниках, основательно разобрал в своей работе М. Кленчи.

⁸¹ Boulton D. A. J. D. Classic knighthood as nobiliary dignity: the knighting of counts and king's sons in England 1066—1272 // *Medieval Knighthood*. Woodbridge. Vol. 5. 1995. P. 52—53. Автор подчеркивает, что после 1100 г. все чаще можно видеть на печатях конного воина с конем, но, что вполне понятно, это были все те же, кого в свое время преносяли и мечом (*Ibid.* P. 52). Любопытно и то, что первые примеры возведения в рыцарское звание людей невысокого социального статуса, которое сопровождалось все тем же преносянием мечом, дошли до нас из Иерусалима (1101) и Нормандии (1128).

⁸² *Annales Bertiniani* / Ed. G. Waitz. // *Scriptores Rerum Germanicarum in usum scholarum* // MGH. Hannoverae, 1883. P. 106.

⁸³ Так понимает этот насаж издатель Дудона Ж. Лэр, в то время как Д. Дуглас считает, что речь идет о короле Альфреде. См.: *Buisson L. Formen normannischer Staatsbildung (9 bis 11 Jahrhundert)* // *Lebendiges Mittelalter. Aufsätze zur Geschichte des Kirchenrechts und der Normannen*. Köln: Wien, 1988. S. 301; *Douglas D. C. Rollo of Normandy* // *ELHR*. Vol. 57. N 228. 1942. P. 417—436. Л. Буйсон также считает, что речь идет о Гутруме-Этельстане, но отмечает, что возникают некоторые хронологические трудности, однако сам Л. Буйсон не задается вопросом о достоверности этих сведений.

⁸⁴ *Dudo St. Quentin. De moribus et actis primorum Normanniae ducum* / Ed. J. Lair. Caen, 1865. P. 160.

⁸⁵ См.: *J. Le Patourel. The Norman succession 996—1135* // *ELHR*. Vol. 86. N. 339. 1971. P. 232; *Ramsey J. H. The Angevin Empire*. London, 1903. P. 263 ff; так, в частности, будущий король Англии Ричард Львиное Сердце отправился после смерти отца в Нормандию, где «был торжественно возведен в герцогское достоинство и принял герцогский меч в присутствии архиепископа Готье и нормандских епископов, графов и баронов» (*Перну Р. Ричард Львиное Сердце*. М., 2000. С. 72).

⁸⁶ *Dudo De moribus...* P. 197; *Kamp H. Die Macht der Zeichen und Gesten. Öffentliches Verhalten bei Dudo von Saint-Quentin* // *Formen und Fiktionen öffentlicher Kommunikation im Mittelalter* / Hrsg. Gerd Althoff. Stuttgart, 2001. S. 132—133.

⁸⁷ *Du Cange*. T. 4. P. 74 ff.

⁸⁸ *Ibid.* P. 75. В очередной раз стоит обратить внимание на глагол *tenebat* в значении «обладал».

⁸⁹ *Chronica Rogeri de Hovedene* / Ed. W. Stubbs. 4 vols. // *RBS*. Vol. 51. 1868—1869. Vol. 4. P. 90: *Eadem die coronationis Johannis rex accinxit Wilhelmum Mariscalum gladio comitatus de Striguil (et aliquos) ... qui licet antea vocati essent comites et administrationem suorum comitatum habuissent tamen non errant accincti gladio comitatus*; *Du Cange*. T. 4. P. 75: *Qui (Hugo Dunelmensis) a Rege Gladio Comitatus accinctus, nomen sibi Comitis usurpavit; Quo etiam anno Nonis Februar Hubertus, Angliae justiciarius, gladio accinctus est a rege comitatus Cantiae*.

⁹⁰ *Boulton D. A. J. D. Classic knighthood as nobiliary dignity...* P. 64.

⁹¹ The Cartae Antiquae. Rolls 1—10 / Ed. by L. Landon // PRS. Vol. 55 (New Ser. Vol. 27). London, 1939. N. 56. P. 31.

⁹² Впрочем, существовало предание, что некогда Альфред нрениосал ремнем и «саксонским» мечом Этельстана, будущего короля Уэссекса (Stenton F. M. Anglo-Saxon England... P. 339).

⁹³ Earldom of Gloucester Charters. The Charters and Scribes of the Earls and Countesses of Gloucester to A. D. 1217 / Ed. by R. B. Patterson. Oxford, 1973. P. VI.

⁹⁴ Clanchy M. T. From Memory to Written Record. Cambridge (Mass.), 1979. P. 24.

⁹⁵ Ibid. P. 27.

⁹⁶ Фальшон (фальчион) — широкий однолезвийный меч, тесак. Пыне хранится в сокровищнице Даремского кафедрального собора. Его длина 890 мм, вес 1300 г.

⁹⁷ Clanchy M. T. From Memory... P. 26.

⁹⁸ Ibid. P. 25.

⁹⁹ Оба лица уномануты в королевских грамотах. Дар Гуго монастырю св. Освальда в 1121 г. подтверждает король Генрих I (1100—1135). См.: Regesta regum Anglo-Normannorum 1066—1154. Vol. 2. Regesta Henrici Primi 1100—1135 / Ed. by Ch. Johnson et P. A. Cronne. N. 1272. Второму все тот же Генрих I преднисывает в 1111 г. вернуть все земли епископу Даремскому Рацульфу, которые Роберт у него отобрал (Ibid. N. 993). Падло налагать, что Роберт чувствовал себя достаточно уверенно, если решил тягаться с самим епископом.

¹⁰⁰ Как гипотеза, эта мысль была высказана и Э. фон Кюнссбергом, но он сам отнесся к ней скептически (Künssberg E. von. Messerbräuche: Studien zur Rechtsgeschichte und Volkskunde. Peidelberg, 1941. S. 36).

¹⁰¹ Roger de Wendover. Flores historiarum. Vol. 1—3 / Ed. П. G. Hewlett // RBS. Vol. 84. Vol. 2. P. 165; Великая хартия вольностей (1215) // Памятники... § 37. См. также: Select cases from ecclesiastical courts... P. 276. Хотя здесь речь идет о ноже, которого лицо было лишено, но опять же нож поставлен в один ряд с мечом, луком, стрелами (Robertus procurator ... depredatus et spoliatus enee, arcu, sagittis cum cultello...).

¹⁰² Michelsen A. L. J. Über die **festuca nodata**... S. 6: Tradedit Gerulfus ministerialis domni imperatoris, qui profitebatur salica vivere lege, per cultellum, wantonem, et fistucum notatum seu ramum arboris, justa sua lege salica, in manus Petri.

¹⁰³ Künssberg E. von. Messerbräuche... S. 23—24: do fratribus ecclesiae beatae Mariae Carnotensis domum meam de Maladono quam spada mea acquisivit et spada mea garantizabo... Эта грамота никак не датирована.

¹⁰⁴ Ibid. S. 10.

¹⁰⁵ Мюссе Л. Варварские нашествия на Европу. Вторая волна. М., 2001. С. 257.

¹⁰⁶ Ellis H. Observations on some ancient methods of conveyance in England // *Archaeologia*. 1814. Vol. 17. P. 312.

¹⁰⁷ *Chronicon monasterii de Abingdon*. Vol. II. P. 19—20.

¹⁰⁸ *Regesta Regum Anglo-Normannorum 1066—1100* / Ed. by П. W. C. Davis. N. 378.

¹⁰⁹ *Madox Th. Formulare Anglicanum*. Introduction. P. XXIII.

¹¹⁰ Паи более подробно освещает эти события Вильгельм из Пуатье. См.: *William of Poitiers. The deeds of William Duke of the Normans and King of the English* // *English Historical Documents. 1042—1189* / Ed. by D. Douglas and G. W. Greenway. London, 1981. P. 231. См. также: *Willelmus Malmsberiensis monachi de gestis regum Anglorum*. Vol. 1. P. 279. § 228: ...atque, ut se magis commendaret, ultro illi tunc quidem castellum Doroberniae quod ad jus suum pertineret, et post mortem Edwardi regnum Anglicum, sacramento firmavit. О достоверности этих сведений, впрочем, споры идут до сих пор. Обстоятельно этот вопрос освещается: *Уолкер Йен В. Гарольд...* Гл. 6. Он же отмечает большую роль Роберта Жюмьежского в создании мифа о клятве Гарольда, впрочем, скорее всего, имевшей место (Там же. С. 135).

¹¹¹ *Regesta regum Anglo-Normannorum 1066—1100*. Издатель, не сомневаясь, говорит об акте сейзины с применением ножа (*gave scisin*). Проведенные нами наблюдения не позволяют полностью согласиться с таким толкованием акта, поскольку глагольные формы *saisire*, *saisiare* ни разу не упомянуты в рассмотренных нами актах передачи имущества посредством ножа для столь раннего периода. См.: *Bigelow M. Placita Anglo-Normannica...* P. 69—70.

¹¹² Отметим, правда, что последний издатель грамот Вильгельма Завоевателя, проф. Д. Бейтс, не включил этот пример, оговорившись при этом, что по новоду его достоверности до сих пор ведутся споры. См.: *Regesta Regum Anglo-Normannorum. The acts of William I*. P. XVI.

¹¹³ Бенедиктинское аббатство *St-Catherine du Mont*. Первоначально называлось *Trinité-du-Mont*. Основано Госцелином, виконтом Арка, монастырская церковь освящена в 1030 г. См.: *Dom Cottineau. L. H. Répertoire topographique et bibliographique des Abbayes et Prieurés. Mâcon, 1939*. Vol. 2. Col. 2544—2545.

¹¹⁴ *Regesta...* Vol. 2. N. 29: *Paec donatio facta est per unum cultellum quem praefatus rex joculariter dans abbati quasi eius palmae minatur infligere "ita" inquit "terra donari debet"*.

¹¹⁵ Словарь Ш. Дю Канжа дает синоним *sarcophagus*: *Du Cange*. Op. cit. T. 4. P. 104.

¹¹⁶ *Regesta...* Vol. 2. N. 378: *Hoc denique sciunt omnes quod rex per cultellum eburneum quod in manu tenuit et abbati porrexit hoc donum peregit apud curiam ... qui quidem cultellus jacet in feretro Sancti Rumoni*.

¹¹⁷ *The Charters of the Anglo-Norman Earls of Chester 1071—1237* / Ed. by G. Barraclough. Cambridge, 1988. N. 2. P. 2.

¹¹⁸ Chronicon monasterii de Abingdon. Vol. II. P. 19—20.

¹¹⁹ Feudal Documents from the Abbey of Bury St. Edmunds / Ed. by Douglas D. C. London, 1932. P. 155. N. 173: ...quia hoc donum propria manu presente comitissa cum cultello meo super altare s. Aedmundi posui.

¹²⁰ Ellis H. Op. cit. P. 314.

¹²¹ Отметим, что именно такой объем земельного держания М. Барг признал минимальным для того, чтобы отнести держателя к числу феодалов. Очевидно, что реально он владел более значительным земельным держанием (Барг М. А. Исследования ... С. 45).

¹²² Historia et cartularium monasterii S. Petri Gloucestria. Vol. 2. N. 581. P. 97: Quietantia de una hyda in Omenel. Notum sit omnibus praesentibus et futuris quod Galfridus nepos Moysi dimisit Deo et Sancto Petro calumniam quam clamabat in hyda de Omenel et super altare Sancti Petri liberam et quietam per cultellum posuit, et promisit eam de omnibus hominibus quietam facere, pro anima sua et parentum suorum per cultellum.

¹²³ Гуревич А. Я. Древние германцы... Т. I. С. 69, примеч. 21.

¹²⁴ Historia et cartularium monasterii S. Petri Gloucestria N. 705. P. 166. Vidimus atque quod domina mea Matilda regina Robertum ad altare S. P. conduxit ubi ipse astante regina pluribusque aliis per cultellum super altare donationem illam confirmavit.

¹²⁵ Facsimiles of Royal and Others Charters in the British Museum / Ed. by G. F. Warner and P. J. Ellis. London, 1903. N 32: Ego Willelmus terram meam de Norham quam ex patrimonio meo susceperam pro anima mea per manum Henrici Wintoniensis episcopi in elemosinam dedi... Quam donationem in praesentia prioris et conventus ejusdem ecclesiae per hunc cultellum confirmavi.

¹²⁶ The Charters of the Anglo-Norman Earls of Chester 1071—1237. N. 8: ego itaque comes Ricardus ... dedi ... terram ... prius per unam spicam frumenti, deinde per unum cultellum super altare S. Werburge et molendinium de Bach et tres mansuras quietas ab omni re.

¹²⁷ См.: Cartularium abbatiae de Whiteby. Vol. 2. N. 426. P. 381: Sciatis me dedisse concedente filio meo Willelmo ... unam dimidiam carucatam cum tofto in Hilderwelle... Deo et S. Petro et fratribus de Whiteby in elemosinam et de illa terra prius seisavi Priorem per unum baculum in Hilderwelle coram multis testibus et post ego et filius meus Willelmus optulimus illam terram per unum cultellum super altare S. Petri in Whiteby.

¹²⁸ Madox T. Formulare Anglicanum. N. 300. P. 241: Badero de Momuta et uxor sua ... salutem. Vestris notum facio me cum uxore mei concessisse in perpetuam elemosinam decimam quam praetor redditurus est de villa de Momuta. Donatio vero facta est super altare per unum cultellum.

¹²⁹ Мы в очередной раз сталкиваемся с представителем англо-нормандской знати, так как действующее лицо, Бодеро фитц Вильям (ок. 1100—1176), был сыном барона Вильяма фитц Бодеро (1066/68—после

1138) и породнился с родом де Клэрв, графами Пемброка. См.: *Newman Ch. The Anglo-Norman Nobility*. P. 119.

¹³⁰ *Madox Th. Formulare Anglicanum*. Introduction. P. XXIII.

¹³¹ *Loyn H. R. The Norman Conquest*. P. 122 ff.

¹³² Дюби Ж. Средние века. С. 71.

¹³³ *Cartularium abbathiae de Whiteby*. Vol. 1. N. 235. P. 191: Ego Alanus Buscel dedi Ecclesiae S. Petri de Wytby in perpetuum ecclesiam de Potona et quicquid ad eam pertinent ... per unum cultellum et confirmavi coram multis hominibus, qui hujus doni testes sunt.

¹³⁴ Asiamenta (aisiamenta) — общее название для вещей, необходимых для повседневного использования (инвентарь, продукты и т. н.). См.: *Du Cange. Glossarium...* T. I. P. 421—422 (asiamenta — commoditates, necessaria variis vitae usibus).

¹³⁵ *Regesta...* Vol. 2. N. 1809.

¹³⁶ *Ibid.* N. 1645.

¹³⁷ *Cartularium monasterii de Rameseia*. Vol. 1. P. 256: (...) dedit Plubertus de Sancta ... Deo et s. Benedicto, in capitulo coram Reginaldo abbate ... unam hidam de terra de dominico suo in manerio suo, quod Neuham appellatur, quietam et absolutam ab omni servitio et consuetudine et placito et omnibus, quae ad eum pertinebant. Ita ut ab omnibus servitiis queta esset et libera, praeter communem geldum Regis, pro remedio animae meae et parentum et per unum cultellum donationem suam super altare posuit.

¹³⁸ *Chronicon monasterii de Abingdon*. Vol. II. P. 189: ego Ricardus Basset concessi in elemosynam hidas de Chedels quas avus meus et pater meus dederunt liberas et absolutas ab omni servitio militari et confirmavi in capitulo ... et super altare signo cultelli propriis manibus posui.

¹³⁹ См.: Busset // *Dictionary of National Biographies*. Vol. 1. P. 1295—1296, 1305—1306; *Hudson J. Land, Law and Lordship* ... P. 196.

¹⁴⁰ *CRR*. Vol. VII. 1935. P. 38—39.

¹⁴¹ *English Lawsuits...* N. 323.

¹⁴² *English Episcopal Acta*. Vol. 11. Exeter. 1046—1184 / Ed. by F. Barlow. Exeter, 1996. N. 82.

¹⁴³ *Michelsen A. L. J. Über die «festuca notata»...* S. 6: Ofersit et tradavit Plungeer avitator civitatis Mediolani germano quondam Pernesti per festugo nodatum, et mota de terra, seo per cortello pitzio fracto, atque per manecia.

¹⁴⁴ *Du Cange*. T. 4. P. 412 (Ann. 1079): Ilorum omnium donum et auctoramentum manu sua posuit super altare dominicum per cultellum in hujus rei memoriam plicatum.

¹⁴⁵ *Ibid.* P. 413: Ut hoc donum Savaricus vicecomes monachis Burgulii concederet ... Et propter hoc Savaricus plicavit illi quondam cultellum, dando in signum concessionis.

¹⁴⁶ М. Кленчи дает перевод слова «secretario» как «архив» (archive). См.: *Clanchy M. From Memory to Written Record...* P. 206.

¹⁴⁷ *Ellis H.* Op. cit. P. 317: Thomas de Multon omnibus hominibus Francis et Anglis ... ecclesiam de Westona cum omnibus pertinentibus suis Deo fratribus ... in perpetuum elemosinam dedisse ... Postea ... optuli cultellum, qui super eodem altare plicatus, in secretario reposuit, est in hujus rei testimonium observandum.

¹⁴⁸ *Clanchy M. T.* From Memory to Written Record... P. 24.

¹⁴⁹ *Ibid.* P. 207. М. Кленчи высказывает предположение, что нож принадлежал именно Стефану, который он передал стюарду, как своему представителю. «Нож, — пишет М. Кленчи, — был подходящим предметом для стюарда (*dapifer*), поскольку он этим ножом резал <нищу> за столом господина, и нож мог служить главным доказательством того, что стюард действительно представляет своего хозяина». Как мы видим, сам М. Кленчи весьма осторожен в трактовке символа *cultellus*.

¹⁵⁰ *Willelmus Mahmsberiensis.* De gestis regum Anglorum. Vol. 1. Lib. II. § 14. P. 167—168 (в сносках): Eadgarus Anglorum rex filius Aedmundi regis ad monasterium Sancti Dei genitricis Mariae in Glestingebiri frequenter adveniens ... plura admodumque magnifica privilegia contulit ... haec privilegia ipsi loco conferre disposuit, lituum proprium ebore decentissime formatum super altare ... posuit ... eundemque lituum mox in sui presentia fecit secari in medium, ne cum cuiquam dare vel vendere posset quilibet, abbatum sequentium, praecipiens partem illius servari in loco ad jam dictae donationis testimonium.

¹⁵¹ *Select Civil Pleas.* Vol. I // PSS. Vol. 3. London, 1890. P. 7: *Johannus* medietatem villae de Normaton et medietatem villae de Eton eam (uxor) inde dotavit et per quondam cultellum fractum, quod ipsa ostendit, ad hostium ecclesiae ei saisinam fecit.

¹⁵² *Du Cange.* T. 4. P. 412: Quia dos data donationem propter nuptias habere meretur ... coram nobis sua propria et libera voluntate per cultellum flectum secundum morem magnatum, comitum et baronum ... regni hujus viventium ... jure francorum.

¹⁵³ *Künssberg E. von.* Op. cit. S. 27—28: ...constitutio dotarii fiebat per gladiolum plicatum in modum putatorii dicit *Esernitan* in l. Regni gladium plicatum est signum, quod vir tam etsi fortis et constans, tamen declinatur ad donandum uxori, et nihil aliud dicit.

¹⁵⁴ *Glanvill VI.* 3: Sciendum autem quod mulier nihil potest disponere circa dotem suam tempore vitae mariti sui.

¹⁵⁵ *English Lawsuits...* N. 311 (1146).

¹⁵⁶ *Ellis H.* Op. cit. P. 312.

¹⁵⁷ *Bartlett R.* England under the Norman and Angevin Kings. Oxford, 2000. P. 121.

¹⁵⁸ *Стрингольм А. М.* Походы викингов. С. 345.

¹⁵⁹ *Дюби Ж.* Средние века... С. 68.

Заключение

¹ *Филитов И. С.* Aprisiones в Лангедокс при Каролингах // Проблемы истории античности и средних веков. М., 1980. С. 80—94; *Ауров О. В.* Город и рыцарство феодальной Кастилии... С. 227—240.

² *Sheehan M. M.* The Will in Medieval England. Toronto, 1963. P. 83.

³ *Seipp D. J.* The concept of property... P. 31.

БИБЛИОГРАФИЯ

Источники

Неопубликованные

1. Западноевропейская секция Паучно-исторического архива СПбИИ РАН. Колл. 18. «Англия и Шотландия. Документы и письма». Карг. 381. № 3—4. Карг. 383. № 1.

Опубликованные

2. Английская деревня в XIII—XIV вв. // Всеобщая история в материалах и документах / Составл. Н. А. Косминским и Д. М. Петрушевским. М., 1935.
3. Вещные права на землю. В избранных фрагментах из Дигест Юстиниана / Отв. ред. Л. Л. Кофанов. М., 2006.
4. Гражданский кодекс Российской Федерации. Ч. 1—4. 1994—2006.
5. Законодательство Английской революции / Сост. П. П. Дмитриевский. М.; Л., 1946.
6. Комментарий к Конституции Российской Федерации / Под ред. Г. Д. Садовникова. Изд. 3-е испр. и дополн. М., 2008.
7. Памятники истории Англии XI—XIII вв. / Пер. и вступ. ст. Д. М. Петрушевского. М., 1936.
8. Саксонское зеркало. Памятник, комментарии, исследования / Под ред. В. М. Корецкого. М., 1985.
9. Трактат о законах и обычаях королевства Англии, который называется Глэввилевским / Под ред. С. Ю. Хатунова. Ставрополь, 2002.
10. Actes des comtes de Namur de la première race 946—1196 / Éd. par Felix Rousseau. Bruxelles, 1936.
11. Ancient charters royal and private prior to A. D. 1200 / Ed. by J. P. Round // PRS. 1888. Vol. 10.

12. Anglo-Saxon Charters / Ed. by A. J. Robertson. Cambridge, 1939.
13. The Anglo-Saxon Chronicle, the Chronicle of Florence of Worcester with Two Continuations and Appendix // The Church Historians of England. Pre-Reformation Series / Ed. J. Stevenson. London, 1853. Vol. II. Pt. 1—2.
14. The Anglo-Saxon Chronicle According Several Original Authorities // Chronicles and Memorials of Great Britain and Ireland during the Middle Ages / Ed. B. Thorpe. London, 1861. Vol. 1—2.
15. Annales Bertiniani // Scriptores Rerum Germanicarum in usum scholarum ex Monumentis Germaniae historicis / Recensuit G. Waitz. Hannover, 1883.
16. Azo Portius Summa super codice et institutis. Venetiis. 1584.
17. Basset Charters 1120—1250 / Ed. by W. T. Reedy // PPS. London, 1995.
18. *Beaumanoir Ph. de* / Les coutumes du Beauvoisis / Ed. par A.-A. Beugnot. Paris, 1842.
19. *Bracton H. de*. De legibus et consuetudinibus Angliae / Ed. by George E. Woodbine, trans. with revision and notes by Samuel E. Thorne. Cambridge (Mass.), 1968—1977. 4 vols.
20. Bracton's Note Book / Ed. by F. W. Maitland. Cambridge, 1887. 3 vols.
21. Capitularia regum Francorum / Ed. Alfredus Borethius // MGII. Legum sectio. T. II. Hannover, 1883.
22. Cartulaire de l'abbaye de Notre-Dame des Vaux-de-Cerney / Ed. par L. Merlet et A. Moutié. T. 1—3. Paris, 1857—1858.
23. Cartulaire de chapitre de l'église cathédrale Notre-Dame de Nîmes (834—1156) / Éd. par E. Germer-Durand. Nîmes, 1874.
24. Cartularium abbatiae de Whiteby / Ed. by J. C. Atkinson. Vol. 1 // Surtees Society. 1878. Vol. 69.
25. Cartularium abbatiae de Whiteby / Ed. by J. C. Atkinson. Vol. 2 // Surtees Society. 1881. Vol. 72.
26. Cartularium Monasterii de Ramescia / Ed. by W. II. Hart and P. A. Lyons // RBS. 1884—1886. 3 vols.
27. Cartularium Saxonium: A Collection of Charters Relating to Anglo-Saxon History / Ed. by W. de G. Birch. London, 1885—1893. 4 vols.
28. Chartes de l'abbaye de Jumieges / Éd. par J. J. Vernier. Rouen; Paris, 1916. T. I—II.
29. Chartes de l'abbaye de Saint-Julien de Tours / Éd. par L.-J. Denis // Archives historiques du Maine. Mans, 1912. T. XII.
30. Charters of the Honour of Mowbray 1107—1191 / Ed. by D. E. Greenway. London, 1972.
31. Chartes originales antérieures à 1121 conservées en France / Cédric Giraud, Jean-Baptiste Renault et Benoît-Michel Tock, eds. Nancy: Centre de médiévistique Jean Schneider; eds électronique: Orléans: Institut de recherche et d'histoire des textes, 2010.
32. Chronica monasterii de Melsa a fundatione usque ad annum 1396 auctore Thoma de Burton abbate / Ed. E. A. Bond // RBS. 1866—1868. 3 vols.

33. *Chronica Rogeri de Povedene* / Ed. W. Stubbs // RBS. Vol. LI. 1868—1869. 4 vols.
34. *Chronicon monasterii de Abingdon* / Ed. by J. Stevenson // RBS. 1858. 2 vols.
35. *Chronicon Sancti Clementis Mettense* / Ed. W. Weitz // MGII. SS. 1879. T. XXIV.
36. *Close Rolls of the Reign of Henry III* / Public Record Office. London, 1902—1938. 14 vols.
37. *Codex diplomaticus Langobardiae* / Ed. G. Porro Lambertenghi // *Historia patriae monumenta*. 1873. T. XIII.
38. *Coke Ed. sir. The First Part of the Institutes of the Laws of England* / Ed. F. Hargrave and Ch. Butler. London, 1794. 3 vols.
39. *Corpus iuris civilis* / Rec. Th. Mommsen, P. Krueger, R. Schöll. Berlioni, 1954. Vol. 1—3.
40. *Coutumiers de Normandie: textes critiques*. T. 1—2 / Publ. E.-J. Tardif. Rouen; Paris, 1881—1903.
41. *Coutumier d'Artois* / Publ. par Ad. Tardif. Paris, 1883.
42. *Coutumes générales d'Artois avec des notes* / Éd. par Adrien Maillart. Paris, 1704.
43. *Curia Regis Rolls* / Ed. by D. M. Stanton. London, 1922— Vol. I, VII.
44. *Der Sachsenspiegel. Der Sachsenspiegel in Bildern. Aus der Heidelberger Bilderhandschrift ausgewählt und erläutert von Walter Koschorreck*. Frankfurt am Main, 1976.
45. *Die Gesetze der Angelsachsen* / Hrsg. von F. Liebermann. Halle: Niemeyer, 1898—1903, 1906, 1912. 3 Bände.
46. *Diplomatarium anglicum aevi Saxonici* / Ed. by B. Thorpe. London, 1865.
47. *Domesday Book seu Liber censualis Willelmi Primi* / Ed. by A. Farley and H. Ellis. 1783—1816. 4 vols.
48. *Dudo St. Quentin. De moribus et actis primorum Normanniae ducum* / Ed. J. Lair. Caen, 1865.
49. *Dudo St. Quentin. De moribus et actis primorum Normanniae ducum* // *Patrologia cursus completus. Seria latina* // Ed. J. Migne. 1853. T. 141.
50. *Eadmeri historia novorum in Anglia et opuscula duo de vita Sancti Anselmi et quibusdam miraculis eius* / Ed. M. Rule // RBS. Vol. 81. London, 1884.
51. *Earldom of Gloucester Charters. The Charters and Scribes of the Earls and Countesses of Gloucester to A. D. 1217* / Ed. by R. B. Patterson. Oxford: Clarendon Press. 1973.
52. *Early Charters of the Cathedral Church of St. Paul. L.* / Ed. by M. Gibbs. Camden Society. London, 1939.
53. *Early Yorkshire Charters* / Ed. W. Farrer. Edinburgh, 1914—1916. Vol. 1—3.
54. *Edictus ceteraeque langobardorum leges* / Ed. F. Bluhme // MGII. *Fontes juris germanici antiqui in usum scholarum*. Hannoverae, 1869.

55. English Borough Charters. 1042—1216 / Ed. Ad. Ballard. Cambridge, 1913.
56. English episcopal acta. Vol. II. Exeter. 1046—1184 / Ed. by F. Barlow. Exeter, 1996.
57. English Historical Documents 500—1042 / Ed. by D. Whitelock. London: Eyre & Spottiswoode, 1979.
58. English Historical Documents. 1042—1189 / Ed. by D. Douglas and H. Greenway. London: Eyre & Spottiswoode, 1981.
59. English Historical Documents. 1189—1327 / Ed. by Rothwell T. London, 1975. Vol. 3.
60. English Lawsuits from William I to Richard I / Ed. by van Caenegem R. C. // PSS. 1990. Vol. 106. 1991. Vol. 107.
61. Facsimiles of Royal and Other Charters in the British Museum / Ed. by G. F. Warner and H. J. Ellis. London, 1903.
62. Feudal Documents from the Abbey of Bury St. Edmunds / Ed. by D. C. Douglas. London: Oxford University Press, 1932.
63. *FitzNeale R. De necessariis observantiis scaccarii dialogus*, commonly called *Dialogus de scaccario* / Ed. Crump Ch. G. Oxford, 1902.
64. *Flodoardi Historia Remensis ecclesiae* / Ed. G. H. Pertz // MGH. SS. T. XIII. 1881. P. 405—599.
65. *Formulae Merovingici et Karolini aevi* / Ed. K. Zeumer // MGH. Legum sectio. T. V. Hannover, 1886.
66. *Gai Institutionum Comentariorum* // *Fontes juris Romani antequam Justinianum* / Ed. J. Furlani. Florentia, 1964.
67. *Gallia christiana in provincias ecclesiasticas distributa*. 1715—1865.
68. *Gilberti Chronicon Pannoniense* / Ed. W. Arndt // MGH. SS. T. XXI. 1869.
69. *Glanville R. de. A Treatise on Laws and Customs of England* / Trans. of Glanville by J. Beales. Washington, 1900.
70. *Glanvill R. de. De legibus et consuetudinibus regni Angliae* / Ed. by G. Woodbine. Yale; New Haven, 1932.
71. *Gregorii Turonensis Historia francorum* / Ed. B. Krosch et W. Levison // MGH. Scriptores rerum Merovingicarum. Hannover, 1987.
72. *Guillaume de Jumièges. Histoire de Normands* / Ed. et trad. M. Guizot // *Collections des Mémoires relatifs à l'histoire de France*. Paris, 1826.
73. *Historia et cartularium monasterii Sancti Petri Gloucestria* / Ed. by W. H. Hart // RBS. 1863—1867. 3 vols.
74. *I diplomi di Berengario I* / Ed. L. Schiaparelli // *Fonti per la storia d'Italia*. Roma, 1903.
75. *I diplomi di Ugo e di Lotario, di Berengario II e di Adalberto* / Ed. L. Schiaparelli // *Fonti per la storia d'Italia*. Roma, 1924.
76. *Le Cartulaire de l'abbaye bénédictine de Saint-Pierre-de-Préaux (1034—1227)* / Publ. par D. Rouet. Paris, 2005.
77. *Le Cartulaire de prieuré de Notre-Dame de Longpont de l'ordre de Cluny au diocèse de Paris* / Éd. par J. Marion. Lyon, 1879 (1880).

78. Le grand coutumier de France / Ed. par J. d'Ableigue. Nouv. éd. par Éd. Laboulaye, R. Dereste. 1868.
79. Les plus anciennes chartes en langue française // Publ. L. C. Barré. Paris, 1964. T. 1—2.
80. Lex Baiuvariorum // Legum sectio // MGH. Hannoverae, 1863.
81. Lex Thuringorum / Ed. K. F. de Richthofen // MGH. Legum sectio. Leges nationum germanarum. T. V. Hannover, 1875—1889.
82. Liber Eliensis / Ed. D. J. Stewart. London, 1948.
83. Liber monasterii de Hyda: comprising a chronicle of the affairs of England, from the settlement of the Saxons to the reign of king Cnut: and a Charterulary of the abbey of Hyde, in Hampshire. A. D. 455—1023. Vol. I—III / Ed. by E. Edwards // RBS. 1866.
84. Liber Vitae: Register and Martyrology of New Minster and Hyde Abbey, Winchester / Ed. by Walter de Gray Birch // Hampshire Record Society. London, 1892.
85. Materials for the History of Thomas Becket / Ed. J. C. Robertson. 7 vols. London, 1875—1885.
86. Monumenta historica Britannica or Materials for the History of Britain, from the Earliest Period / Ed. by H. Petrie assisted by J. Sharpe. London, 1848.
87. Northumberland Pleas from the Curia Regis and Assize Rolls 1198—1272 / The Publication of the Newcastle upon Tyne Records Committee. 1921.
88. Orderici Vitalis Ecclesiasticae Historiae libri tredecim / Ed. par A. Le Prevost. Paris, 1838—1855. Vol. 1—5.
89. Patent Rolls of the Reign of Henry III Preserved in the Public Record Office. A. D. 1216—1225. London, 1901.
90. *Philippe de Beaumanoir*. Coutumes de Beauvoisis / Texte critique publié avec une introduction, un glossaire et une table analytique, par Am. Salmon. Paris, 1899. T. 1—2.
91. Placita M. M. (ed.). Anglo-Normannica: Law Cases from William I to Richard I Preserved in Historical Records. Boston, 1879.
92. Placitorum in domo capitulari Westmonasteriensi asservatorum abbreviatio. London, 1811.
93. Pleas before the King or His Justices. 1198—1212 / Ed. by D. M. Stenton // PSS. 1953—1967. 4 vols.
94. Reading Abbey Cartularies / Ed. by B. R. Kemp. 1987. 2 vols.
95. Recueil de jugements de l'échiquier de Normandie au XIIIe siècle (1207—1270) / Ed. L. Delisle. Paris, 1864.
96. Recueil des Actes de Henry II concernant les provinces Françaises et les affaires de France / Éd. par L. Delisle, E. Berger. Paris, 1909—1927. 4 vols.
97. Recueil des Actes des ducs de Normandie. 911—1066 / Éd. par M. Fauroux. Caen, 1961.

98. Recueil des chartes de l'Abbaye de Cluny / Publ. par Al. Bruel, A. Bernard. Paris. 1894. Vol. 1—6.
99. Regesta Regum Anglo-Normannorum 1066—1100. Regest Willelmi Conquestoris et Willelmi Rufi / Ed. by H. W. C. Davis. Oxford: Clarendon Press, 1913.
100. Regesta Henrici Primi 1100—1135 / Ed. by Ch. Johnson and H. A. Cronne. Oxford: Clarendon Press, 1956.
101. Regesta Regum Anglo-Normannorum. The Acta of William I (1066—1087) / Ed. by D. Bates. London: Clarendon Press, 1998.
102. Richeri Gesta Senoniensis ecclesiae / Ed. J. Heller // MGH. SS. 1880. T. XXV.
103. Rotuli Curiae Regis or the Court Held before the King's Justiciars of Justices / Ed. F. Palgrave. London, 1835. Vol. I—II.
104. Scheri Primordia Calmosiacensia / Ed. P. Jaffé // MGH. SS. 1856. T. XII.
105. Select Cases from Ecclesiastical Courts of the Province of Canterbury. 1200—1301 / Ed. N. Adams and Ch. Donahue, jr. // PSS. Vol. 95. 1981.
106. Select Charters and Other Illustrations of English Constitutional History / Ed. by W. Stubbs. Oxford: Clarendon Press. 9th edn. 1921.
107. Select Civil Pleas. Vol. I // PSS. Vol. III. London, 1890.
108. The Cartulary of Cirencester Abbey, Gloucestershire / Ed. C. D. Ross. London, 1964. Vol. 1—3.
109. The Cartae Antiquae. Rolls 1—10 / Ed. by L. Landon // Pipe Roll Society. Vol. LV. New Ser. Vol. XXVII. London, 1939.
110. The Cartulary of Cirencester Abbey, Gloucestershire / Ed. C. D. Ross. 1964. Vol. 1—3.
111. The Cartulary of Worcester Cathedral Priory / Ed. by R. R. Darlington // PPR. Vol. LXXVI. New Ser. Vol. XXXVIII. 1968.
112. The Charters of the Anglo-Norman Earls of Chester. 1071—1237 / Ed. G. Barraclough. Chester, 1988.
113. The Chronicle of Florence of Worcester with two continuations / Ed. T. Forester. London, 1854.
114. The Earliest Lincolshire Assize Rolls. A. D. 1202—1203 / Ed. by D. M. Stenton. Lincoln: Publications of Lincoln Record Society, 1926.
115. Early Yorkshire Charters / Ed. W. Farrer. Edinburgh, 1914—1916. Vol. 1—3.
116. The Earliest Northamptonshire Assize Rolls. AD. 1202—1203 / Ed. D. M. Stenton. London and Lincoln: The Publications of the Northamptonshire Record Society, 1930.
117. The Treaties on the Law and Customs of the Realm of England Commonly Called Glanvill / Ed. by G. D. G. Hall. London: Nelson, 1965.
118. Thesaurus Dipomaticus. Turnhout, Belgium: Brepols. 2006 (CID).
119. Westminster Abbey Charters, 1066—c. 1214 / Ed. E. Mason. London, 1988.

120. Willelmi Malmsberiensis monachi de gestis regum Anglorum / Ed. by W. Stubbs. // RBS. 1887—1889. Vol. 1—2.
121. William de Poitiers Gesta Willelmi ducis Normannorum et regis Anglorum // Scriptores Rerum Gestarum Willelmi Conquestoris / Ed. I. A. Giles. London, 1845.

Справочные издания

1. Бартошек М. Римское право. Понятия, термины, определения. М., 1989.
2. Бенвенист Э. Словарь индоевропейских социальных терминов / Под ред. Ю. С. Степанова и Н. П. Казацкого. М., 1995.
3. Вспомогательные исторические дисциплины / Под ред. Т. Н. Гусаровой, О. В. Дмитриевой, И. С. Филиппова. М., 1990.
4. Дыдынский Ф. Латинско-русский словарь к источникам римского права. Варшава, 1896.
5. Baxter J. H. and Johnson Ch. Medieval Latin Word-list from British and Irish Sources. London, 1950.
6. Dom Cottineau. L. II. Répertoire topo-bibliographique des Abbayes et Prieurés. Macon, 1939. T. 1—2.
7. Encyclopedia Londinensis, or Universal Dictionary of Art, Sciences and Literature / Ed. J. Wilkes. London, 1816. Vol. 1—22.
8. Du Cange Ch. Glossarium mædise et infimæ latinitatis / Ed. L. Farve. Noirt, 1883—1887. 10 vols.
9. Du Cange Ch. de. Glossarium mediæ et infimæ latinitatis. Unveränderter Nachdruck der Ausgabe von 1883—1887. Graz, 1954. 3 Bände.
10. Etymologisches Wörterbuch der lateinischen Sprache / Hrsg. A. Walde. Göttingen, 1936. 2 Bände.
11. Etymologisches Wörterbuch des Deutschen / Hrsg. W. Pfeifer u. a. Berlin, 1989. 3 Bände.
12. Forcellini Lexicon totius latinitatis. Bononiae, 1965. T. I—VI.
13. Gradenwitz O. Laterculi vocum Latinarum: voces Latinas et a fronte et a tergo ordinandas. Leipzig, 1904.
14. Grimm J. Deutsche Rechtsalterthümer. Göttingen, 1828. 2 Bände.
15. Jowitt's Dictionary of English Law / Ed. Earl Jowitt and Clifford Walsh. 2nd edn. J. Burke. London, 1977. Vol. 1—2.
16. Keats-Rohan K. S. B. Domesday Descendants. A Prosopography of Persons Occurring in English documents. 1066—1166. Vol. II. Pipe Rolls to Carta Barorum. Woodbridge, 2002.
17. Keats-Rohan K. S. B. Domesday People. A Prosopography of Persons Occurring in English Documents. 1066—1166. Domesday Book. Vol. I. Woodbridge, 1999.

18. Köbler G. Althochdeutsches Wörterbuch. 4. Aufl. 1993.
19. Latham R. E. Revised of Medieval Latin Word-list from British Sources. London: Oxford University Press, 1965.
20. Niermeyer J. F. Mediae Latinitatis lexicon minus. Leiden, 1976.
21. Picoche J. Dictionnaire étymologique du français. Paris, 1983.
22. Stolz P. Handbuch zur lateinischen Sprache des Mittelalters. München, 2000. Bd. 1—5.
23. Walde A. Lateinisches Etymologisches Wörterbuch. Heidelberg, 1910.
24. Wartburg W. von. Französisches etymologisches Wörterbuch. Leipzig, 1922—1967. Bd. 1—25.

Литература

1. Аведеева К. Д. Внутренняя колонизация и развитие феодализма в Англии. Л., 1977.
2. Аверкиева Ю. П. Индейцы Северной Америки. От доклассового общества к государству. М., 1974.
3. Аверкиева Ю. П. Разложение родовой общины и формирование раннеклассовых отпопечий в обществе индейцев северо-западного побережья Северной Америки. М., 1961.
4. Англосаксонская Англия и нормандское завоевание: Аналигический обзор / Метлицкая З. Ю.; Кол. авт. ИНИОН. М., 2008.
5. Ауров О. В. Город и рыцарство феодальной Кастилии: Сепульведа и Куэльяр в XIII—середице XIV века. М., 2012.
6. Ауров О. В. Понятие «hereditas» в IV—начале IX в.: сюжет из истории «вульгаризации» римского права // Вестник РГГУ. 2010. № 10. С. 231—247.
7. Ауров О. В. Рядом с каролингским миром: германский аллод в VIII—X вв. // Карл Великий. Реалии и мифы / Под ред. А. А. Свapidze. М.: ИВИ РАН, 2001.
8. Барг М. А. Исследования по истории английского феодализма XI—XIII вв. М.: Наука, 1962.
9. Беглашвили Ф. П. Формирование национальпой судебной системы в норманнский период Англии (1066—1166). Автореф. дис. к. ю. п. Ставрополь, 2000.
10. Берман Г. Дж. Западная традиция права: эпоха формирования. М.: 1998. 2-е изд.
11. Бессмертный Ю. Л. Феодальная деревня и рынок в Западной Европе XII—XIII веков. Но северофранцузским и западнопемецким материнам. М., 1969.
12. Биццлли П. М. Элементы средневековой культуры. СПб., 1995.
13. Блок М. Феодальное общество. М., 2003.

14. Бородачев А. С., Михайлова Н. В., Шингарева Н. В. Институт права собственности в России. Вторая половина XIX—первая четверть XX в. М., 2007.
15. Василевская Л. Ю. Учение о вещных сделках по германскому праву. М., 2004.
16. Васильев Л. С. Государство на традиционном Востоке // Государство в докапиталистических обществах Азии. М., 1987.
17. Васильев Л. С. Модернизация как исторический феномен (о генеральных закономерностях эволюции). М., 2011.
18. Вилков А. А. Представление о собственности на землю в феодальном российском крестьянстве // Собственность в представлении сельского населения России (середина XIX—XX вв.): регионально-исторический аспект. Ульяновск, 2001.
19. Винокурова М. В. Мир английского манора. М., 2004.
20. Вольфрам Х. Готы. СПб., 2003.
21. Вульф К. К генезису социального. Мимезис, перформативность, ритуал. СПб., 2009.
22. Гарридо М. Х. Г. Римское частное право: казусы, иски, институты. М., 2005.
23. Глебов А. Г. Англия в раннее Средневековье. Воронеж, 1998.
24. Глебов А. Г. Контигунитет и дисконтинуитет в англо-американской историографии Нормандского завоевания второй половины XX века // Петербургский исторический журнал. 2014. № 3.
25. Глебов А. Г. Основные проблемы истории Англии в раннее Средневековье в освещении отечественных исследователей // Исторические записки ВГУ. № 7. 2001.
26. Гнищевич К. В. О юридической природе традиции // Закон. 2008. № 10.
27. Горелов М. М. Датское и нормандское завоевания Англии в XI веке. СПб., 2007.
28. Горелов М. М. Нормандское завоевание Англии: от этнического конфликта к феодальным смутам // СВ. Вып. 62. 2001.
29. Гуревич А. Я. Английское крестьянство в X—начале XI в. // СВ. 1957. Вып IX. С. 69—131.
30. Гуревич А. Я. Древние германцы // Гуревич А. Я. Избранные труды. М.; СПб., 1999. Т. 1.
31. Гуревич А. Я. Категории средневековой культуры // Гуревич А. Я. Избранные труды. М.; СПб., 1999. Т. 2.
32. Гуревич А. Я. Начало феодализма в Европе // Гуревич А. Я. Избранные труды. М.; СПб., 1999. Т. 1.
33. Гуревич А. Я. Проблема земельной собственности в дофеодальных и раннефеодальных обществах Западной Европы // Вопросы истории. № 4. 1968.

34. Гуревич А. Я. Проблемы феодализма в Западной Европе. М., 1970.
35. Гутнова Е. В. Вилланство и общее право в XIII век // СВ. Вып. 49. 1986.
36. Гутнова Е. В. Возникновение английского парламента. М., 1960.
37. Гутнова Е. В. Общины сотеп и графств и их взаимоотношение с государством в Англии XIII—XV вв. // Общности и человек в средневековом мире. М.; Саратов, 1992.
38. Дождев Д. В. Основания защиты владения в римском праве. М., 1996.
39. Дождев Д. В. Римское частное право. М., 1999.
40. Дождев Д. В. Римское частное право. М., 2008.
41. Дуглас Д. Ч. Норманны: от завоеваний к достижениям. 1050—1100 гг. / Нод ред. А. А. Хлевова. СПб., 2003.
42. Дюби Ж. Европа в Средние века. Смоленск, 1994.
43. Дюби Ж. Средние века. История Франции: от Гуго Капета до Жаппы Д'Арк (987—1460). М., 2001.
44. Дюби Ж. Структура семьи в Средневековой Западной Европе // Материалы XIII Международного конгресса исторических наук. М., 1970.
45. Есаиян Э. С. Великая хартия вольностей и ее место в истории английского права. Автореф. дис. к. ю. п. Тбилиси, 1988.
46. Зайков А. В. Конструкция собственности в римском праве и проблема расщепленной собственности // Вестник гуманитарного университета. Серия «Нрав». Екатеринбург, 1999. № 1 (2).
47. Зайков А. В. «Собственность» и «владение»: попытка историко-филологической интерпретации одного популярного юридического парадокса // Вестник гуманитарного университета. Серия «Нрав». 1 (3). 2002.
48. Закс В. А. Некоторые особенности языка и логики областного права средневековой Норвегии // СВ. 1989. Вып. 52.
49. Золотарев А. Ю. Государство и суд в раннесредневековой Англии (VII—XI вв.). Дис. к. ист. п. Воронеж, 2005 (на правах рукописи).
50. Илюшечкин В. П. Теории стадийного развития общества. История и проблемы. М., 1996.
51. Каняшин Ю. П. Очерки по истории права в Средние века. Собственность. Алматы, 2000.
52. Кардини Ф. Истоки средневекового рыцарства. М., 1987.
53. Кобрин В. Б. Власть и собственность в средневековой России (XV—XVI вв.). М., 1985.
54. Коновалов А. В. Владение и владельческая защита в гражданском праве. СПб., 2002.
55. Косминский Е. А. Английское крестьянство в XIII в. К вопросу о свободном держании // СВ. Вып. 1. 1942.

56. Косминский Е. А. О некоторых характерных чертах английского феодализма // СВ. Вып. 17. 1960.
57. Кофанов Л. Л. Випдикация в римском нубличном праве // Древнее право. IVS ANTIQVVM. 2008. № 2 (22).
58. Кулаева С. Б. Символические жесты зависимости в оформлении средневекового оммажа // Одиссей. Человек в истории. Слово и образ в средневековой культуре. М., 2002. С. 151—169.
59. Лавровский В. М. Исследования по аграрной истории Англии XVII—XIX вв. М., 1966.
60. Лавровский В. М. Проблемы исследования земельной собственности в Англии XVII—XVIII вв. М., 1958.
61. Ле Гофф Ж. Символический ритуал вассалитета // Ле Гофф Ж. Другое Средневековье. Екатеринбург, 2002.
62. Ле Гофф Ж. Цивилизация средневекового Запада / Общ. ред. Ю. Л. Бессмертного; послесл. А. Я. Гуревича. М., 1992.
63. Лесницкий Я. А. Город и феодализм в Англии. М., 1987.
64. Литиц Е. Э. Нраво и суд в Византии IV—VIII вв. Л., 1976.
65. Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. 2-е изд. М., 1962.
66. Медведев С. Н. Проблемы римского владения // Северо-Кавказский юридический вестник. 2012. № 1.
67. Мильская Л. Т. Аллод в системе феодального землевладения // СВ. 1987. № 50.
68. Михайлов А. М. Судебная власть в правовой системе Англии. М., 2009.
69. Михалеvский Ф. П. Очерки истории денег и денежного обращения. Т. 1. Деньги в феодальном хозяйстве. Л., 1948.
70. Монтескье Ш. де. О духе законов. М., 1955.
71. Мосс М. Очерк о даре: форма и основания обмена в архаических обществах // Общество, обмен, личность. М., 1996.
72. Мюссе Л. Варварские пагательства на Еврону. Вторая волна. СПб., 2001.
73. Неусыхин А. П. Возникновение зависимого крестьянства как класса раннефеодального общества в Западной Европе VI—VIII вв. М., 1956.
74. Неусыхин А. П. Общественный строй древних германцев. М., 1929.
75. Новицкий П. Б. Римское право. М., 1993.
76. Перну Р. Ричард Львиное Сердце. М., 2000.
77. Петрушевский Д. М. Восстание Уота Тайлера. М., 1937.
78. Плахова А. В. Социальная символика, ее место и роль в духовной жизни общества. Дис. к. философ. п. Л., 1986 (на правах рукописи).
79. Покровский П. А. История римского права. М., 2002.
80. Полдников Д. Ю. Договорные теории глоссаторов. М., 2008.
81. Нраво собственности: актуальные проблемы / Отв. ред. В. Н. Литовкин, Е. А. Суханов, В. В. Чубаров. М., 2008.

82. *Пити-Дютайн Ш.* Феодальная монархия во Франции и в Англии X—XIII вв. 2-е изд. СПб., 2001. (1-е изд.: 1938 г.)
83. *Ретина Л. П.* Феодальные элиты и процесс этнической консолидации в средневековой Англии // Социальная идентичность средневекового человека / Отв. ред. А. А. Свапидзе, П. Ю. Уваров. М., 2007.
84. Римское частное право / Под ред. И. Б. Новицкого, И. С. Перетерского. М., 2010.
85. *Савело К. Ф.* Раннефеодальная Англия. Л.: ЛГУ, 1977.
86. *Савельев В. А.* Владение *solo animo* в римском классическом праве // Древнее право. 1999. № 2 (5)
87. *Савельев В. А.* Власть и собственность. Юридические аспекты собственности в праве классического периода // Древнее право. Вып. 1. 1996.
88. *Савинов Д. П., Велиев Э. Э., Ткаченко С. Н.* Понятие владения и собственности его защиты. М., 2004.
89. *Санфилиппо Ч.* Курс римского частного права. М., 2007.
90. *Свердлов М. Б.* Стаповление феодализма в славянских странах. СПб., 1997.
91. *Святовец О. А.* Генри Брактон и трактат «О законах и обычаях Англии» (из истории политической мысли в Англии XIII в.). Дис. на соискание уч. ст. к. и. п. СПб., 2000 (на правах рукописи).
92. *Серовайский Я. Д.* О попятии *terra salica* в Салической правде // СВ. 2002. Вып. 63.
93. *Сигов Н. П.* Феномен собственности. М., 1999.
94. Словарь нумизмата: Пер. с нем. / Х. Фенглер, Г. Гироу, В. Унгер. 2-е изд., перераб. и доп. М., 1993.
95. *Смирин В. М.* «*Nudum jus Quiritium*», «*dominium*» и «*proprietas*» в попятной системе римских юридических текстов // ВДИ. № 1. 1998.
96. Собственность в представлении сельского поселения России (середина XIX—XX вв.): регионально-исторический аспект. Ульяновск, 2001.
97. *Сойер П.* Эпоха викинглов. СПб., 2002.
98. *Стрингольм А. М.* Ноходы викинглов. М.: Изд. АСТ, 2002.
99. *Суханов Е. А.* Лекции о праве собственности. М., 1991.
100. *Томпсон Э. А.* Римляне и варвары. Падение Западной империи. СПб., 2003.
101. *Томсинов В. А.* К вопросу о роли римского права и юриспруденции в общественной жизни Западной Европы в XI—XIII вв. // Античная древность и Средние века. Проблемы идеологии и культуры / Под ред. М. Л. Ноляковского и др. Свердловск, 1987.
102. *Тузов О. Д.* О традиции как вещном договоре в российском гражданском праве // Вестник ВАС РФ. № 3. 2007.
103. *Удальцов А. Д.* Свободная деревня в Западной Нейстрии в эпоху Меровингов и Каролинглов. СПб., 1912.

104. Удалыцова З. В. Раздел земель между остготами и римлянами в Италии в конце V в. // СВ. Вып. VIII. 1956.
105. Ульянов Ю. Землевладение семьи Стопор // СВ. 1967. № 30.
106. Уолкер Ёен В. Г'арольд. Носледний король англосаксов. СПб.; М., 2014.
107. Филиппов И. С. Aprisiones в Лапгедоке при Каролингах // Проблемы истории аптичности и Средних веков. М., 1980.
108. Филиппов И. С. Средиземноморская Франция в раннее Средневековье. М., 2000.
109. Флори Ж. Идеология меча. СПб., 1999.
110. Фоменкова А. В. Недвижимая собственность в западных гетских землях (согласно старшей редакции Вестгеталага) // СВ. Вып. 61. М., 2000.
111. Хлевов А. А. Нредпештвенники википгов. СПб., 2002.
112. Ходячих С. С. Нормандская знать в Англии, 1066—1100 гг.: проблемы идептичности (по документальным и нормативным источникам). Дис. на соискание уч. ст. к. и. н. М., 2014 (на правах рукописи).
113. Черепнин Л. В. Основные этапы развития феодальной собственности на Руси (до XVII века) // Вопросы истории. 1953. № 4.
114. Шамаро П. Ю. Предметы-символы и письменный документ в удостоверении правовых актов в Нуату и Септопже XI—XII вв.: символы универсальные и условные // СВ. Вып. 75 (3—4).
115. Шатино А. Л. О природе феодальной собственности на землю // Вопросы истории. № 12. 1969.
116. Шишлонова Г. Б. Структура вотчин Г'ластопберийского монастыря // СВ. 1982. № 45.
117. Шкредов В. И. Метод исследования собственности в «Капитале» К. Маркса. М., 1973.
118. Юрганов А. Л. Категории русской средневековой культуры. М.; СПб., 2009.
119. Abels R. Lordship and Military Obligation in Anglo-Saxon England. Berkeley; Los Angeles, 1988.
120. Albrecht W. E. Die Gewere als Grundlage des älteren deutschen Sachenrechts. Königsberg, 1828.
121. Althoff G. Die Macht der Rituale. Darmstadt, 2003.
122. Anira K. von. Der Stab in der germanischen Rechtssymbolik // Abhandlungen der Königlich Bayerischen Akademie der Wissenschaften. Philosoph-philologische und historische Klasse. Bd. 25. 1. Abh. München, 1909.
123. Baker J. H. An Introduction to English Legal History. 4th edn. Bath, 2002.
124. Barlow F. William Rufus. New Haven; London, 2000.
125. Bartlett R. England under the Norman and Angevin Kings. 1075—1225. Oxford, 2000.

126. *Bates D.* Normandy before 1066. London; New York, 1982.
127. *Bates D.* The earliest Norman writs // *EHR*. 1985. Vol. 100. N. 395.
128. *Bates D.* The rise and fall of Normandy c. 911—1204 // *Normandy and England in the Middle Ages* / Eds D. Bates. A. Curry. London, 1994.
129. *Bauduin P.* Autour d'un rituel discuté: le baisement du pied de Charles le Simple au moment du traité de Saint-Clair-sur-Epte // *Des châteaux et des sources: Archéologie et histoire dans la Normandie médiévale. Mélanges en l'honneur d'Anne-Marie Flambard Héricher. Textes réunis par F. Lalou, B. Lepeuple et J.-L. Roch.* Rouen et Havre, 2008.
130. *Biancalana J.* For want of justice. The legal reforms of Henry II // *Columbia Law Review*. 1988. Vol. 88. N. 3.
131. *Biancalana J.* The writs of dower and chapter 49 of Westminster. I // *Cambridge Law Journal*. 1990. Vol. 49. N. 1.
132. *Bigelow M. M.* The History of Procedure in England from the Norman Conquest (1066—1204). Boston, 1880.
133. *Bordwell P.* Seisin and disseisin // *Harvard Law Review*. Vol. 34. N. 6. 1921.
134. *Boulton D. A. J. D.* Classic knighthood as Nobiliary Dignity: the knightng of counts and king's sons in England 1066—1272 // *Medieval knighthood* / Eds St. Church, R. Harvey. Woodbridge, Vol. V. 1995.
135. *Brunner H.* Das anglo-normannische Erbfolgensystem. Leipzig, 1869.
136. *Buckland W. W., McNair A. D.* Roman Law and Common Law. 2nd edn. Cambridge, 2008 (1st edn. 1965).
137. *Buisson L.* Formen normannischer Staatsbildung (9 bis. 11 Jahrhundert) // *Lebendiges Mittelalter. Aufsätze zur Geschichte des Kirchenrechts und der Normannen.* Köln; Wien, 1988.
138. *Caenegem van R. C.* Guide to the Sources of Medieval History. Amsterdam, 1979.
139. *Caenegem van R. C.* Royal writs in England from Norman Conquest to Glanvill: Studies in the early history of the Common law // *PSS*. Vol. LXXVII. London, 1959.
140. *Caenegem van R. C.* The Birth of English Common Law. 2nd edn. Cambridge, 1988.
141. *Canata C. A.* Possessio, possessor, possidere nelle fonti giuridiche del basso imperio romano. Milano, 1962.
142. *Carpenter A.* The second century of English feudalism // *P&Pr*. 2000. N. 168.
143. *Çelebi Ç. L.* Conquest, Colonization and Cultural Change in Eastern Suffolk, 1066—1166. Ankara, 2002.
144. *Champeaux E.* Essai sur la vestitura ou saisine et introduction des actions des possessoires dans l'ancien droit français. Paris, 1899.

145. *Chaplin H. W.* The story of mortgage law // *Harvard Law Review*. Vol. 4. N. 1. 1890. P. 1—14.
146. *Chauffour V.* La règle le mort saisit le vif expliquée par ses origines romanes et par le droit coutumier // *Revue de législation et de jurisprudence*. T. II. Paris, 1847.
147. *Cheney M.* Possessio/proprietas in ecclesiastical courts in mid-twelfth-century England // *Law and Government in Medieval England and Normandy* / Ed. G. Garnett and J. Hudson. Cambridge, 1994.
148. *Chibnall M.* Anglo-Norman England. 1066—1166. Oxford, 1986.
149. *Clanchy M. T.* England and Its Rulers. Worcester, 1983.
150. *Clanchy M. T.* From Memory to Written Record. England 1066—1307. London: Arnold, 1979.
151. *Coing H.* Zu Eigentumslehre des Bartolus // *ZSSR. Rom. Abt. Bd.* 70. 1953.
152. *Cooper F. T.* Word Formation in the Roman *sermo plebeius*. New York, 1895.
153. *Cunningham T.* A New and Complete Law-Dictionary, or General Abridgment of the Law. London, 1783. Vol. I—II. (New edn.: 2004).
154. *Dalton P.* Conquest, Anarchy and Lordship. Yorkshire 1066—1154. Cambridge, 1994.
155. *Daniell Ch.* From the Conquest to Magna Carta. England 1066—1215. London, 2003.
156. *Dauzat A.* Nouveau dictionnaire étymologique et historique. Paris, 1964.
157. *Demoulin-Auzary F.* Dominium et proprietas dans le Décret de Gratien // *Revue historique de droit français et étranger*. 2005. N. 83.
158. *Diez F.* Grammatik der Romanischen Sprache. Bonn, 1882. Vol. 1—2.
159. *Dodwell B.* East Anglia commendation // *EHR*. Vol. I.XIII. N. 248. 1948. P. 289—306.
160. *Douglas A. W.* Tenure in elemosinam. Origins and establishment in twelfth century England // *AJLH*. 1980. Vol. 24. N. 2.
161. *Douglas D. C.* Rollo of Normandy // *EHR*. Vol. I.VII. N. 228. 1942.
162. *Douglas D. C.* William the Conqueror, the Impact upon England. London, 1964.
163. *Dumas A.* Études sur le classement des formes des actes // *Moyen Âge*. Vol. 43. 1933.
164. *Ellis H.* Observations on some ancient methods of conveyance in England // *Archaeologia*. 1814. Vol. 17.
165. *Erb T.* Zum Inhalt des Eigentumsbegriffs in der Diskussion um die Entwicklung des Feudalismus // *Zeitschrift für Geschichtswissenschaften*. 1974. N. 8.
166. *Ewig E.* Die Merowinger und das Frankenreich. 2. Aufl. Stuttgart, 1993.
167. *Faulkner K.* The transformation of knighthood in early thirteenth-century England // *EHR*. Vol. C.XI. N. 440. 1996.

168. *Fay E.* Ancient words with living cognates // *Modern Language Notes*. 1907. Vol. 22.
169. *Feenstra R.* Dominium and jus in re aliena: The origins of a Civil law distinction // *Legal Scholarship and Doctrines of Private Law 13th—18th Centuries*. Variorum. Aldershot, 1996.
170. *Ficker J.* Forschungen zur Reichs- und Rechtsgeschichte. Innsbruck, 1868—1874. 4 Bände.
171. *Fleming R.* Domesday Book and the Law. Society and Legal Custom in Early Medieval England. Cambridge, 1998.
172. *Fleming R.* Kings and Lords in Conquest England. Cambridge Studies in Medieval Life and Thought. 2nd end. Cambridge: Cambridge University Press, 2004.
173. *Galbraith V. H.* An episcopal land-grant 1085 // *EHR*. 1929. Vol. XLIV.
174. *Galbraith V. H.* Domesday Book: Its Place in Administrative History. New York, 2002.
175. *Galbraith V. H.* The Making of Domesday Book. Oxford, 1961.
176. *Garnett G.* Conquered England. Kingship, Succession and Tenure 1066—1166. Oxford: New York, 2007.
177. *Garnett G.* The origins of the Crown // *The History of English Law. Centenary Essays on "Pollock and Maitland"* / Ed. J. Hudson. Oxford, 1996.
178. *Gillingham J.* The Introduction of knight services into England // *ANS*. Vol. IV. 1981.
179. *Gillingham J.* The Angevin Empire. Bloomsbury, 2001.
180. *Golding B.* Conquest and Colonization. The Normands in England 1066—1100. New York, 1994.
181. *Golding B.* The religious patronage of Robert and William of Mortain // *Belief and Culture in the Middle Ages* / Ed. R. Gameson and H. Leyser. Oxford, 2001.
182. *Goody J. & Watt I.* Konsequenzen der Literarität // *Entstehung und Folgen der Schriftkultur* / Hrsg. J. Goody and I. Watt. Frankfurt am Main: Suhrkamp, 1986.
183. *Green A. J.* The Aristocracy of Norman England. Cambridge: Cambridge University Press, 1997.
184. *Green A. J.* The Government of England under Henry I. Cambridge: Cambridge University Press, 1989.
185. *Gueterbock C.* Bracton and His Relation to Roman Law. Philadelphia, 1866.
186. *Gundermann J.* *Englisches Privatrecht*. Tübingen, 1864.
187. *Hanavalt B.* The Ties that Bound. Peasant Families in Medieval England. New York, 1986.
188. *Harris J. W.* Ownership of land in English law // *The Legal Mind. Essays for Tony Hanore* / Ed. N. McCormick and P. Birks. Oxford, 1986.

189. *Haskins Ch. H.* Norman Institutions. New York, 1960.
190. *Haskins G. L.* The development of Common law dower // Harvard Law Review. 1948. Vol. 62. N. 1.
191. Henry II. New interpretation / Ed. Ch. Harper-Bill and N. Vincent. Woodbridge, 2007.
192. *Herrmann J.* Allod und Feudum als Grundlage des west Feudalismus // Beiträge zur Entstehung des Staates / Hrsg. von J. Herrman, I. Sellniw. Berlin, 1973.
193. *Heusler A.* Die Gewere. Weimar: Böhlau, 1872.
194. *Heusler A.* Institutionen des deutschen Privatrechts. Bd. I—II. Leipzig, 1885.
195. *Holdsworth W.* A History of English Law. London, 1903—1966. 17 vols.
196. *Hollister W. C.* The five hide unit and military obligation // Speculum. Vol. 36. 1961. P. 61—74.
197. *Hollister W.* The significance of scutage rates in the eleventh and twelfth century England // EHR. Vol. 75. N. 297. 1960.
198. *Holt J.* Feudalism revisited // Colonial England 1066—1215. London, 1997.
199. *Holt J.* King John and Arthur of Brittany // Nottingham Medieval Studies. Vol. 44. 2000. P. 82—103.
200. *Holt J.* Magna Carta. Cambridge. 2nd edn.: 2003. (1st edn. 1992).
201. *Holt J. C.* The introduction of knight service into England // ANS. Vol. VI. 1983.
202. *Hübner R.* Der Immobilienprozess der fränkischen Zeit // Untersuchungen zur deutschen Staats- und Rechtsgeschichte / Hrsg. O. Gierke. Iff. 42. Breslau, 1893.
203. *Hübner R.* Gerichtsurkunden aus Deutschland und Frankreich bis zum Jahre 1000 // Savigny Stiftung für Rechtsgeschichte. 1891. Germ. Abt. XII.
204. *Hübner R.* Grundzüge des deutschen Privatrechts. Leipzig, 1922.
205. *Hudson J.* Anglo-Norman Land law and the origins of property // Law and Government in Medieval England and Normandy / Ed. G. Garnett and J. Hudson. Cambridge, 1993.
206. *Hudson J.* Land, Lord and Lordship in Anglo-Norman England. Oxford; New York, 1994.
207. *Hudson J.* The Formation of the English Common Law. Law and Society in England from the Norman Conquest to Magna Carta. London; New York, 1999.
208. *Hurnard N.* Did Edward I reverse Henry II policy upon seisin? // EHR. 1954. Vol. LXXIX. N. 273.
209. *Hyams P.* (Review). The Legal Framework of English Feudalism by S. F. C. Milsom // EHR. 1978. Vol. 93.
210. *Hyams P. R.* Warranty and good lordship in twelfth-century England // Law and history review. Vol. 5. 1987.

211. Hyams P. The proof of villein status in the Common law // EHR. Vol. 89. N. 353. 1974.
212. Integration und Herrschaft: Ethnische Identitäten und soziale Organisation im Frühmittelalter / Hrsg. M. Diesenberger, W. Pohl. Wien, 2002.
213. Ishikawa T. "Gewere" im Sachsenspiegel // Festschrift für Hans Thiele zu seinem 80. Geburtstag / Hrsg. K. Kroeschell. Sigmaringen, 1986.
214. John E. Land Tenure in Early England. Leicester, 1960.
215. Jolliffe J. E. A. English book-right // EHR. 1935. Vol. L. N. 197. P. 1—21.
216. Joswig D. Die germanische Grundstücksübertragung. Frankfurt am Main, 1984.
217. Jotun des Longrais F. La conception anglaise de la saisine du XIIe au XIVe siècle. Études de droit anglais. I. Paris, 1924.
218. Kamp H. Die Macht der Zeichen und Gesten. Öffentliches Verhalten bei Dudo von Saint-Quentin // Formen und Fiktionen öffentlicher Kommunikation im Mittelalter / Hrsg. Gerd Althoff. Stuttgart: Thorbecke, 2001.
219. Kantorowicz H. Bractonian Problems. Glasgow, 1941.
220. Kapelle W. E. The purpose of Domesday Book: A quandary // Essays in Medieval Studies. Vol. 9. 1992.
221. Kapelle W. The Norman Conquest of the North. London, 1979.
222. Kaser M. Das römische Privatrecht. München. 1955, Bd. 1—2.
223. Kaufmann H. 'Causa debendi' und 'causa petendi' bei Glanvill sowie im römischen und kanonischen Recht seiner Zeit // Traditio. Vol. 17. 1961.
224. Keats-Rohan K. S. B. The Bretons and the Normans of England 1066—1154. The family, the fief and the feudal monarchy // Nottingham Medieval Studies. 1992. Vol. 36.
225. Klimrath H. Étude historique sur la saisine d'après les coutumiers du moyen âge // Travaux sur l'histoire du droit français. Paris; Strasbourg, 1843.
226. Köbler G. Die Herkunft der Gewere // Tijdschrift voor Rechtsgeschiedenis. 1975. N. 45.
227. Koziol G. Begging Pardon and Favour. Ritual and Political Order in Early Medieval France. Ithaca; London, 1992.
228. Kriechbaum M. Actio, jus und dominium in den Rechtslehren des 13. und 14. Jahrhunderts. Ebelsbach am Main, 1996.
229. Künssberg E. von. Messerbräuche: Studien zur Rechtsgeschichte und Volkskunde. Heidelberg: Winter, 1941.
230. Lange H. Römisches Recht im Mittelalter. Bd. 1. Die Glossatoren. München, 1997.
231. Lenard R. Rural England. 1086—1135. Oxford, 1959.
232. Le Patourel J. The Norman Empire. Oxford, 1976.
233. Le Patourel J. The Norman succession 996—1135 // EHR. 1971. Vol. LXXXVI. N. 339.

234. *Levy E.* West Roman Vulgar Law. The Law of Property. Philadelphia, 1951.
235. *Lewis C. P.* The early earls of Norman England // *ANS*. 1991. Vol. XIII.
236. *Lexikon des Mittelalters*. München; Zürich, 1980—1998. 9 Bände.
237. *Lifschitz F.* Translating “Feudal” vocabulary Dudo of Saint-Quentin // *HSJ*. Vol. 9. 1997.
238. *Loyn H. R.* Domesday Book // *ANS*. 1978. Vol. 2.
239. *Loyn H. R.* The Norman Conquest. London. 1971.
240. *Lynn N. H.* The Normans in South Wales. 1071—1171. London, 1966.
241. *MacCormack G.* The role of *animus* in the classical law of possession // *ZSSR*. RA. Bd. 74. 1969.
242. *Madox T.* *Formulare Anglicanum*. London, 1702.
243. *Maitland F.* Domesday Book and beyond. London, 1960.
244. *Mäkinen V.* Property rights in the late medieval discussion on Franciscan poverty // *Recherches de théologie et philosophie Médiévales*. Bibliotheca 3. Leuven, 2001.
245. *Masmejan L.* La protection possessoire en droit romano-canonique médiéval (XIII—XVe siècles). Montpellier, 1990.
246. *Mason Em.* Change and continuity in eleventh-century Mercia: The experience of St. Wulfstan of Worcester // *ANS*. Vol. VIII. 1985.
247. *McDonald J.* and *Snooks G. D.* Domesday Economy: A New Approach to Anglo-Norman History. Oxford, 1986.
248. *Meichelbeck P. C.* *Historiae Frisingensis*. 1724—1729. T. I—II.
249. *Meyer E.* Die Einkleidung im germanischen Recht / Festschrift für A. Wach. Leipzig, 1913. Bd. 2.
250. *Michelsen A. L. J.* Über die *festuca notata* und die germanische Traditionssymbolik. Jena, 1856.
251. *Milsom S. F. T.* Inheritance of women in the twelfth and the early thirteenth centuries // *On Law and Customs of England. Essays in honor of S. E. Thorne* / Ed. Morris S. Arnold, Thomas A. Green. Chapel Hill, 1981.
252. *Milsom S. F. T.* The Legal Framework of English Feudalism. Cambridge, 1977.
253. *Mitteis H.* Lehnrecht und Staatsgewalt. Untersuchungen zur mittelalterlichen Verfassungsgeschichte. Darmstadt, 1958.
254. *Mortimer R.* Land and service: the tenants of the honour of Clare // *Anglo-Norman Studies*. Vol. VIII. 1985.
255. *Musset L.* Les apports scandinaves dans le plus ancien droit normand // *Droit privé et institutions régionales: Études historiques offerts à Jean Yver*. Paris, 1976.
256. *Neveux Fr.* La Normandie des ducs aux rois X^e—XIIe siècles. Rennes, 1998.
257. *Newman Ch.* The Anglo-Norman Nobility in the Reign of Henry I. The Second Generation. Philadelphia, 1988.

258. *Painter S.* The family and the feudal system of 12th century // *Speculum*. 1960. Vol. 35. N. 3.
259. *Painter S.* The Studies in English Feudal Barony. Baltimore, 1943.
260. *Palmer R. C.* The economic and cultural impact of the origins of property 1180—1220 // *LIIR*. Vol. 3. N. 2. 1985.
261. *Pertile A.* Storia del diritto Italiano. Storia del diritto privato. Torino, 1893. 6 vols.
262. *Pitou F.* De l'investiture féodale dans le droit germanique au moyen âge. Orléans, 1898.
263. *Plucknett T. F. T.* Bookland and folkland // *Studies in English Legal History*. London, 1983.
264. *Plucknett Th., Joüon des Longrais F.* (Review). La conception anglaise de la saisine du XIIe au XIVe siècle. Études de droit anglais. Paris, 1924. // *Harvard Law Review*. Vol. 40. N. 6. 1927. P. 921—925.
265. *Pollock F.* An Essay on Possession in Common Law. Pt. I—II. Oxford, 1888.
266. *Pollock W., Maitland F. W.* The History of English Law before the Reign of Edward the First. Cambridge, 1897. 2 vols.
267. *Pool A. L.* Obligation of Society at the XIIth and XIIIth Centuries. Oxford, 1946.
268. *Prestwich J. O.* The Place of War in English History 1066—1214. Woodbridge, 2004.
269. *Pringsheim F.* The inner relationship between English and Roman law // *gesammelte Abhandlungen*. Heidelberg, 1961. Bd. 1—2.
270. Property and Power in the Early Middle Ages / Ed. by W. Davies and P. Fouracre. Cambridge: Cambridge University Press, 2002.
271. *Rabinowitz J. J.* The story of mortgage retold // *University of Pennsylvania Law Review*. Vol. 94. N. 1. 1945.
272. *Radin M.* Fundamental concepts of the Roman law // *California Law Review*. Vol. 13. N. 3. 1925.
273. *Ramsey J. H.* The Angevin Empire or the Three Reigns of Henry II, Richard I, and John (A. D. 1154—1216). New York; London, 1903.
274. *Reid R. R.* Barony and thanage // *EHR*. 1920. Vol. 35. N. 138.
275. *Renaud J.* Les Vikings et la Normandie // *Une amitié millénaire. Les relations entre la France et la Suède à travers les âges* / Publ. par M. Battail. 1993.
276. *Reynolds S.* Bookland, folkland and fiefs // *ANS*. 1991. Vol. XIV.
277. *Roffe D.* Decoding Domesday. Woodbridge, 2007.
278. *Roffe D.* Domesday: The Inquest and the Book. Oxford, 2000.
279. *Roffe D.* From the gnage to barony: sake and soke, title and tenants-in-chief // *ANS*. Vol. XII. 1984.
280. *Round J. H.* Feudal England. London, 1895.
281. *Russell J. C.* Ranulf de Glanvill // *Speculum*. 1970. Vol. XLV. N. 1.

282. *Savigny F. K. von.* Geschichte des Römischen Rechts im Mittelalter. Bd. IV. Heidelberg, 1850.
283. *Sawyer P.* 1066—1086: A tenurial revolution? // *Domesday Book. A Reassessment* / Ed. by P. Sawyer. London, 1985.
284. *Sawyer P.* From Roman Britain to Norman England. London, 1998.
285. *Scammel J.* The formation of English social structure: Freedom, knights and gentry 1066—1300 // *Speculum*. 1993. Vol. 68. N. 3.
286. *Schneider R.* Das Frankenreich. München: Oldenbourg, 1982.
287. *Schreier K.* Legitimation, Repräsentation, Sherifflichkeit. Gedankliche Begründungen und symbolische Formen mittelalterlicher Abtsherrschaft // *Political Thought and the Realities of Power in the Middle Ages* / Canning Otto G. Oexle. Göttingen: Vandenhoeck and Ruprecht, 1998.
288. *Seipp D. J.* Bracton, the Year books and the transformation of elementary legal ideas in the early Common law // *Law and History Review*. 1989. Vol. 7.
289. *Seipp D. J.* Roman legal categories in the early Common law / *Legal Record and Historical Reality. Proceeding of the 8th British Legal History Conference*. Cardiff. 1987 / Ed. Th. C. Watkin. London, 1989.
290. *Seipp D. J.* The concept of property in the early Common law // *Law and History Review*. N. 1. 1994.
291. *Sheehan M. M.* The Will in Medieval England. Toronto, 1963.
292. *Simpson A. W. B.* A History of the Land Law. Oxford: Clarendon Press, 1986.
293. *Stalls C.* Possessing the Land. Aragon's Expansion into Ebro Frontier under Alfonso the Battler 1104—1134. Leiden: New York, 1995.
294. *Stenton D. M.* The English Justice between Norman Conquest and the Great Charter. Philadelphia, 1964.
295. *Stenton F. M.* Norman London // *Social life in Early England* / Ed. by G. Barraclough. London, 1960.
296. *Stenton F. M.* The First Century of English Feudalism. Oxford: Clarendon Press, 1932.
297. *Stenton F. M.* The Free Peasantry of the Northern Danelaw. Oxford, 1969.
298. *Stenton F. M.* Type of Manorial Structure in the Northern Danelaw. Oxford: Clarendon Press, 1910.
299. *Strickland M.* War and Chivalry. Cambridge: Cambridge University Press, 1996.
300. *Sutherland D. W.* The Assize of Novel Disseisin. Oxford, 1973.
301. *Tabuteau E. Z.* Ownership and tenure in Eleventh-century Normandy // *AJLH*. 1977. Vol. XXI.
302. *Tabuteau E. Z.* Transfers of Property in Eleventh-century Norman Law. Chappel Hill, London: University North Carolina Press, 1988.

303. *Tangel M.* Urkunde und Symbol // Festschrift Heinrich Brunner zum 70 Geburtstag. Weimar, 1910.
304. *Taranger A.* The meaning of the words Óðal and skeyting in the old laws of Norway // Essays in Legal History / Ed. by P. Vinogradoff. Oxford: Clarendon Press, 1913. 2 vols.
305. *Tate J.* Ownership and possession in the early Common law // Journal of American Legal History. Vol. XLVIII. 2008.
306. Theorizing Rituals: Issues, Topics, Approach, Concepts / Ed. Jens Kreinath, Jan Snoek and Michael Stausberg. Vol. 1—2. Leiden: Boston, 2006.
307. *Thiercelin M. H.* De la saisine héréditaire dans l'ancien droit français // Revue critique de législation et de jurisprudence. 1871—1872. Vol. 1.
308. *Thomas H. M.* Subinfeudation and alienation of land, economic development, and the wealth of nobles on the honor of Richmond, 1066 to c. 1300 // Albion: A Quarterly Journal Concerned with British Studies. Vol. 26. N. 3. 1994.
309. *Thomas H. M.* The English and the Normans: Ethnic Hostility, Assimilation and Identity 1066—1220. Oxford: Oxford University Press, 2003.
310. *Thomas H. M.* The significance and fate of the native English landholders of 1086 // EHR. 2003. Vol. 117. N. 477.
311. *Thorne S. E.* English Feudalism and Estates in Land // Cambridge Law Journal. 1959. Vol. XVII.
312. *Thorne S. E.* Livery of seisin // LQR. 1936. Vol. LII.
313. *Tsurushima Hirokazu.* Feodum in Kent c. 1066—1215 // Journal of Medieval History. 1995. Vol. XXI.
314. *Turner R. V.* Henry II's aims in reforming England's land law: feudal or royalist? // Law in Medieval Life and Thought. Sewance, 1990.
315. *Turner R. V.* Roman law in England before the time of Bracton // Turner R. V. Judges, Administrators and the Common Law in Angevin England. 1994.
316. *Turner R. V.* Who was the author of Glanvill? Reflections on the education of Henry II's common lawyers // Law and History Review. 1990. Vol. VI. N. 1.
317. *Uddholm Alf.* Formulae Marculfi. Études sur la langue et le style. Uppsala, 1954.
318. *Vinogradoff P.* Agricultural services // Economic Journal. Vol. 10. 1900.
319. *Vinogradoff P.* English Society in the Eleventh Century. Oxford: Oxford University Press, 1908.
320. *Vinogradoff P.* The Growth of the Manor. London: Sonnenschein, 1905.
321. *Vinogradoff P.* Transfer of land in old English Law // Harvard law Review. 1907. Vol. XX. N. 7.
322. *Vinogradoff P.* Villainage in England. Oxford, 1892.
323. *Warren W. L.* Henry II. London, 1977.
324. *Warren W. L.* The myth of Norman administrative efficiency // TRHS. Vol. 34. 1984.

325. *White S. D.* Custom, Kinship and Gifts to Saints. The *Laudatio Parentum* in Western France 1050—1150. Chapell Hill and London, 1988.
326. *Wiener L.* Commentary to the Germanic Laws and Mediaeval Documents. Cambridge, 1915.
327. *Williams A.* The English and the Norman Conquest. Woodbridge, 1997.
328. *Williams J.* Seisin of the Freehold. London, 1878.
329. *Wissmann F.* Die Förmlichkeiten bei den Landübertragungen in England während der anglonormannischen Periode // *Archive für Urkundenforschungen*. Bd. 3. 1911.
330. *Wonnacott M.* Possession of Land. Cambridge, 2006.
331. *Wood J.* Administration, law and culture in Merovingian Gaul // *The Uses of Literacy in Early Medieval Europe* / Ed. R. McKitterick. Cambridge, 1995.
332. *Zöhner E.* Geschichte der Franken bis zum Mitte des 6. Jahrhunderts. München, 1970.
333. *Zotz Th.* Adel, Oberschicht, Freie. Zur Terminologie der frühmittelalterlichen Sozialgeschichte // *Zeitschrift für die Geschichte des Oberreihns*. Bd. 125. 1977.

Интернет-ресурсы

1. archivesetmanuscripts.bnf.fr/ead.html?id=FRBNF5A1D000064392&c=FRBNF5A1D000064392_c0000018&qid=eas1417210374181.
2. <http://books.google.co.uk/books?id=WCgzAAAAIAAJ&printsec=titlepage#v=onepage&q&f=false>
3. <http://civil.consultant.ru/reprint/books/211/1.html>
4. <http://lonang.com/library/reference/blackstone-commentaries/law-england/bla-210/>
5. <http://www.british-history.ac.uk/report.aspx?compid=63962>
6. <http://www.cn-telma.fr/originaux>
7. <http://www.domesdaybook.co.uk/>
8. <http://www.earlyenglishlaws.ac.uk/reference/essays/writs/>
9. http://www.gesetze-im-internet.de/bgb/inhalts_bersicht.html
10. <http://www.lonang.com/exlibris/blackstone>
11. www.bl.uk/catalogues/illuminatedmanuscripts

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- ВДИ — Вестник древней истории.
 СВ — Средние века.
 Af. — *Leges regis Aelfredi* // Die Gesetze der Angelsachsen / Hrsg. F. Liebermann. Halle. 1898—1903, 1906, 1912. 3 Bände. Bd. I.
 A.J.L.H. — American Journal of Legal History.
 ANS — Anglo-Norman Studies. Proceedings of the Battle Conference.
 ASC — Anglo-Saxon Chronicle.
 BGB — Bürgerliches Gesetzbuch.
 BNB — Bracton's Note Book.
 CRR — Curia Regis Rolls.
 DB — Domesday Book.
 ECf — *Leges Edwardi Confessoris* // Die Gesetze der Angelsachsen / Hrsg. F. Liebermann. Halle: Niemeyer, 1898. 3 Bände. Bd. I.
 EHR — English Historical Review.
 EYC — Early Yorkshire Charters.
 HnL — *Leges Henrici Primi* // Die Gesetze der Angelsachsen / Hrsg. F. Liebermann. Halle. 1898—1903, 1906, 1912. 3 Bände. Bd. I.
 HSJ — Haskins Society Journal.
 LHR — Law and History Review.
 LQR — Law and Quaterley Review.
 MGH — Monumenta Germaniae Historica.
 P&Pr — Past and Present.
 PRS — Publications of the Pipe Roll Society.
 PSS — Publications of the Selden Society.
 RBS — *Rerum Britannicarum Medii Aevi Scriptores*.
 RCR — Rotuli Curiae Regis.
 TRHS — Transactions of Royal Historical Society.
 ZSSR GA — Zeitschrift der Savigny-Stiftung für Rechtsgeschichte. Germanistische Abteilung.
 ZSSR RA — Zeitschrift der Savigny-Stiftung für Rechtsgeschichte. Romanistische Abteilung.

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН

- Авдеева К. Д. 105
Адам, владелец Роншвиля 263, 266
Адам, наследник Вимунда де Ману 93, 94
Адам, сын Ариульфа Мальвила 265
Аделард, аббат монастыря св. Бальдрика 75
Аделиза 261
Адельберт, нотариус 62
Адон 299
Айнард 267
Алан, граф Бретани 113, 114
Алансон Бернард д' 163
Алгер 113, 114
Александр, епископ Линкольна 299
Александр, наана 6
Альнуа Александр д' 181, 182
Алисия 188
Альберик, епископ Шартра 89
Альбрехт В. 42
Альвард 179
Альнот 125
Альфред Великий 8, 15, 56, 112, 124
Альфред Линкольнский 164, 165
Анкур Вальтер де 148
Амиция 185, 309
Амори, граф Глостерский 290
Ансельм Кентерберийский 140
Ансереды Радульф 91, 92
Ансхарий 62
Аргентон Вильгельм де 275
Ардвин 158
Артальд 127
Ассерий 56
Асцелина 189
Ауров О. В. 20
Аццо 203, 204, 212, 221, 226, 245, 249
Байнард Ральф 145
Бальдвин 276, 277
Барг М. А. 30, 31, 101, 104, 106, 112, 215, 249
Бартоу Ф. 125
Бартоло из Сассоферрато 23
Бартошек М. 206
Бассет Гильберт 253
Бассет Ральф, верховный юстициарий 303
Бассет Ричард, внук Ральфа Бассета 303, 304,
Бассет Ричард, верховный юстициарий, сын Ральфа Бассета 303
Бассиан, итальянский глоссатор 212
Беатрис, жена Гервеса 94
Беатрис, мать Александра д'Альнуа 181, 182
Бёвриер Дрого де ла 144, 145
Бегиашвили Ф. И. 109
Бенвенист Э. 141
Бенедикт, аббат Питерборо 204
Бенингворд Роджер де 175, 176
Берман Г. Дж. 109

- Бернард 170
 Бернард, ответчик 75
 Бернард, совладелец Роджера, сына Ансереда 92
 Бернард, сын Альварда 170
 Берта, дочь Ричарда, сына Понтье 187
 Биго Гуго 302
 Биго Роджер 137, 139, 143, 144, 155, 156, 165
 Биньон Ж. 58
 Бирч В. де Грей 56, 282
 Бицилли П. М. 314
 Блант Роберт 149, 158
 Блок М. 77, 43
 Блэкстоун У. 41, 42
 Бомануар Филипп де, французский юрист 216
 Бонифаций VIII, римский папа 291
 Бонфанте П. 209
 Бохланд Вильгельм де 278
 Брактон, английский юрист 284, 285, 286, 322, 323, 324,
 Брикмар 163
 Бруннер Г. 57, 106
 Брюс Роберт, первый лорд Аннан-дейл 274, 275, 280
 Бульмер Стефан 307
 Бург Хервей де 163
 Бушель Алан 302
 Бушель Иоанн 302
 Бэкер Дж. 44

 Вагон 66
 Накарий, итальянский глоссатор 51
 Валеброк Ульот де 273, 274
 Валон Петр де 156, 157
 Вальде А. 59, 60
 Вальдкер 66, 67
 Вальгеоф, эрл Портумбрии 15
 Вальтер Фламандец 164
 Вальтер, граф Манта 86
 Вальтер, канеллан 278
 Вальтер, приор Уитби 280
 Вальтер, священник 66
 Вальтер, наследник Умфрида 188
 Вальфисоц 67
 Вальхер, епископ Дарема 125
 Варден Ингелармус 298
 Варенн Вильгельм де 127, 136, 137, 138, 145, 149, 150
 Варенн Иоанн де 290
 Вартбург В. фон 57
 Варфоломей, епископ Эксэтера 305
 Васкелина 174
 Вербурга, святая 300
 Верли Роберт де 149
 Виард 279
 Видон, истец в споре с Вильгельмом де Варенном 136
 Видон, преемник Адестана 113, 114
 Видон, приор Ла Ферг-Массе 93, 94
 Виктор, аббат 180
 Вильгельм II Рыжий 128, 294, 295, 297
 Вильгельм, герцог см. Вильгельм Завоеватель
 Вильгельм Длинный Меч 83, 288
 Вильгельм Завоеватель 6, 8, 7, 9, 14, 15, 17, 38, 46—48, 90, 96, 97, 102, 107, 121—123, 125, 129, 131, 139, 154, 158, 161, 162, 165, 263, 264, 265, 267, 288, 294—297
 Вильгельм из Пуатье, средневековый хронист 6, 14
 Вильгельм Жюмьежский, средневековый хронист 6
 Вильгельм Мальмсберийский, средневековый хронист 53, 308
 Вильгельм, сын Радольфа 168
 Вильгельм, граф Глостерский 181, 184
 Вильгельм, лорд Виллы 305
 Вильгельм, епископ Дарема 128
 Вильгельм, истец 277, 278
 Вильгельм, сын Адона 299

- Вильгельм, сын Гервея 94
 Вильгельм, сын Эммы 168
 Вильгельм Эделин, сын Генриха I 174
 Вильгельм, граф Линкольна 175
 Винер Л. 58—60, 75
 Виноградов П. Г. 47
 Вирфальд Вильгельм 279, 300
 Висман Ф. 35, 171, 187
 Виталий, аббат 122
 Вифгар 128
 Вихарт 66
 Вотан см. Один
 Вудбайн Дж. 204, 219
 Вульфстан, святой, епископ Вустерский 118
 Вульфхер, король Мерсии 300

 Гоза Петр де 175
 Гай, римский юрист 284, 324
 Гальфрид 299
 Гальфрид, отец Вильгельма, лорда Виллы 305
 Гандульф, граф 63, 77
 Гарибальд, адвокат епископа Кремены, 63
 Гарнет Дж. 20, 21, 37, 38, 136, 140, 200
 Гарольд II, эрл, король Англии 7, 8, 17, 128, 155, 157, 161, 296
 Гаэль Ральф де, граф Порфолка 152, 156, 158
 Геласий I, римский папа 287
 Генрих, епископ Винчестерский 300
 Генрих I Боклерк, король Англии 8—11, 18, 53, 102, 108, 109, 126, 133, 141, 142, 167, 172, 174, 178, 200, 271, 302
 Генрих I, король Франции 266
 Генрих II, король Англии 8, 10, 18, 32, 50, 104, 109, 110, 132, 142, 180, 185, 188, 196, 197, 199, 200, 235, 260, 304
 Генрих III, король Англии 11, 33
 Генрих, король франков см. Генрих I, король Франции
 Генрих см. Оттон, король Германии
 Гервасий, клирик 89
 Гернон Роберт 161, 299
 Герт 158
 Гизела, жена Гунтрамна 80
 Гийом из Пуатье см. Вильгельм из Пуатье
 Гийом, граф Э 266
 Гильберт Гентский 125
 Гильберт, епископ Пима 75
 Гиффард Вальтер, первый граф Бермингема 144, 158
 Гиффард Хелиас 187
 Глебов А. П. 17
 Глео 164
 Глэнвилл Ранульф де, юстициарий 50
 Годвин Франнолд 164
 Годвин, горожанин Бедфорда 138, 153
 Годвин, держатель Кентербери 310
 Годвин, дядя Ральфа 149
 Годвине, эрл Уэссекса 8
 Годраме Адестан 113
 Годфрид, граф Намюра 80
 Годфрид, епископ Кутанса 118, 119, 129
 Годфрид, наследник Дуранда 271
 Годфрид, родственник Гульферна 260, 261
 Госцелин, пресвитер 89
 Госцелин, сын Гедона 95—97
 Грациан, кодификатор церковного права 241, 244
 Гримбальд, медик 197
 Гримм Я. 283
 Гуго фитц Могер 160
 Гуго Честерский, виконт Авранша 289, 294, 296, 297

- Гуго, архиепископ Руана 86
 Гуго, епископ Лизьё 266
 Гуго, шериф Кэмбриджшира 178, 179
 Гуимунд, аббат Тавистока 297
 Гульферн Хардвин 260
 Гундерман И. 42
 Гуннор 177
 Гунтер, аббат Торни 177
 Гунтрамн, вассал Эрменсенды 80
 Гунтрамн, король бургундов 282
 Гуревич А. Я. 17, 25, 26, 40, 69, 78, 112, 124, 315
 Гутнова Е. В. 30
 Гутрум, предводитель датчан 288
 Гютербок К. 202, 203, 225,
- Дагун Фулькон 279
 Дадо, епископ Вердена 75
 Дакомб Пиколай де 306
 Дамартен Стефан 176
 Демулен-Озари Ф. 241, 242
 Джеффри фитц Питер, юстициарий 290
 Джолиф Дж. Э. А. 112
 Джон Э. 115
 Додсон Леофсин 123
 Дождев Д. В. 194, 207, 209, 210, 224, 229
 Дрого, житель Шитлингдона 276
 Дуглас Дж. 47
 Дудон Сен-Кантенский 52, 83, 287, 288
 Дуранд, аббат монастыря св. Мартина в Троарне, 264
 Дуранд, даритель Уитби 131, 271, 272
 Дюби Ж. 125, 313
 Дю Канж III. 56, 289, 306, 307, 309
- Евстахий II, граф Булонский 136
- Жойон де Лонгрэ Ф. 21, 43, 44, 183, 193, 214, 218, 222, 227, 238, 257
- Жоффруа V, граф Анжу 8
- Зайков А. В. 24
 Закс В. А. 283
- Ивои 142
 Ингун 279
 Инг, король Уэссекса 123, 124
 Иоанн Безземельный 11, 33, 251, 289, 290, 292
 Иоанн, брат Гарина де Молна 261
 Иоанн, даритель монастыря св. Мартина в Троарне 264
 Иоанн, епископ Бата 175
 Иордан 234
 Исемберт 267
- Йеринг Р. фон 213
 Йолан 225
 Йосвиг Дж. 39
- Казер М. 206
 Кандос Роджер де 152
 Канната К. А. 212
 Каняшин Ю. П. 27
 Канетинги 14
 Карл II Лысый, король франков 287
 Карл II Стюарт 22
 Карл III Простоватый, король франков 5
 Карл Великий 67, 79
 Каролинги 5, 71, 75, 96, 317
 Каптанов С. М. 25, 27
 Квентин, человек Вильгельма д'Экуи 158
 Кверкето Вальтер де 184
 Керред, король Уэссекса 124
 Кердик, король Уэссекса 8, 15
 Кетил 144
 Кёблер Г. 57
 Ктэры, графы Немброка 104
 Клэр Ричард фитц Гильберт де 176

- Клэр Гильберт фитц Гильберт де 251
 Кларэ Гильберт де 184
 Климрат Х. 42, 43
 Кленчи М. 47, 48, 290, 291, 307, 308
 Кнут IV Святой 48
 Кок Э. 41, 42, 324
 Колонкель Госцелин де 84, 85
 Конейры род в Дареме 291
 Коновалов А. В. 31, 210
 Косминский Е. А. 30, 104
 Краон Гуго де 113
 Крето Э. 44
 Кирклейд Валеран де 279
 Крихбаум М. 208
 Крюгер П. 204
 Кэнегем Р. ван 43, 193
 Кюнссберг Э. фон 293, 309

 Лабен, римский юрист 208
 Лаксфельд Эдрик 163
 Ланфранк, архиепископ Кентербер-
 рийский 119, 122, 129
 Ласи Джеффри де 50
 Латам Р. Э. 251
 Леви Э. 207
 Левицкий Я. А. 47, 48
 Леофсин см. Додсон Леофсин
 Ле Гофф Ж. 69
 Ле Натурель Дж. 18
 Лесцелина, вдова графа Э 266
 Либерман Ф. 282
 Линншиц Е. Э. 209
 Литефред II, епископ Павии 62
 Лич Иоанн де 189
 Локк Дж. 28
 Людовик II Заика, король франков
 287, 288
 Людовик II, император франков 62

 Магинард 61
 Майер Э. 40, 262
 Мале Вильгельм 135, 137, 163, 164
 Мале Роберт 134, 137, 163, 164
 Мальвил Арнульф 265
 Мандевиль Джеффри фитц Питер
 289
 Ману Вимунд де 92, 93
 Ману Гервей де 93
 Мар Томас де ла 252
 Маршал Вильгельм 289
 Марепаль Роджер 176
 Маркс К. 25, 26, 30, 78, 231
 Мартел Вальтер 197, 198
 Марциан, римский юрист 247
 Матильда, дочь Генриха I 10, 299
 Матильда, жена Ричарда, сына
 Понтье 187, 188
 Медведев С. П. 210
 Меркель П. И. 58
 Меровинги 72
 Метлицкая З. Ю. 16
 Милон, брат Матильды 187
 Милсом С. Ф. Ч. 20, 44
 Мильская Л. Т. 78
 Михельсен А. Л. Й. 283, 306
 Модберт 175
 Молна Гарин де 261
 Моммзен Т. 204
 Монмаут Бодеро 301
 Монте Бальдвин де 253
 Монфор Гуго де 152
 Монггомери Роберт, сеньор Белле-
 ма 85
 Мортен Роберт де 102, 129
 Мортимер Рожер 91
 Моубри, графский род 102
 Моубри Роджер де 266, 273, 305
 Мультон Томас де 307
 Мушам Гуго де 291
 Мушам Роберт де 291
 Мушам Томас де 171, 291
 Мэддокс Т. 301
 Мэйгланд Ф. У. 38, 42, 46, 47, 60,
 115, 171, 199, 203, 204, 214, 222,
 285, 325

- Перва-сын, римский юрист 212
 Пеусыхин А. И. 69, 77
 Пиколас Б. 210
 Пирмейер Ж. 88, 241
- Один 281
 Одо, воин из Пормандии 86
 Одо, епископ Байе 47, 102, 122, 137
 Одо, сын Арнульфа Мальвила 265
 Одоакр 70
 Оккам У. 208
 Ордерик Виталий 14, 108
 Осберн, даритель аббатства св. Петра в Прео 85
 Осберн, отец Пагана 274, 280
 Осберн фтиц Осберн, епископ Эксестера 122, 123
 Осберт, служащий Юлианы де Солер 252
 Осмунд, дядя Видона 136
 Оттон, король Германии 288
- Павел, римский юрист 208, 209, 211, 212, 222, 226, 237, 251
 Паган, даритель приората св. Марии в Лонноне 259, 260
 Паган, даритель Уитби 274, 275
 Паган, сын Осберна 280
 Палмер Р. 21
 Пейнтер С. 101, 104
 Перси Вильгельм 276
 Пико Ричард 160, 162
 Питу Ф. 37
 Плантагенеты, графы Анжу, короли Англии 8, 12, 18, 103, 109, 126
 Поллок Ф. 38, 42
 Порт Гуго де, шериф Кембриджшира 131.
 Претени Вильгельм де 156
 Прингсхайм Ф. 205
 Прокул, римский юрист 224
- Пэйтшул Михаил, английский судья 51
- Рабинович Дж. 193
 Радин М. 210
 Радульф, сын Фулька 170
 Радульф, даритель св. Марии в Лонноне 264, 265, 266
 Радульф, муж Эммы 168
 Радульф, отец Бальвина 254
 Радульф, сын Дуранда 271
 Радульф, сын Рожера Мортимера 91
 Радульф, сын Стефана 180, 181
 Райнальд фтиц Иво 144
 Райнфред 85
 Ралей Вильгельм, английский судья 51
 Ральф, граф Порфолка см. Гаэль
 Ральф де
 Ральф Конюший, эрл Восточной Англии 113, 152
 Рандульф, сын Дуранда 271
 Ранульф, вассал Райнальда фтиц Иво 144
 Ранерто 62
 Раунд Дж. Х. 17, 115
 Рейнальд, аббат Аббингдона 273, 297
 Рейнальд, аббат Рамси 276
 Рейнальд, виконт Арка 95—97
 Рейнальд, сын Райнерия 92
 Рейнальд Роер 266, 273
 Рейнольдс С. 20, 21
 Ри Генрих де 310
 Ри Губерт де 310
 Ричард I Львиное Сердце 11, 33, 126
 Ричард I Бесстрашный, герцог Пормандии 86
 Ричард II Добрый, герцог Пормандии 86, 87, 95
 Ричард III, герцог Пормандии 96

- Ричард, аббат монастыря св. Петра в Прео 89
 Ричард, ответчик 159
 Ричард, сын архиепископа Руана 86, 87
 Ричард, сын Понтье 187
 Ричард фитц Пиль 104
 Ричард, граф Честерский 300
 Ричардсон I. 203
 Роберт II Дьявол, герцог Нормандии 95, 96, 116
 Роберт, аббат монастыря св. Юлиана в Туре
 Роберт, аббат монастыря Сент-Олбанс
 Роберт, архиепископ Руана 86, 87, 95
 Роберт, граф Дерби 148
 Роберт, епископ Бата 182
 Роберт, отец Гуинор 177
 Роберт, священник 228
 Роберт, сын Гервея 94
 Роберт, сын Ингуна 279
 Роберт Короткие Штаны (Куртгез) 9, 108, 265, 266, 272
 Роберт фитц Вальтер 170, 177
 Роберт фитц Корбусон 145
 Роберт, управляющий 228
 Роберт, шериф Оксфорда 278
 Робертсон А. Дж. 282
 Рожер Malus Filiaster 90, 91
 Роджер, аббат Биланда 305
 Роджер, даритель монастырю Мо 270
 Роджер, держатель Гуго де Монфора 152
 Роджер, истец 304
 Рожер, сын Алсереда 91, 92
 Роджер Вендоверский 292
 Роджер Ховденский 289
 Роллон Непеход 6, 83, 288, 293
 Роффе Д. 47, 113, 114, 126, 154
 Румон, святой 297
 Сабин, римский юрист 211
 Саварик 307
 Савельев В. А. 206, 207, 209, 210, 226, 236
 Савиньи Ф. К. фон 210, 213
 Сазерленд Д. 193, 199
 Санта Губерт де 302
 Санфилиппо Ч. 207
 Сен-Квентин Герберт де 189
 Свен II Эстридсен датский король 48
 Свен, шериф 161
 Сибом Ф. 16
 Сигефред, епископ Павии 62
 Симеон, аббат Или 117, 118
 Симеон, стюард Генриха I 133
 Симон, внук Юлианы де Солер 252
 Симсон А. У. Б. 192
 Скраттон Т. 203
 Смирин В. М. 206
 Соколова М. П. 17
 Солер Юлиана де 252
 Снек Вильгельм 137, 149, 150, 153
 Ставерт Роберт де 177
 Стентон Ф. 17, 20, 115
 Стефан Блуасский, король Англии 10, 33, 109, 197, 298, 300
 Стефан, отец Радульфа 180
 Стиганд, архиепископ Кентерберийский 7, 128, 129, 139
 Сток Грент де 175
 Стрикленд М. 286
 Суханов Е. А. 23, 26, 27
 Табьюто Э. З. 116
 Тальрад, человек Вильгельма де Варенна 127
 Тацит 40, 69
 Теобальд, архиепископ Кентерберийский 310
 Теодерик, камерарий 265
 Тернер Дж. 38
 Тернер В. 39

- Тернер Р. В. 44, 50
 Толи, шериф Порфолка и Саффолка 152
 Томас, сын Роджера, дарителя Мо 270
 Томсинов В. А. 215
 Тони Ральф де 137, 144, 155
 Торн С. 38, 152, 170, 171, 177, 203, 245
 Тот, священник 67
 Требаций, римский юрист 211
 Туркетил 151
 Турольд фитц Ивон, шериф Херефорда 123
 Турстан, сын стюарда Симеона 133, 134
 Тьерселен М. 42, 43
 Тюдоры 327

 Уильямс Э. 125
 Уикетил 128
 Ульвард 121, 122
 Ульвива 174
 Ульвольд 159
 Умфрид 188
 Уоррен У. II. 18
 Уотервилл Годфрид де 184

 Фариций, аббат Аббингдона 277
 Фарли А. 46
 Феррерс Вильгельм II де 290
 Феррерс Генрих де 148
 Феррерс Хермер, 165, 166
 Фест, римский грамматик 59
 Филиннов И. С. 20, 22, 25—27, 31, 56, 78, 208, 315
 Флеминг Р. 47, 154, 157, 160
 Флодоард 52, 75, 85
 Форо М. 289
 Форсель Рейнар де 80
 Фоссард Роберт 271, 272
 Фредерик 145
 Фримен Э. 16, 17

 Фронсе Михаил де 253
 Фронтон Алестан де 113
 Фульк 170
 Фэй Э. У. 59

 Хадсон Дж. 105, 113, 116, 325
 Хадуберт, клирик 66
 Халгтон Гервазий де 175
 Хамон 234
 Хантингфилд Вильгельм де 167
 Хаскинс Дж. 109
 Хатвида, жена Осберна 85
 Хатт Г. 69
 Хейслер А. 37, 42, 82, 88, 222
 Херман Й. 77
 Хильдеберт, король франков 282
 Хитон, епископ Фрейзинга 66, 67
 Холлистер У. 115
 Холт Дж, сэр 20
 Хумец Вильгельм де, коннетабль Пормандии 254
 Хунгеер 306
 Хэмфрид 145
 Хюбнер Р. 57, 61, 66, 67, 72, 87

 Цезарь 69
 Цинтий 254
 Цурусима Х. 115

 Чибигэл М. 68

 Целнер Э. 70

 Шишлонова Г. Б. 105
 Шкредов В. II. 25
 Шоффур В. 225
 Штотц П. 58

 Эдвардс Э. 56
 Эдгар, король Англии 53, 308
 Эдит, жена Эдуарда Исповедника 121
 Эдрик 151, 152

- Эдуард I, король Англии 12, 18, 105, 106, 108, 290, 291
- Эдуард II, король Англии 12
- Эдуард Исповедник, король Англии 8, 14, 112, 113, 118, 119, 121—123, 128, 138, 143, 144, 148, 149, 151—153, 155, 156, 158, 160—165, 295, 311
- Экуи Вильгельм д' 158
- Элдред, архиепископ Йоркский 14
- Эли Иоанн де, аббат Фекана 95, 96
- Эллис Г. 46, 294, 295, 311
- Эльрик, держатель Клэр 128
- Эльрик, человек Стиганда 128
- Эльсин, аббат 129
- Эмма, вдова Радольфа 168
- Эмма, дочь Гримбальда 197, 198
- Эмма Пормандская, мать Эдуарда Исповедника 121
- Энгельс Ф. 78
- Энний, древнеримский поэт 60
- Эрменгарда, дочь Людовика II 62
- Эрменгарда, жена Гандольфа 63, 77
- Эрменгарда, жена Радольфа 265
- Эрменсенда, жена графа Намюра 80
- Эсвин 279
- Эстлич Ричард д' 189
- Эстон Иоанн де 185
- Эстон Матвей де 185
- Этельвин, епископ Дарема 125
- Этельвульф, король Уэссекса 124
- Этельред II Перешителный, король Англии 271
- Этельстан, король Англии 123, 140, 291
- Этельстан, предшественник Гуго де Краона 113, 114
- Этельстан см. Гутрум
- Юлиан**, римский юрист 211
- Юлий Павел см. Павел
- Юстиниан, император Византии 12, 108, 212, 241, 249
- Яволен**, римский юрист 223, 226
- Яков из Арены, итальянский юрист 208
- Alstemus см. Гутрум

УКАЗАТЕЛЬ ГЕОГРАФИЧЕСКИХ И ТОПОГРАФИЧЕСКИХ НАЗВАНИЙ

- Абингдон 124, 133, 151
Абловилль 92, 93
Альбион 6
Английский канал 5
Англия 7, 8, 9, 11, 15, 16, 17, 18, 19,
20, 21, 22, 28, 29, 30, 31, 32, 33,
34, 36, 37, 38, 46, 48, 49, 50, 53,
80, 92, 95, 98, 100, 101, 105, 107,
108, 110—117, 126—130, 147,
148, 169, 172, 173, 193, 194, 200,
201, 206, 274, 284, 287, 288, 289,
290, 293, 295, 296, 303, 305, 308,
311, 312, 319—21, 324—327
Алевиль-сюр-Сен 92
Анжер 261
Анжу 8, 260
Аннелтон 275
Арк 96
Арк-ла-Батай см. Арк
Артуа 81-83, 321

Бавария 60, 65
Байс 7, 48, 122, 137
Бат 175
Бедфорд 138, 153
Белинг 163
Бельгия 80, 81
Бенсинтон 142
Бермингем 144
Берчето, аббатство 62
Биланд, аббатство 305
Бланка, лес 86

Блэкмарнстон 179
Бовези 81, 83, 199, 321
Болингброк 175
Бруерн, аббатство 252
Брэмнтон 148
Бургундия 60, 63
Бутервик 271
Бушевро 260
Бэри-Сэнт-Эдмундс 294, 298, 311

Велдрейк 135
Великобритания 5, 10, 11, 16
Вермандуа 52
Вестминстер 14, 50, 110, 122, 123,
131, 167, 189
Вестон 307
Виллар 116
Веплинг 167
Випчестер 120, 121, 124, 252, 300
Вице 288
Вич 122
Восточная Англия 295, 296
Восточная Европа 216
Вустер 118
Вэдшелф 148

Гайда 56
Галлия 54, 69, 71, 317
Гастингс 8, 15, 118
Гемншир 295
Германия 70, 214, 317
Глаервилль 89

- Гластонбери 105, 130, 300, 308
 Глостер 45, 48, 269, 295, 299, 302
 Глостерширгрф 295, 301
 Годвик 144, 155
 Голдхэшир 160
- Дам-Мари 84
 Данбар 291
 Дангледин 252
 Дарем 15, 125, 171, 307
 Девонширгрф 295, 297
 Дербиширгрф 148
 Дин 149
 Дорсет, графство 56
 Дувран 86
- Жюмьеж 84, 91, 120, 121, 265
 Жюмьежское аббатство см. св. Петра аббатство
- Или 117, 118, 120
 Иль-де-Франс 259, 264
 Италия 60, 63, 292, 293, 317
- Йорк 273
 Йоркшир 114, 125, 266, 268—271, 273, 296, 300
- Катен 90
 Кембридж 298
 Кембриджшир 162
 Кентербери 310
 Кирилингтон 253, 254
 Кларендон 132
 Клони 63
 Коквальд 205
 Комньен 287
 Кремона 63
 Кутанс 118, 119, 129, 165
 Кэртон 143
- Ла-Манш 5, 17, 82
 Ла Ферт-Масе 93
- Легбурн 188
 Ле Пре 189
 Лизье 89, 266
 Линкольн 175, 200, 280, 299
 Линкольншир 175, 184, 188, 296
 Литтл-Данмоу 170
 Лич 187
 Лонгфорд 277
 Лондон 7, 123, 140—142, 280, 302
 Лоннон см. Лоннон-сюр-Орж
 Лоннон-сюр-Орж 259
 Луитон 184
 Лукюло 62
 Льеж 80
 Люксембург 81
- Мант, см. Мант-ла-Жоли
 Мант-ла-Жоли 86
 Мерчам 133
 Мёз, департамент 75
 Мерсея 172, 300
 Милан 306
 Мо, аббатство в Йоркшире 268, 270
 Мо, город во Франции 58
 Монмаут 391
 Монсекре 90
- Памюр 130
 Пектон 144, 155
 Пим 75
 Поранг 177
 Пормандия 5, 8, 9, 1, 14, 54, 56, 76, 80, 82—87, 88, 92, 93, 95, 96, 98, 103, 116, 117, 126, 168, 173, 199, 218, 253, 254, 260—267, 278, 288, 293, 294, 305, 319, 321
 Пормантон 185
 Портгумбрия 15
 Порфолк 138, 149, 156, 158
 Потр-д'Ам де Шартр, собор 293
 Поттингемшир 185
 Пьюминстер 56

- Пьюнорт 161
 Пьютон 122, 174

Оксфорд 142, 203, 269, 278, 279
 Оксфордшир 240, 252, 268, 269, 278, 295, 303
 Орваль 81, 89
 Орвел 161
 Орни, департамент 84, 93
 Оусни, аббатство 142

Павия 62
 Певенси 6, 14
 Пемброк 176, 252, 289
 Пемброкшир 252
 Питерборо 45, 204
 Путанж 92
 Пьюмбино 61
 Пьяченца 62

Ракинг 149
 Рапден 160
 Ребе, аббатство 58
 Рейн 70
 Реннс 158
 Роншвилль 263
 Роуль Фил 180
 Руан 86, 95, 180, 267
 Рэмзи 268, 273, 274, 276, 277, 302

Салерно 309
 Сарт 261
 Сассекс 6, 14, 295, 296
 Саутвуд 145
 Саутгемптон 253
 Саффолк 127, 138, 139, 167, 298
 св. Августина аббатство 129
 св. Альбина аббатство 261
 св. Бальдерика аббатство 75
 св. Бенедикта монастырь 302
 св. Вербурги кафедральный собор, Честер 300
 св. Георгия аббатство 180
 св. Давида церковь 252
 св. Дионисия церковь 253, 300
 св. Иоанна монастырь 128
 св. Катерины-дю-Мон аббатство 266
 св. Марии de Bgueiá церковь 252
 св. Марии аббатство Бомон-ле-Тур 90
 св. Марии и св. Этельберга кафедральный собор, Херефорд 179
 св. Марии кафедральный собор, Пим 76
 св. Марии кафедральный собор, Фрейзинг 67
 св. Марии обитель 90
 св. Марии приорат, Лоннон 265, 259, 260
 св. Марии приорат, Снлендинг 307
 св. Марии кафедральный собор, Руан 86, 87
 св. Мартина аббатство, Троарн 264
 св. Павла кафедральный собор, Лондон 140
 св. Петра аббатство, Бат 175
 св. Петра аббатство, Вестминстер 122, 123, 131
 св. Петра аббатство, Глостер 269, 290
 св. Петра аббатство, Жюмьеж 84, 85, 120, 121, 265
 св. Петра аббатство, Ключи 63
 св. Петра аббатство, Прео 89
 св. Петра аббатство, Уитби 272, 280, 302
 св. Петра и Свитуна кафедральная церковь, Винчестер 120, 124
 св. Петра церковь см. св. Петра аббатство, Жюмьеж
 св. Троицы аббатство, Фекан 95, 117, 296, 297
 св. Троицы аббатство см. св. Катерины-дю-Мон аббатство

- св. Юлиана аббатство, Тур 92, 93, 263
 Сейфорд 157
 Сен-Бертен, аббатство 287
 Сен-Дени, аббатство 58
 Сен-Клэр-сюр-Энт 6
 Сен-Месмен де Миси, аббатство 84
 Сентини 96, 97
 Сент-Олбанс, аббатство 177
 Скандинавия 269
 Сомерсетшир 301
 Силлендинг 307
 Стифки 144
 Стокинг 305
 Стригл 290
 Суррей 290
 Сэнктон 135

 Тависток 295
 Твининг 198
 Торни 152
 Торни, аббатство 177
 Тоскана 61
 Тот, кантон 92
 Троарн см. св. Мартина аббатство
 Тур 90, 92, 93
 Тэсбург 165

 Уитби 131, 266, 268, 271, 273—276, 279, 280, 300—303
 Улингвик 187
 Уэльс 11, 103, 252, 301
 Уэссекс 8, 124, 172

 Фекан 95, 96, 116, 296
 Филд Доллинг 149
 Фландрия 80

 Флон, аббатство 80
 Фрейзинг 66, 77, 318

 Халтон 175
 Хантингдоншир 295
 Хартфордшир 177
 Хельгатон 139, 144, 145
 Херефорд 123, 160, 179
 Херефордшир 301
 Холт 144, 158

 Чарвальтон 177
 Честер 300
 Чэм.ли 182

 Шартр 89, 263
 Швеция 283
 Шерборн, епископство 56
 Шерборн, вилла 157
 Шиннон 265
 Шитлингдон 276
 Шотландия 12, 103, 129, 274, 291

 Э, графство 266
 Эбро 155
 Эврё 86
 Эйнсбери 160
 Эйншем, аббатство 240
 Эксетер 122, 305
 Эмилия-Романия 62
 Эсон, департамент 259
 Эссекс 138, 160, 170, 289, 290
 Эстон 185

 Brodertuna 138
 Curtuvadham 84
 Francia 71
 Wlurintuna 297

ПРЕДМЕТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ

- Алеманпская правда 58
алеманн 61, 63
аллод 21, 25, 55, 59, 66, 71—73, 76—
79, 82, 88, 92, 96, 98, 111, 112,
115, 116, 117, 121, 126, 151—153,
251, 263, 311, 312, 315, 318—320,
325
аллодист 173
англосакс 7, 15, 16, 47, 55, 104, 11,
113—115, 121—123, 127, 138—140,
148, 153—155, 161, 165, 166, 320
анжуйский 18, 109, 199
антикварий 115
аппризио 315
аппризионарий 316
ассиза 49, 50, 230, 235, 240
Ассиза о вооружении 105
ассиза о недавнем лишении владе-
ния (о повороте захвате) 192, 199,
200, 234, 239
- Баварская правда 317
баналитет 180, 278
барон 10, 101, 102, 104, 107, 108,
113, 123, 126, 280, 292
барония 126, 301
Белый корабль 10
бенефиций 55, 66, 67, 78, 79, 96,
114, 114—116, 264
бовата 113, 114, 273, 275, 276
бокленд 111, 112, 114, 117, 121, 123,
124, 126, 173, 312, 319, 320, 326
- Вдовья доля 36, 101, 168, 183—186,
229, 266, 308, 309
Великая ассиза 50, 196
Великая хартия вольностей 11, 12,
49, 50, 106, 110, 292
Веронский палимнест 204
Вестминстерские провизии 107
Виллан 16, 19, 35, 135, 139, 194, 195,
216, 223, 237, 239
вилланство 216
виндикационный иск 194, 208
виндикационный процесс 324
виргата 137, 149, 153, 162, 252,
254
- Гайда 115, 133, 137, 149, 151, 153,
160, 161, 164, 299, 302, 303
гельд 138, 303
геррефа 123, 143
герриот 114
герцог 8, 52, 83, 85, 94, 96, 102, 117,
127, 262, 263, 267, 288, 289, 311
321
герцогство 288
глоссатор 23, 204, 208, 212, 224,
226
Глэвилла 10, 11, 50, 50—52, 101,
110, 170, 173, 183, 190, 192, 195,
203, 204, 206, 216, 217, 219, 220,
226, 241, 257, 309, 323
Гражданский кодекс РФ 24
Гражданское уложение 213

- граф 8, 61, 67, 79, 86, 117, 120, 162, 289, 290
графство 18, 32, 101, 102, 104, 105, 107, 108, 110, 119, 138, 147, 148, 151, 170, 236, 237, 249, 258, 268, 289, 295
Датские деньги 18, 47, 126, 271, 274
Датского права область 7, 172, 286, 324
датчанин 48, 284, 288
денарий 93, 94, 126, 290
десятина 90, 92-94, 131, 264, 301
джентри 107
Дигесты 52, 203-205, 210, 211, 215, 216, 222, 223, 225, 233, 235, 258, 323
диоцез 80, 89, 121, 125, 252
домен 29, 86, 88, 90, 101, 102, 107, 118, 135, 196, 241, 274, 275, 301, 302
доминий 30, 117, 207, 208, 212, 218, 234, 235, 236, 241, 246—250, 256, 258
Залог 36, 40, 41, 67, 113, 131, 152, 190-193, 322
Записная книжка 51, 221, 225, 230
Инвеститура 37, 38, 55, 62, 63, 66, 67, 80, 81, 83—85, 94—98, 171, 179, 180, 234, 239, 242, 255, 267, 291, 315, 318, 319, 324
Институции 205
интердикт 194, 199, 210—212
интердикт *unde vi* 199, 205
интердикт *vi armata* 205
Канитулярий 63, 79
Кларендонская ассиза 49, 132
Книга Страшного суда 9, 15, 46, колон 228, 286
коммутация 19, 104, 114
коннетабль 254
конигольд 35
король 8, 10, 11, 18, 21, 22, 32, 33, 48—50, 53, 70, 100, 102—106, 108, 110, 112—115, 118, 119, 125—128, 131, 132, 137—150, 152—154, 156—163, 174, 178, 179, 190, 196, 199, 218, 236, 243, 246, 267, 277, 278, 286, 288, 289, 291, 292, 296, 297, 302, 305, 312, 317, 320, 321, 325
Коронационная хартия 108
Лэнленд 114
либератор 137, 142—152, 155, 157—160
ливр 91, 263
Манор 17, 20, 31, 35, 107, 113, 114, 121, 128, 144, 151, 152, 155, 156, 158, 160, 161, 163, 164, 167, 18, 187, 195, 275, 295, 297, 310
марка 289, 316
маркиз 62
Маркульфа формулярий 58, 72, 171, 317
митгард 40
Мора 6
Панолонеа кодексе 24
нормандское иго 16
норманн 5, 6, 17, 83
Портгемнтонская ассиза 9, 196, 217
Одаль 40
оммаж 19, 44, 106, 114, 176, 189, 197, 217, 218, 236, 243, 245, 322
Палата шахматной доски 10
палатинат 289
нандектист 213, 215
петиторный иск 198, 199, 216, 323

- носсessorный иск 198, 199, 216, 323
 нрбенда 302
 нрекарый 73, 77, 79, 211, 227, 228, 223, 233
 нрессура 315, 317
 нрказ о недавнем лишении владения 192, 195, 196, 199, 201, 229
 нрказ о нраве 178, 196, 198, 199, 236, 237
 нрказ о родстве 238
 нрказ о смерти предшественника 192, 196, 198
 нрказ *ad recuperandam firman* 230
 нрказ *unde nihil habet* 196
 нрокультянцы 211
 нронриетарий 233, 237

 Раб 67, 70, 141, 195, 209, 216
 рабовладелец 209
 рахинбург 72, 76
 Реконкиста 155
 реценция 37, 193, 194, 201—204, 215, 257

 Сабинианцы 211
 саки и соки привилегия 108, 113
 сакс 61
 Саксонское зеркало 67, 88
 Салическая правда 68, 72, 78
 свободное держание см. фригольд
 Селденское общество 49
 сеньория 114
 серв 62, 66, 67, 195
 сервитут 222, 226, 227, 247
 скейтинг 83, 282
 сокаж древний 104
 сокаж свободный 104, 169, 177, 312
 сокмен 104, 117, 137, 138, 144, 149, 150, 157, 159, 161, 162, 173, 271, 320
 солид 47, 67, 93, 117, 126, 127, 180, 279, 298, 302
 сотня 47, 107, 137, 142, 144—147, 151, 152, 154, 159, 160, 161, 164, 165
 статут 22, 49, 106
 субинфеодация 22, 30, 103, 105, 106, 322
 Суд казначейства 110
 Суд королевской скамьи 10, 11, 50, 110
 Суд общих тяжб 10, 110

 Тингман 282, 283
 традиция, нравовая нрцедура 221, 222, 231, 241, 249, 250, 255, 256
 Тэн 15, 98, 114, 118—120, 1250, 126, 154, 159, 160

 Узуфрукт см. также *ususfructus*
 89, 206, 207, 232, 235, 244, 245, 247
 Узуфруктуар 228, 231, 233, 247
 уитан 45

 Фальшион 291
 феодал 17, 19, 21, 22, 29, 36, 42, 44, 77, 78, 89, 104—107, 115, 116, 126, 127, 145, 169, 173—182, 190—192, 196, 197, 224, 229, 231—234, 238, 245, 246, 250, 255, 256, 265, 274, 275, 292, 302, 312, 319, 320
 феодал 27, 29, 30, 31, 216, 273
 феодализм 16—19, 22, 33, 109, 242
 Феодосия кодекс 207
 фирд 18, 124, 126
 фирмарий 227, 230, 231—234, 237, 246, 253, 255
 фригольд 29, 35, 41, 194, 230, 249, 322, 327
 фризы, германское нлемя 61
 фримен 138, 144, 158, 320
 фунт 47, 93, 94, 115, 288
 фьеф см. феодал

- Хартия города Лондона** 141
- Швабское зеркало** 88
 шериф 33, 48, 102, 131, 134, 149, 154, 161, 162, 178, 179, 190, 200, 220, 238, 269
- Щитовые деньги** 29, 104, 105, 126
- Эрл** 15, 98, 114, 154, 290
- Absacire**, правовая процедура 56, 60—65, 68, 73, 74, 77, 80, 133, 317, 318
 abwarpire см. abwarpiscere
 abwarpiscere, правовая процедура 62, 64, 65,
 actio spoli 199
 animus 208—212, 223—225, 229, 257, 258, 323
 Auflassung 68
- Baculus** 259, 260, 262—264, 268—270, 272, 278—282, 284, 285, 287, 294, 299, 300, 303, 310, 312, 324, 325
- Cartae Baronum** 102
 Code civil 43
 Codex 204
 Corpus juris civilis 203, 204
 cultellus 262, 267, 268, 279, 286, 292, 294, 325
- Detentio** 211, 213
 Domesday Book 15, 45
 dominicatura 97
 dominicatus 88
 dominicum 88, 97, 117, 218
 dominium 24, 78, 97, 117, 119, 122, 199, 202, 203, 205—208, 212, 218, 219, 220, 223, 229, 238, 241—245, 247—250, 256, 257, 258, 312, 322—324
- dominium directum 322
 dominium divisum 208
 dominium nudum 243, 246, 248, 272
 dominium proprietatis 206, 248
 dominium utile 322
 dominus 21, 174, 181, 219, 229, 232, 242, 246, 248, 256
 dos 183
 dos ex assensu patris 186
- Essoin** 200
 exfestucatio 65
- Fee farm** 177
 feodi firma 177
 festuca 260, 262, 306, 324, 284
 finalis concordia 45
- Gewere** 37, 66, 315
- In possessione esse** 227, 228, 233, 243, 248
 interdictum unde vi 199, 205, 247
 interdictum ad recuperandam possessionem 200
 interdictum vi armata 205
- Jus utendi fruendi** 237
 jus dominii 248
 jus insistendi 208
 jus possessionis 248
 jus vindicandi 208
- Laenland** 114
 liberatio 98, 100, 127, 136—166, 320
 liberator 136, 148, 190
 lignum 260—262, 264—267, 272, 273
 Littera Florentina 204
 Littera Vulgata 204
 livery of seisin 35, 41

- Mansloth** 83
- Plenaria seisina** 249, 251, 256—258
- possessio** 24, 42, 78, 193, 194, 198, 202, 207, 209, 211, 212, 214, 223, 226, 227, 229, 233, 235, 242, 247, 249, 250, 323
- possessio naturalis** 211, 223
- possessio civilis** 223
- possessor** 70, 229, 234, 240, 243, 248
- proprietas** 22—24, 55, 73, 77, 78, 88, 202, 203, 206—208, 212, 223, 231, 234—236, 238, 241—245, 247, 258, 323
- Quia emptores**, статут 106
- Sacire**, нравовая процедура 68, 69, 71—77, 79, 80, 88, 130, 187, 285, 286, 315, 319
- saisitio** 87, 88
- saisitor** 146, 147
- skjöttning** 283, 284
- subhastatio** 284, 324
- Traditio** 221, 243
- traditio corporalis** 39
- Usus** 232, 241
- usufructus** 202, 207, 212, 232
- Väpnatak** 283, 284
- virga** как символ 85, 260, 262, 267
- virga pastoralis** как символ 259, 262, 267

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие	5
Введение	14
Глава 1. Институты имущественного права в раннее Средне- вековье: сейзина, аллод, инвеститура	55
Сейзина в VII—X вв.: ее разновидности и особенности функционирования	55
Акт <i>absacire</i> в итальянских и южнофранцузских доку- ментах	61
Акт <i>absacire</i> в документах Фрейзингенского епископ- ства	65
Акт <i>sacire</i> в ранних документах	69
Природа имущественных прав и акт <i>sacire</i> /сейзины	76
Общие замечания о сейзине на континенте в XI— XIII вв.	79
Формы ввода во владение в Нормандии и сопредельных областях: сейзина и инвеститура	83
Участие герцогской власти в акте сейзины	86
Сейзина, совершаемая с участием лорда или самостоя- тельно	91
Инвеститура как альтернативная форма обеспечения имущественных прав	94
Глава 2. Нормандское завоевание 1066 г.: сейзина, <i>liberatio</i> и характер англо-нормандского синтеза	100
Нормандское завоевание 1066 г.: социально-экономиче- ский и политический аспекты	100
Разнообразие имущественных отношений в первые деся- тилетия после завоевания	111
Акт сейзины в донормандский период и королевская власть	122

Разнообразие форм сейзины в постнормандской Англии: сейзина и liberatio	127
Общая характеристика института liberatio	136
Формы участия королевской власти в акте liberatio ...	143
Личное участие короля в акте liberatio	143
Письменный документ и представитель короля в акте liberatio	146
Представители местной знати как liberatores	148
Акт liberatio до завоевания	150
Функции акта liberatio в обеспечении имущественных и иных прав	154
Акт liberatio как способ обеспечения целостности вла- дений	155
Акт liberatio в отношении субдержателей-нормандцев .	156
Акт liberatio как форма восстановления прежнего ста- туса	160
Акт сейзины и liberatio: общее и особенное	163
Глава 3. Система имущественных отношений и юридическая практика в раннем общем праве (XII—первая поло- вина XIII в.)	167
Общие замечания о сейзине в XII—XIII вв.	167
Акт сейзины как способ оформления разнообразных иму- щественных прав	172
Акт сейзины в оформлении имущественных прав женщины .	183
Обеспечение актом сейзины владельческих прав на вдовью долю	183
Оформление прав на приданое	187
Залог и способы оформления прав на него	190
Сейзина и английский судебный процесс в раннем об- щем праве	194
Глава 4. Рецензия римского права и институт сейзины в пер- вых трактатах по общему праву (конец XII—середина XIII в.)	202
Имущественная терминология римского права в раннее Средневековье	205
Сейзина в трактате «Глэнвилла»	216

Сейзина как акт в «Глэнвилле» и трактате Брактона	219
Институт владения-сейзины в трактате Брактона	222
Владение двух лиц на одну вещь	228
Causa и два владения на одну вещь	230
Коллизия с фирмарием	233
Владение (сейзина) и <i>proprietas</i> в трактате Брактона . . .	235
<i>Dominium</i> в трактате Брактона	241
<i>Dominium</i> в системе вассальных отношений	242
<i>Dominium</i> как выражение известной полноты имуще- ственных прав	244
<i>Dominium</i> и <i>plenaria seisin</i> a	249
Глава 5. <i>Per baculum et cultellum</i>: символы передачи имуще- ственных прав в Англо-нормандском королевстве . . .	259
Многообразие символов передачи владельческих прав . .	259
Символ <i>baculus</i> в нормандских документах XI—XII вв. . .	262
Символика акта сейзины в Англо-нормандском королев- стве: <i>per fustem et baculum</i>	268
Символ <i>baculus</i> и возможные параллели с ним	281
Потестарные символы англо-нормандской знати: «нож» и меч	286
Функции ножа как символа имущественных и иных прав	296
Символ «нож» и статус имущества	303
Символ «нож» как возможный аналог печати	304
Порча пожей как показатель окончательности сделки	306
Символ «нож» в обряде сейзины	310
Заключение	314
Примечания	328
Библиография	419
Список сокращений	442
Указатель имен	443
Указатель географических и топографических названий	452
Предметный указатель	456